

Пол Джонсон

Популярная история евреев

Посвящается памяти Хью Фрезера, настоящего христианина, который всю жизнь был другом евреев

Эта книга – моя интерпретация еврейской истории. Мнения (и заблуждения), в ней высказываемые, – мои собственные. Однако я в большом долгу перед многими учеными. Я особенно благодарен издателям «Энциклопедии юдаики», которая оказалась для меня бесценным руководством, а также «Истории еврейского народа», ценной компиляции, изданной Х. Х. Бен-Сассоном. Моему пониманию проблемы способствовали фундаментальные исследования С. У. Бэрона, С. Д. Гойтейна и Г. Г. Шолема. Мне также очень помогли работы таких историков, как Сесил Рот, Александр Марис, Александр Альтман, Хайэм Маккоби, Джонатан И. Израэль, Майкл Маррус, Рональд Сэндерс, Рауль Хилберг, Люси Давидович, Роберт Уистрич и Матин Гилберт. Особенно полезными с точки зрения знакомства с еврейскими преданиями для меня оказались книги Сэмюэлл Белкина, Артура А. Коэна и Майера Ваксмана. Хаим Рафаэль и Хайам Маккоби любезно проштудировали весь текст и сделали ряд ценных замечаний и поправок. Я также весьма признателен своему редактору Питеру Джеймсу и своему сыну Даниэлу Джонсону, которые работали с рукописью, и особенно Линде Осбанд, редактору издательства Вайденфельд и Николсон, которая и в этот раз, так же, как и раньше, оказала мне неоценимые услуги при издании моих книг. И в заключение я должен поблагодарить лорда Вайденфельда за смелость, с которой он вдохновил меня на то, чтобы взяться за такую обширную и весьма пугающую тему.

Пролог

Почему я написал историю евреев? На то есть четыре причины. Первая – просто любопытство. Работая над своей «Историей христианства», я впервые в жизни понял масштаб того вклада, которым христианство обязано иудаизму. Дело не в том, что, как меня учили, Новый Завет пришел на смену Ветхому; скорее христианство дало новую интерпретацию древней форме монотеизма, постепенно вылившись в новую религию, которая, тем не менее, вместила очень многое из морали, догм, литургии, установлений и фундаментальных концепций своей предшественницы. И когда я понял это, то решил, что, если обстоятельства позволят, я напишу о народе, который поразил мою веру, исследую его историю от изначальных корней до настоящего времени и попытаюсь сформулировать свое мнение о его роли и значении. Мир привык относиться к евреям, как к нации, которая имела в древности свое государство и оставила свою летопись в виде Библии; ушла с глаз людских на многие столетия; вновь возникла лишь для того, чтобы угодить в нацистскую бойню; и, наконец, создала собственное государство, противоречивое и осажденное. Однако все это – лишь самые яркие эпизоды. Мне же хотелось связать их в единую цепь, найти и исследовать недостающие звенья, собрать их воедино и осмыслить в целом.

Вторая причина – то воодушевление, которое вызвал во мне сам масштаб еврейской истории. Период со времен Авраама до наших дней охватывает почти четыре тысячелетия. Это больше трех четвертей всей истории человеческой цивилизации! И мне, как историку, доставляло наслаждение исследовать весь этот период. Евреи идентифицировали себя ранее, чем почти все существующие на сегодня народы. Они сохранили ее среди ужасающих бедствий вплоть до настоящего времени. Откуда эта невероятная стойкость? В чем сила всепоглощающей идеи, вдохновляющей евреев и обеспечившей их однородность? Коренится она в их природной устойчивости или в их способности приспособливаться, а может быть в сочетании того и другого? Суметь ответить на эти вопросы – достойный вызов исследователю. Третья причина состояла в том, что еврейская история охватывает не только

огромный период времени, но и колоссальное пространство. Евреи внедрились во многие общества и оставили там свои следы. Писать историю евреев – почти все равно, что писать всемирную историю, но при этом рассматривать ее под весьма специфическим углом зрения. Это будет всемирная история глазами просвещенной и понимающей жертвы. Поэтому попытка охватить историю глазами евреев равносильна в каком-то смысле самопознанию. На это обратил внимание Дитрих Бонхоффер, когда находился в нацистской тюрьме. «Мы научились, – писал он в 1942 году, – видеть великие события всемирной истории как бы снизу, с позиции тех, кто был отвергнут, находился под подозрением, подвергался дурному обращению, был безвластен, угнетен и презираем, короче, тех, кто страдал». И опыт этого видения он считал бесценным. И для историка исследование истории евреев позволяет добавить к картине мира новое измерение: взгляд на нее глазами побежденного, глазами неудачника.

И, наконец, эта книга дала мне еще одну возможность подступиться, объективно опираясь на исследование 4000 лет человеческой истории, к ответу на один из самых трудных вопросов, который задает себе человечество: для чего мы на земле? Является ли наша история всего лишь бессмысленной суммой событий? Существует ли принципиальная моральная разница между историей человеческого рода или, скажем, муравьев? Ни один народ не стоял так твердо, как евреи, на том, что у истории есть цель, а у человечества – судьба. Еще в самом начале своего коллективного бытия они верили, что ими найден заданный свыше путь рода человеческого, поводом для коего должно послужить их общество. Причем роль свою они проработали удивительно подробно и героически держались за нее перед лицом невероятных страданий. Многие из них до сих пор веруют в нее. У других она трансформировалась в нечто подобное желанию Прометея даровать людям прогресс силами и средствами самих людей. Взгляд евреев стал прообразом многих великих мечтаний человечества, преисполненных надежд и на Провидение и на Человека. Поэтому евреи оказались в самом центре вечной, неиссякающей попытки дать человеческой жизни достоинство цели. Позволяет ли их собственная история считать, что стоит предпринимать эту попытку? Или она отражает ее тщетность? Я хотел бы надеяться, что отчет о проделанном мной исследовании поможет читателям самим ответить на эти вопросы.

Часть первая ИЗРАИЛЬТЯНЕ

Евреи – самый упорный народ в истории. Доказательство тому – судьба Хеврона. Он находится в двадцати милях к югу от Иерусалима на холмах Иудеи, на высоте примерно километра над уровнем моря. Там, в пещере Махпела, находятся могилы Патриархов. Согласно древнему преданию, там в одной из древнейших гробниц покоятся останки Авраама, основателя иудейской религии и предка еврейского народа. Рядом могила его жены Сарры. В пределах того же сооружения находятся бок о бок могилы их сына Исаака и его жены Ревекки. По другую сторону внутреннего двора еще одна пара могил – Авраамова внука Иакова и его жены Лии. А снаружи сооружения, совсем рядом с ним, находится могила их сына Иосифа. Насколько можно судить, именно отсюда начиналась 4000-летняя история евреев.

Хеврон обладает великой и почтенной красотой. От него веет миром и покоем древних святилищ. Однако его камни являются безмолвными свидетелями непрерывной борьбы и четырех тысячелетий религиозных и политических диспутов. Он был сначала еврейской усыпальницей, затем синагогой, византийской базиликой, мечетью, церковью крестоносцев и, наконец, снова мечетью. Ирод Великий окружил его величественной стеной, которая стоит до сих пор, достигая почти 12 метров в высоту, сложенная из массивных тесаных камней до 7 метров в длину. Саладин украсил усыпальницу кафедрой. Хеврон отражает долгую трагическую историю евреев и их беспримерную способность переносить невзгоды. Здесь Давид был помазан на царство – сначала Иуды (Вторая книга Самуила 2:1-4), а затем

всего Израиля (Вторая книга Самуила 5:1-3). Когда Иерусалим пал, евреи были изгнаны и его заселил Эдом. Он был захвачен Грецией, затем Римом, перестроен, разграблен зилотами, сожжен римлянами, оккупирован поочередно арабами, франками и мамлюками. С 1266 года евреям было запрещено входить в Пещеру, чтобы молиться. Им разрешалось лишь спускаться на семь ступеней возле восточной стены. На четвертой ступени они вкладывали свои просьбы, обращенные к Богу, в отверстие двухметровой глубины, пробитое в камне. Просьбы, изложенные на клочках бумаги, проталкивали палкой, пока они не проваливались в Пещеру. Но все равно просители подвергались опасности. В 1518 г. оттоманские турки устроили кровавую резню хевронских евреев. Но сообщество богословов было возрождено. Временами оно чудом выживало; в его состав входили то ортодоксальные талмудисты, то студенты, изучавшие мистическую каббалу, а то вообще еврейские аскеты, которые нещадно стегали себя, пока кровь не начинала брызгать на святые камни. Здесь евреи приветствовали сначала лже-мессию Шаббетан Цеви в 60-е годы XVII столетия, потом первых христианских паломников нового времени в XVIII веке, светских поселенцев-евреев веком позднее, и английских колонизаторов в 1918 году. Еврейское сообщество, которое никогда не было особенно многочисленным, подверглось жестокому нападению арабов в 1929 году. Новое нападение, не оставившее камня на камне, произошло в 1936 году. Когда израильские войска вошли в Хеврон во время «Шестидневной войны» 1967 года, здесь уже в течение целого поколения не проживало ни одного еврея. В 1970 году было восстановлено скромное поселение, которое сейчас процветает, несмотря на страх и неопределенность.

И когда сегодня историк приезжает в Хеврон, он спрашивает себя: где все народы, некогда населявшие это место? Где все эти ханаанцы и эдомцы? Где древние эллины и римляне, византийцы, франки, мамлюки и оттоманские турки? Они навсегда растворились во времени. Но евреи все еще живут в Хевроне.

Так Хеврон вот уже свыше 4000 лет являет пример еврейского упорства. Он также иллюстрирует удивительную двойственность, проявляемую евреями в вопросах обладания землей. Ни одна нация не демонстрировала так эмоционально в течение столь долгого времени своей привязанности к конкретному кусочку земной поверхности. Но ни одна не демонстрировала и столь же сильной и настойчивой тяги к переселению, такого мужества и умения оторвать свои корни и прижить их на новом месте. Любопытно, что более трех четвертей своей истории существования как народа, большинство евреев жили за пределами земли, которую они считали своей. Так обстоит дело и сегодня.

Хеврон – место, где евреи впервые официально приобрели землю. В главе 23 Книги Бытия описано, как после смерти своей жены Сарры Авраам решил купить пещеру Махпелу и окружающие ее земли в качестве места для погребения своей жены, а в дальнейшем и для себя. Этот текст – один из важнейших во всей Библии; он воспроизводит одно из древнейших и бережно хранимых еврейских преданий, по-видимому, очень дорогое и существенное для евреев. Это, возможно, первый библейский текст, описывающий действительное событие, у которого были свидетели и рассказ о котором передавался затем многократно из уст в уста с подлинными подробностями. Переговоры и церемония покупки описаны очень подробно. Авраам к описываемому моменту был тем, кого теперь называли бы чужаком, мигрантом, хотя он и жил уже долго в Хевроне. Чтобы стать владельцем участка земли, ему необходимо было не только совершить акт купли-продажи, но и получить общественное согласие на него. Интересующая его земля принадлежала некоему уважаемому лицу, хеттеянину Ефрону, западному семиту. Для совершения сделки Аврааму было необходимо заключить сначала формальное соглашение с общиной, «сынами Хетовыми», «народом земли той»; затем сторговаться с Ефроном о цене, 400 сиклей (т. е. кусков) серебра, затем отвесить продавцу деньги и передать их в присутствии старейшин.

Это событие оказалось памятным в жизни небольшой общины; оно включало не просто смену владельца, но и изменение статуса. В Библии прекрасно описан весь сопутствующий этой процедуре ритуал: поклоны, притворство и фальшивые комплименты, торговля и твердость. Но больше всего потрясает читателя и остается в памяти – это четкие слова, с

которыми Авраам приступает к переговорам: «Я у вас пришелец и поселенец»; по заключении сделки вновь подчеркивается, что земля «досталась Аврааму в собственность» от местных жителей (Книга Бытия, гл. 23). В этом первом реальном эпизоде еврейской истории прекрасно показаны двусмысленность и беспокойство, присущие данному народу.

Кто же был этот Авраам и откуда он пришел? Книга Бытия и соответствующие библейские тексты являются единственным свидетельством его существования, причем в письменной форме они возникли, возможно, лет через тысячу после его предполагаемого существования. Ценность Библии как исторического источника была свыше двухсот лет предметом острой дискуссии. Приблизительно до 1800 года среди богословов и мирян преобладала ортодоксальная точка зрения: что повествования Библии внушены свыше и являются истиной как в целом, так и в подробностях, хотя многие богословы, как иудаисты, так и христиане, в течение нескольких столетий настаивали, что ранние книги Библии особенно характерны тем, что многие из их текстов следует воспринимать скорее как символы или метафоры, чем как подлинные факты. С первых десятилетий XIX столетия утвердился новый и все в большей степени «критический» подход, в особенности среди немецких ученых, который отвергал ценность Ветхого Завета в качестве исторического источника и относился к значительной его части как к религиозному мифу. Первые пять книг Библии, или Пятикнижие, характеризовали как устные предания различных еврейских племен, которые были записаны лишь после Исхода, во второй половине первого тысячелетия до н.э. Утверждалось, что эти легенды были старательно отредактированы, отпрепарированы и доработаны с тем, чтобы дать историческое оправдание и засвидетельствовать божественное благословение религиозных верований, обычаев и ритуалов израильского истребления, сложившегося после Исхода. Личности же, описанные в первых книгах, вовсе не являются реальными людьми; это лирические герои или составные фигуры, олицетворяющие целые племена.

Таким образом, не только Авраам и другие патриархи, но и Моисей, и Аарон, Иов и Самсон – все превращались в миф и становились не более материальными, чем Геркулес и Персей, Приам и Агамемнон, Одиссей и Эней. Под влиянием Гегеля и его научных последователей иудейское и христианское откровения, представленные в Библии, интерпретировались отныне как детерминистское социологическое развитие от примитивных племенных суеверий к сложной городской экклезиологии. При этом была отеснена на задний план по-своему уникальная и данная свыше идея о роли евреев, подверглись последовательной эрозии достижения монотеизма Моисея, а в переписанную заново историю Ветхого Завета просочился не только привкус антииудаизма, но даже стало попахивать антисемитизмом. Коллективный труд немецких ученых по изучению Библии стал академической классикой, достигнув высокого уровня убедительности и сложности в учении И. Вельхаузена (1884—1918), чья замечательная книга «Введение в историю древнего Израиля» была впервые опубликована в 1878 г. В течение половины столетия подход Вельгаузена и его школы преобладал в изучении Библии, и многие из его идей влияют на трактовку историками Писания по сегодняшний день. Ряд выдающихся ученых XX столетия, таких как М. Нот и А. Альт, сохранили этот, в основном скептический, подход, отмечая предания эпохи, предшествовавшей завоеванию, как мифические и доказывая, что израильтяне превратились в нацию лишь на земле Ханаанской, причем не ранее XX века до н.э. Само завоевание было, по их мнению, также в основном мифом, а сводилось, в сущности, к процессу мирной инфильтрации. Другие авторы высказывали предположение, что возникновение Израиля связано с выходом общины религиозных зилотов из структуры Ханаанского общества, которое они считали продажным. Эти и другие теории в обязательном порядке отменяли всю библейскую историю до Книги Судей как полный или почти полный вымысел, а фигуры самих Судей считали некоей смесью вымысла и фактов. По их мнению, у истории Израиля не было достаточной фактической основы до эпохи Саула и Давида, когда библейский текст только начинает отражать реальность историй и летописей.

К сожалению, историки редко столь же объективны, сколь им хотелось бы казаться. Библейская история, которая, с точки зрения христиан, евреев и атеистов, содержит верования или предрассудки, восходящие к самым истокам нашего существования, – это область, где объективности особенно трудно, если вообще возможно, добиться. Более того, разные научные специализации связаны с собственными профессиональными искажениями. В XIX и большей части XX столетий в библейской истории преобладали ученые-текстовики, чьи привычки и традиции заставляли (и заставляют) их расчленять библейские повествования на мельчайшие части, выявлять источники и побудительные мотивы тех, кто составлял их, отбирать на этой основе немногочисленные подлинные фрагменты, а затем реконструировать события в свете сравнительной истории. С развитием современной археологической науки, однако, возникла противоположная тенденция, направленная на то, чтобы использовать древние тексты как руководство к поиску материального подтверждения научных положений. Раскопки в Греции и Малой Азии, открытие и раскопки Трои, Кноса и других минойских городов на Крите и микенских городов на Пелопоннесе, а также расшифровка и изучение найденных там документальных памятников реабилитировали историческую достоверность историй Гомера и позволили ученым под оболочкой легенд отыскать немало элементов реальной действительности. Так, и в Палестине и Сирии изучение древних поселений, а также находки и перевод большого количества официальной юридической и административной документации того времени позволили в значительной степени восстановить ценность ранних библейских текстов как подлинно исторических источников. Труды У. Ф. Олбрайта и Кэтлин Кенъон особенно способствовали росту нашей уверенности в реальном существовании мест и событий, описанных в первых книгах Ветхого Завета. Что столь же важно, открытия, сделанные в современных архивах при исследовании материалов, относящихся к II-III тысячелетию до н.э., пролили новый свет на доселе темные места в библейских текстах. Там, где еще полвека назад практически любой раннебиблейский текст расценивался как мифический или символический, акценты существенно сместились: все больше ученых стали считать, что в этих текстах содержится как минимум зерно истины, и стараются его раскрыть. Это не сделало историческое толкование Библии более легким делом. И ортодоксальный и «критический» подход обладали сомнительной простотой. Теперь же мы понимаем, что библейские тексты ведут нас к истине очень сложным и противоречивым путем, но тем не менее действительно ведут.

Таким образом, в настоящее время евреи являются единственным народом в мире, обладающим историческим документом, хотя местами и достаточно неясным, который позволяет им проследить свое происхождение вплоть до весьма далеких времен. Евреи, которым принадлежит авторство Библии в ее более или менее современном виде, повидимому, считали, что их нация, которая считается происходящей от Авраама, могла бы проследить свое происхождение от еще более древних предков, и называли первым прародителем Адама. На уровне наших сегодняшних знаний мы вынуждены признать, что описания, содержащиеся в первых главах Книги Бытия, являются скорее схематичными и символическими, чем фактическими. Главы с первой по пятую, где вводятся такие понятия, как знание, зло, стыд, ревность и преступление, являются скорее разъяснением, чем описанием действительных событий. Тем не менее в них встречаются вкрапления неких рудиментарных воспоминаний. В частности, трудно поверить, что полностью вымышленной является история Каина и Авеля; ответ Каина: «Разве сторож я моему брату?» достаточно правдоподобен и естественен для пристыженного и загнанного человека, на котором лежит печать вины, чтобы за ним не стоял исторический факт. Что потрясает в еврейском описании сотворения мира и человека в сравнении с языческой космогонией, – это полное отсутствие интереса к так сказать механике того, как возник мир и населяющие его существа. У египетских и месопотамских повествователей этот интерес вылился в невообразимую путаницу. Евреи просто предположили изначальное существование всемогущего Бога, который действует, но никогда не описывается и не характеризуется, что придает ему мощь и невидимость самой Природы. В итоге оказывается, что первая глава Книги Бытия, в

отличие от других космогонических построений древности, нисколько не противоречит современным научным объяснениям происхождения Вселенной, в том числе теории «Большого Взрыва».

При этом нельзя сказать, чтобы еврейский Бог отождествлялся бы в каком-то смысле с Природой. Скорее наоборот. Несмотря на полное отсутствие какого-либо зрительного образа, Бог настойчиво преподносится как личность. Книга Второзакония, например, старательно подчеркивает различие между заблуждающимися язычниками, которые поклоняются природе и природным богам, и евреями, которые поклоняются Богу-личности, и предупреждает: «И дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им». Более того, это Бог-личность с самого начала дает абсолютно четкие моральные установки, которые должны соблюдать все его творения, так что в еврейском варианте моральные категории присутствуют и являются обязательными для первых людей с самого начала. И в этом опять же серьезное отличие от языческих вероучений. Таким образом, доисторические разделы Библии образуют своего рода моральный фундамент, на котором покоится вся фактическая структура. Евреи (даже их самые примитивные предки) изображены как существа, наделенные абсолютной способностью отличать истинное от ложного.

Именно наложение, суперпозиция вселенской морали на физическую Вселенную определяет то, как в Библии описывается первый исторически достоверный эпизод, а именно Великий Потоп (см. главу 6 Книги Бытия). В настоящее время уже не вызывает сомнения, что в Месопотамии некогда действительно произошло ужасное наводнение. Первое подтверждение этого получено в 1872 году, когда сотрудник Британского музея Джордж Смит обнаружил описание Потопа в клинописных табличках, найденных А. Х. Лейардом в 1845-51 гг. в библиотеке дворца Сеннахериба в Куйюнджике; в дальнейшем аналогичная информация была обнаружена в табличках из дворца Ашурбанипала. Эти тексты представляют собой позднеассирийскую версию более раннего эпического сказания о Гильгамеше, где речь идет о древнешумерском правителе Урука (IV тысячелетие до н.э.). Еще до ассирийцев память о гигантском наводнении хранили жители Вавилона и Шумера. В 20-е годы нашего столетия сэр Леонард Вули обнаружил и раскопал Ур, важный шумерский город IV-III тысячелетий до н.э., который упоминается в Библии в самом конце доисторического раздела. Исследуя в Уре различные археологические слои, Вули стремился обнаружить материальное свидетельство трагического наводнения. И ему удалось найти осадочный слой толщиной два с половиной метра, который он датировал 4000—3500 гг. до н.э. В Шуруппаке (Сурипак) он также наткнулся на внушительные осадочные отложения и на аналогичный полуметровый слой в Кише. Однако датировки этих отложений и слоя, найденного в Уре, не совпадали. Исследуя данные различных раскопок, которые проводились в начале 60-х годов, сэр Макс Мэллоуэн пришел ко вполне определенному выводу: да, гигантский потоп действительно имел место. Затем в 1965 г. в коллекции Британского музея были обнаружены две таблички, где упоминается Потоп, относящиеся к временам правления в вавилонском городе Сиппаре царя Аммисадука (1646—1626 гг. до н.э.).

Важность последнего открытия состоит в том, что оно позволяет нам пристальнее взглянуть на фигуру Ноя в связи с тем, что Бог, создав человечество, пожалел о содеянном и решил утопить свое создание посредством Потопа. К счастью, водяной бог Энки сообщил о планируемой катастрофе некоему царю-жрецу по имени Зиушудра, который построил лодку и таким образом спасся. Зиушудра – несомненно реальная личность; он был царем в южноавилонском городе Шуруппак около 2900 г. до н.э. Именно в этом качестве он фигурирует в последнем столбце списка шумерских царей. При раскопках в Шуруппаке были действительно обнаружены свидетельства феноменального наводнения, хотя его датировка и не совпадает с датировкой наводнения в Уре по данным Вули. Фигура спасителя Зиушудры, выведенного в Библии под именем Ноя, является первым независимым подтверждением реального существования библейского персонажа.

Надо сказать, что имеется существенное расхождение между библейским описанием Потопа и шумеро-вавилонским эпосом. Ной, в отличие от Зиушудры, как носитель морали прочно вписывается в систему ценностей, сформулированную в самом начале Книги Бытия. Более того, там, где сказание о Гильгамеше упоминает отдельные эпизоды, не объединенные ни моралью, ни историческим контекстом, еврейский вариант рассматривает каждое событие под углом моральных соображений, а все вместе – как некое свидетельство божественного промысла. В этом разница между светской и религиозной литературой и между записью фольклора и сознательно детерминированной историей.

Более того, Ной не просто является первой реальной фигурой в еврейской истории; рассказ о нем предвосхищает ряд важных элементов религии иудаизма. Здесь и забота еврейского Бога о подробностях постройки и загрузки ковчега. Здесь и понятие о фигуре праведника. И, что еще более важно, здесь типично еврейский акцент на высшую ценность человеческой жизни, проистекающую из дарования ее Богом. Именно поэтому сказано в главе 9 Книги Бытия: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию». Это можно считать центральным мотивом иудейской веры, и очень важно, что провозглашается именно в связи с Потопом, первым событием, исторический факт которого имеет небиблейское подтверждение.

В разделах, посвященных Потопу, содержится также первое упоминание о соглашении и первая ссылка на землю Ханаанскую. Но эти темы гораздо более отчетливо прослеживаются позднее, когда перечисляются цари послепотопных времен и речь заходит о патриархах. Мы же теперь можем вернуться к вопросу о личности и происхождении Авраама. В главах 11-25 Книги Бытия Библия повествует о том, что Авраам (первоначально Аврам), потомок Ноя, прибыл из «Ура Халдейского» сначала в Харран, а затем в различные места земли Ханаанской; во время голода он путешествовал по Египту, но вернулся в Ханаан и закончил свои дни в Хевроне, там, где в первый раз купил землю.

Сущность этого библейского повествования исторична, хотя ссылка на халдеев является анахронизмом, так как халдеи не проникали в южную Месопотамию до конца II тысячелетия до н.э., в то время как датировка Авраама относится к намного более раннему времени, ближе к началу того же тысячелетия. Упоминание же в Библии о халдеях понадобилось для того, чтобы те, кто должен был читать Библию в I тысячелетии до н.э., поняли, где находился Ур. Однако у нас нет оснований сомневаться в том, что Авраам прибыл именно из Ура, как утверждает Библия, и это уже говорит нам немало, с учетом данных работ Вули и его последователей. Во-первых, это связывает его с крупным городом, а не с пустыней. Последователи Гегеля, вроде Вельхаузена и его школы, со своей идеей детерминированного развития от простого к сложному, от пустыни к городу, считали, что в начале пути евреев была форменная пастораль, причем примитивнейшая. Однако результаты раскопок, которые произвел в Уре Вули, свидетельствовали о сравнительно высоком культурном уровне. Там, в могиле «Мескаламдуга, героя славной земли», он обнаружил отличный массивный золотой шлем, изготовленный в форме парика, рельефные заколки для волос и ритуальный штандарт для религиозных процессий, украшенный раковинами и ляпис-лазурью. Он откопал также огромную ступенчатую пирамиду-зиггурат; не исключено, что этот храм послужил прототипом для истории о Вавилонской башне. Эта постройка была детищем Ур-Намму из Третьей династии (2060—1960 гг. до н.э.), великого законодателя и строителя, который увековечил себя на стеле (фрагментом ее мы располагаем) в виде рабочего, в руках которого кирка, лопатка и циркуль-измеритель.

Вполне может быть, что Авраам покинул Ур после жизни этого царя и унес с собой в Ханаан рассказ о зиггурате до неба и более древнюю историю о Великом Потопе. Когда же он совершил свое путешествие? Датировка патриархов не настолько безнадежная задача, как полагали некогда. Разумеется, в Книге Бытия датировка допотопных времен носит скорее ориентировочный характер, но не следует пренебрегать возможностями генеалогии, особенно династическими списками древних царей. Список фараонов, составленный в античную эпоху (около 250 г. до н.э.) египетским жрецом Мането, позволяет нам с

удовлетворительной точностью датировать египетскую историю вплоть до Первой династии – 3000 г. до н.э. Беросус, вавилонский жрец и почти современник Мането, оставил нам аналогичный список для Месопотамии, а археологам удалось обнаружить при раскопках еще несколько. Если исследовать в Книге Бытия списки имен, относящиеся к периодам до и после Потопа, мы обнаружим две группы по десять имен в каждой, аналогичные небиблейским литературным записям. Датировки соответствующих персонажей различны при сопоставлении еврейского, греческого и самаритянского текстов, и, вообще говоря, приводимая там продолжительность жизни великовата; однако можно обнаружить некоторую корреляцию между этим списком и жизнями шумерских царей, правивших до Потопа в Шуруппаке. Самый ранний династический список содержит всего восемь имен царей, живших до Потопа; у Беросуса их десять, как в Книге Бытия. По-видимому, связью между этими списками мы обязаны Аврааму, который принес соответствующее предание с собой.

Дать абсолютную временную привязку династического списка месопотамских царей по такому же принципу, как египетских, нелегко, однако сегодня принято относить Саргона и староаккадский период к 2360—2180 гг. до н.э., законодателя Ур-Намму и Третью династию Ура к концу второго тысячелетия – началу первого, а правление Хаммурапи, который был, несомненно, реальным государственным деятелем и творцом законов, к конкретному периоду 1728—1696 гг. до н.э. Есть основания считать, что рассказы о патриархах Книги Бытия связаны с периодом между Ур-Намму и Хаммурапи, который лежит между 2100 и 1550 гг. до н.э.; это – среднебронзовый век. Они не могли существовать позднее, в позднебронзовом веке, поскольку в эту эпоху уже существовало египетское Новое Царство, а в рассказах о патриархах полностью отсутствует упоминание о египетском присутствии в Ханаане. Олбрайт большую часть своей профессиональной жизни пытался разрешить задачу датировки жизни Авраама, двигая даты вперед и назад между XX и XVII столетиями до н.э., пока не пришел к заключению, что Авраам не мог жить до XX и после XIX столетия. Эта датировка представляется разумной.

Возможность грубо датировать жизни патриархов позволяет нам увязать их с археологическими находками и литературными архивами Сирии и Месопотамии Бронзового века. Это важно, поскольку, в свою очередь, дает нам возможность не только подтвердить реальность рассказов о патриархах, но и объяснить ряд эпизодов из их жизнеописания. К числу этих археологических находок относятся выполненные Кетлин Кенъон исследования придорожных могил вблизи Иерихона, напоминающих пещерные захоронения, описанные в 23 и 35 главах Книги Бытия, а также исследования, проведенные Нельсоном Глюком в пустыне Негев, где было обнаружено много поселений патриархального типа, относящихся к среднебронзовому веку. Глюк отмечает, что многие из этих поселений были разрушены через некоторое время после 1900 г. до н.э., что согласуется с содержанием главы 14 Книги Бытия.

Имеющиеся литературные находки весьма многочисленны и наводят на размышления. В 1933 г. А. Перрот провел раскопки древнего города Мари (современный Тель-Харари) на Евфрате в 27 километрах к северу от сирийско-иракской границы и обнаружил архив из 20 000 единиц. За этим последовала расшифровка аналогичного архива из глиняных табличек в древнем Нузи вблизи Киркука, городе хуррийцев (библейских хоритов), входивших в состав царства Митании. Третий архив из 14 000 табличек был обнаружен в Эбле (ныне Тель-Мардих) в северной Сирии. Эти архивы охватывают значительный отрезок времени: Эбла – несколько раньше патриархов, Нузи – XVI-XV вв. до н.э., т. е. несколько позднее, а таблички из Мари относятся к концу XIX – середине XVIII вв. до н.э., что достаточно близко к наиболее вероятной датировке. Вместе они помогают нам создать картину патриархального общества, иллюстрирующую библейский текст. Одним из сильнейших аргументов против утверждения Вельхаузена и др., что, дескать, первые книги Бытия скомпилированы и отредактированы таким образом, чтобы соответствовать религиозным верованиям намного более поздней эпохи, всегда был и есть тот, что многие эпизоды в них

вовсе не решают этой задачи. В них описаны обычаи, которые были явно незнакомы и необъяснимы для тех, кто работал с этими текстами в первом тысячелетии до н.э. и из уважения к тексту и преданиям, дошедшим до них, просто скопировали их, не делая никаких попыток переработки. Некоторые разделы остаются для нас загадочными до сих пор, но многие другие теперь объяснимы благодаря расшифровке содержания табличек.

Среди табличек Эблы и Мари имеются административные и юридические документы, где фигурируют люди с именами патриархального типа, например, Аврам, Иаков, Лия, Лаван, Измаил. В них также много выражений и слов, прямо заимствованных из иврита. Более того, эти незнакомые нам участники судебных процессов сталкивались, оказывается, с теми же проблемами бездетности, развода, наследства, права первородства, что и их библейские тезки. План Авраама сделать одного из своих слуг своим наследником (в связи с отсутствием родного сына), а также его предложение усыновить Емьезера, весьма напоминает практику, принятую в Нузи. В Нузи также встречались прямые параллели с тем, как Авраам, отчаявшись заполучить ребенка от своей жены Сары, решил прибегнуть к услугам ее служанки по имени Агарь, сделав ее официальной наложницей – со всеми неприятными последствиями этого шага для семейной жизни. Брачные контракты, заключавшиеся в Нузи, прямо предусматривали возможность подобного выхода из непредвиденных ситуаций. В одной из табличек из Нузи описывается случай продажи старшим братом права первородства младшему в обмен на трех овец – точь в точь, как Исав передал свое Иакову за похлебку. Табличка из Нузи также рассказывает, как право на наследование собственности было дано в виде устного благословения умирающим; вспомните блестящую сцену в главе 27 Книги Бытия, когда Иаков и его мать Ревекка, сговорившись обманули умирающего его отца, Исаака, и добились того, чтобы он провозгласил Иакова своим наследником. И, наверное, самое потрясающее – то, что в архивах Нузи имеется объяснение библейской истории взаимоотношений Иакова с Лаваном; как нам теперь известно, речь шла об обычной процедуре усыновления. Бездетный Лаван усыновил Иакова, сделав его одновременно наследником; позднее у него появились собственные родные сыновья. Табличка из Нузи гласит:

«Запись об усыновлении, произведенном Нашви, сыном Аршенни. Он усыновил Вуллу, сына Поишенни... После смерти Нашви наследником становится Вуллу. Если у Нашви родится сын, он будет пользоваться равными с Вуллу правами на имущество, но унаследует богов Нашви. Нашви отдал в жены Вуллу свою дочь Нухуйю. Если же Вуллу возьмет другую жену, он утратит свои права на землю и постройки, принадлежавшие Нашви».

Таблички Нузи свидетельствуют, что для местных жителей семейные боги были вроде фамильных заслуг и имели как символическую, так и юридическую ценность; и мы понимаем, что Рахиль украли божков Лавана, чтобы укрепить свое юридическое положение, которое, как она чувствовала, было не слишком заслуженным. Что касается табличек Мари, то они дают примеры ритуала, когда заключение соглашения закрепилось убийством животного, – совсем как Авраам скрепил ритуальным жертвоприношением свой завет с Богом (см. Книгу Бытия, гл. 15).

Теперь мы уже в состоянии разместить Авраама и его потомков в их действительном историческом контексте. В конце третьего тысячелетия до н.э. жизнь цивилизованного международного сообщества была нарушена вторжением с Востока. Захватчики принесли много бед Египту; в районах Азии с оседлым населением археологи обнаруживают внезапный перерыв в эволюции таких городов, как Угарит, Библос, Мегиддо, Иерихон и старая Газа, свидетельствующий о том, что они были разорены и заброшены. Эти люди, которые двигались из Месопотамии в сторону Средиземноморья, говорили на западносемитских языках, одним из которых является иврит. Определенная группа их в месопотамских табличках и настенных надписях именовалась либо иероглифом «са-газ», либо Хапиру (Хабиру). Египетские источники позднего бронзового века также упоминают Абиру, или Хабиру. Следует отметить, что при этом не имелись в виду обитатели пустынь – бедуины, которые жили и живут в тех местах, но именовались совершенно другим образом.

Создается впечатление, что само слово «хабиру» носило оскорбительный характер и означало что-то вроде «живущие вне городов бродяги-разрушители». Но ни в коем случае речь не шла о племенах, которые регулярно кочуют со своими стадами в зависимости от времени года, подобно тем, которые и сегодня встречаются на территории Малой Азии и Ирака. Культура хабиру была выше, чем у большинства кочевых племен. В результате именно потому, что их трудно было классифицировать, они озадачивали и раздражали консервативные власти Египта, которые, кстати, прекрасно умели управляться с настоящими кочевниками. Иногда хабиру служили наемниками. Некоторые поступали на государственную службу. Они работали слугами, медниками, коробейниками. Среди них бывали и погонщики ослов, из которых формировались караваны и торговцы. Случалось, что они приобретали значительное богатство и влияние благодаря своим стадам и сторонникам; тогда у них появлялась тяга к оседлой жизни, приобретению земли и формированию миниатюрных монархий.

У каждой группы хабиру был свой шейх, или военный вождь, который в случае необходимости мог повести с собой в бой пару тысяч последователей. Когда у них появлялся шанс осесть на земле и построиться, вождь называл себя царем, и они начинали группироваться вокруг «великого царя» данного региона. За исключением Египта, который был древнейшей автократической централизованной системой даже в XIX веке до н.э., ни один монарх не располагал абсолютной властью сам по себе. Так, у правившего Вавилоном Хаммурапи всегда находилось в подчинении 10-15 царьков. И, по сути, делом доброй воли регионального властителя было либо разрешить царькам хабиру осесть и стать его вассалами, либо вышвырнуть их силой.

Аналогичная дилемма стояла и перед местными царьками, из более ранней волны иммигрантов, которые успели перейти к оседлому образу жизни. Авраам был вождем одной из этих иммигрантских групп хабиру, причем не самой мелкой: «В доме его имелось 318 рожденных здесь хорошо обученных слуг». В главе 12 Книги Бытия мы наблюдаем его взаимоотношения с центральной властью, Египтом; в главе 14 он и его люди служат наемниками у местного царька в Содоме. Его отношения с властью, не важно, крупной или мелкой, всегда содержат элемент, скажем, неловкости, и в них присутствует и обман. Так, он неоднократно делает вид, что Сара, являвшаяся на самом деле его женой, сестра ему. Теперь-то мы достоверно знаем из табличек, что жена, получившая официальный статус сестры, могла пользоваться большей защитой, чем жена обычная. Площадь пастбищ была ограничена; воды вечно не хватало. Если какая-то оседлая группа хабиру начинала преуспевать, сам факт ее обогащения превращался в источник конфликта – все это выглядит почти сверхъестественным предвосхищением будущих проблем еврейской диаспоры. В главе 13 Книги Бытия так рассказано о причинах, вынудивших Авраама и его племянника Лота разойтись: «И непоместительна была земля для них, чтобы жить вместе, ибо имущество их было так велико, что они не могли жить вместе». В главе 21 Книги Бытия рассказано о споре по поводу прав на «колодезь с водою», который произошел у Авраама в Беершебе (Вирсавии) с людьми местного царя Авимелеха; этот спор завершился заключением союза, скрепленного жертвой животных. Отношения Авраама с Авимелехом, временами довольно напряженные, оставались, тем не менее, всегда мирными и в пределах законности. Иногда в интересах местных царьков, живших оседло, было терпеть хабиру, поскольку из них можно было вербовать наемников. Однако, если «пришельцы и поселенцы» становились слишком многочисленными и сильными, перед местным владыкой вставал выбор: либо выдворить их, либо примириться с риском, что они начнут доминировать в его владениях. Именно поэтому Авимелех сказал сыну Авраама Исааку: «Удалились от нас, ибо ты сделался гораздо сильнее нас».

Весь этот материал из Книги Бытия, посвященный проблемам иммиграции, владения колодцами, договорам и правам по рождению, просто восхитителен, настолько четко он помещает патриархов на их историческое место, свидетельствуя о великой древности и подлинности библейских повествований. Но этот материал перемешан еще с двумя видами

материала, которые определяют действительную цель Библии: описание с точки зрения морали предков избранного народа как личностей и, что еще более важно, происхождения и развития их коллективных взаимоотношений с Богом. Яркость и реализм, с которыми в этих древнейших жизнеописаниях изображены патриархи и их семьи, являются, пожалуй, самой замечательной особенностью этого творения и не имеют аналогов в древней литературе. Среди персонажей можно встретить образы с претензией на типизацию, вроде Измаила – «он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него», но нет стереотипов: каждый персонаж так и выступает из текста словно живой.

Еще более примечательно, пожалуй, то внимание, которое уделено женщинам, ведущая роль, которую они зачастую играют, живость их портрета и эмоциональный заряд. Жена Авраама, Сарра – первый в истории литературы персонаж, который выведен смеющимся. Будучи уже преклонных лет, она узнает, что ей предстоит вынашивать долгожданного сына, она не поверила этому сообщению и «внутренне рассмеялась, сказав: мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар» (Книга Бытия, глава 18). Этот смех ее – горькосладок, печален, ироничен, даже циничен, он в чем-то даже предвосхищает многое из грядущего еврейского юмора. Однако, когда ее сын, Исаак, родился, «сказала Сарра: смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется», и здесь ее смех – веселый, торжествующий; эта радость ее доносится к нам через пропасть четырех тысячелетий. Там есть еще рассказ о том, как Исаак, мягкий и мечтательный человек, глубоко любивший свою мать, Сарру, выбирал себе жену, достойную стать преемницей его матери, и выбрал робкую, но добросердечную и любящую Ревекку; это, пожалуй, первый рассказ в Библии, который трогает нас по-человечески. Еще более волнует, хотя, строго говоря, и не относится к эпохе патриархов, Книга Руфь, где описана взаимная симпатия и преданность двух опечаленных и одиноких женщин, Наоминь и ее снохи Руфи. Их чувства переданы так нежно и достоверно, что читатель инстинктивно чувствует: автор этого рассказа – женщина. Да и песня Деворы, вошедшая в Книгу Судей в виде главы 5, с ее многочисленными женскими образами и победным гимном в честь женской силы и доблести, наверняка является лирическим творением женщины. К тому же анализ самого этого материала показывает, что эта часть Библии относится к наиболее ранней по времени записи; по-видимому, она приобрела свой нынешний вид не позднее 1200 г. до н.э. Это свидетельствует, что женщины играли весьма конструктивную роль в формировании еврейского общества, обладая интеллектуальной и эмоциональной мощью и высокой, я бы сказал, серьезностью.

Вернемся теперь к тому, что ранние разделы Библии содержат всетаки в первую очередь констатацию теологических положений; я имею в виду прямую, чтобы не сказать, интимную, связь между народными вождями и Богом. Определяющей здесь является роль Авраама. Согласно Библии он – предок еврейского народа, основатель нации. Одновременно он являет собой пример в высшей степени хорошего и справедливого человека. Он миролюбив (см. Книгу Бытия, гл. 13), хотя и готов сражаться за свои принципы, великодушен в победе (там же, гл. 14), предан семье и гостеприимен к сторонникам, заботится о благополучии братьев (гл. 18), но прежде всего он богобоязнен и богопослушен (гл. 22, 26). Тем не менее, он не идеален. Это реальный человек, которому не чужды страх, сомнения, даже скепсис; однако он всегда хранит верность Богу и готов следовать его указаниям.

Но если Авраам был отцом-основателем еврейской нации, был ли он также основателем иудейской религии? В Книге Бытия он провозглашает особые отношения евреев с Богом, который един и всемогущ. Однако неясно, можно ли в действительности считать Авраама первым монотеистом. Думаю, что мы спокойно можем отбросить гегельянскую точку зрения Вельхаузена касательно того, что евреи, символом которых является Авраам, есть примитивные выходцы из пустыни. Авраам был знаком и с городами, и со сложными юридическими концепциями, и с достаточно развитыми для своего времени религиозными представлениями. Выдающийся еврейский историк Сало Барон считает его

прото-монотеистом, пришедшим из центра, где развитый культ Луны приобретал зачаточную форму монотеизма. Кстати, имена многих членов его семейства (Сарра, Мика, Фарра, Лаван) имеют отношение к лунному культу. В Книге Иисуса Навина имеется намек на то, что предки Авраама были идолопоклонниками: «даже Фарра, отец Авраама... служил иным богам». В Книге Исаяи, где воспроизводится древнее предание (другие ссылки на него в Библии отсутствуют), говорится, что Господь «искушил Авраама». Движение семитских народов в западном направлении, вдоль дуги «Благодатного Полумесяца», обычно представляется как переселение под давлением экономических факторов. Но важно понять, что побуждения Авраама носили религиозный характер: он считал, что действует по внушению, которое ниспослано ему великим, всемогущим и вездесущим Господом. Вполне, впрочем, возможно, что в это время в его сознании монотеистическая концепция еще не полностью сформировалась, а он только двигался в этом направлении, причем покинул Междуречье именно потому, что тамошнее общество зашло в духовный тупик. Пожалуй, точнее всего было бы назвать Авраама хенотеистом, то есть человеком, который верует в единственного Бога данного конкретного народа и признает право других народов иметь собственных богов. И тогда он становится основателем еврейской религиозной культуры, поскольку провозглашает два ее основополагающих принципа, а именно Завет Бога и дарование Святой Земли. Принцип Завета является беспрецедентным; он не имеет аналогов на древнем Ближнем Востоке. Разумеется, завет Аврааму, будучи персональным, не достигает еще уровня завета Моисею, который был адресован уже целой нации. Но основные принципы здесь уже наличествуют: это, по сути, соглашение о поклонении, послушании в обмен на особую честь; здесь впервые в истории фигурирует Бог этический, своего рода милосердный конституционный монарх, связанный собственными понятиями о справедливости.

Согласно Книге Бытия, где то и дело цитируются диалоги Авраама и Бога, Авраам не сразу осознает важность обретения им этой ноши, что является примером постепенного, развивающегося проявления воли Господней. Окончательно благословение нисходит на Авраама после последнего испытания (Книга Бытия, гл. 22), когда Бог приказывает ему принести в жертву своего единственного сына, Исаака. Этот раздел является важнейшим в Библии, поскольку формулирует один из наиболее драматичных и трудных вопросов во всей истории религии, а именно вопрос о теодиции, чувстве справедливости у Бога. Многие иудаисты и христиане считают этот раздел чуждым по духу, несправедливым, поскольку Аврааму дается приказ совершить нечто не только жестокое само по себе, но и вступающее в противоречие с осуждением человеческого жертвоприношения, которое является одним из краеугольных камней как еврейской этики, так и всех последующих форм иудейско-христианских культов. Великие еврейские философы пытались приспособить этот рассказ к принципам еврейской этики. Филон доказывал, что это свидетельство того, что, дескать, Аврааму чужды все обычаи и чувства, кроме любви к Богу, и он убежден: мы должны быть готовы отдать Богу самое ценное, будучи уверены в том, что справедливый Бог не допустит этой потери. Маймонид считал, что со стороны Бога это вполне справедливая проверка пределов этой любви и богобоязни. Нахманид считал это искушение первой проверкой совместимости божественного предвидения и человеческой свободной воли. В 1843 г. Кьеркегор опубликовал свой философский анализ этого эпизода под названием «Страх и трепет», где изображает Авраама «рыцарем веры», готовым пожертвовать для Бога не только своим сыном, но и этическими идеалами. Большинство еврейских и христианских специалистов по религиозной морали отвергают этот подход, исходя из невозможности противоречия между Господней волей и этическими идеалами, хотя ряд других готовы согласиться с тем, что данный эпизод служит предупреждением: религия необязательно натуралистично отражает этические принципы.

С точки же зрения историка этот рассказ вполне логичен, поскольку Авраам, как подтверждают современные данные, был сыном своего времени, конкретной исторической обстановки, когда было общепринятым скреплять договор («Завет»), принося в жертву

животное. Договор же с Богом неимоверно, бесконечно велик, а потому и скреплять его следует, жертвуя самым любимым в полном смысле слова. Другое дело, что, поскольку субъектом жертвоприношения было человеческое существо, эта акция закончилась ничем, хотя формально ритуальная сторона ее была соблюдена. Исаак был выбран этим субъектом не только потому, что являл собой самую дорогую собственность Авраама; он к тому же еще был и специальным Божьим даром (в соответствии с Заветом) и, подобно всему, что Бог даровал человеку, принадлежал Богу. Тем самым подчеркивалась сама цель жертвоприношения: символически напомнить, что все, чем человек обладает, принадлежит Богу и подлежит возврату. Именно поэтому Авраам называл место этого акта полнейшего повиновения (и, как оказалось, несостоявшегося жертвоприношения) горой Иеговы, Синайского предзнаменования и Великого Завета. Важно отметить, что именно в этом месте в Библии в обещаниях Бога звучит мотив универсальности. Он не только берется приумножить потомство Авраама, но и добавляет: «И благословятся в семени твоём все народы земли».

Теперь мы приближаемся к понятию «избранного народа». Важно понять, что в Ветхом Завете речь идет не просто о справедливости как абстрактной концепции, но о справедливости Господа, которая демонстрируется Господними актами выбора. В Книге Бытия мы встречаемся с несколькими примерами «праведного человека», причем он оказывался нередко даже единственным проповедником: здесь и история Ноя и Великого потопа, и история о разрушении Содома. Авраам тоже праведник, но нигде не говорится, что он был избран Богом как единственный в своем роде или вследствие его достоинств. Библия не является сводом логических аргументов; это исторический труд, где речь идет о событиях, которые для нас загадочны и даже необъяснимы. Она посвящена важнейшим выборам, которые Господь соизволил произвести. Для понимания истории евреев очень важно прочувствовать значение, которое евреи всегда придавали неограниченному праву собственности Бога на его творения. Многие предания евреев специально сформулированы таким образом, чтобы драматизировать этот главенствующий факт. И понятие богоизбранного народа вытекает из стремления Господа подчеркнуть то, что в его власти находятся все его творения. В демонстрации этого фигура Авраама является ключевой. Еврейские мудрецы учили: «Он, кто благословен, владеет пятью специально созданными Им для себя вещами. Это Тора, небо и земля, Авраам, Израиль и Священная Обитель». Мудрецы верили, что Бог мог щедро делиться своими творениями, но сохранял при том свою власть над всем, в особенности над рядом избранных элементов. Выглядит это следующим образом:

«Тот, кто благословен, создал дни и взял себе субботу; он создал месяцы и взял себе праздники; он создал годы и выбрал для себя каждый седьмой год; создав же последние, он выбрал для себя год юбилейный; создав народы, он выбрал для себя Израиль... Создав земли, он вознес над ними для себя землю Израиля, ибо сказано: «Земля— Божова, равно как и все, чем она полнится».

Избрание Божьим промыслом Авраама и его потомков для выполнения особого предназначения и дарование им земли неразделимы в библейской трактовке истории. При этом оба дара ниспосланы не во владение, а во временное пользование: евреи избраны, земля им дарована милостью Божьей, но права эти могут быть и отменены. Авраам одновременно является и живым примером, и вечным символом беспокоящей евреев хрупкости, брэнности их владения. Он «пришелец и поселенец» и остается таковым, даже будучи избран Богом, даже после того, как им с соблюдением всех церемоний была приобретена пещера Махпела. Как постоянно напоминает нам Библия, эту зыбкость владения унаследовали и все его потомки. Господь говорит израильтянам: «И землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня»; и сами люди признаются в том, что они пришельцы и странники у Бога, подобно своим праотцам; и в одном из псалмов царь Давид говорит: «Ибо странник я у тебя и пришелец, как и все отцы мои».

Тем не менее, обещание земли Аврааму носит довольно специфический характер,

причем относится к древнейшей части Библии: «Потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата: Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Ферезеев, Рефаимов, Аморреев, Хананеев, Гергесеев и Иевусеев». Правда, в вопросе о границах существует некоторая путаница, ибо позднее Господь обещает лишь часть вышеуказанной территории: «И дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую». С другой стороны, по поводу второго варианта дарения используется термин «во владение вечное». Это положение, встречающееся и здесь и позднее, означает, что избранность Израиля носит необратимый характер, хотя его владение и может быть временно прервано людским неповиновением Богу. Однако, поскольку обещания Бога носят неотъемлемый характер, эта земля вернется к Израилю, даже если он потеряет ее на некоторое время. Понятие «Обетованной Земли» является особенностью иудаистской религии, и для израильтян, а затем и для евреев вообще, оно было ее важнейшим элементом. Важно то, что евреи сделали пять первых книг Библии, Пятикнижие, основой своей Торы, или веры, поскольку именно эти книги посвящены вопросам Закона Божьего, обещанию земли и выполнению этого обещания. Более поздние книги, несмотря на все их великолепие и широту охвата, никогда не приобретали столь ключевого значения. Они уже не столько откровение, сколько его толкование, и здесь преобладает тема исполненного завета. А самое большое значение имеет собственно Земля.

Если Авраам участвовал в формировании этих основополагающих принципов, то его внуку, Иакову (второе имя – Израиль), предстояло зажечь жизнь конкретного народа, Израиля, после чего его имя и название народа стали неразрывно связаны. Кстати, всегда существовала проблема, как правильно именовать эту нацию. Термин «евреи», строго говоря, нельзя считать удовлетворительным, хотя его часто приходится использовать; дело в том, что наименование «хабиру», от которого слово «евреи» предположительно происходит, означало скорее образ жизни, чем определенную расовую группу. Более того, оно носило уничижительный характер. Термин «евреи» можно встретить в Пятикнижии, где он означает «дети Израиля», но только в том случае, если его употребляют египтяне или сами израильтяне, но в присутствии египтян. Примерно со II века до н.э. с легкой руки Бен-Сиры термин «еврейский» стал использоваться для обозначения языка Библии, а также всех последующих работ, написанных на том же языке. При этом слово постепенно потеряло свой уничижительный оттенок, так что сами евреи и симпатизирующие им представители других национальностей стали зачастую отдавать ему предпочтение перед термином «иудеи» для обозначения национальной принадлежности. В XIX веке, например, термин «евреи» широко использовался реформистским движением в Соединенных Штатах, где сегодня можно встретить такие организации, как Колледж Еврейского Союза (Hebrew Union College) и Союз американских еврейских конгрегаций. Но в целом потомки иудеев старались не называть себя евреями. По мере того как крепло их национальное самосознание, они стали пользоваться как нормативным библейским термином «израильтяне», или «дети Израиля»; именно этим, пожалуй, и знаменателен в наше время Иаков-Израиль.

Забавно, впрочем, и характерно для трудностей, которые вечно возникают в вопросах о тождественности и терминологии понятия евреев, что первое упоминание имени «Израиль» встречается в самом, пожалуй, загадочном и неясном месте Библии, где описывается ночная борьба Иакова с ангелом. Само имя «Израиль» может означать «тот, кто борется с Богом», «тот, кто сражается за Бога», «тот, с кем сражается Бог», «тот, кем Бог правит», а также «опора Божья», либо «опирающийся на Бога». По этому поводу нет единого мнения. Никому также не удалось дать удовлетворительного толкования самому этому эпизоду. Очевидно, что и первые редакторы и переписчики Библии также не понимали его. Но они сознавали, что это некий важный момент в их истории и, не пытаясь приспособить текст к своему пониманию религии, просто воспроизводили его дословно, потому что это Тора, а она священна. В Книге Бытия приведено пространное жизнеописание Иакова, которое по-своему замечательно. Он был совершенно не похож на своего деда Авраама: притворщик, неразборчивый в средствах, скорее стратег, чем боец, политик, ловкач, а кроме того,

мечтатель да еще со склонностью к галлюцинациям. Он преуспел в жизни и занял намного более видное положение, чем его дед Авраам и отец Исаак. В конце концов он добился того, что его предали земле рядом с могилами предков, но до тех пор он настроил множество колонн и алтарей на необъятной территории. При этом его, подобно отцу, считают «странником» в земле Ханаанской. И действительно, похоже, что все его сыновья, за исключением последнего, Вениамина, были рождены в Месопотамии или Сирии. Но именно при его жизни были окончательно прерваны связи с востоком и севером, а его потомки стали уже связывать себя именно с Ханааном; даже когда голод погнал их в Египет, Божественное провидение неумолимо заставило их вернуться.

Будучи лидером нации, Иаков-Израиль был также отцом двенадцати племен, из которых она предположительно сформировалась. Согласно библейскому преданию, все эти племена происходили от Иакова и его сыновей (Рувима, Симона-Левия, Иуды, Иссахара, Завуллона, Вениамина, Дана, Неффалима, Гада, Асира, Ефрема и Манассии). Однако в песне Деворы, древность которой мы уже отмечали, фигурируют лишь десять племен (от Ефрема, Вениамина, Махира, Завуллона, Иссахара, Рувима, Галаада, Дана, Асира и Неффалима). Текст посвящен проблемам военным, и вполне возможно, что Симон, Левий, Иуда и Гад не упоминаются Деборой просто потому, что не должны были участвовать в сражении. Само число двенадцать может быть данью традиции: таково же число сыновей Измаила, Нахора, Иоктана и Исава. Союзы двенадцати племен (иногда шести) были обычным явлением в восточном Средиземноморье и Малой Азии в позднем Бронзовом веке. Греки называли их «амфиктионами» – от термина, означающего «жить поблизости». Объединяющим их фактором могло быть не общее происхождение, а общая преданность одной святыне. Многие текстологи в XIX и XX столетиях отвергали принцип общего происхождения от Иакова и предпочитали видеть в племенных группах далекое родство или вообще считали их в родстве не состоящими, объединяющимися в амфиктионы вокруг израильских святынь, формировавшихся в то время. Однако все эти западносемитские группы, направлявшиеся в землю Ханаанскую, имели в действительности общие корни и находились во взаимном родстве; у них были общие воспоминания, предания и почитаемые предки. Вычленив из Библии истории отдельных племен было бы невероятно сложной задачей, даже при наличии исходного материала. Важным является то обстоятельство, что Иаков-Израиль четко ассоциируется с временем, когда израильтяне впервые стали осознавать свою сущность, но в пределах племенной структуры, которая была для них дорогой стариной. Религиозные и родственные узы этого времени были одинаково сильными, и отделить одни от других было практически невозможно; впрочем, это характерно и для еврейской истории в целом. Во времена Иакова люди все еще носили при себе семейных божков, но уже складывались понятия общенационального Бога. У Авраама имелись собственные религиозные верования, однако он уважительно относился, будучи «пришельцем и поселенцем», к местным божествам, которых собирательно именовали «Эль». Поэтому он платил десятину Эль-Эдиону в Иерусалиме и признавал Эль-Шаддаи в Хевроне и Эль-Олана в Беэршиве. Принятие Иаковом имени Израиль (или Изра-эль) знаменует момент, когда Бог Авраама укореняется в Земле Ханаанской и идентифицируется с израильтянами – потомками Иакова, после чего ему вскоре предстоит стать всемогущим Яхве, монотеистическим богом.

Доминирующее положение Яхве как центральной фигуры религии израильтян послужило прототипом единого Бога, которому в наше время поклоняются и иудаисты, и христиане, и мусульмане. Это положение постепенно укреплялось в течение последующей фазы истории рассматриваемого нами народа: во время переселения в Египет и полного драматизма освобождения от египетского рабства. Из библейского повествования, где Книга Бытия заканчивается смертью Иосифа и о печальных последствиях которой идет затем речь в начале Книги Исхода, следует, что в Египет якобы направилась вся нация. Но это не так. Совершенно ясно, что даже во времена Иакова многие из хабиру (евреев), которых мы должны теперь называть израильтянами, переходили к оседлой жизни в Ханаане, частично захватывая территорию силой. В главе 34 Книги Бытия мы читаем, что сыновья Иакова,

Симон и Левий, совершили яростное и успешное нападение на город Шехем и его царя; это, по-видимому, первый случай, когда во владении израильтян оказался значительный город, который вполне мог стать первым местонахождением национального Бога. Шехем был городом уже в XIX веке до н.э., поскольку упоминается в египетском документе времен правления Сесостриса III (1878—1843 гг. до н.э.); в дальнейшем его окружили циклопической стеной. Фактически это первый город, упоминаемый в Библии (Книга Бытия, гл. 12); именно здесь Авраам получил божественный завет. Шехем расположен вблизи современного Наблуса, название которого восходит к Неаполису, построенному Веспасианом в 72 г. н.э. после повторного завоевания Палестины. Этот город фигурирует у Иосифа, писавшего около 90 г. н.э., и Эйсебия, писавшего до 340 г. н.э., которые сообщают, что древний Шехем находился в пригородах Неаполиса вблизи колодца Иакова. Ясно, что Шехем был не просто захвачен семьей Иакова, но и оставался в ее руках, так как на своем смертном одре тот завещал город своему сыну Иосифу: «Я даю тебе, преимущественно пред братьями твоими, один участок, который я взял из рук Аморреев, мечом моим и луком моим».

Совершенно очевидно, что в Ханаане оставалась значительная часть израильтян, поскольку существует подтверждение их активности и воинственности. В египетских документах, известных под названием «Амарнские грамоты» и датированных 1389—1358 гг. до н.э., т. е. временем, когда египетские фараоны Нового Царства были номинальными владыками Палестины (хотя власть от них постепенно ускользала), перечисляются местные вассалы и их враги. В некоторых из этих документов упоминается еврей по имени Лабайя («Человек-лев»), под началом которого находились другие евреи. Он стал причиной серьезных затруднений для египетских властей и тех, кто с ними сотрудничал; подобно другим хабиру, как показывал опыт египтян, его было трудно заставить подчиняться. В конце концов во время царствования фараона Ахенатена он погиб насильственной смертью. При жизни же он возглавлял небольшое царство вокруг Шехема, которое унаследовали его сыновья.

Насколько нам известно, Шехем находился под контролем израильтян-евреев на протяжении всего пребывания их сородичей в египетском рабстве. Какие-либо упоминания о его взятии во время завоевательной войны Иисуса отсутствуют; однако известно, что, как только израильтяне-захватчики вторглись в холмы к северу от Иерусалима, они возобновили церемонию завета в Шехеме — том месте, где в ней впервые участвовал Авраам. Подразумевается, что к этому моменту он уже был, причем давно, в руках людей, которых израильтяне считали своими единоверцами и братьями по крови. Таким образом, Шехем был, в некотором смысле, первой главной святыней и столицей израильского Ханаана. Это положение важно, поскольку постоянное пребывание заметного числа израильского населения в Палестине в течение периода между приходом потомков Авраама и возвращением из Египта делает библейское описание жизни части нации в Книге Исхода и завоевания в Книге Иисуса Навина гораздо более правдоподобным. Находясь в Египте, израильтяне всегда знали, что у них есть родина, куда можно вернуться и где часть населения является их естественными союзниками; в свою очередь, наличие этой пятой колонны внутри страны позволяло надеяться на успех попытки какой-либо бродячей шайки захватить Ханаан.

Таким образом, временное пребывание и исход из Египта, а также последующие блуждания по пустыне затрагивали лишь часть израильской нации. Тем не менее, этот этап имел чрезвычайно важное значение для эволюции религиозной и этической культуры нации. Это, по сути, ключевой момент в их истории, и евреи всегда признавали его таковым, поскольку именно тогда впервые была во всем величии продемонстрирована воля единого Бога, которому они поклонялись, его способность вывести их из величайшей империи и даровать им обетованную землю. Одновременно было продемонстрировано и многообразие требований Бога, которым они должны были отвечать. До того как они направились в Египет, израильтяне были небольшим народом среди ему подобных, хотя перед ними и

маячило божественное обещание будущего величия. После же возвращения они превратились в нацию, наделенную целью и программой действий, которой было что сказать миру.

В начале и в конце этого периода стоят две наиболее гипнотические личности в истории евреев; Иосиф и Моисей, чья энергия и достижения неоднократно в еврейской истории служили светочем и образцом. Оба были младшими сыновьями в семье и, подобно Авелю, Исааку, Иакову, Давиду и Соломону, сознательно служат в Библии объектами для возвеличивания. Библия показывает, что большинство вождей не рождалось на высоком посту и не облакалось властью от рождения, а обретали их собственными стараниями, сами будучи продуктом божественного промысла. Библия считает бессилие особой формой добродетели, присущей людям, которые не только не обладали властью, но претерпели от нее; однако она также считает добродетелью возвышение тех, кто некогда был слаб и унижен. Ни Иосиф, ни Моисей от рождения не обладали особыми правами и с трудом выжили во времена нелегкого детства и юности; но обоим были дарованы Богом качества, благодаря которым их старания открыли им путь к величию.

Однако на этом аналогии кончаются. Иосиф был крупным государственным деятелем – министром при чужом правителе, как и многие евреи на протяжении последующих трех тысяч лет. Он был умен, способен быстро принимать решения, восприимчив, не лишен воображения. Он был мечтателем, но, сверх того, наделен созидательной способностью истолковывать сложные явления, предсказывать и предвидеть, планировать и управлять. Спокойный, трудолюбивый, способный во всех экономических и финансовых делах, владевший различными тайными познаниями, он прекрасно знал, как служить власти и одновременно использовать ее на благо своего народа. Как сказал ему фараон, «нет столь разумного и мудрого, как ты». Иосифу уделено значительное место в Книге Бытия, и он явно поражал воображение тех древних литераторов – летописцев, которые производили первичную сортировку сказаний и столь искусно компоновали их. В том, что он является исторической фигурой, сомневаться не приходится, тем более что многие из романтических эпизодов его биографии перекликаются с египетской литературой. Так, неудачная попытка жены Потифара совратить его, которая, будучи отвергнута, в ярости клеветает на него, что приводит его в тюрьму, описана в древнеегипетском повествовании «История двух братьев»; папирус с его записью датируется 1225 г. до н.э. Иностранцы часто возвышались при египетском дворе. В XIV веке до н.э. карьеру, подобную Иосифу, сделал некий семит Янхаму, ставший верховным комиссаром Египта при фараоне Эхнатоне. Позднее, в XIII веке, обер-церемониймейстером при дворе фараона Менептаха был семит Бен-Озен. Большинство подробностей египетской биографии Иосифа вполне правдоподобны.

Достоверно известно, что западные семиты проникали в Египет в большом количестве. Их просачивание в дельту Нила началось еще в конце третьего тысячелетия до н.э. Обычно эта иммиграция происходила мирным путем; иногда вполне с определенной целью, в поисках работы и для расширения торговли, иногда – просто из-за голода (вблизи Нила вероятность получить пищевое зерно была максимальна), а иногда – в качестве рабов. Известен текст одного из египетских папирусов, «Анаетаси VI», в котором египетская пограничная стража информирует двор о том, что некое племя пересекло границу в поисках пастбищ и воды. Папирус № 1116а из ленинградской коллекции рассказывает, как фараон милостиво даровал пшеницу и пиво вождям племен, прибывших из Ашкелона, Хазора и Мечиддо. Более того, в течение некоторого времени (с XVIII по XVI в. до н.э.) Египтом правила династия гиксосов, причем имена некоторых из них звучат по-семитски, например, Хиан, Якубхер, и т. д. В I в. н.э. еврейский историк Иосиф, пытаясь подкрепить фактами рассказ об Иходе, цитирует Мането, чтобы связать исход с изгнанием гиксосов в середине XVI века. Однако подробности египетского быта, фигурирующие в Библии, лучше соединяются с более поздним периодом.

Существует убедительное свидетельство того, что период египетского угнетения, который привел к восстанию и бегству израильтян, имел место где-то в последней четверти

второго тысячелетия до н.э., почти наверняка в годы правления знаменитого Рамсеса II (1304—1234 гг. до н.э.). В начале Книги Исхода говорится о египтянах: «И поставили над ним начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами. И он построил фараону Пифом и Раамсес, города для запасов». Рамсес II, величайший строитель из царей XIX династии Нового Царства, организовал широкомасштабные строительные работы в Пифоме, нынешнем Тельер-Ратабе в районе Вади-Туммилат, а также в названном в честь самого фараона Рамсеса, или Пи-Рамесу, нынешнем Сан-эль-Хагаре на притоке Нила под названием Танатис. Эти фараоны XIX династии происходили именно из этой части дельты вблизи библейской земли Гошен, куда при них переехало центральное правительство. На стройках использовалось огромное количество рабов и принудительно направленных сюда рабочих. В лейденском папирусе № 348, относящемся к периоду правления Рамсеса II, говорится: «Раздайте хлеб воинам и тем хабиру, которые доставляют камни для великого столпа в Рамсесе». Однако маловероятно, что сам Исход произошел во время правления Рамсеса. Представляется более точным, что бегство израильтян произошло при его преемнике, Мернептахе. Стела, воздвигнутая в честь победы этого фараона, уцелела до настоящего времени и датируется 1220 г. до н.э. Надпись на ней сообщает, что он выиграл сражение за Синаем, в Ханаане, и называет побежденную сторону словом «Израиль». На самом деле он вполне мог и не победить, так как фараоны зачастую представляют свои поражения и патовые ситуации как собственный триумф; однако ясно, что у него было какое-то вооруженное столкновение с израильтянами за пределами его государственных границ, откуда следует, что к этому моменту израильтяне уже покинули Египет. Кстати, это – первое небиблейское упоминание Израиля. В сочетании с другими свидетельствами, например, расчетами, основанными на Первой книге Царств (глава 6) и Книге Судей (глава 11), мы можем с достаточной уверенностью считать, что Исход произошел в XIII веке до н.э. и завершился примерно к 1225 г. до н.э.

При чтении Книги Исхода наше воображение обычно занято египетской чумой и прочими удивительными вещами, которые предшествовали побегу израильтян, так что мы зачастую совершенно упускаем из виду тот факт, что речь идет о единственном в Древнем Мире случае успешного восстания и побега целого поработанного народа. Это событие стало доминирующим в памяти израильтян, которые в нем участвовали. Для тех же, кто впоследствии слышал, а затем и читал о нем, Исход постепенно потеснил даже сам акт творения в качестве ключевого, центрального события еврейской истории. По-видимому, на границах Египта произошло что-то такое, что убедило свидетелей: сам Господь Бог вмешался непосредственно и решительно в их судьбу. И то, как это было воспринято и отложилось в сознании, заставляет поверить и последующие поколения: эта мощная и уникальная поддержка, оказанная им Богом – самое знаменательное событие в истории народов.

Несмотря на интенсивные многолетние исследования, мы в действительности не имеем представления, где же именно рука Господа спасла Израиль от армии фараона. Наводят на размышления упоминания «Чермного (тростникового?) моря» или просто моря. Это может означать одно из соленых озер, или северный конец Суэцкого залива, или даже край залива Акаба; возможно также, что речь идет о так называемом Сербонском море (озере Сирбонис) в северном Синае, которое, в сущности, является лагуной Средиземного моря. Что мы твердо знаем, это что граница была местами хорошо укреплена и контролировалась повсеместно. Эпизод, который спас израильтян от гнева фараона и который они считали проявлением божественного покровительства, был для них исполнен такого значения, что стал и для них, и для их потомков основой духовного существования. Спросите себя, – говорил им Моисей, – со дня сотворения Богом человека «бывало ли что-нибудь такое, как сие великое дело, или слыхано ли подобное сему?» Или Бог когда-либо раньше «покушался... взять Себе народ из среды другого народа казнями, знаменами и чудесами, и войною, и рукою крепкою, и мышцею высокою, и великими ужасами, как сделал для вас Господь, Бог ваш, в Египте пред глазами твоими»? В Книге Исхода Бог сам указывает Моисею на чудесный характер этих

деяний и объясняет их связь с его дальнейшими видами на народ Израиля: «Вы видели, что Я сделал египтянам, и как Я носил вас как бы на орлиных крыльях, и принес вас к себе. Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов: ибо Моя вся земля; а вы будете у Меня царством священников и народом святым».

Этому выдающемуся событию соответствовала и выдающаяся личность, возглавившая восстание израильтян. Моисей был ключевой фигурой в еврейской истории, осью, вокруг которой все вращалось. Если Авраам был праотцом нации, то Моисей был созидательной силой, формировавшей ее; именно под его руководством и благодаря ему они окончательно выделились в качестве народа, у которого имеется будущее. Моисей, подобно Иосифу, был образцом еврея, но совершенно другого типа и намного более грандиозной фигурой. Он пророк и вождь; человек решительного действия и необычной внешности, способный на страшный гнев и безжалостную решимость; но кроме того, он и человек в высшей степени духовный, склонный к общению с Богом где-нибудь на природе, а также видениям, прозрениям и озарениям. Однако меньше всего его можно было бы назвать отшельником-анахоретом; скорее он олицетворял собой активную духовную силу, ненавидел несправедливость, горячо стремился осуществить свою утопию. Это был не только посредник между Богом и людьми, но и человек, старавшийся обратить свой высший идеализм в практически государственные труды, а благородные идеи – в повседневные дела. А кроме того, он был еще законотворцем и судьей, стремившимся облечь все стороны общественного и личного поведения в строгие рамки нравственности и тоталитарного духа.

Описывая его деятельность, Библия, в особенности Книги Исхода, Чисел и Второзакония, изображают Моисея неким гигантским сосудом, через который свет божественных идей изливался в сердца и умы людей. Но мы не можем не видеть, что Моисей был весьма оригинальной личностью, которая постепенно приобретала опыт, ужасный и облагораживающий одновременно, становясь мощной созидательной силой, способной перевернуть весь мир. Он брал обычные идеи, которые бездумно принимались на веру бесчисленными поколениями, и превращал их в нечто совершенно новое, что последовательно радикально преобразовало мир так, что возврата к прежнему уже не было. Он подтверждает факт, который всегда признавали великие историки и который сводился к следующему: человечество совсем необязательно движется вперед маленькими шажками; иногда оно делает огромный прыжок, побуждаемое энергией отдельной, но выдающейся личности. Вот почему утверждение Вельхаузена и его школы, что Моисей есть продукт позднейшего творчества, а свод его заповедей – изобретение неких жрецов в эпоху после Изгнания во второй половине первого тысячелетия до н.э. (точка зрения, которой и сейчас придерживаются некоторые историки), есть не что иное, как скептицизм, доведенный до фанатизма, и насилие над летописью человечества. Выдумать Моисея – задача, непосильная для человеческого ума, мощь его личности буквально насыщает страницы библейского повествования, где говорится о том, как он некогда вступил на стезю руководства разобщенным народом, который зачастую был не намного лучше испуганной толпы.

Важно подчеркнуть, что при всем своем величии Моисей никоим образом не был сверхчеловеком. Еврейские писатели и мудрецы, борясь с сильной тенденцией древности обожествлять фигуры основоположников, зачастую лезли из кожи вон, чтобы подчеркнуть человеческие слабости и неудачи Моисея. Однако нужды в этом нет, все это и так читается в тексте. Возможно, самая убедительная черта библейского портрета Моисея состоит в том, что он предстает перед нами колеблющимся и неуверенным до трусости, с ошибками и заблуждениями, да и просто глупостями. Он временами раздражителен и, что еще более замечательно, сам с горечью сознает свои недостатки. Довольно необычно слышать, как великий человек признается: «Я тяжело говорю и косноязычен». Менее всего законотворцы и государственные деятели склонны признаваться в дефектах речи. И еще больше потрясает образ Моисея как одинокого, отчаявшегося и обессилевшего человека, согнувшегося под грузом ноши, которую он неохотно взвалил на себя и от которой мечтает освободиться. В

главе 18 Исхода показано, как он добросовестно пытался судить народ, который шел к нему со своими заботами с рассвета дотемна. Посетив Моисея, его тесть Иофор возмущенно спросил его: «Для чего ты сидишь один, а весь народ стоит пред тобою с утра до вечера?» Моисей устало отвечал: «Народ приходит ко мне просить суда у Бога. Когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим, и объявляю уставы Божии и законы его». На что Иофор отвечает: «Не хорошо это ты делаешь. Ты измучишь и себя и народ сей, который с тобою». И предлагает сформировать постоянно действующий и обученный суд, и Моисей, будучи во многих отношениях человеком скромным, готовым прислушаться к добрым советам, поступает так, как предлагает старый человек.

Для Моисея, как он изображен в Библии, характерна вызывающая симпатию смесь героического и человеческого. Ему приходилось демонстрировать уверенность, за которой скрывались сомнения и даже растерянность. Положение обязывало его выглядеть всеведущим; чтобы не дать разбежаться своему народу, ему приходилось изрекать истины громовым голосом и даже если он в чем-то был не уверен, скрывать свои колебания. Отсюда суровость его облика, отсюда его лозунг: «Пусть гора преклонится перед законом». Представляется вполне правдоподобным старинное предание, согласно которому Аарон пользовался намного большей популярностью, чем его великий брат: когда Аарон умер, рыдали все; Моисея же оплакивала лишь мужская половина. В итоге благодаря Библии сегодняшние ее читатели имеют гораздо более цельное представление о Моисее, чем его современники и современницы.

Моисей был не только наиболее влиятельным евреем в дохристианские времена; он был к тому же единственным из них, кто оставил существенный след в Древнем Мире. Греки почитали его наравне со своими богами и героями, особенно Гермесом; его заслугой считали изобретение еврейской письменности, которая явилась предшественницей Финикийского письма и, соответственно, греческого. Эвполем называл его первым мудрецом в истории человечества. Артапан ставил ему в заслугу организацию египетской государственной системы и изобретение различных боевых и промышленных механизмов. По мнению Аристубула, Гомер и Гесиод черпали свое вдохновение из его произведений, и многие древние авторы разделяли точку зрения, что человечество в целом, и греческая цивилизация в особенности, очень многим обязано его идеям. Неудивительно, что древнееврейские писатели отстаивали мнение, что Моисей – ведущий создатель античной культуры. Иосиф говорил, что именно он изобрел само слово «закон», доселе неизвестное в греческом языке, и был первым законодателем во всемирной истории. Филон обвинял философов и законодателей в заимствовании и даже присвоении его идей, считая главными плагиаторами Гераклита и Платона. И совсем потрясающее заявление сделал писатель-язычник Нумен из Апамеи (II век до н.э.), что, мол, Платон – это Моисей, который говорил по-гречески. Древние авторы были не просто убеждены в существовании Моисея, но и считали его одним из тех, кто формировал ход всемирной истории.

Однако среди писателей-язычников сильна и тенденция, восходящая ко второй половине первого тысячелетия до н.э., что Моисей был некоей желчной личностью, создателем странной и антиобщественной религии для узкого круга адептов. Его связывают с первыми всплесками систематического антисемитизма. Гекатий из Абдеры (IV в. до н.э.), написавший историю Египта (ныне утерянную), обвинял его в сектантском противопоставлении своих сторонников остальному человечеству и ксенофобии. Мането (около 250 г. до н.э.) инициировал появление устойчивой легенды, согласно которой Моисей вовсе не еврей, а египтянин, жрец-отступник из Гелиополиса, который дал евреям команду перебить всех египетских священных животных и установить чуждое стране правление. История о мятежном египетском жреце, возглавившем восстание отверженных, включая прокаженных и негров, легло в основу антисемитской «клеветы из Ура», которая в течение ряда столетий с завидным постоянством повторялась и приукрашивалась. Она воспроизводится, в частности, дважды в антисемитских рассуждениях в письмах Карла Маркса Энгельсу. Удивительно, но Зигмунд Фрейд, совсем не антисемит, опирается в своей

последней работе «Моисей и монотеизм» на историю Монето о том, что Моисей был египтянином и жрецом, добавляя к этому обычные рассуждения насчет того, что его религиозные идеи произошли от монотеистического культа Солнца Эхнатона, а также много собственной псевдодокументальной ерунды.

Где бы Моисей ни заимствовал свои идеи, религиозные или правовые (которые были, разумеется, неразрывно связаны в его сознании), он их взял только не в Египте. На самом деле деятельность Моисея была направлена на полное отрицание всего, на чем зиждился древний Египет. Как и в случае переселения с Авраамом из Ура и Харана в Ханаан, мы ни в коем случае не должны считать, что исход израильтян из Египта был вызван исключительно экономическими побуждениями. Это было не просто спасение от тягот. В Библии имеются намеки на то, что эти трудности были вполне переносимы, поскольку моисеево племя имело возможность подкормиться из «египетских котлов с мясом». В целом жизнь в Египте во втором тысячелетии до н.э. была, как правило, более сносной, чем в любой другой части Ближнего Востока. И мотивы у Исхода были несомненно политические. В Египте израильтяне представляли собой значительное и довольно неудобное меньшинство, к тому же растущее численно. В самом начале Книги Исхода приводятся слова фараона, адресованные «своему народу», о том, что «народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас. Перехитрим же его, чтобы он не размножился». Именно опасения египтян, как бы израильтяне не стали слишком многочисленны, были главным побудительным мотивом угнетения, которое специально было направлено на сокращение их числа. В сущности, фараоново рабство было отдаленным, но зловещим предвосхищением гитлеровской программы рабского труда и даже Холокоста; здесь просматривается много параллелей.

Таким образом, Исход был актом политического самоопределения и сопротивления; но он был также, и прежде всего, религиозным актом. Дело в том, что израильтяне всегда были особыми, и египтяне видели их особость и боялись ее. Израильтяне отвергали весь запутанный египетский пантеон, весь дух его, смысл и символику, образовывавшие посвоему столь же энергичную и всепроникающую систему, что и молодая религия Израиля. Подобно тому, как Авраам ощущал тупик, в который зашла религия Ура, так и израильтяне со своим вождем Моисеем, который видел все это яснее остальных, считали мир египетских религиозных верований и обрядов затхлым, невыносимым, отвратительным и зловещим. Уйти означало для них порвать не только с физическим рабством, но и с лишенной воздуха духовной тюрьмой: легкие израильтян в Египте жаждали жгучего кислорода правды и образа жизни, который был бы чище, свободнее и более ответственен. Египетская цивилизация была очень древней и очень в чем-то детской; побег от нее израильтян был заявкой на взрослость.

В этом процессе взросления израильтяне действовали, по большому счету, не только во имя себя, но и во имя всего будущего человечества. Переход к монотеизму, и даже не просто к монотеизму, а к единому и всемогущему Богу, означал одновременно переход к новым этическим принципам и методичному приложению их к человеческим существам. Все это вместе ознаменовало один из великих поворотных моментов в истории, возможно самый великий. Степень его величия можно оценить, рассматривая взгляд на мир египтян, который отвергался израильтянами. Египтяне были чрезвычайно умелыми ремесленниками и обладали безукоризненным художественным вкусом, но их интеллектуальные позиции были предельно устаревшими. Для них было трудно, если вообще возможно, восприятие общих понятий. Им было чуждо ощущение кумулятивного характера времени, как противоположности повторяющимся его проявлениям; поэтому они лишены были ощущения истории, им было чуждо понятие поступательного прогресса. Их понятия о концептуальных различиях между жизнью и смертью, между миром людей, животных и растений носили достаточно зыбкий, смутный характер. Их верования были ближе к циклическим и анимистическим религиям Востока и Африки, чем к тому, что мы привыкли называть религией на Западе. Для них небо и земля отличались количественно, но не качественно, причем небо управлялось царем, в котором воплощался создатель, а земным воплощением

которого был фараон. И небесное и земное царства были имманентно стабильны и статичны, а любое изменение считалось ересью и злом. Характерным для этого статичного общества было отсутствие понятия безличного, неперсонифицированного закона, а потому там отсутствовали кодексы законов, не говоря уже про их письменную форму. Фараон считался источником и господином законов, и его судьи (а суды, конечно, там существовали) собирались по его желанию, дабы претворять в жизнь его произвольные суждения.

В культурах Месопотамии III-II тысячелетий до н.э. взгляд на мир отличался от описанного выше коренным образом. Он был намного динамичнее, но и в то же время запутаннее. Они отвергали понятие единого бога как высшего источника власти. В отличие от египтян, которые постоянно добавляли новых богов в свой пантеон по мере появления теологических трудностей, они верили, что все основные боги уже созданы. Сообщество этих богов осуществляло верховную власть над миром, выбирало главу пантеона (такого, как Мардук) и, если считало это целесообразным, даровало отдельным людям бессмертие. Таким образом, небо все время находилось в некоем состоянии беспокойства, подобно человеческому обществу. В сущности, каждое из обществ являлось аналогом другого, причем связующим их звеном служил зиггурат. Земной монарх не считался божеством – на этом этапе общества Месопотамии редко верили в богоцарей; не был он и абсолютным монархом. Считалось, что он подотчетен богам. Монарх не мог произвольно ввести или ликвидировать какой-либо закон. Фактически личность находилась под защитой космического закона, который считался неизменным. Динамичные, и потому не противоречащие развитию и прогрессу, идеи месопотамского общества были предпочтительнее египетской мертворожденности. Они сулили надежду в противоположность безнадежности и фатализму афро-азиатских норм, характерным примером которых был Египет. В то время как пирамида была гробницей богоцаря, храм-зиггурат был живой связью между землей и небом. С другой стороны, эти идеи не обеспечивали этической основы для жизни, и их результатом была значительная неопределенность при попытке оценить, в пользу чего настроены боги или чего они хотят. Их радость и гнев были произвольны и необъяснимы. Человек бесконечно и вслепую пытался умилизовать их жертвами.

В одном очень важном отношении эти месопотамские общества, расширявшиеся в западном направлении, становились все более и более изощренными: они развивали письменность, и их письмена были намного более эффективны, чем египетские иероглифы и их производные. Сами племена справедливо считали это изобретение источником своей мощи. Они полагали, что, записав закон, вы увеличиваете его силу и делаете его магическим. Начиная с конца третьего тысячелетия правовые системы становились сложнее и насыщеннее и находили свое отражение не только в массиве юридических документов, но и в сводах законов. Распространение аккадского (ассиро-вавилонского) письма и языка побуждало формировать своды законов правителей столь удаленных друг от друга государств, как Элам и Анатолия, среди хурриев и хиттитов, в Угарите и на литорали Средиземного моря.

Самый ранний вариант свода законов Моисея, который, как мы предполагаем, был провозглашен около 1250 г. до н.э., являлся частью еще более древней системы. Первый свод, обнаруженный среди текстов Музея Древнего Востока в Стамбуле, датируемый примерно 2050 г. до н.э., является детищем Ур-Намму, «царя Шумера и Аккада», Третьей династии Ура. Помимо всего прочего, он провозглашает, что на царство Ур-Намму был избран богом Нанной, после чего освободился от нечестных чиновников и установил правильную систему мер и весов. Авраам был наверняка знаком с его положениями. Другой свод, с которым Авраам также мог быть знаком, восходит примерно к 1920 г. до н.э.: это две таблички, находящиеся в Иракском музее, которые были составлены на аккадском языке в древнем царстве Эшнуна и содержат шесть десятков законов, сформулированных богом Тискпаком, который донес их до людей через посредничество местного царя. Гораздо более содержательными являются таблички начала XIX века до н.э., основная часть которых

хранится в Пенсильванском университете, где излагается свод законов царя Липт-Ишрара из Иди, написанный, подобно Ур-Намму, на шумерском языке. Наиболее же впечатляющим из всех является свод законов Хаммурапи, записанный на аккадском языке на двухметровой диоритовой плите, найденный в 1901 г. в Сузе, к востоку от Вавилона и хранящийся в Лувре; датируется 1728—1686 гг. до н.э. Среди более поздних сводов законов отметим среднеассирийские глиняные таблички, вырытые немецкими археологами перед Первой мировой войной в Калат-Шергате (древний Ашур), которые предположительно восходят к XV веку до н.э. и, видимо, ближе всего по времени к законам Моисея.

Видно, что, собирая и составляя кодекс законов Израиля, Моисей имел возможность опираться на довольно большое количество примеров законодательных сводов. Он вырос при дворе, был грамотен. Запечатлеть закон в письменной форме, высечь его на камне – все это было частью акта освобождения от Египта, где, по существу, отсутствовала четкая правовая система, и перемещение оттуда в Азию, где уже существовала законотворческая традиция. Но, хотя в некотором смысле свод Моисея явился частью ближневосточной традиции, его отличия от других древних кодексов настолько многочисленны и фундаментальны, что он представляется чем-то совершенно новым. Во-первых, хотя утверждалось, что остальные кодексы выпущены Богом, они были изложены и преподнесены от имени конкретных царей, как например, Хаммурапи или Иштар; поэтому они поддаются переработке, изменениям и вообще носят светский характер. В то же время согласно Библии авторство законов, изложенных в Пятикнижии, принадлежит исключительно самому Богу, а потому ни одному израильскому царю и непозволительно было, да и не приходило в голову, издать собственный свод законов. Моисей (а впоследствии и Езекиль, продолживший законодательные реформы) был пророком, а не царем, занимался не творением, а передачей законов. Неудивительно, что в его кодексе не делается различия между законом религиозным и светским (они просто совпадают), между законами гражданскими, уголовными и моральными.

Эта неразделимость имеет важные практические последствия. Согласно духу законов Моисея, все их нарушения оскорбляют Бога. Всякое преступление есть грех, всякий грех – преступление. Нарушения законов носят абсолютный характер, и не во власти человека помиловать или сделать для кого-либо исключение. Возмещение убытков, понесенных пострадавшим смертным, является недостаточным; компенсации требует и Бог, а это сопряжено с суровым наказанием. Большинство сводов законов Древнего Ближнего Востока посвящено проблемам собственности, причем сами люди в некотором смысле представляются собственностью, стоимость которой поддается оценке. Кодекс Моисея ориентирован на Бога. Например, в других кодексах обманутый муж может простить неверную жену и ее любовника. Напротив, кодекс Моисея требует предания обоим смерти. Так же, если другие кодексы предусматривают монаршее право помиловать даже в случае убийства, Библия подобное право отвергает, равно как и право богатого человека откупиться от возмездия денежным штрафом; она требует казни за убийство, даже если убит «всего лишь» слуга или раб. Существует и ряд других преступлений, когда гнев господень настолько велик, что никакой денежной компенсации недостаточно. В тех же случаях, когда убийство, телесное повреждение или иное прегрешение носят неумышленный характер, Бог считается менее оскорбленным, и по закону возможна компенсация. Преступивший закон тогда «должен заплатить столько, сколько назначат судьи». В соответствии с кодексом Моисея такой подход возможен, например, если мужчина ударит женщину и у нее случится выкидыш либо если чья-либо смерть явится результатом неосторожности. Во всех более легких случаях следует руководствоваться принципом «око за око, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу»; этот принцип часто понимается буквально, на самом же деле он означает необходимость строгой компенсации за телесные повреждения. С другой стороны, когда имеет место телесное повреждение как результат преступной неосторожности, вступает в силу уголовная ответственность. Так, если бык забодает человека досмерти, быка просто конфискуют, а его хозяин наказанию не подлежит; если же хозяин знал, что его животное

опасно, но не принял необходимых мер, в результате чего погиб человек, то хозяин подлежит смертной казни.

Последнее положение, известное под названием «Закон о бодающемся быке», свидетельствует о том, сколь большое значение придает кодекс Моисея человеческой жизни. Здесь, разумеется, заключен парадокс, как, впрочем, и во всех случаях применения смертной казни. Согласно теологии Моисея человек сотворен по образу Бога, в связи с чем его жизнь не просто драгоценна – она священна. Убить человека – совершить преступление против Бога, притом настолько тяжелое, что за него полагается высшая мера наказания, то есть своего рода конфискация, отъятие жизни; денежного штрафа здесь недостаточно. Таким образом, ужасный факт смерти призван подчеркнуть святость человеческой жизни! В итоге согласно закону Моисея встретили свою смерть многие мужчины и женщины, которые в соответствии со светскими законами окружающих государств могли бы отделаться выплатой компенсации пострадавшим или их семьям.

В результате той же аксиомы верно и прямо противоположное: там, где другие кодексы предусматривают смертную казнь за преступления против собственности, например, за грабеж во время пожара, кражу со взломом, ночное нарушение неприкосновенности жилища либо похищение жены, в кодексе Моисея о таком наказании речь не идет. По сравнению с нарушением прав собственности жизнь человека слишком священна. Кодекс также отвергает искупление чужой вины: за преступления родителей нельзя казнить их сыновей или дочерей, за преступление мужа нельзя заставить жену заняться проституцией. Более того, не только человеческая жизнь является священной; ценной является и личность человека, воплощающая образ Божий. Если, например, среднеассирийский кодекс предусматривает ряд жестоких физических наказаний, включая уродование лица, кастрацию, сажание на кол, забивание досмерти, то кодекс Моисея относится к телу с уважением, сводя жестокость к минимуму. Порка ограничена сорока ударами и должна выполняться «перед лицом судьи», иначе «если ты превысишь эту меру и нанесешь ему ударов более положенного, то отворотится от тебя брат твой». Фактически кодекс Моисея был намного гуманнее любого другого, поскольку, будучи богоцентрированным, он автоматически ставит в центр всего и человека.

Сердцевиной кодекса Моисея является Декалог, Десять Заповедей, где собраны заявления Бога в изложении Моисея (Второзаконие, главы 4, 5). Предполагаемые первоначальные формулировки этих заповедей приведены в Книге Исхода, гл. 20. В этих текстах имеется целый ряд неясностей. Складывается впечатление, что в первоначальном виде заповеди были проще, лаконичнее и только позднее усложнились. Была сделана попытка реконструировать первичную их формулировку, данную Моисеем. В этом виде они распадаются на три группы: заповеди с первой по четвертую посвящены взаимоотношениям между Богом и человеком, с шестой по десятую – между людьми, а пятая выполняет роль моста между этими группами и говорит о родителях и детях. В итоге мы получаем следующее: «Я, Яхве, твой Бог, и ты не должен иметь других богов; ты не должен сотворить себе кумира (идола); ты не должен всуе употреблять имя Яхве; чти субботу; почитай своего отца и мать; не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; не желай чужого». Некоторые из этих этических правил были присущи и другим ближневосточным цивилизациям; существует, например, египетский документ, известный под названием «Заявление о невиновности», в котором душа умершего на последнем суде перечисляет проступки, которых она не совершала. Однако в обстоятельном своде правил, регламентирующих взаимоотношения человека с Богом, которые предлагались народу, принимались им и были запечатлены в его сердцах, в античном мире не было ничего, что могло хотя бы отдаленно сравниться с Десятью Заповедями.

Декалог лег в основу Завета, соглашения с Богом, которое было первоначально заключено Авраамом, возобновлено Иаковом и еще раз возобновлено торжественно и публично Моисеем и всем народом. Современные исследования показывают, что завет Моисея, кратко сформулированный в главах 19-24 Книги Исхода и более обстоятельно в

Книге Второзакония, изложен в форме древнего ближневосточного договора, вроде того, который был заключен гитгитами. В его состав входит некое историческое введение, изложены цели и существо предприятия, перечислены высокие свидетели и предполагаемые выгоды, собственно текст и место хранения табличек, на которых он записан. Однако завет Моисея уникален в том смысле, что это договор не между государствами, а между Богом и народом. Фактически это союз, в результате которого произошло слияние интересов израильского общества и Бога, которого в обмен на защиту и процветание это общество восприняло в качестве тоталитарного правителя, чьи желания определяют все стороны жизни этого общества. Таким образом, Десять Заповедей становятся сердцевинной сложного свода божественных законов, изложенных в Книгах Исхода, Второзакония и Чисел. На закате Древнего Мира ученые-иудаисты свели эти законы в систему из 613 заповедей, содержащую 248 предписаний и 365 запретов.

Эта правовая система касается множества вопросов. Очевидно, что далеко не вся она датируется эпохой Моисея; однозначно это можно утверждать разве что о форме изложения, в которой она дошла до нас. Часть этого материала связана, например, с оседлым земледелием и относится, по всей видимости, к периоду, последовавшему за завоеванием Ханаана. Можно предположить, что она прямо заимствована из ханаанского закона, а в конечном счете восходит к шумерским, вавилонским, ассирийским и хеттским источникам. Однако к этому времени у израильтян уже сформировалось правовое сознание, и они были вполне способны как формулировать новые законоположения, так и творчески перерабатывать те, что они заимствовали у соседей. Старую теорию о том, что возникновение основной массы материала в кодексе Моисея относится ко времени после изгнания, следует в настоящее время отвергнуть. Книга Левит, посвященная в основном ритуально-техническим вопросам и обеспечивающая правовую основу организации религиозной и гражданской жизни израильтян, прекрасно сопоставима с тем, что мы знаем о политической истории израильтян в XIII-XII вв. до н.э. То же можно сказать о Второзаконии, которое является популярным изложением священных текстов Левита. Этот материал касается таких вопросов, как диета, медицина, содержит элементарные сведения о науке и профессиональной деятельности, а также о юриспруденции. Значительная часть его вполне оригинальна, но весь он в целом согласуется с внебиблейскими источниками, посвященными тем же вопросам, которые были составлены на Ближнем Востоке в позднебронзовую эпоху или уже столетиями существовали к этому времени.

Хотя в целом израильтяне времен Моисея были типичными представителями эпохи, мы можем наблюдать зарождение заметных отличий. Так, законы Моисея весьма строги в сексуальных вопросах. Для сравнения: законы Угарита, изложенные в табличках Рас-Шамра, допускали в определенных обстоятельствах внебрачную связь, прелюбодеяние, разврат, кровосмешение. Хетты допускали определенные формы разврата, но не разрешали кровосмешения. Египтяне считали кровное родство не особенно существенным обстоятельством. Израильтянам же, напротив, запрещали все внебрачные формы секса, и у них имелся список степеней родства, препятствовавших вступлению в брак.

Израильтяне, по-видимому, заимствовали часть своих гастрономических ограничений у египтян, но имелось и много различий. Тем и другим было запрещено употреблять в пищу обитателей моря без плавников и чешуи. Впрочем, благочестивые египтяне вообще не ели рыбы. С другой стороны, они могли есть (и ели) различную водоплавающую дичь, что израильтянам возбранялось. Но и тем и другим можно было есть голубей, горлиц, гусей и другую домашнюю птицу, а также куропаток и перепелок. Надо сказать, что большинство правил, установленных Моисеем, базируется скорее на некоей научной основе, чем на предрассудках. Употребление в пищу хищников считалось рискованным, а потому запрещалось; к «чистым» животным относились в основном травоядные, копытные и жвачные: муфлоны, антилопы, косули, горные козлы, лани и газели. Свиньи попадали под запрет, поскольку, будучи носителями паразитов, могли при недостаточной тепловой обработке представлять опасность. Израильтяне не склонны были трогать птиц и животных,

питающихся падалью. Верблюда они считали «нечистым», поскольку он – ценное животное. Что труднее понять, так это почему у них существовал запрет на зайцев и кроликов.

В вопросах гигиены израильские законы обычно продолжали египетские традиции. В материалах, связанных с Моисеем, содержится довольно много медицинских знаний, и значительная их часть пришла из Египта, где медицинские традиции восходят по крайней мере к Имхотепу (около 2650 г. до н.э.). Четыре важнейших египетских папируса с медицинской тематикой даже в виде копий, которыми мы располагаем, старше или примерно того же возраста, что эпоха Моисея. Медицинский опыт часто фигурирует в древних сводах законов второго тысячелетия до н.э., например, в законах Хаммурапи, написанных за 500 лет до Моисея. Однако отметим, что знаменитый раздел Библии, посвященный прокаже, где формируются обязанности специальной категории жрецов в области диагностики и терапии, является уникальным.

Уникальным считается и пристрастие израильтян к обрезанию, хотя к моисеевым временам этот обычай обладал уже древней историей. Эта практика не встречалась ни у ханаанитов, ни у филистимлян, ни у ассирийцев и вавилонян. Зато она была распространена у эдомитов, моабитов и аммонитов, а также египтян. Но ни одна из этих наций не придавала этому обычаю какого-то особого значения, и создавалось впечатление, что во втором тысячелетии до н.э. он постепенно отмирал.

Это подтверждает древность израильского обычая, который впервые упоминается как составная часть авраамового завета, им осуществленная. По мнению выдающегося французского ученого Пэра де Во первоначально израильтяне пользовались этим приемом во время обряда инициации, предшествующего вступлению в брак. В таком виде этот обычай был типичен для древних сообществ, и соответствующая операция производилась в возрасте около тринадцати лет. Однако сын Моисея был обрезан его матерью Сепфорой при рождении (Исход, гл. 4), после чего Моисеем было установлено, что церемониальное удаление крайней плоти должно производиться на восьмой день после рождения (Левит, гл. 12). Таким образом, израильтяне отделили этот обычай от вступления мужчин в пору зрелости и в соответствии с привычкой придавать своим обычаям историческое значение сделали его неотъемлемым символом исторического завета и принадлежности к избранной нации. Отметим, что согласно традиции, которая повелась еще от Авраама, для операции следовало использовать кремневый нож. Обычай сохранялся даже после того, как его перестали соблюдать другие древние народы, в качестве символа единства между народом и его верой. Стремление показать, что евреи отличаются от всех прочих, иронизировал Тацит, было при этом, конечно, не единственным мотивом, но все же имело место, что в свою очередь использовалось в качестве одного из элементов растущего антисемитизма.

Суббота – другое великое и древнее установление, отличавшее израильтян от иных народов, также явившееся зерном будущей непопулярности. Сама идея была, по-видимому, заимствована из вавилонской астрономии; что же касается ее логического обоснования, то в Книгах Исхода и Второзакония неоднократно говорится, что смысл ее состоит в том, чтобы увековечить отдых Бога после творения, освобождение Израиля от египетского рабства и необходимости давать переодическую передышку трудящимся, особенно рабам и рабочей скотине. Этот выходной день – один из крупнейших вкладов евреев в систему отдыха и развлечения человечества. Однако этот день отдыха был еще и духовным праздником, который олицетворял в народных умах избранность нации, так что в конце концов Господь объяснил Иезекиилю, что смысл Субботы в том, что евреи отличались от всех прочих: «Дал им также Субботы мои, чтоб они были знамением между Мною и ими, чтобы знали, что Я – Господь, освящающий их». И это обстоятельство также сыграло роль кирпичика в фундаменте представлений других народов о том, что евреи высокомерно относятся к остальному человечеству.

В это время (около 1250 г. до н.э.) полным ходом шел уже процесс дифференциации евреев с другими народами, и, надо сказать, что духовно в некоторых отношениях они опережали свою эпоху. Но в целом в сравнении с наиболее развитыми нациями они были

достаточно примитивным народом. Даже в духовной жизни у них сохранилось много отсталого, причем столетиями. Любопытно, что при всем своем историзме и правовом сознании они цеплялись за старые предрассудки и узаконивали их. Отсюда многие запреты в области интимной жизни, крови и дел военных. Вера в колдовство была повсеместной и официально санкционированной. Моисей не только беседовал с Богом с глазу на глаз и присутствовал при невероятных чудесах, но также и собственноручно совершал разные магические фокусы. Трюки с превращением посохов и жезлов в змей были в древности любимыми в ближневосточной магии. Они стали и неотъемлемой частью израильской религии, будучи освящены со времен Моисея и Аарона. Первые пророки часто таскали с собой всякого рода магической инвентарь, да, собственно, от них этого и ждали. Мы можем прочесть о волшебных плащах и мантиях вроде тех, что носил Илия и унаследовал Илиша. Седекия сделал себе пару магических железных рогов. Самсон демонстрировал, что сила заключена в волосах; в дальнейшем отражением этого явилась ритуальная тонзура. Пророки вводили себя в состояние экстаза, и не исключено, что пользовались для лучшего впечатления ладаном и наркотиками. В одной-единственной книге Библии перечисляются следующие виды фокусов-чудес: с магнитом, с водой, вызывание болезни, ее излечение, применение противоядия, оживление, вызывание удара молнии, расширение кувшина с маслом и кормление целой толпы.

Тем не менее, израильтяне были первым народом, который пытался систематически давать обоснование религиозных вопросов. Со времен Моисея и по сегодняшний день рационализм является одним из центральных элементов иудаистской веры. В каком-то смысле он может считаться самым центральным, ибо монотеизм в основе своей также есть некая рационализация. Если существует сверхъестественная внеземная сила, то как она может исходить из лесов и источников, рек и скал? Если движение Солнца, Луны и звезд может быть предсказано и измерено, и, значит, подчиняется регулярным законам, то как они могут быть источником сверхъестественной власти, поскольку сами явно являются частью природы?! Откуда же исходит эта самая власть? Не логично ли, по мере того как человек начинает распоряжаться природой, живой и неживой, представлять эту власть исходящей от личности, а следовательно, живой? Но если Бог существует, как может его власть делиться произвольно и неравномерно среди пантеона божков? Идея ограниченного в своих возможностях бога несет в себе противоречие. Если к вопросу о высшей силе подходить с позиций логики, то идея единого, всемогущего Бога-личности, который, будучи бесконечно более могучим и добродетельным, чем человек, неуклонно руководствуется в своих делах системой этических принципов, вытекает отсюда сама собой. С высоты двадцатого века мы видим, что иудаизм – наиболее консервативная из всех религий. Однако в момент возникновения иудаизм был наиболее революционной религией. С этического монотеизма начался процесс разрушения античного мира.

Получив в свое распоряжение концепцию единого всемогущего Бога, израильтяне справедливо сделали вывод, что он не может быть, в отличие от языческих богов, частью мира и даже всем миром; он не есть одна из сил, на которых зиждется вселенная, и даже их совокупность. Его масштабы неимоверно грандиознее, ибо вся вселенная – его творение. Таким образом, израильтяне наделяли своего Бога гораздо большей мощью и сильнее дистанцировались от него, чем это делала любая другая религия древности. Бог есть причина всего, от землетрясений до политических и военных катаклизмов. В мире нет иного источника власти, Бог управляет даже демонами, причем божественная власть уникальна, едина и неделима. И, поскольку Бог не просто больше всего мира, но даже бесконечно больше, всякая попытка представить его абсурдна. А потому пытаться изобразить его равносильно оскорблению. Запрет на изображение Бога хотя и не столь древний, как религия израильтян, но имеет достаточно почтенный возраст и возник вскоре после того, как установился культ монотеизма. Он стал яростным символом религиозных пуритан-фундаменталистов, который им оказалось труднее всего внушить нации в целом. Он стал и наиболее очевидным, зримым отличием религии израильтян и всех прочих народов,

догмой, которой весь мир сопротивляется наиболее энергично: ведь из него следовало, что правоверные израильтяне, а позднее евреи, не могли уважать чужих богов. Отсюда, кстати, вытекала не только исключительность израильтян, но и их агрессивность, так как их учили не только не чтить изображений богов, но и уничтожать их:

«Жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, вырубите священные рощи их. Ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа; потому что имя Его – «ревнитель»; Он – Бог ревнитель. Не вступай в союз с жителями той земли, чтобы, когда они будут блудодействовать вслед богов своих и приносить жертвы богам своим, не пригласили и тебя, и ты не вкусил бы жертвы их. И не бери из дочерей их жен сынам своим, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блужение вслед богов своих».

Этот отрывок из Исхода отражает ужасный страх и фанатизм.

Кстати, израильтяне ошибались, предполагая (если только они действительно предполагали), что использование изображения бога есть признак религиозного инфантилизма. Большинство ближневосточных религий древности вовсе не считали идолов из дерева, камня или бронзы собственно богами. Они считали их удобным средством, при помощи которого рядовые, простые верующие могли зрительно представить себе божество и осуществить с ним духовный контакт. Это всегда служило в римско-католической церкви оправданием для использования изображений, причем не только Бога, но и святых. Порывая с язычеством, израильтяне, конечно, справедливо проводили линию на большую интеллектуализацию божества, двигаясь в сторону абстракции. Это было составной частью их религиозной революции. Но интеллектуализация – процесс трудный, и израильтяне зачастую привлекали себе на помощь словесный портрет божества. В Библии антропоморфизм Бога встречается постоянно.

Есть и еще противоречие. Как может быть человек создан по образу и подобию Божьему, если образ Бога невообразим и потому находится под запретом?

В то же время идея человека, задуманного по божественному образцу, является столь же ключевой в религии, что и запрет идолов-кумиров. В каком-то смысле на ней базируется религиозная мораль, целая структура основополагающих принципов. Ведь если человек олицетворяет образ Божий, то он и принадлежит Богу; эта концепция позволяет человеку усвоить, что он не является полноценным и постоянным владельцем даже самого себя, не говоря уже о чем-нибудь еще, что досталось ему от щедрот Господних. Тело находится в его временном пользовании, и он отвечает перед Богом за все, что он с ним и при его помощи делает. Но из того же принципа следует, что к телесной оболочке человека следует относиться с почетом и уважением. У этой оболочки существуют неотъемлемые права. На самом деле кодекс Моисея представляет собой свод не только обязанностей и запретов, но и прав, хотя и в эмбриональной форме.

Более того: кодекс – простейшая декларация равенства. По образу Божьему создан не только Человек вообще как категория; то же можно сказать и про всех людей по отдельности. В этом смысле все они равны, причем это равенство не отвлеченно-умозрительное. Оно реально во вполне практическом смысле: все израильтяне равны перед Богом, а потому равны и перед законом. Справедливость существует для всех, какие бы ни существовали формы неравенства. В кодексе Моисея в явной и скрытой форме фигурируют различные виды привилегий, однако по основополагающим вопросам они не дают преимущества какой-либо категории верующих. Принятие завета – дело всех; это популярное, даже демократическое решение.

Таким образом, израильтяне создавали новый тип общества. Позднее Иосиф пользовался термином «теократия», определяя ее следующим образом: «весь суверенитет находится в руках Бога». Мудрецы называли это «взвалить на себя ярмо царства небесного». У израильтян могли быть должностные лица различной иерархии, но правили они «по доверенности», ибо Бог создал закон и постоянно вмешивался, чтобы обеспечить его соблюдение. Тот факт, что правит Бог, фактически означает, что правит закон. И поскольку все несли равную ответственность перед законом, система впервые позволила реализовать на

практике двойное преимущество принципа, в соответствии с которым обществом правит закон и все перед ним равны. Филон называл это «демократией», считая ее «лучшей из конституций, обеспечивающих законопослушность». Однако он не понимал под демократией власть всего народа; он определял ее как форму правления, которая «уважает равенство и имеет закон и справедливость для правящих». Пожалуй, еврейскую систему точнее было бы назвать «демократической теократией»; в сущности, именно ею она и была.

В эпоху Моисея израильтяне укрепляли и развивали тенденцию, о которой мы уже говорили, что она являлась подрывной с точки зрения существовавшего строя. Они были угнетенным народом, который поднялся против своего египетского владыки, олицетворявшего самую древнюю и автократическую монархию в мире. Они удалились в пустыню, где обрели свои законы, собравшись на склоне горы (а не в каком-либо давно сформировавшемся городе), обрели их от неистового вождя, который не потрудился даже провозгласить себя царем. Нам не известно точное расположение моисеевой горы Синай. Не исключено, что это какой-либо из действующих вулканов. Нынешний Синайский монастырь всегда был христианским; он наверняка не моложе IV века н.э., а может быть, еще на пару веков старше. Но даже и в этом случае он возник через 1450 лет после того, как Моисей спустился с этой горы. Представляется вероятным, что, после того как израильтяне осели в Ханаане, гора Синай для нескольких поколений оставалась местом паломничества. Однако традиция постепенно иссякла, место было забыто и вряд ли ранние христиане пришли именно сюда. Тем не менее, это полное драматизма место со всей его яростной и ужасной красотой полно своеобразного поэтического очарования. Это прекрасная декорация для акта, которым начинается формирование революционного народа, не признававшего современных ему городов, власти и богатства и способного осознать, что возможен уровень морали выше, чем в окружающем мире. Позднее в словах, исполненных драматизма, Моисей выразил еврейское чувство предельной беспомощности страждущего слуги Господня, который должен в конечном итоге победить; и еще позднее еврейский сектант Святой Павел вопрошал: «Не Господь ли обратил в глупость мудрость мира?» и цитировал Священное Писание: Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну». Но весна этой традиции пришлась на Синай.

С их большим опытом пришельцев и поселенцев для израильтян исход из Египта и блуждания в пустыне и горной стране Синай не представляли ничего особенно нового. Однако этот эпизод, продолжительностью около полувека, в их глазах подтверждал их уникальность, парадоксальность и обособленность. Достоинно удивления, как отмечал еврейский историк Сало Барон, что Бог, которому они поклонялись, несмотря на свое явление на горе Синай, оставался вездесущим, как во времена Авраама: то он поселился в ковчеге, своего рода большой и сложной конуре, то присутствовал в шатре, то действовал, оказывая влияние на результат жребия. Это понятие блуждающей сути существовало уже во времена Храма, и идея, что у Бога нет постоянного места пребывания, легко возобновилась после падения Храма и была впоследствии повсеместно принята в иудаизме. Она довольно естественно вписывается в еврейские понятия универсального, вездесущего, но невидимого Бога. Она также отражает уникальную приспособляемость нации, потрясающую ее способность быстро пускать корни, выдергивать их и затем укореняться на новом месте, достойное восхищения упорство в достижении цели независимо от окружения. Как писал Барон, «краеугольным камнем еврейской веры и практики была скорее религиозная и этническая мощь их стойкости, чем политическая мощь экспансии и завоеваний».

Тем не менее, необходимо вновь подчеркнуть, что израильтяне, хотя и не были слишком усидчивыми, все же не являлись пустынными кочевниками ни по своей природе, ни по склонности. Даже их бродяжничество по Синаю не носило по-настоящему кочевого характера. Основная часть рассказов об Исходе, охватывающих промежуток в тридцать семь лет, концентрируется вокруг завоевания Кадеша (Кадеса), который был богат, в том числе и водой, и принадлежал амалекитянам. Были попытки идентифицировать и некоторые другие

географические пункты, фигурирующие в Исходе. Однако все эти часто предпринимаемые (и, разумеется, интересные) попытки воспроизвести на карте синайский маршрут – всего лишь догадки. Существует интересная гипотеза, что племя левитян, к которому принадлежал сам Моисей и которое вскоре стало претендовать на исключительное право быть священнослужителями, первым поселилось в Кадеше и выработало новую религию. Другие племена к этому времени уже были в Ханаане. Последними пробилась в Землю Обетованную племя Иосифа (из Египта) и кадешские левитяне, которым Моисей уготовил судьбу быть инструментом яростного насаждения культа Яхве. Под их динамичным напором возникло новое израильское общество, катализатором чего послужила религия. Все это возможно, но, увы, недоказуемо.

Начиная с момента прихода в Ханаан и последующего его завоевания историческая картина начинает все более и более проясняться, тем более что все новые археологические открытия подтверждают и дополняют библейские записи. Книгу Иисуса Навина, прозванного впоследствии первым великим полководцем израильтян, можно считать в основном историческим документом, хотя и с важными оговорками. Иисус, сын Навин из племени Эфраима, возглавлял у Моисея службу безопасности; на Синае он был его телохранителем и командовал охраной его шатра. Его военная репутация возникла в результате отчаянной схватки с бандой шейха Амалика, на которую наткнулись в Рефидиме во время странствий по пустыне. Моисей приказал Иисусу «пойти сразиться амаликитянами», сам же он стоял «на вершине холма с жезлом Божиим в руке». Аарон и Ор поддерживали руки престарелого пророка, воодушевляя воинов, «и были руки его подняты до захождения солнца». «И низложил Иисус Амалика и народ его острием меча». Перед своей смертью Моисей передал власть Иисусу, «поставив его... пред всем обществом» на торжественной публичной церемонии. Этот акт сделал его одновременно пророком и военачальником: «И Иисус, сын Навин, исполнился духа премудрости, потому что Моисей возложил на него руки свои».

Так Иисус начал и в значительной степени осуществил завоевание Ханаана. Возможно, он командовал не всеми израильтянами, по крайней мере, вначале. Он не проводил полномасштабного вторжения. Большая часть колонизации происходила в результате инфильтрации либо укрепления положения вассальных племен, которые, как мы видели, закрепились в таких городах, как Шехем. Но случались и многочисленные стычки и длительные осады. Технически цивилизация жителей Ханаана находилась на более высоком уровне, чем у израильтян, и обладала гораздо более совершенным оружием и городами с прочными каменными постройками. В израильском завоевании есть некая атмосфера безрассудства, и это помогает объяснить, почему израильтяне были так безжалостны при взятии городов.

Первым городом, павшим после форсирования реки Иордан, был Иерихон, один из древнейших городов мира. Раскопки Кетлин Кеньон и радиоуглеродная датировка показывают, что его основание восходит к седьмому тысячелетию до н.э. В раннюю и среднюю бронзовую эпоху он обладал мощными каменными стенами; описание мощи его обороны относится к наиболее ярким страницам Библии. Генерал-пророк Иисус приказал священникам носить вокруг города ковчег завета Господня в сопровождении трубачей. Это хождение с трубами из бараньих рогов продолжалось в течение шести дней; на седьмой день, «когда в седьмой раз священники трубили трубами», он отдал команду всем своим людям: «Воскликните, ибо Господь передал вам город». Народ воскликнул «громким голосом», и обрушилась стена города до основания, и «народ пошел в город». В результате значительной эрозии обломков стен исследования Кеньон не смогли установить, каким способом были разрушены стены; сама она предполагает, что произошло землетрясение, которое израильтяне приписали божественному промыслу. Дальше, как повествует Библия, «предали заклятию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом». Мисс Кеньон твердо установила, что в это время город был сожжен и впоследствии очень долго не заселялся, что соответствовало запрету Иисуса и его угрозе:

«Проклят пред Господом тот, кто восставит и построит город сей Иерихон».

Вообще-то Иисус старался по возможности избегать штурма городов. Он предпочитал вести переговоры о капитуляции либо, еще лучше, о мирном урегулировании и установлении союза. Именно так произошло в Гаваоне. Однако, как обнаружил Иисус, его жители обманули его, обговаривая условия соглашения, и хотя он и спас их от мести израильтян, но «определил в тот день, чтоб они рубили дрова и черпали воду для общества». Согласно Библии Гаваон был «город большой», «один из царских городов». Его точное местонахождение было окончательно установлено после Второй мировой войны американским археологом Джеймсом Причардом. Гаваон упоминается в Библии не менее сорока пяти раз, и Причарду удалось подтвердить значительную часть содержащейся в этих упоминаниях информации. Город был центром винодельческого района, его подземные погреба оборудованы 40-литровыми чанами для хранения вина. На ручках не менее двадцати пяти из них Причард обнаружил буквы ГВН – Гаваон. Потеря города считалась таким серьезным уроном, что пять аморрейских царей попытались вернуть его. Иисус бросился на помощь городу из Галгала, ведя с собой «весь народ, способный к войне, и всех мужей храбрых» – в это время в его распоряжении была уже небольшая регулярная армия, – и разбил аморреян в довольно беспорядочном сражении, которое происходило во время сильнейшей грозы с камнепадом(!): «больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, которых умертвили сыны Израилевы мечем». Затем, согласно Библии, последовала драматическая сцена. Чтобы завершить разгром аморрейской армии, Иисусу не хватило светового дня, и он воззвал к Господу со следующей просьбой: «Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аналонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим».

Затем Иисус одержал еще более важную победу – над Иавином, царем Асора, который пытался сколотить коалицию в северной части Ханаана, чтобы противостоять израильским захватчикам. Он собрал огромную армию, которая множеством была подобна «песку на берегу морском», однако Бог «колесницы их сожег огнем». Затем «возвратившись, Иисус взял Асор, и царя его убил мечом... И побили все дышущее, что было в нем, мечом, предав заклятию; не осталось ни одной души; а Асор сожег он огнем». В 1955-59 гг. тщательные раскопки Асора были проведены главным археологом Израиля Игалом Ядином. Он обнаружил остатки большого и прекрасного города, нижняя часть которого занимала около 80 гектар, а цитадель – примерно 10; его население составляло порядка 50 000 жителей. У него были крепкие ворота и мощные стены. И здесь, в полном соответствии с библейским описанием, были явные следы пожара и разрушения, относящиеся к XIII в. до н. э, времени израильского завоевания. Среди развалин храма бога луны Ваала Хаммана Ядин обнаружил старательно изуродованную стелу, изображавшую жену бога Танит с поднятыми руками; видно, что воины Иисуса выполнили приказ «разрушить их алтари».

Несмотря на впечатляющие победы Иисуса, к моменту его смерти Ханаан никоим образом нельзя было считать полностью завоеванным. Консолидация израильских поселений, сокращение числа уцелевших городов и окончательная оккупация побережья потребовали в общей сложности более двух столетий. Этот процесс был закончен с образованием объединенного Израильского царства в конце тысячелетия. Различные израильские племена действовали независимо друг от друга и иногда даже воевали между собой. У них было множество различных врагов: ханаанские анклавы, племена бедуинов, а затем и новая угроза в виде надвигавшихся с побережья филистимлян. Им необходимо было также восстановить города и землю разбитых ими хананеев. В Книге Иисуса Навина Бог говорит им: «И дал я вам землю, над которой ты не трудился, и города, которых вы не строили, и вы живете в них; из виноградных и масличных садов, которых вы не насаждали, вы едите плоды». Многочисленные данные раскопок подтверждают, что израильтяне сильно уступали своим ханаанским предшественникам в области мирной техники, особенно в строительстве и производстве керамики. Детям Израиля было чему поучиться.

Палестина, страна хоть и маленькая, отличается большим разнообразием ландшафтов;

на ее территории находятся сорок районов с различными географическими и климатическими условиями. Это придает стране неповторимое очарование и красоту. Однако вместе с тем это способствовало племенной раздробленности и затрудняло объединение. Традиция равенства, уже сильно укоренившаяся у израильтян, широкого обсуждения, жарких споров и дебатов сделала их враждебными по отношению к идее централизованного государства, когда необходимо платить большие налоги на содержание постоянной профессиональной армии. Они предпочитали, чтобы рекруты племен несли воинскую службу бесплатно. Книга Судей, охватывающая историю первых двух столетий оседлой жизни, создает впечатление, что над израильтянами было больше руководства, нежели они были готовы терпеть. Эти «судьи» не являлись национальными руководителями, которые бы приходили к власти последовательно. Обычно каждый из них управлял одним племенем, так что они вполне могли оказаться современниками. Поэтому по поводу создания каждой военной коалиции необходимо были вести специальные переговоры; как говорил Варак, вождь Кедеша Нафталимова, воину-пророчице Деворе: «Если ты пойдешь со мною, пойду; а если не пойдешь со мною, не пойду». При всем своем несомненном историзме и бездне пленительной информации о позднебронзовой эпохе на территории Ханаана, Книга Судей содержит немало мифического материала и вымысла вперемешку, так что довольно трудно вывести из нее последовательную историю этого периода.

Это, впрочем, не имеет особого значения, поскольку в Книге Судей содержится гораздо более ценная информация. Во-первых, она свидетельствует о довольно демократическом и меритократическом характере израильского общества, где положение людей определялось их способностями. Эта книга повествует о харизматических героях низкого происхождения, которые выдвинулись благодаря собственной энергии в сочетании с божественным покровительством. Так, когда царь моавитский Еглон (шейх, которому принадлежал оазис – «город Пальм») стал угнетать часть иемикийцев, Господь «воздвигнул им спасителя» в лице левши – Аода; отмеченная его особенность в те времена считалась серьезным недостатком, особенно для бедняка. Аод был настолько низкого социального положения, что не имел оружия. Поэтому он «сделал себе меч с двумя остриями, длиною в локоть» и спрятал его под плащом. Собрав при помощи местных израильтян дар для шейха, он под предлогом вручения дара добился аудиенции. Еглон, очень тучный человек, «сидел в прохладной горнице, которая была у него отдельно». Аод вынул свое самодельное оружие, «воткнул его шейху в живот, и тук закрыл острие, ибо Аод не вынул меча из чрева его, и он прошел в задние части». Это успешное политическое убийство, выполненное с большой отвагой и мастерством, выдвинуло Аода в местные командиры, после чего он покорил Моав, «и покоилась земля восемьдесят лет».

Не только бедному левше, но даже и женщине удавалось выдвинуться в военачальники благодаря своему героизму. Другой персонаж из страны оазисов, Девора, была яростным религиозным мистиком, она пророчествовала и пела. Жила Девора под пальмой, и местные жители «приходили к ней на суд». Эта выдающаяся женщина, жена некоего Лapidора (о котором более ничего неизвестно), организовала коалиционную армию против Иавина, одного из главных царей Ханаана, и разбила его войско. И как будто этого было мало, разгромленный ханаанский генерал спрятался в шатре еще более свирепой израильской женщины Иаиль, «жены Хевера Кенеянина» (Каин-янина). Иаиль уложила его спать, выдернула кол от шатра, «взяла молот в руку свою, и подошла к нему тихонько, и вонзила кол в висок его так, что приколола к земле». После чего Девора исторгла из себя ужасный и прекрасный гимн-поэму во славу победы и этого омерзительного и предательского акта насилия.

Был еще некий Иеффай, человек предельно низкого происхождения, сын проститутки, которого еще совсем юным старшие братья выгнали из дома из-за ремесла его матери. У Иеффая не было выбора, и он подался на пустоши, где сколотил шайку: «И собрались к Иеффаяу праздные люди, и выходили с ним». Когда аммонитяне напали, этого главаря банды, в прямую противоположность тому, что становилось типичным для израильской

истории, отыскивали видные деятели местных властей, которые попросили его возглавить военные действия. Он согласился, но при условии, что останется на руководящем посту и в мирное время. После удивительной попытки мирных переговоров с соседями (сюжеты в Книге Судей обычно основательно закручены; этот, конкретный, любопытен тем, что напоминает современные религиозно-дипломатические процедуры) Иеффай обратился к Богу с молитвой о помощи и дал довольно неординарный обет. С божьей помощью он разгромил врага «поражением весьма великим... и смирились аммонитяне». Что касается условий обета, данного Богу Иеффаем, то они состояли в том, что он принесет в жертву того, кто выйдет ему навстречу из дому по его возвращении. Случилось так, что встречать его вышла с «тимпанами и ликами» единственная дочь. Согласно этой странной и ужасной истории, Иеффай чувствовал себя обязанным исполнить клятву и принести в жертву свое дитя; дочь же смиренно восприняла свою судьбу и попросила только отсрочки на два месяца, чтобы она с подружками могла уйти в горы и «оплакать девство свое». Имя этого невинного и трагически погибшего создания нам неизвестно.

Наиболее странное впечатление в Книге Судей производят три главы, посвященные взлету, падению и мученической смерти Самсона. Это был еще один низкородный член общества, назарец, с длинными, неужоженными волосами, посвященный, каким-то неясным нам способом божественному служению. Несомненно, что Самсон, несмотря на мифические элементы в повествовании, превращающие его в израильского Геракла, является реальной личностью, в которой странным образом смешались несовершеннолетний преступник и герой, супермен и недоумок с параноидальной тягой к насилию, вандализму, поджогам, распущенности и падшим женщинам. Он являет собой прекрасный пример линии, которую последовательно проводит Книга Судей, а именно: Богу и обществу зачастую великую службу оказывают полукриминальные личности, отверженные и неудачники, которые благодаря своим подвигам становятся народными героями, а затем и канонизируются религией. По своей религиозной природе Израиль был пуританским обществом, но примечательно, сколь часто Господь обращал свой взор на грешников и благожелательно воспринимал их обращение к нему. Тот же Самсон, обесчещенный, ослепленный, в медных оковах, кричит Богу: «Господи Боже! вспомни меня, и укрепи меня только теперь, о, Боже! чтобы мне в один раз отомстить Филистимлянам за два глаза мои». И Бог, по-видимому, откликнулся, хотя в Библии прямо об этом не говорится. Некоторые из подвигов Самсона относятся к наименее правдоподобным из описанных в Книге Судей, но в целом фон, на котором разворачивается его история, вполне реалистичен. В описываемую эпоху давление со стороны филистимлян, надвигавшихся со стороны побережья, становилось все более ощутимым, хотя они и не вели открытой войны с израильянами, а Самсон не возглавлял армию. Напротив, существовали постоянные контакты, торговый обмен и даже заключались смешанные браки, чему имеются археологические подтверждения: так, в израильском городе Бет-Шемеш были обнаружены предметы филистимлянского происхождения. Чудеса Книги Судей всегда возводятся на фундаменте правды.

Отметим здесь вторую особенность рассматриваемого периода. Израильяне все в больших масштабах пользовались даром воображения, о котором мы уже говорили. С этой точки зрения Книга Судей – величайшее собрание рассказов во всемирной литературе. Они связаны тематическим единством, но потрясающе разнообразны по фабуле. Заслуживает восхищения то, какими скромными средствами достигается желаемый результат. Буквально одной-двумя фразами лепится образ, который так и рвется со страниц; изобретательно найденная подробность оживляет фон повествования; сам рассказ быстр и динамичен.

Здесь мы впервые встречаемся с такой особенностью Библии, как вроде бы излишняя, но особенно точная деталь. Так, в главе 12 нам сообщают, что при попытке уцелевших ефремлян переправиться через реку Иордан, галаадитяне заставляли их произнести слово «шибболет». Они прекрасно знали, что ефремляне не выговаривают согласный звук «ш», и стоило человеку сказать «сибболет», как его разоблачали и убивали на месте. Эта подробность не имеет существенного значения для повествования, но она, по-видимому, так

потрясла рассказчика (как, впрочем, поражает и наше воображение), что ему и в голову не пришло опустить ее. С таким же подходом мы встречаемся и в истории юного Давида в Первой Книге Самуила (Царств), когда Давид симулирует сумасшествие перед гефским царем Анхусом: «...и чертил на дверях, и пускал слюну по бороде своей», что вызывало у Анхуса следующую возмущенную реакцию: «Разве мало у меня сумасшедших, что вы привели его, чтобы он юродствовал предо мною?» Или посмотрите, как старается донести до нас блистательный автор Второй Книги Самуила яркие подробности деяний служившего офицером у Соломона Ванея, сына Иодая, «великого по дела»: «Он поразил двух сыновей Ариила Моавитского; он же сошел и убил льва во рве в снежное время. Он же убил одного египтянина, человека видного; в руке египтянина было копьё, а он подошел к нему с палкою, и отнял копьё из руки египтянина, и убил его собственным его копьём».

Этот инстинкт израильтян не был просто (или главным образом) литературным – он был историческим. Любовь израильтян к прошлому была столь сильной, что они стремились насытить свои повествования колоритной информацией, даже если дидактическая цель этого была неясной или вообще не существовала. Истории в Книгах Судей и Самуила – не просто короткие рассказы. Это – сама история. В Книгах Самуила они начинают превращаться в Великую Историю. В израильско-еврейской литературе этого периода нет бесцельности языческих мифов и хроник. Повествование подчинено основной задаче: рассказать историю, одновременно возвышающую и угрожающую, о взаимоотношениях людей с Богом; и, поскольку цель настолько серьезна, рассказ должен быть точен; во всяком случае, сам автор в душе должен быть в этом убежден. Таким образом, это – история, и очень поучительная для нас, тем более что в ней идет речь об эволюции государственного устройства, о войнах и завоеваниях.

При всей своей наивности, Книга Судей по-своему отражает трансформацию израильского общества, его вынужденный переход от демократической теократии к ограниченной монархии. В начале Книги, в главах 6-8, мы знакомимся с историей Гедеона, еще одного бедняка низкого происхождения, который «выколачивал пшеницу в точиле», но был произведен Господом в «мужа сильного». Первоначально Гедеон был довольно мелким командиром, когда под его началом было всего 300 воинов. В дальнейшем же ратные успехи его были таковы, что ему впервые в израильской истории предложили основать наследственную монархию: «И сказали израильтяне Гедеону: владей нами ты и сын твой и сын сына твоего; ибо ты спас нас из руки мадианитян». На это Гедеон ответил: «Ни я не буду владеть вами, ни мой сын не будет владеть вами; Господь да владеет Вами». Этот добрый и скромный человек, отвергнув корону, подчеркнул тем самым, что Израиль оставался теократическим обществом.

Тем не менее, ряд историков считает, что дом Гедеона имел вполне реальные шансы превратиться в династию, если бы сын Гедеона, Авимелех, не оказался форменным чудовищем и не совершил одно из самых ошеломляющих преступлений, описанных в Библии, умертвив семьдесят (!) своих братьев. Эта трагедия поставила крест на династических перспективах дома Гедеона, но любопытно, что далее значительная часть Книги Судей намекает на принципиальные недостатки раздробляемой племенной структуры, вновь и вновь повторяя мораль: «В те дни не было царя у Израиля, и каждый делал то, что ему казалось справедливым». История Иеффая кончается кратким, но бурным эпизодом гражданской войны в Израиле. Последние три главы Книги Судей повествуют о зверском изнасиловании наложницы некоего левита, которое произошло в городе Гиве Вениаминовой и привело к жестокому столкновению между вениамитянами и другими племенами – своего рода миниатюрной Троянской войне. А пока племена Израиля сражались между собой, нарастала угроза со стороны филистимлян. Конечно, форму изложения этого материала можно было бы считать (как и делают некоторые ученые) роялистской пропагандой постфактум, однако факты говорят сами за себя: внешняя угроза заставила племена сплотиться, и Израилю пришлось пойти на централизованную систему военного командования, которой попросту не было альтернативы.

Филистимляне были намного более грозным противником, чем коренные хананеи, которых израильтяне постепенно лишали собственности и превращали в рабов-илотов. Правда, в Библии неоднократно встречаются намеки на то, что израильтяне чувствовали свою вину за захват земли у хананеев (удивительно похоже на угрызения совести у израильтян конца XX века по поводу бездомных палестинских арабов). Впрочем, израильтяне благополучно справлялись со своими угрызениями, ссылаясь на то, что завоевание – дело богоугодное: «За нечестие народов сих Господь изгоняет их отмща твоего». Что же касается филистимлян, то их агрессивность несомненна. Они были составной частью одной из наиболее грабительских рас позднебронзовой эпохи, так называемых Народов Моря, которые уничтожили то, что оставалось от крито-миносской цивилизации, и были близки к захвату Египта. Когда великий фараон XIX династии Рамсес III изгнал их из поймы Нила в битвах, которые прекрасно изображены в Карнаке, эти, как их называли, «пулести» двинулись на северо-восток и осели в прибрежном районе, который до сих пор носит их имя, – Палестине. Пять больших городов, которые они там построили (Ашкелон, Ашдод, Экрон, Гат и Газа), не подвергались пока систематическим раскопкам, и мы еще очень мало знаем об их культуре. В их воинственности же сомневаться не приходится. У них уже было оружие из железа. Они были хорошо организованы под руководством военно-феодальной аристократии. Около 1050 г. до н.э., уничтожив прибрежных хананеев, они начали крупномасштабное движение во внутренние холмистые районы, занятые к этому времени израильтянами. По-видимому, на юге они завоевали большую часть Иудеи, однако не продвинулись ни к востоку от Иордана, ни в северную Галилею. Больше всего от них пострадало племя вениамитян, которые оказались на острие сопротивления захватчикам.

Период, начинающийся с общенациональной антифилистимлянской кампании, исключительно богат историческими документами. К этому времени израильтянами овладела страсть к писанию истории. Однако большая часть этого материала безвозвратно утрачена. В Книге Судей даются интригующие ссылки на пропавшие хроники. У нас есть возможность услышать о том, что некогда существовали «Книга хроник царей Израиля», «Книги хроник царей Иудеи», «Книга актов Соломона» и много других. Но даже те, что уцелели, особенно две Книги Самуила и две Книги Царств, – это важнейший исторический материал, входящий в число величайших исторических трудов древности. Местами в них входит материал из царских архивов, в том числе списки официальных государственных деятелей, губернаторов провинций и даже меню царской кухни. Начиная с этого времени появляется возможность синхронизировать хронологию царей, приведенную в Библии и во внебиблейских источниках, таких, как списки египетских фараонов и Ассирийские «лимму», династические списки. Это дает возможность точной датировки. Если в начале монархического периода погрешность может достигать десяти лет или около того, то позднее точность становится почти абсолютной. Так, мы можем быть уверены, что Саул был убит около 1005 г. до н.э., Давид правил примерно до 966 г., а Соломон умер в 926 или 925 г. до н.э.

Более того, библейские тексты преподносят нам потрясающе живые портреты главных исполнителей ролей в национальной драме, портреты, которые не уступают (а подчас и превосходят) те, что через полтысячи лет можно было встретить у греческих историков. Эти персонажи прекрасно вписаны в этический контекст. Однако в этих исторических «моралитэ» существуют не только добро и зло, там можно встретить все оттенки поведения, в том числе пафос, грусть, любовь во всей ее сложности – короче, эмоции, никогда до того не имевшие словесного описания. И здесь же можно обнаружить благоговение перед абстрактными понятиями, ощущение причастности к национальному выбору, судьбе и устройству страны.

Из текстов следует, что хотя израильтяне и обратились к монархии в ответ на угрозу уничтожения, исходившую со стороны филистимлян, но сделали это крайне неохотно, пройдя через раннюю стадию, связанную с пророками. Пророком был Авраам; величайшим

из пророков был Моисей. Пророки – древнейшая традиция израильтян, и в их глазах наиважнейшая, ибо в условиях теократии, подобной их, пророк – медиум, через которого Бог доводит до людей свои приказы, занимая в обществе центральное положение. Происхождение самого слова «наби» (пророк) достаточно туманно; оно может означать как «тот, кого призвали», так и «тот, кто выходит из себя». Важная фраза встречается в Первой Книге Царств (Самуила): «Тот, кого называют ныне пророком, прежде назывался прозорливцем». Пророков оценивали в первую очередь по их способности предсказывать. Таких людей можно было встретить повсеместно на древнем Ближнем Востоке. Характернейшей чертой древнеегипетской истории начиная с начала III тысячелетия до н.э. была роль, которую играли оракулы. От египтян эта традиция перешла к финикийцам, а затем и к грекам. Согласно «Федру» Платона, для пророчества не требуется человеческой логики, поскольку человек, избранный для этого Богом, является просто передаточным звеном; его состояние называли «энтузиазмом», или божественным помешательством. И израильские пророки тоже служили медиумами. В состоянии транса или неистовства они сообщали о своих божественных видениях при помощи пения, а то и воплями. Впасть в такое состояние помогала музыка. Самуил так описывает этот процесс: «Встретишь сонм пророков, сходящих с высоты, и пред ними псалтирь и тимпан, и свирель, и гусли, и они пророчествуют». Требовал музыки и Елисей: «Теперь позовите мне гуслиста. И когда гуслист играл на гусях, тогда рука Господня коснулась Елисея». Но, кроме того, пророки пользовались и другими возбуждающими средствами (ладаном, наркотиками, алкоголем) и, случалось, злоупотребляли ими. Так, в Книге Пророка Исайя говорится: «Священник и пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином, обезумели от сикеры, в видении ошибаются, в суждении спотыкаются».

Однако в израильском обществе пророк был гораздо больше, чем человек, который впадает в экстаз и пытается предсказывать будущее. Они выполняли целый ряд духовных функций. Были религиозными судьями, как Моисей и Девора. Формировали религиозные школы при храмах вроде того храма в Шиломе, куда принесла младенца Самуила его мать Анна. Там он впоследствии «служил пред Господом, надевая льняной эфод» – совсем как священники. Мать приносила ему новое одеяние каждый год, «когда приходила с мужем своим для принесения положенной жертвы». Во многих храмах священники и гильдия пророков работали бок о бок, и конфликт между ними был вовсе необязателен. Но почти с самого начала пророки делали гораздо больший упор на содержание, чем форму религии, иницируя одну из величайших тем в еврейской, да и во всемирной, истории. Как говорил Самуил: «Послушание лучше жертвы и повинование лучше тука овнов». Они отстаивали пуританские и фундаменталистские элементы религии в противоположность пустым церемониям и бесконечным жертвоприношениям, организуемым священнослужителями. Но так же, как священники имели склонность сползать к «механистической» религии, так и пророки были склонны к сектантству. Кстати, Самуил, подобно Самсону, принадлежал к секте назарейцев, дикого вида заросших людей с минимумом одежды. Эти секты могли впасть в ересь, а то и вовсе переродиться в новую религию. У назарейцев было много общего с фанатичными и яростными рехавейцами, которые, когда позволяла возможность, участвовали в массовых убийствах отступников. В этих сектах собирались крайние монотеисты и иконоборцы. Они вели зачастую полукочевую жизнь на границе пустыни, где сам сурово-однообразный пейзаж настраивал на дух монотеизма. Именно в таких условиях сформировался ислам – величайшая из всех сектантских ересей, отпочковавшихся от иудаизма.

Итак, возвращаясь к нашей теме, те времена были характерны обилием пророков, причем, как неоднократно подчеркивает Библия, многие из них были ложными. Чтобы быть влиятельным, пророк должен был избегать сектантских крайностей и поддерживать контакт с основным руслом израильской жизни. Главная функция пророка – быть посредником между Богом и людьми, а для этого он должен жить вместе с народом. Когда Самуил вырос, то стал судьей, который странствовал по всей стране. Когда филистимляне нанесли мощный

удар в самое сердце израильских поселений, заставив израильтян пережить ряд унижительных поражений, захватив Ковчег и, похоже, разрушив храм в Шиломе, было совершенно естественно, что народ обратился к Самуилу, и ему пришлось играть критическую роль в решении вопроса, следует ли израильтянам (и если да, то в какой форме) обратиться в своем отчаянном состоянии к монархии.

Первая Книга Самуила дает нам удивительную возможность стать свидетелями горячих конституционных дебатов вокруг этой проблемы. Очевидным кандидатом был командир повстанцев-веньяминойцев Саул, типичный харизматический израильский лидер, поднявшийся из ничего благодаря своей собственной энергии и божественному промыслу. Однако Саул был южанином, и ему не хватало дипломатического искусства, чтобы договориться с северянами, полноценной поддержкой которых он никогда не пользовался. Его мрачный характер прекрасно изображен в Библии: непредсказуемый восточный властелин-бандит, который колеблется между внезапным великодушием и неумной яростью (возможно, с маниакально-депрессивным оттенком), всегда храбрый, несомненно одаренный, но балансирующий на грани помешательства и временами переходящий ее. Самуил вполне справедливо колебался, прежде чем помазать этого человека на царствие. Он напомнил людям, что прежде у них не было царя – а одна из функций пророков состояла в том, чтобы читать народу популярные лекции по истории – и что для теократического Израиля переход к царскому правлению равносителен отказу от божественного правления, а потому греховен. Он «изложил народу права царства, и написал в книгу, и положил пред Господом» (т. е. отдал ее в храм). Он готов был помазать Саула в качестве харизматического лидера, или «нагида», полив его голову елеем, но колебался, делать ли его «мелеком», или наследственным монархом, что подразумевало и его право призыва на воинскую службу представителей племен. Он предупредил народ о всех недостатках монархии: профессиональная армия, жесткое налогообложение, принудительный труд. Он, по-видимому, несколько раз менял свою точку зрения по поводу того, какими конкретными правами должен обладать Саул. Но в конце концов первые победы Саула и его привлекательная внешность (а он был высок и красив) сделали невозможным противиться народной воле, и Самуил неохотно сдался, ссылаясь на указание свыше: «И сказал Господь Самуилу: послушай голоса их, и поставь им царя».

Эти первые конституционные эксперименты с монархией плохо закончились. Через год после коронации Саула огромная армия филистимлян вторглась через Есдраелонскую долину и разгромила молодую царскую армию на горе Гелвуде. При этом и Саул и его сын Иоиафан погибли. Саулу явно не хватало темперамента, чтобы сплотить вокруг себя страну; но основной причиной его поражения было отсутствие необходимых данных военачальника. В это время он был уже не мелким партизанским командиром; в качестве царя он попытался формировать армию наемников, однако, для того чтобы командовать крупными регулярными силами, ему не хватало искусства. Но еще до окончательного поражения Саул утратил поддержку духовенства и уверенность в Самуиле. В главе 15 Первой Книги Самуила есть яркая и эмоциональная сцена, когда престарелый пророк обрушивается на царя за несоблюдение последним религиозных установок, связанных с военными трофеями. Царь в замешательстве признает свои грехи и умоляет Самуила благословить его перед лицом народа. Самуил так и сделал, но обрушил затем свой гнев на царского пленника Агага, царя амаликитского, который «подошел к нему дрожащий», робко интересуясь: «Конечно, горечь смерти миновала?», после чего Самуил разрубил его на куски прямо на алтаре. Фанатизм всегда был отличительной чертой Самуила, особенно по отношению к амаликитянам, чьего истребления он требовал. Он отказался снова встречаться с царем Саулом. Тем не менее, как повествует Библия, после гибели Саула Самуил оплакивал его; «и Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем».

Среди наемников, собранных Саулом, был Давид. Саул проводил в кадровых вопросах такую политику: «И когда Саул видел какого-либо человека сильного и воинственного, брал его к себе». Надо иметь в виду, что в библейском тексте смешаны два этапа военной карьеры

Давида. Первоначально он был пастухом, произошедшим от скромной и очаровательной моавитянки по имени Руфь. К моменту поступления на воинскую службу он был абсолютно несведущ в оружии. Надев на себя латы и опоясавшись мечом, он признается: «Я не могу ходить в этом; я не привык». Совершая свой первый подвиг, когда он убил филистимлянского богатыря Голиафа, Давид пользовался куда более примитивным оружием – пращой. Однако согласно другой версии Давид привлек внимание Саула тем, что был «умеющим играть, человеком храбрым и воинственным, и разумным в речах, и видным собой». Истина, по-видимому, состоит в том, что Давид был на службе у Саула в разные периоды, а профессиональную военную подготовку проходил в качестве наемника у филистимлян. Там он изучил их боевое искусство, включая владение современным стальным оружием. Пик его тамошней карьеры приходится на момент, когда гафский царь Агиш наградил его феодальным поместьем. Он мог бы полностью связать себя с филистимлянами, но в конце концов предпочел трон Иудеи. Выступая то в роли филистимлянского военачальника, то в роли вождя оппозиции по отношению к недотепе Саулу, он собрал группу профессиональных военных, рыцарей и воинов, давших ему клятву верности, лично преданных и надеявшихся впоследствии на вознаграждение земельными наделами. Именно благодаря этой силе он смог после смерти Саула стать царем Иудеи. Затем он дождался беспорядков в северном царстве, Израиле, и гибели Исваала, преемника Саула. В этот момент старейшины севера предложили ему договор на царство. И здесь важно понять, что царство Давида, по крайней мере первоначально, не было государством одной нации: его населяли две различные нации, каждая из которых заключила с ним персональный договор.

Давид оказался самым удачливым и популярным царем Израиля, настолько образцовым царем и правителем, что более чем через 2000 лет после его смерти евреи считали его царствование золотым веком. На деле же правление страной для него все время было сопряжено с риском. Наиболее надежные у него были не израильские части, а его личная охрана из иностранных наемников, херетян и пелетян. Его власть опиралась на профессиональную армию, офицеров которой необходимо было вознаградить землей, – на доход от нее они могли бы содержать своих солдат. Но чтобы дарить землю, ее надо было сначала где-то взять, причем это не всегда можно было сделать за рубежами страны. Отсюда целый ряд бунтов и заговоров, самый серьезный из которых возглавлял его собственный сын Авессалом.

Племена по природе своей продолжали стремиться к сепаратизму. Они возмущались расходами на военные кампании Давида, а еще больше – тенденциями к централизации, которые при нем усилились, а также тем, какие атрибуты восточной монархии при нем возникли: канцелярия, секретариат, гарем, сложно-иерархичный двор. Эти сельские жители чувствовали, что в новой государственной структуре для них нет места, а потому вторили скорбному крику вениамитянина Савея, который «затрубил трубою и сказал: нет нам части в Давиде, и нет нам доли в сыне Иессеевом: все по шатрам своим, израильтяне!»

Эти бунты подавлялись военной машиной Давида, но все сорок лет его правления отнюдь не были безмятежными, а гаремные интриги о престолонаследии (неизбежный спутник монархической полигамии) продолжались до самого конца царствования.

Несмотря ни на что, Давид был великим царем, и тому есть три причины. Во-первых, он соединил государственную и духовную власть, что было абсолютно невозможно при Сауле. У Самуила не было под рукой преемника, и значительная часть его духовной власти отошла к Давиду. Временами злобный, Давид, тем не менее, был глубоко религиозным человеком. Подобно своему сыну и наследнику, Соломону, он был разносторонне одарен, обладал сильным художественным воображением. Следует серьезно отнестись к преданию о том, что он был музыкантом, поэтом и псалмопевцем. Библия утверждает, что он лично участвовал в ритуальных танцах. Он сумел превратить трон, рожденный железной военной необходимостью, в сияющий институт, освященный религией и соединявший в себе восточную роскошь и новые стандарты культуры. Консервативным неотесанным вождям он был, возможно, не по душе, но народные массы им восхищались и были довольны его

правлением.

Во-вторых, власть царя-священника Давида производила впечатление благословленной свыше; достаточно поглядеть на его непревзойденные военные успехи. Он решительно разгромил филистимлян и выгнал их в узкую прибрежную полосу. Саул много сделал, чтобы сократить ханаанские анклав, оставшиеся среди израильских поселений, но именно Давид завершил этот процесс. Затем он двинулся на восток, юг и север, распространив свою власть на Аммон, Моав, Эдом, Арам-Зобар и даже на Арам-Дамаск далеко к северо-востоку. Его военные успехи были подкреплены дипломатическими союзами и династическими браками. В каком-то смысле расцвет маленькой израильской империи можно приписать исторической случайности. Империя к югу, Египет, отступила; империи востока, Ассирия и Вавилон, еще не созрели. В этом вакууме и процветало царство Давида. Но, разумеется, вся эта экспансия стала возможной лишь благодаря его личным способностям и опыту, широте его познаний, его путешествиям и экономической хватке. Он понимал важность контроля над великими торговыми путями, проходившими через регион, и установил экономические и культурные контакты с богатым городом-государством Тиром.

Он был интернационалистом, тогда как все предшествовавшие вожди были узкими регионалами.

В-третьих, Давид создал национальную и религиозную столицу, которая была завоевана им лично. До этого свыше 200 лет израильтяне не могли взять Иерусалим, хотя он был стратегически важнейшим городом региона. «Что же касается Иевусеев, жителей Иерусалима, то дети Иуды не могли изгнать их; и до сего дня Иевусеи живут с детьми Иуды». Иерусалим контролировал главный путь с севера на юг, к тому же он был естественной точкой соприкосновения севера и юга. Неспособность захватить его была одной из важнейших причин, почему сложились две отдельные группировки израильтян, которые впоследствии стали Царством Израиля на севере и Царством Израиля на юге. Давид считал, что, взяв Иерусалим, он сможет слить обе половины воедино, и ясно, что осада города была сознательным политическим, равно как и военным, актом. Во взятии города участвовали лишь «царь и его люди» – профессиональная гвардия, а не племенные рекруты; в результате этого Давид был вправе объявить захват города своим личным успехом. И в дальнейшем Иерусалим навсегда приобрел второе название: «город Давида». Город был взят решительными действиями, героем которых был генерал (как бы мы теперь сказали) Иоав. Известный теперь старый город построен по трем долинам: Хинном (запад), Кедрон (восток) и Тиропион (центр), которые к югу сливаются в Кедронский ручей. Намного меньший город Иевусеев умещался в пределах восточного холма и единственный в округе имел надежный источник водоснабжения, известный под названием Гихон. Благодаря раскопкам Кетлин Кенъон (и второй книге Самуила) мы точно знаем, что произошло при осаде. Иевусеи, так же, как и жители других палестинских городов того времени (Гезер, Гаваон, Мегиддо), соорудили потайной туннель, соединявший внутреннюю часть города с источником, что гарантировало им воду даже в случае осады. Они так верили в это свое сооружение, что открыто бросили вызов Давиду, устроив назло ритуальную демонстрацию слепых, хромых и прочих инвалидов. Израильтяне рассвирепели. Туннель оказался не сильным, а слабым местом Иевусеев. Давид знал о его существовании и вызвал добровольцев: «И сказал Давид в тот день: всякий, убивая иевусеев, пусть поражает копьем и хромых и слепых, ненавидящих душу Давида». Иоав и его люди взялись за это, пробрались в город по водяному туннелю и с помощью такой хитрости заняли его.

Последующие действия Давида в Иерусалиме подтверждают то, какое большое политическое значение он придавал этому городу. Давид не стал ни уничтожать, ни изгонять жителей. Напротив, он постарался сделать все, чтобы превратить их в своих верных сторонников. Он отремонтировал стены и террасы (Милло), занял цитадель, которую в то время называли Сион, построил казармы для своих гвардейцев, дворец для себя и купил у последнего градоправителя участок земли для постройки главного храма всего израильского народа. Затем он перевез сюда Ковчег, который был самой драгоценной религиозной

реликвией израильтян и символом их единства, и поместил его в собственном городе под защитой трона и личной армии. Все эти акты были направлены на то, чтобы укрепить свое положение и обосновать единство всего народа, национальной религии и короны с собой и своей линией.

То, что Давид не стал делать, имеет, пожалуй, не меньшее значение, чем то, что он совершил. Похоже, что он понимал сущность израильской религии и общества лучше, чем Саул или любой из его собственных преемников. Подобно Гидеону, он понял, что это государство теократическое, а не обычное. Поэтому здесь царь не должен быть абсолютным владыкой восточного типа. И государство, как бы оно ни управлялось, не может здесь носить абсолютный характер. Именно поэтому даже на этом этапе отличительной особенностью израильских законов было то, что, хотя у всех граждан имеются обязанности и ответственность перед государством, общество, будь то его представители, царь, государство не могут ни при каких обстоятельствах обладать неограниченной властью над личностью. Это прерогатива одного Бога. Евреи, в отличие от греков, а позднее и римлян, не считали город, государство, общину неким юридическим лицом с правами и привилегиями. Вы можете совершить грех по отношению к человеку и, разумеется, Богу, но нельзя представить себе преступления или греха против государства.

Это обозначает главную дилемму, касающуюся израильской, а позднее иудаистской, религии и ее взаимоотношений со светской властью. Формулируется дилемма чрезвычайно просто: могут ли эти два института сосуществовать так, чтобы один фатально не ослаблял другой? Ведь если возрастают запросы религии, то у государства остается слишком мало власти, чтобы функционировать. С другой стороны, если государству позволить нормально эволюционировать, согласно его природе, то оно может поглотить часть существа религии и тем самым выхолостить ее. Каждому из этих институтов присуща способность паразитировать на другом. Если бы израильтяне попробовали существовать просто в виде религиозной общины, без государства, то рано или поздно на них бы напали и расчленили, после чего их могли бы поглотить местные языческие культы. И тогда вера в Яхве пала бы жертвой внешней агрессии. Это чуть было не произошло во время вторжения филистимлян и обязательно бы случилось, не обратись израильтяне за спасением к монархии и унитарному государству. С другой стороны, если монархия и государство становятся постоянной структурой, они, их потребности неизбежно начнут посягать на религию и культ Яхве может пасть жертвой внутреннего разложения. Эта дилемма не получила разрешения ни в первом, ни во втором Содружестве наций. Не разрешена она в Израиле и до сих пор.

Одно из возможных решений сводилось к тому, чтобы израильтяне обзаводились монархией и государством лишь на время великих бедствий, вроде вторжения филистимлян. Есть свидетельства, что Давид сначала склонялся к такому решению, но позднее счел его непрактичным. Чтобы защитить свой народ и его веру, чтобы гарантировать их безопасность от внешних врагов, ему необходимо было не только создать свое царство-государство, но и нейтрализовать окружающие народы. Это означало, что ему нужно было основать и упрочить Дом Давида, с Иерусалимом в качестве столицы и Главным Храмом. Но он явно не считал свою монархию идеальным решением. Он понимал религию Яхве; он считал себя религиозным человеком, он охотно брал на себя дополнительную роль пророка-священника и в этом качестве принимал участие во всякого рода музыкально-танцевальных представлениях как автор и исполнитель. Важно, что хотя он и установил наследственную монархию, но без права первородства. Три его старших сына, которые могли бы стать его преемниками, Авессалом, Амнон и Адония, порвали с ним и погибли, испытав насильственную смерть. Под старость Давид сам избрал себе преемника. Выбранный им сын Соломон был не военачальником, а судьей и ученым, в традициях Моисея. Он – единственный из сыновей Давида, кто мог совмещать религиозные функции с царскими; Давид явно считал это обстоятельство существенным для сохранения израильского конституционного равновесия.

Представляется важным, что Давид, перенося Ковчег в Иерусалим, чтобы придать

своей столице статус религиозного центра, не построил для него грандиозного храма, который бы ассоциировался с его величием. Ковчег был скромным предметом религиозной мебели, где первоначально хранился оригинал завета. Он был по-своему дорог израильтянам, напоминая им об их низком происхождении и символизируя древнюю ортодоксальность и чистоту их теократического вероучения. Библия приводит следующие оправдания невозможности для Давида построить специальный храм для Ковчега, которые он дает задним числом: этого не позволил бы Бог, поскольку Давид был воином с руками в крови; кроме того, он, дескать, был слишком занят своими войнами. Первое оправдание явно фальшиво, так как война и израильская религия всегда были тесно связаны. У священников были специальные военные сигналы, которые они должны были подавать своими трубами; сам же Ковчег могли выносить (и иногда выносили) на поле боя в качестве боевого символа; войны Давида, как считалось, благословлялись свыше. Второе оправдание более реалистично, хотя Давид правил в Иерусалиме тридцать три года, многие из которых были мирными, и уж если захотел бы, то вполне мог обеспечить для такой стройки приоритет в рамках своей обширной строительной программы. Скорее всего, он просто не желал изменить природу и баланс в рамках израильской религии и чувствовал, что именно это мог сделать центральный царский собор.

Когда-то в старину Ковчег был осязаемым центром израильской веры, символом теократической демократии. Осев в Ханаане, израильтяне возносили хвалу и приносили жертвы Богу на «высоких местах» – открытых алтарях на холмах и горах; или в более обустроенных святилищах, где возводились крытые постройки или храмы. Мы знаем с дюжину таких святилищ: Шилом, Дан, Вефиль, Гилгал, Миспа, Вифлеем, Хеврон и пять более мелких. Они расположены вдоль срединной линии страны в направлении с севера на юг. Они обеспечивали элемент децентрализации израильского культа, а также неразрывную связь его с прошлым, поскольку со всеми этими святилищами-храмами у тех, кто там молился, были связаны важные для них ассоциации. Видимо, Давид, сколь бы он ни был озабочен проблемой достаточной централизации общины, чтобы гарантировать ее надежную защиту, не желал еще больше выхолащивать ее демократизм. Отсюда его нежелание подражать другим царственным деспотам того времени и превращать Израиль в царственный храм-государство. Отсюда и его предсмертный наказ преемнику, ученому Соломону, следовать законам Моисея во всей их чистоте: «И храни завет Господа, Бога твоего, ходя путями Его и соблюдая уставы Его и постановления Его, как написано в законе Моисеевом». Это, добавил он, единственный способ сохранить трон – гарантировать, чтобы закон в своей полноте и строгости уравнивал требования нового государства. Последующие поколения почувствовали всю глубину религиозного импульса Давида, который освятил его государственную деятельность. Это, по-видимому, главная причина того, что они чтили его память и мечтали о возврате его правления; и не случайно ему посвящено больше места в Ветхом Завете, чем любому другому суверену.

Преемник Давида, Соломон, был человеком совершенно другого типа. Если Давид был страстным, стремительным, волевым, грешным, но кающимся, сознающим грех, чистым в сердце и богобоязненным, то Соломон был личностью сугубо светской, человеком своего мира и века до глубины сердца (если только у него было сердце). Псалмы, которые в Библии посвящены Давиду, духовны по тону и содержанию, они близки по духу религии Яхве. С другой стороны, библейские тексты, связанные с Соломоном, мудрые высказывания и чувственная поэзия «Песни Соломона», хотя по-своему и прекрасны, намного ближе к другим ближневосточным сочинениям той эпохи; в них отсутствуют израильско-еврейская трансцендентальная философия и чувство присутствия Бога.

Как ближневосточный монарх Соломон обладал выдающимися качествами. Но его репутация мудреца основывалась на готовности быть безжалостным. Хотя его объявили преемником еще при жизни отца, свой приход к личной власти он ознаменовал тем, что сменил режим и его направленность, устранив всех министров своего отца, причем некоторых – уничтожив. Он также радикально изменил военную политику. Описывая бунт

Авессалома против Давида, Вторая Книга Самуила отмечает разницу между прежними племенными рекрутами, или «людьми Израиля», которые поддерживали сына, и наемниками, или «рабами Давида», которые, естественно, поддерживали царя. Те же самые «рабы» обеспечили приход к власти Соломона и помогли ему разделаться с оппозицией в самом начале его правления. Давид, создавая наемную армию, использовал, тем не менее, «людей Иуды», то есть племенных рекрутов с юга, в качестве основы своего главного войска. Однако племенные рекруты с севера, или «люди Израиля», оставались нейтральными или враждебными по отношению к трону, и Соломон решил их распустить.

Взамен этого он ввел своего рода барщину, или принудительный труд, в ханаанских районах и на севере царства – но не в Иудее. Как форма национальной службы трудовая повинность считалась менее почетной, чем воинская, и более трудной; а потому от нее старались уклониться. Соломон в больших масштабах использовал ее в своей строительной программе. Основываясь на государственных источниках, Первая Книга Царей сообщает, что в каменоломнях работали 80 000 человек под присмотром и руководством 3300 офицеров, 70 000 человек занимались доставкой камня на стройки и еще 30 000 человек поочередно партиями по 10 000 валили в Ливане лес на балки. В строительную программу входили работы, продолжавшие в расширенном масштабе деятельность Давида по превращению Иерусалима в национальный религиозно-государственный центр. Кроме того, в нее входило строительство трех укрепленных городов в различных частях страны: «Вот распоряжение о подати (принудительных работах), которую наложил царь Соломон, чтобы построить храм Господень и дом свой, и Милло, и стену Иерусалимскую, Гацор, и Мегиддо, и Газер». Последние три города, важные стратегически, были практически полностью построены Соломоном, причем на тяжелых работах использовались израильтяне, а на квалифицированных – зарубежные каменщики. Раскопки подтверждают, во-первых, что уровень их строительного мастерства был выше того, которым располагали израильтяне; во-вторых, они показывают, что назначение этих городов было прежде всего военное – они должны были служить базами для новой армии Соломона, оснащенной колесницами. Такой мощной ударной силы у Давида никогда не было. В распоряжении Соломона было около 1500 колесниц и 4000 лошадей. В наиболее важном стратегически Мегиддо, контролировавшем долину Армагеддона, как ее позднее стали называть, он построил сильный укрепленный район с мощными воротами и зданиями для размещения 150 колесниц и 400 лошадей. Аналогичные сооружения были воздвигнуты в Гацоре, ранее заброшенном, и полученном им в приданое Гезере, контролировавшем путь в Египет. Само существование этих кварталов-замков, возвышавшихся над обычными городскими постройками, было вызовом израильской теократической демократии. Эта система военных баз была необходима Соломону, чтобы защищать торговые пути и страну в целом от внешней угрозы. Но ясно, что их вполне можно было использовать и для поддержания внутреннего порядка, тем более что у племен колесниц не было.

Для осуществления своих амбициозных программ Соломону требовалась не только рабочая сила, но и деньги. С этой целью он обложил племена данью. Давид вел дело к налогообложению, проводя перепись населения. Его жестоко критиковали за эту деятельность, как противоречащую религии, и Давид признал свой грех. Этот эпизод характерен для его неуверенности и непоследовательности в вопросах укрепления государства в ущерб вере. Соломону такие колебания были чужды. На основе данных переписи он разделил страну на 12 податных районов и ввел новые налоги, чтобы обеспечить финансирование своей программы сооружения крепостей и баз снабжения. Но ресурсов собственно царства было недостаточно. И тогда Соломон по-новому распорядился результатами завоеваний Давида. Он ушел из Дамаска, оборона которого обходилась слишком дорого, и уступил другие северо-западные территории тирскому царю Хараму в обмен на квалифицированную рабочую силу и поставки. Кроме того, он расширил коммерческую деятельность, привлекая широко так называемых царских купцов и поощряя отечественных и зарубежных торговцев пользоваться его торговыми путями, что позволяло

ему собирать с них налоги.

В это время экономика Ближнего Востока полным ходом входила в Железный век, свидетельством чему были первые стальные лемехи для плугов, и мир становился богаче. И Соломон делал все, чтобы свою долю от этого процветания получил царский дом. Он расширял торговлю, беря себе в жены дочерей окрестных монархов, руководствуясь лозунгом: «торговля следует за невестой». Он «породнился с фараоном, царем египетским», женившись на его дочери, – так он приобрел Гезер. Библия рассказывает и о других его матримониальных союзах, говоря, что он «полюбил... многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, моавитянок, аммонитянок, идумеянок, сидонянок, хеттеянок». Его дипломатия и торговля были неразделимы. Визит к нему царицы Савской из Южной Аравии был связан с торговлей, поскольку Соломон держал под контролем аравийскую торговлю, в особенности миром, ладаном и специями. Иосиф рассказывает, что Соломон устраивал состязания с другим монархом-торговцем, с царем Хирамом из Тира, когда они задавали друг другу загадки. Такие состязания были обычной формой дипломатического обмена в начале Железного века. На кон могли ставиться крупные денежные суммы и даже города; это было составной частью бартерного обмена. Соломон и Хирам совместно эксплуатировали флот торговых судов, плававших между Ецион-Гавером на юге и Офиром, как тогда называли Восточную Африку. Предметом торговли обоих царей были редкие животные и птицы, сандал и слоновая кость. Кроме этого, Соломон торговал оружием. В Киликии он покупал лошадей и продавал их в Египет, получая в обмен колесницы, которые затем перепродавал своим северным соседям. Фактически он был поставщиком вооружения для значительной части Ближнего Востока. Вблизи Ецион-Гавера американский археолог Нельсон Глюк обнаружил на острове Хирбет-эль-Халейфа построенную при Соломоне медеплавильню, раздувать примитивные печи которой помогали постоянно дующие здесь ветры. Здесь производилась выплавка не только меди, но и железа, причем не только в виде полуфабриката, но и в виде готовых изделий.

Значительную часть доходов от торговли и налогообложения Соломон вкладывал в свою столицу. Он построил пышный дворец с большим сводчатым залом, своими очертаниями напоминавший дворцы фараонов в Мемфисе и Луксоре. Его крыша («помост») из кедра опиралась на 45 огромных деревянных столбов, что дало основание назвать это сооружение в Библии «домом из дерева ливанского». Отдельный дворец был построен для его главной жены-египтянки, которая сохраняла свою языческую веру: «Не должна жена моя селиться в доме Давида, царя израильского, ибо место это свято и хранится там Ковчег Господень». Дворец и весь дворцовый квартал, а также казармы и оборонительные сооружения были воздвигнуты рядом с Храмом; для этого потребовалось расширить Город Давида на 240 метров к востоку.

В наше время от Иерусалима времен Соломона не осталось практически ничего. Частично он оказался скрыт под огромным храмом, сооруженным во времена Ирода Великого; частично римляне разобрали его на строительный камень. Поэтому о том, как выглядел Храм Соломона, мы можем судить исключительно по литературным источникам, точнее по главам 6 и 7 из Первой Книги Царей. Приведенное там описание свидетельствует, что он напоминал относящиеся к позднебронзовой эпохе ханаанские храмы в Лачшие и Бет-Хане, а также несколько более поздний, IX в. до н.э., храм, откопанный в Тель-Тайнете в Сирии. Подобно им, Храм Соломона из трех размещенных вдоль продольной оси залов шириной по 10 метров: первый зал (портик, или Улам) имел в длину 5 метров, второй (святой Гекаль) – 20 метров; третий, Святая Святых, имел форму квадрата со стороной 10 м и подобно внутреннему святилищу египетских храмов не имел освещения.

Это здание было построено и оборудовано в манере, абсолютно чуждой израильтянам. Финикийские мастера тесали для него каменные блоки. Царь Тира Хирам направил сюда литейщика, своего тезку, для отливки церемониальных бронзовых сосудов. В их число входили «подставы на колесах», бронзовые купели, аналогичные языческим, найденным в Мегиддо и на Кипре, и огромное «литое море» с запасом воды на 2000 очистительных

омовений, которые совершались жрецами перед церемониями. «Море» стояло на 12 бронзовых волах. Рядом с золоченым алтарем с десятью золотыми светильниками возвышались два бронзовых столба, Боац и Иахин, высотой по 12 метров – аналоги монолитных столбов в горных ханаанских святилищах. Святая Святых («давир») ограждалась золотыми цепями. Стены, пол и потолок были обшиты досками из кедра и кипариса. В давире, охраняемом двумя херувимами, из дерева с позолотой хранились святыни культа Яхве: Ковчег с первым и самым главным заветом, посох Моисея, жезл Аарона, сосуд для манны и изголовье, на котором лежала голова Иакова, когда ему снился сон про лестницу. Ко времени падения Иерусалима в 587 г. до н.э. все эти предметы считались уже давно пропавшими, так что есть основание сомневаться, были ли они там когда-либо.

Во всяком случае, представляется очевидным, что у величественного Храма Соломона, выросшего за крепостными стенами верхнего царского города, акрополя, было очень мало общего с чистой религией Яхве, которую вынес из пустыни Моисей. Позднее евреи стали считать Соломонов Храм существенной частью своей ранней веры, но вряд ли так его воспринимали набожные современники. Для них он, подобно барщине, податным округам и колесницам, был новинкой, к тому же заимствованной у более развитых языческих культур Средиземноморья и долины Нила. Разве Соломон не впадал в язычество со своими чужестранными женами, централизованной монархией и безжалостным обращением со своими племенами? Разве храм его не был идолопоклонническим, предназначенным для поклонения материальным предметам? Да и Ковчег как таковой совершенно не вписывался в свое роскошное окружение. Это был, в сущности, простой деревянный сундук длиной 1,2 м и глубиной 0,75 м, который стоял на шестах, продетых с двух сторон в кольца. Внутри его лежали таблички с Законом. Строго говоря, с ортодоксальных израильских позиций, Ковчег был просто местом хранения указаний, данных Богом, но никак не объектом культового поклонения. Правда, в этом вопросе полного единства не было, так же, как было противоречие между невообразимостью Бога и тем, что он создал человека по своему образу. Кстати, в одном из древнейших храмов в Дане стояла статуя, изображавшая Бога. Хотя Ковчег и был сделан как вместилище таблеток, израильтяне приписывали словам Бога особую священную силу, так что в некотором смысле они верили, что их божество обитает в Ковчеге. Таким образом, в этом сохранялось что-то от многолетних странствий по пустыне: «Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги твои и побегут от лица Твоего ненавидящие тебя! А когда останавливался ковчег, он говорил: возвратись, Господи, к тысячам и тьмам Израилевым».

Соломон воспользовался этим противоречием, чтобы реформировать религию в направлении царского абсолютизма, когда под царским контролем находится единственное святилище, где можно по-настоящему поклоняться Богу. В главе 8 Первой Книги Царей Соломон подчеркивает, что Бог находится в Храме: «Я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать тебе во веки». Но Соломон, разумеется, не был просто язычником, иначе он не стал бы удалять свою жену-язычницу от святого места. Он понимал теологию своей религии, так как спрашивал: «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают тебя, тем менее сей храм, который я построил». И он добивается компромисса между государственными нуждами и своим пониманием израильского монотеизма, предполагая не физическое, а символическое присутствие Всемогущего: «Да будут очи твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором ты сказал: «Мое имя будет там». Примерно таким же образом будущие поколения соединили Храм с верой, причем само присутствие имени Господа в Святой Святых было источником мощного и чудодейственного излучения, называемого «шехинья», способного уничтожить любого, кто самовольно приближался.

Однако в те стародавние времена само понятие центрального царского храма было неприемлемо для многих израильтян-пуристов. Они сформировали первую из многих сект, которым суждено было отпочковаться от религии Яхве – секту рехавейцев. Многих северян

также возмущало сосредоточение религии в Иерусалиме и его царском Храме, потому что тамошние священнослужители вскоре выступили с категорическим утверждением, что, дескать, правильными, законными являются лишь их службы, а все старые святилища, храмы и алтари, почитаемые с давних пор, суть не что иное, как гнезда ереси и зла. В конце концов эти утверждения прижились, стали преобладать и превратились в библейскую ортодоксальность; но в те времена они встречали сопротивление на Севере.

Эта враждебность по отношению к Соломоновым религиозным реформам в сочетании с его абсолютистскими замашками и поборами сделала по большому историческому счету объединенную монархию, созданную его отцом, нежизнеспособной. Успехи Соломона и его искусство управления государством удерживали до поры до времени ее от распада, но признаки напряженности проявлялись уже при его правлении. Для израильтян, у которых всегда существовало реальное ощущение прошлого, система принудительного труда была особенно ненавистной, поскольку напоминала о египетском рабстве. В их сознании свобода и религия были неразделимы. Сконцентрировав культовую деятельность в Иерусалиме, Соломон уменьшил вес таких северных святых мест, как Шехем, который ассоциировался с Авраамом, и Вефиль (Иаков). Так что для северян Соломон и его линия все более ассоциировались с разрушением веры и дискриминацией.

Поэтому когда Соломон скончался в 925 (926?) году до н.э., северяне отказали его преемнику Ровоаму в коронации в Иерусалиме на объединенное царство и настояли, чтобы он отдельно принял северную корону в Шехеме. Те, кто при Соломоне оказался в ссылке, например Иеровоам, возвратились и потребовали возврата к законности, в частности ликвидации принудительного труда и высоких налогов: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе». По-видимому, в Шехеме произошла представительная политическая конференция, на которой Ровоам, проконсультировавшись со старыми советниками отца, отверг согласительные рекомендации и при поддержке молодых рыцарей занял жесткую позицию, заявив северянам: «Отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами».

Эта неправильная оценка ситуации в условиях, когда у Ровоама не хватало ни военной, ни государственной мудрости, чтобы силой сохранить единство царства, привела к тому, что Север откололся и реставрировал собственную монархию. В условиях становления мощных империй по соседству, сначала Вавилона, а затем Ассирии, оба небольших царства, Иудея на Юге и Израиль на севере, покатались к своему закату каждая в отдельности.

Однако этот процесс упадка продлился несколько столетий, на протяжении которых израильская религиозная культура претерпела ряд важных изменений. Следует иметь в виду, что северное царство оказалось в более выгодном положении: оно обладало большим населением и более плодородными почвами и было расположено ближе к центрам международной торговли того времени. Освободившись от южного гнета, оно богатело и, как это ни парадоксально, двигалось по пути государственного и религиозного развития, который считал необходимым Соломон и который оно ранее отвергало в противодействие Югу. Подобно Дому Давида, северный Дом Омри стал централистским и стал имитировать политическую и культовую линию благополучных соседних государств. Сам Омри был грозным царем, о чьих «подвигах» с грустью вспоминает текст, посвященный богу моавитян Хемошу; табличка с этим текстом, так называемый Моабитский камень, была обнаружена в 1866 г.: «Царь израильский Омри... много дней угнетал Моав, потому что бог Хемош рассердился на свою землю. За ним последовал и сын его, который сказал, что он тоже будет угнетать Моав».

Подобно Соломону, Омри укреплял власть своей династии браками по расчету. Так, он женил своего сына Ахава на Иезавели, дочери Сидонского царя, что дало его стране выход к морю и его торговым путям. Подобно Соломону, он был великим строителем. Он основал и построил новый город на холме в Самарии, откуда было видно находящееся в 30 километрах море; это произошло около 875 г. до н.э. Подобно царским городам Соломона, город имел

укрепленный акрополь. Великим строителем был и Ахав, который возвел в Самарии, как его называет Библия, «дом из слоновой кости». Это был дворец с тронным залом, облицованным резной слоновой костью, – роскошь, которую могли себе позволить лишь самые богатые из царей того времени. При раскопках в Самарии в 1931-35 гг. обломки этой облицовки были обнаружены среди мусора. Подобно своему отцу Омри, Ахав был удачливым воителем; за время своего двадцатипятилетнего правления он дважды одерживал победу над царем Дамаска, пока однажды в битве колесниц «один человек случайно натянул лук», и выпущенная им стрела попала в швы лат Ахава, смертельно его ранив.

Надо сказать, что правление Омри, словоохотливого и везучего, как Соломон, также породило значительное социальное и моральное недовольство. Накапливались огромные состояния и недвижимость, увеличивался разрыв между богатыми и бедными. Крестьяне попадали в долги и, если не могли расплатиться, экспроприировались. Это противоречило духу заповедей Моисея, хотя, строго говоря, не совсем противоречило букве. Как известно, ими запрещается «нарушение межей ближнего своего». Цари пытались противостоять угнетению бедняков элитой, поскольку нуждались в людях для комплектации военных и трудовых армий; однако их действия носили неуверенный характер. Священники в Шехеме, Вефиле и других святых местах получали государственное жалованье и сохраняли лояльность царской власти; все мысли их были заняты церемониями и жертвоприношениями, а уж никак не тяготами бедняков – по крайней мере, так утверждали их критики. В этих условиях на исторической сцене вновь появляются пророки как глас, вопиющий от имени общественного сознания. Подобно Самуилу, они позволяли себе усомниться в самом институте монархии, как в корне не совместимом с принципом демократической теократии. Возрождение на Севере традиции пророчеств во времена дома Омри связано с потрясающей фигурой Илии. Он был родом из места, называвшегося Тишбе, в районе Гилеада к востоку от Иордана, на границе пустыни. Он был рехавитом, членом аскетической ультрафундаменталистской секты; заросший волосами, он был опоясан лишь кожаным кушаком. Как почти все герои еврейского эпоса, он происходил из бедноты и выступал в ее защиту. Предание гласит, что он жил возле Иордана, и пищу ему носили вороны. По-видимому, выглядел он вроде Иоанна Крестителя, только жил на тысячу лет раньше. Он творил чудеса на благо бедных; пик его активности приходился на периоды засухи и голода, когда массы страдали сильнее всего.

Разумеется, Илия, как и другие строгие почитатели Яхве, критически относился к дому Омри не столько по социальным, сколько по религиозным причинам. Ибо Ахав пренебрег культом Яхве и стал склоняться к культу Ваала, которому поклонялась его жена: «Не было еще такого, как Ахав, который предался бы тому, чтобы делать неудобное пред очами Господа, к чему подущала жена его Иезавель. Он поступал весьма гнусно, следуя идолам». Именно Иезавель наущала к тому же Ахава присвоить гнусными способами виноградник Навуфея; для этого Навуфей был предан смерти, что противоречило всей этике израильской теократии.

Очевидно, что Илия мог бы повести за собой множество последователей, особенно в трудное время засухи, когда не было дождей. Его проповеди были грозной силой. В главе 18 Первой Книги Царей описана драматическая сцена, когда он собирает огромную толпу израильтян на горе Кармил и бросает вызов жрецам Ваала и «пророкам дубравным, питающимся от стола Иезавели», предлагая им состязание. Целью его было раз и навсегда решить вопрос, какой религии будет поклоняться народ. Там он заявил собравшимся: «Долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте». Пророки Ваала исполнили весь свой ритуал, «кололи себя, по своему обыкновению, ножами и кольями, так что кровь лилась по ним», но ничего не произошло. Тогда Илия построил свой алтарь-жертвенник и предложил жертву Яхве; и немедленно «ниспал огонь Господень и пожрал всесожжение. Увидев это, весь народ пал на лицо свое и сказал: Господь есть Бог, Господь есть Бог!» После этого Илия вместе с возглавляемой им толпой отвел языческих жрецов к потоку Киссону «и заколол их там». Затем, взойдя на

вершину Кармила, приказал «небольшое облако... от моря, величиною в ладонь человеческую». Вскоре «небо сделалось мрачно от туч и от ветра, и пошел большой дождь».

Несмотря на это триумфальное знамение, Илия оказался неспособен искоренить язычество или разрушить дом Омри, хотя и предсказал его падение. Он был одиночкой, харизматической личностью, способной раскачать большую толпу, но неспособной создать партию или придворную группировку. Он боролся за индивидуальное сознание, может быть, впервые в еврейской истории; Бог говорил с ним не громовыми раскатами, как с Моисеем, а тихим, спокойным голосом. Обличая Ахава за убийство Навуфея, он придерживался того принципа, что поведение царя не должно отличаться от поведения простого человека, оба должны руководствоваться одной моралью. Политика должна основываться на праве, а не на силе. Но Илия, хоть и был первым пророком, возглавлявшим оппозицию, не был политиком. Большую часть своей жизни он оставался преследуемым беглецом. Свои последние дни он провел в пустыне. Глава 2 Второй Книги Царей рассказывает, как он благословлял своего последователя Елисея, прежде чем вихрь унес его в огненной колеснице на небо, оставив преемнику свою ритуальную накидку (милоть).

Надо сказать, что Елисей был совершенно другой породы. Библия кое-что рассказывает о примечательных фактах его биографии. Однажды, когда неподалеку от Вефиля «малые дети» стали насмехаться над ним, он проклял их, после чего из леса вышли две медведицы и растерзали сорок два ребенка. Действовал Елисей не в одиночку. Он создал организацию своих последователей, училище пророков и, опираясь на некие светские элементы в верховной власти, стремился провести в жизнь церковные реформы, которых требовал Илия. Тем временем Ахав сохранял и расширял военные базы с колесницами, организованные Соломоном на Севере. У Ахава и его преемников была большая профессиональная армия, источник их силы и слабости. Среди его доблестных генералов был Инуй, потомок Намессия, ездивший на колеснице «неисотово». Вместе с Инуем Елисей организовал религиозно-военный заговор, помазал его в будущие цари и инициировал один из самых кровавых переворотов в истории. Инуй сделал так, что Иезавель выбросили из окна дворца ее же евнухи, «и кровь ее обрызгала стены и лошадей; и он попрали ее своей ногой». Семьдесят сыновей Ахава были обезглавлены, и их головы были сложены «в две груды у входа в ворота». Инуй уничтожил весь царский двор Ахава, «всех вельмож его, и близких его, и священников его, так что не осталось от него ни одного уцелевшего». Затем он собрал и истребил всех жрецов Ваала, «и разбили статую Ваала, и разрушили капище Ваалово; и сделали из него место нечистот до сего дня».

Эта зверская резня-чистка по религиозным мотивам могла на некоторое время восстановить культ Яхве как официальную религию, однако не разрешила перманентного противоречия между необходимостью поддерживать ортодоксальную религию во имя сплочения народа и потребностью соответствовать времени и окружающему миру во имя существования государства как такового. Инуй, как и можно было предвидеть, вскоре предался такому же произволу, как и дом Омри. В сущности, практически все израильские цари раньше или позже порывали с религиозными пуристами. Чтобы сохранить власть, царю приходилось (или это только казалось?) прибегать к действиям, невообразимым для истинного последователя Яхве. Прекрасный пример – история конфликта между мирским и религиозным. Есть знаменитый отрывок, когда Бог внушает Илие сказать Ахаву: «Ты убил, и еще вступаешь в наследство?», а Ахав отвечает: «Нашел ты меня, враг мой!» Простая замена сыновей Ахава Инуем и его сыновьями не решает проблемы. Об этом вновь говорится, хотя и в несколько иной форме, в Книге Амоса, относящейся к VIII веку. Эта книга относится к тому же периоду, что и «Труды и Дни» Гесиода – послегомеровской Греции, и демонстрирует ту же заботу об абстрактной справедливости, хотя в случае Амоса речь идет напрямую о культе Яхве. Он был южанином из Иудеи, собирал сикаморы и отправился на Север, чтобы агитировать за социальную справедливость. Он изо всей силы старался подчеркнуть, что не был пророком от рождения и не учился специально этому ремеслу; просто он, обычный трудящийся человек, узрел правду. Он протестовал против нынешних

церемоний, которые устраивали священники севера в святилище Вефиля; по его словам, это было издевательством, когда бедняки голодны и унижены. По его словам, Бог говорил: «Ненавижу, отвергаю праздники ваши... Удали от меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать. Пусть, как вода, течет суд, и правда – как сильный поток!» Амасия, главный священник Вефиля, был крайне недоволен деятельностью Амоса и возражал на его аргументы следующим образом: святое место – «святыня царя и дом царский»; долг священников поддерживать государственную религию соответствующим декорумом, а не играть в политические игры или лезть в экономику. Он заявил Амосу: «Провидец! Пойди и удались в землю Иудину; там ешь хлеб и там пророчествуй». А царю он пожаловался, что Амос «производит возмущение» подданных против него и многозначительно добавлял: «Земля не может терпеть всех слов его».

Эта дискуссия имела и по сей день имеет большое значение. Последние еврейские пророки, равно как и большинство христианских теологов-моралистов, поддерживали точку зрения Амоса. Как говорит Талмуд, «заповедь справедливости сильнее всех остальных заповедей, вместе взятых». На талмудистах не лежал груз ответственности за целостность государства; все эти проблемы остались в прошлом, и теперь они могли позволить себе роскошь морального абсолютизма. Во времена же Амасии компромисс между властью светской и духовной был необходимым условием выживания государства. Если всяким пророкам с Юга позволить ходить и возбуждать именем Бога классовую ненависть, то общество смертельно ослабеет и окажется во власти внешних врагов, которые несомненно сотрут веру Яхве с лица земли. Именно это он имел в виду, когда говорил, что земля не может терпеть горьких слов Амоса.

В течение IX века росла мощь Ассирии. Черный Обелиск Салманазара свидетельствует, что даже во времена Инуя Израиль был вынужден платить дань. Некоторое время Израилю удавалось откупаться от ассирийцев, играть в союзы с другими малыми странами, чтобы сдерживать ассирийскую экспансию. Однако в 745 г. до н.э. на ассирийский трон взошел жестокий Тиглатпаласар III, который превратил свой и без того воинственный народ в нацию захватчиков. Он провозгласил политику массовой депортации с завоеванных территорий. В 740 г. в его хрониках можно прочесть: «Что касается Менахема [царя Израиля], то его обуял страх... он прибежал и принес мне... серебро, цветную шерстяную одежду, льняную одежду... Все это я принял как его дань». В 734 г. он пробился к побережью, после чего двинулся на юг, к «потoku Египетскому». Всю элиту, богачей, торговцев, ремесленников, воинов перевозили в Ассирию и там селили; на освободившееся место селили халдейские и арамейские племена из Вавилонии. Затем Тиглатпаласар двинулся во внутренние районы. Разобщенное изнутри религиозно и социально, северное царство Израиля было неспособно оказывать сопротивление. В 733-34 гг. Тиглатпаласар завоевал Галилею и земли за Иорданом; оставалась только Самария. Тиглатпаласар умер в 727 г., но зимой 722-21 гг. его преемник Салманазар V захватил Самарию, после чего на следующий год преемник последнего Саргон II завершил демонтаж северного царства, вывезя оттуда остатки местной элиты и прислав туда колонистов. Как рассказывает Саргон в Хорсабадской летописи, «я окружил там и захватил Самарию и вывез 27 290 человек, там живших». Вторая Книга Царей горько констатирует: «И переселен Израиль из земли своей в Ассирию, где он и до сего дня. И перевел царь Ассирийский людей из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Емафа, и из Сепарваима, и поселил их в городах Самарийских вместо сынов Израилевых. И они овладели Самариею, и стали жить в городах ее». Имеется много археологических подтверждений этой катастрофы. В Самарии царский квартал был полностью разрушен. Мегиддо сравнивали с землей и на его обломках построили новые здания ассирийского типа. Стены Хацора были повалены. Шехем исчез полностью. Так же, как и Тирза.

Так произошла первая массовая трагедия в еврейской истории. К тому же после нее не суждено было случиться возрождению. Катастрофическое рассеяние израильских северян было окончательным. Последний, вынужденный исход десяти северных племен в Ассирию проходил по маршруту из истории – в предания. Они существовали впоследствии в

еврейских легендах, но в действительности они просто ассимилировались в окружающем арамейском населении, утратив веру и язык; скрыть их исчезновение помогло распространение арамейского языка к западу в качестве общего языка Ассирийской империи. В Самарии израильские крестьяне и ремесленники остались на месте, но пережились с переселенцами. Повествуя о всех этих грустных событиях, глава 17 Второй Книги Царей сообщает, что, находясь в ассирийской ссылке, израильская элита продолжала поклоняться Яхве. Они послали одного из своих священников в Вефиль, чтобы наставлять на путь истинный соотечественников, оставшихся без духовного руководства. И вот что об этом говорится: «Притом сделал каждый народ и своих богов, и поставил в капищах высот, какие устроили самаряне». А далее рисуется устрашающая картина смеси религий, которая возникла в Северном царстве. То, каким образом на Севере поклонялись Яхве, всегда было подозрительно для Иудеи. Это сомнение насчет ортодоксальности северян отражало то разделение израильтян, которое возникло при переселении в Египет, но не исчезло и потом, после Исхода и завоевания Ханаана. В глазах Иерусалима и его священников северяне вечно путались с язычниками. Падение и последующее расселение Северного царства, а также смешанные браки с пришельцами использовались как повод для того, чтобы отрицать право самаритян считать себя причастными к израильскому наследию. И впоследствии никогда более не считали самаритян частью избранного народа, который вправе населять Землю Обетованную по своему происхождению.

Так сложилось, что Север передал религиозное наследие Югу, дабы там зародилась новая фаза развития культа Яхве, процветавшего на Юге в последние дни старого Иерусалима. Когда Самария пала, некоторые грамотные беженцы, избежав депортации, оказались на Юге, где их приняли и поселили в Иерусалиме. Один из них принес с собой писания малоизвестного пророка Осии, которые были кем-то на Юге отредактированы. Пророчества и записи Осии были сделаны накануне гибели Северного царства. Он первым из израильтян понял, что военный и политический разгром – неизбежное наказание избранного народа Богом за язычество и моральный упадок. В прекрасно написанном, а зачастую и поэтическом тексте он предсказывает падение Самарии. Бог разобьет их идолов: «Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю». А всех ранее веровавших в Яхве, но впавших в грех он предупреждает: «Вы возделывали нечестие – пожинаете беззаконие».

Осия – фигура загадочная; в некоторых отношениях его писания – наименее понятная часть Библии. Его тон мрачен и полон пессимизма. Однако у него хватало сил (и это стало характерным для многих еврейских писателей) донести до читателей, что как бы тяжело он ни страдал, но сохранил неугасимую искру надежды. Не исключено, что он – перевоспитавшийся любитель выпивки и женщин. Он сокрушается: «Блуд, вино и напитки завладели сердцем их». Сексуальность в особенности им осуждается. Он говорит, что Господь повелел ему жениться на блуднице Гомерь и взять себе детей блуда; здесь Гомерь одновременно олицетворяет ритуальных проституток языческих храмов и Израиль, изменивший истинному супругу, Яхве, отдавшись Ваалу. Он осуждает буквально все институты Севера. По его мнению, лучше бы Север вообще никогда не существовал как таковой, поскольку Израиль и Иудея должны быть едины. Политические решения бесполезны, а резня, устроенная Инуем, – безнравственна. Организованная структура священнослужителей – позор: «Как разбойники подстерегают человека, так сборище священников убивают на пути в Шехем и совершают мерзости». Не лучше и школы прорицателей при царских святилищах и в иных местах: «...и пророк падет с тобою ночью... глуп прорицатель, безумен выдающий себя за вдохновенного».

Таким образом, Израиль и его существующие институты обречены, и суждено ему изгнание. Однако по большому счету это не имеет решающего значения, поскольку Бог все же любит свой народ. Он наказывает, но он же и прощает: «Он уязвил – и Он исцелит нас, поразил – и перевяжет наши раны». И добавляет пророческую фразу: «В третий день восставит нас, и мы будем жить пред лицом Его». Важно не материальная подготовка, а изменения в людских сердцах. Именно любовь к Богу, ответ на Его любовь к нам станут

гарантией возрождения Израиля и позволят тем, кто остался очищенным и просветленным, понести веру в будущее.

Это замечательное послание, в котором впервые израильский мыслитель рассматривает вопрос о религии сердца, никак не привязанной к конкретному государству и общественному устройству, было воспринято Иудеей, которая была в ужасе от падения своего северного соседа и опасалась, что ее постигнет та же участь. Иудея была более бедной, чем Север, более сельской; здесь слабее было влияние военно-политической верхушки; она была ближе к корням культа Яхве, хотя, как свидетельствует и Библия, и результаты раскопок в Иерусалиме в 1961–67 гг., имело место некоторое сползание в сторону язычества. Большую роль здесь играл простой народ, «ам-гаарец». Впервые он вышел здесь на историческую сцену в 840 г. до н.э., свергнув деспотическую вдовствующую царицу Гофолию, которая захватила трон и установила в Храме культ Ваала. Вторая Книга Царей дает ясно понять, что последовавшая затем реставрация законности позволила вернуться и к принципу теократической демократии. Ибо народным восстанием руководил священник Иодай, который настаивал на том, что народ следует признать в качестве политической силы и субъекта права: «И заключил Иодай завет между Господом и между царем и народом». Подобное соглашение было в то время невозможно ни в одной стране на Ближнем Востоке; даже Греция вышла на этот уровень намного позже. И когда на Иудею в свою очередь пала тень экспансии, ам-гаарец получил право выбирать себе царя, если ситуация с престолонаследием сомнительна.

Когда Израиль пал, царь Иудеи Езекия, чья профессиональная армия была небольшой и сильно уступала посаженной на колесницы былой армии Севера, воспользовался народной поддержкой, чтобы заново укрепить Иерусалим, построив новую стену вдоль западного гребня: «И ободрился он, и восстановил всю обрушившуюся стену, и поднял ее до башни, и извне построил другую стену». Он также подготовился к осаде города ассирийцами, отведя через Шилоамский тоннель, по которому вода из источника Гихон подавалась в емкость, вырубленную в скале, дополнительный канал, перепускавший избыток воды в Кедронский ручей. Теперь горожане могли пользоваться водой из емкости так, что осаждающие не знали бы об этом. Эти работы тоже описаны в Библии, причем факт их приведения был подтвержден при обследовании тоннеля в 1867–70 гг. На стене была обнаружена надпись на иврите, сделанная по завершении работы:

«Вот как пробивали туннель: проходчики работали кирками, идя навстречу друг другу; когда им оставалось пробить три локтя [примерно полтора метра], они услышали, как один человек обращается к другому, потому что в скале по правую руку и по левую руку оказались трещины. И в день окончания проходки проходчики продолжали пробиваться навстречу друг другу, кирка против кирки. И вода потекла из источника в бассейн на расстоянии 1200 локтей [500 метров]».

И Иерусалим сумел выдержать жестокую осаду, которой подверг его ассирийский царь Сеннахирим в 701 г. до н.э. Причем спасение пришло не столько от новых стен и бассейна с водой, сколько от внезапной вспышки бубонной чумы, которую мыши занесли в лагерь ассирийцев. Позднее это событие было описано греческим историком Геродотом. Во Второй Книге Царей это названо чудом: «И случилось в ту ночь: пошел Ангел Господень, и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые». Правители Иудеи пытались также обеспечить безопасность, вступая в союз с небольшими соседними государствами, а также с большим, но слабым Египтом, этой, как насмехались ассирийцы, «тростью надломанной», которая, «если кто опрется на нее, войдет ему в руку и проколлет ее».

Однако постепенно и правители и граждане Иудеи стали связывать свою политическую и военную судьбу с состоянием своей религии и морали. Все шире стало распространяться мнение, что спасти народ может только вера и труд. Однако концепция религиозного решения проблемы национального выживания прямо противоположна идее, что привела Израиль к монархии в дни вторжения филистимлян, сама вела Иудею в двух направлениях.

Как лучше всего умиловать Яхве? Священники Иерусалимского храма настаивали, что лучше всего это сделать, покончив раз и навсегда с культовыми мероприятиями в горных капищах и провинциальных храмах и сосредоточив отправление культа в Иерусалиме, где можно сохранять ортодоксальный подход во всей его чистоте. Процесс ускорился в 622 г. до н.э., когда при ремонте Храма первосвященник Хилькия обнаружил древнюю книгу, то ли оригинальный текст Пятикнижия, то ли одну Книгу Второзакония, где приведен текст завета между Богом и Израилем и в довершение всего – ужасающие проклятия главы 28. Это открытие вызвало панику; оно как будто подтверждало пророческие предупреждения Осии и показывало, что Юг ожидает та же судьба, что и Север. Цар Иосия «разорвал одежду» и приказал полностью реформировать культ. Все статуи были изломаны, «высоты» разрушены, жрецы языческих, неортодоксальных и еретических культов убиты, а кульминацией фундаменталистской реформы явились общенациональные торжества по случаю Пасхи, причем такие, каких Иерусалим еще не видывал. Парадоксально, но больше всех от возвращения к национальным религиозным истокам выиграл Иерусалимский Храм, который сам явился в свое время полуязыческой новацией Соломона. Власть его священников резко возросла, и он стал общенациональным (или, во всяком случае, официальным) арбитром в вопросах веры.

Однако в этот предзакатный период появилась и стала выражаться вторая, неофициальная линия. Она указывала прямо противоположный путь к спасению, который в конце концов оказался верным. Осия писал о силе любви и призывал к изменениям в сердцах людей. Один его молодой современник-южанин пошел дальше в этом направлении. Исайя жил в то время, когда Северное царство находилось при смерти. В отличие от большинства библейских героев, он не был рожден в бедности. Согласно вавилонскому Талмуду, он был племянником иудейского царя Амасии. Однако идеи его были популистскими и демократическими. Он не верил ни в армии и крепостные стены, ни в царей и величественные храмы. Его деятельность знаменует тот момент, когда начинается духовная перестройка израильской религии, которая от конкретного места и времени уходит в некую универсальную плоскость. Книга Исайи делится на две части: главы с 1 по 39 посвящены его жизни и пророчествам в период 740—700 гг. до н.э.; главы 44-46 («Дейтеро-Исайя») относятся к гораздо более позднему времени. Историческая связь между этими двумя периодами не очень ясна, хотя развитие идей выглядит достаточно логично.

Исайя был не только самым замечательным из пророков; его по праву можно считать величайшим автором в Ветхом Завете. Очевидно, он был выдающимся проповедником, однако, похоже, что свои выступления он стремился записывать. Эти тексты были записаны очень рано и остались самыми популярными из всего Святого Писания. Среди текстов, найденных в Кумране после Второй мировой войны, был пергаментный свиток семиметровой длины, где полностью воспроизведена Книга Исайи в виде пяти столбцов на иврите; это самая объемистая и лучше всего сохранившаяся библейская рукопись, какой мы располагаем. Древние евреи любили его искрометную прозу с яркими образами, многие из которых с тех пор перекочевали в литературу всех цивилизованных народов. Но важнее языка была мысль, ибо Исайя настойчиво продвигал человечество к новым моральным открытиям.

Все темы у Исайи взаимосвязаны. Подобно Осии, он стремится предупредить о катастрофе. «Сторож! сколько ночи?» – он спрашивает, – «сторож! сколько ночи?» Глупые люди не обращают внимания, они говорят: «Будем есть и пить, ибо завтра умрем». Или они возлагают свои надежды на крепости и союзы. Вместо этого они должны повиноваться Богу, который приказал: «Содержи дом свой в порядке». Это означает моральную перестройку в сердце, внутреннее реформирование личностей и общества. Целью должна быть социальная справедливость. Люди должны прекратить погоню за богатством как главной целью жизни: «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места». Бог не потерпит угнетения слабого. Он требует: «Что вы тесните народ Мой и угнетаете бедных? говорит Господь, Господь Саваоф».

Вторая тема Исаяи – покаяние. Если в сердце своем человек изменился, Господь всегда прощает: «Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю». Чего Бог хочет от человека – это признания и ответного действия за его святость: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» – и Исаяя представляет, как ангелы касаются уст человеческих горящим углем, чтобы выжечь грех. А когда изменится сердце грешника и он станет стремиться не к богатству и власти, а к святости, то тут выдвигается на первый план третья тема Исаяи: идея наступления века всеобщего мира, когда люди «перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать». И в эту эпоху мира «возвеселится пустыня... и расцветет как нарцисс».

Исаяя, однако, не просто проповедует новую этическую систему. Происходя из народа, которому присуще чувство историзма, он видит волю Бога, причину и следствие, грех и покаяние, которые поступательно и целенаправленно следуют друг за другом. Он демонстрирует свое видение будущего, и оно населено вполне различимыми персонажами. И в этот момент он открывает свою четвертую тему: идею не просто коллективного отказа от греха, но и специфической фигуры спасителя: «Се, Дева во чреве примет, и родит сына, и нарекут имя Ему: Еммануил». Этот младенец будет играть в эпоху мира довольно специфическую роль: «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их». Но он будет также и великим правителем: «Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекую имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира».

Исаяя не только писал, но и проповедовал в Храме. Он, однако, не вел разговоров об официальном религиозном культе, о бесконечных жертвоприношениях и церемониях; речь шла о религиозной этике, о том, что в сердце каждого; он обращался к народу через голову священнослужителей. Согласно Талмуду, принято считать, что он был убит в годы царствования идолопоклонника Манассии; но его не слишком привечала и ортодоксальная церковь. В израильской литературе все более явственно начинает звучать тема жертвенности. Во второй части Книги Исаяи появляется новый персонаж, который как-то связан с фигурой спасителя из первой части: это Страждущий Раб, который принимает на себя грехи всего общества и, жертвуя собой, искупает их; к тому же он олицетворяет собой миссию избранной нации и ведет ее к триумфальному завершению. Этот Страждущий Раб как эхо повторяет собственный голос и судьбу Исаяи, и две половины этой книги сливаются воедино, хотя, по-видимому, записаны они были с перерывом примерно в два столетия. В целом Книга Исаяи знаменует собой заметное движение религии Яхве к зрелости. Она теперь сосредоточивается на справедливости и рассудительности как нации, так и отдельной души. Особенностью «Дейтеро-Исаяи» является то, что основной акцент делается на роли личности как носителя веры, вне связи с зовом племени, расы, нации. Не только Илие, но и каждому из нас следует слушать «тихий, спокойный голос» совести. Это – составная часть открытия личности, гигантский шаг вперед в самопознании человека. Греки вскоре тоже начнут двигаться в этом направлении, но предтечами его все же были израильтяне, или, как мы позднее будем называть их, евреи.

Более того, в отличие от греков, под влиянием Исаяи израильтяне двигались в направлении чистого монотеизма. В ранних частях Библии есть много мест, где Яхве предстает пред нами не столько в виде единственного Бога, сколько в качестве самого сильного, который может действовать и на территории других богов. Во второй части Книги Исаяи, однако, существование других богов отрицается вовсе, причем с позиций не только практических, но и идеологическо-теоретических: «Я первый, и Я последний, и кроме Меня нет Бога». Более того, здесь четко говорится, что Бог универсален, вездесущ и всемогущ. Он является побудительной силой истории, причем единственной. Он создал вселенную; он управляет ей; он положит ей конец. Израиль – составная часть его плана – впрочем, как и все остальное. Так что если ассирийцы нападают, это происходит по его указанию; если

вавилоняне отправляют целую нацию в изгнание – на то тоже Божья воля. Вышедшая из пустыни религия Моисея начинает зреть и превращаться в сложную мировую веру, которой все человечество сможет адресовать свои вопросы.

Мы можем не сомневаться, что послание Исаяи стало проникать в людское сознание еще до падения Иерусалима. Но в последние десятилетия перед катастрофой к его мощному голосу присоединился еще один, причем живой, может быть, менее поэтичный, но столь же проникновенный. Мы знаем об Иеремии больше, чем о любом другом авторе времен, предшествовавших изгнанию, потому что он диктовал свои проповеди и автобиографию своему ученику Баруху. Его жизнь тесно переплеталась с трагической историей отечества. Он был вениалитянином, из семьи священника, жившей в деревне на северо-восток от Иерусалима. В 627 г. он сам начал проповедовать в традициях Осии и, может быть, в какой-то степени Исаяи. Он видел свою нацию прискорбно грешной и обреченной: «У народа сего сердце буйное и мятежное». Как и у Осии, у него не было времени для дискуссий с клерикалами «верхами», будь то священники, книжники, мудрецы или прихрамовые пророки: «Пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?» Он считал, что религиозная реформа в пользу главного Храма, проведенная Иосией, закончилась полным провалом и вскоре после смерти царя, в 609 г. до н.э., он отправился в Храм и выступил там с проповедью, изложив свои соображения. В результате его чуть не убили и запретили появляться вблизи храмового квартала. И родная деревня и семья отвернулись от него. Он то ли не мог, то ли не желал жениться. В своем одиночестве и изоляции он продолжает писать, но в писаниях его можно обнаружить признаки паранойи: «Проклят день, в который я родился». И снова: «За что так упорна болезнь моя, и рана моя так неисцельна?» Ему чудилось, что его окружают враги, которые «составляют замыслы против меня», и что «я... как кроткий агнец, ведомый на заклание». Какая-то правда в этом была: не только Иеремии запретили проповедовать, но и писания его были сожжены.

Эту непопулярность можно понять. Потому что в то время, когда «враг с севера», как он называл его, Навуходоносор и его армия угрожали все более и все царство пыталось найти способ, как избежать несчастья, оказалось, что Иеремия выступает с пораженческими проповедями. Он утверждал, что народ и его правители сами виноваты в грозящей опасности в силу зла, которое творили. Враг же просто инструмент Божьей кары, а потому должен победить. Это казалось черным фатализмом (отсюда и термин «иеремиада»). Но его современники упустили из виду другую часть его послания – основание для надежды. Потому что Иеремия говорил, что разрушение царства – это еще не все. Израиль все равно остается избранным Богом, и он может выполнить свое предназначение в изгнании и ссылке с тем же успехом, что и в пределах своего миниатюрного национального государства. Связь Израиля с Богом переживет поражение, поскольку она неуловима, неосязаема, а потому и нерушима. Иеремия вовсе не проповедовал отчаяние; напротив, он готовил своих братьев-израильтян к тому, чтобы достойно встретить отчаяние и преодолеть его. Он пытался научить их, как стать евреями: подчиниться силе завоевателя и приспособиться к ней, извлечь максимум возможного из неблагоприятной обстановки и лелеять в своем сердце веру в конечную справедливость Бога.

Был необходим урок, поскольку уже виден конец Первого Содружества. За три года до службы Иеремии в Храме внезапно пала Ассирийская империя, и оставшийся после нее вакуум и был заполнен новой державой – Вавилоном. В 605 г. до н.э. Вавилон выиграл решающую битву при Карчемише, уничтожив армию Египта, «сломанный тростник». В 597 г. до н.э. пал Иерусалим. Находящаяся в Британском музее Вавилонская хроника отмечает: «В седьмом году, в месяц кислев, Навуходоносор собрал свои войска и, пройдя до страны Гатти, осадил город Иудею, после чего на второй день месяца адар взял город и пленил царя. Назначив там своего царя, он взял большую дань и отправил ее в Вавилон». Это дает нам точную дату: 16 марта. Вторая Книга Царей добавляет, что царь Иудеи Иехония был взят в Вавилон вместе «со всем Иерусалимом, всеми князьями, и всем храбрым войском, – десять

тысяч было переселенных, – и всеми плотниками и кузнецами; никого не осталось, кроме бедного народа земли». «Все золотые сосуды... в храме Господнем» были изломаны и унесены.

Но на этом не кончились горести Иудеи. При Седекии, который был посажен вавилонянами на трон и присягнул им на верность, город был отстроен, но затем снова подвергся осаде. В 1935 г. археолог Дж. Л. Старки произвел раскопки ворот Лахиша и обнаружил там клинописные тексты, известные теперь под названием Лахишских писем. Они относятся к осени 589 г. до н.э. и представляют собой донесения, которые были направлены с дальних постов в штаб буквально в последние дни свободы Иерусалима. В одном из них упоминается некий пророк, возможно сам Иеремия. Другое констатирует, что последними еще не занятыми израильскими анклавами остаются Иерусалим, Лахиш и Асека. В 587—586 гг. стены Иерусалима были проломлены, и голодный город пал. На глазах у Седекии были умерщвлены его дети, после чего ему выкололи глаза – такова была обычная процедура наказания неверного вассала. Был разрушен и Храм, и крепостные стены, и дома великого города; обломки построек старого города Милло, который существовал еще до прихода Давида, были свалены в овраг.

Была, однако, существенная разница между вавилонским завоеванием Иудеи и броском ассирийцев на север. Вавилоняне были менее жестоки. Они не занимались колонизацией. С востока не переселялось чужих племен, в Земле Обетованной не сооружалось языческих святилищ. Простой народ, ам-гаарец, остался без своих вождей, но вполне мог хранить верность своей религии. Более того, когда в 588 г. до н.э. были покорены вениамитяне, их не стали отправлять в изгнание и оставили нетронутыми города Гивеон, Миспу и Вефиль. Но, конечно, нация была рассеяна. Многих выслали, многие бежали: кто на север, в Самарию, в Эдом, Моав, кто в Египет. Среди них был и Иеремия. В последние дни Иерусалима он проявил храбрость и упорство, настаивая, что сопротивление бесполезно, а Навуходоносор – слуга Божий, посланный, чтобы наказать Иудею за грехи. Его взяли под стражу. После падения города он пожелал там остаться и разделить судьбу бедняков. Однако группа сограждан силой увела его с собой и заставила поселиться вблизи египетской границы. Там он и жил до глубокой старости, продолжая обличать грехи, которые вызвали наказание Господне, и выражая свою веру в тех, кто «остался малым числом» и станет свидетелем того, как история подтвердит его правоту. Так продолжалось, пока не затих его голос, голос первого еврея.

Часть вторая ИУДАИЗМ

Среди первой партии высланной в Вавилонию в 597 г. до н.э. элиты был высокопоставленный и ученый священник по имени Иезекииль. Жена его умерла во время последней осады города, а сам он жил и умер в одиночестве на реке Ховар вблизи Вавилона. Однажды, когда он в горечи и тоске сидел на берегу, его посетило божественное видение: «Бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня». Это – первое из его видений, описанных в Библии, уникальных тем, что у Иезекииля буквально не хватало слов, чтобы описать свои зрительные ощущения: яркий, слепящий свет отдает то топазами, то сапфирами, то рубинами; одна за другой следуют вспышки, летят искры, яростный огонь слепит и обжигает, и так далее. Его большая книга запутана и непоследовательна, полна пугающих сновидений и образов, угроз и проклятий. Он один из величайших библейских авторов, и к тому же самых популярных, как в прошлые времена, так и впоследствии. Однако он, видимо, против своей воли окружен таинственностью. И почему, спрашивает он, я все время должен говорить загадками?

Однако именно этот таинственный и страстный человек выводит для собеседника четкую и твердую установку: спасение – только в чистоте веры. Все государства, империи,

троны по большому счету ничего не значат. Они падут по воле Божьей. Значение имеет только сотворенный Богом по своему образу человек. Иезекииль описывает, как Господь привел его в поле, полное костей, и спросил: «Сын человеческий! оживут ли кости сии?» После чего пред его потрясенным взором кости стали греметь, сближаться; Бог покрыл их жилами, плотью и кожей, вложил в них дух, «и они ожили, и стали на ноги свои – весьма, весьма великое полчище». Позднее христиане интерпретировали эту страшную сцену как образ воскресения мертвых, но для Иезекииля и его аудитории это был символ возрождения Израиля, точнее Израиля, более близкого к Богу, более зависимого от него, чем когда-либо прежде, где каждый мужчина и каждая женщина созданы Богом, лично ответственны перед ним и всю свою жизнь с самого рождения повинуются его законам. Если Иеремия был первым евреем, то именно Иезекииль и его видения дали движущий импульс формированию иудаизма.

Изгнание неизбежно означало разрыв с племенным прошлым. И действительно, к этому времени с десятков племен уже физически исчезли. Иезекииль, подобно Осии, Исаяе и Иеремии, настаивал, что те беды, которые обрушились на евреев, являются непосредственным и неизбежным результатом прегрешений против Закона Божьего. Но в то время, как прежние историки и пророки выделяли чувство коллективной вины и возлагали всю вину на царей и вождей, то теперь, в изгнании, евреям было некого винить, кроме самих себя. Бог, как писал Иезекииль, больше не наказывает людей коллективно за грехи их вожда, или нынешнее поколение за ошибки предков. «Пока я живу, – громогласно объявил Господь, – не следует верить старой поговорке израильтян насчет того, что отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». Она устарела, ее необходимо отвергнуть. «Ибо вот, все души – Мои», – сказал Господь Иезекиилю, и каждая пред ним несет персональную ответственность: «Душа согрешающая, та умрет». Разумеется, идея личности всегда присутствовала и в религии Моисея, поскольку она была неразрывно связана с верой в то, что каждый создан по образу Божьему. Эта идея получила мощную поддержку в изречениях Исаяи. У Иезекииля же она стала доминирующей, в результате чего значимость личности стала самой сутью еврейской религии.

Отсюда проистекало много последствий. Между 734 и 581 гг. до н.э. произошло шесть крупных депортаций израильтян; очень многие сами бежали в Египет и другие районы Ближнего Востока. С этого момента большинство евреев всегда уже жило за пределами Земли Обетованной. Разбросанные, лишённые руководства и поддержки, какую могли бы обеспечить государственные структуры, евреи были вынуждены искать какого-либо альтернативного способа сохранить свою идентичность. И они обратились к своим писаниям – законам и летописям. Начиная с этого времени мы все больше слышим о книжниках. До тех пор они выполняли просто функции писцов-секретарей, как Барух, которые записывали речи великих мира сего. Теперь же они превратились в важную касту, которая записывала устные предания, копировала драгоценные свитки, спасенные из разрушенного Храма, приводили в порядок и редактировали материалы из архивов. В течение какого-то времени они имели большую значимость, чем даже священники, которые были лишены храма, где могли бы демонстрировать собственную славу и незаменимость. Условия изгнания в каком-то смысле содействовали деятельности книжников. Вообще отношение к евреям в Вавилоне было удовлетворительное. В табличках, найденных в древнем городе возле Ворот Иштар, приводится ежедневный рацион пленников, среди которых фигурирует «Иохин, царь страны Яхуд» – то есть Иехония. Некоторые евреи стали купцами. Появились первые рассказы об успехах, достигнутых в диаспоре. Часть прибылей от торговли шла на финансовую поддержку книжников и их работы, направленной на сохранение веры евреев. Если личность несет ответственность за соблюдение Закона, она по крайней мере должна знать Закон. Поэтому следует не только записывать его текст и снимать с него копии, но и изучать.

В результате именно во время Исхода простые евреи стали впервые вовлекаться в регулярное соблюдение обрядов. Установка на обрезание, которое четко отличало их от

окужающих язычников, проводилась в жизнь неукоснительно, и этот акт превратился в церемонию и стал частью еврейского образа жизни и религиозной обрядности. Концепция Субботы, подкрепленная тем, что они почерпнули из вавилонской астрономии, стала кульминацией еврейской недели, а слово «шаббетаи», изобретенное во время Исхода, стало самым популярным термином. Еврейский год оказался впервые пронизан регулярными праздниками: на Пасху праздновали основание еврейской нации; на Пятидесятницу – дарование законов, с которых пошла их религия; Праздник Кущей знаменовал блуждания по пустыне, которые свели воедино нацию и религию; когда же в сердцах евреев закрепилось сознание личной ответственности, они стали также праздновать Новый год в память о сотворении, а День Искупления – как символ ожидаемого Суда. И вновь наука и календарь вавилонян помогли придать этой годичной системе праздников регулярность и постоянство. Именно в изгнании правила веры приобрели первостепенное значение – чистота, гигиена, диета. Законы отныне стали штудировать, зачитывать во всеуслышание, заучивать. По-видимому, к этому времени относятся данные нам указания Второзакония: «И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая. И навязи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими. И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих». Именно в изгнании евреи, лишённые своего государства, обратились к номократии – добровольно подчинившись власти Закона, которую можно было проводить в жизнь только при общем согласии. Ранее ничего подобного в истории не наблюдалось.

Исход был непродолжительным в том смысле, что длился всего полстолетия после окончательного падения Иудеи. Однако созидательное значение его было огромно. Здесь мы подходим к очень важному моменту в истории евреев. Как уже отмечалось, взаимоотношения религии и государства в Израиле характеризуются внутренним конфликтом. С точки зрения религии еврейская история формировалась в течение четырех основных периодов: при Аврааме, при Моисее, во время Исхода и вскоре после него и последний, последовавший за разрушением Второго Храма. Первые два породили религию Яхве; во вторые два сложился и сформировался иудаизм как таковой. Но ни в один из этих периодов у евреев не было собственного независимого государства, хотя следует признать, что во времена Моисея ими никто посторонний не правил.

И, наоборот, следует обратить внимание на то, что, когда израильтяне (а позднее – евреи) перешли к процветающей оседлой жизни и самоуправлению, им оказалось чрезвычайно тяжело сохранить свою религию в чистоте и неприкосновенности. Разложение началось вскоре после завоеваний Иосифа; затем оно возникло при Соломоне, причем проявлялось и в северном и в южном царствах – в особенности при сильных и богатых царях, «в добрые времена». Картина в точности воспроизвелась при хасмонитянах, а также при монархе Ироде Великом. В годы самоуправления и процветания у евреев всегда наблюдалась тяга к религиям соседей, будь то кананитяне, филистимляне-финикийцы или греки. И только в дни бедствий они решительно спланивались вокруг своих принципов и максимально мобилизовали свое исключительное религиозное воображение, оригинальность, ясность и усердие. Видимо, в такие периоды, когда у них не было своего государства и все соблазны и обязанности, связанные с властью, ложились на плечи других, евреи охотнее повиновались закону и были более богобоязненны. Иеремия первым ощутил вероятность того, что безвластие и добродетель связаны между собой, вследствие чего чужое правление может быть предпочтительнее своего. Он приближается к концепции того, что государство неизбежно есть зло.

Эти идеи глубоко коренились в израильской истории, восходя еще к назаретянам и рехавитянам. Они, по сути, внутренне присущи яхвеизму, ибо, согласно ему, правителем является не человек, но Бог. В Библии неоднократно можно встретить намеки на то, что целью добродетели является ликвидация порядка, установленного людьми: «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся». В главе 2 Первой книги Самуила (Царств)

его мать, Анна, поет торжествующий гимн подчинению во имя Бога, святой революции: «Из праха подъемлет Он бедных, из брения возвышает нищего, посаждая с вельможами»; позднее эта же тема зазвучит у Девы Марии в Магнификате. Евреи были той закваской, что вызывала разложение существующего строя, источником общественных перемен, – так откуда у них взяться порядку и вообще обществу?

И вот начиная с этого момента мы можем отметить у евреев существование менталитета Исхода, диаспоры. На смену Вавилонской империи пришел персидско-мидийский союз, созданный Киром Великим, у которого не было ни малейшего желания удерживать евреев. Однако многие из них, а может быть, даже большинство, предпочли остаться на территории Вавилонии, которая в течение 1500 лет была великим центром еврейской культуры. Другие еврейские общины осели в Египте, причем не возле границы, как Иеремия, а даже вблизи первого порога на Ниле, там, где остров Элефантина. Среди документов сохранилось письмо на папирусе, в котором тамошняя еврейская община просит разрешения восстановить свой храм. Даже среди вернувшихся в Иудею были люди, настроенные на жизнь в эмиграции; они были солидарны с Иеремией в том смысле, что в Исходе есть некое позитивное начало – по крайней мере до того дня, когда займется рассвет идеальной непорочности. Они жили на краю пустыни и считали себя внутренними изгнанниками в «Земле Дамасской», символизировавшей для них убежище, дарованное Богом Яхве. Там они ждали доброго времени, когда звезда и святой вождь укажут им путь возврата в Иерусалим. Эти изгнанники были потомками рехавитян и предшественниками кумранской секты.

Не исключено, что сам Кир Великий, персидский царь, был подстрекателем Возвращения. Религиозные воззрения персидского правящего класса носили этический и универсалистский характер, в противоположность нетерпимому узкому национализму его имперских предшественников. Сам Кир был приверженцем зороастризма и верил в единое, вечное, благодетельное существо, «Создателя всего через святой дух». При Кире в Персии была выработана имперская религиозная политика, коренным образом отличавшаяся от ассирийской и вавилонской. Персы были готовы уважать религиозные верования подчиненных народов при условии, что они не противоречат признанию их власти. По-видимому, Кир считал своим религиозным долгом воспрепятствовать безжалостным депортациям и разрушению храмов, которыми «прославились» его предшественники. На так называемом Цилиндре Кира, который был найден в XIX веке в развалинах вавилонского дворца и хранится в настоящее время в Британском музее, он так излагает свою политику: «Я – Кир, Царь Мира... Великий бог Мардук радуется моим благочестивым деяниям... Я собрал все народы и вернул их к прежнему местожительству... а также к их богам... По повелению великого бога Мардука я вернул им их святилища... Так пусть же все возвращенные мной в свои дома боги [молятся каждодневно] за продление моих дней». Согласно Книге пророка Исаяи, написанной приблизительно в это время, на эту реставрацию Кир был подвигнут непосредственно Господом, и Кир соответственно именуется Его помазанником. В Книге книжника Ездры Кир говорит вавилонским евреям касательно их возвращения: «Все царства земли дал мне Господь, Бог небесный; и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа его, – да будет Бог его с ним, – и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа, Бога Израилева».

Несмотря на поддержку и приказ Кира, первая попытка возврата в 538 г. до н.э. при одном из сыновей свергнутого царя Иоакима оказалась безуспешной из-за сопротивления, которое оказали остававшиеся в Иерусалиме бедные евреи, ам-гаарец; последние, объединившись с самарянами, эдомитянами и арабами, не дали переселенцам возвести стены. Вторая попытка была предпринята в 520 г. до н.э. при полной поддержке Дария, сына Кира; ею руководил Зоровавель, авторитет которого как потомка Давида дополнительно подкреплялся официальным назначением на должность персидского губернатора Иудеи. Согласно Библии, с ним вернулось 42 360 изгнанников, в том числе много священников и

книжников. Так на сцене Иерусалима появилась новая группировка ортодоксов иудаизма, которая группировалась вокруг официально разрешенного храма, работы по сооружению которого начались немедленно. Он выглядел гораздо скромнее, чем Храм Соломона, как отмечается в главе 2 Книги пророка Аггея, хотя снова использовалась кедровая древесина из Ливана. Самаритянам и другим евреям, считавшимся еретиками, не разрешили принять участия в строительстве. Им было сказано: «Не строить вам вместе с нами дом нашему Богу». Поселение вернувшихся изгнанников отнюдь не процветало – возможно, в результате их сектантского поведения. В 458 г. до н.э. их усилила третья волна переселенцев во главе с Ездрой, священником и книжником, который отличался большой ученостью и авторитетом и безуспешно пытался разрешить юридические проблемы, порождавшиеся ересью, смешанными браками и спорами вокруг собственности на землю. В конце концов в 445 г. до н.э. к нему присоединился мощный контингент, возглавленный видным персидским деятелем Неемией, евреем по национальности, которому было поручено управлять Иудеей и превратить ее в автономную политическую единицу в рамках империи.

Этой, четвертой, волне удалось наконец добиться стабильности поселения; это в основном заслуга Неемии, человека активного, дипломата и государственного деятеля, под руководством которого были быстро воздвигнуты стены Иерусалима, что позволило создать там безопасный анклав, с территории которого можно было руководить процессом репатриации. Как ему удалось это, он рассказывает в своих мемуарах, прекрасном образчике еврейской исторической литературы. Из них мы узнаем о первом обследовании разрушенных стен, которое тайно производилось под покровом ночи; о том, кто персонально принимал участие в строительстве, и его личном вкладе; об отчаянных попытках аравитян (арабов), аммонитян и других помешать работе; о ее продолжении под усиленной охраной – «каждый из строивших препоясан был мечем по чреслам своим, и так они строили», – причем каждую ночь строители возвращались в город («и ни я, ни братья мои... не снимали с себя одеянья своего; у каждого были под рукою меч и вода»); о ее триумфальном завершении. Неемия сообщает, что вся работа была завершена за 52 дня. Отстроенный заново город был меньше, чем при Соломоне, беднее и поначалу был малолюднен. Как пишет Неемия, «город был просторен и велик, а народа в нем было немного, и дома не были построены». Туда со всей Иудеи привезли семьи, отобранные по жребию. Энергия и предприимчивость Неемии были образцом для подражания еврейских активистов, которые заселяли Палестину в XX веке. Однако после завершения его деятельности внезапно воцарилось полное спокойствие и тишина.

Годы с 400 по 200 г. до н.э. – потерянная эпоха в еврейской истории. Такое впечатление, что в это время не было ни великих радостей, ни великих бедствий, которые евреям бы хотелось отразить в летописи. Возможно, они были счастливы. По-видимому, персы нравились им больше других правителей. Евреи никогда против них не восставали; более того, еврейские добровольцы помогали персам подавить восстание египтян. Евреи были вольны отправлять свои религиозные обряды как в Иудее, так и во всей Персидской империи. Вскоре еврейские поселения возникли во многих местах; процесс формирования диаспоры нашел отражение в Книге Тобита, составленной в Мидеде около V в. до н.э. Другим характерным примером является собрание 650 клинописных документов, составленных между 455 и 403 гг. до н.э. в городе Ниппуре, возле которого жил Иезекииль: 8% имен, фигурирующих в этих текстах, – еврейские. Сохранились архивы двух еврейских семей из поселения на Слоновом острове, которые проливают свет на обстоятельства светской и религиозной жизни там. Судя по этим документальным свидетельствам, большинство евреев в диаспоре жили неплохо и были верны своей религии. Эта религия – иудаизм – стала ортодоксальной.

Эти два «затерянных» столетия были хотя и тихими, но отнюдь не малопродуктивными. Именно тогда появился Ветхий Завет примерно в том виде, каким мы его знаем. Это стало необходимым в силу самой природы новой иудейской версии веры израильтян, которую Неемия и Ездра установили в восстановленном Иерусалиме. В главе 8

Книги Неемии описано, как весь народ собрался пред Водяными воротами, чтобы послушать чтение «книги закона Моисеева». Читал книжник Ездра, стоя «на деревянном возвышении, которое для сего сделали». В результате чтения, которое всех глубоко взволновало, был торжественно заключен новый завет, и соответствующее обязательство взяли и подписали все мужчины и женщины, их сыновья и дочери, что считали себя истинно верующими, «все, которые могли понимать».

Если охарактеризовать его кратко, то новый завет, провозгласивший иудаизм официально и формально, был основан не на откровении и проповеди, но на письменном тексте, точнее говоря, на официальном, авторизованном, точном и выверенном тексте. Это, в свою очередь, означало сортировку, отбор и редактирование обширной литературы по вопросам истории, политики и религии, которую к этому времени наполнили евреи. Они владели грамотой на весьма раннем этапе своей истории. В Книге Судей рассказывается, как Гедеон, будучи в Сокхере, захватил местного юношу и стал расспрашивать его об этом месте, после чего юноша написал ему список местных князей и старейшин в числе семидесяти семи человек. Представляется вероятным, что большинство крестьян умели в той или иной степени читать. В городах же уровень грамотности был просто высоким, и многие из горожан выступали в роли писателей, фиксируя истории, которые они слышали, либо рассказы о собственных приключениях, причем записи эти могли носить как духовный, так и светский характер. Записывали проповеди сотен пророков. Число историй и хроник было невероятно велико. Израильтяне не были великими ремесленниками, художниками или архитекторами. Но писательство было их национальной привычкой, чтобы не сказать – одержимостью. Можно считать, что хотя бы с точки зрения количественной они породили величайшую литературу древности, лишь малой частью которой является Ветхий Завет.

Евреи ставили во главу угла дидактические задачи литературы и ее общественный характер. Для них она не являлась актом потворства своим личным желаниям. Основная часть книг, составляющих Библию, приписывается конкретным авторам, однако у евреев было принято общественное одобрение и утверждение священных книг. По сути, основа их литературы всегда носила общественный характер, а потому и находилась под общественным контролем. В своей апологии еврейской веры, «*Contra Apionem*», Иосиф так формулирует этот подход:

«Мы считаем, что не каждому можно быть летописцем... Это – привилегия пророков, которые получают знание о самой далекой и древней истории благодаря божественному вдохновению, снизошедшему на них, а также посвящают себя добросовестному описанию событий своего времени по мере того, как они происходят... Поэтому мы не располагаем неисчислимым количеством взаимно противоречивых книг. Наши книги, по справедливости общепринятые, числом двадцать две, содержат летопись всех времен».

Говоря «по справедливости общепринятые», Иосиф имеет в виду «канонические». Само слово «канон» – чрезвычайно древнее. У шумеров оно означало «тройник» и в дальнейшем приобрело смысл «прямой, вертикальный». Греки стали придавать ему значение «правило, граница, стандарт». Евреи первыми применили его к религиозным текстам. Для них оно значило «данное свыше и неоспоримо верное», «пророческий текст, ниспосланный Богом». Поэтому каждая книга, претендовавшая на канонизацию, должна была иметь своим автором признанного пророка. Канон берет свое начало с написания пяти книг Моисея (Пятикнижия), которые в дальнейшем получили у евреев название Торы. В своем наиболее примитивном виде Пятикнижие восходит, возможно, к временам Самуила. В нынешней своей форме оно представляет собой компиляцию из пяти (а возможно и более) элементов: южного источника, где Бог именуется «Яхве» (происходит от первоначальных текстов Моисея); северного источника, также глубокой древности, где Бог именуется «Элоим»; Второзакония или его частей, одна из «потерянных» книг которого была найдена в Храме во время реформ Иисуса; а также двух отдельных, дополнительных законов, которые известны ученым под названием «Закон Священников» и «Закон Святости», причем оба восходят к тому времени, когда религиозные обряды стали более формализованы, а каста

священнослужителей – строго дисциплинированной.

Таким образом, Пятикнижие не является чем-то абсолютно однородным. Однако оно и не является, в противоположность тому, что утверждали некоторые представители немецкого критического направления, произвольной фальсификацией священников эпохи после Исхода, которые пытались навязать людям в узко эгоистичных целях свои собственные религиозные верования, приписывая их Моисею и его времени. Мы не должны допустить того, чтобы наше мнение относительно этих текстов искажалось под воздействием академических предрассудков, которые были возвращены гегельянской идеологией, антиклерикализмом, антисемитизмом и интеллектуальной модой девятнадцатого века. Эти тексты содержат внутреннее свидетельство того, что те, кто объединял эти тексты и кто переписывал их после того, как канон сложился (после возвращения из изгнания), были абсолютно убеждены в божественном одухотворении древних текстов, а потому записывали их почтительнейшим и аккуратнейшим образом, в том числе такие части этих текстов, которые они откровенно не понимали. Кстати, Пятикнижие дважды серьезнейшим образом закликает именем Бога против каких-либо искажений текста: «Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того».

Есть все основания считать, что переписчики, или книжники – на иврите «*софер*» – были профессионалами высокой пробы и относились к своим обязанностям в высшей степени серьезно. Само это слово впервые появляется в древней Песне Деворы, и вскоре мы уже слышим о наследственных корпорациях переписчиков, которых Первая Книга Летописей называет «семьями книжников». Их почетным долгом было сохранение канона во всей его святой целостности. Они начинали с текстов Моисея, которые для удобства были переписаны на пяти отдельных свитках – отсюда и название «Пятикнижие». К ним в дальнейшем присоединилась вторая часть Библии, «Пророки» («*Невиим*» – на иврите). Она, в свою очередь, состоит из «Ранних пророков» и «Поздних пророков». Первый из этих разделов состоит в основном из повествований и исторических описаний; сюда относятся Книга Иисуса Навина, Книга Судей и Книги Царств (у евреев две из них называются Книгами Самуила). Второй состоит из писаний собственно ораторов-пророков и сам подразделяется на два подраздела: первый – «главные» пророки (Исайя, Иеремия и Иезекииль), причем эпитет означает не важность, а объем текста, и второй – «мелкие» (Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария и Малахия). И имеется еще третья часть, «*Кетувим*», или «Писания», известная также под названием «Жития Святых». В ее состав входят Псалмы, Притчи, Книга Иова, Песнь Песней, Книга Руфь, Плач Иеремии, Книги Екклесиаста, Есфири, Даниила, Ездры, Неемии и две книги Летописей.

Это деление на три части является не просто умозрительной классификацией; оно отражает историческое развитие. По мере того как публичное чтение стало превращаться у евреев в неотъемлемую часть религиозной службы, количество текстов стало увеличиваться, а книжники добросовестно их копировали. Пятикнижие, или Тора, было канонизировано уже в 622 г. до н.э. Постепенно к нему добавлялись другие книги, и весь процесс завершился около 300 г. до н.э. За исключением Торы, мы не знаем точных критериев формирования канона. Похоже, однако, что определенную роль сыграл при этом общественный вкус, а также суждения священников и богословов. Пять свитков, известных под названием псалмов или песней, зачитывались публично на главных праздниках: Песни Соломона – на Пасху, Книга Руфи – на Пятидесятницу, Екклесиаст – на Праздник кущей, Есфирь – на Пурим, а Плач – в День разрушения Иерусалима. Они постепенно стали популярными и потому были включены в канон. Что касается Песни Песней, то, кроме того, что она связана с великим царем Соломоном, она еще явно является некой антологией любовной лирики и, строго говоря, не содержит внутренних мотивов для включения. Предание гласит, что на собрании Совета Джампы, в раннехристианскую эпоху, когда канон сложился окончательно, раввин Акива сказал: «Нет в мире ничего, что сравнилось бы с днем, когда Песнь Песней была дарована Израилю; все Писания святы, но Песнь Песней – святейшая». Но затем добавил в

качестве предупреждения: «Тому, кто осмелится петь эту песнь для развлечения, как будто это просто песенка, не будет места в другой жизни».

Включение в канон было единственным способом гарантировать сохранение литературного произведения, поскольку в древности, если манускрипт не переписывался периодически, у него были все шансы исчезнуть примерно в течение жизни одного поколения. Таким образом, семьи книжников обеспечивали сохранность библейских текстов в течение тысячи или более лет, после чего на смену им пришли семьи *мазоретов*, или ученых книжников, специальностью которых было не только переписывание, но и точное написание и толкование библейских текстов. Именно им принадлежит официальный еврейский канонический вариант, известный как мазоретский.

Существует, однако, не один канон и не один древний текст. Самаритянам, которые были отрезаны от Иудеи в середине первого тысячелетия до н.э., удалось сохранить только пять книг Моисея; им не позволили принять участия в канонизации позднейших писаний, которые они соответственно и не стали признавать. Существует еще и так называемый *Септуагинт*, греческий вариант Ветхого Завета, который был составлен членами еврейской диаспоры в Александрии в эллинистический период. Они включили туда все книги еврейской Библии, сгруппировав их по-другому, а также книги Апокрифа и псевдоэпиграфы, такие, как Первая Книга Ездры, так называемую Мудрость Соломона, Мудрость Бен-Сиры, или Еккелемунастику, Юдифь, Тобита, Баруха и книги Маккавея, причем все они были отвергнуты евреями Иерусалима как нечистые и опасные. В дополнение к перечисленному, сегодня в нашем распоряжении имеются свитки, сохраненные и скопированные Кумранской сектой и найденные в пещерах вблизи Мертвого моря.

В целом Свитки Мертвого моря свидетельствуют, что в течение столетий Библия копировалась довольно точно, хотя при этом случались и ошибки и вариации. Так, самаритяне объявили, что их текст восходит к Абишуа, праправнуку Аарона; текст действительно очень древний и в основном содержит очень мало искажений, хотя местами отражает предание самаритян, а не евреев. Общее количество его разночтений с мазоретским текстом Пятикнижия достигает 6000, причем из них около 1900 совпадают с вариантом Септуагинта. Существуют и вариации в мазоретских текстах. Среди наиболее ранних уцелевших текстов – кодекс пророков, переплетенная книга, которая хранится в Караитской синагоге в Каире и была переписана в 895 г. н.э. Бен-Ашером, главой одной из наиболее известных мазоретских семей. Полный текст Ашера, над которым семья трудилась в течение пяти поколений, был переписан около 1010 г. мазоретянином по имени Самуил бен Иаков, хранится в Ленинграде. Другой знаменитый мазоретский текст семьи Бен-Нафтали существует в виде копии 1105 г.; известен под названием «Кодекс Рейхлина» и хранится в Карлсруэ. Самым древним из уцелевших христианских вариантов является Кодекс Ватиканус и Кодекс Александриус (V в.). Существует также сирийский манускрипт, датированный 464 г. Однако древнейшими рукописями Библии являются на сегодня Свитки Мертвого моря, найденные в 1947-48 гг.; в их состав входят фрагменты на иврите всех двадцати четырех книг канона, за исключением Книги Есфири, и весь текст Исаяи, плюс несколько фрагментов Септуагинта. Вполне возможно, что будут найдены и более ранние тексты, как в Иудейской пустыне, так и в Египте, и очевидно, что поиск идеальных текстов будет продолжаться до конца времен.

С точки зрения внимания, которое уделяется Библии в поисках истинного текста, в толковании, интерпретации и комментариях, она намного превосходит все известные литературные произведения. И нельзя сказать, чтобы это внимание было незаслуженным, поскольку Библия несомненно является самой влиятельной книгой. Евреи отличались от всех древних авторов двумя уникальными особенностями. Они первыми создали логически построенную, реальную историю с толкованиями. Утверждали, что они научились этому у гиттитов, другого народа, заикленного на истории; однако очевидно, что прошлое интересовало их с незапамятных времен. Они знали, что являются особым народом, который не просто явился неведомо откуда, а был специально рожден, с определенной целью в

результате целой серии божественных актов. Они считали своим коллективным долгом выявлять, описывать, комментировать и отражать эти акты. Ни один народ не проявлял, особенно в те далекие времена, такого сильного побуждения исследовать свое происхождение. Библия дает много примеров своеобразной тяги к историческим исследованиям: откуда, например, взялась груда камней у ворот города Гай? А что означают двенадцать камней в Галгале? Эта страсть к этнологии, поиск объяснений перешли в более общую привычку видеть настоящее и будущее через призму прошлого. Евреи хотели узнать о себе и своей судьбе. Они хотели узнать о Боге и его намерениях и желаниях. Поскольку Бог, согласно их теологии, был единственной причиной всех событий (как говорил Амос, «могут ли силы зла разрушить город, если Яхве этого не захочет?») и поэтому творцом истории, и поскольку они были избраны актерами в этой грандиозной драме, то ключом к пониманию и Бога и человека стали регистрация и изучение исторических событий.

В итоге евреи оказались прежде всего историками, а Библия от начала и до конца – книгой в основном исторической. Евреи развили у себя способность создать сжатое и драматичное историческое повествование за полтысячи лет до греков, и, поскольку они постоянно наращивали свои летописи, у них развилось глубокое чувство исторической перспективы, подобного которому грекам достичь не удалось. И в изображении характеров библейским историкам удалось добиться такого понимания и такой достоверности, какие были недостижимы даже для лучших греческих и римских историков. У Фукидида нет ничего, что могло бы стать вровень с мастерским портретом царя Давида, автор которого явно был свидетелем происходившего при царском дворе. Библия буквально изобилует четко прорисованными образами; зачастую для яркого портрета даже второстепенного персонажа хватает одной фразы. Но описание характеров и ролей актеров никогда не задерживает неуклонного развития великой человеческо-божественной драмы. Евреи, как и все хорошие историки, умело сохраняют баланс между биографическим и повествовательным аспектами. Большинство книг Библии имеют историческую основу, которая связана с более широкой панорамой, заслуживающей названия «История Бога в его отношениях с человеком». Но даже в тех разделах, при написании которых у авторов не имелось явных историографических намерений, даже в поэтических (таких, как Псалмы) постоянно просматриваются исторические аллюзии, так что где-то на заднем плане всегда слышится поступь судьбы, неотвратимодвигающейся от сотворения к «концу времен».

Древняя еврейская история носит в высшей степени божественный и гуманистический характер. Творит историю Бог, действуя либо непосредственно, либо через человека. Евреев не особенно интересовали безликие силы, они в них попросту не верили. Физикой творения они интересовались, пожалуй, меньше, чем любой другой культурный народ древности. Они игнорировали природу и ее проявления – за исключением случаев, когда они отражали драму богочеловеческих отношений. Столь же решительно они игнорировали и влияние на историю мощных географических и экономических факторов. В Библии присутствует много описаний природы, зачастую удивительной красоты; однако это всего лишь декорация исторической пьесы, фон, на котором действуют персонажи. Библия полна трепетной страсти, поскольку полностью посвящена живым существам; поскольку Бога, хотя он и живой, нельзя ни описать, ни даже представить, все внимание посвящено мужчине и женщине.

Отсюда вторая уникальная особенность древнееврейской литературы: словесное изображение человеческой личности во всей ее глубине и сложности. Евреи оказались первым народом, который сумел найти слова, чтобы выразить глубочайшие человеческие эмоции, особенно чувства, вызванные телесными или душевными страданиями, тревогу, отчаяние, одиночество, средства, которые противопоставляет этим бедам человеческая изобретательность – надежду, решимость, веру в помощь свыше, сознание невинности или правоты, раскаяние, грусть и смирение. К этой категории относятся прежде всего 44 из 150 коротких поэм, которые входят в состав канонической Книги Псалмов. Некоторые из них – просто шедевры, которые находят свой отклик в сердцах людей во все эпохи и по всей земле:

псалом 22, взывающий о помощи; псалом 23 с его простой доверчивостью; 39 – миниатюра о скромной гордости; 51 – взывающий о жалости; 91 – великая поэма об уверенности в себе и покое; 90 103 и 104 – прославляющие мощь и величие Создателя и связь между Богом и человеком; 130 137 и 139 – вскрывающие глубину человеческого горя и несущие надежду.

Эти страстные поэмы – лишь одно из выражений проникновения евреев в человеческую душу. Кроме того, оно отразилось и в народной, если так можно выразиться, философии, которая пробила в Канон. Здесь евреи оказались не столь уникальны, поскольку пословицы и другие образчики народной мудрости записывались на древнем Ближнем Востоке, особенно в Месопотамии и Египте, еще с III тысячелетия до н.э., причем часть их обрела международный статус. Нет сомнения, что евреи были знакомы с классическим египетским произведением *«Мудрость Аменопа»*, поскольку часть его прямо заимствована в Книге Притчей. Однако мудрые изречения, рожденные евреями, превосходят по своему уровню своих предшественников; они точнее отражают человеческую натуру и этически более последовательны. Екклесиаст, блестящая работа Кохелета («созывателя») не имеет равных в Древнем Мире. Его холодный скептический тон, граничащий временами с цинизмом, резко контрастирует со страстной честностью псалмов и демонстрирует широту диапазона еврейской литературы, состязаться с которой под силу лишь грекам.

Однако даже грекам не удалось создать документа столь загадочного и душераздирающего, что даже непонятно, к какой категории отнести его – я имею в виду Книгу Иова. Это великое произведение, посвященное теодицее и проблеме зла, вдохновляло и ставило в тупик и богословов и простых людей на протяжении двух с лишним тысячелетий. Карлейль называл ее «едва ли не величайшим из того, что написано пером»; из всех книг Библии эта повлияла на литераторов более всего. Однако никто не знает, что она представляет собой, откуда происходит и когда была написана. В ней имеется свыше сотни слов, которые не встречаются более нигде, и она представляла несомненную трудность для древних переводчиков и книжников. Некоторые ученые считают, что она происходит из Эдома, однако нам слишком мало известно об эдомском языке. Другие считают ее родиной Харан, близ Дамаска. Некоторые параллели просматриваются в вавилонской литературе. В IV веке н.э. христианский теолог Теодор Мопсуэтский утверждал, что она происходит от греческой драмы. Ее пытались также представить переводом с арабского. Весь этот букет первоисточников и предположительных влияний свидетельствует, как это ни парадоксально, об универсальности книги. Потому что Иов в конце концов формулирует тот основополагающий вопрос, что мучил всех, и в первую очередь тех, чья вера особенно сильна: почему Бог совершает с нами столь ужасные вещи? Книга Иова – произведение античное и современное, особенно для такого избранного и гонимого народа, как евреи; по сути, это произведение о Холокосте.

Книга Иова – выдающееся произведение еврейской литературы. За исключением Книги Исаяи, ни одна часть Библии не написана таким могучим языком, который так хорошо соответствует теме – божественной справедливости. С позиций моральной теологии, книга является неудачной, поскольку автор (как, впрочем, и любой другой человек) становится в тупик перед проблемой теодицее. Но и сама эта неудача позволяет шире подойти к проблеме и поставить вопросы, касающиеся вселенной и того, как следует воспринимать ее человеку. Книга Иова буквально насыщена естественной историей в поэтической форме. Это впечатляющий перечень явлений органического, космического и метеорологического характера. Так, в главе 28 имеется незаурядное описание горного дела в древнем мире. Этот образ используется для того, чтобы охарактеризовать почти неограниченный научно-технический потенциал человечества и противопоставить его непростительно низкому уровню человеческой морали. Тем самым автор Книги Иова говорит о том, что существуют два направления в творении – физическое и моральное. Чтобы понять суть вещей, недостаточно понимания физической сущности мира: человек должен понять моральную сущность и принять ее, а для этого он должен приобщиться к тайной мудрости, которая существенно отличается от, скажем, техники добычи полезных ископаемых.

Мудрость приходит к человеку, как удалось осознать Иову, не через попытки уяснить, зачем Богу требуется причинять людям страдания, а лишь через повинование, которое является истинным фундаментом морального порядка: «И сказал человеку: «вот, страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла – разум».

К этому вопросу вновь обращается в 24 главе своей поэмы о мудрости Екклесиаст, Бен-Сира, когда говорит, что после Падения Бог составил новый план и поделился этим секретом с неким селением в Израиле. Евреям следовало обрести мудрость через повинование Богу и научить этому же все человечество. Они должны были низвергнуть существующий, физический мировой порядок и заменить его моральным. И вновь этому призыву мощно и парадоксально вторит еврейский еретик, Святой Павел, в начале своего драматичного Первого послания к Коринфянам, когда он цитирует Господа: «Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну» и добавляет: «Потому что немудрое божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков...» Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное. И вновь, как и сквозь туманность и запутанность Иова, мы видим указание на божественное предназначение евреев свергнуть существующий порядок вещей и общепринятое его видение.

Таким образом, оказывается, что Иов находился в главном русле еврейской философии, которая теперь превратилась в мощный поток. Для превращения иудаизма в первую «религию Библии» потребовалось два столетия. До 400 г. до н.э. не было никаких намеков на канон. К 200 г. до н.э. он уже существовал. Разумеется, канон не был еще полным и окончательным. Но он уже начинал «схватываться», причем довольно быстро. У этого было несколько последствий. Во-первых, не поощрялись дополнения. Пророчества и пророки впали в немилость. В Первой Книге Маккавеев есть упоминание о «дне, когда перестали появляться пророки». Тех же, кто пытался пророчествовать, объявляли лжепророками. Когда вождем стал Симон Маккавей, то было провозглашено, что он будет таковым до тех пор, «пока не появится подлинный пророк». В Книге Захарии имеется следующая тирада, направленная против пророков: «Если кто будет проричать, то отец его и мать его, родившие его, скажут ему: «тебе не должно жить, потому что ты ложь говоришь во имя Господа». Про прорицателей говорится, что они были «взращены в похоти». Еврейский философ Бен-Сира, писавший вскоре после 200 г. до н.э., похвалялся: «Я отолью заново доктрину прорицания и передам ее грядущим поколениям». Однако евреи не включили его в канон; не попал туда и Даниил, писавший немного позднее (ок. 168—165 гг. до н.э.). Канонизация отбила также охоту к писанию истории. Правда, она не убила полностью этой еврейской страсти. Впереди были еще крупные взлеты – например, Книги Маккавеев, работа Иосифа. Но напор спадал, и, когда в начале христианской эры канон был окончательно освящен, еврейская история, одна из славных страниц древности, остановилась на полтора тысячелетия.

Однако, если одним из результатов канонизации было сдерживание развития еврейской религиозной литературы, то другим явилось широчайшее распространение знания канонизированных текстов среди еврейского населения и существенное их воздействие на умы. Книги, которые были канонизированы, старательно копировались и распространялись, теперь стали систематически изучаться. Евреи стали превращаться в ученый народ, как того и требовало их божественное предназначение – быть пастырями народов. Возник институт, новый и совершенно революционный в истории религии: синагога – прототип церкви, капеллы, мечети – где Библию систематически читали и изучали. Вполне возможно, что подобные места существовали даже до Исхода как результат реформ Иосии; они наверняка множились в годы Исхода, когда еврейская элита лишилась своего Храма; по возвращении же, когда всякая религиозная деятельность была жестко сосредоточена в иерусалимском Храме, а провинциальные храмы и молельные места постепенно исчезли, утвердились синагоги, которые стали вкладывать в евреев ортодоксальное учение Храма, вобранное канонической Библией.

Это, в свою очередь, имело другое важное последствие. После того как священная

литература была поглощена канонем, а сам канон стал изучаться систематически и централизованно, иудаизм стал намного более однородным. Причем однородность эта была с явным пуританским и фундаменталистским оттенком. В истории евреев обычно побеждали ортодоксы. Таким был Моисей, сторонник жесткого соблюдения буквы Закона, который распространил религию Яхве на другие племенные группы. Такими были и пуристы, победившие во время реформ Иосии. Такими были суровая Иудея, бескомпромиссный Израиль, которые пережили натиск империй. Сурово непреклонной была и вавилонская община, которая, вернувшись из изгнания, подчинила своей воле всех евреев, изгнав одних и склонив к конформизму других. Канон и синагога стали инструментами этого сурового пуризма, которому предстояло одержать еще много побед. Этот процесс, который многократно повторялся в еврейской истории, можно расценивать двояко: либо как жемчужину чистого иудаизма, выглядывающую из протухшей устрицы мира и всего мирского; либо как деятельность экстремистов, навязывавших остальным исключительность и фанатизм.

Но, как бы к ней ни относиться, эта ригористская тенденция в иудаизме породила все большие проблемы как для самих евреев, так и для соседних с ними народов. При великодушном правлении персов, на долю которых в еврейских текстах приходятся одни похвалы, евреи воспрянули и началось их процветание. Ездра утверждает, что из изгнания возвратились 42 360 евреев, плюс 7337 рабов и рабынь, а также «певцов и певиц двести». В целом население возрожденной Иудеи не могло превышать 70 000 человек. Однако уже к третьему веку до н.э. население одного Иерусалима достигло 120 000. Будучи весьма религиозными и законопослушными, евреи трудились дисциплинированно и старательно. Они расселялись на территориях, граничащих с Иудеей, а именно в Галилее, Трансиордании и на побережье. Диаспора неуклонно расширялась. Евреи стали обращать других в свою веру. Тем не менее, в эпоху империй они оставались маленьким народом, бескомпромиссной религиозно-культурной группой в большом и драчливом мире.

Проблемы с самоутверждением начались с 332 г. до н.э., когда Александр Македонский раздавил Персидскую империю, как тухлое яйцо. Это было, по сути, первое вторжение европейцев в Азию. В третьем тысячелетии до н.э. и в большей части второго не существовало еще серьезного раскола между континентами: море объединяло их, сплачивая в интернациональную культурную общность. Но затем наступила варварская анархия XII-XI веков до н.э. и долгий Темный век. Когда же мир возродился к цивилизации Железного века, стало прорисовываться разделение на Восток и Запад, причем на Западе возникла одна из мощнейших культурных сил, какие знал мир: цивилизация греческого *полиса*, города-государства.

У греков происходил постоянный прирост населения. Создав коммерческую систему мореплавания, они насаждали свои колонии по всему Средиземноморью. Во времена Александра они продвинулись в Азию и Африку, где в дальнейшем преемники выкроили из его империи себе расползающиеся царства: Птолемей – в Египте, Селевк – в Сирии и Месопотамии и позднее Аттал – в Анатолии. С 332 до 200 г. до н.э. евреи жили под властью Птолемея, затем – селевкидов. Новые правители внушали евреям трепет и страх. Греки обладали ужасающим (и по тем временам – абсолютным) оружием – фалангой. Они создавали все более мощную военную технику – осадные башни, огромные военные корабли, колоссальные форты. Даниил так описывает облик греческого милитаризма в еврейском восприятии: «Зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами». Евреям было все известно о греческом милитаризме, поскольку они служили у греков наемниками, так же, как раньше служили у персов. Военное обучение начиналось у греков в гимназиуме – начальном институте образования в *полисе*. Но это была не единственная его функция. Главной же его целью было распространение греческой культуры; ту же цель преследовали и другие институты *полиса*: стадион, театр, зал-одеон, лицей, площадь-агора. Греки были превосходными архитекторами, равно как и скульпторами, поэтами, музыкантами,

драматургами, философами и участниками дискуссий. Они ставили чудесные представления, были прекрасными торговцами. При них экономика была на подъеме, рос жизненный уровень. Екклезиаст клеймит страсть к богатству, которая расцвела при греческом правлении, спрашивая: «Какое благо для владеющего им?... Кто любит богатство, тому нет пользы от него». Впрочем, большинство людей считало обретение богатства большой удачей. Греческая экономика и греческая культура выглядели весьма привлекательно для менее развитых обществ Ближнего Востока, подобно тому, как в XIX веке нестерпимо соблазнительным казался Азии и Африке западный прогресс.

Итак, греческие колонисты хлынули в западную Азию и понастроили здесь своих городов. К ним потянулись местные жители, которые хотели бы разделить с ними их богатство и образ жизни. Сирия и Палестина стали районами интенсивного заселения греками и быстрой эллинизации коренного населения. Вскоре побережье оказалось полностью эллинизированным. Греческие правители щедро давали таким городам-полисам, как Тир, Сидон, Газа, Башня Стратона, Библос и Триполи, свободы и привилегии; те же, в свою очередь, создавали во внутренних районах свои города-спутники. Одним из них был Шехем, другим – Марисса (на юге); другие же (как Филадельфия-Амман и Гамаль) находились за Иорданом. Вскоре кольцо таких городов, кишущих греками и полугреками, окружило еврейскую Самарию и Иудею, к которым стали относиться как к горному, сельскохозяйственному и отсталому району. В орбите греков оказался целый ряд этаких «храмовгосударств», пережитков древности, анахронизмов, которые вот-вот должен был смыть прилив современных греческих идей и институтов.

Как должны были евреи реагировать на эту культурную агрессию, объединявшую в себе новые возможности, соблазны и угрозы? На самом деле реагировали они по-разному. Если раньше до, во время и после изгнания торжествовал суровый ригоризм, который сохранял себя, проповедуя канон, то теперь ему все сильнее противостояло личное самосознание, о чем мы уже упоминали. Духовный индивидуализм вскормил несогласие, которое укрепляло сектантство, всегда ранее присутствовавшее в иудаизме – когда скрытно, а когда и активно. С одной стороны, приход греков выталкивал все большее число фундаменталистов в пустыню, где они присоединялись к абсолютистским группам, стоявшим на рехавейских и назарейских позициях и считавшим, что Иерусалим уже безвозвратно соvrащен. Самые ранние тексты, найденные в Кумранской общине, датируются примерно 250 г. до н.э., когда петля греческих городов только начинала затягиваться вокруг Иудеи. Тогда и зародилась идея: отступить в нецивилизованные места, зарядиться первоначальным энтузиазмом Моисея и перейти в контрнаступление на города. Некоторые считали, подобно Эссену, что это может быть сделано мирно, силой слова, и они проповедовали в деревнях, расположенных на границе пустыни (в русле этой традиции действовал после Иоанн Креститель). Другие же, подобно Кумранской общине, полагались на силу меча; они готовились к войне, формируя объединения из двенадцати племен, и планировали, когда будет знамение об окончании эпохи дикости, перейти к вторжению в городские районы – на манер Иисуса Навина или современных городских партизан.

С другой стороны, существовало много евреев, в том числе вполне благочестивых, которые ненавидели изоляционизм и фанатиков, которых он вскармливал. Они, кстати, даже внесли свой вклад в Канон в виде Книги Ионы, которая, невзирая на нелепости и путаницу, несет в себе ясный призыв относиться к иноземцам терпимо и дружелюбно. В заключение Книги Господь адресует Ионе риторический вопрос: не следует ли простить Ниневию и ее многочисленных жителей, «не умеющих отличить правой руки от левой», чей единственный грех – невежество? Это некоторым образом предвосхищало знаменитую просьбу Христа («Прости им, Отец, ибо не ведают они, что творят»); одновременно это являлось призывом нести Тору к чужим, чтобы приобщить их. Такова, видимо, была точка зрения многих, если не большинства законопослушных евреев в диаспоре. Эти евреи считали нормой изучение греческого языка, что могло способствовать их бизнесу. С течением времени они перевели на греческий Священное Писание («Септуагинт», семикнижие), которое стало главным

средством приобщения «грекоязычных» к иудаизму. В Александрии греческая гимназия, организованная первоначально для того, чтобы уберечь греческих колонистов от вырождения и растворения в море местных языков и обычаев, была открыта для местных жителей-негреков (за исключением египтян), и евреи поспешили воспользоваться этим; позднее еврейский мыслитель Филон считал само собой разумеющимся, что дети богатых еврейских торговцев должны посещать гимназию. Эти евреи эллинизировали свои имена или пользовались двумя их вариантами: греческим – для путешествий и бизнеса, еврейским – для религиозных служб и домашнего употребления.

Та же тенденция прослеживается в палестинском иудаизме. Эллинизация иврито-арамейских имен евреев находила отражение во всякого рода надписях и граффити. Многие из более образованных евреев находили греческую культуру весьма привлекательной. Кохелет, автор Екклесиаста, показывает, как он разрывался между новыми принесенными извне идеями и врожденным благочестием, между критическим духом и консерватизмом. Эллинизация образованных евреев была во многих отношениях сродни влиянию просвещения на гетто в XVIII столетии. Она пробуждала государство-храм от заколдованного сна. Духовно она являлась дестабилизирующей силой, причем носила светский, материалистический характер.

В Палестине, как и в других землях, завоеванных греками, искушению подражать новым правителям в первую очередь подвергались высшие слои общества, богатые люди, верховные священнослужители. Это, вообще говоря, является общей тенденцией во всех колониях. Приобщение к греческой культуре означало право на доступ в ряды граждан первого сорта – как позднее крещение. Известно несколько ярких примеров евреев-выдвиженцев. Подобно тому, как Иосиф служил у фараона министром, так и теперь умные и предприимчивые евреи поднимались высоко в имперской бюрократической иерархии. Один из текстов II в. до н.э., включенный в книгу Иосифа «Еврейские древности», рассказывает, как некий Иосиф, отпрыск высокопоставленной семьи Тобиас (его мать была сестрой первосвященника), отправился на торги откупщиков, которые проводили в Александрии Птолемеи. «Случилось, что в это время из своих городов, расположенных в Сирии и Финикии, явились все видные люди и правители, чтобы участвовать в торгах на право сбора налогов; царь каждый раз продавал эти права тем, кто обладал наибольшей властью в своем городе». Иосиф победил на торгах, обвинив своих соперников в сговоре, заключенном с целью сбить цену; он пользовался своими правами по контракту в течение двадцати двух лет «и вывел евреев из бедности и ничтожества к лучшей жизни». При этом Иосиф пошел дальше, чем его тезка во времена фараонов. С него берет начало новый еврейский типаж: он оказался первым евреем-банкиром. И в этом качестве он стоял за эллинизацию Иудеи во II веке до н.э.

Где-то посередине между изоляционистами и сторонниками эллинизации находилась довольно большая группа благочестивых евреев, которые придерживались традиций Иосии, Иезекииля и Ездры. Многие из них в принципе ничего не имели против греческого (так же как и ранее персидского) правления, соглашаясь с аргументами Иеремии, смысл которых сводился к тому, что, чем больше язычники заняты гнусным делом управления страной, тем лучше для религии и благочестия. Они были готовы платить подати завоевателям при условии, что те позволят им мирно поклоняться своей вере. Продолжателями этой линии впоследствии явились фарисеи. До какого-то момента благочестивые евреи были готовы учиться у греков и заимствовали у них гораздо больше идей, чем были готовы признать. В законах и теологии Моисея всегда присутствовал некий рациональный элемент, который хорошо (хотя и почти бессознательно) сочетался с греческим рационализмом. Так и случилось, что фарисеи создали Устный Закон, рациональный по сути, чтобы приспособить архаичный Закон Моисея к реальному современному миру. Важно отметить, что их противники, саддукеи, которые были ортодоксальными приверженцами Писаного Закона и не признавали никакой казуистики, говорили, что логика фарисеев приведет их к тому, что «книга Гомера» (под которой они имели в виду греческую литературу) будет более чтима,

чем Священное Писание.

Однако возможность разумного сосуществования греков и евреев была ликвидирована подъемом еврейской партии реформ, которая желала форсировать процесс эллинизации. Это реформаторское движение, о котором мы знаем чрезвычайно мало, так как его историю писали победившие враги-фундаменталисты, было наиболее сильным среди правящего класса Иудеи, уже наполовину эллинизированного. Оно стремилось перетянуть маленькое государство-храм в современную эпоху. Их цели носили в первую очередь светский и экономический характер. Впрочем, среди реформаторов присутствовали и религиозные интеллектуалы, чьи цели были более возвышенны и в каком-то смысле сродни целям христиан I в. н.э. Они хотели улучшить иудаизм, двинуть его вперед по пути логического развития. Универсализм неявно присутствует в монотеизме. Двойственность Исаяи сделала его явным. Универсальный монотеизм был новой и грандиозной идеей, которую евреи предложили миру. У греков тоже была своя всеобъемлющая идея – универсальная культура. Создавая свою империю, Александр стремился к идеальной цели: он хотел сплавить воедино все расы и «повелел всем людям считать мир своей родиной... хорошие люди станут ее коренным населением, плохие – иноземцами». Исократ утверждал, что термин «эллин» характеризует не происхождение, а отношение, и считал, что греки по воспитанию имеют больше оснований считаться гражданами, чем «греки по рождению». В самом деле, неужели нельзя было бы сочетать греческий принцип единой ойкумены, мировой цивилизации, с еврейским принципом универсального Бога?

Именно такова была цель интеллектуалов-реформаторов. Они перечитали исторические манускрипты и попытались посмотреть на них новыми глазами. Разве не были Авраам и Моисей «чужаками и странниками», великими гражданами мира? И они предприняли первую попытку критики Библии, утверждая, что Закон в том виде, как он записан, не так уж стар и во всяком случае не восходит ко временам Моисея. И настаивали, что в первоначальном виде законы носили гораздо более универсальный характер. Таким образом, случилось то, что должно было случиться: движение за реформы привело к критике Закона. Реформаторы обнаружили, что в Торе полно вымысла, а также невозможных требований и запретов. Мы знаем об их критике по жалобам и проклятиям ортодоксов. Филон осуждает тех, «кто выражает свое неудовольствие законами праотцов и непрерывно их изменяет»; к этому провидцы добавляли: «Будь проклят тот, кто выращивает свинью, и тот, кто воспитывает сыновей в духе греческой премудрости». Реформаторы не хотели полностью ликвидировать Закон; они желали очистить его от тех элементов, которые препятствовали приобщению к греческой культуре (например, от запрета наготы, что препятствовало появлению благочестивых евреев в гимназии и на стадионе), и свести его к этической основе, сделав, таким образом, универсальным. И для достижения своей конечной цели (мировой религии) они добивались немедленного брака между греческим *полисом* и еврейским моральным Богом.

К сожалению, здесь возникало серьезное противоречие. Греки были не монотеистами, а политеистами; в Египте они научились синкретизму, то есть рационализации системы бесчисленных, но близких божеств путем слияния их в синтетических полибогов. Одним из таких мутантов был Аполлон-Гелиос-Гермес, Бог Солнца. Они соединили свои ритуалы Диониса с египетским культом Исиды. Их бог врачевания Асклепий сросся с египетским Имхотепом. Зевс, главный бог, оказался аналогом египетского Аммона, персидского Ахурамазды и, с их позиции, еврейского Яхве. Вряд ли нужно объяснять, что благочестивые евреи представляли это совсем по-другому. Разумеется, на самом деле греческая идея божества была намного слабее еврейской концепции всемогущества. Евреи придерживались установки на принципиальное различие между человеческим и божественным. Греки же постоянно возвышали людское (прометейский подход) и принижали божественное. Их божества были ненамного больше, чем почитаемые и удачливые предки; большинство людей произошло от богов. Поэтому для них была своя логика в переходе к обожествлению монархов, и они занялись этим, как только вышли на просторы Востока. Почему бы человеку

избранной судьбы не претерпеть заслуженный апофеоз? Аристотель, учитель Александра, доказывал в своей «*Политике*»: «Если в государстве существует личность столь выдающихся достоинств, что с ними не могут сравниться ни добродетели, ни политические способности всех других граждан... то такого человека следует расценивать как бога среди людей». Очевидно, что подобные концепции были абсолютно неприемлемы для евреев. На самом деле никогда не существовало возможности полного слияния иудаизма и греческой религии; реформаторы стремились к тому, чтобы иудаизм стал более универсальным, наполнив собой греческую культуру, объяв *полис*.

В 175 г. еврейское движение за реформы приобрело преисполненного энтузиазма, но опасного союзника в лице Антиоха Епифания, нового монарха из династии Селевкидов. Он рвался ускорить процесс эллинизации своих доминионов; для него это было не только важно принципиально, но и рассматривалось как способ увеличения сбора налогов – а ему хронически не хватало денег на войны. Он всецело поддерживал реформаторов и заменил ортодоксального священника Ониаса III Язоном, чье эллинизированное имя (Иисус) достаточно ясно говорило о его симпатиях. Язон начал преобразовывать Иерусалим в *полис* под названием «Антиохия» с того, что построил гимназию у подножия Храмовой Горы. Вторая Книга Маккавеев с гневом повествует о том, что священники храма «перестали интересоваться службами на алтаре; презирая Храм и пренебрегая жертвоприношениями, они спешат принять участие в непотребных упражнениях на спортивной площадке». Следующим этапом была переброска фондов Храма с бесконечных и дорогостоящих жертвоприношений на такие дела *полиса*, как международные игры и состязания драматических коллективов. Первосвященник контролировал общественные фонды, поскольку налоги платились ему, а от него уже поступали откупщикам (которые все были связаны родственными узами); таким образом, казначейство Храма играло для населения роль государственного депозитного банка. У Антиоха был великий соблазн оказать давление на своих эллинизирующихся союзников, которые контролировали храм, чтобы получить больше наличности на постройку судов-трирем и прочей военной техники; он этому соблазну и поддался. После этого реформаторы в глазах общественного мнения стали ассоциироваться не только с оккупационными властями, но и с налоговым гнетом. В 171 г. до н.э. Антиох посчитал необходимым заменить Язона на посту первосвященника еще более прогреческим Менелаем, а также укрепить положение греков в Иерусалиме, построив замок-акрополь, доминирующий над Храмом.

В 167 г. конфликт достиг апогея. Был издан декрет, который фактически ликвидировал Закон Моисея как таковой, заменив его светским законом и сведя Храм к роли экуменического места богослужения. Это означало, что появляется изваяние некоего универсального божества, чье греческое наименование «Зевс-олимпиец» ортодоксальные евреи переделали в «Мерзость запустения». Вряд ли идея этого декрета принадлежала лично Антиоху. Он не слишком интересовался иудаизмом, и вообще не в духе греческих властей было влезать в дела какого-либо религиозного культа. Есть основания предполагать, что инициатива исходила от крайних реформаторов-евреев с Менелаем во главе, которые считали, что такая радикальная мера – единственный способ раз и навсегда покончить с обскурантизмом и абсурдом Закона и храмового богослужения. Это было не столько осквернение храма язычеством, сколько демонстрация воинствующего рационализма наподобие тех антихристианских акций, которые устраивали республиканские дейсты в революционной Франции. Существует раввинское предание о Мириам, которая была родом из той же семьи священнослужителей, что и Менелай, и вышла замуж за офицера армии Селевкидов; она ворвалась однажды в храм и «пнула своей сандалией угол алтаря, сказав при этом: «Волк, волк, ты расхитил богатства Израиля».

Однако и греки и Менелай переоценили народную поддержку. Его деятельность в храме вызвала взрыв возмущения. Среди священников произошел раскол. Книжники объединились с его ортодоксальными противниками. Так же поступили и наиболее благочестивые евреи – *хасиды*. Была лишь одна крупная категория евреев, которую

реформаторы могли считать на своей стороне. Это были *ам-гаарец*, простолюдины. Они оказались наиболее пострадавшей стороной, когда после возвращения иудейской элиты из изгнания Ездра установил свой фундаменталистский порядок, чувствуя за своей спиной всю мощь Персидской империи. Он проводил четкое различие между богобоязненными, «правильными» возвращенцами, *бнай-хагола*, и *ам-гаарец*, которых вообще не стоило бы считать евреями, поскольку, в его глазах, они были рождены в неполноценном браке. И он без колебаний наказывал их с предельной жестокостью. С тех пор, пользуясь их массовой неграмотностью и незнанием Закона, к ним относились как к гражданам второго сорта, а то и вообще не считали их за граждан. Поэтому они бы первыми оказались в выигрыше в случае поражения фундаменталистов и рационализации Закона. Но как смогли бы реформаторы, которые сами относились к состоятельной и хорошо устроенной группе населения, обратиться к простому народу через головы благочестивых фундаменталистов? И, в частности, как бы им удалось это сделать с учетом того, что они прочно ассоциировались с высокими налогами, от которых в первую очередь страдали бедняки? На эти вопросы не было ответа, и потому была упущена возможность создания массовой поддержки универсализму.

Вместо этого Менелай попытался проводить реформы сверху, силой власти. Однако, чтобы сделать декрет эффективно действующим, было недостаточно остановить традиционные жертвоприношения – это как раз многие бы приветствовали. Нужно еще было заставить благочестивых евреев приносить символические жертвы по-новому, на алтарях, которые они считали языческими. Хасиды отвергали аргумент реформаторов, что этот ритуал только укрепляет веру в вездесущую природу Бога, которого не следует привязывать к определенному месту, да еще сооруженному человеком; для благочестивых не было разницы между этим новым универсализмом и старым культом Ваала, который был столько раз осужден в святых книгах. И они отказывались подчиниться, и были готовы умереть за это. И реформаторы сами создали первых мучеников, таких, как девяностолетний Елезар, которого называли «одним из главных книжников» и который был забит насмерть; или семь братьев, ужасное убийство которых описано во Второй Книге Маккавеев. Именно с этого периода появляется религиозная концепция мученичества, и писание Маккавеев, в которых муки верующих включены в пропаганду религиозной чистоты и еврейского национализма, содержат первые мартирологи.

В итоге оказалось, что не реформаторы, а фундаменталисты оказались способны воззвать к глубоко укоренившемуся библейскому инстинкту, чтобы свергнуть существующий порядок и превратить религиозную дискуссию в восстание против власти. Типичным для антиколониальной борьбы образом оно началось не с нападения на гарнизон, а с убийства конкретного местного коллаборациониста. В городке Медина, расположенном у подножия Иудейских холмов в 10 километрах к востоку от Лидды, еврейский реформатор, отвечавший за внедрение новых обрядов, был убит Маттиасом Хасмоном, главой старой семьи еврейских священников и членом организации «Стража Йехоарива». После этого пятеро сыновей старика, возглавляемых Иудой Маккавеем по кличке «Молот», начали партизанскую войну против гарнизонов селевкидов и их еврейских сторонников. За два года (166—164 гг. до н.э.) они выжили всех греков из района, окружавшего Иерусалим. В самом городе они переписали в Акте всех реформаторов и селевкидов, очистили храм от всяческого кощунства и вновь посветили его Яхве на торжественной службе в декабре 164 г. до н.э. Это событие евреи до сих пор отмечают как праздник Ханука, или Очищение.

Селевкиды, у которых и без того было полно собственных проблем, включая возвышение Рима, реагировали примерно так же, как колониальные державы в середине XX столетия, колеблясь между жестокими репрессиями и подачками в виде участия в самоуправлении; на что последние националистические повстанцы отвечали тем, что требовали все больше и больше. В 162 г. до н.э. сын и преемник Епифания, Антион V, обрушился на Менелая как на козла отпущения, который, говоря словами Иосифа, «заставил своего отца убедить евреев отказаться от привычного поклонения Богу», и казнил его. Семья

Хасмон в ответ заключила в 161 г. до н.э. союз с Римом, причем в договоре они фигурировали в качестве правящего семейства независимого государства. В 152 г. до н.э. селевкиды отказались от попыток эллинизировать Иудею насильно и признали Ионафана, бывшего в это время главой семьи, как первосвященника; этот пост принадлежал семье Хасмон в течение 115 лет. В 142 г. последовало фактическое признание независимой Иудеи, когда она была освобождена от податей, и Симон Маккавей, унаследовавший от брата пост первосвященника, стал главой нации – этнархом и правителем: «И люди Израиля стали начинать свои документы и договоры словами «В год первый Симона, великого первосвященника, военачальника и вождя евреев...» Таким образом, по прошествии 440 лет Израиль вновь обрел независимость. Последних отчаянных евреев – сторонников реформ, засевших в Акре, на следующий год голод заставил сдаться, и они были изгнаны. После этого хасмонеи вошли в крепость, «неся пальмовые листья и распевая гимны и песни под звуки арф, кимвалов и цитр, ибо великий враг был сокрушен и изгнан из Израиля».

В этом взлете националистических чувств религиозные моменты как-то отошли на задний план. Однако долгая борьба за независимость от греческого универсализма оставила неизгладимую мету на иудейском характере. Прошло 34 горьких и жестоких года между первым наступлением на Закон и окончательным изгнанием реформаторов из Акры. Усердие и интенсивность нападков на Закон аукнулись столь же энергичным стремлением к подчинению ему; в результате чего поле зрения еврейского руководства сузилось, и оно еще глубже ушло в религию, сердцевиной которой являлась Тора. Своей неудачей реформаторы скомпрометировали саму идею реформ и даже просто возможность обсуждения природы и направленности иудейской религии. Отныне сами разговоры на эту тему стали в официальных текстах расцениваться как полная ересь и сотрудничество с оккупантами-угнетателями, что чрезвычайно затруднило возможность быть услышанными для умеренных деятелей, а также проповедников интернационалистского толка, способных выйти за узкие рамки ортодоксального иудаизма. Хасмонеи были выразителями глубоко реакционного духа внутри иудаизма. Их сила была в следовании древним пережиткам и суевериям, коренившимся в далеком израильском прошлом, где доминировали табу и прямое физическое участие божества. Поэтому любое внешнее вмешательство в дела Храма и его святыни немедленно вызывало яростное противодействие иерусалимской толпы религиозных экстремистов. Толпа стала важной деталью иерусалимской сцены, что чрезвычайно затрудняло управление городом, да и Иудеей в целом, для всякого – будь то греки или эллинизаторы, римляне или их тетрархи – впрочем, и для самих евреев в не меньшей степени.

На этом фоне интеллектуального террора религиозной толпы происходило изгнание из еврейских центров образования светского духа и интеллектуальной свободы, которые процветали в греческих гимназиях и академиях. В своей борьбе против греческой системы образования благочестивые евреи начали с конца второго века до н.э. формировать национальную систему. В дополнение к старым школам книжников стала постепенно возникать сеть местных учебных заведений, в которых (по крайней мере, теоретически) все еврейские мальчики должны были изучать Тору. Это направление развития было очень важно для распространения и упрочения синагоги, для зарождения фарисеизма как движения, которое коренится в общественном образовании, и, в конечном итоге, для подъема раввината. Образование, получаемое в этих школах, было исключительно религиозным, причем все виды знаний за пределами Закона отвергались. Но, по крайней мере, Закон в этих школах преподавался в относительно гуманном духе. При этом следовали древним традициям, внушенным неясным текстом Второзакония («вложи ее в уста их»), который Господь дал Моисею; в дополнение к писаному Закону, устный Закон, по которому обучались старшие, мог интерпретировать и дополнять священные указания. Практика устного Закона позволяла приспособлять кодекс Моисея к меняющимся условиям и пользоваться им реалистически.

В противоположность этому, священники Храма, среди которых преобладали саддукеи,

или последователи Садока, крупного первосвященника времен Давида, настаивали на том, что весь закон должен быть писанным и неизменным. У них был собственный дополнительный текст под названием «Книга Указов», который формулировал систему наказаний: кого побить камнями, кого сжечь, кому отрубить голову, а кого удавить. Но он тоже был записан и священен: они бы ни за что не согласились с тем, что с помощью дополнительных устных указаний возможно творческое развитие Закона. С их жесткой приверженностью наследию Моисея, их концепцией Храма как единственного источника и центра власти в Иудее и их наследственным положением в этой структуре власти саддукеи были естественными союзниками новых первосвященников-хасмонеев, несмотря на то, что последние, строго говоря, не наследовали этого титула. Вскоре саддукеи окончательно слились с хасмонейской системой храмовой власти, где наследственные первосвященники выполняли функции светских правителей, а комитет старейшин, Синедрион, нес религиозно-юридические обязанности. Чтобы подчеркнуть главенство Храма, Симон Маккавей не только вдребезги разрушил стены Акры, но и (согласно Иосифу Флавию) «сравнил сам холм, на котором стояла цитадель, чтобы Храм оказался выше этого места».

Симон был последним из братьев Маккавеев. Это были храбрые, чтобы не сказать – отчаянные, сильные и неистовые люди. Они считали, что возрождают к жизни книгу Иисуса, отвоевывают Землю Обетованную у язычников, и рядом с ними стоит Господь Бог. Они жили с мечом и погибли от меча в духе безжалостного благочестия. Большинство из них действительно пали насильственной смертью. Симон не был исключением. Его предательски убили Птолемеи вместе с двумя сыновьями. Симон был, конечно, кровавой личностью, но по-своему он был достоин уважения; ему было чуждо своекорыстие. Несмотря на триумфальное возвышение как первосвященника и этнарха, он сохранил дух религиозного народного вождя и обладал харизмой героического благочестия.

Третий сын Симона, Иоанн Гиркан, ставший его преемником и правивший с 134 по 104 г. до н.э., был совершенно другого типа – правителем по праву рождения. Он чеканил собственные монеты с надписью «Иехонаан-первосвященник и сообщество евреев»; его сын, Александр Ианний, 103-76 гг. до н.э., уже просто называл себя на монетах «Царь Ионафан».

Восстановление государства и монархии, происходившее первоначально (и внешне) под флагом чистого религиозного фундаментализма («защита веры»), быстро оживило все проблемы ранней монархии и в особенности неразрешимое противоречие между целями и методами государства и природой иудейской религии. Этот конфликт отражается и в истории хасмонеев, чей взлет и падение поучительно рассказывают о вреде спеси и высокомерия. Они начинали как мстители за мучеников, а кончили как религиозные угнетатели. Они пришли к власти как вожди самоотверженных повстанцев, а кончили в окружении наемников. Их царство было основано на вере, но растворилось в нечестивости.

Иоанн Гиркан был одержим фундаменталистской идеей, что по воле Божьей он должен восстановить царство Давида. Он первым из евреев стал использовать библейские тексты, посвященные древней истории, как источник военного вдохновения и геополитического руководства, тщательно используя книги Иисуса и Самуила. Он буквально воспринимал рассказ о том, что вся Палестина была дарована Богом еврейскому народу, и делал отсюда вывод, что ее завоевание есть не только его право, но и обязанность. Именно для этого он сформировал современную наемную армию. Более того, он считал целью завоевания (как и у Иисуса) искоренение чуждых культов и еретических сект, а если нужно – то и истребление тех, кто им служил и поклонялся. Армия Иоанна растоптала Самарию и сравняла с землей храм на горе Герицим. Он взял штурмом после годичной осады сам город Самарию и «уничтожил ее совершенно, и привел туда потоки воды, чтобы затопить, для чего были выкопаны каналы, и все превратилось в стоячее болото. Он даже убрал оттуда все знаки, которые могли бы свидетельствовать, что некогда здесь существовал город». Аналогичным образом он разделался и с греческим городом Скитополем, который был разграблен и сожжен. Огнем и мечом войны Иоанна прокатились по городам, чье население было истреблено лишь за то, что говорило погречески. Провинция Идумея была захвачена, а

обитатели двух его главных городов, Адоры и Мариссы, были насильственно обращены в иудаизм; тех, кто отказывался, уничтожали.

Сын Иоанна, Александр Ианний, продолжал политику экспансии и насильственного обращения. Он захватил территорию Декаполиса, союза десяти грекоязычных городов рядом с Иорданом. Он ворвался в Набатию и захватил Петру, «город-розу, который был почти так же стар, как само время». Он вторгся в провинцию Гауланит. Хасмонеи двигались в северном направлении (в Галилею и Сирию), на запад – к побережью и на восток – в пустыню. В пределах новых границ они ликвидировали анклав, населенные неевреями, путем обращения, уничтожения или высылки жителей. Таким образом, происходил огромный территориальный и численный рост еврейской нации; однако при этом она поглощала множество людей, которые, будучи номинально евреями, были наполовину эллинизированы, а зачастую оставались, по сути, язычниками, а то и вовсе дикарями.

В дополнение к этому, становясь правителями, царями и завоевателями, хасмонеи подвергались испытанию властью. Иоанн Гиркан, повидимому, сумел сохранить достаточно высокую репутацию приверженца еврейских традиций. По словам Иосифа, Бог считал его «достойным трех величайших привилегий: власти над народом, сана первосвященника и дара пророчества». Однако же Александр Ианний, согласно имеющимся свидетельствам, превратился в деспота и чудовище, причем среди его жертв оказались и благочестивые евреи, от которых в свое время его семья черпала свою силу. Подобно всем правителям на Ближнем Востоке того времени, он был подвержен сильному греческому влиянию и презирал ряд наиболее экзотических (варварских с точки зрения греков) проявлений культа Яхве. Будучи первосвященником в Иерусалиме во время Праздника Кущей, он отказался проводить традиционную церемонию возлияний, за что благочестивые евреи забросали его лимонами. «При этом, – пишет Иосиф, – он пришел в ярость и его жертвами пали около шести тысяч человек». В итоге Александр, как и его всеми ненавидимые предшественники, Язон и Менелай, оказался перед лицом мятежа фундаменталистов. По словам Иосифа, гражданская война длилась шесть лет и стоила 50 000 еврейских жизней.

Именно к этому периоду относятся первые упоминания о *перушим*, или фарисеях, «тех, которые выделили себя», религиозной группе, которая отвергла царско-религиозный высший свет его первосвященником, саддукейскими аристократами и Синедрионом и поставила верность религии выше еврейского национализма. Раввинские источники свидетельствуют о борьбе между монархами и этой группой, которая носила характер социального, экономического, а также религиозного конфликта. Как отмечал Иосиф, «саддукеи привлекали последователей только из богатых, и народ их не поддерживал, в то время как фарисеи пользовались народной поддержкой». Он рассказывает, что в конце гражданской войны, когда Александр триумфально возвратился в Иерусалим, среди его пленников было много враждебно настроенных по отношению к нему евреев. И тогда «он учинил одно из самых варварских деяний на свете... Пируя на глазах всего города со своими наложницами, он приказал распять около восьмисот пленных и, пока они еще живы, на глазах у них перерезать горло их детям и женам». Упоминание об этом садистском эпизоде встречается в Кумранских свитках: «Лев яростный... что подвешивает людей живьем».

В результате, когда Александр умер в 76 г. до н.э. после того, как (согласно Иосифу) «впал в душевное расстройство от жестокого пьянства», еврейский мир оказался глубоко расколот, хотя он численно заметно увеличился, в него входило много полуевреев, чья преданность Торе была сомнительна и, скажем, носила выборочный характер. Хасмонеийское государство, подобно его прообразу, царству Давида, процветало в эпоху между империями. Оно было способно к экспансии в период, когда империя селевкидов уже пришла в безнадежный упадок, а Рим еще недостаточно окреп, чтобы занять место греков. Однако к моменту смерти Александра солнце Римской империи только собиралось всходить над еврейским горизонтом. Рим был союзником евреев, пока они боролись против старой греческой империи, и терпимо относился к существованию, и даже относительной независимости, мелких и слабых государств. Однако еврейское государство, нацеленное на

экспансию, его воссоединение по этническому принципу и насильственное обращение соседей в свою жесткую и нетерпимую веру, было неприемлемо для римского сената. Рим выжидал, пока еврейское государство не станет более уязвимым в результате внутреннего раскола, подобно империи селевкидов. Сознавая это, вдова Александра Саломея, которая некоторое время правила после него, попыталась восстановить национальное единство, введя фарисеев в Синедрион и сделав их Устный Закон составной частью царской юриспруденции. Но она скончалась в 67 г. до н.э., а при ее сыновьях династия прервалась.

У одного из претендентов, Гиркана, был сильный премьер-министр, Антипатер, идумей из семьи, насильственно обращенной хасмонеями. Он был полуэллинизированным иудаистом. Для такого человека было вполне естественно договориться с новой сверхдержавой – Римом, который сумел сочетать непобедимую военную технику с греческой культурой. По мнению Антипатера, лучше было договориться с Римом, под чьим покровительством высокопоставленные семьи могли бы процветать, чем вести гражданскую войну. Поэтому в 63 г. до н.э. он заключил соглашение с римским полководцем Помпеем, и Иудея стала протекторатом Рима. Сын Антипатера, ставший Иродом Великим, уже накрепко прикрепил евреев к административной системе Римской империи.

Властвование Ирода, который был фактическим правителем Иудеи (да и не только ее), длилось с 37 г. до н.э. до самой его смерти, которая произошла за 4 года до начала христианской эры. Именно этот период в истории евреев вызывает споры у еврейских историков, как, впрочем, и у христианских. Ирод был одновременно и евреем и антисемитом; сторонником и поклонником греко-римской цивилизации и одновременно восточным варваром, способным на невероятную жестокость. Он был блестящим политиком и в некоторых отношениях мудрым и дальновидным государственным деятелем, великодушным, конструктивным и весьма эффективным; и в то же время наивным, суеверным, карикатурно капризным, балансирующим на грани безумия (а иногда и переходящим эту грань). В его личности соединялись трагедия Саула и удачливый материализм Соломона, который явно был его идолом; безумно жаль, что рядом с ним не нашлось никого, кто мог бы описать его личность и карьеру столь же ярко, как автор Первой Книги Царей.

Ирод выдвинулся и приобрел известность при жизни своего отца в качестве правителя Галилеи. Там вполне в духе римских традиций он разгромил шайку полурелигиозных мятежников, которыми командовал некто по имени Езекия; Ирод казнил их главарей, не прибегая к содействию еврейского религиозного суда, а просто опираясь на собственный авторитет. Это, согласно еврейскому праву, считалось убийством, и Ироду пришлось предстать перед Синедрионом, и только присутствие его личной охраны, которая внушала страх суду, помешало вынести ему приговор. Четыре года спустя, в 43 г. до н.э., Ирод совершил аналогичное преступление, казнив другого еврея-фанатика по имени Малик, который отравил своего отца. Разумеется, семья Ирода поддерживала хасмонеюскую фракцию во главе с Гирканом II, и сам он породнился с ними, женившись на Мариамне. Однако в 40 г. до н.э. соперничающая фракция, возглавляемая его племянником Антигоном, при поддержке парфян захватила Иерусалим. Брат Ирода, Фазаил, правивший Иерусалимом, был арестован и покончил с собой в тюрьме; что касается Гиркана, то его представили непригодным к тому, чтобы быть первосвященником, по причине увечья – для чего лично Антигон откусил своему дяде уши...

Самому Ироду едва удалось спастись; он бежал в Рим, где информировал обо всем сенат. В ответ сенаторы назначили его марионеточным царьком, присвоив ему титул «союзного царя и друга римского народа». После этого он вернулся на Восток во главе римской армии из 30 000 пехотинцев и 6000 кавалеристов, захватил обратно Иерусалим и установил совершенно новый режим. Его политика носила тройственный характер. Во-первых, он пользовался своими политическими и дипломатическими талантами, чтобы добиваться поддержки тех, кто приходил к власти в Риме. Пока Марк Антоний процветал, они с Иродом были друзьями и союзниками; стоило Антонию пасть, Ирод поспешил

помириться с Октавианом. Во времена империи Августа Ирод был самым лояльным и надежным сателлитом Рима на Востоке, безжалостно подавлял пиратов и бандитов и поддерживал Рим во всех кампаниях и конфликтах. Он был наиболее щедро вознагражден Римом; при поддержке последнего расширил свое царство до хасмонейских границ и даже за их пределы и правил им, ощущая собственную безопасность.

Во-вторых, он сделал все, чтобы истребить хасмонеев. Он выдал Антигона римлянам, которые его казнили. Питая к своей жене, Мариамне, правнучке Александра Янния, «ревнивую страсть» (говоря словами Иосифа), он в конце концов ополчился на нее и всю ее родню. Ее брат Аристокбул был утоплен в плавательном бассейне в Иерихоне. Саму Мариамну Ирод обвинил перед семейным судом в попытке отравить его, и ее казнили. Затем ее мать, Александра, была также казнена по обвинению в государственной измене. И, наконец, по его обвинению в заговоре с целью убить его были осуждены и удушены двое сыновей, рожденных от него Мариамной. Иосиф писал: «Если и был когда-либо человек, любящий свою семью, то это был Ирод». И это было справедливо по отношению к родне с его стороны, поскольку он присваивал городам имена своего отца, матери и брата. Но по отношению к хасмонеем и тем, кто мог иметь наследственные претензии на то, что принадлежало Ироду, он вел себя с параноидальной подозрительностью и зверской жестокостью. История об избииении младенцев при всем преувеличении имеет под собой реальную историческую основу.

Третье направление политики Ирода состояло в том, чтобы ослабить разрушительную силу иудаистского фундаментализма, отделив религию от государства и введя в игру еврейскую диаспору. Первым его актом после прихода к власти в Иерусалиме в 37 г. до н.э. была казнь 46 ведущих членов Синедриона, которые (в его деле и других) пытались опираться на Законы Моисея в решении светских проблем. После этого Синедрион превратился в чисто религиозный суд. Ирод даже не попытался стать первосвященником; он отделил этот пост от короны и стал лично назначать людей на него и смещать их, выбирая кандидатуры в основном из египетской и вавилонской диаспоры.

Ирод был, подобно большинству евреев, заиклен на исторических аналогиях; очевидно, что он подражал Соломону. Он стремился увековечить память о себе колоссальными сооружениями и жертвоприношениями. Тем самым он олицетворял собой еще один любопытный еврейский типаж – филантропа-стяжателя. Вся жизнь его была направлена на то, чтобы приобретать и расходовать в гигантских масштабах. Подобно Соломону, он извлекал выгоду из благоприятного географического расположения на торговых путях, собирая пошлины, а также из промышленного производства. Он арендовал у императора Августа медные рудники на Кипре, оставляя себе половину добычи. Он собирал налоги на огромной территории, делясь, разумеется, с Римом. По словам Иосифа, он тратил не по возможности, а потому мог проводить жесткую линию в отношении своих подданных. Нет сомнения, что он сколотил огромное личное состояние, конфискуя собственность тех, кого объявлял государственными преступниками – в первую очередь, конечно, хасмонеев. В то же время при нем вырос общий уровень благосостояния в Палестине за счет внешнего мира, внутреннего порядка и расширения торговли. Число евреев (по рождению и обращенных) повсеместно возрастало. По данным одного из средневековых источников, согласно переписи Клавдия в 48 г. н.э. в пределах империи проживало 6 944 000 евреев; плюс к этому «мириады и мириады» (выражение Иосифа) в Вавилонии и других местах. По некоторым оценкам, во времена Ирода в мире жило около 8 миллионов евреев, из которых от 2 350 000 до 2 500 000 – в Палестине; таким образом, на евреев приходилось около 10% населения Римской империи. Эта увеличивающаяся нация и многочисленная диаспора были источником богатства и влияния Ирода.

Именно на уверенности Ирода в подъеме еврейства и иудаизма и его национальной и религиозной гордости зиждилась его политика. Подобно его предшественникам евреям-эллинизаторам он считал себя героем-реформатором, который пытается вовлечь невежественный и консервативный Ближний Восток в круг просвещенных народов

современного мира. Мощь Рима и обретенное им под властью императора единство открывали новую эпоху международного мира и всемирной торговли, экономического золотого века, в котором Ироду хотелось найти место для своего народа. Чтобы дать евреям возможность занять достойное место в лучшем мире, ему было необходимо уничтожить ослабляющие элементы прошлого и в особенности освободить еврейское общество и религию от эгоистичной олигархии семей, которые эксплуатировали то и другое. И он совершил это без посторонней помощи, причем его паранойя и жестокость в значительной мере соединялись с элементом идеализма.

Ирод желал также показать миру, что среди евреев было много одаренных и цивилизованных людей, способных внести существенный вклад в распространение новой средиземноморской цивилизации. С этой целью он смотрел гораздо дальше Иерусалима с его толпами фанатиков, обращая свой взгляд на евреев диаспоры. Ирод был близким другом одного из главных военачальников Августа, Агриппы, и эта дружба способствовала тому, что покровительство Рима распространилось на разбросанные по огромной территории и временами запуганные еврейские общины, находившиеся в орбите Рима. Евреи диаспоры видели в Ироде своего лучшего друга. Кроме того, он был в высшей степени щедрым покровителем, ибо выделял средства на синагоги, библиотеки, бани и благотворительные структуры, а также побуждал и других поступать таким же образом; поэтому именно во времена Ирода евреи впервые прославились маленькими оазисами благоденствия, которые они устраивали в своих общинах в Александрии, Риме, Антиохии, Вавилоне и других местах, где заботились о больных и бедных, вдовах и сиротах, помогая посещать заключенных и хоронить умерших.

Ирод был не настолько глуп, чтобы позволить евреям диаспоры быть единственными получателями его щедрот. Он покровительствовал многим многонациональным городам в восточной части империи. Он поддерживал и финансировал практически все институты греческой культуры, и не в последнюю очередь – стадионы, поскольку сам он был энтузиастом спорта: отчаянный охотник и наездник, искусный метатель молота и стрел из лука, горячий болельщик. Своими деньгами, организаторским талантом и энергией он без чьей-либо помощи сумел спасти Олимпийские Игры от упадка и добился того, что их стали проводить регулярно и с подобающей пышностью. В результате имя его завоевало почтение у многих островов и городов Греции и он удостоился титула пожизненного президента Игр. Он выделял крупные суммы на общественные и культурные цели в Афинах, Ликии, Пергаме и Спарте, отстроил заново храм Аполлона на Родосе, обнес стенами взамен разрушенных Библос, дал Тиру и Бейруту по форуму, а Лаодицею – акведук, театры Сидонум Дамаску, гимназии Птоломансу и Триполи, а также фонтан и бани Аскалону. В Антиохии, которая была тогда крупнейшим городом на Ближнем Востоке, он вымостил камнем главную улицу протяженностью 4 километра и построил по всей ее длине колоннаду, которая защищала бы горожан от дождя, причем все это сооружение было облицовано полированным мрамором. Почти во всех этих местах обитали евреи, которые купались в отраженных лучах славы своего необыкновенно щедрого брата по вере в Яхве.

Ирод пытался проводить такую же щедрую и универсалистскую политику в самой Палестине, объединяя в своем паниудаизме отверженных и еретиков. Самария, город, который Иоаким Гиркан сровнял с землей и затопил, была с его помощью отстроена заново и получила имя Себасты в честь греческого имени его патрона Августа. Он даровал ей храм, стены, башни и уличную колоннаду. В Банье на побережье он построил еще один храм из египетского гранита, а на побережье на месте башни Стратона построил большой новый город Цезарею. Согласно Иосифу Флавия, там была сооружена искусственная гавань, «больше, чем в греческом Пирсе», которую строители Ирода перекрыли «на глубине 36 метров каменными глыбами длиной по 15 метров, шириной по 3 и высотой по 2,7 м, а кое-где даже больше». Это сооружение явилось основанием гигантского волнолома длиной 60 м. В городе площадью 8 квадратных километров были театр, рынок и здание местной власти, построенные из известняка, а также прекрасный амфитеатр, где каждые четыре года

проходили спортивные игры. Здесь Ирод поставил гигантское изваяние Цезаря, не уступавшее, согласно Иосифу, Зевсу-Олимпийцу, который считался одним из Семи чудес света древности. Когда после смерти Ирода его империя распалась, этот город естественным образом стал столицей Иудеи как римской провинции. По всей Палестине были разбросаны крепости и дворцы Ирода. Среди них была цитадель Антония в Иерусалиме, воздвигнутая поверх хасмонейского форта Барис, построенного Ионафаном Маккавеем; только в соответствии со вкусами Ирода новый форт был больше, лучше укреплен и роскошнее. Другими были Иродиум, Кипрос возле Иерихона, названный в честь его матери, Махирус, на восточном берегу Мертвого моря и его вилла-крепость, высеченная в скале вблизи Масады, откуда открывался величественный вид на пустыню.

Для Ирода строительство крепости Антония в Иерусалиме было частью его политического, чтобы не сказать – геополитического, плана. Когда его легионы впервые взяли город в 37 г. до н.э., ему стоило огромных трудов убедить своих союзников-римлян не уничтожать город вместе с его жителями, поскольку римляне считали его неуправляемым. Ирод предложил интернационализировать город и взрастить там новых евреев, которые могли бы сменить старых и сделать город столицей не просто Иудеи, но всего еврейского народа. Он считал евреев диаспоры более просвещенными, чем палестинские, более восприимчивыми для греко-римских идей и более способными к переходу на новые формы богослужения, совместимые с современными представлениями. Он назначал евреев из диаспоры на официальные посты в столице и стремился укрепить их авторитет, поощряя других представителей диаспоры к регулярным визитам туда. Теоретически Закон требовал, чтобы евреи совершали паломничество в Храм трижды в год. Чтобы стимулировать этот процесс, особенно для диаспоры, Ирод решил, во-первых, обустроить Иерусалим в духе лучших греко-римских традиций и, во-вторых, реконструировать Храм таким образом, чтобы стоило приехать специально посмотреть на него. Надо сказать, что Ирод был не только выдающимся филантропом, он был также незаурядным пропагандистом и умелым режиссером различных действ.

Он разработал перспективную программу реконструкции Иерусалима, едва ли не самого странного города в мире. Сооружение Антонии обеспечило ему, так сказать, физическое господство, которое он укрепил, воздвигнув три мощные башни: Фазаил (известную впоследствии как Башню Давида), Гиппикус и Мариамну (была возведена до того, как он расправился со своей женой). После этого он почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы возвести театр и амфитеатр, которые, впрочем, были сооружены за пределами храмовой зоны. Затем, в 22 г. до н.э., он созвал национальную ассамблею и объявил о деле своей жизни: воссоздать Храм в столь грандиозном масштабе, чтобы превзойти славу постройки Соломона. Последующие два года ушли на то, чтобы собрать и обучить армию из 10 000 рабочих-строителей и 1000 священников-десятников, которые должны были также вести строительные работы в местах, запретных для непосвященных. Эти тщательные приготовления были необходимы, чтобы убедить евреев Иерусалима, что операция по сносу старого храма была прелюдией к возведению нового и более прекрасного. Ирод принял чрезвычайные меры, чтобы не задеть религиозных чувств фундаменталистов; так, например, для сооружения алтаря использовались неотесанные камни, к которым не прикасалось железо! Создание Храма как функционального места для жертвоприношений потребовало всего 18 месяцев, причем все это время неоконченное святилище было скрыто специальным ограждением от посторонних взоров. Для завершения же грандиозного строительства потребовалось целых 46 лет, и строители вели отделочные работы почти до того момента, когда в 70 г. н.э., римляне снесли сооружение, не оставив от него камня на камне.

Описания Храма, возведенного Иродом, можно найти в книгах Иосифа Флавия «Иудейские древности» и «Иудейская война», а также в талмудических трактатах «Миддот», «Талмуд» и «Йома». Их дополняют данные последних археологических находок. Чтобы добиться желаемого грандиозного эффекта, Ирод удвоил площадь Храмовой горы, соорудив

огромные подпорные стены и заполнив пространство за ними щебнем. По периметру образовавшейся свободной площади он возвел портики, которые были соединены с верхним городом посредством мостов. Святилище, находившееся на одном из концов площадки, было намного выше и шире, чем построенное Соломоном (100 локтей по сравнению с 60). Поскольку Ирод не происходил из семьи священнослужителей и не мог, следовательно, даже входить во внутренний двор, он уделял интерьеру мало внимания, и Святая Святых, хоть и отделанная золотом, была, в общем, голой. Зато на внешнее убранство денег не жалели, ворота, различные конструктивные элементы и украшения были покрыты золотом и серебром. По словам Иосифа Флавия, камень был «исключительно бел»; блеск камня и сверкание золота под лучами солнца были видны за много километров и поражали странников, видевших храм впервые.

Громадная площадка, занимавшая 14 гектаров и имевшая милю в окружности, находилась на вдвое большей высоте от основания долины, чем в настоящее время, так как нижние ряды каменных блоков покрыты многовековыми наслоениями щебня. Как утверждает Иосиф Флавий, некоторые из блоков достигали «45 локтей в длину, 10 – в высоту и 6 – в ширину» (20 м 4,5 м 2,6 м). Их поверхность была необычно гладко отшлифована иноземными каменотесами. Верхние 12 метров площадки скрывали под собой извилистые коридоры. Наверху размещались сводчатые аркады, опиравшиеся на сотни коринфских колонн высотой 8 метров и в три обхвата в поперечнике. В целом сооружение было настолько велико, что, по словам Иосифа Флавия, глядя с аркад вниз, вы испытывали головокружение.

По большим праздникам в город стекались сотни тысяч паломников из Палестины и диаспоры, которые восходили на площадку из города по огромной лестнице и главному мосту. Внешний двор, огражденный стенами, был открыт для всех. В воротах и аркадах сидели менялы, готовые конвертировать деньги со всего мира в «священные шекели», которыми можно было делать пожертвования на Храм (именно на этих менял обрушился гнев Христа). Здесь же продавались жертвенные голуби. Далее располагалась другая стена и ворота, на камне которых было высечено предупреждение на греческом языке и латыни, запрещавшее под страхом смерти вход неевреям; за ними находился Двор Женщин со специальными уголками для назаретян и прокаженных, а уже за ним – Двор Израильтян, предназначенный для евреев мужского пола. Каждый из последующих внутренних дворов располагался выше предыдущего и соединялся с ним ступенями; самый верхний лестничный марш вел к жертвеннику, во Двор Священнослужителей, в пределах которого размещалось святилище.

На территории Храма и вокруг него трудились многие тысячи священников, левитов, книжников и благочестивых евреев. Священники отвечали за ритуалы и церемонии, левиты были хористами, музыкантами, отвечали за чистоту и инженерное обеспечение. Они делились на 24 вахты, или смены; во время больших праздников к ним на помощь приходили люди из семей священников и левитов со всей Палестины и диаспоры. Первейшей задачей священников был уход за святилищем. Евреи заимствовали у египтян традицию вечного огня в алтаре; это означало, что необходимо было постоянно следить за многочисленными лампами святилища, своевременно их заправлять. Также из Египта пришел обычай курить фимиам в самых темных и секретных местах храма. Храм потреблял около 600 фунтов дорогих благовоний в год; их готовили по секретной рецептуре члены семьи священнослужителей Автина, чьим женщинам запрещалось пользоваться духами, чтобы не было повода обвинить их в хищениях. Для курения использовалась смесь, в состав которой входили растертые в порошок раковины морских моллюсков, содомская соль, специальный цикламен, мирра (камфорная смола), ладан (терпентиновая смола), корица, кассия, нард, шафран, камедь и некое загадочное вещество под названием «маалах ашан», которое способствовало обильному образованию дыма.

Кроме того, существовала обычная практика ежедневных жертвоприношений (два барашка на рассвете, два – на закате), в каждом из которых участвовало 13

священнослужителей. Разумеется, простые евреи-мужчины не могли входить в святилище, но они могли видеть, что там происходит, поскольку при службе двери держали открытыми. Каждая служба заканчивалась ритуальным винопитием, чтением священного писания и пением гимнов и псалмов. Хористам аккомпанировал оркестр в составе трубы, 12-струнной арфы, 10-струнной лиры и бронзовых тарелок; звуками серебряного горна и рога отмечали стадии литургии. Ритуал жертвоприношения потрясал гостей своей варварской экзотикой; тем более что большинство паломников прибывали в праздники, когда количество жертв было огромным. В такие дни внутренняя часть Храма производила жуткое впечатление: рев и мычание испуганного скота смешивались с ритуальными возгласами и воплями, а также звуками, которые издавали рог и горн; к тому же повсюду была кровь. Автор «Письма Аристея», еврей из Александрии, побывавший здесь в качестве паломника, рассказывает, что он видел, как в жертвоприношении участвовало 700 священников, которые делали свое дело молча, но с большим профессиональным мастерством, укладывая тяжеленные туши на положенное место на алтаре.

Из-за огромного количества животных их забой, спускание крови и разрубание туш должны были производиться очень быстро. Для того чтобы справиться с фантастическим количеством крови, площадка была оснащена соответствующей системой дренажа. Здесь было размещено 34 цистерны, самая большая из которых под названием «Великое море» имела емкость около 8 кубометров. Зимой в них хранили дождевую воду, а летом дополнительное количество воды подводилось по акведуку из расположенного южнее Шилоамского пруда. Бесчисленные трубы подавали воду на поверхность площадки; потоки крови отводились через многочисленные сливы. Аристей писал: «У основания алтаря имеется много отверстий для воды, невидимых для всех кроме участников жертвоприношения, причем даже большое количество крови отводится и смывается в мгновение ока».

В праздники Храм заполняла буйная толпа, для входа которой ворота распахивались в полночь. В Святую Святых мог входить только первосвященник, причем раз в году (в День Искупления); однако по праздникам занавес поднимался и евреи-паломники могли заглянуть сквозь ворота святилища и увидеть священные сосуды. Каждый паломник приносил как минимум одну личную жертву (отсюда – огромное количество животных). Возможность жертвовать предоставлялась и иноверцам. Храм Ирода пользовался всемирной известностью и уважением, и, согласно Иосифу Флавия, ряд выдающихся лиц неиудейского вероисповедания делали жертвы, чтобы выразить свое почтение и ублажить еврейское общественное мнение. Так, в 15 г. до н.э. друг Ирода Марк Агриппа сделал широкий жест, принеся в жертву 100 животных (гекатомбу).

Храм был исключительно богат, по крайней мере, в те времена, когда его не грабили. Зарубежные монархи и государственные деятели от Артаксеркса до императора Августа одаривали его многочисленными золотыми сосудами, которые сберегались в специальных скрытых в глубине хранилищах. Евреи со всей диаспоры слали сюда деньги и посуду (подобно тому, как шлют сейчас в Израиль), и, по словам Иосифа Флавия, он стал «главной сокровищницей евреев». Так, Гиркан, глава богатой семьи сборщиков налогов, «вложил сюда все богатство своего дома». Но главным и постоянным источником дохода был налог в полшекеля, которым облагались все евреи мужского пола старше двадцати лет.

По отношению к Храму Ирод проявлял исключительную щедрость, он даже оплатил все работы по сооружению нового здания из собственного кармана. Понизив важность поста первосвященника, который занимал ненавистный саддукей, Ирод автоматически повысил значимость своего ставленника-фарисея, сегана, под контроль которого попали все регулярные функции Храма, и гарантировал, что даже первосвященники-саддукеи проводили литургию по-фарисейски. Поскольку у Ирода были приличные отношения с фарисеями, ему, как правило, удавалось избегать конфликтов между Храмом и правительством. Однако этот союз распался в последние месяцы его жизни. В качестве одного из мероприятий по украшению Храма по распоряжению Ирода над главным входом

был установлен золотой орел. Евреи из диаспоры восприняли это с восхищением; однако благочестивые столичные евреи, включая фарисеев, энергично выступили против, а группа студентов Торы взобралась на ворота и разбила орла на куски. Ирод болел в своем дворце вблизи Иерусалима, но действовал, как всегда, энергично и безжалостно. Первосвященник был смещен. Студентов выявили, арестовали, приволокли в цепях в Иерихон, судили в римском театре и сожгли заживо. Дым от этой жертвы в пользу ущемленной щедрости и самолюбию еще не успел рассеяться, как Ирода на носилках доставили к горячим источникам в Каллироэ, где он скончался весной 4 г. до н.э.

Распоряжения Ирода касательно верховной власти в стране не сработали, поскольку его сыновья от первой жены-набатейки, Дорис, не подходили на эту роль. В 6 г. н.э. римлянам пришлось сместить Архелая, которому Ирод оставил Иудею. В дальнейшем ею напрямую правили римские прокураторы из Цезарии, которые сами подчинялись римскому легату в Антиохии. Внук старого царя, Ирод Агриппа, оказался дееспособным, и в 37 г. н.э. римляне отдали ему власть в Иудее. Он, однако, умер в 44 г., не оставив римлянам никакого выбора, кроме как снова ввести прямое правление. Со смертью Ирода Великого прервалась полоса стабильной еврейской власти в Палестине – до середины XII столетия.

На смену стабильности пришел период всевозрастающей напряженности. Ситуация была нетипичной для римского колониального правления. Дело в том, что римляне управляли империей достаточно либерально. Они уважали местные религиозные, социальные и даже политические институты – разумеется, если они не вступали в противоречие с их коренными интересами. Случалось, конечно, что восстания жестоко подавлялись силой. Однако в основном народы Средиземноморья и Ближнего Востока процветали под властью Рима и предпочитали оставаться в таком состоянии. Именно так были настроены шесть или более миллионов евреев диаспоры, которые никогда не причиняли властям беспокойства, за исключением одного случая, когда в Александрии произошли волнения под воздействием событий в Палестине. Вполне вероятно, что и на своей родине многие евреи, если не большинство, не видели в римлянах угнетателей или врагов своей веры. Однако меньшинство (причем вполне осязаемое) в Палестине стало непримиримым по отношению к римлянам и время от времени готово было пренебречь риском возможного сурового наказания, которое неумолимо следовало за попыткой открытого неповиновения. Так, в 6 г. н.э. произошло восстание под руководством Иуды из Гамалы, направленное против прямого правления, введенного после смерти Ирода Великого. Второе выступление такого рода произошло в знак протеста против восстановления прямого правления после смерти Ирода Агриппы в 44 г. н.э., когда толпа, предводительствуемая неким Феудом (Theudas) устроила демонстрацию в долине реки Иордан. Третье выступление произошло во времена прокуратора Феликса (52-60 гг. н.э.), когда 4000 человек, собравшихся на горе Маслин, ждали, что стены Иерусалима падут так же, как это в свое время произошло в Иерихоне. И, наконец, необходимо упомянуть два крупных восстания (66 и 135 гг. н.э.), потрясших восточную империю. Ничего подобного не было ни на одной из подвластных Риму территорий.

Почему евреи были такими беспокойными? Не потому, что они представляли собой некий нестабильный, воинственный и отсталый народ, вроде парфян, которые были вечным источником для беспокойства римлян на восточной окраине, или патанов и афганцев, создававших угрозу северо-западным границам Британской Индии. Наоборот, главная проблема с евреями состояла в том, что они были слишком развиты интеллектуально, имели слишком высокое самосознание, чтобы подчиняться чужой власти. У греков была та же проблема во взаимоотношениях с Римом. Они решали ее, подчиняясь физически, но беря верх интеллектуально. С точки зрения культуры, Римская империя была греческой, особенно на востоке. Образованные люди говорили и думали по-гречески, и законодателями мод в изобразительном искусстве, архитектуре, драме, музыке и литературе были греки. Поэтому у греков никогда не возникало чувства культурного подчинения Риму.

У евреев же здесь существовала проблема. Их культура была старше греческой. Они,

правда, не могли сравниться с греками по части изобразительного искусства, но зато их литература в ряде областей стояла выше. На территории Римской империи евреев проживало примерно столько же, сколько греков, причем процент грамотных среди евреев был выше. Однако греки, которые держали под контролем культурную политику Римской империи, не допускали ни малейшей возможности признания еврейского языка и культуры. Примечательно, что греки, которые были так любознательны по части природы и быстро перенимали достижения чужой техники и искусства, практически были невосприимчивы к чужим языкам. За тысячу лет в Египте они не попытались научиться ничему, кроме разве розничной торговли; Пифагор, по-видимому, был единственным греческим ученым, который понимал иероглифы. Столь же глухи они были ко всему еврейскому и к еврейской литературе, и к еврейской религиозной философии; и ту и другую они практически игнорировали и знали только понаслышке. В итоге культурное пренебрежение со стороны греков, а также смешанное чувство любви и ненависти, которое часть образованных евреев питали по отношению к греческой культуре, было источником постоянной напряженности.

В некотором смысле взаимоотношения греков и евреев в античную эпоху были сродни тем, что наблюдались между евреями и немцами в XIX – начале XX столетия хотя к параллелям такого рода надо подходить осторожно. У греков и евреев было много общего: их универсалистский подход, их рационализм и эмпиризм, их уверенность в божественном управлении вселенной, их этические принципы, их всепоглощающий интерес к Человеку как таковому; однако в данном случае более существенными оказывались различия, которые усугублялись взаимным непониманием. И евреи и греки провозглашали свободу и вроде бы верили в нее. Однако, если в случае греков свобода была самодовлеющей целью, реализовавшейся в свободном, самоуправляемом обществе, которое выбирало себе законы и богов, то в случае евреев она была не более чем средством, причем не предполагалось никакого влияния ее на религиозные обязанности, установленные свыше и не подлежащие изменению человеком. Ситуация, в которой евреи могли бы примириться с греческой культурой, была возможна только в том случае, если бы они сумели перенять ее – что они в конце концов и сделали в виде христианства.

Поэтому важно понять, что в основе еврейского бунта против Рима лежала в сущности борьба между еврейской и греческой культурами. Более того, борьба эта пошла от книг. В то время существовали всего две великие литературы, греческая и еврейская; латинские тексты, смоделированные по подобию греческих, только начинали складываться в систему. Все больше людей приобщалось к грамоте, в особенности греков и евреев, у которых были школы. Писатели начали формироваться как личности; мы знаем имена целой тысячи литераторов-эллинов, процесс самоутверждения шел и среди писателей-евреев. Возникали огромные библиотеки, как государственные, так и частные; в фондах Александрийской библиотеки было свыше 700 тысяч свитков! Греческая литература принадлежала, конечно, международному культурному сообществу; евреи, между тем, были более усердны в копировании, распространении, чтении и изучении собственных священных текстов.

Во многих отношениях еврейская литература была намного более динамичной, чем греческая. Начиная с Гомера греческие литературные произведения призывали к добродетели, красоте и определенному образу мышления; еврейские же тексты отличались явно выраженной тенденцией к тому, чтобы стать планом действия. Более того, этот динамичный элемент становился все более важным. Его характеризовал пропагандистский настрой, полемический тон и откровенная ксенофобия, причем особенная враждебность была направлена на греков. Результатом борьбы Маккавеев являлся заметный акцент на жертвенность. Типичным в этом смысле является труд еврея по имени Иасон Киренский; существовавшая первоначально в объеме пятитомника, эта работа сохранилась в виде краткого изложения под названием «Вторая книга Маккавеев». Используя все риторические приемы греков, она, тем не менее, является антигреческим диатрибом и зажигательным мартирологом.

Еще более важно, что истории о мучениках являлись новым литературным жанром

апокалиптического характера, который со времен Маккавеев заполнял в сознании евреев вакуум, оставленный упадком пророчества. Само слово «апокалипсис» означает «откровение». Апокалиптические тексты пытаются сообщить о тайнах, лежащих за пределами нормального человеческого знания и опыта, ссылаясь при этом для пущей достоверности на умерших пророков. Начиная со II века до н.э., опять же под давлением кризиса Маккавеев, они сосредотачиваются преимущественно на эсхатологической тематике, обращая в будущее еврейскую увлеченность историей и предсказывая, что случится в «конце времен», когда Бог решит покончить с историческим периодом и человечество вступит в эпоху подведения итогов. Этот момент будет характеризоваться грандиозными космическими катаклизмами, последней битвой Армагеддон, когда, по выражению одного из Кумранских свитков, «властитель небес возвысит свой голос, основы мира будут потрясены, и бой небесного воинства распространится на весь мир». Характерной особенностью этих событий является крайняя степень насилия, абсолютное размежевание между Добром (благочестивые евреи) и Злом (греки, позднее – римляне), а также намеками на их неотвратимое приближение.

Из этих трудов наиболее влиятельной была Книга Даниила, относящаяся к началу хасмонеяского периода, потому что она не только проложила себе путь в Канон, но и стала прообразом многих других. Она использует исторические примеры из ассирийских, вавилонских и персидских времен, чтобы возбудить ненависть к языческому имперству вообще и греческому правлению – в частности, и предсказывает падение империи и приход Царства Божия, возможно, возглавляемого героическим освободителем, Сыном Человеческим. Книга перенасыщена ксенофобией и призывами к самопожертвованию.

Книги апокалипсиса могли читаться (и читались) на разном уровне восприятия. Умеренным, благочестивым евреям, составлявшим, по-видимому, большинство, которые со времен Иеремии и Иезекииля считали, что могут отправлять свою веру и при либеральном чужеземном правлении (и, может быть, эти условия – даже наилучшие), Даниил обещал не восстановление некоего конкретно-исторического царства (вроде царства Давида), а итоговой акт совершенно иного свойства – воскресение и личное бессмертие. Что особенно потрясало фарисеев, так это утверждение в конце Книги Даниила, что в конце времен «люди... спасутся... И многие из спящих во прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление». Это утверждение Даниила подкреплялось так называемой Эфиопской Книгой Еноха, написанной в начале I века н.э., которая говорит о «последнем дне» и «судном дне», когда «избранные» будут отмечены и вступят в свое царствие.

Идея посмертного суда и вознаграждения бессмертием возникла в Египте более чем за тысячу лет до этого. Она не принадлежала евреям, поскольку не содержалась в Торе, и саддукеи, которые держались за свои тексты, по-видимому, отрицали возможность посмертной жизни. Однако зародыш этой идеи содержался в Книге Пророка Исаяи, и фарисеи с готовностью ухватились за этот аспект апокалипсиса, поскольку он отвечал их сильному чувству этической справедливости. Как показал Иов, на земле может не быть разрешения проблемы теодиции; однако, если справедливости нет в этом мире, она обязательно должна быть в другом, последующем, где праведники будут вознаграждены божественным судом, а грешники – наказаны. Идея последнего суда прекрасно вписывалась в иудаистскую концепцию о главенстве закона. Именно благодаря тому, что они учили этой доктрине, а вместе с ней и рационалистическому подходу к соблюдению Закона, что позволяло надеяться на спасение, фарисеи привлекали столько последователей, особенно среди благочестивых бедняков, чей горький жизненный опыт оставлял им крохотную надежду на счастье, да и то по другой стороне жизни.

Однако, если фарисеи (так же, как впоследствии Св. Августин) проводили четкое различие между царством небесным и земным, другие воспринимали апокалипсис более буквально. Они верили в реальное, физическое существование царства справедливости, ждали его и были готовы сделать все, чтобы ускорить его приход. Наиболее склонная к

насильственным действиям группа получила у римских оккупационных сил название «сикарии»; эти люди скрытно носили кинжалы и занимались тем, что убивали евреев-коллаборационистов, особенно в праздничной толпе. На самом деле это было крайне террористическое крыло движения, называвшего себя зелотами. Название это пришло из книги Финееса в Книге Чисел. Финеес спас Израиль от кары, убив копьём нечестивца и его женщину, чем «показал ревность по Боге своему». Согласно Иосифу Флавию, движение было основано в 6 г. н.э. Иудой Галилеянином, который организовал восстание против прямого правления и переписи, организованной римлянами. Он был, по-видимому, кем-то вроде первых раввинов и проповедовал древнюю доктрину о теократическом характере еврейского общества, призывая не признавать ничьей власти, кроме Божьей.

Иосиф Флавий различает зелотов, которые проповедовали и применяли на практике насилие, и другие три (как он их называет) основные секты, а именно фарисеев, саддукеев и ессеев, которые в принципе не возражали против власти иностранцев. Но тот факт, что заместитель Иуды, Задек, был фарисеем, показывает, что грань между ними была достаточно размытая, так что, видимо, в течение I века все большее и большее количество благочестивых евреев, и фарисеев в том числе, стало соглашаться с тем, что в определенных обстоятельствах насилие неизбежно. Об этом, однако, можно только догадываться, так как наш главный источник информации, Иосиф Флавий, был стороной заинтересованной. Сам он использовал термин «зелот» (ревностный) как почетное звание и перестал им пользоваться, как только счел их деятельность террористической и антиобщественной. Допустимость терроризма, когда другие формы протеста исчерпали себя, обсуждалась в те дни так же горячо, как и сегодня, и конкретная роль, которую играли зелоты и сикарии в восстаниях I века, является предметом научных дискуссий.

Еще больше неясного связано с многочисленными сектами, возникавшими на границе пустыни, которых Иосиф Флавий, а также Филон и Плиний собирательно именовали ессеями. В действительности они принадлежали ко многим группировкам. Лучше всего из них известны кумранские монахи, чей монастырь у Мертвого моря был раскопан Дж. Л. Хардингом и Пьером де Во в 1951-56 гг.; найденные там многочисленные рукописи достаточно полно проанализированы и опубликованы. Летом они жили в шатрах, а на зиму скрывались в пещеры. В их центральных зданиях, где совершались омовения, существовала достаточно сложная трубопроводная система; нам удалось обнаружить их кухню, пекарню, столовую, гончарную мастерскую и комнату для собраний. На примере этой секты хорошо видно значение, которое экстремистские группы придавали литературе. В монастыре было специальное помещение для переписывания рукописей и большое собрание книг; во время восстания 66 г. н.э., когда монастырю грозило нападение римлян, рукописи были спрятаны в расположенных поблизости пещерах в высоких кувшинах. Здесь хорошо видна также и подстрекательская роль литературы; в дополнение к каноническим текстам апокалиптической направленности (типа Книги Исаяи) монахи производили на свет собственные эсхатологические писания революционной и милитаристской направленности. Так, составленный ими документ, известный под названием «Война детей света против детей тьмы», не просто содержит туманные намеки на апокалипсис, а является, по сути, подробной инструкцией по подготовке к битве, которую они считали неизбежной. Их лагерь представлял собой оборонительное сооружение с наблюдательной вышкой. По всей видимости, он был атакован и разрушен римлянами, когда в 66-70 гг. наступил «конец времен».

Однако, воинствующие монахи из Кумрана представляли лишь одну из многочисленных общин ессеянского типа. Все они складывались под влиянием апокалипсиса, хотя не все имели склонность к насильственным действиям. Многие из общин состояли из отшельников, живших в пещерах, подобно выходцам из Египта, где пустынные общины существовали, по меньшей мере, в течение 2000 лет. В Сирии в пещерах обитали монахи-маргеряне. Другие группы жили в пещерах вблизи Иордана; из них лучше всего известны Иоанн Креститель и его последователи.

Иоанн Креститель жил и трудился в основном в Галилее и Пирее; в настоящее время здесь преобладает еврейское население, но когда-то, во времена маккавеев, эта территория была присоединена к Иудее огнем и мечом, а ее население было подвергнуто принудительному обращению. Здесь можно было встретить и ортодоксальность и крайнюю ересь, эти провинции являлись источником постоянного религиозного и политического брожения. Большая часть области была разрушена во время восстаний, происходивших сразу после смерти Ирода и в 6 г. н.э.; сын великого властителя, Ирод Антипа, которого римляне назначили правителем, попытался восстановить ее, основывая новые города по типу греческих. Между 17 и 22 гг. н.э. он создал новый административный центр Тиберию на Галилейском озере; чтобы заселить его, он принуждал евреев из сельской местности бросить свои хозяйства и перебраться в город. Сюда переселяли также бедняков и бывших рабов. Так возникла странная аномалия: единственный греческий город, где большинство составляли евреи. Антипа был объектом критики по другим причинам. Его иудаизм вызывал сомнения, поскольку мать его была самаритянкой; к тому же он нарушил закон Моисея, женившись на жене своего брата. Именно за этот грех обличал его Иоанн Креститель, за что был ввергнут в узилище и казнен. По мнению Иосифа Флавия, Антипа чувствовал, что движение последователей Крестителя становится грозной силой и ведет к восстанию.

Креститель верил в приход Мессии. Его проповеди основывались на двух книгах – Исая и Еноха. Он не был ни отшельником, ни сепаратистом, ни сектантом. Напротив, его проповеди о грядущем судном дне были обращены ко всем евреям. Все должны покаяться в своих грехах и креститься водой в знак искупления, подготовив себя к Последнему Суду. Своей задачей он считал откликнуться на призыв Исая: «Приготовьте путь Господу» и провозгласить наступление конца времен и пришествие Мессии, который, согласно Еноху, будет Сыном Человеческим. Согласно Новому Завету, Креститель был родственником Иисуса из Назарета, крестил его и опознал как Сына Человеческого. Вскоре после казни Крестителя Иисус приступил к выполнению собственной миссии. В чем состояла эта миссия и кем считал себя Иисус?

Еврейская доктрина Мессии восходит к верованию, что царь Давид был помазан Богом, с тем чтобы он и его потомки правили Израилем до конца времен и осуществляли власть и над другими народами. После падения царства это верование трансформировалось в ожидание чудесного восстановления дома Давида. Сюда же добавлялось данное Исаяей описание этого грядущего царя как носителя справедливости, что стало важнейшим элементом верования, так как Исая был наиболее читаем и почитаем, тем более что его книга несомненно написана лучше всех в Библии. Во II и I веках до н.э. эта инкарнация преемника Давида – носителя справедливости – отлично стыковалась с идеями Книги Даниила, Книги Еноха и других апокалиптических работ относительно конца дней и Четырех Последних Вещей: смерти, суда, ада и небес. Именно на этом сравнительно позднем этапе божественно избранную харизматическую фигуру впервые называют Мессией, или «помазанным [царем]». Это слово было первоначально еврейским, затем – арамейским, после чего было просто транслитерировано в греческий (messias). Собственно же греческое слово, означающее «помазанник», звучит как «christos»; важно, что именно греческий, а не еврейский титул был присвоен Иисусу.

Мессианская доктрина с ее сложным и даже противоречивым происхождением посеяла великую смуту в умах евреев. Но большинство их, по-видимому, сочло, что Мессия будет военно-политическим лидером и его приход ознаменует установление вполне земной, физической государственной власти. В Деяниях Апостолов есть важный раздел, где рассказывается, как Гамалиил-старший, внук Хилаля (Гиллеля), возглавлявший некогда синедрион, удержал еврейские власти от наказания ранних христиан, мотивируя это тем, что подлинность их Мессии может быть подтверждена успехом их движения. Он напомнил историю некоего Февды, «выдававшего себя за кого-то»; Февда был убит, «и все, кто следовали за ним, были рассеяны и обратились в ничто». Потом был Иуда Галилеянин («во время переписи»), который также «погиб, и все, которые слушались его, рассыпались».

Христиан, говорил он, следует оставить в покое, ибо, если их миссия не имеет благословения свыше, то она «разрушится».

Аргументы Гамалиила убедили прочих еврейских старейшин, которые до того считали, что имеют дело с заговором, направленным на свержение правительства. Когда Ирод Великий узнал о рождении Христа-Мессии, его реакция была такой, как будто возникла угроза его династии. Да и любой еврей, услышав, что кто-то выступает с претензией на мессианство, посчитал бы само собой разумеющимся, что у этого человека имеется некая политическая и военная программа. И римское правительство, и еврейский синедрион, и саддукеи, и даже фарисеи считали, что Мессия займется изменением существующей структуры власти, частью которой они являлись. Бедняки Иудеи и Галилеи также сочли бы, что Мессия, призывающий в своих проповедях к изменению основ, имеет в виду не духовные и метафизические категории (или, по крайней мере, не только их), а властные реалии – правительство, налоги, законы.

Из имеющихся свидетельств ясно, что Иисус из Назарета не соответствовал ни одному из этих ожиданий. Он не был еврейским националистом. Напротив того, он был евреем-универсалистом. Подобно Крестителю, он находился под влиянием учения пацифистски настроенных ессеев. Но, подобно Крестителю, он верил, что программа покаяния и возрождения должна быть обращена к большинству, как виделось в главе 53 Книги Исайи. Не дело учителя справедливости скрываться в пустыне или пещерах. Его дело – проповедь для всех, причем в духе полнейшей покорности Богу, который может востребовать готовность идти на муки. Человеку, о котором писал Исайя, следовало быть «нежным цветком», «презренным и отверженным», преисполненным печали, которого «ранят наши беззакония и прегрешения»; «угнетенный и опечаленный, он, тем не менее, не протестует вслух». Этот «страдающий слуга» Божий будет «взят из заточения и из судилища», «принесен в жертву словно агнец», погребен вместе со злодеями и «причислен к грешникам». Этот Мессия – не вождь толпы, не демократ, не главарь мятежников и тем более не земной царь или властитель мира. Скорее, это богослов и мученик, учивший людей своим словом и личным примером, своей жизнью и смертью.

Если Иисус был богословом, то каково было его богословие и откуда оно произошло? Его истоки – еретический иудаизм и растущая эллинизация Галилеи. Его отец-плотник умер еще до крещения Иисуса, где-то в 28-29 году н.э. В греческом тексте Нового Завета Иосиф носил еврейское имя, однако мать Иисуса там называлась Марией, что есть греческий вариант Мириам. Два брата Иисуса, Иуда и Симон, носили еврейские имена, а два других – нет (еврейский вариант их имен Иаков и Иосиф). Собственно Иисус – греческая форма еврейского имени Иешуа. Семья вела свою родословную от Давида и была, повидимому, вполне конформистской, поскольку, как указано в Новом Завете, проповеди Иисуса вызвали определенную напряженность в семье. Однако после смерти Иисуса родные стали его последователями. Его брат, Иаков, возглавил секту в Иерусалиме. Преемником Иакова, после того как он принял мученическую смерть от саддукеев, стал двоюродный брат Иисуса, Симон. Внуки его брата Иуды возглавили в годы правления Траяна христианскую общину в Галилее.

Согласно свидетельству, которым мы располагаем, хотя Иисус и находился под влиянием учения ессеев и, возможно, прожил с ними некоторое время и хотя был лично связан с баптистской сектой, по основным вопросам он примыкал к хакамимам, благочестивым евреям, пошедшим в мир. Он был ближе к фарисеям, чем к какой-либо иной группе. Это утверждение может производить впечатление сомнительного, поскольку Иисус открыто критиковал фарисеев, особенно за их «лицемерие». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что критика со стороны Иисуса носит совсем не столь суровый характер, как та, что содержится в примыкающих евангелистских текстах; по сути она аналогична критике фарисеев со стороны ессеев и позднейших раввинических мудрецов, которые проводили четкое различие между хакамимами, которых считали своими предшественниками, и «лже-фарисеями», к которым относились как к врагам истинного

иудаизма.

По-видимому, истина состоит в том, что Иисус представлял быстро растущую прослойку среди благочестивых евреев, куда входили различного рода фарисеи. Цель хакамимского движения состояла в том, чтобы способствовать распространению святости. Как же они собирались этого добиться? Споры группировались в основном вокруг двух вопросов: главенствующее положение и необходимость храма и соблюдения Закона. По первому вопросу Иисус явно был солидарен с теми, кто относился к храму как препятствию на пути широкого распространения святости, поскольку поклонение физическому зданию с его иерархией, привилегиями (большей частью наследственными) и богатством было, по сути дела, формой отрыва от народа, стеной, от него отделявшей. Иисус использовал Храм как форум для своих проповедей; но ведь так же поступали и другие, выступавшие против Храма, в первую очередь Исайя и Иеремия. Идея, что евреи могут обходиться без Храма, не была новой. Напротив, она была чрезвычайно стара; можно даже утверждать, что подлинная религия евреев, существовавшая задолго до строительства Храма, была универсальной и привязывалась к какому-либо месту. Иисус, подобно многим благочестивым евреям, считал средством всеобщего приобщения к святости школы и синагоги. Но он шел дальше большинства из них, считая Храм источником зла и предсказывая его разрушение, а также относился к стоящим во главе Храма и всей системе иудейской администрации и судопроизводства с молчаливым презрением.

По второму вопросу касательно того, в какой степени надлежит соблюдать Закон, к первоначальной дискуссии между саддукеями, которые признавали только писаное Пятикнижие, и фарисеями, которые чтити Устный Закон, ко временам Иисуса добавился спор между хакамимами и фарисеями. Одна школа, которую возглавлял Шаммай-старший (ок. 50 г. до н.э. – 30 г. н.э.) занимала жесткую позицию, в особенности по вопросу чистоты и нечестивости; проблема достаточно взрывоопасная, поскольку здесь ставится под вопрос возможность достижения святости обычным, простым человеком. Жесткая позиция школы Шаммая логично вытолкнула впоследствии его последователей из рядов традиционного раввинистского иудаизма, после чего они исчезли, подобно саддукеям. С другой стороны, имелаась школа Хилалестаршего, современника Шаммая. Он прибыл из диаспоры, и впоследствии его называли «Хилаль-вавилонец». Он принес с собой более гуманистические и универсалистские принципы интерпретации Торы. С позиций Шаммая, сущность Торы – в ее букве, деталях; если вы не разобрались досконально в подробностях, вся система лишается смысла. С позиций же Хилаля, существо Торы – в ее духе: если вы правильно уловили дух, то детали сами встанут на место. Предания сохранили воспоминания о противоположности между гневом и педантизмом Шаммая и гуманностью и терпимостью Хилаля; при этом лучше всего запомнилось стремление Хилаля сделать так, чтобы служить закону могли равно все евреи и обращенные. Одному язычнику, который сказал, что станет евреем, если ему сумеют объяснить Тору, пока он стоит на одной ноге, Хилаль, как утверждают, ответил: «Не делай своему соседу того, что тебе самому ненавистно – вот тебе и вся Тора. Все остальное – это комментарии, иди и изучай их».

Иисус принадлежал к школе Хилаля и, возможно, учился непосредственно у него, поскольку у Хилаля было много учеников. Он любил повторять это высказывание Хилаля, а может быть, и другие, ибо Хилаль был известен своей афористичностью. Разумеется, строго говоря, афоризм Хилаля насчет Торы ложен. Поступать так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой, – этим Тора не исчерпывается. Этический кодекс – лишь часть Торы. Ее сущность определяется целым рядом содержащихся тем, абсолютных божественных истин, охватывающих широкий спектр видов деятельности, причем многие из них никак не связаны с взаимоотношениями между людьми. Неправда, что «все остальное – комментарии». Если бы было именно так, другим народам, и грекам в том числе, было бы гораздо легче принять Тору. «Все остальное», от обрезания и диеты до правил контакта и чистоты, весьма далеко от просто комментариев; это – древнейшие предписания, которые образовывали высокий барьер между благочестивыми евреями и остальным человечеством. Фактически они

препятствовали не только универсализации иудаизма, но и его приемлемости для всех евреев.

В своей карьере учителя Иисус трансформировал афоризм Хилаля в морально-богословскую систему; сделав это, он лишил Закон всего, что выходило бы за пределы морали и этики. Это вовсе не означает, что он был как будто небрежен, нетребователен. Как раз наоборот. В некоторых вопросах он был жестче многих мудрецов. Так, например, он категорически не признавал развода, что впоследствии приобрело огромное значение (да и сохраняется сегодня). Но, подобно тому, как Иисус не признавал Храм, когда он становился на пути между Богом и стремлением человека к святости, так он отметал и Закон, если тот затруднял путь к Богу, вместо того чтобы облегчать его.

Последовательность, с которой Иисус довел учение Хилаля до его логического завершения, привела его к тому, что он перестал быть ортодоксальным мудрецом, да и вообще евреем-иудаистом. Он создал свою религию, которая была самодостаточна; ее справедливо назвали христианством. В свой этический иудаизм Иисус включал значительную долю эсхатологии, найденной им у Исаяи, Даниила и Еноха, а также все, что считал полезным у ессеев и Крестителя, в результате чего он сумел сформировать и представить достаточно четкую перспективу смерти, Суда и загробной жизни. Свою новую теологию он предложил всем, кто находился в пределах досягаемости: благочестивым евреям, ам гаарец, самаритянам, нечестивым, даже язычникам. Однако у него, как и у многих религиозных новаторов, было две доктрины: одна, публичная, для масс; и другая, конфиденциальная, для ближайших последователей. В центре последней находился рассказ о том, что случится с ним лично, в жизни и смерти; именно здесь он объявлял себя Мессией – не просто страстотерпцем, а гораздо более важным лицом.

Чем больше мы исследуем учение и деятельность Иисуса, тем более очевидным становится: они наносили столь болезненные удары по иудаизму, что его арест и суд, произведенные еврейскими властями, были неизбежны. Его враждебность по отношению к Храму была неприемлема даже для либеральных фарисеев, которые достаточно серьезно относились к храмовой обрядности. Его отказ от Закона носил основополагающий характер. Марк рассказывает, что, «призвав весь народ», Иисус объявил торжественно: «Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит от него, то оскверняет человека». Тем самым отрицалось какое бы то ни было отношение Закона к процессу спасения и оправдания. Он утверждал, что человек может иметь непосредственную связь с Богом, даже если он беден, невежествен и грешен; и наоборот, отношение Бога к человеку определяется не тем, повинуется ли он Торе, но милость Божья простирается на тех, кто выполняет его повеления, руководствуясь верой в него.

Для большинства ученых евреев эта доктрина была ложной, поскольку Иисус отвергал Тору как несущественную и настаивал, что перед Последним Судом для спасения необходимо не повиновение Закону, а вера. Если бы Иисус оставался где-то в провинции, с ним бы ничего не случилось. Однако, прибыв со своими последователями в Иерусалим и открыто проповедуя, он сам напросился на арест и суд, особенно учитывая его отношение к Храму; именно на это делали упор его враги. Лжепророков обычно ссылали в отдаленные районы. Но Иисус своим поведением в суде создал условия для гораздо более серьезного наказания. В главе 17 Второзакония, особенно в стихах 8-12, говорится, что случаи неповиновения священнику (по религиозным вопросам) или судье (по юридическим) подлежат обстоятельному расследованию, после чего обвинительный вердикт выносится большинством голосов; если же обвиняемый отказывается согласиться с решением, его следует предать смерти. У народа, столь связанного логикой и законопослушного, как евреи, положение, именовавшееся «сознательный бунт», считалось принципиально важным для сохранения единства общества. Иисус, несомненно, был достаточно просвещенным человеком; именно поэтому Иуда перед арестом называл его «рабби». Соответственно в глазах синедриона или перед кем он предстал, Иисус выглядел именно «сознательным бунтовщиком»; отказавшись же признать свою вину, он отдался на милость суда и самим

фактом своего молчания вынес себе приговор. Не приходится сомневаться, что наибольшую угрозу со стороны доктрины Иисуса чувствовали священнослужители Храма, фарисеи-шаммаиты и саддукеи, а потому и желали предать его смерти в соответствии с приведенным выше положением. Но, с другой стороны, Иисус не мог быть виновен в преступлении, по крайней мере, в соответствии с тем, как впоследствии закон был сформулирован Маймонидами в его иудейском кодексе. Во всяком случае, было не ясно, вправе ли евреи выносить смертный приговор. Чтобы разрешить эти сомнения, Иисуса как государственного преступника направили к римскому прокуратору Пилату. Это обвинение нельзя было ничем подкрепить, кроме общего утверждения, что до сих пор все, кто провозглашал себя мессией, рано или поздно организовывали восстание; обычно, если они становились слишком беспокойными, их сдавали римским властям. Пилату не хотелось выносить приговор, но он все же сделал это – по причинам политическим. В результате Христа не побили камнями, как следовало по еврейским законам, а распяли по-римски. Обстоятельства проведения суда или судов над Иисусом в том виде, как они описаны в Новом Завете, выглядят не слишком законными. Мы, однако, располагаем весьма ограниченной информацией о судебных процессах того времени; не исключено, что они все были такими.

Важны даже не столько обстоятельства гибели Иисуса, сколько тот факт, что все большее и большее количество людей упорно верили в его воскрешение. Тем самым возрастало значение не только его морально-этических проповедей, но и само его утверждение, что он является мучеником Божиим, и вообще его специфической эсхатологии. Ближайшие последователи Иисуса расценили его смерть и воскресение как свидетельство «нового завета» и подтверждение планов Господа, то есть как основу, на которую может опираться индивидуальное соглашение каждого непосредственно с Богом. Но все, что они могли делать в подтверждение этой линии, это повторять высказывания Христа и пересказывать историю его жизни. Настоящая евангелическая деятельность началась с Павла Тарсийского, киликийского еврея из диаспоры, семья которого происходила из Галилеи; он вернулся в Палестину и учился у Гамалиила-старшего. Получив фарисейское обучение, он понимал богословие Иисуса и начал толковать его, будучи убежден, что воскресение является подлинным фактом, так же, как и претензии Иисуса на то, что он – Христос. Часто утверждают, что Павел «изобрел» христианство, перенес этическую часть учения Христа в новую теологию, впитавшую интеллектуальные концепции эллинской диаспоры. То, как он отделял «плоть» от «духа», сравнивали с филоновской анатомией тела и души. Утверждают также, что под «Христом» Павел имел в виду что-то вроде «логоса» Филона. Однако Филон имел дело с абстракциями; для Павла же Христос был реальностью. Говоря о теле и душе, Филон говорил о внутренней борьбе в человеческой натуре. Павел же, говоря о духе и плоти, обращался к внешнему миру, где человек есть плоть, а дух – Бог или Христос. Правда, по-видимому, состоит в том, что корни и Иисуса и Павла – в палестинском иудаизме. Ни тот ни другой не заимствовали концепции у эллинской диаспоры. Оба проповедовали новую теологию, причем практически одну и ту же. Иисус пророчествовал новый завет, отдавая свою кровь за людей, да и самим фактом воскресения. Павел же учил, что пророчество уже сбылось, а Христос нашел свое воплощение в Иисусе, и потому Новый Завет уже существует и открыт для тех, кто в него уверует.

Ни Иисус ни Павел не отрицали моральной или этической ценности Закона. Они просто отделили его сущность от его же исторического контекста, который оба считали устаревшим. Грубейшим упрощением является утверждение, что Павел проповедовал спасение милостью в противоположность спасению трудом (то есть соблюдением Закона). Именно Павел говорил, что хороший труд есть условие сохранения верности Новому Завету, но условие недостаточное, ибо спасение достигается милостью Божьей. И Иисус и Павел были истинными евреями в том смысле, что видели религию как историческую последовательность событий. Они перестали быть евреями, когда прибавили к этому ряду новое событие. Как говорил Павел, когда Христос воплотился в Иисуса, основы Торы был

сведен к нулю. Некогда первоначальное еврейское соглашение было средством приобщения к Господней милости. Теперь этого нет, учил Павел. Планы Господни изменились. Механизм спасения теперь – в Новом Завете, вере в Христа. Договорные обещания Аврааму имели отношение не столько к его нынешним потомкам, сколько к христианам: «Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники». Иисус бросил вызов, а Павел подчеркнуто отрицал лишь иудаистские основы процесса спасения: выбор, договор, Закон. Они уже неработоспособны, вытеснены, с ними покончено. Итог сложного теологического процесса можно подвести такими словами: Иисус изобрел христианство, Павел его проповедовал.

Таким образом, Христос и христиане заимствовали у иудаизма его универсалистский характер и наследие. Иисус Христос стремился сам выполнить божественное предназначение: «Да благословенны будут через тебя все семьи земли». Павел принес этот завет в самую глубину еврейской диаспоры, а также и в граничащие с ней общины неевреев. Он не только воспринял логику палестинского универсализма Иисуса и преобразовал его в некий более общий универсализм, но и отрицал существование старых категорий. Были отброшены понятия «старого человека с его делами», былого выбора и Закона; на сцене появились Новый Завет, его новый избранник, «новый человек», созданный по образу Божию, и только. Основанием для избрания становится исключительно вера и милость Божья, «где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос».

В известном смысле это соответствовало универсалистской программе реформаторов эллинистического толка времен селевкидов. Но в то время, как Менелай и его интеллектуальные союзники затевали универсализацию сверху, в союзе с властью и богатством, армиями и сборщиками налогов и тем самым неизбежно отдавали большинство, и в первую очередь бедняков, в руки ригористов Торы, Иисус и Павел проводили универсализацию снизу. Иисус был образованным евреем, который говорил, что обучение не является необходимым, который считал сущностью Закона не букву его, но дух и тем самым протягивал руку неученым, невежественным, презираемым ам-гаарец, делая их своей паствой. Павел донес послание до тех, кто и вовсе был за пределами Закона. И он в отличие от реформаторов-эллинизаторов был способен извлечь на поверхность из глубин иудаизма, древней религии Яхве, эмоциональную силу, которая была почти квинтэссенцией веры священного договора – идеи, что Господь свергнет существующий в мире порядок вещей, сделает бедняков богатыми, а слабых – сильными, отдавая предпочтение невинным перед мудрыми и поднимая униженных и скромных. Никто из евреев, и Иисус в том числе, не развивал эту тему так настойчиво, как Павел. И религия, которую он проповедовал, была не только универсалистской, но и революционной, имея в виду революцию духовную и ненасильственную.

Число людей, которые ждали этой проповеди и были готовы к ее восприятию, было огромно. Чего стоила одна лишь диаспора, по которой странствовали Павел и другие миссионеры! Как отмечал римский географ Страбон, евреи представляли в населенном мире огромную силу. Только в Египте их было около миллиона. В Александрии, которая была, пожалуй, самым крупным городом мира после Рима, они составляли большинство в двух районах из пяти. Они были весьма многочисленны в Кирепанке и Беренике, в Пергаме, Милете, Сарде, в фригийской Апамее, на Кипре, в Антиохии, Дамаске и Эфесе, а также по обоим берегам Черного моря. Они прожили в Риме 200 лет и образовали там значительную колонию; из Рима они распространились по всем городам Италии, а затем в Галлию, Испанию и через море в СевероЗападную Африку. Многие из евреев диаспоры были благочестивы донельзя и склонны догматически соблюдать все указания Торы. Других же можно было убедить, что существо их веры не пострадает и даже укрепитя, если отказаться от обрезания и множества древних законов Моисея, которые так затрудняли жизнь в современном обществе. В еще большей степени к обращению были готовы многочисленные неевреи, которые жили рядом с еврейскими общинами, но до сих пор были отделены от них

неприемлемостью тех правил, о которых теперь христиане говорили, что они необязательны. Все это постепенно ускоряло поначалу медленное распространение новой религии. Наступало время этического монотеизма. Его идея принадлежала евреям; однако христиане понесли ее в широкий мир, отняв у евреев их право первородства.

Расхождение христианства и иудаизма было процессом постепенным. В какой-то степени оно определялось действиями самих евреев. Консолидация иудаизма вокруг жесткого претворения в жизнь законов Моисея в результате крушения программы реформ Маккавеев была существенным моментом в появлении и подъеме христианства среди евреев. В равной степени и сползание еврейского ригоризма к насилию, и лобовое столкновение с греко-римским миром, которое с неизбежностью произошло в 66-70 гг. н.э., окончательно отделили христианскую ветвь иудаизма от еврейского ствола. Первые последователи Иисуса Христа в Иерусалиме несомненно считали себя евреями. Даже Стефан, наибольший экстремист из них, не шел дальше воскрешения некоторых интеллектуальных принципов старой программы реформ. В своей длинной защитительной речи перед синедрионом он вторил реформаторам, по мнению которых Бог не может быть сосредоточен в Храме: «Но Всевышний не в рукотворных храмах живет, как говорит пророк, Небо престол Мой, и земля подножие ног Моих; какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего? Не Моя ли рука сотворила все сие?» Уже в следующих строках он называет своих обвинителей «людьми с необрезанным сердцем и ушами», то есть, плохими евреями; его выпады и его казнь через побивание камнями вписывались в рамки иудаизма. Из 15 главы Деяний Апостолов ясно следует, что во время ранней миссии Павла в число иерусалимских христиан входило много фарисеев, которые твердо стояли на том, что обращенные язычники подлежат обрезанию, и Павлу стоило больших трудов добиться исключения для своей паствы. В Иудее еврейские последователи Христа, как они несомненно называли себя, продолжали подвергаться обрезанию и соблюдать многие положения законов Моисея вплоть до катастрофы 66-70 гг.

Однако великие восстания евреев против правления римлян следует рассматривать не просто как восстания колонизируемого народа, подстрекаемого религиозным национализмом, а как национальный и культурный конфликт между евреями и греками. Ксенофобия и антиэллизм, которые были так характерны для еврейской литературы начиная со второго века до н.э., получили достойный ответ. По форме не следовало бы говорить о каком-то антисемитизме в древности, поскольку сам термин появился только в 1879 г. Однако по сути антисемитизм, конечно, существовал и ранее, и значение его постепенно нарастало. С глубокой древности «дети Авраама» считались (и считали себя сами) «чужаками и пришельцами». Таких групп было множество, и хабири, включавшие израильтян, были только одной из них, и все они были непопулярны. Однако особая враждебность по отношению к евреям, которая стала возникать во второй половине первого тысячелетия до н.э., явилась результатом еврейского монотеизма и его социальных последствий. Евреи не могли признавать (да и не признавали) существования иных богов или проявлять к ним уважение. Даже в 500 г. до н.э. еврейская вера была очень старой и сохраняла древние обряды и запреты, которые были уже отвергнуты везде, но которые евреи под влиянием своего все более жесткого руководства соблюдали свято. Обрезание выделяло их из всех; греко-римский мир считал этот обряд варварским и противным. Но, по крайней мере, обрезание не препятствовало социальным контактам. Зато древнееврейские понятия о чистоте и диете препятствовали, и этот фактор, пожалуй, больше других вызывал враждебность по отношению к еврейским общинам. Их «чужеродность» лежала в древности в основе возникновения антисемитизма: евреи были не просто иммигрантами, они держались особняком.

Гепатий из Абдеры, писавший в конце IV века до н.э., за 150 лет до конфликта с селевкидами, который во многих отношениях одобрял евреев и иудаизм, тем не менее, критиковал их ненормальный образ жизни, который он называл «негостеприимным и антигуманным». В то время как греческие идеи насчет единства человечества

распространялись все шире, стремление евреев рассматривать неевреев как нечистых в ритуальном отношении и запрещать браки с ними стало осуждаться как бесчеловечное, и все чаще стал использоваться термин «мизантропическое». Стоит отметить, что в Вавилоне, куда не проникали греческие идеи, обособленность большой еврейской общины не осуждалась, и, по словам Иосифа Флавия, антиеврейских настроений там не существовало. Греки видели свою ойкумену, цивилизованную вселенную (в противоположность окружающему ее хаосу), где доминировали их идеи, как многорасовое, многонациональное общество, а тех, кто отказывался принимать его, считали врагами человека. В своих нападках на иудаизм Моисей Антиох Епифаний объявлял еврейские законы «враждебными человечеству» и приносил свинью в жертву на еврейских священных книгах. В 133 г. до н.э. правителю из селевкидов Антиоху Сидетскому его советники рекомендовали разрушить Иерусалим и истребить еврейскую нацию, поскольку это был единственный народ на земле, который отказывался от общения с остальным человечеством.

Значительная часть антисемитских настроений, нашедших отражение в литературе, была ответом на агрессивное впечатление, которое производило представление евреями своей религиозной истории. В III веке до н.э. говоривший по-гречески египетский жрец Мането написал историю своей страны, несколько отрывков из которой уцелели в составе «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. В этих отрывках содержится критика того, как евреи излагали историю Исхода. И он и другие египетские интеллектуалы находили этот подход глубоко оскорбительным и реагировали на него соответствующим образом. Он представил Исход не как чудесное спасение, а как изгнание колонии прокаженных и других источников заразы. У Мането находит отражение греческая оценка евреев как мизантропов, когда он обвиняет Моисея (изображенного им под именем Осарсифа, египетского жреца-рenegата) в требовании, чтобы евреи «не вступали в связи с кем бы то ни было, кроме членов своего сообщества». В то же время очевидно, что египетский антисемитизм предшествовал завоеванию Египта греками. Со времен Мането мы можем наблюдать появление и развитие антисемитских клеветнических обвинений. Их повторяли, приукрашивая, различные греческие писатели, когда утверждали, что законы Моисея специально запрещали евреям демонстрацию доброй воли по отношению к другим народам, но особенно – к грекам. Масштаб критики в адрес евреев резко возрос с возникновением Хасмонейского царства и его политикой религиозного угнетения городов греков-язычников. Снова была пущена в ход египетская клевета и пошли разговоры, что евреи не имеют никаких прав на Палестину, поскольку всегда были бездомными бродягами, а их временное пребывание в Иудее – просто эпизод. В ответ евреи настаивали, что земля Израиля – Божий дар евреям; глава 12 апокрифической Мудрости Соломона, написанной в I веке до н.э., клеймит аборигенов этой земли как детоубийц и людоедов, виновных в невероятных прегрешениях, как «расу, проклятую с самого начала».

Как и в новейшие времена, о евреях фабриковались басни, которые затем бесконечно повторялись. Так, утверждение, что евреи поклоняются ослам, а в Храме у них красуется ослиная голова, восходит ко II в. до н.э. Им пользовался Аполлоний Молон (первый, кто написал антиеврейский памфлет); позднее оно фигурировало у Посидония, Демокрита, Апиона, Плутарха и Тацита, причем последний повторял его, хотя прекрасно знал, что евреи никогда не поклонялись каким-либо изображениям. Другая выдумка состояла в том, что евреи якобы занимаются в своем Храме тайными человеческими жертвоприношениями и именно поэтому никого туда не пускают. Они избегают свинины потому, что к ним легче, чем к другим, прилипает проказа – эхо грязной выдумки Мането.

Более того, как и в новую эпоху, антисемитизм подпитывался не только вульгарными слухами, но и сознательной пропагандистской работой интеллектуалов. Нет сомнения, что в I в. н.э. антиеврейские настроения, которые неуклонно нарастали, были в значительной степени работой писателей, по большей части – греков. Римляне, бывшие некогда союзниками евреев, первоначально даровали еврейским общинам в крупных городах определенные привилегии – например, право не работать по субботам. Но с образованием

империи и формированием культа императора взаимоотношения римлян и евреев стали быстро портиться. Отказ евреев соблюдать формальности государственных почестей был воспринят не просто как свидетельство еврейской непочтительности и претензий на исключительность, в чем всегда их обвиняли греки, но и как активное неподчинение. Враждебность официального Рима охотно подстигивали греческие интеллектуалы. Центром антисемитской пропаганды стала Александрия, где еврейская община была особенно велика, а греко-еврейские отношения – особенно напряженными. Одним из главных возмутителей был Лизимах, возглавлявший Александрийскую библиотеку. После происшедших там беспорядков император Клавдий, подтвердив права евреев, предупредил их публично о необходимости быть более терпимыми по отношению к другим религиям. Сохранился папирус с его эдиктом, обращенным к Александрии. В нем он предупреждает еврейскую общину, что, если они будут проявлять нетерпимость, он будет относиться к ним как к народу, «который сеет в мире чуму» – еще один отголосок Мането. Греческие интеллигентные антисемиты не только распространяли обвинения, подобно Апиону, но и систематически формировали отношение к своим правителям. Император Нерон не проявлял к евреям личной враждебности; одно талмудическое предание утверждает даже, что он был прозелитом. В то же время его греческий наставник Херемон был известным антисемитом.

После смерти Нерона отношения между евреями и Римом неуклонно портились; на некоторое время этот процесс затормозился в период правления в Иудее его внука. Взрыв вполне мог произойти при Калигуле (37-41 гг.), который пытался усилить режим поклонения императору, и если бы не его безжалостное убийство... Одним из фактом был, безусловно, подъем еврейского апокалиптического национализма; Тацит так объяснял ситуацию: «Большинство евреев были убеждены, что согласно старинным священным рукописям придет время, когда Восток обретет свою мощь, а те, кто придет из Иудеи, овладеют миром». Однако не менее важную роль играл рост греко-еврейской взаимной ненависти. Эллинизированные язычники были элитой Палестины. Именно из их среды, а не из евреев происходили богачи и торговцы. Из них формировалась местная администрация и сборщики налогов. Большинство солдат в римских гарнизонах были язычниками из эллинизированных городов типа Цезарии и самарийской Себастии. Подобно александрийским грекам, палестинские эллины были известны своим антисемитизмом: Калигулу на его антиеврейские мероприятия подвигли грекоязычные обитатели Явны и Ашкелона. Как это ни глупо, но Рим вечно настаивал на том, чтобы прокураторов Иудеи отбирали из грекоговорящих языческих районов; последним и, пожалуй, наиболее бесчувственным из них был Гессий Флор, происходивший из греческой Малой Азии. Рим управлял Палестиной в I в н.э. неуклюже и неэффективно, а налеты на казну Храма в связи с якобы безнаказанно неуплаченными налогами вызывали яростное возмущение. Кругом разбойничали многочисленные шайки, которые численно росли в результате неэффективной политики властей и всеобщего недовольства. Многие крестьяне безнадежно погрязли в долгах. В городах со смешанным греко-еврейским населением в атмосфере росло напряжение.

Восстание 66 года началось не в Иерусалиме, а в Цезарии из-за судебного спора между греками и евреями, который выиграли греки. Свою победу они отпраздновали погромом в еврейском квартале, причем римский грекоязычный гарнизон не предпринял абсолютно ничего. Известие об этом вызвало негодование в Иерусалиме, которое усугубилось тем, что Флор решил воспользоваться этим моментом для изъятия денег из храмовой казны. Начались столкновения, римские войска стали грабить Верхний Город; священнослужители Храма отложили жертвоприношения в честь народа и императора Рима, а между умеренными и воинствующими евреями начались яростные споры. Иерусалим наводнили обозленные и жаждущие отмщения еврей-беженцы из других городов, где греческое население врывалось в еврейские кварталы, поджигая дома. Это привело к тому, что перевесили экстремистские настроения, а римский гарнизон был атакован и истреблен. Таким образом, Великий Мятеж можно считать гражданской и национальной войной между греками и евреями. В то же время он был и гражданской войной между евреями, поскольку – как во времена Маккавеев

– в представлении низов эллинизированные высшие слои евреев ассоциировались с прегрешениями греков. Захватив Иерусалим, радикальные националисты набросились на богачей. Одной из первых акций было сжигание архивов Храма с целью уничтожить все записи о задолженностях.

Великий Мятеж 66 г. н.э. и осада Иерусалима – это один из самых важных и трагических событий в еврейской истории. К сожалению, о них сохранилось мало записей. Раввинистские записи в основном состоят из различных эпизодов, находящихся вне связи с историческим контекстом или вообще являющихся плодом фантазии. Существует очень мало эпиграфических и археологических свидетельств. Практически единственным нашим авторитетным источником по поводу этой войны является Иосиф Флавий, да и тот достаточно тенденциозен, противоречив и не слишком надежен. В общем и целом картина событий выглядит следующим образом. После истребления иерусалимского гарнизона римский легат в Сирии, Цестий Галл, собрал в Акре значительные силы и двинулся на город. Достигнув пригородов, его войско было деморализовано силой еврейского сопротивления, и Цестий Галл приказал отступить. Отступление превратилось в разгром. После этого Рим бросил в дело огромные силы (легионы V, X, XII и XV), сконцентрированные в Иудее, которые возглавил один из самых опытных полководцев империи Тит Флавий Веспасиан. Он на некоторое время оставил Иерусалим в покое, очистил побережье, обезопасил свои коммуникации, подавил сопротивление большинства крепостей, которые еще удерживали евреи, и усмирил сельскую местность. В 69 г. н.э. Веспасиан был провозглашен императором и в конце года отбыл в Рим, оставив своего старшего сына, 29-летнего Тита, проводить завершающую часть кампании, а именно осаду и взятие Иерусалима, которая продлилась с апреля по сентябрь 70 г.

Иосиф Флавий играл видную роль в этих событиях и оставил два их описания. Его *«Иудейская война»*, где подробно описаны 66-70 гг., а также история евреев в Палестине, начиная с Маккавеев, была в основном написана в то время, когда унаследовавший дела Веспасиана Тит был еще жив. Затем примерно через двадцать лет Иосиф Флавий закончил свои *«Еврейские древности»*, охватывающие всю историю начиная с сотворения (в основном на материале Библии) по 66 г., причем в качестве приложения в книгу включена его автобиографическая *«Вита»*. Между *«Войной»* и *«Витой»* имеется много расхождений. Вообще большинство историков древности были тенденциозны. В случае с Иосифом Флавием беда еще и в том, что руководившие им мотивы менялись в промежутке между написанием двух книг. В своей *«Вите»* он отвечал на обвинения в свой адрес со стороны еврейского автора Юста Тиберийского. Но главной причиной того, что он сменил свои убеждения, было то, что он сам являл собой типичный пример эволюции еврея, достаточно распространенной в течение ряда веков: умный еврейский мальчик, приверженец современных взглядов во всей их сложности, в пожилом возрасте возвращается к своим еврейским корням. Так и Иосиф Флавий начал свою писательскую карьеру апологетом Рима, а под конец почти стал еврейским националистом.

В результате, как отмечает один из современных исследователей Иосифа Флавия, очень легко утратить доверие к его свидетельствам, но почти невозможно найти им правдивую замену. Какой в таком случае свет бросает он на эту трагическую главу в еврейской истории? Основное впечатление состоит в том, что евреи в эти дни были разделены на большое количество непримиримых групп. Первоначальное истребление гарнизона было делом рук незначительного меньшинства. Только после того, как Цестий Галл был отброшен, а его войска разгромлены, аристократы решили сформировать войска, но даже в этот момент у них не было четкой мотивации. Они, по-видимому, стремились остаться у власти и ждать развития событий. В это время чеканилась бронзовая монета: шекели, полушекели и разменная мелочь. Иосифа, который был священнослужителем высокого ранга и состоял при доме аристократа Элезара бен Анания, послали в Галилею вместе с двумя другими священниками, чтобы подготовить население к вооруженному конфликту. Он обнаружил, что большинство населения отрицательно относится к войне. Крестьяне ненавидели

разбойников (и в том числе еврейских ультранационалистов), да и города тоже. Им не особенно нравились и римляне, но воевать с ними они не рвались. Из городов Сефор был проримским, Тиберий разделен, а Габара предпочитала Иоанна Гискальского, одного из вождей восстания. Иосиф говорит, что он пытался объединить усилия городов, крестьян и разбойников, но ему это не удалось; крестьяне не желали подниматься, а будучи призванными, быстро дезертировали. Тогда он отступил в Иотапату, старую крепость Ирода, и затем, посопротивлявшись для виду, сдался Веспасиану. Впоследствии он служил римлянам: сначала как переводчик при осаде Иерусалима, а затем как пропагандист. Он занял ту же позицию, что и Иеремия при первом падении Иерусалима: на все Божья воля, римляне – ее орудия, а если так, то бороться с ними не только глупо, но и богопротивно.

Иосиф Флавий, по-видимому, правильно оценивал эту продолжительную, дикуую и разрушительную войну как результат деятельности злобного меньшинства с обеих сторон. Позднее он осознал силу требований евреями религиозных и политических прав, приобрел некоторое уважение к Маккавеям, а также способность гордиться еврейской «особостью». В то же время сохраняет свое значение его первоначальное утверждение, что сопротивление Иерусалима было неосознанным. В распоряжении Тита находилось 60 000 человек и новейшее осадное вооружение. Он мог спокойно ждать, пока голод и разобщенность сделают свое дело. У защитников было около 25 000 бойцов, разделенных на группы: зилоты под командованием Элезара бен Симона удерживали Антонию и Храм; экстремист Симеон бен Гиора и его сикарии обороняли верхний город; кроме того, были еще идумеи и другие партизаны под началом Иоанна Гискальского. Множество горожан и беженцев оказались беспомощными пленниками этих вояк. Иосиф описывает ужасные подробности последних этапов осады. Римлянам приходилось продвигаться с боем. Они штурмовали Антонию, затем взяли Храм, который был сожжен, и наконец через месяц – цитадель Ирода. Жителей частью продали в рабство, частью истребили, а оставшимся даровали жизнь, позволив умереть на аренах Цезарии, Антиохии и Рима. Симеона бен Гиору взяли в плен живьем, привезли в Рим для участия в триумфальной процедуре Тита, после чего казнили в Форуме. Там до сих пор стоит триумфальная арка Тита, на камнях которой высечено изображение *меноры* захваченного им Храма. Тит сохранил также (в своем дворце) занавес, скрывавший ранее Святую Святых, а также копию рукописей – жаль, не уцелевшую!

После падения Иерусалима сохранилось три центра еврейского сопротивления: Иродиум, который вскоре был взят; Махирус, взятый в 72 г. н.э.; и Масада, внушительного вида 400-метровая скала на краю Иудейской пустыни, которую Ирод в 37-31 гг. до н.э. превратил в мощную крепость. К ней можно было приблизиться, по выражению Иосифа Флавия, лишь по «змеиной тропе». Евреи захватили ее в 66 г. благодаря «стратагеме», героем которой был Менахем, сын основателя движения зилотов, казненного революционера Иуды Галилейского. Но затем сам Менахем был убит в очередной сваре за власть в Иерусалиме, а командование Масадой перешло к его племяннику Елизару. Когда в конце концов ее захватил римский полководец Флавий Сильва в конце 72 г., в крепости было 960 повстанцев и беженцев, мужчин, женщин и детей. В 1963-65 гг. Игал Ядин произвел подробные и тщательные раскопки крепости вместе с большой группой археологов и тысячами добровольных помощников со всего мира. При этом были выяснены подробности осады. В распоряжении Сильвы был весь Десятый легион, плюс вспомогательные подразделения и несчетное количество пленных евреев в качестве рабочей силы. Штурм крепости был, в сущности, проблемой военно-технического характера, решать которую римляне были большие мастера. Падение крепости было неизбежно, и, когда это стало очевидным, Елизар вынудил или убедил оставшихся защитников совершить акт массового самоубийства. Иосиф Флавий приводит текст, претендующий на то, чтобы быть последней речью Елизара. Две женщины с пятью детьми уцелели, спрятавшись в пещере. Немыми свидетелями осады являются найденные при раскопках обрывки одежды, сандалии, кости и целые скелеты, корзины, личные вещи, целые склады, оставленные нетронутыми, чтобы показать римлянам, что массовое самоубийство не было вызвано голодом, монеты

националистов, доспехи, стрелы... Они гораздо красноречивее говорят об отчаянном мужестве защитников, чем развернутые описания Иосифа Флавия. Среди найденных черепков некоторые, похоже, использовались последними десятью уцелевшими для того, чтобы определить по жребью, кто из них должен убить остальных девятерых, а затем себя. Судя по обильному свидетельству в виде находок в синагоге форта, и в частности не полностью сохранившихся четырнадцати свитков библейской, сектантской и апокрифической литературы, гарнизон крепости состоял из богобоязненных и готовых к бою людей, находившихся под сильным влиянием еврейской литературы.

В результате осады Иерусалим оказался в руинах, Храм был разрушен, крепостные стены превратились в щебень. Однако скорбный опыт этих семи кровавых лет не привел к окончанию греко-еврейской вражды и не уменьшил готовности благочестивых евреев, молодых и старых, защищать силой свою веру, сколь безнадежны ни были бы эти попытки. Антисемитские настроения продолжали распространяться. Сам факт падения Иерусалима использовался как свидетельство того, что Бог ненавидит евреев. Как утверждал в своей книге «*Vita Apolloni*» Филострат, когда Елена Иудейская собиралась увенчать Тита победным венком после взятия города, тот отказался, ссылаясь на то, что, мол, невелика заслуга победить народ, от которого отвернулся их собственный Бог. Это звучит весьма неправдоподобно в устах профессионального полководца, который выиграл нелегкую войну у решительно сопротивлявшегося народа. Но зато это вполне типичное утверждение для антисемитской пропаганды, которая распространилась повсеместно. Критика со стороны Горация и Марсия была приглушена, зато Тацит свел воедино всю греческую грязь. Начиная с 100 г. евреев стали с новой силой осуждать за разрушительную деятельность и идеи; эхо от этого обвинения будет с тех пор звучать вечно. Столь же постоянными стали проблемы в городах диаспоры, особенно в 115—117 гг.

Последние еврейские бунты были инициированы волной враждебности к евреям со стороны властей во время правления императора Адриана на Востоке в 128—132 гг. Он первоначально даже симпатизировал иудаизму, но постепенно его отношение стало враждебным, возможно, под влиянием кружка Тацита. Он стал вообще отрицательно относиться к восточным религиям. К обрезанию относился с отвращением, приравнивая его к кастрации, запрещенной под страхом смерти формы причинения себе увечья. На Востоке Адриан проводил панэллинистическую политику; среди его проектов была постройка на развалинах Иерусалима нового, языческого *полиса* с посвященным Юпитеру римским храмом на Храмовой горе.

Римский историк Дио Кассий, труды которого – главный источник по этой эпохе, говорит, что во время пребывания Адриана на Востоке, евреи не смели поднять головы, хотя в секретном порядке вооружались и строили замаскированные фортификационные сооружения. В этом регионе были расквартированы два легиона. Но стоило Адриану отбыть, как евреи Иудеи восстали и, как говорит Дио, «к ним присоединились евреи всего мира, что создало для римлян множество явных и скрытых проблем, причем на помощь евреям пришло и много язычников». Восстание длилось четыре года. Римляне, по словам Дио, понесли тяжелые потери. В Палестину пришлось стягивать легионы со всей империи, включая Британию и придунайские земли, так что в конце концов евреи оказались лицом к лицу с двенадцатью легионами. Римляне, как всегда, действовали медленно, методично и наверняка, разделяя и изолируя силы восставших, понуждая голодом окруженных к сдаче, а затем подавляя постепенно остающиеся центры сопротивления. Некоторое время евреи удерживали Иерусалим, но без стен защищать его было невозможно. Они удерживали и ряд других крепостей, например Иродиум, где впоследствии были откопаны подземные ходы. Их штаб-квартира, по-видимому, находилась в городе Бетар среди Иудейских холмов к юго-западу от столицы; этот последний оплот сопротивления пал к ногам римлян в 135 г.

Размах и первоначальный успех восстания определялись тем фактом, что в этот раз евреи, или, по крайней мере, их воинственная часть, были едины и находились под руководством сильной личности. Симон бар Кохба (или Кошива) – одна из самых

загадочных фигур в еврейской истории; даже вокруг его имени велись интенсивные, но безрезультатные научные дискуссии. Наиболее предприимчивые еврейские повстанцы, вроде Иуды Галилейского, называли себя мессиями, чтобы привлечь широкую поддержку; в этом главная причина того, что римляне пожелали распять Иисуса Христа. Согласно епископу Эйсебию, враждебно настроенному христианину, у Симона были мессианские замашки; его имя Кохба, или звезда, связано с пророчеством в Книге Чисел: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых». Раввинистский источник утверждает, что он был признан в качестве Мессии крупнейшим ученым богословом своего времени рабби Акивой бен Йосифом (ок. 50-135 гг. н.э.). Акива – интересное социальное явление; он происходил из беднейшей прослойки, *ам-гаарец*, традиционно неграмотной, и долгое время (по его собственным словам) ненавидел учение и работал пастухом. Став образованным, он сохранил любовь к беднякам и, возможно, поэтому примкнул к восстанию; впрочем, последний факт оспаривался. Однако другие рабби за ним не последовали. Согласно Иерусалимскому Талмуду, Акива сказал о Симоне: «Это – царь Мессия», а рабби Иоханан бен Торты ответил: «О Акива, между твоими костями прорастет трава, прежде чем явится сын Давида».

Сам Симон называл себя не звездой, а Кошивой. На монетах, которые он чеканил, нет слова «Мессия»; там он называется «Симон – князь Израиля». Его главным духовным наставником был не Акива, а его дядя, Элеазар Модинский, чье имя также фигурирует на некоторых монетах. Однако на последних этапах восстания эти двое поссорились, и Элеазар был убит своим племянником. По дошедшим до нас обрывочным сведениям, Симон почти не получал поддержки со стороны образованных евреев, а под конец растерял и ту, что имел. В 1952-65 гг. археологи, работая в Иудейской пустыне, находили предметы, связанные с восстанием, в различных местах, особенно в так называемой Пещере Грамот. Многие из этих документов, написанных на еврейском, арамейском и греческом языках, имеют его подпись. Данные раскопок показывают, что повстанцы были ортодоксальными евреями, которые стремились даже в самых неблагоприятных условиях соблюдать законы Моисея – например, те, что связаны с субботой и праздниками. Однако нет свидетельств того, что Симон считал себя Мессией, помазанником или в какой-либо форме духовным вождем. Судя по его грамотам, он правил обширной территорией, и волновали его такие вопросы, как аренда крестьянских хозяйств, поставки сельскохозяйственной продукции, мобилизация людских и продовольственных ресурсов на военные нужды. Он был именно светским правителем, князем*наши*, как он называл себя в письмах, жестким, практичным, негибким и безжалостным: «Призываю Небо в свидетели,...я тебя закую в цепи»; «если не сделаешь, будешь наказан»; «Ты хорошо живешь, проедавая и пропивая собственность нашего дома – Израиля, и ничуть не заботишься о своих братьях». Позднейшие раввинистические легенды о «Сыне Звезды» не имеют, по-видимому, под собой основания. Симон был скорее прообразом современного сиониста: лишенный романтики профессионал, человек, который жил и умер как партизан и националист.

Симон был убит в Бетаре. Акиву взяли в плен и замучили до смерти, отрывая мясо кусками от тела «железными гребнями». По словам Дио, из повстанцев «спаслись очень немногие». Мечь римлян внушала ужас. Были полностью разрушены 50 крепостей, где повстанцы оказывали сопротивление, а также 985 городов, деревень и сельскохозяйственных поселений. Дио утверждает, что 580 000 евреев погибли в боях «и несчетное количество пали от голода, огня и меча. Почти вся земля Иудеи вымерла». В конце IV века Св. Иероним сообщал из Вифлеема, что, согласно преданию, после поражения на рынке рабов появилось столько евреев, что они стали стоить дешевле лошадей.

Адриан неустанно претворял в жизнь свой план преобразования Иерусалима в греческий полис. Чтобы выровнять строительные площадки, использовались развалины старого города. Кое-где их разгребали, чтобы добраться до коренных пород, из которых можно было бы вырубить камни для постройки общественных зданий. Новостройки размещались в основном на территории нынешнего Старого Города. Главная дорога с севера

входила в город через современные Дамасские Ворота. Главные восточные ворота впоследствии стали именоваться Воротами Святого Стефана и были перекрыты триумфальной аркой, чьи обломки сохранились. Построенный им город был назван «Элия Капитолина». Он был заселен грекоязычными жителями, а евреям запрещалось там появляться под страхом смерти. Впрочем, вряд ли этот запрет соблюдался очень строго; в середине IV века при язычнике-рецидивисте императоре Юлиане он был вообще отменен. Во всяком случае, евреи ухитрились посещать ту часть развалин, которая теперь именуется Стеной Плача, в годовщину разрушения города. Иероним в своем Комментарии к Зефании, дает описание, одновременно трогательное и жестокое:

«В день разрушения Иерусалима вы можете увидеть скорбящих людей, идущих с визитом, дряхлых стариков и старушек в лохмотьях, тела и одежды их как бы свидетельствуют о гневе Господнем. Собирается толпа жалких существ, которые под сенью распятия и воскресения Господня и Его стяга с крестом, развевающегося на Горе Маслин, оплакивают развалины своего Храма. И не достойны они печали».

Эти две катастрофы, 70 и 135 годов, по сути, покончили с древней историей еврейского государства, что имело два непосредственных последствия большого исторического значения. Первое – полное разделение иудаизма и христианства. Павел, писавший в течение десяти лет около 50 года, категорически отвергал Закон Моисея как механизм оправдания и спасения, и это прекрасно (как мы уже видели) согласовывалось с учением Иисуса. На встрече с еврейско-христианскими вождями в Иерусалиме он добился для обращенных им язычников исключения из общееврейских религиозных требований. Однако ничто из сказанного выше не свидетельствовало о том, что евреи и христиане считали свои верования взаимоисключающими, а своих сторонников – врагами. Евангелие от Луки, написанное, возможно, в 60-е годы, напоминает в некоторых отношениях писания эллинизированных евреев из диаспоры, адресованные к потенциально новообращенным в иудаизм. Складывается впечатление, что Лука поставил себе задачу суммировать и упростить Закон, который он считал неким рафинированным сводом еврейских обычаев – этикой конкретного народа. Благочестие и у евреев и у неевреев было одним и тем же, а именно – средством, при помощи которого душа готовилась к восприятию благодати. У неевреев тоже были свои неплохие обычаи, и Бог вовсе не отвергал тех, кто не обладал Законом, то есть еврейскими обычаями. При этом Бог не отвергал и евреев. Обе категории могут спастись верой и милостью Господней.

Принцип, в соответствии с которым и неевреи и евреи могут приобщиться к христианству как некоей сверхрелигии, не мог пережить событий 66-70 гг., которые полностью разрушили старую христианско-еврейскую церковь Иерусалима. Большинство ее членов погибли, уцелевшие – рассеялись. Их вера из генеральной линии христианства съезжилась до размеров мелкой секты эбионитов, которую впоследствии объявили еретической. В образовавшемся вакууме приобрело всеобщий характер и расцвело христианство греческого толка. В результате христианские догматы еще жестче сконцентрировались на представлениях Павла о смерти Христа, воскресении как средстве спасения (что отчетливо прослеживалось в учении Иисуса) и о природе этого благословенного Спасителя. Кем себя провозглашал Иисус? Чаще всего и он и другие пользовались термином «Сын Человеческий». Он может означать многое, а может не значить и вовсе ничего. Скажем, Иисус мог говорить о себе, что он – просто человек или человек, предназначенный для выполнения определенной миссии. Можно утверждать, что Иисус считал себя, допустим, всего лишь харизматическим евреем-хасидом. В то же время понятие о божественности Иисуса, вытекающей из его воскресения и того, что он предвидел это чудо, а также последующих его явлениях, присутствовало в апостольском христианстве с самого начала. Более того, оно сопровождалось с самого начала верой в то, что Он установил церемонию причастия, предвкушая свою смерть и воскресение во искупление греха, когда его плоть и кровь (материальная сущность жертвы) обретают форму хлеба и вина. Возникновение евхаристии, причастия, «святой и совершенной жертвы» как христианской

замены всех видов еврейских жертвоприношений укрепило доктрину апофеоза Иисуса. В итоге на вопрос: «Был ли Иисус Богом или человеком?» христиане отвечают: «И тем и другим». После 70 года этот ответ становится единогласным и все более энергичным. Это сделало неизбежным полный разрыв с иудаизмом. Евреи могли еще смириться с децентрализацией церкви – многие давно уже пришли к этому, а вскоре к ним вынуждены были присоединиться и остальные. Они могли еще принять различные взгляды на Закон. Но что они не могли принять, так это ликвидацию абсолютного различия между Богом и человеком, чего они всегда придерживались, ибо это было сущностью еврейской теологии, веры, которая прежде всего отличала их от язычников. Устранив это различие, христиане необратимо отделили себя от веры иудаизма.

Более того, поступив таким образом, они сделали антагонизм между двумя формами монотеизма неизбежным, непримиримым и ожесточенным. Евреи не могли согласиться с божественностью Иисуса как сотворенного Богом человека, не отрекаясь от центрального догмата своей веры. Христиане не могли согласиться с тем, что Христос не есть Бог, не отрекаясь от существа и цели своего движения. Если Христос – не Бог, то христианство – ничто. Если Христос – Бог, то иудаизм ложен. Компромисс по этому поводу абсолютно невозможен. Каждая из этих вер является угрозой для другой.

Вражда между этими верами была тем более мучительной, что, расходясь в основном, они были в согласии по всем остальным вопросам. Христиане заимствовали у иудаизма Пятикнижие (включая его мораль и этику), книги пророков и мудрецов, а также гораздо больше апокрифов, чем сами евреи были готовы канонизировать. Они взяли литургию, поскольку даже причастие имело еврейские корни. Они взяли принцип Субботы и праздников, ладан и горящие лампы, псалмы, гимны и хоралы, священнослужителей и мучеников, чтение священных книг и институт синагоги (превращенной в церковь). Они взяли даже принцип церковной власти (который, кстати, евреи вскоре трансформировали) первосвященников, которые у христиан стали патриархами и папами. В раннехристианской церкви не было ничего (кроме, разумеется, культа Христа), что не имело бы своего прообраза в недрах иудаизма.

Немаловажно и то, что христиане были воспитаны на еврейской литературной традиции, а потому унаследовали среди прочего священную еврейскую полемику. Как мы уже видели, это явилось наследием мартиролога Маккавеев и важнейшей составной частью письменных памятников иудаизма, относящихся к I в. н.э. Для самых ранних письменных памятников христианства характерен тот же враждебный тон, в котором еврейские секты характеризовали друг друга. После того как разрыв между христианством и иудаизмом стал необратим, единственной формой общения между ними стала полемика. Четыре евангелия, которые быстро стали Торой христианства, впитали традиции полемики еврейских сект. Даже язык их очень близок в этом смысле к некоторым из Свитков Мертвого моря, которые носят заметный отпечаток межеврейских споров. Слово «евреи» встречается по пять раз в евангелиях от Матфея и Луки, шесть раз – у Марка и семьдесят один раз – у Иоанна. Вряд ли можно считать, что евангелие от Иоанна писалось позднее, а потому оно враждебнее по отношению к иудаизму. Первоначальный вариант этого текста вполне может быть, наоборот, самым ранним. В устах Иоанна слово «евреи» может нести самый разнообразный смысл: саддукеи, фарисеи, те и другие вместе, охранники Храма, еврейские институты власти, синедрион, еврейский правящий класс и вполне может означать «народ». Но чаще всего оно означает: «противники учения Иисуса». Иоанн просто полемизирует с ересью. Когда Кумранские монахи пишут о «сынах Валаала», то имеют в виду своих оппонентов в рядах иудаистов и поступают в точности так же, как Иоанн, изрекающий: «Вы, дети отца своего, дьявола». Подобным же образом в Кумранском документе (дамасском) выражения «евреи», «земля Иуды», «дом Иуды» используются в том же смысле, что у Иоанна, то есть относятся к оппонентам-евреям, составлявшим в этот момент большинство. Самый агрессивный и нетерпимый отрывок в Евангелии содержится у Матфея, хотя в целом этот текст зачастую считают наиболее «проеврейским» в Новом Завете. Я имею в виду то место, когда, после

того как Пилат умывает руки, народ восклицает: «Кровь его на нас и на детях наших», что ясно показывает: евреи воспринимали смерть Иисуса как проклятие, которое будет тяготеть над их потомками. Еще более страстно этот мотив звучит в апокрифическом «Послании Петра».

Увы, эта профессионально-религиозная полемика, эти литературные упражнения в теологической брани были в дальнейшем вырваны из исторического контекста и стали основанием для осуждения христианами еврейской нации в целом. Как отмечал позднее Эразм, полемики следует избегать, «потому что долгая война слов и писаний кончается дракой». Принцип коллективной ответственности, сформулированный Матфеем, и клеймо «сынов дьявола» со стороны Иоанна слились в дальнейшем, образовав ядро христианской разновидности антисемитизма, которая сложилась и переплелась с древнеязыческой антисемитской традицией, образовав со временем мощные генераторы ненависти.

Распад еврейско-христианской церкви после 70 г. н.э. и триумф греко-христианства привел евреев, в свою очередь, к яростным нападкам на христиан. Ежедневные молитвы евреев, направленные против еретиков и оппонентов, восходят еще к программе эллинистических реформ II в. до н.э., когда ригорист Бен Сира, бывший с сикариями в Масаде, обращается в своем «Экклезиастике» к Богу с просьбой: «Возвысь свой гнев, излей свою ярость, низвергни противника, уничтожь врага». Молитва против еретиков, первоначально известная как «Благословение Тому, кто умирят невежественных», превратилась в часть ежедневных молений «Амидах» под названием «Двенадцатое Благословение». Некогда она была направлена конкретно против саддукеев. Во время правления Рабана Гамалиила II (около 80-115 г. н.э.) Двенадцатое Благословение, или *Биркат-га-Миним* («Касающееся еретиков»), было отредактировано применительно к христианам; по-видимому, именно в этот момент остатки евреев – последователей Христа были изгнаны из синагоги. К началу восстания 132 года христиане и евреи были уже открытыми противниками, чтобы не сказать – врагами. Естественно, христианские общины в Палестине обращались к римским властям с просьбой предоставить им отдельный религиозный статус с евреями. Христианский писатель Юстиниан-мученик (ок. 100—165 гг.), живший в Неаполе (теперь – Наблус), сообщал, что последователи Симона бар-Кохбы истребляли христианские общины так же, как и греческие. Именно в этот период в еврейских комментариях к Библии начинают появляться признаки антихристианской полемики.

Вторым последствием окончательного падения государственного иудаизма было глубокое изменение природы и масштабов деятельности евреев. Начиная с 70 г. н.э. (и особенно после 135 г.) иудаизм перестал быть национальной религией в каком-либо физическом и видимом смысле, а евреи оказались лишенными родины. Вместо этого и еврейство и иудаизм стали ассоциироваться исключительно с изучением и соблюдением Торы. Очень трудно привязать еврейскую историю к какой-то хронологии национального и религиозного развития, поскольку она представляет собой явление уникальное. И действительно, история евреев постоянно сталкивается с проблемой классификации процесса, которому аналога нет нигде. Сосредоточение иудаизма и еврейской нации на Торе происходило неуклонно, начиная с последнего этапа царства Давида. Реформы Иосии, Изгнание, Возвращение из Изгнания, труды Ездры, триумф Маккавеев, взлет фарисейства, синагоги, школы, рабби – все эти события сначала способствовали утверждению, а затем все большему упрочению абсолютного доминирования Торы в еврейской религиозной и общественной жизни. Тем самым она фактически вытеснила все остальные институты иудаизма и еврейства. После 135 г. ее власть стала абсолютной, поскольку больше ничего не осталось. Ригористы и по природе своей и из-за катаклизмов, которые сами спровоцировали, искоренили все прочее.

Было ли все это предопределено или нет? Рассматривая конкретную ситуацию II столетия, можно сказать, что евреи представляли собой сильную национальную и религиозную группу, которая ходила по грани катастрофы и в итоге вверглась в ее пучину. Так, в I веке евреи не только составляли десятую часть населения империи (а в ряде крупных

городов их доля была и значительнее), но и имели тенденцию к более широкому распространению. Они были вооружены новейшей идеологией – этическим монотеизмом. Они были почти поголовно грамотны и располагали единственной в то время системой социального обеспечения. Они обращали в свою веру людей из всех социальных слоев, включая наивысшие. Кто-нибудь из императоров династии Флавиев мог легко стать иудаистом, подобно тому, как спустя 250 лет Константину суждено было стать христианином. Поэтому не случайно Иосиф Флавий гордо сообщал: «Нет ни одного города, греческого или варварского, ни одного народа, где не соблюдались бы наши обычаи седьмого дня, когда мы отдыхаем от трудов, постов и возжжения свечей... И как Господь пронизывает собой всю вселенную, так и Закон нашел свой путь в сердца всех людей». Столетием позже процесс повернулся вспять. Иерусалим уже не был еврейским городом. Александрия, бывшая некогда на 40% еврейской, растеряла всех своих евреев. Цифры огромных потерь в двух восстаниях, которые приводят Иосиф Флавий, Тацит и Диодор (по словам Тацита, только в 66-70 гг. было убито и продано в рабство 1 197 000 евреев), могут быть преувеличены, однако ясно, что в это время еврейское население Палестины резко сократилось. В диаспоре расширяющиеся христианские общины не только заимствовали лучшие богословские и социальные идеи евреев (а вместе с ними и роль «светоча для язычников»), но и активно внедрялись в еврейскую массу, так что евреи диаспоры стали одним из главных резервов новообращенных христиан.

Происходило не только катастрофическое сокращение еврейского населения на родине и в диаспоре; одновременно не менее драматически сужались горизонты еврейства. В эпоху Ирода Великого евреи начинали играть выдающуюся роль в культурной и экономической жизни новой империи. Филон Иудейский (ок. 30 г. до н.э. – 45 г. н.э.), член одной из самых богатых и космополитических семей Александрии, возвращенный на Септуагинте, говорящий и пишущий на прекрасном греческом языке, знаток всей греческой литературы, историк, дипломат и крупный философ, был в то же время благочестивым евреем и автором пространных комментариев к Пятикнижию и к полному своду еврейских законов. Филон воплощал в себе лучшие традиции еврейского рационализма. Христианские богословы, жившие позднее, должны быть ему глубоко признательны за понимание Ветхого Завета, особенно в аллегорическом смысле. Его представление духа иудаизма носит глубокий, оригинальный и созидательный характер; тот факт, что он, по-видимому, не знал иврита, показывает, до какой степени просвещенные евреи стали к началу христианской эры частью мировой цивилизации и светской культуры без существенного ущерба для своей веры. Однако уже к середине столетия человек с широтой взглядов, как у Филона, уже не смог бы вписаться в еврейское общество. Евреи перестали писать историю. Они больше не рассуждали на философские темы. Все традиционные виды литературного творчества (притчи, поэзия, псалмы, аллегии, исторические новеллы, апокалиптические картины) были заброшены. Общество сосредоточилось со всей страстью, на которую было способно, на единственном виде литературы – комментариях к религиозному закону. И продолжало заниматься этим на протяжении столетий, забыв о своем богатом прошлом и отгораживаясь от интеллектуального влияния извне.

Однако это замыкание иудаизма в себе как логический итог нараставшего в течение семи веков ригоризма оказалось, видимо, условием выживания еврейского народа как такового. Евреи не исчезли с исторической сцены подобно многим народам во времена великих конвульсий переселения в конце античной эпохи. Они не утратили своего индивидуального лица в Темную Эпоху, как это случилось с римлянами и эллинами, галлами и кельтами и, разумеется, с миллионами евреев диаспоры, обратившихся в христиан. Иудаизм и остатки еврейства сохранились в янтаре Торы. Это сохранение и выживание были не просто необъяснимой grimасой истории. Евреи сохранились потому, что период интенсивной интроспекции позволил их интеллектуальным лидерам развить на базе Торы систему моральной теологии и общественный закон удивительной связности, логической согласованности и социальной силы. Утратив царство Израиля, евреи превратили Тору в

крепость мысли и духа, в которой могли обретаться в безопасности и даже довольстве.

Это великое здание социальной метафизики стало намного более скромным после падения Иерусалима в 70 г. Династии священнослужителей и вообще традиционные еврейские высшие слои исчезли в развалинах города. Отныне евреи перешли к «кафедрокрации» – ими стали управлять с кафедры учителя-наставники. Это, вообще говоря, всегда было присуще иудаизму: разве пророки не были орудием, посредством которого бог учил свой народ? Но теперь это стало явно и ярко выраженным процессом. Предание гласит, что рабби-фарисей, Иоханаан бен Заккай, заместитель главы синедриона, был тайком переправлен из осажденного Иерусалима в гробу. Он был против восстания и выступал от имени давно сформировавшегося направления иудаизма, по мнению которого Богу и вере лучше всего служить без государственного гнета и продажности. Он получил разрешение от римских властей организовать религиозный еврейский центр в Иавнее (Джамне) недалеко от побережья к западу от Иерусалима. Синедрион и еврейское государство были похоронены, и вместо них возник синод рабби, которые собирались либо в винограднике возле голубятни, либо на верхнем этаже дома. Рабби и синагога стали нормативными институтами иудаизма, который отныне стал конгрегиональным. Академия в Иавнее рассчитала еврейский календарь. Она завершила канонизацию Библии, она постановила, что, несмотря на падение Храма, определенные церемонии, такие как ритуальная еда на Пасху, должны проводиться регулярно. Она утвердила текст коллективных молитв и правила постов и паломничества. Новый дух иудаизма возник в ответ на бурную экзальтацию зилотов и националистов. «Не спешите низвергать алтари неевреев, – учил рабби Иоханаан, – ибо вас заставят восстанавливать их собственными руками». Или: «Если вы сажаете деревья, а кто-то говорит, что пришел Мессия, посадите сначала саженец, а потом идите и приветствуйте Мессию». В Иавнее меч был забыт, но царило перо. Система представляла собой самоподдерживающуюся олигархию, когда академия отбирает («посвящает») новых рабби в соответствии с их ученостью и заслугами. На практике зачастую отбор производился по семейному признаку. Со временем потомство рабби Иоханаана было оттеснено рабби Гамалиилом II, сыном человека, который учил Св. Павла. Римляне признали его *наши*, патриархом.

В целом эти богословы уклонились от участия в восстании Бар Кохбы. Но, конечно, оно повлияло на их жизнь. Им зачастую приходилось собираться тайно. Самая Иавнея стала непригодной для жилья, и после подавления восстания раввинские власти перебрались в город Уша в западной Галилее. Большинство рабби были бедны. Они занимались по преимуществу физическим трудом. Реконструировать еврейскую историю этого периода трудно, поскольку сами евреи перестали ее описывать, а вся биографическая и иная информация в письменном виде носит нерегулярный характер и не привязана к хронологии. Источником ее являются отрывки из официальных правил («галаха») или рассказы и легенды («агада»). Упомянутые еврейские академические круги не всегда были однородными и замкнутыми. Один из виднейших иавнейских богословов, Элиша бен Авуйя, стал еретиком. Один из его учеников, рабби Меир, крупнейший ученый богослов II века, был, возможно, обращенным. Свою роль играли и женщины. Жена Меира Брурия стала ведущим специалистом по галахе. Имперские власти то беспокоили и даже преследовали евреев, то оставляли их в покое. Временами евреи жили и работали в согласии с Римом. Их лидеры получали земельные наделы и большие юридические права. Христианский богослов Ориген (185—254) сообщает, что *наши* даже выносил смертные приговоры. И уж конечно он имел право собирать налоги. Рабби Иуда ГаНаши, или Иуда-Князь, который жил во второй половине II века и начале III, был богатым человеком со своей охраной и правил еврейской общиной Галилеи и Юга почти как светский властитель. Почти, но не совсем: он тратил свое богатство на поддержку богословов, самые одаренные из которых питались за его столом; он освобождал ученых от налогов (за счет работающих); в трудные времена он подкармливал богословов (но только образованных) из собственных запасов. Рассказывают, что даже его служанка знала иврит и могла объяснить значение редких слов. Иуда был элитарным

интеллектуалом, причем совершенно бескомпромиссным. Он говорил мрачно: «Все беды на свете от неученых».

Династии богословов существовали даже в период Второго Содружества, причем группировались парами («зугот»). Известно пять пар ведущих ученых богословов, в последнюю из которых входил знаменитый Хилаль, учитель Христа, и его оппонент Шаммаи. Их потомки и последователи, а также другие богословы, вошедшие в элиту, известны под названием «таннаим». Внук Хилала, Гамалиил Старший, был первым из шести поколений, а Иуда Га-Наши – последним. Со следующего поколения, первым в котором был рабби Нийя Рабба (ок. 220 г.), началась эпоха «амораим», длившаяся пять поколений в Иудее (до конца IV в.) и восемь поколений в Вавилоне (до конца V в.). Разумеется, в Вавилоне и окружающих его землях крупные еврейские общины существовали еще со времен Изгнания. Контакты с ними не прерывались, вавилонские евреи получали расчеты календаря от властей Иерусалима, а позднее – из Иавнеи. Когда было возможно, вавилонские евреи совершали паломничество в Иерусалим. Фарисейский, или раввинский, иудаизм пришел в Вавилонию как прямой результат восстания Бар Кохбы, когда ученые богословы, бежавшие из Иудеи, основывали свои академии на тогдашней территории Парфин. Эти школы были сосредоточены в Суре (к югу от того места, где теперь находится Багдад) и в Пумбедите (к западу), где они процветали до XI века. Месторасположение академий на западе Палестины менялось. В свое время Иуда Га-Наши сосредоточил все учебные заведения в Бет Шеариме; после его смерти известные академии находились в Кесарии, Тивериаде и Лидде.

Материальные следы этого периода еврейской истории не слишком внушительны. Разумеется, у еврейских археологов нет возможности вести раскопки в Ираке. Еврейское поселение в Суре полностью исчезло уже в 1170-е годы; когда еврейский путешественник Вениамин из Туделы посетил это место, город, как он писал, лежал в развалинах. Напротив этого, в Пумбедите он обнаружил вполне ощутимого размера общину; правда, это о ней последнее упоминание. Зато раскопки 1932 г. обнаружили в римском караванном городе Дура Европус на Евфрате остатки синагоги, датированные 245 г., с надписями на арамейском, греческом и пехлеви – парфянском языках. По-видимому, возникновение еврейской колонии относится к периоду гибели Северного Царства и Изгнания; однако она была укреплена наиболее ортодоксальными евреями после восстаний 66-70 и 132-35 годов. Судя по всему, община объединяла людей различных верований, как, возможно, и многие другие в то время. Архитектура, как и можно было ожидать, была эллинистической; однако удивление вызывают три десятка разрисованных панелей (теперь они находятся в Национальном музее в Дамаске), где с мессианских позиций отражено Возвращение из Изгнания, восстановление и спасение. Там есть также изображения патриархов, Моисея и Исхода, потери и возвращения Ковчега, Давида и Эсфири. Ученые связывают эти изображения с иллюстрированными Библиями, которые, как считают, существовали во II-III веках и указывают на то, что христианское искусство имеет еврейские корни. Очевидно, что каноны изобразительного искусства в это время соблюдались не слишком строго, по крайней мере в еврейских кругах.

В Палестине «со времен мудрецов» сохранилось некоторое количество синагог и захоронений. В Тивериаде на Галилейском озере в синагоге IV века на мозаичном полу можно увидеть изображения людей, животных, а также знаков зодиака. На холме вблизи города находятся могилы мученика рабби Акивы и Иоханаана бен Заккай; в двух милях вдоль озера – могила рабби Меира. В Капернауме, где некий сотник, слугу которого излечил Иисус, построил синагогу, в 1905-26 годах были произведены раскопки; в синагоге была обнаружена резьба II-III вв. с изображением *шофара*, *меноры*, горшка с манной, пальмы и щита Давида. Три синагоги раскопали в Сирии и северном Израиле; совсем рядом с дорогой Назарет – Хайфа находится академический центр Бет Шеарим Иуды Га-Наши с синагогой, катакомбами и кладбищем, причем на последнем можно обнаружить множество скульптур, и где-то скрывается могила самого Иуды.

Но главными памятниками коллективной и индивидуальной учености этой эпохи

являются сами священные книги евреев. Еврейская священная литература состоит как бы из слоев, каждый из которых опирается на предшествующий. Первый слой – это Пятикнижие, которое было в основном завершено перед Изгнанием, хотя, безусловно, некоторое редактирование продолжалось и после возвращения. Это основа основ писаного закона евреев, фундамент всего. Затем идут книги пророков, псалмы и книги мудрости, канонизация которых, как мы видели, была завершена между 70 и 132 гг. при рабби Йоханаане бен Заккаи. К этому следует добавить различные неканонические работы, важные для изучения еврейской религии и истории: греческий перевод Библии, или Септуагинт; труды Иосифа Флавия; апокрифические и другие рукописи.

Следующий слой – это сортировка и запись Устного Закона, который накапливался веками. Этот процесс назывался «мишна», что дословно означает «повторять» или «изучать», поскольку первоначально все заучивалось и повторялось. Мишна состояла из трех составных элементов: мидраш – истолкование Пятикнижия с целью выявить положения закона; галаха (множественное число – галахот) – свод общепринятых юридических решений по конкретным вопросам; агада, или поучения, включающие истории и притчи, используемые для того, чтобы сделать закон более доходчивым для простых людей. Постепенно, на протяжении жизни многих поколений, эти толкования, правила и иллюстрации обрели письменную форму. После восстания Бар Кохбы этот процесс обрел кульминацию в трудах рабби Иуды Га-Наши и его школы в конце II века, и материал был издан в виде книги под названием «Мишна», то есть «повторение». В книге имеется 6 разделов, каждый из которых содержит различное количество трактатов. Первый раздел, *Зераим*, из 11 трактатов, посвящен благословениям, предложениям и титулам. *Моед*, из 12 трактатов, посвящен Субботе и праздникам. В разделе *Нашим* (7 трактатов) речь идет о вступлении в брак и разводе. *Нециким* (10 трактатов) рассказывает о гражданских проступках, или торгах, судьях, наказаниях и свидетелях. *Кодашим* (11 трактатов) повествует о жертвах и святотатстве, частично перекрывая тематику 1 раздела. И, наконец, в разделе *Тогорат* рассматриваются ритуалы и вопросы нечистоты. В дополнение к Мишне имеется сборник высказываний и правил ученых раввинов *таннаим*; объем этого сборника, известного под названием «Тосефта», в четыре раза больше Мишны. Точное происхождение, датировка и состав Тосефты, а также ее связь с Мишной свыше тысячи лет являются предметом нескончаемых научных споров.

Конечно, сразу после завершения Мишны новые поколения богословов, которые, не забудем, занимались теорией права в свете реальных прецедентов, начали ее комментировать. К этому времени раввинское учение распространилось до Вавилонии и существовало два центра комментариев: Эрец Израэль и Вавилонские академии. Оба центра произвели на свет тома Талмуда (слово означает «учение» или «изучение»), которые были составлены поколениями ученых богословов *амораим*. Иерусалимский Талмуд, который правильнее называть Западным, был завершён к концу IV века, а Вавилонский – веком позже. Каждый состоит из томов комментариев к трактатам Мишны. Все это образует третий слой.

Позднее добавились новые слои: *Перушим*, или комментарии к обоим Талмудам, выдающимся примером которых являются комментарии Раши к Вавилонскому Талмуду, относящиеся к XI веку; и *Гиддушим*, или рассказы (*novellal*), которые сравнивают и переоценивают различные источники, рождая новые правила, или галахот, причем классические новеллы XII-XIII веков основывались на Вавилонском Талмуде. Следующий слой, *Шеелот у-Гешувот* (благоразумный ответ, по-латыни – *responsa prudentium*), состоит из письменных ответов ведущих ученых богословов на адресованные им вопросы. Самый последний слой отражает попытки упростить и систематизировать эту огромную массу материала, предпринятые такими выдающимися богословами, как Исаак Альфази, Маймонид, Иаков бен Ашер и Иосиф Каро, в период с XI по XVI столетие. В период с V по XI в., известный как эпоха *гаонов*, или *геоним*, богословы трудились над тем, чтобы выработать, опираясь на авторитет академий, коллективные установления, компиляции.

Позднее, в так называемую раввинскую эпоху, установления были децентрализованы, и эволюция Закона определялась индивидуальными богословами. И, наконец, как завершение процесса, наступила эпоха *агороним*, или поздних богословов (XVI – конец XVIII вв.).

В течение всего этого времени еврейские общины, разбросанные по Ближнему Востоку и Средиземноморью, да и практически по большей части Центральной и Восточной Европы, разрешали большинство своих юридических проблем при помощи собственных религиозных судов, так что эта многослойная структура представляла собой не просто склад книг, в которых можно докопаться до подлинного смысла Библии, но и живое тело общинного свода законов, связанного с реальной судебной практикой и реальными людьми. Пользуясь западной терминологией, можно сказать, это был естественный закон, Библейский закон, кодекс Юстиниана, канонический закон, английское общее право, европейское гражданское право, парламентские нормы, американская конституция и кодекс Наполеона – причем все сразу. Только в XIX веке, когда многие евреи уже эмансипировались и перестали существовать в рамках судебной автономии, изучение галахи стало приобретать академический характер; однако даже тогда она продолжала определять правила бракосочетания евреев в развитых странах (а в отсталых – и многие другие стороны жизни).

Практически в мировой истории не было больше ни одной такой системы, которая пыталась бы в течение такого долгого срока соединять морально-этическое учение с практикой гражданского и уголовного права. Но у этой системы всегда было много недостатков. Именно поэтому, только порвав с ней, евреи-христиане смогли прийти к универсализму. В конце концов в Эпоху Просвещения многие образованные евреи, а также нееврейское общество стали считать ее безнадежно отсталой и даже ненавистной. Но у нее имелись и сильные стороны, позволявшие евреям формировать моральное и социальное мировоззрение, которое было цивилизованным, практичным и в итоге исключительно стойким.

Идея человеческой жизни, которая священна потому, что создана по образу Божьему, являлась центральным положением еврейской этики и, как мы видели, определяла сущность еврейского уголовного права с древнейших времен. Причем мудрецы и их последователи проработали приложения этой доктрины в мельчайших подробностях. Все исходит от Бога, и человеку предоставляется право временного пользования этими дарами, причем он должен, например, тщательно обрабатывать землю, чтобы ее можно было использовать грядущим поколениям. В число этих даров входит и собственное тело человека. Хилальстарший учил, что именно поэтому человек обязан держать свое тело в хорошей форме и здравии. Филон, подобно многим, находившимся под влиянием греческих идей, разделял душу и тело с моральных позиций и даже считал тело неким эмоциональным, иррациональным «заговорщиком» против рациональной души. Но главное течение раввинского иудаизма отвергало дихотомию души и тела, так же, как отвергало и противопоставление добра и зла, присущее гностицизму. Душа и тело, учило оно, едины и вместе ответственны за грех, а потому и вместе наказуемы. Это стало существенным различием между христианством и иудаизмом. Христианская идея насчет того, что, ослабляя плоть через умерщвление и пост, вы укрепляете дух, была абсолютно чужда евреям. В I веке н.э. у них, правда, существовали секты аскетов; однако после того, как утвердился раввинский иудаизм, евреи навсегда отвернулись от монастыря, отшельничества и аскетизма. Публичный пост может расцениваться как символ общего искупления; пост же индивидуальный греховен, а потому запрещен. Воздержание от вина, как у назареев, также греховно, ибо отвергает дары Бога, направленные на удовлетворение потребностей человека. Вегетарианство редко поощрялось. Еще одним важным отличием от христианства является отношение к целибату. Раввинистская точка зрения сводится к следующему: «Неужели тебе недостаточно запретов, налагаемых Торой, что ты еще добавляешь к ним другие, для себя?» Вообще же тело, созданное по образу Божьему, должно вести себя с умеренностью, и столь же умеренно надо к нему относиться. Таким образом, традиционно еврейская линия направлена на умеренность, а не на воздержание.

Поскольку человек принадлежит Богу, самоубийство кощунственно, а подвергать свою жизнь необязательному риску есть грех. Для людей, не находившихся более под защитой государства и постоянно подвергавшихся риску преследования, эти идеи были крайне важными и приобрели первостепенное значение через два тысячелетия, при Холокосте. Мудрецы учили, что человек не имеет права спасать свою жизнь ценой жизни другого. В то же время от него нельзя требовать принесения себя в жертву ради спасения другого. Во время гонений со стороны Адриана мудрецы из Лидды учили, что еврей для спасения своей жизни может нарушить любую заповедь, кроме трех следующих: идолопоклонничества, прелюбодеяния-инцеста и убийства. Когда речь идет о человеческой жизни, количественные факторы не имеют значения. Невинная личность не может быть принесена в жертву во имя жизни группы. Важным принципом Мишны было то, что каждый человек является символом всего человечества, и, погубив одного человека, мы губим в известном смысле сам принцип жизни; если же кто-то спасает человека, то тем самым он спасает человечество. Рабби Акива, по-видимому, считал, что убить – значит «отречься от подобных», то есть покинуть род человеческий. Филон называл убийство величайшим святотатством и серьезнейшим преступлением. «Выкуп во искупление убийства, – писал Маймонд, – всегда неприемлем, даже если убийца готов заплатить все деньги мира и даже если истец согласен, чтобы убийцу отпустили. Ибо жизнь убиенного... принадлежит только Ему, да будь Он благословен».

Поскольку Бог владеет всем и каждым, именно он является пострадавшей стороной во всех преступлениях против человека. Грех против Бога – это серьезно, но грех против человека – это еще серьезнее, так как он направлен и против Бога тоже. Бог есть «Невидимый Третий». Следовательно, если Бог является единственным свидетелем сделки, то нарушение такого договора – большее зло, чем если речь идет о нарушении письменного соглашения; открытый грабеж – меньшее зло, чем тайное воровство, так как совершающий последнее показывает, что он с большим уважением относится к земной власти людей, чем к божественному возмездию.

Поскольку все люди в равной степени созданы по образу Божьему, они в принципе обладают равными правами. И не случайно рабство исчезло у евреев во времена Второго Содружества, совпав с подъемом фарисеизма; именно фарисеи настаивали на том, что поскольку именно Бог является судьей, то перед судом все равны: царь, первосвященник, свободный человек и раб. В этом одно из их коренных отличий от саддукеев. Фарисеи отвергали точку зрения, согласно которой хозяин отвечает за действия своих рабов (так же, как и своего скота), поскольку раб, как и все люди, обладает своим разумом. Это давало ему статус в суде, а уж если он обладает юридическим статусом, то рабство становится неуместным. Фарисеи, когда они контролировали синедрион, настаивали также на том, что царь ему подсуден и должен стоять в его присутствии; это служило одним из источников острых конфликтов между синедрионом с одной стороны и хасмонеями и Иродом – с другой. На практике эти яростные властители могли внушать и внушали суду страх, что не мешало теории как бы оставаться в силе и по-настоящему восторжествовать, когда вся практика галахи была сведена в Мишну, в результате чего равенство перед законом стало для евреев безусловной аксиомой. Здесь, правда, существовало некое противоречие с еврейской идеей о том, что царь есть «помазанник Божий», исходя из которой впоследствии теоретики христианства выработали доктрину божественности царской власти. Но евреи никогда не соглашались с юридическими выводами из факта помазания. Все акты произвола со стороны Давида заклеяны в Библии; там же поступок Ахава, захватившего виноградник Навуфея, представлен как чудовищное преступление. Причина, почему монархия не соединялась с иудаизмом, сводилась к тому, что евреи желали бы иметь царя со всеми обязанностями, но... без монархических прав. В глубине души многие никогда и не верили в помазание – только в выбор, который ему предшествовал. Высказываясь в пользу выборных царей, судей и прочих представителей власти, Филон цитировал Второзаконие: «Из среды братьев твоих поставь над собою царя; не может поставить над собою *царем* иноземца». Иосиф Флавий поддерживал точку зрения Гедеона, что правит лишь Бог, и никто иной;

однако, если уж возникает необходимость в царе, он должен принадлежать к еврейской нации и подчиняться закону.

Правда состоит в том, что реальной властью в еврейском обществе, что естественно в условиях священного закона, обладали суды. Причем именно суды, а не судьи, так как одна из важнейших аксиом состояла в том, что человек не может судить в одиночку: «Не суди один, ибо никто не может быть единственным судьей, кроме Единственного». Приговор выносился большинством голосов, а для смертного приговора требовался перевес не менее чем в два голоса. Тот же принцип большинства действовал при интерпретации Торы. Одна из причин, почему иудаизм выстоял в течение стольких веков, состояла в его приверженности принципу большинства при приеме решений и суровом наказании тех, кто не желал подчиниться, отказывался выполнять законно принятые решения. В то же время те, кто не согласен с решением, но подчиняется ему, имели право на то, чтобы их точку зрения зафиксировали; этот важный принцип был установлен Мишной. В судах и ученых коллективах практиковались не выборы, а кооптация, поскольку здесь считалось необходимым образование, судить мог лишь образованный. Еврейское общество первым ввело образовательный ценз, однако на практике следовало принципу: «Мы не назначаем руководителя общине, не посоветовавшись с ней». Не только суды, но и сам Закон имели под собой демократическую основу. Орган, напоминающий возникшее позднее жюри англосаксов, использовался для того, чтобы установить, какова практика, прецедент в конкретной общине, чтобы учитывать ее при приеме судебных решений. Принцип, что Закон должен быть приемлем для общины в целом, в иудейской юриспруденции не только подразумевался, но иногда и формулировался в явном виде: «Любое решение, налагаемое судом на общину, но отвергаемое ее большинством, не имеет силы».

Человек рассматривался и как личность, наделенная правами, и как член общины с вытекающими отсюда обязанностями. Ни одна судебная система в истории не делала столь настойчивых и в целом успешных попыток примирить личное с общественным; в этом еще одна причина того, почему евреям удалось сохранить сплоченность в условиях невыносимого гнета. Общество требовало равенства всех перед законом, что является величайшей гарантией личности, но общество, особенно такое, которое существует в условиях постоянного преследования, имеет собственные приоритеты в рамках этого всеобщего равенства. Вот ряд примечательных правил, выработанных мудрецами:

- Спасение жизни мужчины важнее, чем женщины.
- Прикрытие наготы женщины важнее, чем мужчины.
- Выкуп женщины неотложнее, чем мужчины.
- Спасение мужчины от содомского насилия неотложнее, чем женщины от изнасилования.

- Священник имеет преимущество перед левитом, левит перед израильтянином, израильтянин перед незаконнорожденным, незаконнорожденный перед натином (гаваонитянином), натин перед обращенным, обращенный перед рабом... Однако, если незаконнорожденный обучен Закону, а первосвященник невежествен, то незаконнорожденный имеет преимущество перед последним.

Ученый богослов считался более ценным для общества, чем, скажем, один из невежественных *ам-гаарец*. Соответственно ученому разрешалось сидеть перед судом. Однако, если другой стороной в суде оказывался один из *ам-гаарец*, то в соответствии с принципом личного равенства он тоже мог сесть. Мудрецы первыми в истории юриспруденции объявили о праве человека на защиту достоинства, дав следующую формулировку: «Если человек ранит своего собрата, то становится виновным в причинении телесного повреждения, боли, расходов на лечение, потери времени и ущемлении чести». Правда, штраф за последний вид ущерба оценивался иерархически, с учетом социального положения в общине.

Люди были не только равны перед законом, но и физически свободны. Мудрецы и раввины особенно не любили использовать наказание в виде лишения свободы (в отличие от

задержания перед судом), потому и принцип свободы перемещения как одно из основных прав человека глубоко присущ иудаизму. В этом еще одна причина того, почему еврейское общество первым в античную эпоху отвергло рабство. Но если человек был свободен физически, он вовсе не был свободен морально. Напротив, у него был целый ряд обязанностей перед общиной, и не в последнюю очередь обязанность повиновения законно установленной власти. Еврейский закон безжалостен к бунтовщику, которого может постигнуть смертельная кара. В раннеантичную эпоху в каждой еврейской общине было, по сути, конгрегационное управление; власть осуществлялась семеркой, которая устанавливала уровень платы за труд, цены, меры и веса, а также дополнительные законы и карала нарушителей закона. Обязанность платить общинные налоги была как религиозной, так и социальной. Обязанностью была и филантропия, само слово *зедака* означало и благотворительность и праведность. Еврейская система социальной защиты, которую можно считать прообразом всех будущих систем, не была добровольной; человек обязан был делать взносы в общественный фонд пропорционально своим доходам, в случае необходимости его к этому мог обязать суд. Маймонид даже ввел правило, согласно которому еврея, уклоняющегося от этих взносов, следовало считать бунтовщиком и соответственно наказывать. Другие общинные обязанности включали уважение к праву на уединение, необходимость быть добрым соседом (т. е. поначалу отказываться от прилегающего участка земли, выставленного на продажу), а также строгие запреты на шум, дурной запах, вандализм и грязь.

Общинные обязанности следует понимать в рамках положений еврейской теологии. Мудрецы учили, что еврей должен относиться к своим социальным обязанностям не как к бремени, а как дополнительному способу продемонстрировать свою любовь к Богу и праведность. Евреев иногда обвиняли в том, что они не столь хорошо понимают свободу, как греки. В действительности же они понимали ее точнее, усвоив, что истинная свобода – это чистая совесть, а это, в свою очередь, именно та концепция, которую Св. Павел перенес из иудаизма в христианство. Евреи думали, что грех и добродетель столь же коллективны, сколь индивидуальны. Библия неоднократно показывает, как город, община или народ могли заслужить своими действиями либо поощрение, либо наказание. Тора связала всех евреев в одно тело и одну душу. Поскольку индивидуум извлекал выгоду из благосостояния своей общины, он был обязан укреплять ее. Хилаль-старший учил: «Не отделяй себя от общины и не полагайся лишь на себя до самого дня своей смерти». Даже либеральный Маймонид предупреждал, что еврей, который сторонится своей общины, сколь бы богобоязнен он ни был в других отношениях, не получит места в ином мире.

В Библии подразумевается холистический принцип, согласно которому грех одного человека, сколь бы мал он ни был, влияет на весь мир, пусть даже незаметно, и наоборот. Иудаизм никогда не позволял принципу личной вины или персонального осуждения доминировать над более упрощенным принципом коллективного приговора; в результате сосуществования этих принципов родилась сложная и стройная доктрина социальной ответственности, которая является одним из величайших достижений человечества. Безнравственный человек есть всеобщий позор, святые – наша общая гордость и радость. В одном из своих наиболее трогательных текстов Филон пишет:

«Каждый мудрый человек является выкупом за глупца, который не прожил бы и часа, если бы мудрый не хранил его своим состраданием и предусмотрительностью. Мудрые подобны врагам, что борются со слабостями больных... Так что когда я слышу о смерти мудреца, мое сердце скорбит. Не о нем, конечно, ибо он жил в радости и умер в почете. Нет, я оплакиваю тех, кто пережил его. Без сильной руки, которая их защищала, они обречены на невзгоды, которые суть их пустыня, и они вскоре это почувствуют, если только Провидение не взрастит нового защитника на смену старому».

Человек мудрый обязан отдавать свою мудрость общине, так же как богач – свое богатство. Поэтому грех не служить, когда это требуется. Молиться за других – долг каждого. «Тот, кто способен молить Бога о милости к своим братьям и не делает этого, –

грешник». Каждый еврей – поручитель за любого иного еврея. Если он видит, как собрат его грешит, долг его – увещать и по возможности остановить, иначе он сам также грешит. Община в ответе за того, кто публично совершает несправедливое дело. Еврей всегда должен обращать внимание на зло и протестовать, моля Бога о возмездии, особенно если речь идет о грехах сильных мира сего.

Но именно потому, что долг протестовать против прегрешений является первейшим, особенно нетерпимы ложные и злобные обвинения. Сознательно и несправедливо погубить репутацию человека – один из тяжелейших грехов. «Охота на ведьм» – большое коллективное зло.

Тора и комментарии к ней образуют некую моральную теологию, а также практическую систему гражданского и уголовного права. Она имеет довольно специфический и законообразный характер, особенно по ряду конкретных вопросов, при этом тора всегда стремилась укреплять авторитет суда, взывая к духовным факторам и грозя санкциями. Одной строгости юстиции всегда было недостаточно. Евреи первыми ввели в обиход понятия покаяния и искупления, которые стали затем первостепенными и в христианстве. Библия неоднократно говорит о «смене сердца»: «Обратитесь ко Мне всем сердцем своим» и «Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши» (Книга Пророка Иоилия) и «Сделайте себе новое сердце» (Книга Пророка Иезекииля). Закон и суды всегда стремились достигнуть большего, чем восстановление согласия между конфликтующими сторонами. Целью же всегда служило сохранение целостности еврейской общины. Таким образом, Закон и предписания мудрецов ставили своей задачей достижение гармонии и предотвращение возможных источников трения. Важнее было укрепить мир, чем соблюсти формальную законность. В сомнительных случаях мудрецы имели обыкновение ссылаться на Книгу Притчей Соломоновых, где говорится о мудрости: «Пути ее – пути приятные, и все стези ее – стези мирные».

Другим изобретением евреев является идея мира как позитивного состояния, благородного идеала, который к тому же является необходимым условием человеческого труда. Это – один из великих мотивов Библии, особенно прекраснейшей Книги Исаяи: «Существование мира опирается на три вещи – справедливость, правда и мир», а весь труд завершается словами: «Бог не даровал Израилю большего, чем мир, ибо написано, что Бог дает силу своему народу, Бог дарует своему народу мир». Мудрецы утверждали, что одной из величайших задач учености является укрепление мира при помощи Закона – мира между мужем и женой, родителями и детьми, да и в более широком масштабе общины и нации. Молитва о мире была одной из главных, благочестивые евреи повторяли ее трижды на день. Мудрецы цитировали Исаяю: «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир», и объявляли, что первым действием Мессии будет провозглашение мира.

Одним из важнейших этапов истории евреев, когда иудаизм стал радикально отличаться от упрощенной прарелигии израильтян, явился переход к этому подчеркнутому стремлению к миру. После 135 г. н.э. иудаизм стал отвергать даже насилие во имя праведной цели, подобно тому, как он неявно отвергал государство, и возлагать все надежды на мир. Еврейская доблесть и героизм ушли на второй план как составляющая национального характера, а на первый план стало выдвигаться еврейское миролюбие. Для несчетных поколений евреев то, что случилось в Явне, где ученый в конце концов взял верх над воином, было гораздо важнее того, что произошло в Масаде. Потерянная крепость была практически забыта, пока зловещий огонь Холокоста двадцатого века не высветил ее как национальный миф, вытеснивший миф Явны.

Сосредоточенность на идее внешнего мира и внутренней гармонии, а также поиск путей к достижению того и другого были принципиально важны для незащищенного народа, который остался без покровительства со стороны государства, и одновременно являлись одной из очевиднейших целей комментариев Торы. И в этом отношении они были в высшей степени (чтобы не сказать, чудесно) успешными. Ни одному народу не служил так успешно его свод законов и национальная доктрина. Начиная со II века н.э. сектантство, которое было

отличительной чертой Второго Содружества, практически исчезает, по крайней мере, мы его не в состоянии заметить, и все направления иудаизма подчиняются раввинистскому. Изучение Торы оставалось ареной жестоких споров, но здесь установился принцип, когда в итоге все подчиняется мнению большинства. Отсутствие государства оказалось огромным благом.

Столь же важной оказалась и другая особенность иудаизма – относительная свобода в области догматического богословия. Христианство почти с самого начала оказалось лицом к лицу с довольно тяжелыми последствиями своего происхождения, носящими догматический характер. Его характеризует вера в одного Бога, и в то же время его монотеизм расшатывается божественностью Христа. Чтобы разрешить эту проблему, формируется принцип двойственной природы Христа и принцип Троицы, когда в одном Боге как бы сливаются три личности. Эти ухищрения, в свою очередь, создают новые проблемы, и, начиная со II века, возникает бесчисленное множество ересей, которые раздирали конвульсирующее христианство на протяжении Темной Эпохи. Новый Завет с загадочными заявлениями Христа и неясными проповедями Павла, особенно в Послании к Римлянам, стал просто минным полем. Установление церкви Петра с ее аксиомой центральной власти привело к бесконечным противоречиям и в конце концов к окончательному разрыву между Римом и Византией в XI веке. Точный смысл евхаристии явился поводом для дальнейшего раскола римской ветви в XVI столетии. Продуцирование догматической теологии, смысл которой в том, чему церковь должна учить относительно Бога, таинств и себя самой, стало основным занятием профессиональной христианской интеллигенции и остается таковым до настоящего времени, так что в конце XX века между англиканскими епископами продолжают споры касательно Непорочного Зачатия.

Евреи избежали сией Голгофы. Их взгляд на Бога весьма прост и ясен. Некоторые еврейские ученые богословы пытаются доказать, что в действительности в иудаизме наличествует много догм. Это верно в том смысле, что там имеется много негативных догм-запретов, но в основном против идолопоклонничества. Но евреи, как правило, избегали позитивных догм, рождающихся в результате тщетных потуг теологов и являющихся источником многочисленных проблем. Они никогда не принимали, например, идеи Первородного Греха. Из всех народов древности евреев, пожалуй, меньше всех интересовала проблема смерти, что позволило им избежать целого ряда проблем. На самом деле, вера в Воскресение и вечную жизнь была основной отличительной особенностью фарисейства и фундаментом раввинистского иудаизма. В сущности, первое догматическое утверждение иудаизма содержится в Мишне и формулируется следующим образом: «Грядущий мир принадлежит всем сынам Израиля, кроме того, который говорит, что Воскресение не происходит из Закона». Однако у евреев был и способ сосредотачиваться на жизни и прятать смерть (и связанные с ней догмы) в тайники сознания. Предопределение, одинарное и двойное, чистилище, индульгенции, молитвы за мертвых и заступничество святых – все эти досадные источники разногласий между христианами, они не волновали особенно евреев.

Разумеется, очень важно, что в то время, как христиане начали формулировать символы веры на довольно раннем этапе развития церкви, первые десять символов веры евреев были сформулированы Саадией Гаоном (882—942) лишь тогда, когда иудейская религия насчитывала уже свыше 2500 лет. И уже много позже появились 13 статей Маймонида, давшие полноценное определение сущности веры, причем нет никакого свидетельства того, что оно обсуждалось и утверждалось каким-либо властным органом. Эти тринадцать основополагающих формулировок, данных Маймонидом в его комментариях к 10 главе Мишны и к трактату «Синедрион», включают следующие догматы веры: существование идеального Существа, сотворившего все; единство Бога; Его бестелесность; Его первичность по отношению ко всему; поклонение Ему без посредников; вера в пророчества; уникальность Моисея; божественная данность всей Торы в целом; неизменность Торы; Бог – всеведущ; Он наказывает и вознаграждает в будущей жизни; приход Мессии; воскресение. Это кредо, впоследствии названное «Ани маамин» («Я

верую»), напечатано в иудаистском молитвеннике и, вообще говоря, явилось источником ряда противоречий. Однако еврейские богословы не слишком увлекались формулировками догматов. Иудаизм концентрируется не столько на доктрине (которая принимается как данность), сколько на поведении: моральные нормы значат больше, чем символы вероучения.

В конце концов последним достижением мудрецов следует считать превращение Торы в универсальное, вечное, полное и последовательное руководство по всем аспектам человеческого поведения. Вслед за монотеизмом Тора превратилась в сущность еврейской веры. Уже в I веке Иосиф Флавий мог написать (со вполне допустимой степенью преувеличения), что в то время, как другие нации могли ничего не знать о своих законах, пока не окажутся в состоянии конфликта с ними, «стоит спросить любого из нашего народа касательно наших законов, как он повторит их с такой же готовностью, как свое имя. Результатом того, что мы тщательно изучаем свои законы с самого начала своего разумного существования, является то, что они буквально высечены в наших душах. Поэтому нарушаются они крайне редко, и никто не может избежать наказания, ссылаясь на их незнание». Эта ситуация еще усугубилась в эпоху академий и мудрецов, так что знание Бога через закон стало сущностью иудаизма. Таким образом, иудаизм стал обращенным внутрь, но приобрел способность выстоять во враждебном мире.

Степень этой враждебности зависела от места и времени, но в целом имела тенденцию к росту. Наиболее удачливые евреи в Темную Эпоху жили в Вавилонии при правителях-экзилархах. Эти князья, более могущественные и светские, чем палестинские *наши*, считали себя прямыми потомками царя Давида и жили в своих дворцах достаточно церемонно. Во времена парфян экзиларх был фактически старшим государственным чиновником. Рабби стояли в его присутствии и как особую милость получали право обедать за его столом и проповедовать в его дворе. С приходом династии Сасанидов в начале III века и восстановлением зороастризма как национальной религии религиозное давление на еврейские общины стало возрастать. Власть экзиларха ослабела, и при этом выросло влияние ученых богословов. В этот период (III в. до н.э.) в академиях Суры их число достигало 1200 и возрастало в те месяцы, когда сельскохозяйственные работы требовали меньше людей. Избежав ужасных последствий еврейских восстаний против Рима, вавилонские общины достигли более высокого уровня развития богословия. Во всяком случае, сами вавилонские евреи всегда считали себя хранителями строгих еврейских традиций и чистоты крови. Вавилонский Талмуд утверждал: «Все страны – тесто по сравнению с закваской земли Израиля, Израиль же – тесто по сравнению с Вавилоном». Вавилон, правда, зависел от Запада с точки зрения календаря, и существовала специальная цепочка, по которой из Иерусалима академиям передавались соответствующие команды. Но, скажем, Вавилонский Талмуд подробнее своего иерусалимского собрата (хотя тот и другой сохранились не полностью) и всегда считался более авторитетным. Он был главным руководством для евреев в средние века повсюду, кроме Палестины.

Однако и Вавилон не был безопасен для евреев. Известно много ссылок на преследования и страдания при Сасанидах, хотя документальные свидетельства редки и ненадежны. В 455 г. Таздигар III упразднил своим указом Шабат; тогда (согласно письму рабби Шериры Гаона) «раввины объявили пост, а благословенный Господь наслал на него ночью крокодила, который и проглотил его, спящего на ложе, после чего указ утратил силу». Впрочем, Шерира, глава академии в Пумбедите, расцвет которой приходится примерно на 906—1006 гг., описывал указанные события через 450 лет после них. Еврейское предание называет сына и наследника Таздигара Фирузом Злобным и обвиняет его в жестоком убийстве экзиларха. После смерти Фируза наступил период анархии, во время которой еврейскому экзиларху Мару Зутре II (ок. 496—520 гг.) во главе 400 воинов удалось организовать независимое государство со столицей в Магозе; однако через 7 лет его аморальность привела к победе персов, и экзиларх был обезглавлен и распят. Другой всплеск преследований приходился на 579—580 гг. Но некоторые персидские монархи были

благоклонны к евреям, так что когда персы вторглись в Палестину и заняли Иерусалим в 624 г., местные евреи встретили их тепло.

Этот факт не удивителен, поскольку в Палестине и западной диаспоре положение евреев было намного тяжелее. В 313 г. император Константин принял христианство и покончил с государственным преследованием. Затем последовал краткий период всеобщей терпимости. Однако начиная с 40-х годов IV века христианство стало приобретать черты государственной церкви. К этому времени относятся первые эдикты против языческих культов. В 60-е годы при императоре Юлиане имела место кратковременная реакция со стороны язычников, за которой последовала жестокая и систематическая кампания по полному искоренению язычества. Христианство превратилось в массовую религию. В Восточном Средиземноморье оно зачастую становилось религией толпы. Популярны религиозные вожди устраивали массовые факельные митинги, на которых скандировали злобные лозунги типа: «На виселицу вместе с Искарриотом!», «Ибас извратил подлинную доктрину Кирилла!», «Долой юдофилов!» Сначала эти сборища устраивали, чтобы напугать членов церковных советов. Но их очень легко было направить на то, чтобы разбивать идолов и жечь языческие храмы. Нужно было только время, чтобы натравить их и на евреев. В конце IV века христианство стало нормой в Римской империи, а язычество стало исчезать. При этом подозрение пало на евреев – большое, хорошо организованное, сравнительно обеспеченное меньшинство, образованное и весьма религиозное, отвергающее христианство не по незнанию, но из упрямства. И они стали для христианства «проблемой, которую надо решить». Они были непопулярны у толпы, которая верила, будто евреи помогали властям, когда императоры преследовали христиан. Они приветствовали с облегчением возрождение язычества при Юлиане, который известен в еврейских преданиях не как Юлиан-отступник, а как Юлиан-грек. В 80-е годы при императоре Феодосии I официальной политикой империи стало религиозное единообразие, и множество всякого рода правил и ограничений посыпалось на головы еретиков, язычников и вообще неконформистов. В это же время стали обычными налеты христианской толпы на синагоги. Это противоречило официальной политике империи, поскольку евреи являлись ценным и уважаемым элементом общества, оказывавшим законным властям неизменную поддержку. В 388 г. толпа христиан, подстрекаемая местным епископом, сожгла синагогу в Каллиникуме на Евфрате. Феодосий I решил сделать этот случай показательным и приказал восстановить ее за счет христиан. Он встретил энергичное противодействие наиболее влиятельного христианского прелата епископа миланского Амброзия. Тот предупредил Феодосия в своем письме, что монарший приказ наносит большой ущерб престижу церкви. «Что важнее, – спрашивал он, – демонстративное поддержание дисциплины или дело веры? Соблюдение гражданского закона вторично по отношению к интересам религии». Этот аргумент прозвучал в проповеди, с которой он выступил перед императором, и тот постыдно отменил собственный приказ.

В конце IV и V веках у евреев, живших в христианских государствах, отобрали большинство их общественных прав и все привилегии. Их изгнали с государственной службы и из армии. Обращение и смешанные браки с христианами были запрещены под угрозой смерти. Надо сказать, что искоренение иудаизма силой никогда не было целью христианских высших органов и лидеров. Св. Августин (354—430), наиболее влиятельный из латинских теологов, настаивал, что само существование евреев является частью замысла Божьего, ибо они были свидетелями истинности христианства, а само их падение и унижение символизируют победу церкви над синагогой. Посему политика церкви должна была бы состоять в том, чтобы позволить мелким еврейским общинам выживать в условиях деградации и бессилия. Однако греческая церковь, которая унаследовала многое от языческого антисемитизма эллинов, была эмоционально более враждебна. В начале V века видный греческий богослов Иоанн Хризостом (354—407) выступил с восьмью «Проповедями против евреев» в Антиохии, и они стали образчиком для последующих антиеврейских выступлений, причем в них максимально использовался материал из

Евангелий от Матфея и Иоанна (в том числе и превратно истолкованный). Таким вот образом специфически христианский антисемитизм, представлявший евреев убийцами Христа, был подмешан к бурлящей массе языческой клеветы и слухов, после чего еврейские общины во всех христианских городах оказались в опасности.

В Палестине начиная с первых десятилетий IV века произошла христианизация Иерусалима и других городов, связанных с Иисусом, и в них создавались церкви и монастыри. Ряду мелких еврейских общин удалось уцелеть, особенно в Галилее, где Западный Талмуд был завершён в эпоху Св. Иеронима (342—420), который сформировал свой собственный монашеский кружок в Иерусалиме и выступал за нищету и бедность евреев. Вскоре после его смерти банда сирийских монахов с фанатиком Барсаумой во главе учинила ряд еврейских погромов в Палестине, сжигая синагоги и целые деревни. В Темную Эпоху Палестина стала погружаться в нищету и терять население в результате религиозных конфликтов. Пелагианство, арианство, а позднее монофизитское направление разделили само христианство. Каждое направление, приходя к власти, жестоко преследовало другие. В IV веке самаряне испытали возрождение, в это время было построено не менее восьми новых синагог. Но этот рост привлек враждебное внимание византийских властей. В 438 г. император Феодосий II применил к ним антиеврейские законы. Спустя 45 лет они подняли восстание, стали истреблять христианские общины и жечь церкви. Византийская армия подавила их восстание; в качестве наказания они утратили свое древнее святилище на горе Геризим, где была возведена базилика Пресвятой Девы. При императоре Юстиниане (524—565), правителе еще более ортодоксальном, который позволял только крещеным стать гражданами и преследовал даже христиан, если они не подчинялись решениям Совета Халцедона, самаряне поднялись вновь. Отмщение было столь кровавым, что их практически уничтожили и как народ и как религию. Находившиеся в это время в довольно плачевном положении евреи не оказали самарянам никакой поддержки. В первой половине VII века императоры Фока и Гераклий, уступая давлению фанатичных монахов, убеждавших, что империя погибнет от руки обрезанных, попытались окрестить евреев насильно.

Византийская империя, расшатанная религиозными дразгами, просто напрашивалась на вторжение. Первый раз оно произошло в 611 г., когда персы вторглись в Палестину и через три года взяли Иерусалим после двадцатидневной осады. Евреев обвинили в помощи персам. Однако, если, как утверждали христиане, персы в награду обещали вернуть Иерусалим евреям, то придется признать, что свое слово они не сдержали. Во всяком случае, когда Гераклий вернул город в 629 г., последовало массовое истребление евреев. Но это уже был последний акт греческого владычества в Палестине. В этом же году Мухаммед завершил завоевание Мекки. Византийцы потерпели решительное поражение в битве под Ярмуком (636 г.), и в течение четырех лет мусульмане заняли всю Палестину, а также и большую часть Сирии. Халцедоняне и монофизиты, несторианцы и копты, селевкианцы и армяне, латиняне и греки, самаряне и евреи – все были затоплены исламским потоком.

Подобно христианству, ислам первоначально возник в виде еретического движения в рамках иудаизма, которое отклонилось от него настолько, что стало самостоятельной религией, после чего начало быстро и динамично развиваться. Еврейское присутствие в Аравии имеет весьма древнюю историю. На юге, там, где теперь находится Йемен, еврейские торговые интересы восходят к I в. до н.э.; на севере же, в Хиджазе, они намного старше. В одной арабской легенде говорится, что евреи поселились в Медине при царе Давиде, в другой – что при Моисее. Вавилонские надписи, обнаруженные в 1956 г., позволяют предположить, что еврейские религиозные общины возникли в Хиджазе в VI веке до н.э., а может быть, даже раньше. Однако первые, понастоящему строгие свидетельства, в виде еврейских имен на могильных камнях и граффити не старше I в. до н.э. Во всяком случае, можно быть уверенным, что в начале нашей эры иудаизм распространился в Северной Аравии, а некоторые племена стали полностью еврейскими. Имеется свидетельство того, что еврейские поэты процветали в районе Медины в IV в. н.э.; вполне возможно, что здесь в это время даже существовало государство, управляемое евреями. Согласно арабским

источникам, около 20 племен в Медине и вблизи нее были еврейскими.

Эти племена, селившиеся в оазисах, жили как торговлей, так и скотоводством. Ислам же с самого начала был религией скорее полугородских торговцев, чем жителей пустыни. Пустынный фактор на самом деле играл немаловажную роль, поскольку евреи, жившие на краю пустыни либо бежавшие туда от соблазнов городской жизни, как назаряне, всегда придерживались более строгой формы иудаизма и, в частности, были бескомпромиссны в своем монотеизме. Именно это привлекало Мухаммеда. Влияние христианства, которое в его глазах было недостаточно монотеистично, было здесь весьма слабым, по крайней мере, на этой ранней стадии. Что, по-видимому, он желал бы сделать, так это разрушить языческий политеизм культуры оазисов, предложив арабам еврейский монотеизм на языке, который был бы им понятен, и пользуясь терминологией, близкой их образу жизни. Он принял еврейского Бога и их пророков, идею письменно зафиксированного Закона (Коран в этом смысле заменяет у арабов Библию) и, кроме того, Устного Закона религиозных судов. Подобно евреям, мусульмане не хотели поначалу записывать Устный Закон, и, подобно евреям, они позднее сделали это. Подобно евреям, они развили практику, когда соблюдение буквы закона передается рабби (или муфтиям), которые добиваются согласия (*responsum*), причем самые ранние согласия (*responsa*) сознательно базируются на иудейской формуле. Подобно евреям, мусульмане приняли строгие и довольно сложные правила соблюдения диеты, ритуальной чистоты и гигиены.

Работа Мухаммеда по созданию отдельной религии началась тогда, когда он осознал, что евреи Медины не подготовлены к тому, чтобы принять его произвольно придуманный арабский вариант иудаизма. Если бы Мухаммед был достаточно искусен и терпелив, чтобы разработать арабскую чалаху, результат мог бы быть иным. Впрочем, это маловероятно. Одной из сильнейших сторон иудаизма является готовность еврейских общин существовать в отдаленных районах, не приспособляясь. По всем вопросам Мухаммед получил отпор, в результате чего он продолжал двигаться в направлении исламского монотеизма. Он изменил природу Субботы и заменил ее Пятницей. Он изменил ориентацию молящихся с тем, чтобы они были обращены лицом не к Иерусалиму, а к Мекке. Он сменил дату главного праздничного пиршества. Что важнее всего, он объявил, что большинство еврейских правил питания являются просто наказанием за их прошлые прегрешения, а потому ликвидировал их, хотя сохранил запрет на свинину, кровь и туши, а также часть правил забоя скота. Все эти изменения сделали абсолютно невозможным слияние еврейских и исламских общин, сколь сходны ни были бы основания их этики и догматов; в дополнение к этому, у ислама вскоре началось динамичное развитие собственной системы догматов, после чего богословские дискуссии, ведущие к воинственному сектантству, стали играть в исламе столь же заметную роль (чтобы не сказать – центральную), сколь в христианстве.

И, наконец, ислам быстро создал теорию и практику насильственного обращения, подобную той, которой евреи придерживались при Иисусе Навине, Давиде и хасмонеях, но затем безоговорочно и последовательно отверг раввинистский иудаизм. Он распространился с удивительной быстротой, охватив Ближний Восток, все Южное Средиземноморье, Испанию и бескрайние просторы Азии. К началу VIII века еврейские общины, которые сохраняли ненадежную опору в греческом и латинском мире, оказались плотно блокированы исламской теократией, которую они в известном смысле породили и отвергли, но от которой теперь зависело само их существование. Однако к этому времени они выработали свою собственную систему жизнеобеспечения – Талмуд и свою уникальную форму самоуправления – кафедохкратию.

Часть третья **КАФЕДОКРАТИЯ**

В год 1168 исключительно наблюдательный еврей-путешественник из Испании (возможно, торговец самоцветами) посетил Константинополь, столицу великой Византии.

Мы практически ничего не знаем о Вениамине из Туделы, кроме того, что он написал *Книгу путешествий* о своих странствиях по Северному Средиземноморью и Среднему Востоку в 1159-72 гг. Эта наиболее осмысленная, объективная и надежная из всех книг о путешествиях, написанная в Средние века, была опубликована в 1556 г., а затем переведена почти на все европейские языки и стала главным источником информации для ученых того периода.

Вениамин вел тщательные записи о жизни еврейских общин, где бы он ни останавливался, но, по-видимому, больше всего времени он провел в Константинополе, и его описание этого великого города, в то время крупнейшего в мире, является особенно полным. Он обнаружил, что там жило около 2500 евреев, которые были разделены на две общины. Большинство из них (2000) составляли евреи раввинского толка, которые принимали Мишну, Талмуд и весь многослойный свод комментариев. Оставшиеся 500 были караитами, которые следовали только Пятикнижию, отвергая Устный Закон и все, что из него проистекает. Они обособились еще в VIII веке, и евреи-раввинисты диаспоры относились к ним настолько враждебно, что, как рассказывает Вениамин, эти две части еврейского квартала пришлось разделить высоким забором.

Вениамин писал, что евреи были «мастерами по шелку» и торговцами всякого рода. Среди них было «много богачей». Однако никому из них закон не разрешал ездить на лошади, «кроме рабби Соломона – египтянина, царского врача. Благодаря ему удалось заметно ослабить угнетение евреев, ибо ранее они были сильно угнетены». Согласно Кодексу Юстиниана и последующим установлениям, евреи Византии, в отличие от язычников и еретиков, имели узаконенный статус. Еврейские синагоги как места религиозной службы пользовались защитой закона (по крайней мере, теоретически). Государство признавало также еврейские суды, решения которых были обязательны для евреев. Евреи, которые занимались законным бизнесом, могли (теоретически) быть спокойны за свою безопасность, поскольку закон специально запрещал акты антисемитизма и гласил, что «еврея нельзя попрекать его еврейством и оскорблять за его религию... закон запрещает личную месть». Тем не менее, евреи были гражданами второго сорта, фактически вообще не были гражданами. В 425 г. они полностью утратили право занимать государственные посты, хотя их и заставляли служить декурионами в городском совете, поскольку за это им приходилось платить. Евреям не разрешали строить новые синагоги. Им приходилось переносить дату своей пасхи, чтобы она всегда шла после христианской. Евреям запрещалось требовать чтения своего священного писания на иврите – даже в собственной общине. Закон предельно упрощал процедуру обращения евреев, хотя при крещении каждый выкрест должен был заявить, что на него не влиял ни страх, ни надежда на выгоду. Любой еврей, пытавшийся издеваться над выкрестом, подлежал сожжению заживо, а с обращенным евреем, который вернулся бы к своей прежней вере, следовало обращаться как с еретиком.

Тем не менее, Вениамин высказывает предположение, что враждебность по отношению к евреям носила в такой же степени профессиональный характер, как и религиозный. «Ненависти, проявляемой к ним, они обязаны кожевникам, которые выливают грязную воду перед своими домами, оскверняя мерзостью еврейский квартал. За это греки ненавидят евреев, будь они хорошие или плохие, и держат их под тяжелым ярмом. Они бьют их на улице и дают трудную работу». Тем не менее, продолжает Вениамин, «евреи богаты, добры и отзывчивы. Они соблюдают предписания священных книг и радостно несут ярмо угнетения».

Вениамин из Туделы совершил путешествие по северо-восточной Испании, через Барселону, Прованс, а затем через Марсель, Герону и Пизу – в Рим. Он посетил Салерно, Амальфи и другие южноитальянские города, через Корфу добрался до Греции и, посетив Константинополь, пересек Эгейское море; затем на его пути лежали Кипр, Антиохия, Палестина, Алепио, Мосул и далее Вавилон и Персия. Он посетил Каир и Александрию и вернулся в Испанию через Сицилию. Везде он аккуратно ведет записи о положении и занятиях евреев; и, хотя в его описаниях встречается одно еврейское сельскохозяйственное

поселение в Кризи на горе Парнас, он изображает жизнь в основном горожан: стеклодувов в Алепио, ткачей шелка в Фебесе, кожевников в Константинополе, красильщиков в Бриндизи, розничных и оптовых торговцев повсюду.

Некоторые евреи и раньше селились в городах, но в Темную эпоху это явление стало повсеместным. Их европейские поселения, почти все расположенные в городах, существовали с глубокой древности. Первая книга Маккавеев приводит список еврейских колоний, разбросанных по Средиземноморью. Как указывает историк Сесил Рот, с точки зрения культуры евреев можно назвать первыми европейцами. Уже на заре Римской империи еврейские общины можно было обнаружить на Севере в районе Лиона, Бонна и Кельна, на Западе – там, где Кадиц и Толедо. В Темную эпоху они распространились к северу и востоку – в Прибалтику, Польшу и южнее – на Украину. При этом, хотя евреи широко расселились, они были немногочисленны. Их число упало с 8 миллионов во времена Христа (около 10% населения Римской империи) до 1-1,5 миллиона в X веке. Разумеется, за это время сократилось население всех бывших римских земель, но потери евреев были непропорционально больше, чем населения в целом. Например, при Тиберии в одном Риме проживало 50-60 тысяч евреев (из общего населения в 1 миллион) плюс сорок других еврейских поселений в Италии. В поздней империи число итальянских евреев резко упало, и даже в 1638 г. их общее количество не превышало 25 000 – всего 0,2% населения. Эти потери лишь частично объяснялись общеэкономическими и демографическими факторами. Во всех районах и во все времена евреи ассимилировались и смешивались с окружающим населением.

Однако социальная значимость евреев, особенно в Европе в Темную эпоху, была намного выше, чем можно было бы предположить, исходя из их незначительного числа. Там, где города уцелели и восстанавливалась городская община, раньше или позднее возрождалась и еврейская община. Почти полная гибель палестинских евреев во II веке превратила уцелевших жителей еврейских сельских общин в городских маргиналов. После арабского завоевания в VII веке крупные еврейские сельскохозяйственные сообщества в Вавилонии последовательно разорялись высокими налогами, так что и здесь евреи переселялись в города и становились ремесленниками и торговцами. И повсюду этим городским евреям, в большинстве своем владевшим грамотой и счетом, удавалось устроиться – если только этому не препятствовали жестокие карательные законы или физическое насилие.

Несомненно, что в Европе в Темную эпоху евреи играли чрезвычайно важную роль в городской жизни. Прямое свидетельство этому найти нелегко, но многое можно собрать по мелочам из литературы, связанной с *responsa*. Во многих отношениях евреи явились единственным связующим звеном между античными городами Рима и городскими коммунами раннего Средневековья. Кстати, есть мнение, что само слово *коммуна* есть не что иное, как перевод еврейского слова *кагал*. Евреи обладали рядом очень важных навыков: способностью рассчитать обменный курс денег, написать деловое письмо и, что, пожалуй, еще важнее, обеспечить его доставку, пользуясь своими разветвленными родственными и религиозными связями. Несмотря на множество весьма неудобных запретов, религия, несомненно, оказывала им помощь в экономической жизни. В древнем Израиле религия всегда была исключительным стимулом к напряженному труду. В пору зрелости, когда сформировался иудаизм, культ труда усилился. Историки часто замечали, что в различные периоды и в различных общественных формациях ослабление клерикализма приводило к укреплению экономического динамизма. В течение II века н.э. клерикализм практически исчез в еврейском обществе. Исчезли саддукеи, служившие Храму и в его лице государственной религии. Пришедшие на смену клерикалам раввины не были паразитической кастой. Известно, что община материально поддерживала богословов, но даже у них поощрялось приобщение к какому-нибудь труду. Раввины в целом были особенно привержены к этому. И они, надо сказать, зачастую были самыми искусными и преуспевающими торговцами. Маршруты, по которым они сообщали о своих решениях и

соглашениях, совпадали с торговыми путями. Раввинистский иудаизм – настоящая проповедь работы, поскольку он требует, чтобы евреи максимально использовали способности, дарованные им Богом. Он требовал, чтобы те, кто способен и одарен, были еще и трудолюбивыми и результативными, в том числе и для того, чтобы выполнять свои филантропические обязанности. В том же направлении следовала и интеллектуальная сторона учения. Экономический прогресс есть результат рационализации. Раввинистский иудаизм есть в основном метод, при помощи которого древние законы приспособляются к современным и изменяющимся условиям с помощью рационализации. Вообще евреи были первыми великими рационализаторами в мировой истории. У этого обстоятельства, в свою очередь, как мы увидим, разнообразные последствия, но одно из первых, в том числе и по важности для мира, состояло в том, что евреи превратились в методично решающих проблемы бизнесменов. Значительная часть еврейского творчества на стыке теологии и юриспруденции в Темные и Средние века была посвящена тому, как добиться того, чтобы сделки были честными, справедливыми и эффективными.

Одна из самых трудных проблем была связана с ростовщичеством, иначе говоря, с денежными ссудами под процент. Эту проблему евреи сами создали себе, а заодно и двум великим религиям, которые отпочковались от иудаизма. Самые ранние религиозные системы древнего Ближнего Востока и возникшие на их основе светские законы не запрещали ростовщичество. Эти общества относились к неодушевленной материи как к живой, подобно растениям, животным и людям, и способной самовоспроизводиться. Поэтому, если вы давали кому-то ссуду в виде пищи или денежных жетонов какого-либо рода, то требовали процентов, и это было вполне законным. Продукты питания, будь то маслины, финики, семена или животные, выступали в роли денег уже за 5000 лет до н.э., если не раньше. Клинописные документы свидетельствуют, что ссуды фиксированного размера под залог долговых расписок были известны, самое меньшее, со времен Хаммурапи. Обычно кредиторами были храмы и официальные лица из окружения царя. Вавилонские клинописные записи говорят, что типичный интерес составлял 10-25% при денежной ссуде серебром и 20-35%, если ссуда давалась зерном. У жителей Месопотамии, гиттитов, финикийцев и египтян величина процента зачастую устанавливалась государством. Но у евреев была своя точка зрения по данному вопросу. В Книге Исхода (22:25) говорится: «Если дашь деньги займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста». Очевидно, этот текст очень древний. Если бы еврейский закон формировался во времена более развитого царства, рост бы не запрещался. Еще более категорична формулировка в Левите [25:36]: «Не бери от него [брата твоего] роста и прибыли». А Второзаконие [23:20] поясняет: «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост».

Таким образом, над евреями довлел религиозный закон, который запрещал им давать друг другу ссуды в рост, хотя разрешал поступать так по отношению к чужеземцам. По-видимому, это положение имело целью защитить и сплотить бедную общину, главной целью которой было коллективное выживание. Таким образом, ссуда превращалась в филантропическую помощь; однако вы не обязаны были проявлять благотворительность к тем, кого вы не знали и чья судьба вас не беспокоила. То есть интерес становился синонимом враждебности. Разумеется, в условиях палестинского оседлого сообщества евреи были вынуждены брать и давать займы, как это у всех принято. И библейские тексты показывают, что закон постоянно обходили. О том же говорят и папирусы еврейской общины в Элефантине. Однако религиозные власти пытались добиться строгого соблюдения закона и постановили, что греховным является не только прямое участие в ростовщической сделке, но и любое ей содействие. Всякого рода подарки, ценности, полезная информация со стороны берущих ссуду именовались «пыль роста» и запрещались; талмудические правила показывают, какие отчаянные попытки предпринимались на протяжении многих лет, чтобы воспрепятствовать хитростям алчных ростовщиков или нуждающихся в займе. В то же самое время талмудистские казуисты изо всех сил старались сделать возможными честные деловые

сделки, которые, по их мнению, не противоречили бы Торе. Среди таких вариантов рассматривались: повышенный размер возвратных сумм; деловое партнерство, когда заимодавец получает определенный гонорар или долю от прибыли; схемы, при которых заимодавец ссужает нееврея, а тот, в свою очередь, – еврея. Однако еврейские суды, обнаружив наличие процентов, могли оштрафовать кредитора; долги, включавшие одновременно капитал и проценты, могли быть объявлены невзыскуемыми; ростовщикам запрещали давать показания в суде, да и вообще угрожали адом.

Но чем неукоснительнее и мудрее законы претворялись в жизнь, тем пагубнее это отражалось на взаимоотношениях евреев с остальным миром. Поскольку ситуация, когда евреи представляли собой мелкие, разбросанные общины в нееврейской вселенной, не просто позволяла евреям кредитовать неевреев, но прямо-таки толкала их на это. И бывало, что еврейская власть осознавала опасность этого явления и пыталась с ним бороться. Филон, который прекрасно понимал, почему примитивный закон делал различие между братьями и чужаками, настаивал на том, чтобы запрет на ростовщические операции распространялся на всех лиц одной национальности и гражданства – независимо от религиозной принадлежности. Одно из правил гласило, что при возможности беспроцентные займы должны предоставляться как евреям, так и неевреям, хотя евреи должны пользоваться преимуществом. Другое выражало похвалу тому, кто не возьмет процентов с чужестранца. Третье осуждало взимание процентов с чужестранцев и уточняло, что эта процедура является законной, только если у еврея нет иных средств к существованию.

С другой стороны, иногда власть специально подчеркивала различие между евреями и неевреями. Комментарии к Второзаконию, написанные, возможно, раввином-националистом Акивой, прямо требуют, чтобы евреи брали с иностранцев процент. В XIV веке французский еврей Леви бен Гершон соглашался, что это совершенно необходимо, «ибо не следует помогать идолопоклонникам извлекать прибыль... но следует причинить возможно больше убытка, не выходя за пределы разрешенного»; ту же линию проводили и другие. Но наиболее распространенным обоснованием была ссылка на экономическую необходимость.

«Если мы сегодня позволяем взимать процент с неевреев, то это потому, что нет конца ярму и бремени, что навешивают на нас короли и министры, а то, что мы берем, – всего лишь минимум, необходимый для нашего существования. Как бы то ни было, мы обречены на жизнь среди других народов и не можем заработать себе на жизнь, не вступая с ними в денежные отношения. Поэтому не следует запрещать взимания процентов».

Этот аргумент был очень опасен, поскольку финансовый гнет на евреев был значителен в тех местах, где неприязнь к ним была особенно сильна; если же евреи пытались противостоять этому, давая займы под процент неевреям, то их непопулярность, а в итоге и гнет усиливались. Так евреи оказались в порочном круге. Христиане, исходя из библейских заветов, были категорически против ростовщичества, и с 1179 г. те, кто пытался им заниматься, отлучались от церкви. Но одновременно христиане нагроулили евреев тяжелейшим финансовым гнетом. Ответная реакция евреев состояла в том, что они проявили себя в том виде деловой активности, где по христианским законам для христиан существовала дискриминация. С тех пор они для всех прочно связывались с ненавистным ремеслом ростовщичества. Рабби Иосиф Колон, который хорошо знал Францию и Италию второй половины XV века, писал, что евреи обеих этих стран практически не знали ни одной профессии, кроме этой.

На арабско-мусульманских территориях, в число которых в раннем Средневековье входила большая часть Испании, вся Северная Африка и Ближний Восток к югу от Анатолии, условия существования евреев были, как правило, более легкими. Исламские законы по отношению к немусульманам основывались на договоренностях между Мухаммедом и еврейскими племенами в Хиджазе. Когда они отказались признать его в качестве пророка, он прибег к подходу, который называл *джихад*. В соответствии с этим подходом мир делится на *дар аль-Ислам*, мирную территорию Ислама, где правит закон, и *дар аль-Гарб*, «территорию войны», временно контролируемую немусульманами. *Джихад*

есть необходимое и перманентное состояние войны против *дар аль-Гарба*, которое может прекратиться лишь тогда, когда весь мир подчинится Исламу. Мухаммед развязал *джихад* против евреев Медины, разгромил их, обезглавил на площади всех мужчин (кроме одного, который принял ислам) и разделил их женщин, детей, скот и имущество среди своих последователей. С другими еврейскими племенами он обошелся несколько мягче; вообще Мухаммед полагал, что Бог даровал ему абсолютную власть над неверными, подобно тому, как Яхве позволил Иисусу Навину поступать с ханаанскими городами так, как он сочтет нужным. Мухаммед, однако, считал политически целесообразным заключать с побежденными врагами договор (*димма*), согласно которому он даровал им жизнь и позволял и дальше обрабатывать землю в своем оазисе – при условии, что они будут отдавать ему половину урожая. Постепенно *димма* приняла более сложную форму, согласно которой побежденный, *димми*, получал право на жизнь, свою веру и защиту в обмен на специальные налоги в пользу правителя – *харадж*, или земельный налог, *джизия*, или подушный налог, торговые и транспортные пошлины, более высокие, чем у правоверной части населения, а также специальные налоги по усмотрению правителя. Более того, статус *димми* всегда был сопряжен с риском, поскольку *димма* просто откладывала на время естественное право завоевателя перебить покоренных и конфисковать их собственность; а посему ее можно было пересмотреть в одностороннем порядке, как только этого пожелает мусульманский правитель.

В итоге теоретически положение еврейских *димми* при мусульманских правителях было хуже, чем при христианах, поскольку их право на веру и даже право на жизнь могли быть произвольно отобраны в любой момент. На практике же арабы, так быстро покорившие в VII– VIII веках половину цивилизованного мира, вовсе не расположены были истреблять грамотные и трудолюбивые еврейские общины, которые обеспечивали им надежное поступление налогов и оказывали еще разнообразные услуги. Евреи вместе с христианами-*димми* составляли значительную долю управленческого персонала огромных новых арабских территорий. Арабы-мусульмане не спешили разжигать религиозную враждебность по отношению к евреям. В глазах мусульман евреи, конечно, согрешили, отвергнув притязания Мухаммеда, но ведь они его не распяли. Еврейский монотеизм был так же чист, как исламский. У евреев не было агрессивных догм. Их правила питания и чистоты были во многих отношениях идентичны. В исламских религиозных текстах встречается совсем немного антиеврейской полемики. К тому же арабы не унаследовали греко-языческой массы антисемитских предрассудков, к которым они могли бы добавить свои собственные. И, наконец, в отличие от христианства, иудаизм никогда не представлял такой политической и военной угрозы исламу, как византийский Восток и латинский Запад. По совокупности всех этих причин евреям было проще и легче жить на мусульманских землях. Можно сказать, что иногда они даже процветали. В Ираке, в дополнение к великим академиям, евреи населяли богатый квартал в Багдаде, основанный в 762 г. династией Аббасидов как своей столицей. Евреи поставляли ко двору врачей и чиновников. Они выучили разговорный и письменный арабский язык – сначала как средство торгового общения с народом, а затем как язык богословия и даже священных комментариев. Еврейские массы говорили по-арабски, так же, как они некогда научились говорить по-арамейски; в то же время знание иврита высоко ценилось почти во всех еврейских семьях.

По всему арабскому миру евреи были торговцами. С VIII века по начало XI Ислам составлял одну из главных мировых экономических систем, в свою очередь, евреи обеспечивали функционирование одной из ее главных торговых сетей. С Востока они ввозили шелка, специи и другие редкие товары. А в обратном направлении, с Запада, они везли рабов-язычников [ханатян (*Sanaanits*), по терминологии евреев], захваченных христианами. Этих рабов затем продавали мусульманам. В 825 г. лонский архиепископ Агобар объявил, что работорговлю ввели евреи. И мусульманские источники и еврейская *респенса* свидетельствуют, что в это время евреи вели торговые операции в Индии и Китае, откуда поступало большинство сокровищ. Начиная с X века евреи служили банкирами при

дворах мусульманских владык, особенно в Багдаде. Они принимали вклады у еврейских купцов и ссужали крупные суммы халифу. С учетом уязвимости еврейских димми, это занятие было довольно рискованным. Мусульманские властители могли без особенного стыда отказаться возвращать долги, а то и вовсе отрубить голову кредитору – и такое иногда случалось. Но им было гораздо удобнее оставлять банкиров в живых. Часть банковских доходов шла на поддержку академий, которыми главы банковских домов исподтишка манипулировали. Евреи были весьма влиятельны при дворе. Их экзиларх пользовался уважением арабов, которые обращались к нему, называя «наш господин, сын Давида». Когда Вениамин из Туделы прибыл в 1170 г. в Багдад, то обнаружил, по его словам, 40 000 евреев, живущих в безопасности, причем в их распоряжении было 28 синагог и 10 *ешивот*, то есть учебных заведений.

Другим местом еврейского процветания был Кайруан в Тунисе, основанный в 670 г. и служивший последовательно столицей династий Аглабидов, Фатимидов и Зиридов. Этот город был первоначально заселен семьями евреев и христиан-контов из Египта; вообще в Темную эпоху и Средневековье города Средиземноморья, а также Северной и Западной Европы наиболее энергично осваивались именно торговцами-евреями. В VIII веке в Кайруане обиженными учеными богословами из Вавилонии была основана академия, после чего в течение 250 лет Кайруан был одним из главных центров еврейской учености. Он был также важным связующим звеном в торговле Востока с Западом, так что удачливые еврей-купцы помогали процветанию академической жизни. Евреи также обеспечивали двор врачами, астрономами и чиновниками.

С VIII по XI столетие наиболее удачным местом для еврейского расселения была Испания. Еврейские общины процветали здесь еще при Римской империи и в какой-то степени под властью Византии; правда, при вестготских королях проводилась последовательная политика государственно-религиозного антисемитизма. Один за другим ряд духовных советников при короле в Толедо, отбросив в сторону ортодоксальную христианскую политику, то провозглашал насильственное крещение евреев, то запрещал обрезание, прочие еврейские обряды и соблюдение шабата и праздников. В течение VII века евреев поролы кнутом, казнили, конфисковали у них собственность, подвергали их разорительным поборам, запрещали торговать, а случалось, силком тащили в купель для крещения. Многие были вынуждены принять христианство, но продолжали соблюдать еврейские законы. Так в историю вошел тайный еврей, позднее названный *маррано*, который был постоянным источником беспокойства для Испании, испанских христиан, да и испанского иудаизма.

В результате, когда в 711 г. мусульмане вторглись в Испанию, евреи помогли им победить; зачастую они несли гарнизонную службу в городах, остававшихся в тылу наступающих арабских армий. Именно так произошло в Кордове, Гранаде, Толедо и Севилье, где вскоре возникли большие и богатые еврейские общины. Позднее арабские географы даже называли Гранаду, а также Луцену и Таррагону «еврейскими городами». Кордова стала столицей династии Уммайидов, которые, провозгласив себя халифами, относились к евреям с необычайным почтением и терпимостью. Здесь, как и в Багдаде и Кайруане, евреи были не только ремесленниками и торговцами, но и врачами. Во время правления великого халифа Уммайидов Абд аль-Рахмана III (912—961 гг.) его придворный врач-еврей Гисдай ибн Шапрут привез в город еврейских богословов, философов, поэтов и ученых и сделал его мировым центром еврейской культуры. Не менее чем в 44 городах уммайидской Испании существовали крупные и процветающие еврейские общины, причем многие из них имели собственную *ешиву*. Взаимопонимание, которое установилось между образованными евреями и либеральными халифами, заставляло вспомнить эпоху Кира и позволило испанским евреям вести столь же продуктивный и благоприятный образ жизни, какого у них не было, пожалуй, нигде и никогда вплоть до XIX столетия.

Но не все было так уж безоблачно. Особенностью исламской политической жизни был постоянный конфликт между великими религиозными династиями, обострившийся

доктриальными дискуссиями касательно чистоты веры и благочестия. Чем богаче и либеральнее была мусульманская династия, тем уязвимее была она для зависти и фанатизма фундаменталистской секты. И в случае ее нападения евреи, находившиеся под ее эгидой, немедленно оказывались под угрозой злокозненной логики своего статуса *димми*. Кочевники мусульмане-берберы захватили Кордову в 1013 г. Умайиды исчезли, а видные евреи были уничтожены. В Гранаде произошла массовая резня евреев. С севера надвигались армии христиан, и под их натиском мусульмане делали ставку на жестоких и рьяных воителей, а не на томных покровителей культуры. В последние десятилетия XI века в южной Испании стала доминировать другая берберская династия – Альморавиды, которые были неистовы и непредсказуемы. Они сначала угрожали крупной и богатой еврейской общине Люцены принудительным обращением; потом, правда, согласились на большой выкуп. Вообще-то евреи здорово наловчились избегать осложнений в своих отношениях с мусульманами путем уговоров и взяток судейским чиновникам. Им, слава богу, было что предложить каждой очередной волне завоевателей, если учесть их финансовое, медицинское и дипломатическое искусство. И они служили новым хозяевам в качестве откупщиков, советников и врачей. Однако с описанного времени евреи в Испании, пожалуй, стали чувствовать себя безопаснее уже с христианскими правителями. Та же история была и в Малой Азии, где византийцы могли предложить еврейским общинам более безопасное существование, чем статус *димми*.

В начале XII века в Атласских горах поднялась новая волна мусульманского фундаментализма, на которой всплыла зелотская династия Альмохадов. Их целью было искоренение продажности и сползания в ересь среди мусульман. Заодно в этом процессе они покончили с христианскими общинами, которые к этому моменту насчитывали на северо-западе Африки почти тысячелетнюю историю. Евреям тоже предложили выбирать между обращением в ислам и смертью. В 1146 г. Альмохады перенесли свой фанатизм на территорию Испании. Синагоги и ешивы закрывались. Как при христианах-вестготах, евреи, которых мечом заставили обратиться, зачастую продолжали тайно поклоняться своей вере, и мусульмане им не доверяли. Их заставляли носить специальную синюю тунику с безобразно широкими рукавами, а вместо тюрбана – длинный синий колпак на манер ослиного выючного седла. Взамен этого шутовского наряда, а также сиклы – специального знака нечестивости, они могли носить одежду нормального покроя – но только желтого цвета. Им запрещали заниматься торговлей – разве что мелкорозничной. Прекрасные еврейские поселения в южной Испании не пережили этого преследования; во всяком случае, они утратили полностью былую пышность и величие. Многие евреи бежали на север, к христианам. Другие двинулись в Африку в поисках более терпимых мусульманских правителей.

Среди беженцев был молодой и блестящий ученый-богослов по имени Моисей бен Маймон, лучше известный как Маймонид; евреи называли его сокращенным именем Рамбам – по начальным буквам полного титула: рабби Моисей бен Маймон. Он родился в Кордове 30 марта 1135 г. в семье богослова. Когда Альмохады захватили город, этому вундеркинду исполнилось всего 13 лет, но его ученость была достойна изумления. Он скитался со своей семьей по Испании, а возможно, и по Провансу; в конце концов в 1160 г. они осели в Феце. Пятью годами позднее возобновление угрозы принудительного обращения заставило их снова сняться с места. Они последовали сначала морем в Акру, затем – в Святые Места, потом – в Египет, где они поселились в Фустате, Старом Каире. Там Маймонид постепенно приобрел всемирную известность как врач и богослов-философ. В 1177 г. его признали главой фустатской общины, в 1185 г. назначили придворным врачом, и он стал, говоря языком мусульманского летописца, «велик разумом, ученостью и положением». Его научные труды удивительно разнообразны и внушительны как количеством, так и качеством. Его брат Давид, живший в основном торговлей драгоценностями, оказывал ему финансовую поддержку; после смерти Давида он сам стал торговать, а также зарабатывать медицинской практикой. После его смерти 13 декабря 1204 г. его останки перенесли по его просьбе в

Тивериаду, где его могила до сих пор является местом паломничества благочестивых евреев.

К Маймониду стоит присмотреться повнимательнее не только из-за его собственной значимости, но и потому, что никто лучше его не показывает значение ученого богословия в средневековом еврейском обществе. Он был типичнейшим и величайшим из кафедократов. В раввинистском иудаизме власть и знания переплетались плотнейшим образом. Разумеется, под знанием понималось в основном знание Торы. Тора была не просто книгой о Боге. Она существовала до акта творения – подобно Богу. По сути, это был проект творения. Рабби Акива считал ее «инструментом творения», как будто Бог пользовался ею, как волшебник своей магической книгой. Симеон бен Лакиш утверждал, что она старше мира на 2000 лет, в то время как Элизер бен Йозе учил, что она лежала за пазухой у Бога уже за 974 поколения до того, как Бог воспользовался ею, чтобы сотворить вселенную. Некоторые мудрецы верили, будто Тора была предложена одновременно семидесяти нациям на семидесяти языках, но все отказались. Только Израиль принял ее. Соответственно в некотором смысле она олицетворяла не только Закон и религию, но и мудрость Израиля, и ключ к власти евреев. Филон называл ее идеальным законом философов, а Моисея – идеальным законодателем. Тора, писал он в книге о Моисее, была «скреплена печатями природы» и являла собой «идеальную картину государственного устройства». Отсюда следовало, что чем лучше вы знаете Тору, тем больше у вас прав на власть, особенно над евреями.

В идеале поэтому каждый общественный деятель должен быть видным богословом, а каждый ученый богослов должен помогать власти. Евреи никогда не придерживались точки зрения, излюбленной у англосаксов, будто интеллектуальная мощь, страстная тяга к книгам и чтению делают человека непригодным для властных структур. Наоборот! Также никогда не считали они, подобно чужакам, Тору сухой, академичной и далекой от реальной жизни. Они считали, что она несет в себе ту мудрость, что необходима, чтобы властвовать людьми, и в то же время благодать скромности и набожности, позволяющие противостоять искушениям власти. При этом они ссылались на Притчи: «У меня совет и правда; я – разум, у меня сила».

Проблема, как считали евреи, состоит в том, как сочетать науку с практикой управления. Когда во время репрессий Адриана мудрецы Лидды собрались, чтобы обсудить наиболее животрепещущие проблемы, стоящие перед их страждущей общиной, то первым в их повестке дня оказался вопрос: «Является ли штудирование более важным, чем дело?» Заслушав аргументы, они единодушно проголосовали в поддержку рабби Акивы, который считал, что сначала должно идти изучение вопроса, ибо «изучение ведет к действию». С позиций духовной ценности приобретение мудрости через учение и использование ее для общественных нужд равноценны. В то же время мудрецы говорили, что если вдова или сирота придут к мудрецу за советом, а он скажет, что слишком занят своими учеными занятиями, то Бог разгневется и скажет: «Ты столь же виноват передо мной, как если бы разрушил мир». То есть ученого, зарывшегося с головой в книгу, обвиняли в том, что он – «причина гибели мира», потому что евреи верили: мир без приложенной к нему мудрости рассыплется на части. Левит может удалиться от активной жизни в пятьдесят лет и ничего не делать, но настоящий ученый богослов должен служить людям до самой смерти. Филон честно признавался, что видит противоречие между требованиями ученых занятий и общественного служения. Его собственная жизнь была примером этого. В дополнение к своей писательской деятельности он возглавлял общину и по крайней мере один раз ездил с посольством в Рим. И к такому видному ученому, пользовавшемуся широким признанием, шел бесконечный поток просителей, искавших совета. К счастью, Филону удавалось разделить бремя власти с братом, одним из богатейших людей диаспоры, которого Иосиф Флавий называл Алабарком.

Пример двух братьев, которые помогали друг другу разрешить противоречие между наукой и комментариями, с одной стороны, и судебной властью и другими общественными обязанностями – с другой, объясняет, почему еврейская кафедократия была обычным семейным занятием. Схоластические династии происходили обычно от потомственных

книжников и стали обычными в жизни евреев уже во II веке до н.э. В ряде еврейских общин они существовали до Первой мировой войны – и даже после.

В Вавилонии *экзиларх* должен был происходить из семьи Давида; что же касается видных людей в академиях и *ешивах*, то их выбирали из определенной группы академических фамилий. Фраза «не из ученой семьи, а из торговцев» означала отказ – несмотря на то, что академии держались именно на деньгах торговцев. В Вавилонии *гаон* (глава академии) происходил из одной из шести семей, а в Палестине он должен был быть потомком Хиллеля, либо Ездры-книжника, либо самого Давида. В принципе мог быть назначен и чужак великой учености, но на практике это было большой редкостью. Для положения в академической иерархии определяющим также обычно являлось происхождение. Вообще-то основные, или *экуменические*, академии были не столько местом, где молодые люди получали образование, сколько своего рода советами. Само слово *ешива* на иврите означает то же, что *синедрион* (или *санхедрин*). На самом деле в раннем Средневековье в официальных документах Торы они все еще назывались Большим Синедрионом. Палестинская академия именовала себя «Праведная корпорация». Там ученые-богословы коллективно вырабатывали авторитетные решения, это были академия, парламент и верховный суд вместе взятые.

Богослов из одной вавилонской академии, живший и писавший в Египте незадолго до Маймонида, так описывал иерархию обучения. Простые грамотные евреи изучали пять книг Моисея и молитвенник, где содержался также материал по Устному Закону, Шабату и праздникам. Богословы кроме того должны были освоить остальную Библию, а также «тайнства» и систему законов. Доктора знали все это, плюс Мишну, Талмуд и комментарии. Богослов мог провести богослужение, написать эпистола с комментариями и выполнить обязанности помощника судьи. Но только доктор с титулом члена Академии понимал источники Закона и литературу, их объясняющую, и мог вынести по-настоящему ученое суждение.

Академия состояла из докторов и старших богословов. В Вавилонии ее правящий триумвират включал в себя *гаона*, председателя суда, который выполнял функции его заместителя, и секретаря, который вел запись решений. Члены академии сидели лицом к *гаону*, в семь рядов. В каждом ряду было десять мест, и самый видный богослов в ряду назывался *рош га-седер* – глава ряда. У каждого члена Академии было свое место, которое первоначально определялось его происхождением. Его, однако, можно было продвинуть или «задвинуть» в зависимости от того, как он функционирует; соответственно менялась и его стипендия. Для большинства из них, впрочем, принадлежность к Академии не являлась единственным источником дохода. Они могли служить чиновниками общины или зарабатывать ремеслом и торговлей. Общее собрание академии происходило дважды в году и длилось по месяцу в конце лета и в конце зимы. Пленарное заседание, или *калла*, которое проводилось ранней весной, обсуждало и выносило решения по вопросам, поступавшим из-за границы, так чтобы ответы на них можно было передать через торговцев, разъезжавших сразу же после Пасхи. Оба пленарных заседания включали в себя учебные мероприятия, в ходе которых лично *гаон* занимался толкованием глав Талмуда перед аудиторией из 2000 сидящих на корточках студентов, причем его переводчик, или *тургеман* (слово, от которого произошел существующий до сих пор термин «драгоман»), выполнял функции громкоговорителя. Существовали различные категории учителей. Самая низшая из них, «повторители», были зачастую незрячими от рождения; они заучивали наизусть огромные выдержки из рукописей и воспроизводили их с точнейшим соблюдением интонаций, пауз и ударений. В случае какихлибо сомнений доктор мог пригласить такого повторителя, чтобы он заведомо точно продекламировал спорный текст. Значительная часть такого заучивания проводилась коллективно, шумным хором. Таким же методом, кстати, еще поколение тому назад пользовались в мусульманских университетах, например, в каирском университете аль-Азхар. До недавнего времени и еврейские школьники в Марокко могли наизусть прочесть длинные куски юридических текстов на смеси иврита и

арамейского языка; даже сегодня у йеменских евреев существует традиция зубрежки, позволяющая им точно воспроизводить все интонации древних текстов – искусство, давно утраченное европейскими евреями.

Вавилонские академии с их выстроенными по наследуемому ранжиру шеренгами судей впитали многое из атмосферы и подобострастного церемониала восточного двора. Они получали указания от экзиларха, который фактически был исполнительным руководителем академий. Еврейский летописец Иосиф бен Исаак Самбари (1640—1703 гг.), цитируя предания X века, так описывает *наши* :

«Он обладает огромной властью над всеми еврейскими общинами, опираясь на авторитет Главы Верных. И евреи, и неевреи приветствуют его стоя. Тот, кто не встанет перед ним, получит сто ударов, ибо так приказал халиф. Когда бы он не следовал на встречу с халифом, его сопровождают еврейские и мусульманские всадники, которые едут впереди с криком: «Дорогу нашему господину, сыну Давида!» Он также едет верхом. На нем – вышитый шелковый халат и большой тюрбан, с которого ниспадает белый шарф с цепью. Когда он подъезжает ко дворцу, его приветствуют евнухи, которые затем бегут впереди него, показывая дорогу к тронному залу. Перед *наши* идет слуга, раздающий во славу халифа золото из кошелька. Перед халифом *наши* ложится ничком, а затем встает, демонстрируя свою рабскую покорность. Затем халиф делает знак своим евнухам, чтобы они усадили *наши* в кресло, ближайшее к халифу с левой стороны, и рассматривает его прошения. Изложив свою просьбу, *наши* снова встает, благословляет халифа и удаляется. Он получает от торговцев установленный ежегодный налог, а также дары, что они привозят ему со всех концов земли. Таков вавилонский обычай».

Гаоны из Академии и старшие из докторов требовали такого же отношения к себе. Их награждали звучными титулами, а они выступали с изощренными благословениями и проклятиями. Из них формировалась наследственная ритуально-академическая знать, что-то вроде китайских мандаринов.

В Темную эпоху вавилонская кафеднократия была одновременно и наследственным судом, последней инстанцией, к которой могла апеллировать вся диаспора. Строго говоря, за ней не стояло никакой силовой структуры, вроде армии – только местная полиция. Но у нее была власть отлучения, за которой стояла впечатляющая, чтобы не сказать – ужасающая, церемония, которая восходит, самое малое, к временам Ездры. И еще у нее была власть обучения. На практике, однако, власть вавилонских кафеднократов длилась лишь до тех пор, пока существовала обширная мусульманская империя. Сокращалась территория, на которую распространялась власть халифа, – уменьшалась и их власть. Вокруг теологов, покинувших старые академии, в Испании и Северной Африке формировались новые, местные центры богословия. Например, около 1060 г. Каир превратился в центр галахи благодаря прибытию туда Нахрая бен Ниссима из Кайруана и Иуды га-Козна бен Иосифа, известного раввина. В следующем поколении власть перешла от них к богослову из Испании Исааку бен Самуилу, «в чьих руках», согласно документу того времени, «сосредоточилась власть над всем Египтом». Такие люди обычно объявляли себя гаонами одной из великих академий. Зачастую они, кроме того, бывали удачливыми торговцами или их родственниками. Однако ведущая академическая семья, сколь богатой она бы ни была, не могла сохранить свой престиж, если не выдвигала периодически из своей среды видных ученых богословов. Потому что на практике нормальное управление еврейской общиной было невозможно, если она не получала руководящих указаний от людей, чей ученый авторитет был незыблем. Короче, как сформулировал один историк, чтобы приобрести власть, важно было происхождение, полезен был коммерческий успех, но основным требованием была ученость.

У Маймонида было и то, и другое, и третье. В одной из своих работ, комментариях к Мишне, он перечисляет своих предков в семи коленах. Большинство евреев могли сделать то же самое, и эта практика сохранилась до настоящего времени во многих еврейских семьях в Йемене, даже в самых бедных. Целью подобных списков было продемонстрировать предков-академиков, причем они обычно начинались с какого-нибудь видного богослова.

Женщины обычно в этом списке не фигурировали, но их генеалогия могла включаться – если была достаточно представительной. Так, у отчима Маймонида по линии матери генеалогия прослеживалась аж на 14 колен, в то время, как по линии отца – всего на 6 (зато довольно внушительных). Славы можно было добиться разными способами, но ключевым моментом была ученость, поскольку вера в нее евреев была непоколебима. Со времен Маймонида сохранилось следующее замечание: «Сей документ вне сомнения правилен, ибо отец его составителя был сыном дочери главы ешивы». За свое происхождение Маймонид мог быть вполне спокоен: в число тех семи предков входили четверо известных ученых судей.

Семья, из которой он происходил, вполне могла обеспечить себя, включая своих ученых членов, успешной торговлей. Как правило, сведения, которыми мы располагаем об отдельных евреях и даже о крупных общинах, со II века н.э. по начало нового времени, достаточно обрывочны. Евреи перестали записывать свою историю, а их неупорядоченное и бродячее существование в условиях преследования привело к тому, что уцелело совсем немного документов. К счастью, мы довольно много знаем о Маймониде и окружавшей его еврейской среде в Египте XII века. Во всех синагогах была комната под названием *гениза*. Эта комната служила для хранения старой ритуальной утвари и молитвенников, которые хотя и были уже непригодны к использованию, но, согласно еврейским законам, не могли быть уничтожены, так как содержали имя Бога. Эти кучи полусвященного хлама зачастую содержали массу документов, в том числе и светского характера. Сырость и гниение приводили к тому, что в течение 1-2 поколений прочесть их становилось невозможно. К счастью, Египет с его удивительно сухим климатом славится среди ученых тем, что там могут сохраниться документы на бумаге и папирусе, составленные за тысячу лет до нашей эры, а то и раньше. В Фустате Маймонид занимался богослужением и преподавал в синагоге Ездры, которая была построена в 882 г. на развалинах проданной евреям коптской церкви. Гениза размещалась на чердаке; там практически в неприкосновенности сохранялось огромное количество средневековых документов до самого конца XIX века, когда видный еврейский ученый Соломон Шехтер занялся их систематическим исследованием. Около 100 000 листов попало в библиотеку Кембриджского университета, примерно столько же хранится в академических центрах мира. Они являются почти неисчерпаемым источником информации. Крупнейший ученый С. Д. Гойштейн блистательно воспользовался ими, чтобы воссоздать общество XI-XII веков, которое служило фоном работы и идей Маймонида.

В каирской генизе содержится не менее 1200 полностью сохранившихся деловых писем, которые показывают, что египетские евреи, включая Давида, младшего брата Маймонида, путешествовали на довольно внушительные расстояния, перевозя самые разнообразные товары. Типично еврейским товаром были краски, но не пренебрегали они и текстилем, медикаментами, драгоценными камнями и металлами, а также парфюмерией. Ближайшим торговым районом был Верхний и Нижний Египет, побережье Палестины и Дамаск в Сирии. Один крупный торговец из Фустата, Моисей бен Иаков, занимавшийся сушеными фруктами, бумагой, маслом, травами и монетами, так часто бороздил этот район, что получил кличку «Челнок». Однако записи, сделанные сыном Маймонида Авраамом, показывают, что купцы из Фустата добирались даже до Малайзии; упоминается даже человек, который умер на Суматре. Масштаб торговли также был вполне внушительным: так, крупный купец XI века Иосиф ибн Авкал перевез как-то за один раз партию из 180 тюков товара; его связи позволяли ему действовать в качестве официального агента двух крупных вавилонских академий, развозя их постановления по всему еврейскому миру. В пределах досягаемости могла быть даже маленькая община где-нибудь в Индии, хотя времени на это требовалось порядочно: скажем, добраться от Каира до Суматры можно было за 4 месяца.

Давид Маймонид пропал в одном из таких путешествий. Сохранилось письмо, направленное им старшему брату, в котором он перечисляет различные неприятности, приключившиеся с ним в Верхнем Египте, откуда он направился к Красному морю, чтобы отплыть в Индию. После этого наступило молчание. Маймонид писал:

«Самая большая неприятность, выпавшая на мою долю в жизни, худшая из всего, это гибель святого человека (да будет благословенна память о нем), который утонул в Индийском море вместе с деньгами, что принадлежали мне, ему и другим людям, и оставил меня с маленькой дочерью и его вдовой. Получив это ужасное известие, я заболел и пролежал в постели около года, страдая от язв, лихорадки и тоски и едва не впав в полное отчаянье. Минуло около восьми лет, но я все еще скорблю и не могу утешиться. Да и как я могу найти утешение? Он вырос рядом со мной, был моим братом и учеником, торговал и зарабатывал на жизнь, так что я мог спокойно сидеть дома. Он был весьма сведущ в Талмуде и Библии, хорошо знал грамматику [иврита], и смотреть на него было радостью моей жизни... Стоит мне увидеть сделанные им записи или письмо, сердце мое разрывается и печаль возвращается ко мне. Короче, «с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю».

Это письмо характерно своим теплом, сердечностью и скорбью, даже если отвлечься от утверждения Маймонида, что он провел год в постели. У него была манера преувеличивать свою болезненность и слабость, хотя на самом деле он был гиперактивным человеком и трудился весьма результативно. Мы не знаем, как выглядел этот выдающийся еврей средневековья; портрет, который был помещен в первом томе собрания его трудов, изданном в 1744 г., хотя и много раз затем воспроизводился, был абсолютно вымышленным. Но его письма и книги, равно как и найденные в генизе материалы, говорят о нем многое. Он был частью великого пред-Возрождения XII века, которое ознаменовало начало выхода из Темной эпохи и повлияло на евреев так же, как и на арабский мир, и христианскую Европу. Он был космополитом. Писал по-арабски, но был знаком и с другими языками и обычно отвечал своим корреспондентам на их собственном языке. Всю свою жизнь читал запоем. В одном письме он сообщает, что прочитал все известные трактаты по астрономии, в другом – что ему известно все об идолопоклонничестве.

Эта способность Маймонида поглощать массу труднейшего материала, религиозного и светского, развилась у него очень рано. Равно как и решимость пересказать все узнанное еврейскому миру в упорядоченной и рациональной форме. Ему не было еще и шестнадцати, когда он закончил свой «Трактат о логике». Затем в 1158 г. последовал его астрономический «Трактат о календаре». В возрасте двадцати двух лет он взялся за свой главный труд, «Комментарий к Мишне», завершив его в Фустате в 1168 г. Работа была эквивалентом *суммы* христианских школяров и содержала массу светского материала о животных, растениях, цветах и естественной истории, а также о психологии человека. Значительная ее часть написана в тот период, когда он с семьей пытался найти место для безопасной жизни. «Меня бросало из одного конца мира в другой», рассказывает он. «Лишь богу ведомо, что некоторые главы сложились у меня во время блужданий, другие – на борту судна». Позднее он переключился на задачу кодификации талмудического права. Работа получила название «*Мишне Тора*», содержит 14 томов и была закончена через 10 лет, в 1180 г. К этому времени гибель Давида заставила его заняться медицинской практикой. Он был также активно работающим судьей и в свое время возглавил еврейскую общину в Египте, хотя никогда не носил официального титула *нагида*. Огромное число людей со всей еврейской диаспоры обращалось к нему за советом по переписке; опубликовано свыше 400 образчиков его *responsa* на иврите. Но он нашел время и для того, чтобы начать в 1185 г. свой наиболее известный и воистину замечательный труд – трехтомное «Руководство для находящихся в затруднении», разъясняющее фундаментальные вопросы теологии и философии иудаизма, которое он окончил около 1190 г.

Маймонид весьма серьезно относился и к своим занятиям медициной, которые в первую очередь и прославили его в нееврейском мире. Он много писал о диете, лекарствах, лечении. Известны его 10 медицинских работ; возможно, что существуют и другие. Он читал лекции по физиологии и терапии, а также по иудейской религии и праву. Лечил визиря Саладина, Аль-Фади аль-Байсами, который платил ему ежегодное вознаграждение, а позднее и сына Саладина, ставшего султаном в 1198 г. Его приглашали стать придворным врачом «короля франков», а также Ричарда Львиное Сердце и Амальрика – короля Иерусалима, но

он отклонил эти приглашения. Арабские источники свидетельствуют, что он считался одним из авторитетнейших врачей мира, причем был особенно искусен в лечении психосоматических заболеваний. У арабов была поговорка: «Медицина Галена хороша лишь для тела; медицина Маймонида лечит душу и тело».

Жизнь его была примером героического усердия и общественного служения, он посещал больных в больницах и принимал их на дому. Своему любимому ученику, Иосифу бен Акнину, он писал:

«Я приобрел высокую репутацию среди великих мира сего, таких, как главный кади, эмиры, дом Аль-Фадра и другие благородные горожане, которые платят совсем немного. Для простых людей слишком трудно добираться в Фустат, чтобы показаться мне, и я провожу целые дни, посещая больных в Каире, так что когда я возвращаюсь домой, то чувствую себя слишком уставшим, чтобы продолжить свои занятия с медицинскими книгами. А ведь ты знаешь, сколько времени нужно добросовестному человеку нашей профессии, чтобы сверить источники и убедиться, что все его выводы обоснованы и подкреплены надежными и авторитетными ссылками».

Другому своему адресату, Самуилу ибн Тиббону, он писал в 1199 г.:

«Я живу в Фустате, а султан – в самом Каире, и расстояние между этими точками вдвое больше субботного перехода [т. е. 1,5 мили]. Мои обязанности у султана нелегки. Я должен посещать его каждое утро. Если ему нездоровится или заболел кто-либо из его детей или гарема, я не покидаю Каира и провожу большую часть дня во дворце. Если болен кто-то из придворных деятелей, я остаюсь там на весь день... Даже если ничего не происходит, мне не удастся вернуться в Фустат до полудня. Вернувшись усталым и голодным, я обнаруживаю, что мой двор полон людей высокого и низкого происхождения, неевреев, богословов и судей, ожидающих меня. Я спешиваюсь, мою руки и умоляю дать мне поесть – хотя бы раз в сутки. Затем я иду к своим пациентам. Их очередь не иссякает до темноты, иногда до двух часов ночи. Я разговариваю с ними лежа на спине от усталости. К ночи я иногда так устаю, что не могу говорить. Поэтому израильтяне не могут пообщаться со мной, кроме как в субботу. Тогда они все приходят ко мне после службы, и я даю им советы на следующую неделю. После этого они немного занимаются (после полудня) и уходят. Некоторые из них возвращаются и занимаются до вечерней молитвы. Вот такой у меня распорядок дня».

Через год после написания этого Маймонид почувствовал, что не может больше посещать султана, и стал вместо этого давать письменные инструкции его врачам. Но он продолжал давать медицинские, юридические и богословские консультации до самой смерти в 1204 г., на семидесятом году жизни.

Вся жизнь Маймонида была посвящена служению еврейской общине и в какой-то степени людям вообще. Это соответствовало главной социальной доктрине иудаизма. Однако помогать общине Фустата и даже неевреям Каира было недостаточно. Маймонид сознавал, что обладает большой интеллектуальной энергией и, что не менее важно, способностью ее производительного использования. Евреи были созданы для того, чтобы вызывать брожение человечества, просвещать неевреев. У них не было ни государственной власти, ни военной силы, ни обширных территорий. Но у них был разум. Их оружием был интеллект и логическое мышление. Поэтому ученый имел высокий статус в их среде и высокую ответственность; на плечи ведущего ученого ложилась самая трудная задача – идти в первых рядах тех, кто превращает дикий и иррациональный мир в разумный в соответствии с предначертаниями Высшего Разума.

Этот процесс рационализации по-еврейски начался с введения монотеизма и установления его в связи с этикой. Первым за эту работу взялся Моисей. Характерной особенностью Маймонида было то, что он не только выделял уникальность Моисея (единственный пророк, общавшийся непосредственно с Богом), но и подчеркивал его роль как мощной интеллектуальной силы, создающей порядок из хаоса. И постоянной задачей евреев было раздвигать границы разумного, расширяя территорию Божьего царства разума. Филон, бывший во многих отношениях предшественником Маймонида, тоже видел в этом

задачу иудаистского богословия. Оно должно было служить в первую очередь щитом для евреев, несущих человечеству истину, которую они получают напрямую от Бога, и во вторую – средством цивилизации пугающе иррационального мира. Филон мрачно смотрел на перспективы реформирования условий человеческого существования. Он пережил ужасающий погром в Александрии, который затем описал в своих исторических работах «*In Flaccum*» и сохранившейся в отрывках «*Legatio in Gaium*». Недостаток разума способен превратить людей в чудовищ, которые хуже животных. Антисемитизм явился одним из воплощений человеческого зла, поскольку он не только иррационален сам по себе, но и, отвергая Бога, олицетворяет глупость. Еврейские же интеллектуалы своими писаниями могли побороть глупость человеческую. Вот почему в своей книге «*De Vita Mosis*» он пытался донести еврейский рационализм до читателей-неевреев и почему в «*Legum Allegoriarum*» он стремился изложить в аллегорической форме ряд наиболее сложных идей Пятикнижия для еврейских читателей.

Маймонид стоял на полпути между Филоном и современным миром. Подобно Филону, у него не было иллюзий касательно человечества в его безбожном иррациональном состоянии. У него не было личного опыта преследований со стороны христиан, но зато он с горечью сам испытал на себе мусульманскую дикость. Даже в его тихую гавань – Фустат – к нему доходили письма (например из Йемена) о том, что зверства, направленные против евреев, продолжают. Одно из писем, направленное им в Йемен, отражает его глубокое презрение к исламу, олицетворяющему неразумность мира. Однако в отличие от Филона он не мог приложиться к такому источнику греческого рационализма, каким была великая Александрийская библиотека. Правда, учение Аристотеля распространялось через посредников-арабов: Авиценну (980—1035) и старшего современника Маймонида из Испании – Аверроэса (1126—1198). Более того, в его распоряжении были тысячелетние еврейские комментарии, многие из которых были другой разновидностью рационализма.

Кроме того, Маймонид был рационалистом по темпераменту. Как и у Филона, его труды несут на себе отпечаток осторожности, умеренности и недоверия к энтузиазму. Он всегда старался избегать скандала, особенно *odium theologicum*: «Даже когда человек оскорбляет меня, это не имеет для меня значения, я либо отвечу вежливо, либо промолчу». Немного рисуясь, но без особой гордости он говорил: «Я вовсе не утверждаю, что никогда не делаю ошибок. Напротив, если я обнаружу ошибку у себя или мне покажут ее другие, я готов внести поправки в свои труды, в свои поступки и даже в свою натуру». В своем знаменитом письме, написанном в ответ на комментарии к его «*Мишне Тора*» богословами из южной Франции, он признает свои ошибки, говорит, что уже внес ряд поправок и сделает другие, а также подчеркивает, что они совершенно правы, критически оценивая его труды: «Не будьте чрезмерно застенчивыми. Вы, может быть, и не мои учителя, но, во всяком случае, равные мне и мои товарищи, и вопросы, которые вы подняли, вполне правомерны». Разумеется, он был элитистом и говорил, что лучше постарается понравиться одному разумному человеку, чем десяти тысячам дураков. Но в то же время он был и терпимым: думал, что все благочестивые люди спасутся, какова бы ни была их вера. Был удивительно вежливым, мирным, спокойным, рассудительным человеком. И в первую очередь, он был ученым, который искал истину и был уверен, что она в конце концов возобладает.

У Маймонида присутствовало четкое представление о том, каким должно быть общество правды и целесообразности, а потому – божественное. Оно не должно базироваться на физическом или материальном удовлетворении. Высшее счастье – в бессмертном существовании человеческого интеллекта, созерцающего Бога. В последней главе «*Мишне Тора*» он так описывает мессианское общество: «Власть там будет твердо установлена, после чего мудрые будут свободны для изучения Закона и его мудрости; в те времена не станет ни голода, ни войн, ни ненависти, ни соперничества... на земле не станет тяжелого труда – лишь работа во имя познания Господа». Гарантом идеального общества станет Божественный Закон. Хорошее государство – это, по определению, такое, которым правит закон; идеальное государство – которым правит закон божественный.

Для этого, разумеется, нужно дождаться прихода Мессии, и Маймонид, будучи осторожным ученым, не собирался предаваться эсхатологическим фантазиям. До тех же пор хорошие государственные сообщества должны формироваться при помощи закона. В *«Руководстве для находящихся в затруднении»* он формулирует свой в высшей степени рационалистический взгляд на Тору: «В целом закон имеет две цели – благосостояние души и благосостояние тела». Первое состоит в том, чтобы развивать человеческий интеллект, второе – в улучшении политических взаимоотношений людей. Закон добивается этого, формулируя правильные мнения, которые возвышают интеллект, и нормы человеческого поведения. Те и другие взаимодействуют. Чем более стабильным и мирным мы сделаем наше общество, тем больше времени и энергии человек сможет уделять тому, чтобы совершенствовать свой разум, в результате чего возрастет интеллектуальная способность проводить дальнейшие социальные преобразования. Так это развитие пойдет – по благодатному кругу, в отличие от порочного, как в обществе, не знающем закона. И возникает соблазн предположить: не считал ли Маймонид, что Мессия явится не внезапно как гром с ясного неба, а в результате постепенного, прогрессирующего усовершенствования человеческой рациональности?

Следовательно, наилучший способ улучшить условия существования человечества вообще и гарантировать выживание еврейского авангарда, в частности, состоит в том, чтобы распространять знание Закона, ибо Закон есть залог разума и прогресса. Маймонид был элитистом, но мыслил категориями расширения элиты. Каждый может быть ученым в меру своих способностей, это вполне возможно в читающем обществе. Была такая еврейская аксиома: «Продай все, чем обладаешь, и купи книг, ибо, как говорят мудрецы, приобретающий книги – приобретает мудрость». Человек, дающий читать свои книги, особенно бедным, поступает богоугодно. «Если у кого-то имеется два сына, один из которых дает свои книги, а другой делает это с удовольствием, то отцу следует оставить всю свою библиотеку второму, даже если он моложе», – писал один из современников Маймонида, Иуда из Регенсбурга. Благочестивым евреям небо представлялось огромной библиотекой с архангелом в качестве библиотекаря; книги на полках прижимались друг к другу, высвобождая место для новых соседей. Маймонид не соглашался с этой антропоморфной ерундой, но был согласен с идеей грядущего мира – небесной академии. Он готов был согласиться и с практическими рекомендациями Иуды: не нажимать коленом на большой фолиант, чтобы застегнуть его пряжки, не использовать перья как закладки, а книги – как метательный снаряд или инструмент воспитания школяров, равно как и с его прекрасным афоризмом: «Человек должен уважать свои книги». Умеренный во всем, кроме учебы, Маймонид пылал страстью к книгам, которую хотел бы разделить со всеми евреями.

Понятие «все евреи» включало и женщин, и работающих мужчин. Маймонид говорил, что женщина не обязана учиться, но если она учится – это ее заслуга. Каждый должен учиться согласно своим возможностям; скажем, умный ремесленник может посвящать три часа своему ремеслу, а девять – Торе («три часа штудированию Письменного Закона, три – Устного закона, а три – изучению того, как вывести одно правило из другого»). Этот простейший анализ, который он называл «началом учения», дает некоторое представление о том, что он считал прилежанием.

Однако мало толку было в том, чтобы уговаривать еврейский народ учиться, не делая в то же время всего возможного, чтобы этот труд был продуктивным. Убеденный в том, что благоразумие и Закон – единственная защита еврея и единственное средство сделать мир более цивилизованным, Маймонид с болью сознавал, что сам по себе Закон, который обрастал в течение тысячи лет дополнениями и несогласованными комментариями, крайне противоречив и пронизан иррациональными элементами. Поэтому он ставил перед собой две основные задачи: привести Закон в порядок и подвести под него по-настоящему рациональную основу. Чтобы решить первую задачу, он написал свои комментарии к Мишне, которые впервые сделали ясными принципы, лежавшие в основе мишнаистского законодательства, а также привел в систему талмудистский закон с целью, как он говорил,

добиться того, чтобы можно было быстро и легко находить решение «в море Торы». Маймонид отмечал: «Вы должны или комментировать, или приводить в систему – что не одно и то же». Будучи интеллектуальным гигантом, он делал и то и другое. Он писал, ощущая неотложность задачи и опасность, угрожавшую, по его мнению, евреям: «Во времена преследований, подобных нынешним, людям не хватает душевного спокойствия, чтобы посвятить себя кропотливым исследованиям, и почти каждый сталкивается с серьезными затруднениями, пытаясь вывести четкое решение из трудов кодификаторов прошлого, которые построены столь же бессистемно, как и сам Талмуд. Еще меньше людей способно вывести четкое решение на основе самого Талмуда». Его же детище было ясным, упорядоченным, кратким и незамутненным бесчисленными ссылками на источники. Правда, подобно всем попыткам сказать последнее слово по поводу Закона, его труды вызвали новую лавину томов: в 1893 г. список (причем неполный) основных комментариев к Кодексу Маймонида насчитывал 220 позиций. Однако этот кодекс был весьма эффективен: испанский современник говорил, что судьи отказывались с ним работать – именно потому, что он позволял простым людям проверять по нему их решения. Именно этого Маймонид и добивался – чтобы Закон, меч и щит евреев, стал их общим рабочим инструментом.

Он занимался рационализацией на каждом этапе работы с кодексом и комментариями. И вдобавок он написал свое «Руководство для тех, кто запутался», чтобы показать, что верования евреев не есть просто некая сумма произвольных утверждений, ниспосланных свыше и внедренных властью раввинов, но могут быть выведены и доказаны путем умозаключений. В этом он шел по стопам Саадии бен-Иосифа (882—942), знаменитого и противоречивого гаона из академии Суры, первого еврейского философа после Филона, который бы попытался поставить иудаизм на рациональную основу. Маймонид был согласен не со всем в труде гаона Саадии «Книга о верованиях и мнениях», однако она вдохновила его на то, чтобы свести воедино еврейскую веру и философию. Авиценна и Аверроэс сделали то же самое для ислама, а вслед за тем Фома Аквинский – для христианства. Однако Маймонид был величайшим рационалистом из них всех. Так, например, по ключевой проблеме пророчеств он воспользовался метафорой, аналогией и притчей, чтобы показать «естественность» связи пророков с Богом и их чудеса. У него была теория божественных эманаций, которые воспринимались пророками. Так называемые ангелы, которые способствуют возникновению видения, – суть проявление воображения пророка; чтобы подчеркнуть значение интеллекта, он пользовался словом «херувим».

Был, однако, момент, когда Маймонид почувствовал, что он предел рационализма. Он уловил необходимость различного подхода к Моисею и остальным пророкам. Он не считал их двусмысленными или фигуральными, однако Моисей, «в отличие от других пророков, не занимался прорицаниями при помощи притч»; он действительно общался с Богом «лицом к лицу, без посредника». Он пытался объяснить уникальность Моисея тем, что высшая степень совершенства человеческого вида должна воплощаться в одном индивидууме – и этим индивидуумом был Моисей. Практически Маймонид стремился к тому, чтобы сузить область иррационального в иудаизме, но не ликвидировать ее; он изолировал определенные ключевые моменты веры, которые нормальный здравый смысл не мог объяснить (хотя он не желал в этом признаваться). Правда, он мог согласиться с тем, что определенные вопросы лежат вне пределов человеческой логики. По поводу очевидного противоречия между свободной волей и предназначением он цитировал Екклезиаста: «Далеко то, что было, и глубоко-глубоко: кто постигнет его?» – в трудах же его встречаются отрывки, которые пытаются согласовать абсолютную свободу подчиняться или не подчиняться Закону и жесткий детерминизм. Он нападал на астрологов за попытки считать Закон тщетным. С другой стороны, первый из его тринадцати принципов веры гласит: «Лишь Бог осуществлял, осуществляет и будет осуществлять все действия». Можно указать и на другие противоречия, встречающиеся в огромном объеме его трудов, но в целом они на удивление малочисленны.

Что Маймонид стремился сделать, так это усилить веру, лишив ее суеверий и

подкрепить то, что остается, логикой. Но, разумеется, работая в этом направлении, он внедрял и популяризовал критический подход к ее таинствам, что неизбежно подстрекало людей идти дальше в этом направлении. Логика, будучи выпущена из бутылки слепой веры, начинает жить по своим законам. Маймонид был великим предвестником будущего евреев, да и вообще человечества. Его «Руководство для сбившихся с пути» продолжало изменять мышление евреев на протяжении столетий, причем не всегда в ту сторону, куда бы ему хотелось. В каком-то смысле он сыграл в иудаизме ту же роль, что Эразм в христианстве: он заложил опасные яйца, которые проклюнулись позднее. В медицинскую науку он привнес иудейскую доктрину единства тела и души, сознания и материи, что позволило ему заглянуть внутрь психики, тем самым предвосхитив Фрейда. В теологию он привнес уверенность в совместимости веры и логики, которая соответствовала его спокойному и величественному разуму, но со временем исторгла Спинозу за пределы иудаизма.

В то время многих образованных евреев пугало то направление, в котором Маймонид предвидел развитие иудаизма. В Провансе, где христианство раздиралось на части альбигойской ересью и где местное отделение доминиканской инквизиции пыталось утвердить ортодоксальную веру, многие рабби желали, чтобы еврейские руководители держались аналогичной линии. Они ненавидели маймонидово аллегорическое объяснение Библии и хотели, чтобы его книги были запрещены. И в 1232 г. доминиканцы, вмешавшись во внутриеврейские споры, действительно сожгли их. Но это, естественно, бросило рационалистов в контратаку. «Сердца людей, – писали последователи Маймонида, – не могут отвернуться от философии и книг, ей посвященных, до тех пор, пока в их теле есть душа... они готовы сражаться за честь Великого Учителя и его книги и отдавать свои средства, свое потомство и самый дух свой его святым доктринам до тех пор, пока существует в их ноздрях дыхание жизни».

Несмотря на это словесное размахивание кулаками, реальных ударов наносилось совсем немного. Теоретически еврейский Закон был суров по отношению к ереси – если, скажем, два еврея утверждали, что видели, как третий поклоняется некоему образу, его могли приговорить к смерти, – однако на практике, будучи кафедократическим, а не автократическим, он допускал довольно широкие расхождения во взглядах. Даже человека, объявленного еретиком, обычно не подвергали физическому наказанию, если только он не пытался систематически склонять других в свою веру. В результате рационализм и суеверие продолжали сосуществовать в странной гармонии, иногда даже в одном человеке.

Памятуя о страдании и страхе, в которых евреям зачастую приходилось жить, не приходится удивляться стойкости иррационализма. Маймонид считал интеллект и логику лучшим оружием евреев, и таковым они и служили – для уверенной в себе элиты. Для массы же простых евреев сказки о прошлых чудесах и надежды на чудеса будущие были утешением во времена горести. Священная литература евреев удовлетворяла обе потребности, поскольку наряду с комментариями, отвечающими интеллектуальным запросам, содержала массу рассказов, *пийют*, или поэтических произведений, и бесконечных сверхъестественных историй, которые дети впитывали чуть ли не с молоком матери. Чем больше евреев преследовали и экономически угнетали, тем больше они обращались к священным сказаниям. «Некогда, – повествует *мидраш*, – денег было много, люди любили слушать Мишну, галаху и Талмуд. Ныне же денег стало мало и, что еще хуже, люди страдают от рабского труда, и все, что они хотят слушать – это благословения и утешения».

Евреи жестоко страдали и под исламом и под христианством. И может быть, прав был один из учеников Абельяра, когда заметил: «Еврей, как бы беден он ни был, если у него есть десять сыновей, выучит их всех грамоте, причем не ради выгоды, как делают христиане, а для понимания Закона Божьего, причем не только сыновей, но и дочерей тоже». Однако еврейский рационализм, который отстаивал Маймонид, был на самом деле достоянием лишь верхнего класса. Как показывают документы из генизы, народная религия, которую он осуждал и презирал, процветала у него под самым носом в Фустате. Евреи увлекались как

белой, так и черной магией. Они устраивали всякие фокусы с огнем, останавливали птиц в полете, а затем позволяли им лететь дальше, вызывали злых и добрых духов в ходе церемоний, которые иногда длились целую ночь, после чего учиняли специальные процедуры их изгнания. Впадали в транс. Устраивали спиритические сеансы. Прибегали к заклинаниям, дабы обезопасить себя в странствиях, очистить дом от вшей, внушить любовь мужчине или женщине, а то и вообще «привлечь ангелов». Существовали даже специальные секретные руководства, написанные на иудейско-арабском языке, целью которых было помочь евреям в поиске сокровищ, сокрытых в древнеегипетских гробницах.

Надо сказать, что столь иррациональный подход к религии проявляли не только еврейские низы. Этим грешили и верхние слои, у которых все это приобретало форму мистицизма. У самого Маймонида жена была склонна к религиозной экзальтации и происходила из «династии» пиетистов-мистиков. Его собственный сын и наследник, Авраам, шел скорее по стопам матери, чем отца. Хотя он, по-видимому, чтит память своего отца и ревностно отстаивал его взгляды, его собственный *magnum opus*, гигантский том под названием «*Полное руководство для благочестивых*» отстаивает пиетизм, или *хасидут*, как образ жизни, противопоставляя его рационализму. Он приобрел известность как *рош кол га-хасидим*, главный пиетист, и к нему стекались послания и ученики со всех концов еврейского мира. Эти энтузиасты целыми днями постились, а ночи посвящали молитвам. Авраам даже восхищался мусульманскими мистиками – суфи – и утверждал, что они в большей степени могут считаться учениками пророков Израиля, чем современные ему евреи. Это привело бы в ярость его отца, который был бы рад запретить труды мистиков-евреев, не говоря уже о мусульманах.

К несчастью для рационалистов мистицизм имел глубокие корни в иудаизме; можно даже сказать, что он глубоко коренился в поклонении Яхве. Та идея, что в дополнение письменному Закону, дарованному Богом Моисею в виде Пятикнижия, Бог дал ему еще и устный Закон, была удобна для религиозных руководителей. Однако она была и чрезвычайно опасна, поскольку вела к представлению о том, что существует большое количество специальных знаний о Боге, переданных устно и тайно и доступных лишь для немногих избранных. В Талмуде слово «каббала» означает «приобретение [знание]» или «предание», имея в виду окончание Библии, то, что идет после Пятикнижия и устного учения. Однако постепенно оно стало означать некое тайное учение, которое позволяет немногим избранным либо напрямую общаться с Богом, либо приобретать знание о Боге неким нерациональным путем. Глава 8 притч и глава 28 Книги Иова, где метафора и аналогия мудреца трактуются как созидательная живительная сила, дающая ключ к познанию Бога и вселенной, некоторым образом освящают эту идею. И в более поздние эпохи стоило еврею-рационалисту попытаться осознать мистицизм, как оппоненты немедленно затыкали ему рот цитатами из Библии.

С еще большим успехом они могли цитировать Талмуд, поскольку к этому времени иудаизм успел впитать много эзотерических элементов. Ряд богословов считает, что они были заимствованы в Персии во времена Изгнания; другие считают, что более правдоподобно, их источником греческий гностицизм. Гностицизм, или некая система секретного знания, способен коварно паразитировать подобно ядовитой лиане на здоровом стволе основной религии. В раннем христианстве отцы церкви отчаянно боролись, чтобы не дать ему задушить веру. Он напал и на иудаизм, особенно в диаспоре. Филон в своем труде «*De Vita Contemplativa*» писал о секте, называвшейся «Почитатели Бога», которой принадлежала типично гностическая теория, будто Тора есть живое тело. Эта теория проникла в Палестине в круги, которые обычно были менее восприимчивы к греческим идеям: фарисеи, ессеи, кумранская секта, а позднее таннаим и амораим. По словам Иосифа Флавия, у ессеев была целая магическая литература, которая расцвела пышным цветом на почве апокалипсиса.

Эти книги, чьи авторы скрывались под псевдонимами Еноха, Моисея, Ноя, Баруха и других великих исторических фигур, носили, как мы знаем, характер ксенофобный,

националистический и подстрекательский. Они являли собой горькое и гневное прибежище угнетенного народа, призывая громы и молнии на головы хорошо вооруженных врагов. В них писалось об ангелах, дьяволах, преисподней и небесах, пожарах и конце времен, когда греки и римляне будут сметены с лица земли. В этих текстах идет речь о секретном знании, недоступном ни для кого, кроме наиболее доверенных и ревностных евреев (кстати, у неистовых кумранских монахов обычно Книга Еноха имела и на иврите и на арамейском языках), а также о скрытых источниках силы, овладев коими можно преодолеть *киттим* и прочих ненавистных богоотступников. Глава 14 Книги Еноха, где речь идет о таинствах престола, возложенных на его колесницу, навеянная главой 1 Книги Иезекииля, породила в свою очередь целую школу мистиков *Меркаба* (колесница). На головы доверчивой еврейской массы вываливались рассказы об ангелах, «стоящих перед колесницей», низвергающемся свыше огне и вознесении благочестивой души в экстазе на колесницу. В отличие от изучения Торы, которое проводилось открыто и сопровождалось шумным скандированием, мистическое знание касательно колесницы передавалось тайно, шепотом, причем исключительно специально отобранным ученикам, которые должны были продемонстрировать требуемые этические качества, обладать определенной внешностью и руками, удовлетворявшими хиромантов. Толкователи знания иногда бывали окружены огнем или нимбом и впадали в транс. Они чудесным образом попадали в рай подобно Илие: один «взглянул и умер», другой «взглянул и был поражен», а третий «вознесся и спустился в мире». Желаящие впасть в состояние экстаза прятали голову между коленями и исполняли псалмы о Престоле Славы либо старинные священные вирши.

В дополнение к практической магии, нацеленной на прямое общение с Богом через мистическое состояние, эзотерические книги начиная с I века несли целый поток информации касательно божества и рая. Поскольку Тора была свята, святыми считались также буквы и цифры, и, если подобрать ключ, можно получить доступ к тайному знанию. Одним из ключей были слова псалма 14:5 «Велик Господь наш и велика крепость его»; ими пользовались, чтобы оценить божественные размеры, для чего за основу бралось число 236, умноженное на 10 000 небесных лиг, что якобы позволяло узнать размеры головы и конечностей, а также тайные Его имена. Эти тайные имена (например, Адирирон, Заводиил, Ахтриил, Тазаш, Зохарариил) были важны потому, что якобы являлись паролем, по которому небесные привратники пропускают вознесшуюся душу последовательно в 8 дворцов, ведущих в рай. Восемь вообще считалось магическим числом, заимствованным у греческих гностиков, а колесница, мощь и эманация Бога, была эквивалентом греческого эона. Но и число 22 (количество букв еврейского алфавита) также считалось магическим, так как сам акт творения свершился через посредство сочетания еврейских букв; открыв это сочетание, можно было бы познать секреты мироздания.

Мудрецы были одновременно зачарованы и возмущены этим вопиющим предрассудком. Антропоморфизм измерения тела Бога вступал в противоречие с основами иудаистского учения о несоздаваемости и непознаваемости Бога. Мудрецы советовали евреям неотступно придерживаться Закона и не пытаться вникнуть в опасные тайны: «Тому, кто попытается размышлять о четырех вещах, лучше бы вовсе не родиться: что над нами, что под нами, что было до начала времени и что будет после него». Но они сами, тем не менее, продолжали заниматься этим же и, будучи элитистами, соглашались с идеей специального знания для избранных: «Историю творения не следует излагать двоим слушателям, а главу о колеснице – даже одному, если только он не мудрец и не имеет уже независимого суждения по данному вопросу». Это – из Талмуда; и надо сказать, Талмуд и прочие священные писания содержат немало столь же неоднозначных материалов.

В результате рационалисты вроде Маймонида были смущены, чтобы не сказать рассержены, многим из встреченного ими в Талмуде. Примером может служить, скажем, *Шиур Кома*, или «Измерение божественного тела», где Песнь Соломона интерпретируется как божественная аллегория любви Бога к Израилю и приводятся результаты детального измерения конечностей Бога, а также их тайные названия. Карaitы, полностью отвергавшие

талмудический иудаизм, насмеялись над этим текстом и пользовались им для критики раввинов, заявляя, что согласно этому тексту размер лица Бога до кончика носа достигает 5000 элей. Конечно, это они придумали, но в упомянутой книге встречаются вещи и похуже. Мусульмане тоже пользовались всем этим для нападок на евреев и оправдания преследования, которому последние подвергались. Некий более поздний комментатор пытался свести концы с концами, утверждая, что указанные цифры в действительности суть размеры вселенной. Можно представить себе отвращение, которое испытывал Маймонид к подобным писаниям. Однажды он попытался скрыть свое отношение за фразой: «Потребовалась бы сотня страниц, чтобы обсудить данный вопрос». Затем он перечеркнул эту фразу (сохранилась его рукопись с комментариями к Мишне). Впоследствии он убедил себя, что все эти ухищрения – «не что иное, как работа одного византийского проповедника», и обозвал их подделкой.

Рационализм, за который ратовал Маймонид, был отчасти реакцией на рост эзотерической литературы и ее проникновение в интеллектуальную жизнь евреев. И определенный эффект рационализм все-таки давал. В XII и XIII столетиях он заставил видных мистиков, по крайней мере тех, которые претендовали на интеллектуальную солидность, усовершенствовать свои книги и свод веры, очистить их от налета магии и вековых гностических наслоений и переработать в согласованную систему. Во второй половине XII века во французском Провансе стала формироваться, если так можно выразиться, высшая каббала. Она складывалась из многих элементов. Первый из них – поэзия, в особенности стихи известного испанского лирика Иуды Халеви (1075—1141), в состав 800 известных стихотворений которого входят 350 *пийютим*. Халеви был религиозным сионистом (большая редкость для того времени); самый известный его сборник из 34 лирических произведений назывался «Поэмы Сиона». Он считал, что жизнь в Испании, сколь приятной она ни была в промежутках между всплесками преследования, – это рабство по сравнению с жизнью евреев в Палестине, и в конце концов он сам туда отправился. Он считал евреев народом трагической и ущемленной судьбы и назвал одну из своих философских работ, апологию иудаизма, книгой «в защиту презираемой веры». Она представляла собой выпад против рационализма Аристотеля, а также христианства и ислама. При этом автор твердо придерживался той точки зрения, что для страждущего человечества, и в особенности для подвергающихся жестокому обращению евреев, рассудочная дедукция, как бы она ни была желательна в идеальном мире, не может заменить прямого общения с Богом. Вопрос был непростым даже для высокообразованного богатого еврея, особенно в эпоху преследований, и нет сомнения, что мистицизм находил более сильный отклик, особенно когда христианская или мусульманская веревка затягивалась на шее евреев ту же.

Мистики из Прованса почерпнули многое из неоплатонизма и развили собственные внушительные теории; даже Маймонид был вынужден признать глубокую ученость некоторых из них. Некто Авраам бен Давид, или Рабад, написал ученый труд, направленный против «*Мишны Торы*» Маймонида. Сын Авраама, Исаак-слепой (ок. 1150—1235), создал систему, подобную внутренне согласованной каббале, в основе которой лежали 10 сефирот, или признаков Бога, а также развил теорию, в соответствии с которой все творение было и есть лингвистический процесс в чистом виде, точнее материализация божественных речей. Здесь используется неоплатоновская концепция *логоса* (как в начале Евангелия от Иоанна), которая дается в виде изучения Торы и молитвы. Из Нарбонна, где жил Исаак, мистическая каббала распространилась через Пиренеи до Хероны, Бургоса и Толедо. Его позиция весома подкреплялась авторитетом великого рабби Моисея бен Нахмана, известного также как Нахманид или Рамбан (1194—1270), который был обращен в юности, а позднее стал ведущим авторитетом в Испании в области судебного права.

Нахманид является автором минимум 50 работ, в основном галахических и комментариев к Талмуду. Уже в преклонном возрасте он написал знаменитые комментарии к Торе. Ни одна из этих работ не является сугубо каббалистической, но во всех обнаруживаются следы этого подхода, особенно в комментариях к Библии. Фактически при

этом каббала была внедрена в господствующее направление ортодоксального иудаизма, прежде всего в Испании. Нахманид дал каббалистам возможность играть роль консерваторов, идеи которых восходят к Библии и Талмуду и соответствуют лучшим и древнейшим еврейским традициям. При этом в роли новаторов оказывались рационалисты, внедрявшие в изучение Торы языческие идеи древних греков. В этом смысле кампания против работ Маймонида могла считаться последним всплеском антиэллинизма.

Сам Нахманид никогда не участвовал в охоте на ведьм, направленной против рационализма. Скорее, он выступал против нее. Однако именно он позволил каббалистам избежать аналогичных обвинений в ереси, которые, если разобраться, были бы гораздо более обоснованны. Ведь фактически каббала не только вводила концепции гностики, которые были абсолютно враждебны этическому монотеизму Библии; в каком-то смысле это была совершенно другая религия – пантеизм. И ее космогония – то, как творение явилось порождением слова Божьего, и ее теория божественных эманаций привели к логическому выводу, что во всех вещах содержится элемент божественного. В 80-х годах XIII века ведущий каббалист в Испании, Моисей бен Шем Тов из Гвадалахары, создал свод каббалистических знаний, *Сефер-га-Зохар*, чаще известный под названием «*Зохар*», ставший наиболее известным трактатом по данному вопросу. Значительная часть этого труда имеет отчетливо пантеистический характер; в нем неоднократно утверждается, что Бог «есть все» и все соединено в Нем, «как известно мистикам». Но если Бог во всем, а все присутствует в Боге, то как Бог может быть неким отдельным монособществом, не созданным и абсолютно отдельным от акта творения, на чем всегда усиленно настаивал ортодоксальный иудаизм? На этот вопрос нет другого ответа, кроме очевидного: зохар-каббала есть ересь, причем наивреднейшая. Тем не менее, реальностью является факт, что этот вид мистического пантеизма находит отклик у весьма умных людей, которые обычно мыслят трезво и рационально. Любопытный парадокс: цепь рассуждений, вырвавших Спинозу из иудаизма, привела его к пантеизму, так что в нем можно увидеть результат одновременно рационализма Маймонида и антирационализма его противников.

Но это еще все в будущем: среди средневекового еврейства с его рассредоточенным религиозным руководством эти соперничающие течения вполне могли сосуществовать. В суровом мире бедняки обращались в поисках утешения к суевериям и народной религии, богачи, если они обладали развитым мышлением, – либо к рационализму, либо к мистической каббале. У иудаизма было слишком много внешних врагов, чтобы он мог рисковать своей внутренней гармонией во имя единства, которого никто в реальности не желал. И действительно, можно видеть, что средневековый иудаизм представлял собой систему, позволявшую удерживать еврейские общины вместе перед лицом множества угроз: экономических бед, болезней, произвола правителей, и в первую очередь давления двух великих империалистических религий.

Государство, будь оно христианским или мусульманским, как правило, не было главным врагом иудеев. Более того, оно, случалось, бывало их лучшим другом. Евреи были строго лояльны по отношению к законно установленной власти по причинам религиозного и эгоистического свойства: они были меньшинством, которое нуждалось в защите со стороны правителя. Документы из Генизы, относящиеся к 1127—1131 гг., свидетельствуют, что евреи регулярно молились за мусульманских владык за 200 лет до того, как текст молитв оказался в еврейском молитвеннике. В противоположность мусульманским источникам того же периода, в Генизе не обнаруживается критики властей. Власть отвечала тем, что относилась к евреям как к наиболее законопослушному и продуктивному элементу общества. Чем сильнее была власть, тем более вероятной была безопасность евреев. Беда приходила (и в христианских и в мусульманских странах) в эпоху, когда поднималась волна религиозного энтузиазма, когда священники-фундаменталисты держали правителя в благоговейном страхе либо, что еще хуже, превращали его в рьяного новообращенца.

Евреи никогда не знали точно, когда наступят такие времена, а потому всегда к ним готовились. Они отрицали силовое сопротивление во II веке и не прибегали к нему вплоть до

XX столетия (в Палестине). Зато существовали другие способы. Один состоял в том, что самые одаренные приобретали профессии, делавшие их полезными для общества, не лишая свободы передвижения. В исламском окружении это обычно было нетрудно. Здесь способные евреи становились врачами. Исламские правители были готовы каждодневно пользоваться их услугами. То же можно сказать и про простолюдинов; если они могли себе это позволить, то обращались за помощью и при незначительных недомоганиях типа запора или поноса; свидетельством того могут служить рецепты, сохранившиеся в Генизе. В Египте в местностях с еврейским поселением свой доктор-еврей был в каждом городе, а то и в каждой деревне. Еврей-врачи были очень популярны. Они посещали крупные общественные больницы, а зачастую имели свои, но мелкие. Они могли ездить куда угодно и имели доступ к кому угодно. Поэтому они почти всегда возглавляли еврейскую общину. Первая семья египетских *нагидов* поголовно состояла из врачей. Медицина была профессией не только Маймонида, но и его сына, а может быть, и внука и правнука. В семье аль-Аммана врачи были на протяжении восьми поколений, причем в одном из них эта профессия была представлена отцом и всеми пятью сыновьями. Случалось, что врачами становились и дочери, по крайней мере, окулистами. Врачами были и Иуда Халеви и Нахманид. Эти медицинские семьи, кроме того, торговали сопутствующими товарами: лекарствами, опиумом, лечебными травами, духами, научной литературой. Складывающаяся таким образом торговая сеть позволяла семье медиков быстро переместиться из одной страны в другую – если ей угрожало преследование. Еврей-врачи были желанными гостями повсюду, за исключением периодов религиозного безумия, когда их зачастую обвиняли в отравительстве.

Сохранение сплоченных семейных корпораций было наилучшей самозащитой евреев. В этом смысле широко расселившаяся семья была намного важнее семьи-ячейки. Источники из Генизы показывают, что наследниками первой руки были отцы, сыновья, братья, сестры – но не супруги. Переписка между братьями и сестрами была делом более обычным, чем между мужьями и женами. Женская поговорка гласила: «Мужа я могу заполучить, детей – выносить, но где мне найти благородного брата?» Из завещаний видно, что после смерти бездетного человека его состояние отходило к брату либо к ближайшему члену «Дома отца», но не к жене, которая получала только свое собственное приданое. Как говорили, «остаток состояния возвращается в дом отца».

Чтобы семья оставалась крепкой, брак был, по сути дела, обязателен для мужчин и женщин детородного возраста; в документах Генизы не найдется ни одного слова в пользу старых дев. Огромным экономическим и социальным преимуществом иудаизма перед исламом было то, что первый отвергал полигамию. Строго говоря, Пятикнижие ее не запрещало, однако притчи 31:10-31 высказываются в пользу моногамии, и это было правилом со времен после изгнания; начиная с эпохи рабби Гершома (960—1028) бигамия и полигамия карались у европейских евреев отлучением. Бигамия вела к отлучению и в Египте, хотя в случае принудительной женитьбы (например, на вдове брата) Маймонид допускал двоеженство, при условии одинакового отношения к обеим супругам: «одну ночь – с одной, другую – с другой». Мужчина считался взрослым с 13 лет, когда он мог учитываться в составе кворума для службы и надевать филактерии. С начала XIII века этот момент стал отмечаться *бар-мицвой*, что означало – отныне он обязан повиноваться Заповедям. Затем его старались поскорее женить; Маймонид, женившийся, когда ему было за тридцать, был крайне нетипичным явлением.

Брак представлял собой социальный и деловой договор, целью которого было укрепление сплоченности общества; поэтому соответствующий контракт, или кетубба, зачитывался на церемонии бракосочетания, а затем подписывался подобно договору о партнерстве, дабы избежать в дальнейшем споров, особенно при разводе. Вот образчик караитского брачного контракта, подписанного 26 января 1028 года:

«Я, Езекия, жених, буду обеспечивать ее одеждой, крышей и пищей, удовлетворять все ее потребности и желания в соответствии с моими способностями и возможностями. Я буду

относиться к ней правдиво и искренне, с любовью и вниманием, не буду ни печалить, ни притеснять ее и буду делать так, чтобы она была удовлетворена пищей, одеждой и супружескими услугами в той мере, как это принято у евреев... Сарна, невеста, слышала слова Езекии и согласилась выйти за него замуж и быть его женой и спутницей в чистоте, святости и богобоязни, прислушиваться к его словам, чтить и ценить его, быть его помощницей и делать в его доме то, что положено добродетельной еврейке, относиться к нему с любовью и уважением, подчиняться ему и желать его».

Библия говорит: «Господь... гневается на вероломство» (т. е. развод), однако составным элементом, обеспечивающим крепость большой, расширенной семьи (в противовес малой, нуклеарной), было легкое расторжение брака в случае правильно составленного контракта. Источники из Генизы свидетельствуют, что до второй половины XX века развод был более обычным явлением в египетских, чем в европейских или американских еврейских семьях. В случае развода Мишна была благожелательнее к мужу, чем к жене: «Жена может быть разведена независимо от ее согласия, муж же – только в том случае, если этого пожелает». С еврейскими женщинами в мусульманских афро-азиатских странах считались меньше, чем в христианской Европе, однако документы из Генизы показывают, что их реальные возможности превышали формальные права. В случае побоев они могли обратиться в суд; случалось, впрочем, что мужу приходилось искать у суда защиты от жены. Из многих писем видно, что зачастую во время торговых поездок мужа за рубеж жена брала на себя его деловые обязанности дома. Нередко можно было встретить женщин в роли посредников и маклеров. В одном из документов упоминается женщина по кличке «Маклер», которая возглавляла некую деловую компанию, была изгнана из синагоги, но фигурировала в подписном списке и умерла богатой.

Женщины играли также определенную роль в системе образования, которая цементировала еврейский мир. У них были свои чисто женские классы – как правило, со слепыми преподавателями. Нередки были женщины и среди проповедников Библии. Женщина могла и возглавлять школу, хотя это было уже редкостью. В основном вопросами образования ведали мужчины с одобрения общины. Формально город у евреев отличался от деревни тем, что в нем было не менее десяти *батланим*, «людей, которые не работают», отказавшихся от возможности личного заработка в обмен на учебу за счет общины. В конце XI века таких людей было 29 в Фустате, 14 – в Каире; в их число входил *раис*, или глава евреев (при фатимидах), *раббену* (начальник) – главный богослов и религиозный глава, два судьи, пять богословов из *ешивы*, три *рава*, или начальника, шесть капторов, один учитель и пять сторожей.

Комплекс «школа – синагога» был центром, вокруг которого группировалась община. Каир и Фустат считались местом распущенным, расточительным. Маймонид, который терпеть не мог музыки, неодобрительно относился к пению *пийютим* во время богослужения; людям, однако, это нравилось, и он решил не причинять им чрезмерного огорчения своим запретом. Его сын Авраам считал предосудительным пользоваться в синагоге подушками, однако не пошел против воли общины. Даже в ленивом Фустате каждый день происходило три богослужения, а по субботам – четыре. Суббота и ограничения на пищу соблюдались очень строго. Эта строгость была причиной постоянного, хотя, как правило, неучтенного, оттока населения в другие общины; в то же время именно дисциплина была источником сплоченности и национальной гордости евреев. Само слово «суббота» (по-еврейски – *шабат*) означает «прекратить». В этот день была запрещена всякая работа; Книга Исхода особо запрещает разжигание огня, а Мишна перечисляет тридцать девять связанных с этим трудовых операций. Провозглашаемый Устным Законом принцип «изгороди вокруг закона», призванной предотвратить даже случайное его нарушение, распространял запреты еще дальше. Так, поскольку нельзя было ломать ветки для разведения костра, вам запрещалось и ездить на лошади, даже на чужой (принадлежащие вам лично животные тоже должны отдыхать в субботу), поскольку вы можете пожелать сломать ветку, чтобы погонять ее. Поскольку в Книге Пророка Иеремии (17:21) запрещено

носить по субботам ношу, Мишна посвящает целых две главы количественным ограничениям, причем подробно обсуждается разница между частным владением, где все-таки можно кое-что носить, и общественным местом. Поскольку в Книге Исхода (16:29) людям запрещается «выходить от места своего в седьмой день», имеется огромное количество комментариев относительно прогулок.

За соблюдением этих запретов наблюдали оплачиваемые общественные служащие. Еще более важную роль они играли в вопросах питания. Поскольку пища была элементом религии, в частности того, что связано с причастием, ее источником должны являться только разрешенные виды животных, а убой должен сопровождаться благословением. Сам убой должен производиться по установленной форме. У животных и птиц пищевод и трахея должны перерезаться ножом, которым предварительно трижды проводят по пальцу и трижды – по ногтю, чтобы убедиться, что он достаточно острый и неоскверненный. После убоя мясо обследуется на предмет признаков заболеваний (особенно легкие), после чего удаляются кровеносные сосуды, а также жир (запрещенный к употреблению) и сухожилия задней части. *Шохет*, официальный убойщик, назначался раввинами, причем, как показывает письмо, найденное в Генизе, его экзаменовали по трем позициям: религиозности, хорошему поведению и учености – хороший пример того, как (по наблюдениям Гойтейна) еврейские ремесла поднимались до академических высот. После того как он заканчивал свою работу, удалив из туши всю кровь без остатка, охрана следила, чтобы к туше никто не прикасался до полной готовности к приготовлению пищи, причем тушу полчаса вымачивали в воде, солили и оставляли еще на час – чтобы гарантировать полное отсутствие крови. Охрана следила также за процессом дойки и приготовления сыра в строгом соответствии с правилами. Чтобы яйцо было кошерным, оно не должно быть испачкано кровью, один конец должен быть тупым, другой – заостренным, а желток должен быть со всех сторон окружен белком. Поскольку Библия запрещала погружать ребенка в молоко матери, толкователи Библии трактовали это как запрет на совместное употребление в пищу мясных и молочных продуктов, если только они не находятся в пропорции более 60:1. В свою очередь это породило два вида связанных между собой вариантов приготовления и сервировки блюд.

Общинный убой скота помогал сплочению еврейского прихода. Более того, хотя бедняку приходилось строго соблюдать диетические правила, он знал, что никогда не останется без еды, поскольку каждую пятницу он мог получить достаточно денег (или их эквивалент), чтобы 14 раз накормить свою семью. Со времен Храма основой благотворительности в еврейской общине была *купта* – ящик для сбора денег. Маймонид говорил: «Мы никогда не видели и не слышали о такой еврейской общине, где бы не было *купты*». При каждой *купте* состояли три уважаемых доверенных лица, причем, так как, согласно еврейским законам, благотворительность была обязательной, они имели право конфискации у уклоняющихся. Существовали несколько разновидностей благотворительных фондов, у каждого из которых была своя администрация; они специализировались на одежде, на школах для бедных, на приданом для бедных девушек, на пасхальной еде и вине для бедных, сирот, престарелых и больных, на похоронах бедных, узников и беженцев. Принцип «от каждого по способностям, каждому – по потребностям» был в ходу у евреев еще до Рождества Христова и всегда проводился в жизнь, даже в самые трудные для общин времена. Платежеспособный еврей, поселившийся в общине, должен был сделать свой взнос в *купту* через месяц, в фонд общественного питания – через три месяца, в одежный фонд – через шесть и в похоронный – через девять. Помощь бедным была способом выражения благодарности Богу, своего рода заменой былым храмовым пожертвованиям; благочестивые евреи старались жертвовать больше обязательного минимума, и длинные списки таких жертвователей вывешивались обычно в синагоге в Фустате для сведения Бога и людей. Евреи терпеть не могли зависеть от благотворительности. Они цитировали Библию: «Ты должен помогать бедным по нуждам их», но добавляли: «Ты не обязан делать их богатыми». Библия, Мишна, Талмуд и комментарии к ним были полны призывов к труду, дабы обеспечить независимое существование. Вознося хвалу Богу после еды, евреи

провозглашали: «Молим тебя, Господь отцов наших, сделать так, чтобы мы не нуждались в даровой плоти и крови... чтобы мы зависели лишь от Твоей руки, полной, открытой, святой и обильной, чтобы не было нам стыдно». Мудрецы требовали: «Освежуй тушу на базарной площади, если необходимо, получи свою плату и не говори, что ты столь велик, что подобные вещи ниже твоего достоинства».

Тем не менее документы Генизы, такие как списки жертвователей и получателей помощи, свидетельствуют, что на практике вспомоществования распределялись в больших масштабах. Во времена, когда Маймонид прибыл в Фустат (около 1150—1160 гг.), из 3300 местных евреев 500 кормились за счет общины, 130 семей существовали на пожертвования. В период 1140—1237 гг. в среднем приходился один реципиент на четверых доноров. Бедность была временами неистребима. Так, например, в 1201—1202 гг. голод и чума сократили население Фустата вдвое, оставляя вдов и сирот без средств к существованию. Документы Генизы показывают, что подлинной бедой для бедняков был подушный налог *джизия* – самая, пожалуй, тяжелая сторона жизни под мусульманской властью; он взимался неукоснительно и безжалостно, причем родственники несли ответственность за недоимщиков, а путешественники были обязаны предъявлять квитанции об уплате налогов, прежде чем уехать.

И всегда на заднем плане стоял призрак антисемитизма, который в документах Генизы называют словом *синут*, ненависть. Наиболее жестокие преследования происходили при фанатичном, если не сказать сумасшедшем, халифе Аль-Хакиме из династии Фатимидов в начале XI века; сначала они обрушились на христиан, а затем на евреев. Другим ревностным правителем был племянник Саладина Аль-Малик, провозгласивший себя халифом Йемена (1196—1201). Письмо, направленное из Йемена в августе 1198 года, рассказывает, как евреев собрали в зале приемов у правителя и заставили принять ислам: «И всем пришлось отступить от своей веры. Те же из благочестивых, кто [потом] отошел от ислама, были обезглавлены». С точки зрения положения евреев некоторые районы мусульманского мира могли считаться хуже других. Так, Марокко считался крайне фанатичным, Северная Сирия тоже. Зачастую в жизнь проводились специальные антиеврейские законы, чтобы выбить из еврейской общины побольше денежных средств. Относящийся к 1121 году документ из Генизы описывает порядки в Багдаде, в соответствии с которыми евреи были обязаны носить «два желтых знака, один на головном уборе, а другой на шее. Кроме того, каждый еврей должен был носить на шее свинцовую бирку весом 3 грамма с надписью *дхимми*, а также пояс на талии. Женщины должны были носить туфли разного цвета (одну – красную, другую – черную), а на шее или на туфлях – колокольчик... Чтобы надзирать за евреями, визирь назначал жестоких мусульман – мужчин, за евреями – жестоких мусульманок, которые преследовали свои жертвы проклятиями и оскорблениями... Мусульмане издевались над евреями, и толпа, особенно молодежь, била их повсюду на улицах Багдада».

В течение большей части этого периода Египет был относительно спокойным местом для евреев, хотя Александрия традиционно еще со времен эллинов была оплотом антисемитизма. Автор одного из писем, найденного в Генизе, рассказывает о всплеске антисемитизма после того, как один пожилой еврей был ложно обвинен в изнасиловании, и добавляет: «Антисемитизм постоянно принимает все новые формы, все в городе стремятся стать своего рода надзирателями за евреями и выражать свою к ним ненависть». Однако в Фустате и Каире, как показывают документы Генизы, евреи, христиане и мусульмане мирно жили бок о бок и были зачастую деловыми партнерами. Отсюда Гойтейн делает вывод, что антисемитизм не был характерен для Египта. Более того, при фатимидах пайюбидах Египет был пристанищем для беженцев еврейской и других национальностей со всего мира, спасавшихся здесь от преследований.

Однако, если отношение к евреям в условиях владычества ислама зависело от места и времени, то в Византии оно всегда было плохим. У западных христиан оно было терпимым вплоть до призывов к Первому крестовому походу в 1095 году; после этого положение евреев ухудшилось почти повсеместно. До того, при прочих равных условиях, евреи в

большинстве держав пользовались уважением. Они были лучшими горожанами, контролировали полезные торговые сети, обладали дефицитными специальностями, быстро богатели и легко поддавались налогообложению. При Каролингах они процветали. Император Людовик Благочестивый около 825 года даровал им ряд хартий, способствовавших развитию их поселений в его владениях. Письма Агобарда из Лиона показывают, что они не просто пользовались императорским покровительством; им позволялось строить синагоги. Периодически, правда, случались неприятности: преследования во Франции в 1007 году, насильственное крещение в Майнце в 1012 году. Но в целом еврейские общины жили неплохо и расширялись, особенно в бассейне Рейна и после 1066 года от Нижнего Рейна в сторону Англии. В 1084 году епископ Шнайера дал им хартию привилегий, включавшую, в частности, право возводить стену вокруг своего квартала в городе – как стимул, чтобы селиться в нем. В 1090 году император Генрих IV подтвердил эту хартию и даровал новую в Вормсе.

Тем не менее, в официальном отношении к евреям наблюдалось постепенно растущее неприятие. Все шло к тому, что светские владыки начинали считать евреев своей личной собственностью, которой можно распоряжаться как угодно: можно изъять у них доходы, а в случае необходимости, и отнять капитал. Духовные владыки в качестве городской власти были в состоянии оценить экономическую важность присутствия евреев в их городах, но в качестве же церковников они питали к евреям чувство ненависти. Папа Григорий Великий (правивший с 590 по 604 год) защищал евреев в Риме; однако в то же самое время он создал идеологию христианского антииудаизма, которая в дальнейшем привела к физическому насилию над евреями. Он утверждал, что евреи вовсе не глухи к догматам христианства. Они знают, что Иисус был Мессией и Сыном Божьим. Но они отвергли Его и продолжают отвергать, поскольку сердца их развращены. И так было всегда, и свидетельства тому – в Библии, которую они сами написали. В этом, разумеется, состояла ужасная проблема для евреев. Одним из их ключевых дарований было критическое начало. Оно всегда было им присуще. Именно оно было источником их рациональности, одним из факторов, которые в первую очередь привели их к монотеизму, поскольку критический дух не мог позволить им воспринять глупости политеизма. Но они были не только критичны; прежде всего их, пожалуй, характеризовала самокритичность. И они были, по крайней мере в древности, первоклассными историками. Они видели правду о себе, иногда безобразную, и излагали ее в Библии. В то время, как другие народы создавали свой национальный эпос с целью возвыситься в глазах окружающих и в собственных, евреи старались понять, что шло не так в их истории, а что шло правильно. Вот почему в Библии встречается много мест, где евреи выведены как грешники, зачастую слишком безнравственные или упрямые, чтобы принять закон Божий, – хотя он и был им известен. Фактически тем самым евреи свидетельствовали против самих себя и давали повод для собственного преследования.

Как правило, апологеты христианства не считали, что евреи заслуживают наказания за преступления своих предков, казнивших Христа. Они подходили к вопросу с другой стороны. Евреи – современники Иисуса – были свидетелями его чудес и исполнения его пророчеств; тем не менее, они отказались признать его, поскольку он был бедным и смиренным. В этом состоял их грех. Однако и каждое последующее поколение евреев грешило тем же упрямством. Они постоянно стремились скрыть правду, исказить ее, замалчивать имеющиеся свидетельства. Св. Иероним обвинял их в том, что они вымарывали из пророчеств все, что связано с Троицей. По утверждению Св. Юстиниана, они убрали соответствующие намеки из пророчеств Ездры и Неемии. Старые раввины, составлявшие Талмуд, знали правду и даже внесли ее в текст в зашифрованном виде – вот одна из причин, почему христиане пытались опираться на него в диспутах. Даже еврейский историк, Иосиф Флавий, написал правду о Христе (на самом деле это была явная вставка, сделанная позднее, когда манускрипты переписывались под контролем христиан), однако евреи ее игнорировали. И не по неведению, а по злому умыслу. Вот как звучит комментарий Джеральда Уэльского, историка XII века:

«Они не принимают даже свидетельство о Христе собственного историка, книги которого у них имеются на еврейском языке и почитаются подлинными. Однако магистр Роберт, приор Св. Фрайдсуайда в Оксфорде, которого мы видели и почитаем достойным доверия старцем... знал иврит и был сведущ в рукописях. Он разослал людей в различные города и поселения Англии, где проживают евреи, и оттуда были доставлены многие писания Иосифа на еврейском языке... В двух из них он обнаружил свидетельства того, что там были ранее сделаны пространные записи касательно Христа, но затем уже в недавнее время выскоблены; в других же подчистка была сделана раньше, так, как будто ее и не бывало. И когда это было показано евреям из Оксфорда, призванным для этой цели, то они были уличены и смущены этим злостным мошенничеством и вероломством в отношении Христа».

Трагедия этой новой системы христианских аргументов состояла в том, что она вела к новому витку антисемитизма. Тот факт, что евреи якобы *знали* правду о христианстве, но отвергали ее, казался столь невероятным, что подобное поведение вряд ли можно было считать почеловечески разумным. Отсюда легко делался вывод, что евреи вообще отличаются от нормальных людей, что подтверждалось их специфическими законами касательно пищи и ее приготовления, убоя скота и обрезания. Имели хождение слухи, что евреи прячут хвосты, страдают геморроем и имеют специфический запах, причем все это мгновенно исчезает, стоит их окрестить. Это, в свою очередь, вело к слухам, что евреи поклоняются дьяволу (что прекрасно все объясняет) и общаются с ним на тайных и порочных церемониях.

Подобные антиеврейские настроения накапливались и накапливались. В 1095 году после выдвинутого в Клермон-Ферране призыва начался Первый крестовый поход. Волна страстей была спровоцирована бесчисленными историями насчет притеснения христиан в Святой Земле. Разумеется, главные обвинения при этом адресовались мусульманам; однако евреи зачастую фигурировали в качестве гнусных предателей-пособников. Это была эпоха христианского фундаментализма, породившая реформу папства и ригористские ордена вроде цистерцианцев. Многие верили, что вот-вот грядет конец света и второе пришествие. Люди стремились заслужить Божью милость и немедленное отпущение грехов. Скопление большого количества вооруженных людей на северо-западе Европы создавало благоприятную возможность для всякого рода антиобщественного поведения и нарушения законов. Люди распродавали свое имущество, чтобы иметь возможность участвовать в походе. Или занимали на это деньги, причем рассчитывали на прощение долгов. При этом положение евреев, одной из немногих групп населения, располагавших обратными наличными средствами, было весьма уязвимым. Правда, даже самые пылкие крестоносцы обычно не набрасывались на своих соседей-евреев, которых знали как обычных людей. Зато на марше они всегда были готовы грабить евреев в городах, через которые пролегал их путь. Обуянные жаждой легкой наживы, к ним иногда присоединялись местные жители. Власти, захваченные врасплох, теряли контроль над ситуацией.

В нашем распоряжении имеется рассказ еврейского летописца XII столетия рабби Соломона бен Самсона. По его словам, массовые убийства евреев начались во Франции в Руане, а затем весной 1096 года распространились на города Рейнской области. Стоило собраться воинству крестоносцев, которое было ничем не лучше толпы, как все еврейские общины, расположенные на его пути, оказывались под угрозой. Епископ Шнайера быстро силой пресек бунт, повесив его главарей: «Ибо он был праведным человеком среди неевреев, и Вездесущий через него осуществил наше избавление». Так же поступил архиепископ Кельна. Однако архиепископу Майнца пришлось спасать свою жизнь бегством. Евреи попытались оказать сопротивление, но оно было подавлено. Мужчин частично перебили, частично насильно крестили. Дети были убиты, чтобы их не сделали христианами; женщины же, которых согнали в замок архиепископа, совершили массовое самоубийство. Всего погибло около 1000 человек. Погибли древние, богатые и многочисленные еврейские общины Рейнской области, причем у большинства евреев был один выбор: казнь или купель.

Часть их, насмерть перепуганная внезапной и необъяснимой ненавистью соседей-горожан, разбежалась, убедившись на своем опыте, что хартии с их привилегиями годятся только на то, чтобы «их пергаментом закупоривать кувшины».

Антисемитская идеология и фольклор, послужившие детонатором взрыва бунтов времен Первого крестового похода, стали фундаментом, на котором впоследствии возникла целая система враждебных мифов и слухов. В 1144 году в городе Норидж, расположенном в Восточной Англии, бывшей тогда самым богатым и населенным районом страны, произошел зловещий инцидент. Надо сказать, что в англосаксонской Англии евреев было совсем немного. Они появились здесь вместе с фламандскими иммигрантами на волне вторжения Вильгельма Завоевателя. Половина их осела в Лондоне, а остальные сформировали еврейские общины в Йорке, Винчестере, Линкольне, Кентербери, Нортхэмптоне и Оксфорде. Еврейских кварталов там не возникало, но обычно появлялись две еврейские улицы, одна для состоятельных евреев, другая – для бедноты; так, в Оксфорде, около церкви Св. Олдойтс, возникла Большая Еврейская улица (Грэйт-Джуэри-стрит) и Малый Еврейский переулок (Литл-Джуэри-лейн). Евреи строили себе хорошие дома, часто каменные из соображений безопасности. В Линкольне до настоящего времени уцелели два еврейских дома XII века (один, возможно, служил синагогой); они относятся к наиболее старым постройкам в Англии. В Норидже, где осели евреи из Рейнской области, община была совсем небольшой, не более 200 человек; да и вообще все еврейское население в Англии не превышало 5000 человек. Жизнь этой общины была подробно исследована В. Д. Липманом. В Норидже евреи жили вблизи рынка и замка (для безопасности), причем вперемешку с христианами. В основном они занимались ростовщичеством под залог земли и ренты, держали ломбард. Среди английских евреев были и врачи. Как и в некоторых других городах из семнадцати, где в Англии селились евреи, среди евреев Нориджа выделялась одна особо состоятельная семья – Джернетов. Ее историю можно было проследить в течение пяти поколений. У них были деловые партнеры в Лондоне; они путешествовали, вели дела в национальном масштабе и имели в своем распоряжении весьма крупные суммы денег. Их большой каменный дом на Кинг-стрит стоял особняком от других еврейских домов. Они оказывали покровительство ряду богословов-талмудистов, а некоторые из них и сами были богословами.

В 1144 году эта маленькая община стала мишенью ужасных обвинений. 20 марта, вскоре после христианской и еврейской Пасхи, пропал мальчик по имени Уильям, сын состоятельного фермера и ученик кожевника. Последний раз его видели входящим в дом евреев. Двумя днями позже, в среду пасхальной недели, его тело было найдено к востоку от города в Торнском лесу, «одетым в куртку и башмаки, причем голова была выбрита и пробита во многих местах». Сведения о подробностях этого события мы черпаем в основном из книги «Жизнь и чудеса Св. Уильямса из Нориджа», составленной вскоре Томасом Монмутским, монахом местного монастыря. Согласно Томасу, мать мальчика Эльвира и местный священник по имени Годвин обвинили евреев Нориджа в убийстве, имитировавшем крестные муки Христа. Позднее служанки (христианки), работавшие в еврейском доме, сказали, что мальчика схватили по окончании службы в синагоге, заткнули ему рот, связали веревкой, проббили голову шипами, после чего привязали его в позе распятого, прибав гвоздями левую руку и ногу, ранили в бок и ошпарили тело кипятком; они утверждали, что видели все это через щель в двери. Группа евреев была обвинена духовным судом в святотатстве, однако местный шериф объявил, что они подданные короля, отказался представить их суду и спрятал в нориджском замке.

В этот момент стали происходить первые чудеса, связанные с телом мальчика. Первоначально местные церковные власти подобно светским неодобрительно относились ко всей этой истории. Но через два года епископом Нориджа был назначен монах из тех, кто ее поддерживал, причем важно отметить, что день его избрания совпал с антиеврейской демонстрацией. В том же году Элеазир, местный еврей-ростовщик, был убит слугами некоего сэра Мисона де Новера, который был его должником. Постепенно легенда стала

разрастаться. Ритуальное убийство лже-Христа на Пасху прекрасно соединилось с официальной точкой зрения, согласно которой евреи знали правду о Христе, но отвергали ее. Затем обратили внимание на то, что день, когда было раскрыто убийство, 22 марта, был вторым днем еврейской пасхи. А евреи, как хорошо известно, готовят на пасху специальный пресный хлеб, мацу. Согласно одной из антисемитских легенд, все евреи страдают от геморроя с того самого момента, как они кричали Пилату: «Кровь его будет на нас и наших детях!» Их мудрецы сказали им, что исцелиться они могут лишь кровью Христовой, то есть принятием христианства, но они якобы восприняли этот совет буквально. И вот, чтобы получить кровь, необходимую для приготовления целебной мацы, им нужно каждый год убивать по человеку, заменяющему собой Христа. Некий Теобальд, выкрест из Кембриджа, связал эту басню с убийством Уильяма и заявил, что конгресс евреев в Испании выбирает каждый год по жребию очередной город, где должно произойти ритуальное убийство, а в 1144 году жребий пал на Норидж. Вот так из одного преступления возникли сразу два обвинения в адрес евреев, разных, но связанных: обвинение в ритуальном убийстве и в колдовстве на крови.

Этот эпизод оказался весьма опасным для евреев, поскольку Уильям по самой ритуальной природе своей гибели приобретал часть святости Христа и способность творить чудеса. И последние не заставили себя ждать, причем каждое новое служило дополнительным подтверждением злокозненности евреев. Было принято решение о канонизации Уильяма, правда, не духовными властями Рима, а местной крикливой толпой. А поскольку обладание телом подобного святого приносит церкви ощутимую выгоду, привлекая паломников, дары и пожертвования, обвинения в ритуальном убийстве стали сопровождать чуть ли не каждую гибель ребенка при подозрительных обстоятельствах вблизи места проживания евреев: в 1168 году в Глосестере, в 1181 году в Сент-Эдмунсбери и в 1183 году в Бристоле. Призывы к новому крестовому походу всегда подбрасывали дров в костер антисемитизма. Третий Крестовый поход, начавшийся в 1189—1190 гг., в котором Англия играла особую роль благодаря тому, что его возглавлял Ричард Львиное Сердце, подстегнул ярость толпы, уже разогретой обвинениями в ритуальном убийстве. За нападением на лондонских евреев последовало нападение на делегацию богатых евреев, прибывшую на коронацию Ричарда в 1189 году. На следующий год по мере приближения Пасхи погромы участились; самый серьезный произошел в Йорке, где богатая еврейская община была перебита, несмотря на попытки людей спастись в замке. Разумеется, не был обойден вниманием и Норидж. Как рассказывает летописец, «многие из спешивших в Иерусалим решили сначала разделаться с евреями... И 6 февраля все евреи Нориджа, кого удалось застать дома, были перебиты; лишь некоторым удалось спастись в замке».

Это был еще один этап разрушения еврейства в «латинском» мире. Рост организованной ереси в XII столетии привел к тому, что все более авторитарное и стремящееся к удержанию власти любой ценой папство стало с подозрением относиться к любой неортодоксальной форме религиозной деятельности, причем не в последнюю очередь — к иудаизму. Крупнейший «централизатор» средневековья Иннокентий III (папа в 1198—1216 гг.) издал на IV верховном соборе (1216) ряд антиеврейских декретов и санкционировал создание двух монашеских орденов, доминиканского и францисканского, которые были особо нацелены на укрепление ортодоксальной веры в городах. Специальной задачей доминиканцев было искоренение ереси путем расследования сомнительных занятий; они должны были допрашивать и подвергать испытанию подозреваемых и передавать светской власти для наказания тех, кто признавался виновным.

В качестве еще одного проявления христологии Иннокентий инициировал новый культ — культ причастия. Это, в свою очередь, способствовало формированию еще одного слоя антисемитизма. В 1243 году, вблизи Берлина, евреев обвинили в том, что они похищали освященные просфоры и использовали в своих недостойных целях. Эта история тоже не противоречила точке зрения христиан, что евреи знали истину, но боролись против нее. Разумеется, они верили, что просфора есть тело Христово; именно поэтому они воровали ее

и подвергали пыткам, имитируя страдания Христа, подобно тому, как они похищали христианских мальчиков и убивали их в своих дьявольских ритуалах. Как и во всех вымышленных заговорах, за первым воображаемым шагом с неумолимой логикой следуют дальнейшие. После 1243 года истории с похищением просфор стали случаться по всей католической Европе. Согласно судебным материалам, люди узнавали об этом по чудесам, которые в агонии являли подвергаемые пыткам просфоры: они взлетали в воздух, провоцировали землетрясения, превращались в бабочек, исцелявших калек, вызывали появление ангелов и голубей; чаще же всего они стонали от боли и плакали как дети.

Надо сказать, что разумного подтверждения всех этих наветов не было представлено ни разу. Некоторые из обвинений были результатом искреннего заблуждения. Например, в 1230 году в Норидже евреев обвинили в насильственном обрезании пятилетнего мальчика. Когда дело в конце концов попало в суд в 1234 году, евреев подвергли заключению и штрафу; это решение спровоцировало яростное нападение на евреев со стороны жителей города в следующем году. В связи с этим же делом несколько евреев были повешены в 1240 году. Наиболее вероятное объяснение сводится к тому, что еврейская семья занималась перевоспитанием сына еврея-выкреста. Большая же часть обвинений против евреев носила вымышленный характер; поэтому серьезное расследование в духовном суде всегда реабилитировало еврейскую общину.

Разумеется, все эти наветы следует рассматривать с учетом ростовщической деятельности евреев, которая влияла на жизнь широкого социального спектра людей. Имеются свидетельства того, что в XIII веке в Перпиньяне, что на юге Франции, сельские жители составляли 65% заемщиков, хотя сумма полученного ими кредита составляла всего 43% от общего количества; для горожан эти цифры составляли соответственно 30 и 41%; для рыцарей и вообще «благородного» сословия – 2 и 9%; для духовных лиц – 1 и 5%. В Англии наблюдалась примерно такая же картина. Крупные религиозные организации и знать пользовались услугами евреев, но в меньшей степени. Самым крупным заемщиком в обеих странах было нуждающееся сельское дворянство – этот класс с наибольшей вероятностью вовлекался в волну антисемитской деятельности. Помещик с именем и престижем, но без денег, который вот-вот потеряет свою землю, – самая подходящая фигура для возбуждения толпы. Вся история учит, что ростовщичество в деревне – потенциальный источник неприятностей. Из одного еврейского контракта, заключенного в XIII веке в Англии по случаю помолвки, можно почерпнуть сведения о том, что типичный доход от предоставления денежной ссуды составлял не менее 12,5% в год. Цифра не особенно большая по средневековым стандартам. К сожалению, как указывает Липман, у кредиторов были достаточно сложные взаимоотношения, когда в пределах синдиката существовали взаимные долги. К тому же эта деятельность дополнительно осложнялась еврейскими и христианскими правилами и стремлениями ускользнуть от соблюдения тех и других. В конце концов все шло к росту кредитной ставки, которую предстояло оплачивать заемщику; законодательное же регулирование вопроса становилось настолько сложным, что обвинение в грабеже почти неизбежно возникало при обсуждении спорных проблем. Разбираться в них приходилось как еврейским, так и христианским судам. В итоге возникали ситуации типа: «Иуда, еврей из Бристоля, должен две унции золота за рассмотрение собранием евреев вопроса, следует ли еврею брать ростовщический процент с еврея». Упомянутый выше Авраам бен Иисус из Йорка говорил, обращаясь к еврейским судьям, что «еврей может брать ростовщический процент из рук христианина; если же тому что-либо покажется несправедливым, то пусть он идет к своим законникам и там ищет правды, поскольку такого рода юридические вопросы не могут быть решены где-либо еще». Подобную логику мог еще понять городской торговец, но уж никак не грубый мелкопоместный рыцарь.

Теоретически (а зачастую и практически) короли могли получать большой доход от многочисленной и деятельной еврейской общины. В Англии XII века анжуйские короли, вне сомнения, неплохо кормились за счет богатых евреев-ростовщиков. Существовало специальное еврейское казначейство, у которого имелись филиалы в каждом городе с

еврейской общиной. В каждом филиале работали два еврея и два христианина, которые вели учет долговым распискам. Во главе ведомства стояли один еврейский и несколько христианских судей, а также раввин в роли советника. Фактически король получал свою долю от всех сделок, которые заключались с участием евреев, а потому ему требовалось знать, кто какому еврею был должен и сколько. Когда Аарон из Линкольна, самый удачливый еврей-финансист в средневековой Англии, скончался в 1186 году, была учреждена специальная казна для того, чтобы распорядиться его состоянием. По иронии судьбы, которая нет-нет, да и мелькнет в еврейской истории, Аарон финансировал программу существенного расширения ультраортодоксального цестерцианского ордена, ссудив ему колоссальную по тем временам сумму в 6400 марок под закладные. Король унаследовал его долги, хотя частично они были перепроданы его сыну Элиасу.

Если бы подобные удачи выпадали почаще, английские короли наверняка постарались бы продлить существование еврейских общин. Но история с наследством Аарона предшествовала страшным взрывам антисемитизма в 90-х годах XII века, которые уничтожили общины в Йорке и других местах. Вслед за этим английским евреям становилось все труднее зарабатывать деньги. Ситуация усугубилась с антиеврейским постановлением, которое было принято Высшим церковным советом в 1215 году. В Англии архиепископ кентерберийский Стефен Лэнгтон, один из создателей Великой хартии вольностей, которая, кстати, имела определенную антиеврейскую направленность, попытался организовать бойкот еврейского бизнеса. В итоге деловая активность английских евреев на протяжении XIII столетия постепенно приходит в упадок. Аарон из Йорка, который сообщил летописцу, что им было передано королю свыше 30 000 марок, умер в 1268 году в нищете.

При Эдуарде I, бывшем крестоносце и грозе кельтов, который отличался неутолимой жадностью к наличности, этот упадок ускорился. В какой-то степени их роль как ростовщиков, кредитующих великих мира сего, взяли на себя рыцари-храмовники из Иерусалима и их европейские коллеги, явившиеся первыми настоящими христианами-банкирами. Евреи были вытеснены в мелкий ссудный бизнес, стали держать меняльные конторы и ломбарды. С точки зрения Эдуарда систематическая «дойка» евреев была недостаточно прибыльна, и у него появился соблазн перебить их, а деньги разом конфисковать. В 1275 году он провел антиеврейский закон, который объявлял незаконными ссуды под процент; позднее это преступление стали связывать с еще более серьезным – с богохульством. В 1278 году по стране было арестовано несколько групп евреев. Многих посадили в лондонский Тауэр. Как утверждает один летописец, 300 человек были повешены. Их собственность перешла к короне, и реализованная сумма подвигла Эдуарда на дальнейшие действия. Следующим шагом было обвинение евреев в чеканке фальшивых монет, по которому в Норидже повесили двенадцать человек. И, наконец, в конце 80-х годов Эдуард обнаружил, что ему необходима крупная сумма наличными, чтобы выкупить своего двоюродного брата Карла Салернского. Для этого он конфисковал собственность гасконских евреев, которых окончательно выслав в 1289 году. На следующий год под флагом законной борьбы с ростовщицеством он вышвырнул их и из Англии, захватив все принадлежащие им активы. У самого богатого еврея из Нориджа удалось изъять 300 фунтов, у евреев из одиннадцати городов – 9100, в том числе у одиннадцати семей – около 6000. Добыча разочаровывала, однако следует иметь в виду, что к этому моменту еврейская община сократилась вдвое, т. е. выслав можно было всего 2500 человек.

К этому времени средневековые христианские правители оказались лицом к лицу с «еврейской проблемой», средством «окончательного решения» которой была высылка. Метод был уже опробован ранее: в Рейнской области в 1012 году, во Франции в 1182 году и в Верхней Баварии в 1276 году. В Англии средство более или менее срабатывало, в силу обособленности острова; в континентальной же Европе с тысячами беспорядочных феодальных владений высылку было трудно осуществить на практике. Тем не менее, правительства находились под постоянным идеологическим давлением, направленным на

принятие антиеврейских мер.

В своих святейших буллах Иннокентий III утверждал, что евреи, бессовестно используя власть денег, нарушили естественный порядок вещей, и свободный христианин оказался слугой бывшего раба-еврея, так что долг власти восстановить былой порядок, ограничив права евреев. Что власть и попыталась осуществить. Начиная с XII века евреи стали менее необходимы знати. Христиане переняли их умение торговать и работать с финансами. Это столетие было примечательно основанием новых городов, но большой необходимости в евреях как в новых горожанах не было – эту роль вполне могли играть христиане. Поэтому городские власти стали относиться менее благосклонно к их присутствию, которое (благодаря обвинениям в кровопролитии и ритуальных убийствах) стало постоянным поводом для бунта. Кроме того, они, причем совершенно искренне, стали опасаться вклада евреев в распространение возмущающих идей. В позднем средневековье ересь часто связывалась с радикализмом. У еретиков случались контакты с учеными евреями, которые обсуждали с ними рукописные тексты и снабжали литературой. У евреев всегда были книги, в том числе зачастую те, что считались у властей подрывными. В случае ареста евреи старались выкупить свои книги, словно рабов. Когда в 1190 году была истреблена йоркская община, они ухитрились переправить свои книги в Кельн, чтобы продать местным евреям.

Теоретически евреям было запрещено поступать в университеты, причем как христианскими, так и собственными законами. Но они селились и в университетских городах. Студенты обычно платили дань антисемитизму. В Турине у них было право по первой пороше забрасывать евреев снежками до тех пор, пока они не заплатят выкуп (25 дукатов). В Мантуе «штраф» состоял из сладостей и писчей бумаги, в Падуе – из жирного каплуна. В Пизе на празднике Св. Екатерины студенты сажали на весы самого толстого еврея, какого только могли отыскать, и взымали с общины «штраф» сладостями в размере его веса. В Болонье евреи должны были организовать студентам банкет. В обязанности евреев входило обеспечение медицинских учебных заведений трупами (или откуп деньгами); иногда при этом осквернялись еврейские кладбища. Все это показывает, что по сути евреи были пусть непопулярной, но все-таки частью университетской общины. Нередко они учились там. В 1300 году Якоб бен Машир стал деканом медицинского училища в Монпелье. В начале XIV века магистр Элиас Сабор преподавал медицину в Павии (и был однажды вызван в Англию, чтобы лечить захворавшего Генриха IV). В университетских городках всего христианского мира видное место занимали крещеные евреи. Иногда, как мы увидим, они становились сущим наказанием для своих бывших единоверцев; но чаще, особенно если их обращали силой, они становились критическим, вопрошающим, беспокойным элементом в составе интеллигенции. Церковь не сильно ошибалась, говоря о еврейском влиянии на движение альбигойцев или гуситов в Богемии XV века. Евреи сыграли очень активную роль в двух силах, которые в конце концов нарушили монопольное положение церкви: в Возрождении и Реформации. Они играли роль дрожжей, вызывающих брожение. Обычные обвинения, которые в Средние века адресовались евреям, были все без исключения вымыслом. Однако обвинение в том, что они играют интеллектуальную подрывную роль, имело под собой определенное основание. Еврейский писатель из Вены Якоб Вассерман так писал об этом в своей знаменитой автобиографии *Mein Weg als Deutscher und Jude* («Мой путь немца и еврея»):

«К сожалению, нельзя оспорить тот факт, что обвинения со стороны преследователей, будь то поощряемые агенты или добровольцы, были частично обоснованы. В каждом случае борьбы с традиционными верованиями, во время каждого волнения или социального всплеска евреи были и остаются в первых рядах. Если мы слышим безапелляционные требования чистки или переустройства власти, которые с бешеным усердием пытаются претворить в жизнь, можно не сомневаться, что во главе движения – евреи».

Средневековое католическое государство не позволяло евреям роскоши лидерства, но и не могло полностью лишиться их роли ментора. В итоге во второй половине Средних веков деятели церкви изобрели средства противостоять тому, что они считали еврейской

подрывной деятельностью. Ведущую роль в этом противостоянии играли монахи. В XIII веке в жизни университетов стали господствовать доминиканцы и францисканцы; они же захватили и ключевые епархии, контролировали все стороны жизни евреев в католических странах. Они придерживались точки зрения, что относительно терпимая позиция Св. Августина, сводившаяся к тому, чтобы сохранить евреев в качестве «свидетелей» и позволить им следовать своей вере, не имела более права на существование. И монахи хотели лишить евреев всяких прав. В 1236 году папу Григория IX вынудили осудить Талмуд, что явилось решительным (хотя и не совсем намеренным) уходом от терпимости Августина. Монахи не сразу стали антисемитами. У Св. Франциска не было враждебности к евреям; Св. Доминик, согласно свидетельствам, приведенным в процессе его канонизации, проявлял «любовь ко всем: богатым, бедным, евреям и неверным». Сначала монахи дискутировали на сугубо богословские темы и даже пытались опровергнуть обвинения евреев в ритуальных убийствах.

Однако постепенно монахи под влиянием городского окружения огрубели. Они проводили политику агрессивного обращения в свою веру по отношению и к заблудшим христианам, и к иноверцам, причем не в последнюю очередь – к евреям. Они устраивали в городах свои «миссии», где били в барабаны ортодоксального рвения и подогревали энтузиазм фундаментализма. Они стремились организовывать свои обители вблизи еврейского квартала, а то и вовсе на его территории, рассматривая их как центр, чтобы тревожить евреев. И евреи научились бояться их больше, чем любые другие христианские группы. Они видели в них воплощение начала, которым страдал Моисей во Второзаконии (32:21): «раздражу их не народом». И эта политика стала приводить к тому, что евреи либо обращались в новую веру, либо вытеснялись. В Англии именно францисканцы стояли за королевским указом, лишившим евреев права приобретать свободные участки земли в городе; возможно, им принадлежит и определенная «заслуга» в изгнании евреев. Вскоре они перешли к откровенному антисемитизму. В 1247 году два францисканца помогли распространению клеветнических слухов насчет использования евреями крови своих жертв в г. Валре, что привело к кровавому погрому. В 1288 году вслед за аналогичными слухами в г. Труа доминиканцы и францисканцы совместно спровоцировали избиение местных евреев.

Даже в Италии, где отношение к евреям было вполне терпимым и в позднем Средневековье, францисканцы играли губительную роль. Ранее муниципальные власти позволяли евреям открывать банки при условии соблюдения правил и в обмен на круглые суммы либо на ежегодный налог. Еврейскому бизнесу удавалось выживать, поскольку они давали ссуды под 15-20%, то есть под заметно меньший процент, чем христиане. Францисканцы специализировались на городских и финансовых проблемах, и их особенно интересовало ссудное дело. Они внимательнейшим образом следили за евреями и безжалостно их преследовали в случае малейшего нарушения правил. Францисканцы проповедовали любовь, но это не относилось к евреям как народу. Монах Бернардино Сиенский так формулировал эту проблему: «С точки зрения абстрактной и всеобщей любви нам позволительно их любить. Однако конкретной любви к ним быть не может». Францисканцы организовывали бойкот и учреждали так называемые фонды благочестия, чтобы подрывать деятельность евреев; после этого они могли бы организовывать шумную кампанию за их изгнание. Влияние некоторых антисемитов-францисканцев вроде Иоанна из Капистрано распространялось на огромной территории по обе стороны Альп; его проповеди на массовых собраниях на открытом воздухе часто приводили к погромам. Его последователь Бернардино де Флетр, францисканский проповедник в третьем поколении, провел в 1475 году в Тренте собрание, которое обвинило евреев в убийстве двухлетнего мальчика. В результате последовавших за этим беспорядков все местные евреи были арестованы, многих пытали и казнили, а оставшихся выслали.

С появлением в Европе чумы («черная смерть»), которая распространилась к северу от Средиземного моря, появилась новая разновидность обвинений, направленных против евреев. Причины этой напасти были непонятны, а ее необъяснимая способность нести гибель

людям (вымирало от четверти до половины населения) подталкивала людей к мысли, что это есть некая *pestis manufacta*, то есть болезнь, умышленно вызванная людской деятельностью. Расследование обычно сосредотачивалось на евреях, особенно после того, как испуганные люди признавались под пытками. В сентябре 1348 года в Шильонском замке на Женевском озере евреи признались, что чума была делом рук некоего Жана Савойского, которому раввины якобы приказали следующее: «Вот, смотри, я даю тебе пакет в полпяди размером, а в нем ядовитое зелье в узком зашитом кожаном мешочке. Ты должен разнести его по колодцам, источникам и емкостям для воды в окрестностях Венеции и других местах, куда отправишься». Этот вымысел распространился быстро, чему способствовали вырванные под пытками признания многих евреев. Например, во Фрейбурге один еврей так сообщил о мотивах преступления: «вы, христиане, перебили столько евреев... Кроме того, мы тоже хотим быть господами, вы правили достаточно долго». И повсюду евреев обвиняли в отравлении колодцев. 26 сентября 1248 года папа Клемент VI издал Авиньонскую буллу, где возражал против этого обвинения и приписывал его дьяволу: по его мнению, евреи страдали не меньше прочих людей. С аналогичными заявлениями выступили император Карл IV, арагонский король Петр IV и другие властители. Тем не менее, на 300 еврейских общин обрушилась волна антисемитизма, крупнейшая с 1096 года, особенно в Германии, Австрии, Франции и Испании. Согласно еврейским источникам, 6000 человек погибли в Майнце, 2000 – в Страсбурге. Карл IV посчитал возможным помиловать города, которые перебили своих евреев: «Прощение [даруется] за все проступки, при которых было совершено убийство и разрушение имущества евреев при условии, что это произошло без оповещения главных граждан, либо без их ведома, либо любым другим образом». Это помилование датировано 1350 годом, когда было уже общеизвестно, что евреи были невиновны. К сожалению, стоило антисемитизму только распространиться, как он крепко пускал корни; стоило в округе раз проявить насилие по отношению к евреям, как можно было ожидать его повторного проявления. «Черная смерть» создавала прецеденты повсюду, особенно в немецкоязычных странах.

В эпоху раннего Средневековья и даже в начале XIV века Испания была наиболее безопасной из католических стран для евреев. В течение длительного времени она была тем местом, где евреи и христиане могли вступить в дискуссию, но не в драку. Но не испанцам принадлежала идея того, чтобы христианские и еврейские богословы встречались, дабы обсуждать вопросы веры. Благодаря работе Хиама Маккоби мы лучше понимаем теперь запутанную историю этих дебатов. Толчком к началу публичных дискуссий в Париже в 1240 году послужил запрет, наложенный папой Григорием IX на Талмуд. В своем письме к европейским монархам он попросил их изъять все запрещенные книги в первую субботу Великого поста, «когда все евреи соберутся в синагогах», и поручить изъятые «попечению наших дорогих сыновей, монахов доминиканцев и францисканцев». Людовик IX, крестоносец и антисемит, оказался единственным монархом, принявшим участие в кампании, провозглашенной Григорием. Вообще говоря, конфронтация 1240 года была не столько дискуссией (Людовик как-то сказал, что лучший способ спорить с евреем – это проткнуть его мечом), сколько судом над Талмудом, причем прокурором выступал некий Николас Донин, сам из евреев, а ныне ревностный францисканец, который в первую очередь и подстрекал Григория развязать эту кампанию. С еврейской стороны выступал раввин Иехиль, который фактически играл роль свидетеля защиты, и «дискуссия» вылилась в его допрос. Поскольку Донин хорошо знал Талмуд, он был способен погонять равви по всем разделам Талмуда (а они составляют небольшую его часть), против которых христиане могли бы возражать; те, которые оскорбляют Христа (например, описывая, как он в аду тонет в кипящих экскрементах) или богохульствуют в адрес Бога-Отца (показывая, как он плачет или терпит поражение в споре), либо запрещают евреям родниться с христианами. Кстати, по последнему вопросу Иехиль сумел показать, что этой связи препятствовал именно христианский закон, хотя в глубине души, по правде говоря, большинство евреев относится к католикам как к варварам. Иехиль подчеркивал: «Мы продаем христианам скот, мы

поддерживаем с ними деловые партнерские отношения, мы позволяем себе оставаться с ними наедине, мы доверяем своих детей христианкам-кормилицам и учим христиан Торе – ибо сегодня много священников-христиан, которые читают книги на иврите». Тем не менее, эти книги в 1242 году подвергались сожжению. Официально, правда, провозглашалось, что сам по себе Талмуд в целом не является еретическим, разве что отдельные отрывки носят богохульный характер, а потому он подлежит не столько уничтожению, сколько цензуре. Довольно быстро обвинения, выдвинутые Донином, были взяты на вооружение клерикальным антисемитизмом.

В Испании, по крайней мере в течение некоторого времени, дискуссии можно было с большим основанием считать таковыми, причем они охватывали более широкий круг вопросов. Правда ли, что соборы лучше Храма? Следует ли священникам и раввинам вступать в брак? И даже: «почему большинство неевреев белые и красивые, а евреи по большей части черные и уродливые?» На последний вопрос евреи отвечали так: христианские женщины вступают в половые сношения во время месячных, отчего красная кровь влияет на цвет лица их детей; кроме того, неверные во время сношений находятся «в окружении красивых картин, что также накладывает отпечаток на внешность детей». Именно испанцы, а точнее король Яков I Арагонский, явились организаторами наилучшего из диспутов – в Барселоне 20-31 июля 1263 года. Идея вновь исходила от бывшего еврея, Пабло Христиани (многие евреи-выкресты брали себе имя Павел); его поддержали Раймунд де Пенафорте, глава доминиканской инквизиции в Арагоне и Магистр ордена, а также Педро де Ханца, глава испанских францисканцев. Со стороны евреев выступал всего один оратор, зато наилучший – Наманид, образованный, хорошо владеющий речью, благородный, уверенный. Он согласился прибыть в Барселону для дискуссии, потому что был знаком с королем Яковом, на службе у которого находилось много евреев; король был настроен благосклонно и гарантировал ему полную свободу слова. Здоровяк, у которого было множество любовниц и внебрачных детей, король Яков вызвал гнев Папы, дав развод своей первой жене. Он без колебаний вырвал язык епископу Геронскому и игнорировал требования папы уволить своих чиновников-евреев.

Как в точности протекала дискуссия, неизвестно, поскольку отчеты о ней христиан и евреев противоречат друг другу. Согласно версии христиан, Наманид был уличен в противоречиях; побежденный в споре, был вынужден замолчать и в конце концов бежал «с поля боя». Отчет Наманида яснее и более четко составлен. Христиане ставили своей задачей показать, исходя из пророчеств и проповедей, включенных в Талмуд, что Мессия действительно появился, что он был одновременно человеком и божеством и отдал жизнь, дабы спасти человечество, а иудаизм в итоге утратил право на существование. В ответ Наманид оспорил смысл, приписываемый этим отрывкам, отрицая то, что евреи якобы обязаны принять пророчества, и настаивая на том, что идея Мессии не является для евреев ключевой. В противовес христианам он заявил, что вера в Христа имела разрушительные последствия. Рим, некогда владевший миром, приняв христианство, пришел в упадок, «и ныне последователи Мохаммеда владеют более обширными землями», чем христиане. Более того, добавил он, «со времен Иисуса и по настоящее время мир заполняло насилие и несправедливость, а христиане пролили крови больше, чем все другие народы». По поводу воплощения Бога в Христе он заявил: «Доктрина, в которую вы верите, основа вашей религии, не может быть воспринята с позиций здравого смысла, в природе ничего подобного встретить нельзя, да и пророки никогда об этом не говорили». Он сказал королю, что только вдалбливание в течение всей жизни может заставить разумного человека согласиться с тем, что Бог был рожден человеческим чревом, жил на земле, был казнен, а затем «возвратился туда, откуда ушел». Согласно еврейскому отчету, христианские священники, увидев, что дискуссия поворачивается против них, постарались сделать так, чтобы итоги дискуссии не подводились. На следующую субботу король явился в синагогу, выступил с речью, выслушал ответное слово Наманида и отправил его восвояси с кошельком, в котором были 300 *солидо* .

Вполне вероятно, что каждая сторона в своем отчете изложила то, что ей хотелось бы сказать, а не то, что было действительно сказано. Ряд еврейских богословов считает, что версия Наманида носит пропагандистский характер, да и лицемерный тоже, поскольку в своих собственных писаниях он придает гораздо больше веса пророчествам, чем признавал в ходе диспута. Согласно их точке зрения, Пабло был прекрасно осведомлен о внутреннем конфликте между евреями-рационалистами и антирационалистами, и диспут был так построен, чтобы воспользоваться этим обстоятельством и поймать Наманида на противоречиях либо заставить его отказаться от ранее высказанных взглядов. С точки зрения Маккоби, значительная часть диспута происходила в условиях взаимного непонимания сторон. В самом иудаизме существуют такие разнообразные точки зрения касательно Мессии, что быть еретиком по этому вопросу почти невозможно. В иудаизме идет речь о Законе и его соблюдении, в христианстве же – о догматическом богословии. Переживания еврея по поводу мелкого нарушения правил Шабата могут показаться христианину смешными. С другой стороны, христианин может пойти на огонь, отстаивая точку зрения на Бога, которую все евреи сочли бы дискутабельной. Барселона показала, что евреям и христианам трудно честно обсуждать главный вопрос, разделяющий их верования, так как они не могут договориться, в чем он состоит.

На долгом опыте евреи научились узнавать признаки надвигающейся беды. Наманид не хотел принимать участия в дискуссии; сам факт ее проведения представлялся зловещим. Подобные дебаты ничего не сулили евреям. Однако они были важны для христианского духовенства как в качестве пропагандистского упражнения для их рьяных приверженцев, так и для поиска в позиции евреев слабых диалектически и уязвимых мест, о которых ранее не было известно. Через год после диспута Раймунд де Пенафорте возглавил комиссию, занимавшуюся поиском богохульства в Талмуде, а в 1265 году принял участие в суде над Наманидом за то, что последний опубликовал свой отчет о дискуссии. Он был осужден и, хотя отделался легким наказанием от короля, почел за благо покинуть Испанию и отправиться в Палестину. Так была выбита одна из мощных опор испанского иудаизма.

В дни Наманида евреи в Испании еще могли с полным основанием продолжать считать себя интеллектуальной элитой. Их профессии оставались исключительно полезными, чтобы не сказать – необходимыми, для христианских владык. Но христиане быстро догоняли их и к концу XIII столетия восприняли учение Аристотеля, написали свои собственные трактаты, а в торговле и искусстве администрирования ни в чем не уступали евреям. На протяжении XIV века евреи (даже в Испании) неуклонно сдавали свои позиции. В области экономики свою пагубную роль играли антисемитские законы. Количество евреев убывало в результате принудительного их обращения. Некоторое время амбициозным и умным евреям казалось разумным креститься по доброй воле, присоединяясь, как им представлялось, к более широкой и передовой культуре. Остававшиеся евреи находили прибежище в каббале, преданиях агады, суевериях и поэзии. Это было триумфом иррациональности. Труды Маймонида и прочих рационалистов, строго говоря, не были сожжены, но почти утратили значение. Вслед за «черной смертью» и бесчисленными зверствами, обрушившимися на евреев, в ортодоксальных кругах стало модным обвинять во всех этих несчастьях рационализм и другие прегрешения против Бога.

Таким образом, иудаизм, который в XI и XII веках шел в первых рядах интеллектуальной жизни, превратился в препятствие на собственном пути. Маймонид считал веру в мессию одним из элементов еврейской религии, однако всегда порицал апокалиптические и мессианские настроения как «миф черни». «Не думайте, – писал он в Мишне-Тора, – что мессии придется демонстрировать знамения и чудеса... Тора со всеми ее законами и указаниями имеет непреходящее значение, и ничего к ней нельзя будет ни прибавить, ни убавить». «Не произойдет никакого отклонения от нормального хода вещей или изменения в установленном порядке» – все, что в Библии как бы противоречит этому, следует понимать «в фигуральном смысле». С развивающимся упадком еврейских общин началось возрождение таких настроений. Множились ангелы и демоны, равно как и

угрызения совести вместе с верой в предопределение. Равви Иаков бен Якар мел пространство перед Ковчегом собственной бородой; равви Шалом в Австрии ел мясные блюда в одной комнате, а молочные – в другой, причем настаивал, чтобы те неверные, что приносили ему воду, были одеты в белые рубахи. Было широко распространено мнение, будто благочестие способно ускорить приход мессии и тем самым поколебать положение легионов угнетателей. Евреи развязали в своей среде «охоту на ведьм», направленную против шпионов; последних подвергали проклятьям каждую субботу, а поймав, случалось, и казнили. В некоторых отношениях они, правда, оставались удивительно терпимыми: так, в мелких общинах еврей, который чувствовал, что к нему проявлена несправедливость, мог учинить, что называется, «оправданный скандал», прервав молитву или чтение Торы. Но все больше и больше люди все-таки прибегали к отлучению. Существовало несколько степеней этого вида наказания: *назифа* – временное (на семь дней) отлучение; *ниддуи* – изоляция от общины; *герем* – еще более жесткая форма отлучения, которая могла включать вмешательство христианских должностных лиц и конфискацию имущества нарушителя. Маймонид приводит список 24 видов нарушений, которые, согласно мудрецам, заслуживают *ниддуи* : от оскорбления ученого богослова (даже после его смерти) до владения опасными собаками. Однако по мере развития наказания становились все более усложненными и жестокими, причем под влиянием христианских процедур сам процесс отлучения превращался в драматичную и внушающую страх церемонию. Жестокий *герем* провозглашался в синагоге перед открытым Ковчегом или со свитком Торы в руках, под звуки *шофара*; после вынесения приговора виновный подвергался анафеме и проклятию, причем тушились все свечи.

Но внутренняя дисциплина не в силах была остановить процесс обращения по мере того, как нарастало давление со стороны христианства. Даже в конце XIII столетия епископы Арагона доносили в Рим о том, что христианские монархи уважительно относятся к евреям и не притесняют их достаточно энергично. В 1282 году крон-принц инфант Санчо, восстав против своего отца, разыграл антисемитскую карту, чтобы привлечь на свою сторону духовенство. Евреев постепенно вытесняли с королевской службы. После чумных бунтов в целом положение евреев в Испании стало быстро ухудшаться по мере того, как обвинения против евреев в кровавых преступлениях и прочие антисемитские басни получали все более широкое распространение. Например, в Севилье в 1378 году происходили антисемитские волнения, а в 1391 году произошел форменный взрыв. В организации этих бунтов зачастую обвиняют видного проповедника-доминиканца Висенте Феррера (ок. 1350—1419 гг.), впоследствии канонизированного. Однако с точки зрения евреев его роль была гораздо более хитрой и зловещей. Он, несомненно, способствовал формированию антисемитизма, который впоследствии бурно расцвел в XX веке. Правда и то, что его публичные проповеди зачастую были связаны с антисемитской истерией и насилиями. Однако он не поощрял бунтов, напротив – осуждал. Он публично осудил, например, бунты 1391 года. Он вообще считал предосудительным и антихристианским, если толпа прибегает к самосуду. Прерогатива таких действий является прямой обязанностью государства, причем последнее должно действовать в соответствии с законом. Бунты ясно показали, что евреи превращаются в «проблему», стоящую перед обществом, и необходимо искать ее «решение». В итоге Феррер и его духовные коллеги оказались ответственными за антиеврейскую политику, которую провозгласил поддерживаемый испанцами антипапа Бенедикт XIII, а также за выбор Фердинанда I королем Арагона, начавшего проводить эту политику в жизнь. Так война против евреев из дела рук толпы превратилась в официальное занятие церкви и правительства.

На таком вот историческом фоне в 1413—1414 гг. произошла последняя крупная иудейско-христианская дискуссия, проходившая в Тортосе. Это мероприятие, строго говоря, не было дискуссией – скорее, публичным шоу или показательным процессом. Феррер официально не принимал в нем участия, но действовал за сценой. Его целью, по-видимому, было подстегнуть народный энтузиазм в пользу христианства как единственной

представляющей ценность религии, публично разоблачить идеологию иудаизма, а затем, опираясь на поддержку церкви, государства и населения и деморализовав евреев, вызвать их массовое обращение в христианство. Лидеры евреев предпочли бы не иметь с этим мероприятием ничего общего, однако во многих случаях у раввинов не было иного выбора, кроме как участвовать. Председательствовал антипапа, от которого Феррер позднее отрекся. Фердинанд, которого Феррер сделал королем, контролировал политическую сторону дела. Было предусмотрено около 70 мест для кардиналов, епископов и другой знати. С самого начала Бенедикт объявил, что целью мероприятия является не дискуссия между равными сторонами, а доказательство правоты христианства, исходя из талмудических источников. По сути, это был суд над иудейской религией. Роль прокурора играл Лерки, один из тех, кого обратил Феррер; после крещения он получил имя Геронимо де Санта-Фе. С еврейской стороны участвовало около 20 человек, включая видного философа и апологета Иосифа Альбо, который позднее написал знаменитый трактат по религиозным догматам иудаизма, *Сефер га-Иккарим*, или *Книга Принципов*. Но у них не было той свободы, которой, по-видимому, располагал Наманид в Барселоне. С самого начала Геронимо обрушил на них обвинения как в «еврейском упрямстве», так и, что любопытно, в ереси по отношению к их собственной религии; последнее могло отдать их во власть инквизиции.

Повестка в основном была обычная и сводилась к доказательству мессианской роли Христа на основе иудаистских источников, хотя обсуждалась также и проблема первородного греха, а также причины Исхода; кроме того, христианская сторона поднимала ряд технических вопросов по иудаистским текстам. На этот раз христиане были хорошо подготовлены к такой работе, да и Геронимо был и образован и умен. В общей сложности в течение 21 месяца было проведено 69 заседаний, причем пока раввины сидели в Тортосе, Феррер и его монахи разъезжали по их обезглавленным общинам, привлекая новообращенных. В ряде случаев этих выкрестов демонстрировали в Тортосе для подтверждения всепобеждающего характера христианской пропаганды. Равви Аструк га-Леви выразил по ходу диспута энергичный протест:

«Мы находимся далеко от дома. Наши средства сократились, чтобы не сказать – почти истрачены. В наше отсутствие причинен значительный ущерб нашим общинам. Мы не знаем о судьбе наших жен и детей. Мы находимся в плохих условиях, когда даже не хватает пищи. Нам приходится нести невероятные расходы. Почему люди, подвергающиеся подобным тяготам, вынуждены состязаться с Геронимо и другими, живущими в условиях процветания и роскоши?»

Равви Аструк заявил, что дискуссия подошла к такой стадии, что стало бессмысленным повторять дальше старые аргументы – все сводится к тому, во что каждый верит. Что может доказать спектакль, поставленный на фоне такой враждебности? «Христианин, живущий в сарацинской земле, может быть побежден аргументами язычника или сарацина, но это не означает, что будет побеждена его вера». На последних этапах дискуссии евреи объявили, что не понимают вопросов, и постарались, по возможности, хранить гордое молчание.

Тем не менее, Тортоса явилась пропагандистским поражением иудаизма и в какой-то степени интеллектуальным тоже. Впервые в Испании евреи оказались в анклавном обскурантизме и отсталости, окруженном подавляющей культурой. Это обстоятельство в сочетании с юридическим и экономическим нажимом, а также внушающим страх напором со стороны монахов привело к увеличению панического потока новообращаемых евреев. Это было свидетельством, что в значительной степени Ферреру удалось решить поставленную задачу. Но, увы, само по себе обращение евреев не означало решения «еврейского вопроса». Как вскоре обнаружили испанские власти, он приобрел новую и более скрытую форму, поскольку проблема стала не только религиозной, но и национальной. Церковь всегда изображала евреев как некий источник духовной опасности. С XII века из-за распространенных предрассудков эта опасность считалась также социальной и физической. Однако еврейская опасность была по крайней мере внешне различима: все знали, как выглядят евреи, они жили закрытыми общинами, их заставляли носить отличительные знаки

и одежду. Когда же они становились обращенными, *конверсос*, или, как их называли в народе, *марранос* (оскорбительная кличка, происходящая от испанского названия свиньи), они превращались в скрытую опасность. Испанские горожане знали, что многие, если не большинство, крестились вынужденно. Они переставали быть евреями формально, причем кто из страха, а кто из выгоды. Будучи евреями, они страдали от жестоких юридических ограничений. Становясь *конверсос*, они приобретали (хотя бы теоретически) такие же экономические права, как и прочие христиане. Таким образом, *маррано* становился гораздо более ненавистной фигурой, чем практикующий еврей, ибо он конкурент в торговле и ремесле, а потому источник экономической угрозы; а поскольку он, возможно, остается тайным евреем, то он еще и лицемер и подрывной элемент.

Сохранявшие веру раввины предупреждали о возможных последствиях. Равви Ицхак Арама говорил обращенным: «Вы не найдете покоя среди неевреев, положение ваше будет неустойчивым». Касательно *анусим* (насильно обращенных) он говорил так: «Треть сгорит в огне, треть разбежится и попрячется, а оставшиеся будут жить в смертельном страхе». Равви Иегуда ибн Верга описывал *анусим* как три пары горлиц: первая пара останется в Испании и будет «ощипана», потеряв свое имущество и жизнь; вторая также будет ошипана, потеряв имущество, но сохранит жизнь, спасаясь бегством, когда наступят тяжелые времена; лишь третья пара, которая «сбежит первой», сумеет спасти и жизнь и имущество.

И жизнь вскоре подтвердила этот пессимистический взгляд. Испанский еврей обнаружил, что, окрестившись, он не сможет избежать антисемитской враждебности. Если он переезжал в другой город, как поступали многие, его христианство становилось еще более подозрительным. Его христианский преследователь сменил тактику. С обращением антисемитизм стал скорее национальным, чем религиозным, однако антисемиты (как и их последователи в нацистской Германии) обнаружили, что идентифицировать и выделить евреев по расовым критериям становится все труднее и труднее. И тогда они вернулись (как и нацисты) к старым религиозным критериям. В Испании XV века еврея нельзя было преследовать на религиозной почве, поскольку он был рожден евреем, как и его родители; необходимо было доказать, что он продолжает секретно практиковать иудаизм в какой-то форме. Утверждают, что король Кастилии Альфонсо VII постановил: «Никакому *конверсо* еврейского происхождения не позволяется занимать общественную должность либо пользоваться бенефициями в Толедо и землях, на которые простирается его власть, поскольку верность их Христу сомнительна».

Как можно было обосновать это подозрение? В Сьюдад-Реале, где горестная судьба *конверсос* была подробно исследована историком Хаимом Бейнартом, первые обвинения, что «Новые христиане» тайно участвуют в *мишцоте*, относятся к 1430 году. Обычно бывшие евреи старательно трудились, пытаясь преуспеть; само же их преуспевание в имущественном смысле или на общественном поприще становилось для них источником угрозы для них. В 40-х годах XV века в Толедо произошли первые бунты, направленные против *конверсос*. В 1449 году в Сьюдад-Реале они продолжались две недели. Конверсос ответили сопротивлением, организовав вооруженную группу в 300 человек и убив «старого христианина»; в ходе схваток было убито 22 человека и сожжено много домов. В 1453 году турки взяли Константинополь, и Византия, старый враг евреев, прекратила свое существование. Многие евреи поверили, что грядет мессия, и некоторые *конверсос* сочли, что вскоре можно будет вернуться к прежней вере. Появились даже предложения переехать в Турцию и открыто зажить там, не скрывая, что мы евреи. В 1464, 1467 и 1474 годах в Сьюдад-Реале произошли новые бунты, причем последний был особенно жестоким; не исключено, что его организовала полупрофессиональная антисемитская группа, которая проникла в город и получила поддержку в дружественно настроенных домах. В 1474 году в Сьюдад-Реале *конверсос* потеряли дома с мебелью, скотину в пригородах, лавки и склады в городе. Бунтовщики везде первым делом уничтожали списки должников. Напуганные *конверсос* бросились в цитадель под защиту *коррегидора* (губернатора); однако (согласно официальному документу) «бунтовщики взяли цитадель штурмом, разрушили центральную

башню и погубили многих; *коррегидор* и многие *конверсос* были изгнаны, и город закрыли для них – без права возвращения». Некоторые успели найти защиту у знатного покровителя в Пальме, недалеко от Кордовы, где и жили еще три года.

Бунты против обращенных инициировали такую же цепь событий, что и антиеврейские. Государство было напугано бунтами как симптомом общественного беспокойства. Оно не могло ни предотвратить бунтов, ни даже наказать за них как положено; а потому оно пыталось устранить их причину... нападая на *конверсос*. Это было несложно. Многие действительно втайне оставались приверженцами иудаизма. Еврейский документ того времени свидетельствует, что сбежавшие в Пальму открыто соблюдали *мицвот*, шабат, постились и молились в йом-кипур и праздновали пасху и прочие праздники «не реже и не хуже обычных евреев». Один францисканский фанатик, Альфонсо де Эспина, сам не то обращенный, не то сын обращенного, составил целый том, *Fortalitium Fidei*, где, помимо прочего, перечислялось двадцать пять «грехов», по коим можно выявить предательских *конверсос*. В их число входили не только тайные еврейские обряды, но и свидетельства «дурного» христианства, которые, пожалуй, и обнаружить легче: уклонение от причастия, работа по воскресеньям, нежелание осенять себя крестным знаменем, упоминать Иисуса и Деву Марию, нерегулярное посещение богослужений. К этому он добавляет еще и все преступления (типа кражи гостию), обычно приписываемые евреям, а также и кое-что новое вроде «ведения философских дискуссий». Вновь перед нами боязнь по отношению к евреям, особенно в скрытой форме *конверсо*, разжигающая беспорядок, сомнения и недовольство в обществе.

Отец Альфонсо явился идеологом следующей фазы антисемитизма. Показав возможность обнаружить тайного еврея не по расовым, а по религиозным признакам, он также предложил решение: изоляция и сегрегация. Население должно остерегаться подозрительных *конверсос*, а государство должно поставить физический барьер между ними и истинными христианами. В то же самое время и церковь и государство должны объединенными усилиями разыскивать и истреблять тех *конверсос*, которые практикуют иудаизм, а потому юридически являются еретиками. Он подробно описывает методы и виды наказания, которые следует использовать, основываясь на старых приемах инквизиции XIII века, однако настаивает, что следует разработать и новые, наилучшим образом отвечающие национальным потребностям Испании.

И государство безотлагательно приняло к исполнению программу отца Альфонсо. В 1480 году в Толедо кортесы провозгласили сегрегацию. Одновременно была создана специально испанская инквизиция. Первые инквизиторы, включая генерального викария доминиканцев, назначались в центральный совет расследований по Андалусии, действовавший в Севилье. Их работа началась в январе 1481 года, и уже в ближайшие восемь лет было сожжено на костре свыше 700 человек. Согласно некоторым источникам эта цифра достигает 2000. В том же году национальная инквизиция заменила в Арагоне традиционную папскую инквизицию, а с февраля 1483 года вся организация была поставлена под централизованный контроль, и ее фактическим руководителем стал доминиканский настоятель Томас де Торквемада. Менее чем за 12 лет инквизиция вынесла приговоры около 13 000 *конверсос*, мужчин и женщин, за тайное практикование иудаизма. Жертвами инквизиции становились самые разные люди, но среди наиболее распространенных были тайные евреи. В целом за все время существования инквизиции число ее жертв составило около 341 000. Из них свыше 32 000 было сожжено живьем, 17 659 были наказаны через сожжение изображений, а 291 000 понесли меньшие наказания. Большинство казненных (20 226) погибли до 1540 года, при первых пяти главных ликвидаторах, причем в основном эти люди были еврейского происхождения. Странный счет жертв *аутодафе* продолжался до 1790 года.

В 1469 году настоятель Торквемада стал исповедником кастильской королевы Изабеллы; в том же году она вышла замуж за арагонского короля Фердинанда, что привело к объединению этих королевств в 1479 году. Антиеврейская политика была в какой-то степени

личной заслугой этих двух монархов. У организованной ими инквизиции было много противников, как внутренних, так и внешних. Одним из них был секретарь королевы, Фернандо дель Пульгар, сам *конверсо*. В своем письме, адресованном толедскому примасу, кардиналу-архиепископу Педро Гонсалесу де Мендоса и предназначенном для публикации, он жаловался на эдикты о сегрегации, которые не позволяли обращенным жить в Гипускоа и сочетаться браком с местными жителями, а также учиться ремеслу каменщика. Признавая, что среди новообращенных бывали случаи ренегатства, он отмечал, что в Андалусии было, например, 10 000 молодых женщин-*конверсос*, которые никогда не покидали родительского дома и просто жили по заветам своих отцов; сжигать их было бы крайне жестоко, и они просто сбежали бы. На это подручные Торквемады ответили, что лучше сжечь несколько невинных, чем позволить ереси распространиться: «Лучше человеку попасть на небо с одним глазом, чем в ад – с двумя». Единственным результатом этой акции явился перевод Пульгара с должности королевского секретаря в королевские летописцы.

Папская власть также была противницей инквизиции, частично потому, что та была королевским и национальным инструментом, стоящим вне пределов папской юрисдикции, отчасти же потому, что явно нарушалась естественная справедливость. В апреле 1482 года Сикст IV потребовал, чтобы за Римом было оставлено право выслушивать апелляции, чтобы обвиняемым сообщались имена свидетелей обвинения, и уж во всяком случае должен даваться отвод личным врагам и бывшим слугам, а также чтобы раскаявшимся еретикам позволяли исповедоваться и получить отпущение вместо осуждения, и чтобы им было даровано право выбора судей. Фердинанд отверг все эти требования и в своем ответе настаивал, что назначение им инквизиторов принципиально важно, поскольку во времена, когда системой руководила одна церковь, ересь процветала. Папы продолжали возражать, но безуспешно.

И Фердинанд и Изабелла утверждали, что действуют исключительно из ортодоксально-католического рвения. Оба горячо отвергали обвинения, которые выдвигали их современники (а также историки впоследствии), будто они стремились конфисковать собственность приговоренных еретиков. В письме, направленном ее агентам в Риме, Изабелла настаивала, что не прикоснулась «ни к единому мараведи» из конфискованного имущества, а эти деньги, дескать, пошли в фонд приданого для детей жертв инквизиции; тот же, кто обвинил ее в действиях из любви к деньгам – лжец. Она утверждала, что лишь в силу страстной преданности вере она разрушала города своего королевства и опустошала их, а также целые области. Фердинанд также подчеркивал падение доходов своей казны, но говорил, будто прежде, чем принять решение о деятельности инквизиции в национальном масштабе, они тщательно взвесили все факторы, но в итоге «поставили службу нашему Господу Богу превыше службы королю... и превыше любых прочих соображений». Правда, по-видимому, состоит в том, что мотивы обоих монархов носили смешанный, религиозно-финансовый характер, и важнее всего оказалось желание установить государственное и эмоциональное единство в их разобщенных и разделенных вотчинах. Но сильнее всего их действиями руководила зловещая и безличная логика антисемитизма, как такового. Как неоднократно свидетельствовала история, он имеет свойство набирать мощь и обороты сам собой.

Исследование Сьюдад-Реала, проведенное Хаимом Бейнартом, открывает грустную картину человеческой деградации. Официально целью не раскрывать имен свидетелей обвинения было стремление не допустить кровной мести; однако в реальной жизни это придало инквизиции наиболее зловещие черты, поскольку многие информаторы руководствовались злым умыслом по отношению к богатым и выдающимся людям. Так, Хуан Гонсалес Пикардо, бывший секретарем двух королей, просто не мог не иметь врагов, и был за это заживо сожжен. Еще более омерзительными были доносы мужей на жен и наоборот, сыновей на отцов, братьев на сестер. Одним из худших оказался Фернан Фалькон, дававший показания на посмертном суде над собственным отцом, бывшим, по-видимому, главой местной тайной еврейской общины: «Все, что говорится против него в

обвинительном заключении, – правда; можно было бы к этому добавить еще многое – хватило бы на целый лист». Фалькон был свидетелем на всех процессах, проходивших в Сьюдад-Реале в 1483—1485 гг., причем его любимая характеристика в адрес обвиняемых звучала, как «еврей во всех отношениях». Об одной из них, Каролине де Самора, он сказал, что ради ее сожжения готов пройти тридцать кругов ада; фактически главным свидетелем против нее выступал ее собственный сын – монах, который поклялся добиться ее сожжения (кстати, она отделалась поркой). Многие из подсудимых оказывались столь же образованными, сколь и благочестивыми. Леонор Гонсалес удалось бежать в Португалию. Суд поручил ее сыну, Хуану де ла Сьерра, отправиться в Португалию и убедить ее вернуться. Сын выполнил поручение; она вернулась, ее судили, приговорили и сожгли заживо. Кому-то удавалось бежать, других ловили при попытке бегства. Самый богатый *конверсо* в городе, Санчо де Сьюдад, купил парусник и отплыл с семьей в Валенсию; однако ветер прибил их обратно, их схватили и сожгли всех в Толедо. Тех, кому удавалось бежать, судили заочно и сжигали их изображение. Если человека осуждали посмертно, то его останки выкапывали и сжигали как символ того, что предположительно происходит с ним в преисподней.

Некоторых оправдывали, однако, как правило, торжествовало обвинение. В этот период в Сьюдад-Реале считалось достаточным дважды прибегнуть к пыткам. Многие из осужденных были явно набожными евреями. Одну женщину поймали на том, что она зажигала свечу накануне субботы, дабы не делать этого на следующий день. Другая имела неосторожность отказаться пить из той же чашки, которой пользовался человек, евший свинину. Многие попадали на костер из-за того, что строго соблюдали правила ритуального забоя скота. Но всем выносили смертный приговор. Раскаявшийся *конверсо* мог быть наказан заключением, в том числе пожизненным, которое можно было заменить штрафом, если он был достаточно богат. Но ему предстояло носить не менее года (а иногда и всю жизнь) накидку из мешковины с двумя желтыми крестами; если же он этого не делал, его могли объявить *релансо* и сжечь. На него также возлагалась обязанность информировать инквизицию; за уклонение его могли обвинить в «бунте против церкви» и сжечь. Список наказаний и запретов, налагаемых на такого человека, был огромен: ему запрещались всяческие бенефиции и должности, вплоть до городского глашатая, он не мог практиковать в качестве врача, адвоката или нотариуса, носить оружие, получать деньги или товары, резать по камню, владеть таверной, ездить верхом или путешествовать в карете либо повозке, носить на себе золото, серебро, жемчуг и вообще драгоценности, шелк и парчу, а также отращивать бороду. Эти запреты распространялись и на детей: женщин в одном поколении, мужчин – в двух.

Это жестокое преследование, начавшись, длилось двенадцать лет и распространялось на все еврейские общины в Испании. Страдания и потери были ужасающими, однако в глазах властей единственным результатом было осознание реальных масштабов «еврейского вопроса». Этот период совпал с последним этапом завоевания старинного мавританского королевства Гранада; победоносные *рейос католикос* вступили в поверженный город 2 января 1492 года. При этом на территории Испании оказались новые еврейские общины, да и мусульманские тоже. Борьба с евреями, открытыми и тайными, превратилась чуть ли не в основное занятие правительства. Все тюрьмы оказались полными. Десятки тысяч людей находились под домашним арестом и зачастую голодали. Разочаровавшись в собственных попытках ликвидировать контакты между *конверсос* и евреями обычными средствами инквизиторских расследований, подстрекаемые своим алчным окружением, *рейос* решили одним махом достичь «окончательного решения». 31 марта они подписали «Эдикт об изгнании», предписывавший через месяц удалить из Испании всякого еврея, который откажется немедленно креститься.

К этому моменту в королевстве оставалось около 200 000 евреев. Показателем, в сколь деморализованном состоянии находилась еврейская община и сколь привязаны были евреи к Испании, стране, где они в прошлом чувствовали себя безопасно и привольно, может

служить то, какое большое количество людей, включая главных раввинов и членов лучших семей, предпочло подвергнуться крещению. Около 100 000 перешли через границу в Португалию, откуда их также выслали через четыре года. Около 50 000 переселились через пролив в Северную Африку или отправились морем в Турцию. К концу июля 1492 года изгнание стало совершившимся фактом.

Конец испанского еврейства был крупнейшим событием в истории евреев с середины II века н.э. Евреи жили в Испании с начала классической эпохи, может быть, даже с дней Соломона, и их община приобрела ряд отличительных особенностей. В Темную эпоху и в раннем Средневековье стали складываться две основные группы евреев: та, что ориентировалась на Вавилонские академии, и та, что была связана с Палестиной. Таких общин было две, и у каждой была своя синагога в маймонидовом Фустате (плюс третья синагога – для караитов). Однако, начиная с XIV века, точнее говорить об испанских евреях, сефардах (от искаженного названия Испании) и немецких евреях, или ашкенази, укоренившихся в Рейнланде. Сефарды создали свой иудейско-испанский язык, ладино, или юдесмо, имевший некогда свою скоропись, отличную от современного еврейского шрифта, который в основе своей – ашкенази. Они были образованны, грамотны, богаты, чрезвычайно гордились своей родословной, проявляли мудрость, не чуждались удовольствий и не были слишком строгих нравов в соответствии с классификацией Джозефа Каро. По сути, они играли роль моста между латинским миром и арабской культурой и носителей классической науки и философии. Среди сефардов были прекрасные мастера по драгоценным металлам и камням, математики, изготовители точных приборов, карт и навигационных таблиц.

И вот теперь эта большая и одаренная община оказалась рассеянной по всему Средиземноморью и мусульманскому миру, а из Португалии двинулась во вторую диаспору сефардов, Францию и северо-запад Европы. Многие приняли христианство и оставили по себе память уже в этом качестве. Например, Христофор Колумб юридически был генуэзцем, но писать по-итальянски не умел; вполне вероятно, что он был родом из испанской семьи еврейского происхождения. Имя Колон было обычным среди евреев, живущих в Италии. Он хвастался своим происхождением от царя Давида, любил общество евреев и *маррано*, находился под влиянием еврейских суеверий, а его покровителями при арагонском дворе были в основном «новые христиане». Он пользовался таблицами, построенными Абрахамом Секуто, и приборами, автором которых был Иосиф (Хосе) Весиньо. Даже переводчик его, Луис де Торрес, был еврей – правда, крещеный непосредственно перед отплытием в Америку. Таким вот образом евреи, потеряв Испанию в Старом Свете, помогли воссоздать ее в Новом. Сефарды двинулись и во Францию; одним из результатов этого явился блистательный и изысканный Мишель де Монтень, чья мать Антуанетта Луппес произошла из испанских евреев. То, что Испания теряла, другие приобретали; по большому счету диаспора сефардов сыграла огромную созидательную, чтобы не сказать – определяющую роль в развитии еврейской нации. Однако в тот момент изгнание казалось сефардам непоправимым несчастьем.

И это несчастье было не единственным. Ближе к концу европейского Средневековья – а еврейское Средневековье подошло к концу лишь в последние десятилетия XVIII века – прекратился определяющий вклад евреев в европейскую экономику и культуру (по крайней мере, на данном этапе). Без них стало возможным обходиться, и их стали изгонять. До высылки из Испании их неоднократно изгоняли из Германии и Италии. Так, евреев изгнали из Вены и Линца в 1421 году, из Кельна – в 1424, Аугсбурга – в 1439, из Баварии в 1442 (а затем в 1450), а в 1454 году – из столичных городов Моравии. В 1485 году их вышвырнули из Перуджи, в 1486 – из Венеции, в 1488 – из Пармы, в 1489 – из Милана и Лукки и, с падением юдофильской семьи Медичи в 1494 году – из Флоренции и вообще из Тосканы. К концу этого десятилетия евреи были изгнаны и из Наваррского королевства.

Одно изгнание провоцировало другое по мере того, как беженцы устремлялись в города, где и без того было евреев больше, чем хотелось властям. В Италии в конце XV века они играли заметную роль лишь в даче ссуд под залог, особенно мелких ссуд – беднякам.

Даже в отсталом Риме доля банкиров-евреев стала сокращаться.

Христианские банкиры и ремесленники стали добиваться запретов на деятельность своих конкурентов-евреев по мере того, как их собственные гильдии крепче становились на ноги. В Италии, Провансе и Германии к 1500 году евреев практически вытеснили из крупной торговли и промышленности. Тогда они двинулись в менее развитые восточные земли – сначала в Австрию, Богемию, Моравию, Силезию, затем в Польшу, в Варшаву и Краков, Львов, Брест-Литовск и Литву. Демографическая ось евреев-ашкенази сместилась на несколько сот миль в Центрально-Восточную и Восточную Европу. Здесь тоже не обошлось без неприятностей. В 1348—1349, в 1407 и 1494 гг. происходили антиеврейские бунты в Польше; на следующий год их изгнали из Кракова и Литвы. Все эти перемещения и изгнания были взаимосвязаны. Но поскольку на востоке в евреях нуждались, им удалось зацепиться; к 1500 году Польша стала считаться самой безопасной для евреев страной в Европе, и вскоре она стала для ашкенази надежным тылом.

Можно было ожидать, что по мере упадка и обнищания евреев в Европе и существенного сокращения их вклада в экономику и культуру к концу Средневековья начнется эрозия или вообще разрушение воздвигнутой вокруг них стены ненависти. Однако этого не произошло. Подобно другим формам иррационального поведения, антисемитизм неподвластен экономическим законам. Напротив, подобно некоему вредному организму, он дает все новые мутации. В частности, в Германии он стал развивать свою собственную, основанную на антипатии иконографию – *юдензау*.

Средневековому мышлению доставляло радость отражение всех аспектов жизни вселенной в виде образов. Конфликт между христианством и иудаизмом сформировал часть широкой панорамы жизни, черты которой появляются, в частности, и на стенах соборов. Скульпторы, однако, отображали его сугубо богословские аспекты. Любимая пара таких образов, зачастую поданная весьма изящно, – это победоносная церковь и опечаленная синагога. Средневековый скульптор никогда не развивал антисемитскую тему, никогда не изображал еврея как ростовщика либо дьявольское создание, которое отравляет колодцы, убивает христианских детей или терзает гостию.

В графическом искусстве для евреев находились и другие образы: золотой телец, сова, скорпион. А в Германии в конце Средневековья стал формироваться еще один – свинья. Первоначально сей мотив не нес полемической нагрузки, но постепенно стал символизировать всех грязных людей, грешников, еретиков, и в первую очередь евреев. Он получил распространение почти исключительно в областях влияния германской культуры; но уж зато здесь он стал самым распространенным символом евреев и одним из самых стойких и сильных оскорбительных стереотипов. Он приобретал бесконечное число отталкивающих форм.

Евреев изображали поклоняющимися свинье, сосущими ее сосцы, обнимающими ее окорока, поедающими ее экскременты. Открывались широчайшие возможности для грубейшего вида народного творчества, поскольку была найдена мишень, к которой неприменимы обычные правила вкуса и хорошего тона, а самая похабная непристойность не только допустима, но и похвальна. И ясно, что именно непристойность образа является основной причиной его популярности уже свыше 600 лет. С появлением печатного станка он быстро распространился и стал вездесущ в Германии. Он появлялся не только в книгах, но и в бесчисленных лубках, на гравюрах, рисунках маслом и акварелью, на ручках тростей, на фаянсе и фарфоре. Его бесконечное повторение способствовало процессу, который в Германии приобрел огромное и трагическое значение – процессу дегуманизации евреев. Идея, согласно которой евреи знали истину, но отвергли ее, предпочитая иметь дело с силами тьмы, а потому не могли быть носителями гуманного начала в том смысле, какими были христиане, была уже достаточно устойчива. А противоестественные и негуманные взаимоотношения с *юдензау* загнали ее еще глубже в немецкое народное сознание. Если же некая категория личностей не является гуманной – значит, вполне можно исключить ее из общества. Именно такой процесс и начался. Ибо стены ненависти, далеко не исчезнув, стали

заменяться стенами настоящими, и на европейской сцене стало появляться гетто.

Часть четвертая ГЕТТО

Великая диаспора сефардов, хлынувшая в 1492 году из Испании и в 1497 году из Португалии, привела евреев в движение повсюду, поскольку прибытие большого количества беженцев обычно вело к дальнейшим изгнаниям. Многим евреям, близким к полному обнищанию, был запрещен доступ в города, ранее закрытые для евреев, и они занялись молочной торговлей в разнос. Не случайно легенда о бродячем Вечном Жиде приобрела законченную форму именно в это время. История про еврея, который ударил Христа на его *виа долороса*, а потому был осужден бродить до Второго Пришествия, впервые появилась в болонской хронике в 1223 году; Роджер из Вендоваера записал ее пятью годами позже в своей книге *«Цветы Истории»*. Однако лишь в первые десятилетия XVI века Великий Бродяга стал Агасфером, евреем-разносчиком, старым, бородатым, в лохмотьях, печальным предвестником беды. Шлезвигский епископ утверждал, что видел его в церкви в Гамбурге в 1542 году, а поскольку в печатном виде циркулировало под сотню, а то и больше народных вариаций на эту тему, то его видели последовательно в Любеке (1603), Париже (1604), Брюсселе (1640), Лейпциге (1642), Мюнхене (1721) и Лондоне (1818). Он стал персонажем многих литературных произведений. Разумеется, существовало неисчислимое множество настоящих евреев-бродяг; видно, евреям было суждено в эпоху Возрождения снова стать «пришельцами и поселенцами», подобно Аврааму.

Одним из таких бродяг был Соломон ибн Верга (ок. 1450 – ок. 1525 гг.), уроженец Малаги, изгнанный сначала из Испании, затем из Португалии, который прибыл в Испанию в 1506 году и стал там бродяжничать. Мы не знаем, где он осел в конце концов и осел ли вообще; известно только, что некоторое время он провел в Риме. Там он написал книгу под названием *«Шевет Егуда»* («Жезл Иуды»), в которой задает вопрос: почему люди ненавидят евреев? Есть основания считать это эссе первой работой по еврейской истории после *«Древностей»* Иосифа Флавия, написанных за 1400 лет до нее. В ней Ибн Верга описывает не менее 64 гонений на евреев. И эта работа явилась первым признаком (хотя и слабым) того, что к евреям возвращается историческое самосознание.

Прискорбным свидетельством жалкого положения евреев в христианской Европе является то, что Ибн Верга не смог издать свою книгу при жизни; она была впервые напечатана в Турции около 1554 года. Но, тем не менее, Ибн Верга был человеком эпохи Возрождения, независимо мыслящим рационалистом и скептиком. Он весьма критично настроен в отношении Талмуда, высмеивает Маймонида и пародирует взгляды Иуды Галеви. Пользуясь формой воображаемого диалога, он смеется над еврейским богословием. Если евреев низвергли, то они сами в этом виноваты в значительной степени. Они были гордыми, но в то же время слишком пассивными и чрезмерно полагались на Бога; полные надежд и сверхпокорные, они пренебрегли политической и военной наукой и оказались «вдвойне нагими». Ни евреи, ни христиане не способны уважать веру друг друга, и те и другие потворствуют суевериям и легендам. Если христиане нетерпимы, то евреи – негибки. Он отмечал, что, как правило, «короли Испании и Франции, знать и вообще люди образованные и благородные относились к евреям дружески»; предубеждения исходили главным образом от невежественных бедняков и неучей. «Я никогда не видел, чтобы разумный человек ненавидел евреев, – говорит в его книге мудрый человек, – и никто не ненавидит их, кроме простого народа. И для этого есть объяснение – евреи невежественны и всегда стараются властвовать; никогда не подумаешь, что они – изгнанники и рабы, которых гоняют из страны в страну. Они же стараются изобразить себя хозяевами и господами. Поэтому массы завидуют им». Почему же евреи не попытались разрушить предвзятое отношение к себе, ведя себя более скромно и просто и проповедуя религиозную терпимость и понимание?

Ибн Верга писал на иврите и явно обращался к образованным читателям-евреям,

которым была известна справедливость его критики. Вот почему мы должны с определенным доверием относиться к его обвинениям. В то же время имеющиеся у нас свидетельства не дают основания считать, что обычной причиной нападков на евреев было всеобщее невежество. Как правило, неприятности начинались после того, как приток евреев извне увеличивал их число в данной общине до некоторого критического значения. Например, в Венеции, которая с X века была крупнейшим центром торговли и естественным местом поселения евреев, они столкнулись с определенным сопротивлением. В XIII веке их согнали на остров Спиналунга – в Джудекку. В другой раз их заставили поселиться на материке в Местре. Им приходилось носить сначала круглый желтый знак, потом желтую, а затем красную шляпу. И все равно там всегда были евреи. Они неплохо устраивались и вносили существенный вклад в венецианскую экономику, в том числе не в последнюю очередь уплатой специальных налогов. И о них существовала специальная хартия, которую неоднократно подтверждали.

В мае 1503 года силы Кембрийской лиги одержали победу над венецианской армией при Агнаделло, и началось паническое бегство с *terra firma* на главные острова. В число беженцев входили свыше 5000 евреев, многие из которых были иммигрантами из Испании и Португалии. Двумя годами позже началась кампания за их выселение, которую инициировали своими проповедями монахи. Кульминация ее пришлась на 1515—1516 гг., когда государство приняло решение ограничить размещение еврейской общины определенным местом в городе. Таким местом был избран заброшенный литейный цех, где производились пушки, известный под названием *гетто нуово*, расположенный в части центральных островов, наиболее удаленный от площади Св. Марка. Эта «новая литейка» была превращена в остров при помощи каналов, ограждена высокими стенами, причем все окна, обращенные наружу, были заложены кирпичом. В двух воротах были поставлены четыре стражника-христианина; шестеро других стражников были посажены в две патрульные лодки. Всех десятерых должна была содержать еврейская община, причем последней была предписана вечная аренда собственности по расценкам, на одну треть выше принятых на данный момент.

Сама концепция отдельного квартала для евреев не была новинкой. Идея восходила еще к античным временам. В большинстве мусульманских городов имелся такой квартал. В Темную эпоху в Европе евреи часто сами требовали сегрегации и выгородки высокими стенами как условие поселения в городе. Но против венецианского предложения они возражали очень резко. Оно было явно направлено на то, чтобы получить максимум экономических преимуществ от еврейского присутствия (включая специальные налоги) и в то же время обеспечить минимум социальных контактов евреев с остальным населением. Фактически им разрешалось заниматься своим бизнесом в дневное время на неудобном расстоянии, а на ночь их собирались запирать. Но Венеция настаивала, и в каком-то смысле, возможно, эта система не дала в будущем принять предложения о полной высылке евреев. Первое *гетто нуово* послужило приютом для итальянских евреев в основном германского происхождения. В 1541 году евреев из Леванта переселили в близрасположенную старую литейку *гетто веккьо*. И, наконец, в 1633 году поселение было дополнительно расширено, для чего к нему присоединили *гетто новиссимо*, где поселили западных евреев. В это время (точнее в 1632 году) в гетто проживало 2412 евреев (при общем населении Венеции 98 244). За счет увеличения площади к 1655 году в гетто удалось разместить около 5000 человек. За право проживать в этом замкнутом пространстве евреи платили не только обычные налоги и пошлины, но и специальный ежегодный налог (10 000 дукатов) плюс принудительный сбор (в течение первого столетия существования гетто) в размере не менее 60 000 дукатов, что дает в сумме не менее 250 000 дукатов.

Почему же евреи так терпеливо подчинялись этому виду угнетения? В своей книге о венецианских евреях Симха Луццатто (1583—1663), который был у них раввином в течение 47 лет, отстаивал ту точку зрения, что столь раздражавшая Ибн Вергу пассивность евреев коренилась в их вере: «Ибо они верят, что все заметные изменения, что случаются в их

жизни... суть результат Высшего промысла, а не человеческих усилий». Многие евреи были слишком потрясены крушением большой и некогда богатой общины в Испании, чтобы оказать какое-либо сопротивление жестокому изгнанию. Кое-кто обращал внимание на контраст между этим поведением и воинственностью евреев в древности и вопрошал: почему бы евреям не брать пример со своего предка, Мардохея? При этом цитировали Книгу Есфири: «И все, служащие при царе, которые были у царских ворот, кланялись и падали ниц пред Аманом... А Мардохей не кланялся и не падал ниц». Но тот же самый текст, излюбленный евреями и ранее и теперь, предлагает и альтернативный вариант поведения. Разве Есфирь, по совету Мардохея, не скрывала свое еврейское происхождение? «Не сказывала Есфирь ни о народе своем, ни о родстве своем», точь-в-точь как многие марранос. Таким образом, скрытый, тайный еврей, равно как и пассивный еврей, стар так же, как и Библия. Был, правда, еще и Нааман, который «поклонился в доме Рилмона». Однако евреям было известно, что в Книге Есфири содержится предупреждение, ибо злобный Аман предложил царю Артаксерксу организовать массовое истребление евреев. Равви Иосиф ибн Яхья в своих комментариях, опубликованных в Болонье в 1538 году, указывал, что логика Амана касательно того, что евреи «разбросаны и рассеяны между народами», а потому неспособны к сопротивлению, равным образом приложима и к современным ему евреям.

Правда такова, что еврейские общины соглашались с угнетением и второразрядным статусом при условии, что при этом действуют определенные правила, которые не нарушаются постоянно и произвольно без предупреждения. Больше всего они ненавидели неопределенность. Гетто предлагало безопасность и даже своего рода комфорт. Оно во многих отношениях облегчало соблюдение закона, концентрируя и изолируя евреев. Если сегрегация, как провозглашала церковь, оберегала христиан от нездоровых контактов с евреями, то она равным образом защищала евреев от светской власти. Кодекс законов Иосифа Каро (1488—1575), ставший авторитетным галахическим текстом для многих поколений ортодоксальных евреев, был как будто специально создан для замкнутости и внутренней сосредоточенности, которые обеспечивало гетто.

Внутри гетто евреи могли вести хотя и изолированную, но интенсивную культурную жизнь. Впрочем, существовало и довольно много межконфессиональных контактов. Примерно в то же время, когда было создано гетто, печатник-христианин Даниил Бомберг организовал в Венеции еврейскую типографию. Совместными усилиями христиане, евреи и выкресты обеспечили в 1520—1523 гг. два прекрасных издания Талмуда, чья нумерация страниц стала с тех пор считаться классической. Евреев-наборщиков и корректоров освобождали от ношения желтой шляпы. Появились и другие еврейские типографии, что позволило печатать не только труды религиозных классиков, но и современные работы. Популярное сжатое изложение великого кодекса Каро, *Шулхан Арух*, было издано в Венеции, а в 1574 году появилось карманное издание, дабы, как отмечалось на титульном листе, «его было легко держать при себе, чтобы справиться в любое время и в любом месте, будь то на отдыхе или в пути».

Несмотря на чрезмерные налоги, венецианская община процветала. Она подразделялась на три группы: пиренейскую — из Испании, левантийскую (турецкоподданные) и «национе tedesка», т. е. евреев родом из Германии, самой старой, самой большой и наиболее обеспеченной. Они говорили по-итальянски, и только им разрешалось заниматься ростовщичеством. Однако им не предоставлялось венецианского гражданства; даже в конце XVIII столетия закон гласил, что «евреи Венеции и государства, равно как и любые другие евреи не могут претендовать на гражданство или иметь на него право». Шекспир верно отмечал это обстоятельство в «Венецианском купце». То, что у него говорила Джессика по поводу того, что у ее отца, Шейлока, дом полон сокровищ, было вполне правдоподобно. Поколения евреев-ростовщиков накапливали несчетные богатства, особенно драгоценности. Чтобы помешать этому, принимались специальные законы против роскоши; у евреев были и свои собственные постановления такого рода, чтобы избежать «зависти и ненависти неверных, взгляд которых останавливается на нас».

Несмотря на всяческие ограничения, в венецианском гетто не было недостатка в веселье. Современник так описывал церемонию празднования Торжества Закона:

«В этот вечер происходило что-то вроде полукарнавала, где многие девушки и невесты были в масках, чтобы не быть узнаваемыми, и затем посещали синагогу. В это время там буквально толпились христианки и христиане – из любопытства... Обычно там бывают все нации: испанцы, левантинцы, португальцы, немцы, греки, итальянцы и другие, и каждая поет по своему усмотрению. Не имея музыкальных инструментов, некоторые отбивают ритм ладонями над головой или хлопают себя по ляжкам; некоторые щелкают пальцами как кастаньетами, некоторые делают вид, что играют на гитаре, «чиркая» рукой по рукаву. Короче, они такое вытворяют, шумя, прыгая и танцуя, кривляясь, паясничая и жестикулируя всеми своими членами, что действительно все выглядит подобно карнавалу».

Отсутствие музыкальных инструментов объяснялось исключительно противодействием раввинов. Многие из них возражали против любых песен, исходя из того, что в них чрезмерное число раз повторяются слова молитв, особенно имя Господа, что, по их мнению, хотя не слишком убедительному, могло привести простолудинов к вере в то, что существует два, а то и больше, Бога. Кстати, в XVI и XVII веках английские пуритане выдвигали аналогичные обвинения против полифонической музыки, требуя, чтобы каждому слогу соответствовало не более одной ноты. Сохранилось свидетельство того, что в Сенегалии, недалеко от Анконы, произошел очень резкий конфликт между местным раввином и *маэстро ди капелла*, Мордекаем делла Рокка; при этом равви доказывал, опираясь на пространные цитаты из Талмуда и каббалистических источников, что музыка существует просто для того, чтобы продемонстрировать смысл текста, а все прочее – «всего лишь шутство».

Тем не менее, достоверно известно, что в венецианском гетто в начале XVII века существовала музыкальная академия. Исследования венецианского еврейства, проведенные Сесилем Родсом, показывают, что ригористы часто жаловались на роскошь и чрезмерно мирской характер жизни в гетто; итальянскому языку нередко отдавалось предпочтение перед ивритом, так что зачастую высказывались шумные требования перехода в богослужении на местный язык. Евреи писали пьесы, а также труды по математике, астрономии и экономике на итальянском. Они изобретали хитроумные аргументы в пользу того, чтобы пользоваться гондолами по субботам. В гетто у них были собственные школы, однако им разрешалось посещать медицинское училище в близрасположенной Падуе и получать там ученые степени. Многие раввины хотели бы увеличить высоту стен гетто.

На самом деле, хотя взаимоотношения между евреями и остальным миром составляли основу их истории, по большей части евреев в первую очередь беспокоили их внутренние взаимоотношения, которые временами были весьма бурными. В те времена, когда венецианское гетто только формировалось, все итальянское еврейство сотрясало в конвульсиях от попыток привлечь к суду Иммануила бен Ноя Рафаэля да Норсу, богача, который правил феррарской общиной как тиран вместе с его собственным «ручным» раввином Давидом Пьяццигеттоне. Он любил говорить: «Вот я сижу в своем городе, посреди моего народа, и если у кого-нибудь имеются ко мне претензии, то пусть он придет и предъявит их мне». Утверждают, что перед ним преклонялись и евреи и христиане. Подробности его деятельности стали известны, когда некто Авраам да Финци подал на него в раввинистский суд в Болонье и обвинил в том, что тот обманным путем отнял у него 5000 золотых флоринов, рубин и изумруд. Сын Норсы, объявив, что его отец отсутствует, отказался принять судебную повестку, приговаривая: «Убирайтесь, вы, *фреска ди мерда*». Раввин Давид отказался проводить службу, воскликнув: «Что прикажете делать с вами, *путто ди Гаман*?» Дело гуляло по полдюжине раввинистских судов по всей Италии, и, хотя большинство было настроено против Норсы, на его стороне была мощная поддержка в лице Авраама Минца, чей отец, равви Иуда Минц, возглавлял *ешиву* в Падуе в течение 47 лет и позднее стал раввином в Мантуе. Нежелательные письма и свидетельства рвались в клочки; несогласным раввинам грозили позорным столбом и христианским судом. Каждая

раввинистская группа обвиняла другую в недостатках воспитания и порочном происхождении; каждая хвасталась собственной генеалогией и ученостью, и усугублялось это противостояние разделением на сефардов и ашкенази. Минц обвинил равви Авраама Коэна из Болоньи в том, что он «сладкоголосый сефард... и замаскированный Сатана». Коэн парировал: «Ты называешь моих предков скандальными священниками... Я горжусь принадлежностью к сефардам, ибо это мы, *сефардим*, освятили это имя в глазах всего мира, пройдя через величайшие искушения... Ты же – негодяй, который ничего не стоит, и лжец в придачу... Ты невежественный, глупый и бессмысленный дурак». Он заявил, что Минц всегда зарабатывал себе на жизнь грабежом и хищениями и был «всемирно известен как злодей и посмешище». Утверждалось также, что Минц стал преемником своего отца лишь потому, что хорошо играл на *шофаре*. В конце концов, свыше 50 раввинов, некоторые из других областей Италии, вмешались, и Норса был вынужден сдаться. Дело против него выглядит достаточно мрачно; однако необходимо учитывать, что уцелевшие материалы были собраны его оппонентами-раввинами; раввины обеих сторон были связаны между собой сложно переплетающимися семейными узами, а юридические взаимоотношения осложнялись давними династическими счетами.

Дело Норсы показывает, что в Италии существовала группа энергичных еврейских общин, вполне способных постоять за себя. Евреи стремились, подобно всем прочим, процветать, опираясь на собственные способности. В Италии XVI века был известен ряд историй замечательного преуспевания евреев. Был, например, некий Авраам Колорни, родившийся в Мантуе в 1540 году, который добился исключительного успеха в качестве инженера на службе герцогов Феррарских. Подобно Леонардо да Винчи, он специализировался на военном оборудовании и снаряжении, разрабатывая мины, взрывчатые вещества, понтоны, надувные лодки, складные осадные лестницы и форты. Он сделал нечто вроде древнего пулемета, изготовив 2000 аркебуз, каждая из которых была способна произвести 10 выстрелов с одного заряжания. Кроме того, он был видным математиком, который составлял таблицы и разработал новый, зеркальный, метод измерения расстояний. Он был блестящим эскапологом. У него была работа по тайнописи. Он не признавал хиромантию. Был известным фокусником, специалистом по карточным фокусам. Неудивительно, что его пригласили к блистательному пражскому двору Рудольфа II, мудрого императора.

На другом конце спектра были несчастные евреи, ставшие жертвами широкомасштабной, хотя и прерывающейся временами, войны между христианами и турками в Средиземноморье, и проданные в рабство. Еврейская политика состояла в том, чтобы сохранять хорошие отношения с обеими сторонами. Евреев, бежавших в 1490-х годах из Испании в Португалию, хорошо приняли в Константинополе; взамен они помогли создать там производство вооружений. Они способствовали усилению и развитию еврейской общины в находящейся под Оттоманской властью Салониках, пока она не стала одной из крупнейших в мире; к 1553 году в городе жило свыше 20 000 евреев. Еврей-торговцы были в Леванте, на Эгейском море и Адриатике, и временами венецианские евреи, опираясь на свои связи на Балканах и на востоке, способны были полностью контролировать значительную долю восточной торговли этого города. Евреи сосредоточивались и в других итальянских портах, особенно Анконе, Легорне (Ливорно), Неаполе и Генуе. Совсем немного торговых судов бороздило Средиземноморье, на борту которых не было бы еврея-бизнесмена. Но все они находились под угрозой нападения со стороны оттоманских и христианских военных кораблей и каперов. Евреи очень высоко котировались в качестве заложников, поскольку считалось, и обычно обоснованно, что, даже если они сами небогаты, можно заставить какую-либо еврейскую общину заплатить за них выкуп.

Если турки захватывали еврея на борту христианского судна, то переговоры о его освобождении обычно велись в Константинополе. В Венеции евреи из Леванта и Португалии основали специальную организацию по освобождению евреев-заложников, захваченных христианами на турецких судах. Торговцы-евреи платили специальный налог для этих целей

со всех товаров, проходивших через них; поскольку они были потенциальными жертвами, для них это была своеобразная страховка. Наиболее активно захватывали рабов рыцари Ордена Св. Иоанна, которые превратили свою базу на Мальте в последний европейский оплот работорговли. Они всегда искали евреев и хватали их даже на христианских кораблях – на том основании, что те являются оттоманскими подданными. Своих пленников рыцари держали в бараках для рабов и периодически продавали их работорговцам, которые платили за евреев больше текущей цены; предполагалось, что все евреи богаты и их выкупят. Венецианские евреи держали на Мальте своего агента, который отслеживал прибытие евреев-заложников и, если позволяли средства, организовывал их освобождение. Христиане-рабовладельцы эксплуатировали эту систему, требуя за евреев немислимый выкуп. Некого Иуду Сурнаго, семидесяти пяти лет, держали голым в погребке в течение двух месяцев, после чего он ослеп и не мог держаться на ногах. Его хозяин грозился вырвать ему бороду и веки, а также заковать в цепи, если только еврей-агент не уплатит 200 дукатов, что и было сделано. Однако агент отказался внести 600 дукатов за Аарона Афило с Родоса, который также подвергался дурному обращению со стороны рабовладельца, и указал, что если бедняга умрет в заточении, то хозяин вообще потеряет свой капитал. Так и произошло в случае с Иосифом Леви; хозяин бил его, чтобы поднять цену, но несчастный умер под бичом.

Этот гнусный промысел процветал в течение 300 лет. В 1663 году старый сторонник Кромвеля, Филипп Скиппон, так описывал рабскую тюрьму на Мальте: «Здесь евреев, мавров и турок превращают в рабов и затем публично продают на рынке... Евреев отличают от прочих по маленькому кусочку желтой ткани на шляпе или другом головном уборе. Мы видели богатого еврея, который был захвачен годом ранее и утром того дня, когда мы посетили тюрьму, продан на рынке за 400 эскудо. Считая себя свободным человеком по причине обладания венецианским паспортом, он ударил торговца, который купил его. После этого он был послан сюда, обрит наголо, закован в цепи и получил 50 ударов палками». Еще в 1768 году лондонская еврейская община послала 80 фунтов стерлингов, чтобы помочь выкупить группу евреев-рабов на Мальте, и прошло еще 30 лет, прежде чем Наполеон покончил с этим явлением.

Вслед за изгнанием из Испании многие итальянцы относились к евреям как к врагам из-за их связей с Оттоманской империей. Это было еще одной причиной для сегрегации с помощью гетто. Были, например, широко распространены подозрения в том, что евреи пытались помочь туркам захватить Мальту во время великой осады 1565 года. Однако главным фактором, повлиявшим на судьбу евреев в Европе XVI века, явилась Реформация. По большому историческому счету, рост протестантизма был чрезвычайно выгоден евреям. Он разрушил монолитное единство католической Европы. В результате христианское общество не могло больше претендовать на единоверие. При этом было покончено с положением евреев как единственной неконформистской группы. В обширных районах Европы реформаторский процесс привел к устранению с исторической арены монашеских орденов, злейших врагов евреев, и ослаблению и уничтожению таких институтов, как безбрачие духовенства и монастырская жизнь, существование которых работало против еврейских интересов.

Реформация, опиравшаяся на труды ученых-богословов Возрождения, возродила интерес к иудаистским исследованиям, в особенности Ветхому Завету. Многие апологеты католицизма обвиняли евреев, а еще того более *марранос*, в том, что они вдохновляли протестантских мыслителей и помогали им. Сами евреи распускали слухи относительно того, что ряд влиятельных христиан, вплоть до испанского короля, ведет свое происхождение от *марранос* и тайно работает на упадок христианства; их летописцы, например, прямо приписывали *марранос* заслугу в росте протестантизма в королевстве Наваррском. Правда, существует совсем немного примеров того, чтобы интерес реформаторов к Ветхому Завету сделал их юдофилами. Такие христианские специалисты по иудаизму, как Пико делла Мирандола (1463—1494), Иоганн Рейхлин (1455—1515), Себастьян Мюнстер, преподававший иврит с 1528 года в Базеле, и Филип Меланхтон

(1497—1560) были столь же яркими противниками иудаизма, как и любой доминиканец, хотя Меланштон, например, критиковал обвинения евреев в кровавых преступлениях и другие антисемитские эксцессы. Они отвергали Мишну и Талмуд, а также, разумеется, все еврейские комментарии, кроме части каббалы. Эразм, самый видный из всех их, отвергал каббалу тоже и считал еврейскую теологию исключительно опасной – даже опаснее для веры, чем обскурантизм средневековых схоластов: «Нельзя найти ничего более противного и враждебного Христу, чем эта чума». Он писал кельнскому инквизитору: «Есть ли среди нас кто-либо, кто не питал бы ненависти к этой расе?... Если нужно быть христианином, чтобы ненавидеть евреев, тогда мы все более чем христиане».

Является истиной, что евреи с самого начала приветствовали Реформацию, поскольку она разделила их врагов. Правда также и то, что Лютер, в частности, обратился к евреям за поддержкой своих усилий в новом толковании Библии и в критике нацистских ее трактовок. В своем памфлете 1523 года «*Das Jesus Christus ein geborener Jude sei*» он утверждал, что в настоящее время нет никаких причин, в силу которых евреи не могли бы прийти к Христу, и доверчиво ждал массового добровольного обращения. Когда же евреи возразили, что Талмуд дает лучшее понимание Библии, и отвергли приглашение креститься, Лютер первым обвинил их в упрямстве (1526), а в 1543 году стал нападать на них буквально с яростью. Его памфлет «*Von den Juden und ihre Lügen*» («О евреях и их лжи»), опубликованный в Виттенберге, можно назвать первым трудом в жанре современного антисемитизма и огромным шагом вперед по пути к Холокосту. «Первым делом, – требовал он, – следует предать огню их синагоги, а то, что останется, – втоптать в грязь, дабы никто более не смог бы увидеть ни камня их, ни пепла». Еврейские молитвенники должны быть уничтожены, а раввинам следует запретить проповедовать. После этого следует заняться еврейским народом, снести их дома, а жильцов «согнать под одну крышу, в стойло, как цыган, и втолковать им, что они – не хозяева нашей страны». Евреев следует изгнать с дорог и рынков, их имущество изъять, после чего самих «ядовитых червей» принудить к труду и заставить зарабатывать свой хлеб так, чтобы «у них пот тек с носа». А в конечном итоге их следует просто вышвырнуть «на вечные времена». В своей тираде против евреев Лютер сделал главный упор на их ростовщическую деятельность и настаивал, что их богатство им не принадлежит, поскольку они «узурпировали его у нас». Ростовщик, подчеркивает Лютер, «есть завзятый вор и убийца... Тот, кто пожирает, гноит и крадет пищу другого, тот совершает такое же убийство (поскольку он к этому расположен), как и тот, кто морит человека голодом. Именно таков ростовщик, но он восседает себе преспокойно на своем стуле, вместо того, чтобы болтаться на виселице, когда его будут расклеивать столько ворон, сколько он награл гульденов... Поэтому нет на земле большего врага человечества, после дьявола, чем алчный ростовщик, ибо он хочет быть Богом над людьми... Ростовщичество – страшное и огромное чудовище, вроде вервольфа... И коль скоро мы колесуем и обезглавливаем грабителей с большой дороги, убийц и взломщиков, то тем более нам нужно колесовать и истреблять... выслеживать, проклинать и обезглавливать всех ростовщиков!»

Лютер не ограничивался словесными проклятиями. Еще до того, как он написал свой антисемитский памфлет, он добился изгнания евреев из Саксонии в 1537 году, а в 40-е годы он выжил их из многих немецких городов. В 1543 году он пытался (безуспешно) убедить электорат изгнать их из Бранденбурга. Его последователи продолжали агитацию против евреев; в 1572 году они закрыли Берлинскую синагогу, а на следующий год довели свое дело до конца, и проживание евреев было запрещено по всей стране. С другой стороны, Жан Кальвин был более расположен к евреям, потому, в частности, что был склонен соглашаться с ними в вопросе о ссудах под проценты; в своих трудах он объективно излагал аргументы евреев, за что был даже обвинен своими врагами из лютеран в юдофильстве. Тем не менее, евреи были изгнаны из кальвинистских городов и из кальвинистского Палатината.

Враждебность протестантов толкнула евреев в объятия императора. Карл V в своей испанской ипостаси другом им не был. Он добился от папы организации инквизиции в Португалии в 1543 году, семью годами позже вышвырнул многих *марранос* из Лисабона,

изгнал в 1541 году евреев из Неаполя, а затем со многих своих территорий во Фландрии. Однако в Германии он нашел в лице евреев полезных союзников, и в парламентах Аугсбурга (1530), Шнейера (1544) и Регенсбурга (1546) именно его покровительство помешало их изгнанию. Католические князья-епископы также сочли полезным иметь евреев союзниками против бюргеров-протестантов, хотя и не готовы были признаться в этом публично. В результате из основного текста аугсбургского мирного соглашения был устранен принцип *cuius regio, eius religio* (религия следует за верой князя), что позволило евреям оставаться в Германии. Носель из Росгейма, главный раввин Эльзаса, который в этот напряженный период выступал выразителем интересов евреев, обозвал Лютера хулиганом и провозгласил императора Карла «ангелом Господним»; евреи молились за победу армии императора в своих синагогах и снабжали ее деньгами и провиантом, разрабатывая и формируя таким образом новую важную стратегию выживания своей нации.

Тем не менее, наступившая затем контрреформация привнесла в обращение с евреями не меньше суровости, чем протестанты. Традиционно папы, подобно другим князьям, использовали евреев и покровительствовали им. К моменту изгнания из Испании в Италию проживали 50 000 евреев, и это число быстро увеличивалось за счет беженцев. Этот приток вызывал проблемы, как в Венеции, но в целом политика папства оставалась неизменной. Павел III (1534—1549) даже поощрял поселение евреев, изгнанных из Неаполя (1541) и шесть лет спустя принял и *марранос*, пообещав защиту от инквизиции. Его преемник Юлиан III возобновил эти гарантии. Однако в мае 1555 года кардинал Караффа, Великий Инквизитор и бич евреев, диссидентов и еретиков, стал папой под именем Павла IV и немедленно изменил политику на 180 градусов. Не только в Анконе, но и во многих других итальянских городах, как находящихся под властью папы, так и других, христиане и евреи свободно перемешивались, но папа принял точку зрения Эразма, что влияние иудаизма несет смертельную угрозу христианской вере. Через два месяца после своего избрания буллой «*Cum nimis absurdam*» он приложил к Риму венецианское решение, и евреи были вытеснены на левый берег Тибра и окружены стеной. В это же время в Анконе он организовал изгнание *марранос*, причем двадцать пять человек из их числа были публично сожжены. Гетто стали возникать во всех городах, находящихся под папской юрисдикцией, и с 1562 года это слово стало официальным термином, употребляющимся в антиеврейских законах. Запылали костры из еврейских книг, причем не только в Риме и Болонье, но и во Флоренции. Пий V (1566—1572) был еще более свиреп, а его булла «*Hebraeorum Gens*» (1569) изгонял еврейские общины, в том числе такие, которые существовали еще с античных времен. В дальнейшем папы менялись, но папская политика удерживать евреев в пределах гетто в городах, находящихся под папской властью, и побуждать других правителей действовать таким же образом оставалась неизменной. Таким образом, гетто были введены в Тоскане (1570—1571), в Падуе (1601—1603), в Вероне в 1599 году и в Мантуе (1601—1603). В Ферраре герцоги отказались следовать этой линии, но согласились запретить евреям печатать книги. В конце концов единственным городом, который не создал у себя гетто, остался Леггорн.

Папство было не единственным государственным институтом, который ополчился на евреев. Сильнейшие монархии, которые традиционно считались самыми надежными покровителями еврейских общин, были одновременно и самыми неистовыми преследователями ереси. В значительной части Европы поднялась высокая волна антиреформации как реакция на возмущающие идеи первой половины столетия, как возврат к трезвому подходу и порядку; этой волной руководили сверху, но она имела широкую общественную опору. Это было движение против расизма, разрушительной деятельности и всякого рода нововведений. Евреев, особенно *марранос*, при этом расценивали как некий возмущающий элемент. Эти насильственно обращенные люди и их потомки, отрезанные от дисциплины ортодоксального иудаизма, кидались от одного движения к другому, включая анабаптизм, который власти ненавидели пуще всего, для них анабаптизм был обобщающим названием всякого рода религиозного неповиновения. У многих *марранос* вера состояла

теперь из сложной смеси христианских и иудейских верований. Они были скептиками, иронически относившимися к Деве Марии и святым, насмехавшимися над образами и благочестивой практикой. Они имели собственное суждение о всякого рода властях. К *марранос* относились как к потенциальным предателям государства и еретикам. Доказательным примером этого служила ненавистная фигура Жоао Мигеца, герцога Нахоса, самого высокопоставленного из всех экс-христиан-евреев, который стал советником самого султана.

Контрреформация, как клерикальная, так и светская, была особенно подозрительной по отношению к иммиграции, составной частью которой были *марранос*. Власти познали на своем опыте, что перемещения евреев сулят неприятности. Они не имели ничего против сложившейся формации евреев, а вот пришельцы принесли с собой угрожающие им опасные идеи. Страх перед новым срабатывал на разных уровнях. Венецианская гильдия пекарей публично осудила пришельцев-иммигрантов: «Они идут по стопам лютеран и, похваляясь тем, что они натворили в христианской Германии... не жалеют усилий, чтобы разрушить нашу гильдию пекарей». В конце концов посол Карла V в Венеции предупредил республику, что, не сумев искоренить ересь, она спровоцирует «враждебность князей, желая завоевать дружбу народов... поскольку они не хотят, чтобы вассалы повиновались своему князю, и стараются разрушить всяческую власть и освободить народы». Нунций Пия V в Венеции, Джованни Антонио Факхинетти, без колебаний приписал военные поражения Венеции в войне с турками ее позорной неспособности искоренить евреев и еретиков, в результате чего войну против республики ведут теперь не столько турки, сколько сам Господь Бог, и республиканские власти должны спросить себя: «Чем наша страна прогневила Господа?» Власть любила еврея как создателя богатств и ненавидела его как носителя новых идей.

Однако обе эти ипостаси были двумя сторонами одной и той же монеты. Опыт показал, что приезжий еврей, который приносит дестабилизирующие идеи, с большой вероятностью несет и новые или более эффективные способы приращения национального богатства. История постоянно учит нас, что сам факт переезда и поселения на новом месте оказывает животворное воздействие на идеи и способы производства товаров, чем превращает эмигранта в более эффективную экономическую силу. Еще в VIII-VII веках до н.э. обнищавшие греческие пастухи и сборщики маслин, покидая свою древнюю землю, становились процветающими торговцами-колонистами в Средиземноморье. В XIX веке голодные шотландские горцы, обитатели ирландских болот из графств Клэр и Керри, полурабы из Польши, безземельные крестьяне из Меццоджорно превратились в предприимчивых граждан в Онтарио и Новой Зеландии, Бостоне, Нью-Йорке и Чикаго, на Среднем Западе, в Аргентине и Новом Южном Уэльсе. Да и в наши дни мы постоянно наблюдаем почти чудесный эффект, который производит переселение на Тайвань и Гонконг из материкового Китая, в Калифорнию и Австралию из Вьетнама и во Флориду с Кубы.

Реформация, контрреформация и религиозные войны разворошили европейский муравейник и разбросали маленькие предприимчивые общины во всех направлениях. Иногда, чтобы избежать беспокойства и преследований, они переселялись по 2 или 3 раза, прежде чем осесть окончательно. И почти всегда это приводило к процветанию их последнего пристанища. Часто утверждали (например, Макс Вебер и Р. Х. Тоуни), будто современный капитализм явился продуктом религиозных принципов, которые называли то «протестантской этикой», то «кальвинистской паникой спасения», причем в обоих случаях имелся в виду дух упорного труда и накопления. Но имеется ряд неопровержимых возражений против этой теории, и в настоящее время представляется более правдоподобным, что решающую роль играл фактор переселения, а не сектантские верования. Динамический импульс национальным экономикам, особенно в Англии и Нидерландах, а позднее в Северной Америке и Германии придали не только кальвинисты, но и лютеране, католики из Северной Италии и не в последнюю очередь евреи. Что было общим у этих общин переселенцев, так это не теология, а нежелание жить в условиях государственной регламентации религиозных и моральных идей в соответствии с установками церковной

власти. Все они отказывались признавать церковную иерархию, отдавая предпочтение религиозному управлению при помощи конгрегации и индивидуального сознания. Во всех этих отношениях евреи были самыми характерными из различных категорий эмигрантов. Они отвергали клерикализм еще со времен разрушения Второго Храма. Они приняли конгрегационализм задолго до всех протестантских сект. Их общины выбирали себе раввинов, и эта специфическая форма руководства оказалась работоспособной благодаря отсутствию догматической теологии и благодаря духу интеллектуальной терпимости. И уж во всяком случае, они были большими специалистами по переселению. Всю свою историю они только и делали, что перебирались с места на место. Будучи с самого своего появления «пришлецами и поселенцами», они на протяжении многих поколений и в бесконечно разнообразных ситуациях отрабатывали столь важные для иммигрантов способности, как умение концентрировать свое состояние, чтобы его можно было быстро перебросить из опасного района в новое место жительства. И в этой их мобильности им помогали их профессии и ремесла, их народная культура и законы.

Это было одной из причин, почему переселенцы-евреи, несмотря на все свои неприятности, всегда имели оборотный капитал. А это, в свою очередь, делало их обычно желанными гостями. Вот как формулировал это один из апологетов еврейства, Манассия бен Израэль, в середине XVII столетия:

«Отсюда можно видеть, что Бог не оставил нас; ибо если некто преследует нас, то иной принимает нас мирно и дружественно; если некий князь относится к нам плохо, то другой – хорошо; если один изгоняет нас из своей страны, то другой приглашает к себе, обещая тысячу привилегий – подобно тому, как делали некоторые князья Италии, как поступал славнейший король Дании и могучий герцог савойский в Ниссе. И не видим ли мы, что те из республик процветают и расширяют торговлю, кои допускают израильтян?»

В дополнение к своим общим наклонностям, евреи внесли свой специфический вклад в дух экономических нововведений и предприимчивости. Как мы уже видели, в Средние века их городские, торговые и финансовые способности и достоинства были постепенно заимствованы окружающими христианскими общинами; когда же их социальная и экономическая полезность была уже не нужна, евреев очень часто просили удалиться или подвергали дискриминации. Случалось, что после этого они перебирались в менее развитые районы, где на их навыки все еще сохранялся спрос. Возможен был и альтернативный вариант – разработка новых подходов, и здесь евреи также оказывались на высоте. В этом соревновании они шли на шаг впереди других, либо повышая эффективность существующих методов и тем самым снижая затраты и цены, либо внедряя новые методы. Их новаторский дух был наиболее очевиден, когда они заселяли новый район, чаще всего потому, что в этот момент на сцену должно было вступать новое поколение. Столь же важной была способность евреев оперативно реагировать на абсолютно новые явления и ситуации. Религия научила их рационализму. Капитализм на всех этапах своего развития развивался благодаря рациональному подходу, упорядочивая хаос существующих методов. Евреи были в состоянии решить эту задачу, поскольку, будучи довольно консервативными (как правило) в пределах своего ограниченного и изолированного мира, они не подвергались, в том числе и эмоционально, давлению проблем общества в целом, и могли, таким образом, без паники наблюдать за утратой старых традиций, методов и институтов власти; более того, они могли играть ведущую роль в процессе их разрушения. Таким образом, они играли роль естественных антрепренеров капитализма.

Эта относительная свобода в следовании рациональной логике, которую предоставлял евреям их статус аутсайдеров, ни в чем не проявлялась лучше, чем в их отношении к деньгам. Едва ли не величайшим вкладом евреев в прогресс человечества было то, что они заставили европейскую культуру примириться с деньгами и их властью. Человеческие сообщества всегда демонстрировали упорное нежелание лишиться денег мистического ореола и увидеть в них только их истинную сущность – быть средством, чья цена, как и всего прочего, относительна. Они стремились придать всему абсолютную цену, не в силах видеть,

что цена вещи зависит от времени и места; в особенности это относилось к деньгам, поскольку у них имеется номинальная стоимость. Они вкладывали в деньги определенный моральный оттенок. Почему Св. Павел заявил, а бесчисленные миллионы бездумно повторяют: «Любовь к деньгам есть корень всего зла»? Почему не любовь к земле или к табунам лошадей? Или к домам и картинам? Или, पुще того, любовь к власти? Нет никакой логичной причины, почему именно к деньгам следует относиться с подобным осуждением. Более того, моральное различие между деньгами и прочими предметами чрезвычайно затрудняет этическое обоснование накопления и экономического развития. Люди с честью разводили скот, с достоинством сеяли и убирали хлеб. Но если они «делали деньги», то сразу становились паразитами, «жили на нетрудовые доходы», как это впоследствии стали называть.

Первоначально евреи были в той же степени жертвами этого заблуждения, как и все прочие. Фактически именно они явились его авторами. Однако их умение рационализировать религию и сложность их положения как невольных добывателей денег, постепенно заставили евреев взглянуть в лицо проблеме и решить ее. Как мы уже видели, они стали вырабатывать двойной стандарт применительно к денежным сделкам с евреями и неверными. Некоторые элементы этого подхода сохранились до сегодняшнего дня; так, многие еврейские банки в Израиле (и в других местах) требуют, чтобы ссудные операции между евреями производились в соответствии с религиозными законами. Однако с конца XV столетия еврей-рационализаторы стали предпринимать попытки лишить деньги этого образа. Во время диспута, проходившего в Ферраре в 1500 году, равви Авраам Фариссоль из Авиньона, пользуясь знакомым (и не совсем честным) аргументом новаторов, настаивал на том, что дела существенно изменились с библейских времен, и деньги стали, дескать, простым товаром:

«Это привело к новой ситуации и новым обязательствам. [Вполне естественно давать что-то задаром нищему, из жалости, но] в других случаях, когда человеку требуется нечто, имеющееся в изобилии у его товарища,...он покупает это за некоторую плату. Отсюда... и установившаяся практика платы за найм жилья и работников... причем все это имеет свою цену... Потому что если бы природа и мудрость требовали оказывать помощь каждому, кто в ней нуждается, чтобы удовлетворить его пожелания, а деньги суживались бы без процента всякому, кто нуждается в деньгах, то природа бы также потребовала, чтобы всякого, кому нужен был бы дом, или лошадь, или работа, следовало бы удовлетворить бесплатно».

Фариссоль чувствовал, что согласованная система цен, заработной платы и процентов является социально выгодной, поскольку помогает регулировать дружественным образом экономические взаимоотношения в упорядоченном обществе. Получить доход от обладания деньгами стало не более и не менее позорным, чем от владения землей или любым другим товаром: «из установившейся практики и вообще из законов природы вытекает, что тот, кто получает выгоду за счет денег своего товарища, должен чем-то вознаградить его». Примерно в то же время Исаак Абрабанель сформулировал аналогичную стратегию обороны в своем комментарии к тексту Второзакония, впервые опубликованном в 1551 году: «Нет ничего нечестного в процентах... потому что справедливо, чтобы люди извлекали прибыль из своих денег, вина или зерна, а если кто-то желает взять у другого деньги... то почему бы фермеру, [который] получил пшеницу, чтобы засеять свое поле, не отдать заимодавцу 10 процентов в случае своего успеха, на который он обычно рассчитывает? Это – обычная сделка, причем честная». Беспроцентную ссуду, считает он, следует оставить для того, кто заслуживает особой нашей доброты, например, нуждающегося единове́рца.

Готовность прямо подойти к проблеме денег и рассматривать ее честно и рационально имеет глубокие корни и в библейском и в раввинистском иудаизме. Иудаизм не противопоставлял друг другу благочестие и процветание. Он уважал бедность, осуждал скупость, но постоянно говорил о связи между благосостоянием и моральными ценностями. Во Второзаконии имеется прекрасный отрывок, где Моисей говорит о благодати, которую Бог ниспослет тем, кто соблюдает его закон: «И возлюбит тебя, и благословит тебя, и

размножит тебя, и благословит плод чрева твоего, и плод земли твоей, и хлеб твой, и вино твое, и елей твой, рождаемое от крупного скота твоего и от стада овец твоих, на той земле, которую он клялся отцам твоим дать тебе». И сам Израиль должен быть богат: «И ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы». «Ищущие Господа, – говорит Псалтирь, – не терпят нужды ни в каком благе». Псалтирь, Притчи Соломоновы, Книга Екклесиаста и книга Бен Сиры полны таких сентенций. Им вторит Талмуд: «Во время нехватки человек учится ценить богатство». Имеются семь вещей, что благоприятны для праведных и благоприятны для мира, «одна из них – богатство». Еврейская галаха всегда рассматривала напрямую реальные, а не теоретические проблемы бизнеса, исходя из того, что правильно организованная торговля не только совместима со строгой моралью, но и вполне добродетельна, поскольку позволяет совершать добрые дела и систематически заниматься благотворительностью, вокруг которой вращалась еврейская община. Кафедократия реалистично относилась к проблемам торговли и писала о них, поскольку в нее были вовлечены многие ее члены. Люди вроде Маймонида и Нахманида никогда не высказывались (в отличие от христиан-интеллигентов) в том смысле, что существует абсолютное различие между чтением и написанием книг с одной стороны и ведением бухгалтерских книг – с другой. Раввинистский иудаизм говорил о бизнесе слова, которые, как известно любому разумному человеку, верны и справедливы, но которые из соображений благопристойности обычно исключают из религиозных рассуждений.

При всем этом евреи были хорошо подготовлены к тому, чтобы извлекать выгоду из роста мировой экономики, который ознаменовал XVI столетие; фактически с учетом их изгнания с Пиренейского полуострова и отношения к ним в Европе в эпоху реформации и контрреформации у них не было выбора, кроме как раздвигать границы диаспоры и искать новых приложений своим деловым навыкам. Для Запада путешествия Колумба не были единственными, которые опирались на финансы и технику, принадлежавшие евреям и *марранос*. Изгнанные евреи оказались первыми торговцами, которые отправились в Америку. Они основывали фактории. В Сент-Томасе они оказались первыми крупными плантаторами. Испанские законы, запрещавшие евреям эмигрировать в колонии, доказали свою неэффективность и в 1577 году были отменены. Евреи и *марранос* особенно эффективно действовали при заселении Бразилии; первый генерал-губернатор Томаш де Соуса, присланный в 1549 году, был явно еврейского происхождения. Они владели большей частью плантаций сахарного тростника. Они контролировали торговлю драгоценными и полудрагоценными камнями. Евреи, которые были высланы из Бразилии в 1654 году, помогли создать сахарную промышленность на Барбадосе и Ямайке. Их приветствовали новые британские колонии на Западе. Губернатор Ямайки, который в 1671 году отверг петицию об их высылке, писал, что, по его мнению, «Его Величество не мог бы иметь более выгодных подданных, чем евреи и голландцы; они обладают огромными запасами и связями». Правительство Суринама заявило: «Мы обнаружили, что еврейская нация... доказала собственную полезность и выгоду для колонии».

На Востоке евреи проявляли активность на русских приграничных территориях, особенно на берегах Черного моря, по меньшей мере, со времен эллинов. Легенды связывают появление евреев в Армении и Грузии с историей десяти племен, пропавших при разграблении северного царства Израиля. В первой половине VIII века Хазарское царство было обращено в иудаизм. С раннего Средневековья евреи активно действовали на обширном пространстве Евразии в качестве торговцев и миссионеров. В 70-х годах XV века в быстро расширяющемся Московском княжестве еврейская деятельность привела к появлению полутайной секты, которую власти окрестили «жидовствующие» и предпринимали ярые попытки искоренить ее. Царь Иван Васильевич Грозный (1530—1584) приказывал топить евреев, которые отказываются креститься, и евреи официально не допускались на территорию России вплоть до раздела Польши в конце XVIII века.

Этот российский барьер, препятствовавший проникновению евреев на восток, привел к

интенсивному оседанию евреев в Польше, Литве и на Украине. Как в Западной Европе в Темную эпоху и раннее Средневековье, и здесь евреи служили ключевым элементом в мощном процессе колонизации, с его быстрым подъемом сельскохозяйственного производства и торговли, а также с феноменальным ростом населения. Около 1500 года в Польше из общего населения в 5 миллионов на долю евреев приходилось всего 20-30 тысяч. К 1575 году, когда общее население выросло до 7 миллионов, число евреев подскочило до 150 000, а дальнейший прирост был еще более стремительным. В 1503 году польский король назначил равви Якова Поляка раввином Польши, и возникновение главного раввината, поддержанного короной, способствовало формированию такой системы самоуправления, какой евреи не знали со времен экзархата. С 1551 года главный раввин избирался самими евреями. Это управление было, строго говоря, скорее олигархическим, чем демократическим. У раввината был широкий круг полномочий в вопросах юстиции и финансов, назначения судей и других чиновников. Когда он разделил свою власть с местными советами, всего от 1 до 5% евреев-домовладельцев имели право голоса.

Разумеется, передавая часть власти евреям, монархия преследовала свои собственные интересы. Существовала довольно сильная враждебность поляков по отношению к евреям. Так, евреи обычно не допускались в Краков, где существовала своя сильная торговая прослойка. Короли обнаружили, что могли бы зарабатывать на евреях, продавая ряду больших и малых городов (например, Варшаве) привилегию *de non tolerandis Judaeis*. Но они могли заработать еще больше, разрешая рост еврейских общин и за это получая постоянные доходы. Раввинат и местный еврейский совет при этом превращались, по существу, в налоговую инспекцию. Лишь 30% их сборов шли на социальное обеспечение и заработки официальных лиц; все остальное передавалось короне в обмен на покровительство.

Союз раввината с общинными финансами, а также с деловой активностью тех, кто их пополнял, привел восточных евреев-ашкенази к тому, что они пошли еще дальше итальянцев начала XVI века, дав галахическое благословение новым кредитно-финансовым методам. Польские евреи, жившие и работавшие вблизи границ цивилизации, имели связи с семейными еврейскими фирмами в Нидерландах и Германии. Появился и был согласован с раввинатом новый кредитный инструмент – *мамрам*. В 1607 году еврейские общины Польши и Литвы получили право использовать *гетер-искаш* – систему выдачи ссуд одними евреями другим под процент. Эта рационализация закона привела постепенно к тому, что даже наиболее консервативные элементы, вроде пражского магарала равви Иуды Лева, одобрили ссуду под процент.

Имея легкий доступ к кредитам, евреи-первопоселенцы сыграли ведущую роль в развитии Восточной Польши, Центральной Литвы и Украины, особенно после 1560-х годов. Население Западной Европы быстро увеличивалось. Ему требовался возрастающий импорт зерна. Амбициозные польские помещики, рвавшиеся в ответ на эти запросы осваивать новые районы возделывания пшеницы и направить потоки зерна через балтийские порты на Запад, стали вступать в партнерские отношения с евреями-предпринимателями. Польские магнаты – Радзивиллы, Собеские, Замойские, Острожские, Любомирские – либо владели соответствующими землями, либо завоевывали их. Портовые города находились под властью лютеран-немцев. Большинство кораблей владели кальвинисты-голландцы. Ну, а евреи делали все остальное. Они не только управляли имениями, но и в ряде случаев организовывали их аренду или заклад под оборотные средства, взимали арендную плату. Они строили и эксплуатировали мельницы и винокурни. Они владели речными судами, на которых вывозили пшеницу, привозя обратным рейсом вина, ткани и предметы роскоши, которыми торговали в своих лавках. Они участвовали в мыловаренном, керамическом, кожевенном и пушномеховом производстве. Они создавали целые деревни и городки (*итетли*), где сами жили в центре, а крестьяне (католики в Польше и Литве, православные на Украине) селились на окраинах.

Перед 1569 годом, когда Брест-Литовская уния сделала возможным польское заселение

Украины, там существовало всего 24 еврейских поселения с 4000 жителей. К 1648 году их было уже 115 с официальным населением 51 325; общее же его количество было намного выше. Большинство этих мест принадлежало польской шляхте, не проживавшим там постоянно помещикам; евреи же выступали в качестве посредников в их взаимоотношениях с крестьянами. Эта их роль таила в себе будущую опасность. Часто евреи и сами выступали в роли магнатов. В конце XVI века некий Израиль из Злочева арендовал у консорциума шляхтичей целый район площадью в несколько сот квадратных километров, за что выплачивал ежегодно огромную по тем временам сумму в 4500 злотых. Он сдавал своим более бедным родственникам в субаренду трактиры, мельницы и право сбора пошлин. Чтобы принять участие в этом процессе колонизации, съезжались евреи со всей Европы. Во многих населенных пунктах они стали составлять большинство населения, впервые за пределами Палестины доминируя в местной культуре. Вообще они стали играть важную роль на всех уровнях общества и власти. У каждого польского магната в замке был свой еврейсоветник, который вел бухгалтерские книги, писал деловые письма и вообще занимался экономикой.

Фактически к концу XVI века в Центрально-Восточной Европе мало нашлось бы важных персон, кто «не знал бы Иосифа». Возник новый, и великий, образ-прототип еврея. В последней четверти столетия идеологический нажим контрреформации иссяк. Испанский король Филипп II был последним из владык, кто действовал в полном согласии с папством. Под старость, уже в образе Павла IV, он изгнал евреев из своего герцогства Миланского (1597). Ряд других властителей проводил линию католицизма (или протестантизма), исходя из собственных интересов. Иные становились политиками, склонными к компромиссам. Власть и влияние церкви убывали, авторитет государства рос. Наиболее влиятельные авторы трудов по юридическим и политическим проблемам – Монтень, Жан Бодэн, Липсий, Фрэнсис Бэкон – придерживались светских взглядов на политику общества. Религиозные споры не должны беспокоить и разделять народы. Задача государства – добиваться мирного урегулирования, единства и процветания. В этой новой атмосфере терпимости и политики реализма мудрых евреев принимали по их достоинствам.

Так, республика Венеция (1577) предоставила далматинскому *маррано*, Даниэлю Родригесу возможность создания нового порта Спалато (Сплит) как элемента новой политики, заметную роль в которой играли евреи и которая заключалась в том, чтобы сделать балканские реки торговыми путями. Герцог Тосканский даровал хартию евреям Ливорно. Герцог Савойский содействовал созданию еврейских поселений в Ницце и Турине. Французские короли своими письмами гарантировали покровительство еврейским купцам. Генрих IV даже играл в карты с неким Манозлем де Пиментель, которого называл «королем игроков». В Амстердаме кальвинистские власти перестали интересоваться религиозными взглядами прибывавших на жительство *марранос* (с 1590-х годов – сефардов, а с 1620 – ашкенази). Евреи отправляли свои религиозные службы поначалу в частном порядке. С 1616 года у них существовала школа по изучению Торы, с 1620-х годов они стали печатать свои книги. С точки зрения голландцев, они были полезным и благовоспитанным дополнением к торговому сообществу. Во Франкфурте община стала настолько процветающей, что в 1562, 1582 и 1603 годах там проводился всеобщий раввинистский синод.

Немецкоязычные города и княжества, изгонявшие евреев в начале века, стали вновь принимать их. Представитель династии Габсбургов император Максимилиан II позволил евреям вернуться в Богемию, а его преемник, Рудольф II, даровал им хартию о привилегиях. Была восстановлена старинная еврейская община в Вене; в Праге, где находился двор Рудольфа II, к концу столетия проживало 3000 евреев. Знаменитые учителя-раввины вроде магарала Ефраима Соломона бен Аарона из Люнчица или Исаяи бен Авраама га-Леви Горовица жили в еврейском квартале рядом с такими королями торговли, как Яков Бассефи фон Тройенберг, Мордекай Зема Коэн или Маркус Майзель. У Рудольфа в его дворце была известная беседа с магаралом; он покровительствовал одаренным евреям всякого рода – от астрономов до ювелиров. Но самыми ценными он считал евреев-финансистов и сделал Майзеля своим первым «придворным евреем». Этот персонаж «придворного

еврея»-финансиста доминировал в финансовых ведомствах Центральной Европы в течение 150 лет и сохранял определенное значение вплоть до 1914 года.

Великая сила евреев состояла в их способности быстро извлекать выгоду из новых возможностей, чувствовать возникновение беспрецедентной ситуации при ее появлении и разрабатывать методы, позволяющие к ней приспособиться. Христиане долго учились справляться с обычными финансовыми проблемами, но были консервативны и медленно реагировали на новые обстоятельства. К концу XVI века главным из этих новых обстоятельств стал рост масштабов войн и военных расходов. Майзель снабжал Рудольфа, видного коллекционера, произведениями искусства и научными приборами, но главной его задачей было финансирование войны с Турцией. Взамен император разрешал ему займы не только под такой реальный залог, как драгоценности, но и под векселя и землю. Взаимоотношения между этими двумя людьми – умным благочестивым евреем и эгоистичным самовлюбленным Габсбургом – были неизбежно корыстны с обеих сторон. Когда Майзель скончался в 1601 году, оставив свыше полумиллиона флоринов, государство конфисковало эти средства под тем предлогом, что его сделки, несмотря на данное императором разрешение, были незаконными. Однако Майзель, несомненно предвидевший такую ситуацию, успел истратить значительные суммы на пражскую общину. Он построил синагогу, которой Рудольф даровал привилегии не пускать внутрь полицию и демонстрировать звезду Давида, а также освобождение от налогов; он организовал еврейское кладбище и основал больницу; он даже вымостил улицы в еврейском квартале. Он финансировал еврейские общины в Польше и делал взносы во всяческие еврейские фонды, в том числе находящиеся в Палестине. И несомненно правдива эпитафия на его надгробном камне, который сохранился в Праге: «Никто из современников не мог сравниться с ним в делах благотворительных». Фактически, он оплачивал эксплуатацию ведущих членов еврейской общины короной, но при условии, что последняя оберегает их от других хищников.

Во время этого периода Габсбурги добросовестно «несли свою часть поклажи». Когда в 1614 году во Франкфурте толпа под предводительством Винцента Феттмильха штурмовала еврейский квартал, изгоняя евреев и грабя их дома, император Маттиас объявил погромщиков бунтовщиками и разбойниками и спустя два года повесил их вожаков. Евреев демонстративно вернули домой, даровав им новые имперские привилегии; впоследствии успешный исход этих событий праздновался ежегодно как «Пурим Винцента». В 1618 году в Германии разразилась Тридцатилетняя война, на начальном этапе которой династия Габсбургов была близка к гибели. В седле их удержали не кто иные, как евреи, особенно пражский финансист Яков Бассефи. А потому, когда фортуна повернулась лицом к императорской армии в битве при Белой Горе и армии императора вновь заняли город (1620), еврейский квартал оказался единственным местом, которое они не разграбили. Лично император Фердинанд II подарил Бассефи два самых лучших дома, конфискованных у протестантов.

Этот ужасный тридцатилетний конфликт, который принес разруху в Германию, вывел евреев в самый центр европейской экономики. Приходилось годами, в том числе и в зимний период, держать в поле огромные армии. Обеспечить их провиантом и фуражом удавалось только благодаря сети продовольственных поставок, организованной евреями в Восточной Европе. Они строили литейные и пороховые заводы и рыскали по всей Европе и на Востоке в поисках вооружения. И, что самое главное, они добывали наличные деньги, зачастую изобретая для этого новые способы активизации имперских авуаров. Именно Бассефи организовал в 1622 году вместе с принцем Лихтенштейном и генералом Валленштейном консорциум, который взял в аренду имперский монетный двор. Император получил крупную сумму денег на военные расходы, а Бассефи с партнерами вернул ее себе, снизив курс валюты. Община прозвала Бассефи «юденфюрст» (знатный еврей); он был произведен императором в пэры. Правда, в 1631 году его имущество было конфисковано, и после смерти в 1634 году, вскоре после убийства его покровителя Валленштейна, все привилегии были

аннулированы. То есть судьба этого еврея, финансировавшего войну, оказалась переменчивой. Но разве когда-нибудь судьба еврея не была переменчивой?

Едва начавшись, эта война с легкой руки Валленштейна и Густава Адольфа приобрела тотальный характер, когда необходимость выиграть ее (или хотя бы выжить) стала выше идеологии, религии, расы и традиции. И евреи, с их удивительной способностью добыть то, чего почти нет, и разжиться деньгами в суровом и враждебном мире, оказались совершенно незаменимы для всех сторон. Когда у шведов началось падение влияния католицизма, большинство немецких евреев оказались под властью лютеран, и они подверглись давлению через принудительные займы. Однако не прошло и года, как евреи оказались главными поставщиками шведской армии. Как и в случае с Габсбургами, они поставляли провиант, снаряжение и, самое главное, лошадей. Более того, лютеранское командование обнаружило (как и ранее католики Габсбурги), что, будучи гражданами второго сорта, а то и вообще преследуемым меньшинством, евреи соглашались на поставки в кредит, при условии покровительства и привилегий; последнее обстоятельство позволяло высокой договаривающейся стороне блюсти и свою выгоду. По мере того как в борьбу ввязывались все новые и новые европейские державы, евреи Рейнланда и Эльзаса, Богемии и Вены брали их всех на довольствие. В Эммерихе, оккупированном голландскими войсками, Соломон Гомперц разбогател, продавая им провизию и табак. В Эльзасе евреи поставляли армии кардинала Ришелье лошадей и фураж. И за все эти услуги наградой им был привилегированный статус. Ришелье, который контролировал все морские операции Франции, дал португальским *марранос* особый статус в портах, хотя и было очевидно, что они – иудеи, а не христиане. В 1636 году Фердинанд II приказал своим военачальникам, чтобы евреев Вормса не подвергали принудительным займам, не помещали к ним войск на постой и вообще никак не тревожили. Почти не было случаев, чтобы воюющие стороны призывали евреев на воинскую службу. Не только имперское командование, но и шведы и лютеране строго запрещали грабить еврейские кварталы. В итоге, как ни странно, в ходе Тридцатилетней войны впервые в своей истории к евреям относились лучше, а не хуже, чем к остальному населению. В то время, как Германия находилась в наиплачевнейшем состоянии, евреи не только выжили, но даже процветали. Как отмечал историк Джонатан Израэл: «Нет ни малейшего свидетельства того, что количество евреев в Центральной Европе хоть скольконибудь уменьшилось во время Тридцатилетней войны».

На заключительном этапе войны близкие ко двору евреи уже владели контрактами на поставку провианта всей армии, хотя первые контракты такого рода относятся уже к 1650-м годам. В дальнейшем же они оказались столь же полезными в условиях мира, как и в военное время. Они стали необходимым элементом в системе абсолютистских монархий, собирая средства на сооружение гигантских дворцов в стиле барокко и тщательно спланированных столиц, которые стали знаком времени; они же организовывали проведение в жизнь экономической политики меркантилизма, позволявшей этим монархиям держаться на плаву. Еврейские займы финансировали великую Карлскірхе в Вене и прекрасный дворец Габсбургов Шенбрюнн. Некоторые евреи фактически играли роль главных министров при немецких монархах, помогая им концентрировать в своем дворце политическую и экономическую власть, выгоду от чего имели и евреи и суверены. Сформировалось даже около дюжины, если не больше, знаменитых династий придворных евреев. Так, три поколения семьи Гомперц служили князьям-епископам в Мюнстере, пять – Гогенцоллернам. Беренды служили ганноверскому двору, Леманы – саксонскому. В другой профессиональнопридворной семье, Фюрстов, Самуил Фюрст был придворным евреем при нескольких герцогах шлезвиг-голлштинских, Иеремия Фюрст – при герцоге мекленбургском, а Израиль Фюрст – при голштейн-готторпском дворе. Гольдшмидты служили как нескольким немецким князьям, так и датской королевской фамилии. Ряд немецких евреев, сефардов и ашкенази, играли активную роль при скандинавских дворах: семьи де Лима и де Кассерес служили датчанам, де Сампайос – шведам. Польские короли пользовались услугами Леманов и Абензуров, португальские – да Кошта, испанские – Бокаррос.

Способность евреев добывать и развертывать значительные денежные ресурсы сыграла решающую роль в двух крупнейших военных конфронтациях второй половины XVII века: в успешном сопротивлении Габсбургов продвижению Турции в Европу и их последующем контрнаступлении; и в большой коалиции, которая пресекла попытку Людовика XIV доминировать на европейском континенте. В обеих ведущую роль сыграл Самуил Оппенгеймер (1630—1703). Он был императорским военным поставщиком при австрийской монархии во время ее борьбы с Англией в 1673—1679 годах; во время борьбы Австрии с Турцией, начавшейся в 1682 году, он получил эксклюзивный контракт на поставки австрийской армии. Он занимался производством форменной одежды и рационов для войск, оплачивал их содержание, поставлял и кормил лошадей, содержал госпитали для раненых и даже строил плоты для перевозки по рекам пушек, лошадей и военнослужащих. Именно он, как никто другой, сделал все для спасения Вены во время неистовой осады 1683 года, когда оттуда сбежал император; именно он сыграл решающую роль в осаде и взятии Будапешта (1686) и Белграда (1689—1698). В 1688 году Оппенгеймера призвали экипировать и содержать армии, сформированные, чтобы противостоять вторжению Людовика XIV в Пфальц, так что в течение нескольких лет он ведал финансированием войны на два фронта, привлекая ресурсы обширной сети еврейских финансовых семей Германии и Нидерландов.

Придворным евреям присваивались самые разнообразные титулы: *гоффактор*, *гофзюде*, *гофпроведитор*, *гофагент*, *кабинетфактор*, *комменциентрат*, *генералпроведитор* и др.; великого Оппенгеймера в мирное время именовали *обергоффактор*, в военное — *оберкригсфактор*. Они пользовались большими привилегиями: прямой доступ к суверену, право путешествовать по своему выбору повсюду и в любое время; неподсудность еврейским судам и обычно местным судам тоже — вместо этого они подпадали под юрисдикцию верховного суда, *гофгерихта*. Они представляли собой специфическую классовую прослойку, различимую не только в обществе вообще, но и среди евреев: придворные евреи редко вступали в брак за пределами своего круга. Поэтому практически все они состояли в родстве друг с другом. Однако связи эти не всегда работали. Так, племянник Оппенгеймера, Самсон Вертгеймер, стал его главным соперником и врагом. Вообще же, как правило, именно семейные связи делали еврейскую систему добывания и переброски крупных сумм столь эффективной.

Более того, семейный принцип работал на укрепление еврейского принципа в жизни этих людей, что балансировали между двумя мирами. Придворный еврей все время стоял перед соблазном ассимилироваться в блестящем аристократическом обществе, которому он служил. Некоторым из них в дополнение к официальным титулам даровалось право иметь собственный герб. Им разрешалось носить мечи и пистолеты, ездить верхом и держать карету; они сами и их дамы могли выбирать одежду по своему усмотрению. И, что самое важное, они могли жить так и там, как и где им хотелось. Они могли купить дом за пределами еврейского квартала или вообще в городе, где проживание евреев было запрещено; так, например, Оппенгеймер завоевал право жить в Вене не только для себя, но и для доброй сотни семей, связанных с ним родством или находившихся в зависимости от него. Но немногие из этих людей, по крайней мере в XVII столетии, стремились по-настоящему отделиться от еврейской общины. Хотя их образ жизни был далек от условий гетто, они помогали своим братьям-евреям деньгами и покровительством. Они понимали, что семейная сеть и еврейское братство были их единственной надеждой в тяжелые времена. Они не могли доверять христианским законам. Христианская толпа всегда была готова выступить против них. Монархи были обычно непостоянны и ненадежны. Даже если некий монарх и был лоялен, то в случае его смерти враги придворного еврея могли накинуться на него как волки.

В этом смысле поучительной является история Оппенгеймера. Никто не сослужил большей службы Габсбургам, чем он. Однако когда был заключен Нимегенский мир (1679), австрийское казначейство отказалось выплатить ему долг в размере 200 000 флоринов, и даже его личное обращение к императору привело лишь к частичному погашению долга. В

1692 году, когда ему были должны уже 700 000 флоринов, казначейство предъявило ему ложные обвинения, и он был вынужден купить себе свободу ценой полумиллиона флоринов. Через два года ему были должны уже пять миллионов, и эта колоссальная сумма продолжала расти. Во время короткого мира 1698—1702 гг., когда его услуги стали не столь необходимы, толпе позволили напасть на его дом в Вене и подвергнуть его разграблению. В дальнейшем власти проявили некоторую активность и даже повесили двух грабителей, но, когда старик скончался в 1703 году, государство отказалось компенсировать свои долги ему. Поскольку Оппенгеймеру приходилось самому залезать в крупные долги, чтобы помочь государству, в Европе запахло серьезным финансовым кризисом, и Габсбургам, чтобы выбраться из созданного ими же тяжелого положения, пришлось пойти с протянутой рукой к конкуренту старика – Вертгеймеру. Однако с наследниками Оппенгеймера так никогда и не рассчитались, и его имущество было через 60 лет распродано с аукциона.

Другой член этой же семьи, Иозеф Оппенгеймер (ок. 1698—1738 гг.) с 1733 года пытался помочь герцогу Вюртембергскому установить авторитарное правление, основанное на его, герцога, контроле над экономикой, но стал трагической жертвой, когда через четыре года герцог скоропостижно скончался. В тот же день Оппенгеймера арестовали, обвинили в покушении на общинные права и растрате, вынесли приговор и повесили. Его тело было выставлено на всеобщее обозрение в железной клетке. Взлет и падение Оппенгеймера, известного также под кличкой «Зюс», или «еврей Зюс», послужили предупреждением евреям, которые доверяли неверным, и впоследствии легли в основу известного романа Леона Фейхтвангера.

Важно отметить, что Оппенгеймер, который в эпоху своего процветания фактически перестал быть евреем, вернулся во время заключения в лоно ортодоксальной веры, отказался крещением купить себе возможность помилования и умер, не изменив своей вере. На гравюре того времени он изображен чисто выбритым. Сбривали бороды и некоторые другие придворные евреи, но большинство отказывались. Саксонский выборщик, вокруг двора которого группировалось около 20 еврейских семей, предложил одному патриарху 5000 талеров за то, чтобы он сбрил бороду. Тот отказался, и тогда выборщик в ярости потребовал ножницы и сам отрезал бороду. Самсон Вертгеймер не только сохранил свою бороду, но и одевался, по словам придворных, «как поляк». Многие придворные евреи, хоть и вступали в брак исключительно в своей среде, оказывали услуги еврейским общинам на местах, выступая зачастую в роли *штадлана* (официального посредника). Агенты великого Оппенгеймера прочесывали Венгрию, Словакию и Балканы, выкупая бедных евреев, захваченных в заложники в австро-турецких войнах, и пристраивая их в безопасные общины. В суде еврей, сколь богат и могуществен бы он ни был, знал, что он никогда не находится в полной безопасности; всегда неподалеку можно было найти другого еврея, попавшего в отчаянное положение.

В 1648—1649 гг. на евреев юго-восточной Польши и Украины обрушилась катастрофа. Это событие, как мы увидим, имело по ряду причин огромное значение для истории евреев; непосредственным же его результатом явилось то, что оно напомнило евреям, где бы они ни находились, о хрупкости их положения и яростной мощи тех сил, которые могут без предупреждения нанести по ним удар. Тридцатилетняя война оказалась огромным бременем для экспортных продовольственных ресурсов Польши. Именно благодаря своим польским связям евреям удавалось обеспечить различные армии продуктами питания. Больше всех от этих поставок выиграли польские помещики, больше всех потеряли польские и украинские крестьяне, которые наблюдали, как все большая доля их урожаев с выгодой продается прожорливым войскам. В условиях арендной системы, когда польские шляхтичи сдавали внаем евреям не только землю, но и находящиеся на ней сооружения (мельницы, пивоварни, винокурни, постоялые дворы), а также право сбора пошлин и получали за это гарантированную плату, евреи процветали и их количество быстро росло. Однако система эта была внутренне неустойчива и несправедлива. Помещики, которые зачастую вели расточительный образ жизни вдали от своих поместий, оказывали постоянное давление на

евреев, поднимая арендную плату всякий раз, как договор возобновлялся; евреи же, в свою очередь, оказывали давление на крестьян.

На Украине возмущение несправедливостью было особенно сильным, поскольку обе категории угнетателей, католическая шляхта и еврейская прослойка, отличались в религиозном отношении от православного крестьянства. Некоторые из руководителей евреев чувствовали проявляемую по отношению к крестьянам несправедливость и осознавали опасность этого. Собрание раввинов и общинных лидеров, проходившее в 1602 году на Волыни, обратилось к евреям-арендаторам с призывом освободить крестьян от работы по субботам и еврейским праздникам в качестве жеста доброй воли: «Да не будут [евреи] неблагодарными к Дающему и щедротам его; пусть имя Господне прославляется ими». Однако многие евреи были не в состоянии заниматься благотворительностью; будучи суб- и субсубарендаторами, они были вынуждены тянуть последние соки из крестьян, чтобы самим расплатиться. А потому они возлагали надежды на силу оружия. И евреи и поляки укрепляли города; синагоги сооружались с амбразурами, на крыше устанавливались пушки.

В конце концов, поздней весной 1648 года украинские крестьяне восстали под руководством мелкого шляхтича по имени Богдан Хмельницкий; на их стороне были также запорожские казаки и крымские татары. Восстание было в первую очередь направлено против польской власти и католической церкви, и среди жертв оказалось много польских шляхтичей и духовенства. Но главный удар пришелся по евреям, с которыми у крестьян было больше всего точек соприкосновения; к тому же в критические моменты поляки всегда бросали своих союзников-евреев во имя собственного спасения. Тысячи евреев из деревень и *штетлей* кинулись искать спасения в больших укрепленных городах, которые превращались для них в западню. В Тульчине польские войска выдали евреев казакам в обмен на собственную жизнь; в Тернополе гарнизон вообще отказался впустить евреев. В Баре крепость пала, и все евреи были перебиты. Другая бойня произошла в Нароле. В Немирове казаки проникли в крепость, переодевшись поляками, «и они погубили в городе около 6000 душ», согласно еврейским хроникам, «утопив несколько сот в воде, а также подвергнув всякого рода жестоким пыткам». В синагоге они убивали евреев ритуальными ножами, после чего спалили дом дотла, порвали священные книги и попрали их ногами, а кожаные переплеты использовали для изготовления обуви.

Нам неизвестно, сколько в точности евреев погибло. Согласно еврейским хроникам, было убито 100 000, причем было уничтожено 300 общин. Один современный историк считает, что большинство евреев все-таки спаслось, а упомянутая бойня была «не столько поворотным пунктом в истории польского еврейства, сколько жестоким, но относительно кратким эпизодом в его неуклонном росте и экспансии». Разумеется, данные хроник страдают преувеличением, однако рассказы беженцев производили сильное эмоциональное впечатление не только на польских евреев, но и на еврейские общины, расположенные повсюду.

Как и в более ранние эпохи, результатом зверств было усиление иррациональных и апокалиптических элементов в иудаизме; евреи стали особенно чувствительны к проявлениям мессианской идеологии. Рационалистический оптимизм XII века, нашедший отражение в трудах Маймонида, в основном исчез к концу XIV столетия, по мере того как почти повсеместно возрастало давление на еврейские общины. В верхних слоях евреев усиливалось влияние каббалистического мистицизма. Когда в 90-х годах XV века начался процесс разрушения и эмиграции испанской общины, это повлияло на усиление иррационализма двояким образом. Во-первых, произошла демократизация каббалы. Из тайной науки, которой учили образованную элиту устно либо по тайно передававшимся рукописям, она превратилась в общественную собственность. Большое количество манускриптов, содержащих отрывки из *Зоги*, а также антологий каббалистики имели повсеместное хождение в еврейских общинах. Подъем еврейского книгопечатания вызвал взрывной эффект. В 1558—1560 гг. в Кремоне и Мантуе были выпущены, конкурируя друг с другом, полные издания *Зоги*. За ними последовали издания во всей еврейской диаспоре:

в Леггорне, Константинополе, Смирне, Салониках и особенно в Германии и Польше. В популярных вариантах каббала смешивалась с народными суевериями и вульгаризованными аггадическими историями, которые всегда составляли значительную долю религиозных представлений простых евреев. Через одно-два поколения было невозможно отделить одно предание от другого; они так плотно переплетались, что образовывали единый свод волшебного-мистического содержания.

Другим последствием изгнания из Испании стал более динамичный характер самой каббалы, который она приобрела за счет привнесения эсхатологического элемента, связанного с идеей Сиона и ожиданием прихода мессии. Каббала вместе с растущим объемом включенных в нее суеверий перестала быть лишь мистическим способом познания Бога; она превратилась в историческую силу, средство ускорить возрождение Израиля. Она оказалась в самом сердце верований иудаизма и приобрела ряд черт массового движения.

Этому процессу способствовала миграция евреев-изгнанников в Палестину и рост школы каббалистики в Сафед на севере Галилеи. Ее первым видным представителем был Давид бен Соломон ибн аби Зимра, который перебрался в Сафед из Египта и был известен под именем Радбаз. Моисей бен Иаков Кордоверо, или Ремак (1522—1570), явился автором первой полной и систематической теологии каббалы. Но подлинным гением нового движения явился Исаак бен Соломон Лурия (1534—1572), известный как га-Ари, или Лев. Его отец, ашкенази из восточно-центральной Европы, прибыл в Иерусалим и женился на девушке из сефардов. Благодаря этому он играл роль моста между двумя общинами в процессе передачи каббалистической культуры. Самого его вырастил в Египте дядя, крестьянин-арендатор. Он занялся торговлей, причем специализировался по части перца и зерна. Лурия был прекрасным примером еврейской традиции, согласно которой бизнес вполне совместим с интеллектуальной жизнью и даже с самыми интенсивными мистическими размышлениями. Всю свою жизнь он занимался торговлей и богословием. Тот факт, что он впитал легенды каббалы еще будучи ребенком, свидетельствовал о ее демократизации. Однако юношей он стал знатоком не мистической, а ортодоксальной галахи. Одним из его талантов была способность перестраиваться, переходя от одной ее разновидности к другой. Написал он совсем немного. Известна лишь одна его книга – комментарии к «Книге скрытого», входящей в *Зогар*. В Сафед он прибыл уже под конец жизни, проведя 1569—1570 годы за размышлениями о *Зогаре* на одном из островов Нила. Оказавшись же в Сафед, он производил магнетическое воздействие на многочисленных учеников, собиравшихся вокруг него. Они заучивали наизусть то, чему он их обучал, и впоследствии записали (подобно ученикам Витгенштейна в 1930-е годы). Он излучал не только святость, но и мощь и авторитет. Некоторые думали, что он и есть мессия. Казалось, что он понимает язык птиц. Он часто беседовал с прорицателями. Бывало, что он гулял вокруг Сафед со своими учениками, интуитивно показывая, где находятся неизвестные могилы святых. А потом он возвращался к своей экспортно-импортной торговле. Последний комплект своих счетов он оформил всего за три дня до смерти. Его ранняя смерть породила разговоры о том, что он вознесся на небо, и молва быстро стала приписывать ему всяческие чудеса.

Впервые Лурия привлек к себе внимание тем, что показал своим ученикам, как добиться высокой степени медитации, полностью сосредоточившись на буквах Священных Имен. Подобно большинству каббалистов, он верил, что подлинные буквы Торы и числа, которые они символизируют, предлагают способ прямого доступа к Богу. Этот напиток довольно сильно действует, если его выпить. Впрочем, у Лурии была еще в запасе космическая теория, которая непосредственно влияла на веру в мессию и так и осталась наиболее влиятельной из всех еврейских мистических идей. В каббале фигурировали несколько слоев космического устройства. Лурия объявил, что все несчастья евреев есть симптом того, что это устройство сломано, распотрошено. Куски оболочек, кожуры, или *клиптон*, есть зло, но они, тем не менее, содержат мельчайшие искорки, *тикким*, божественного света. Этот скрытый свет есть Изгнание евреев. Даже божественная *Шекинья*

– часть скрытого света, подверженная влиянию зла. В этом разбитом космосе еврейский народ имеет двойное значение: как символ и как действующее начало. В символическом качестве вред, причиненный евреям-язычниками, показывает, как зло вредит свету. В качестве действующего начала они имеют перед собой цель – восстановить космос. Соблюдая строжайшим образом закон, они могут высвободить искры света, скрытые в космической шелухе. Когда это случится, завершится Изгнание Света, придет мессия и произойдет Спасение.

Привлекательность этой теории для простых евреев состояла в том, что она позволяла им верить, будто они держат свою судьбу в собственных руках. Некогда в древности они сражались с язычниками и со злом и проиграли. В Средние века они пассивно воспринимали все несправедливости, обращенные к ним, и ничего не произошло, их затруднительное положение лишь усугубилось. Теперь же им говорили, что они – действующие лица в космической драме, причем чем крупнее катастрофы, в которые вовлечены евреи, тем больше уверенность в том, что драма приближается к кризису. Они же своим благочестием могут ускорить разрешение кризиса, подняв великую волну молитв и преданности, на которой мессия вознесется к триумфу.

При всем при том на распространение еврейской каббалы среди еврейских масс потребовалось свыше столетия. Одна из причин, почему Маймонид был противником всяческих спекуляций относительно мессии и пытался описать мессианскую эпоху как таковую рациональным, почти обычным образом, а именно, как время, когда все евреи будут старательно заниматься богословием, состояла в том, что он боялся, как бы те, кого он называл чернью, не кинулись приветствовать и славить лжемессию, а после не впади в деморализующее разочарование. И его опасения оказались не напрасными. Изгнания 1492 года люди считали «родовыми схватками», предшествующими появлению мессии. В 1500—1502 годах в Северной Италии раввин Ашер Лемлейн сулил близкое Пришествие. Стали возникать и всяческие «мессии». В 1523 году некий располагающий к себе молодой человек, возможно, еврей-фаллаш из Эфиопии, появился в Венеции. Одна из его «легенд» состояла в том, что он – потомок царя Давида. Согласно другой, его отец был не кто иной, как царь Соломон, а брат – царь Иосиф, правитель исчезнувших племен: сынов Рувимовых, сынов Гадовых и половины колена Манассиина. Поэтому его называли Давидом из Рувимовых. Ему удалось привлечь на свою сторону многих евреев и даже на некоторое время кое-кого из христианских властителей. Но кончил он свои дни в испанской тюрьме. Его истории вдохновили другого самозванца, Соломона Молко, на то, чтобы он объявил себя мессией в Риме в 1530 году. Через два года его сожгли заживо.

Эти фиаско, а также и другие подобные истории разочаровали образованных людей в возможности использовать каббалистические методы, чтобы выявить признаки близящегося Спасения. Придя в Сафед, Иосиф Каро сознательно игнорировал каббалу как в академической, так и в популярной версии своего кодекса и не сделал ровным счетом ничего, чтобы поддержать рассуждения насчет мессианства. Однако кроме того, он написал некий мистический дневник, в котором фигурирует чудесный ментор, или *маггид* – персонификация Мишны. Большинство раввинов довольно прохладно относились к мессианству, поскольку было совершенно неясно, какую роль предстоит играть раввинам в Мессианскую эпоху (и предстоит ли играть вообще). Первый ученик Лурии, Хаим Виталь (1542—1620), даже и не попытался донести теорию своего учителя до масс. Последние годы своей долгой жизни он потратил на то, чтобы скрыть основные его уроки. Впрочем, в своей «Книге видений», которую он завершил в 1610—1612 гг., автобиографической работе, отражающей полувековую историю сновидений, он открыто заявляет, что, по его мнению, Лурия заслуживал того, чтобы стать мессией, да и он сам тоже мог претендовать на это звание. Вспоминая один из снов, он рассказывает: «Я услышал голос, который громко объявляет: «Мессия придет, мессия стоит предо мной». Он протрубил в рог, и вокруг него собрались тысячи и десятки тысяч израильтян. Он сказал нам: «Идем со мной, и ты увидишь отмщение за разрушенный Храм». В дальнейшем, к 30-м годам XVII века, основная часть

учения Лурии, подвергнутая ревизии Виталем и другим видным учеником мэтра, Иосифом ибн Табулом, была напечатана и пользовалась успехом у читателей.

Из Сафедда каббала в ее лурианском варианте постепенно распространилась по еврейским общинам в Турции, на Балканах и в Восточной Европе. В Польше, где еврейские типографии существовали в Люблине и других местах, ее воздействие было и сильным и широко распространенным. К концу XVI века она уже считалась там нормативной частью иудаизма. Раввин Иоиль Сиркес в своем *респонсуме* объявил, что «тот, кто возражает против науки каббалы... подлежит бойкоту». В течение первой половины XVII века в битком набитых еврейских *штетлях* и гетто Польши, Литвы и Украины эта форма иудаизма, чьи вариации лежали в диапазоне от изощенного мистицизма и аскетического благочестия с одной стороны, до глупых суеверий – с другой, стала преобладать.

Многие суеверия гетто были очень древними. Хотя Библия, как таковая, на удивление свободна от историй, посвященных ангелам и дьяволам, они начали просачиваться в иудаизм начиная с ранне-раввинистского периода и приобрели официальный статус в агаде. Волшебные истории, посвященные Лурии, воспроизводили рассказы о древних мудрецах. Илия, подобно Лурии, мог понимать, о чем говорят между собой птицы и вообще животные, и даже деревья и облака. Мудрецы распространяли всякого рода поучительные истории. Так, об ученике Илии, Иоане бен Заккан, говорили, что «он знал притчи о прачках и басни о лисе». Раввин Меир был известен тем, что знал 300 басен о лисе. Именно с легкой руки мудрецов в иудаизме появились дьяволы. Определенная сложность была связана, разумеется, с тем, что Библия осуждала колдовство (см., например, «Исход», 22:18: «Ворожеи не оставляй в живых»), а согласно иудаистским верованиям все происходит исключительно по воле Божьей, что исключает какой бы то ни было дуализм; несмотря на это, в текстах встречаются отголоски древней черной и белой магии и даже намеки на допустимость их использования. Так, колокольчики на рясе первосвященника должны были отгонять демонов; таково же назначение амулетов, которые признаются даже самыми благочестивыми. В Библии фигурирует не так уж много демонов, но, тем не менее, они встречаются: бог смерти Мевет, похитительница детей Лилит (иногда – сова), бог чумы Решев, другой бог болезней – Девер, Вельзевул – глава демонов, Сатана – над всеми силами, противостоящими Богу, Азazelло – божественный козел отпущения в пустыне. Так что внедрение демонов в иудаизм в период между 150 годом до н.э. и 300 годом н.э. имело прецедент. Само собой разумеется, что Илия мог понимать и язык демонов тоже. Демоны могли сильно отличаться друг от друга, хотя, согласно Исааку из Аккры, у них у всех отсутствуют большие пальцы. Некоторые, подобно Сатане и Вельзевулу, являются серьезными, грозными противниками. Некоторые представляют собой духов зла, нечестивости и называются в Талмуде *руах тезазит*. Они проникают в человека, овладевают им и говорят его ртом. Каббалистическая литература, написанная последователями Лурии, полна рассказов об этих омерзительных созданиях, которых в гетто евреев-ашкенази, особенно в Польше, называли *диббуками*. Литература также содержала наставления, как они могут быть изгнаны святым и ученым человеком, *баал-шемом*, который спасает несчастную душу, пользуясь одной из «искр» Лурии. Были также демоны полтергейста, называемые *кесилим* или *лезим*, которые швыряют предметы, и в частности, могут при этом попасть в людей, которые оставляют святыне книги открытыми. Кроме демонов мужского пола, были еще и дьяволицы вроде Лилит; одна из них – царица Шебы. Евреи в гетто верили, что на стыке времен года опасно пить воду, потому что именно в это время дьяволицы капают в колодцы и потоки своей мерзкой менструальной кровью.

Чтобы победить этих демонов, требуется армия ангелов. Они тоже фигурируют в ряде мест Библии. У ангелов вроде Михаила, Гавриила, Рафаила и Метатрона был специальный алфавит на основе то ли древней клинописи, то ли староеврейского письма, в состав букв которого входили маленькие кружочки, похожие на глазки. Такие буквы изображали на всяких амулетах и талисманах, предназначенных для отпугивания демонов. Того же результата можно было добиться, произнося определенные комбинации букв. Одна из них,

абракадабра, означала имя демона на арамейском языке; другая, *шабрири*, относилась к демону слепоты. Колдовство, основанное на использовании специальных заклинаний, составленных из секретных имен Бога и ангелов, было известно как «практическая каббала». Теоретически этой разновидностью белой магии могли пользоваться лишь люди великой святости. На практике же ее формулы имели широкое хождение в гетто. Существовала также черная магия, основанная на использовании «нечестивых имен». Согласно *Зогару*, источником этой запретной магии были листья с Древа Познания (см. Книгу Бытия). Падшие ангелы Азаил и Аза научили ей странников, которые посетили горы Тьмы. Добродетельные каббалисты имели право обучаться такого рода искусству, но только в теоретических целях. На практике же подобные заклинания также употреблялись в гетто.

Величайшим достижением магии было создание *голема*, искусственного человека, в которого *баал-шем* («Хозяин имени») мог вдохнуть жизнь, произнеся специальное заклинание, в состав которого входит одно из божественных имен. Идея восходит к истории сотворения Адама, но само слово упоминается в Библии только один раз, в одном из загадочных отрывков Псалтыря. Однако с големом связано много талмудических легенд. Утверждается, что одного голема создал Иеремия, другого – Бен Сира. С XV по XVII столетия идея набирала силу, и стало считаться, что создать голема под силу любому человеку достаточной святости и каббалистических познаний. Голема можно было оживить для выполнения различных задач – например, чтобы защитить евреев от врагов-язычников. Теоретически, чтобы оживить голема, следовало вложить в его рот секретное имя Божье, расположив его буквы в определенном порядке; для отключения голема имя надо было произнести в обратной последовательности. Возникла целая серия историй-ужасов насчет того, как голем озверел и вырвался из-под контроля.

Все эти демоны, ангелы, големы и прочие таинственные существа были главными действующими лицами фольклора гетто и всякого рода практических суеверий. Ими была до предела насыщена жизнь обитателей гетто, что делало ее одновременно пугающей и успокаивающей, но всегда живой, богатой впечатлениями и возбуждающей. Некоторые из обычаев XVI-XVII веков были описаны в изданной в Лондоне в 1738 году «Книге о религии, церемониях и молитвах евреев». Ее автором был якобы Гамалиил бен Педазур; однако реальное авторство принадлежало отступнику Абрахаму Мирсу. В ней рассказывалось, что злых духов можно встретить в клубах пыли и кучах мусора. Они могут причинить человеку вред в темноте, но только если он встретится с ними в одиночку. Если присутствуют двое, то призрак может им явиться, но не в силах навредить; если трое, он вообще бессилен. Тот же эффект дает факел. Ведьмы могут навредить, если найдут битую посуду или яичную скорлупу, которую люди не раскрошили на мелкие кусочки, либо связанную в пучок овощную ботву. Много обычаев было связано с похоронами и свадьбами. Так, если вы хотите попросить прощения у мертвеца, которого вы обидели при жизни, то вам следует проделать это, встав в ногах гроба и взявшись рукой за большой палец ноги умершего; если из носа сильно потечет кровь, в прощении вам отказано. Чтобы отогнать неудачу, на свадьбе следует бить стеклянную посуду. «Холостяки, – рассказывает автор, – стараются носить с собой черепок от глиняной посуды, считая, что это поможет им скорее жениться». Суеверия проникали и в народную медицину:

«Имеются среди них женщины, которые якобы лечат все душевные расстройства, происходящие, по их мнению, от дурного глаза, используя для этого окуривание. Для этого к врачевательнице присылают какой-либо предмет из одежды пациента, который она держит в дыму, образуемом при горении составленной ею смеси, бормоча при этом какие-то слова. После этого предмет возвращается пациенту, и тот должен немедленно его надеть. Утверждается, что это средство помогает всегда, если только болезнь не слишком запущена. Обычная цена окуривания детского чепчика – шиллинг. За женскую нижнюю юбку берут два шиллинга, за мужские штаны – полкроны. Примечание: с испанских евреев берут больше, поскольку врачующие окуриванием – из Германии».

В центре фольклора гетто находились демоны и грех, особенно первородный,

переселение душ и не в последнюю очередь мессия. Вера в мессию была итогом и вершиной веры гетто в сверхъестественное, потому что она пользовалась высочайшим одобрением ортодоксальной иудейской религии. Самый ученый и рационально мыслящий раввин и самый земной из земных торговцев верили в приход мессии столь же неистово, как полуграмотная жена простого молочника. Мессию связывали с легендами о Пропавших Племенах, поскольку считалось, что, для того чтобы восстановить Царство Божье на земле, мессия призвет эти племена из далекого изгнания, и их могучая армия поможет ему вновь воссесть на престол царя Давида. И не какой-нибудь сказочник из гетто, а сам великий комментатор Мишны Обадиа бен Авраам Яре из Бертиноро рассказывал в 1489 году, ссылаясь как на вполне надежный источник на неких торговцев-мусульман, что «пятидесятидневное путешествие по пустыне» привело одного из них к «великой реке Самбатьон». Там «дети Израиля живут в мире... свято и чисто, подобно ангелам, и нет среди них грешников. На внешней стороне реки Самбатьон дети Израиля, цари и вельможи, столь же многочисленны, как песчинки на морском берегу, но они не так святы и чисты, как те, что живут на внутренней стороне». Именно из этих миллионов сложатся всепобеждающие легионы мессии.

История неоднократно свидетельствовала, что быстрее всего распространению религиозной идеи способствует ясное и практичное описание механизма спасения. Именно его содержала лурианская каббала: описание того, как простые евреи могут приблизить наступление мессианской эпохи своими молитвами и благочестием. Шире и быстрее всего идеи Лурии распространялись, причем как в сложно-изошренной, так и в вульгарной форме, среди поколения, рожденного в 1630-е годы. Видный историк Гершом Шолем, который потратил всю свою жизнь на изучение того, как мистицизм каббалы влиял быя, распространенного в еврейских общинах в середине XVII столетия, что мир находится на пороге великих событий. Серия катастроф, обрушивавшихся на евреев-ашкенази в Восточной Европе начиная с 1648 года, кульминацией которых явилась Шведская война конца 1650-х годов, явилась мощным фактором роста мессианских надежд. Чем тяжелее было горе, тем с большим нетерпением люди ждали избавления. В 1650-х и 1660-х годах еврейским общинам повсеместно приходилось принимать многие тысячи беженцев, и процедура сбора средств для их устройства способствовала формированию настроений ожидания. Впрочем, мессианские надежды, благодаря лурианской доктрине, были сильны даже в самых отдаленных общинах, например, в Марокко, где мало что было известно о бедах, переживаемых в Польше. Особенно сильно вздымалась волна возбуждения в Салониках, на Балканах, в Константинополе и вообще по всей Турции, в Палестине и Египте; но эти настроения ощущались и в таких важных центрах торговли, как Леггорн, Амстердам и Гамбург. Они распространялись среди богатых и бедных, ученых и неграмотных, в общинах, которым угрожала опасность и которые ощущали себя в безопасности. К 60-м годам чувство, что процесс, предсказанный Лурией, завершается и мессия уже на подходе, объединяло сотни еврейских общин на двух континентах. В этом сходились простонародные суеверия и ученый мистицизм.

31 мая 1665 года, словно по заказу, мессия явился, о чем было объявлено в Газе. Звали его Шаббетаи Зеви (1626—1676). Однако за кулисами оставался вдохновитель, главный теоретик и импрессарио всего мероприятия – местный житель, некий Авраам Натан бен Элиша Хаим Ашкенази, известный как Натан из Газы (ок. 1643—1680). Сей молодой человек был образован, умен и изобретателен. Он был рожден в Иерусалиме в семье уважаемого раввина, теолога и каббалиста. Женившись на дочери богатого торговца из Газы, он переселился туда. С 1664 года стал интенсивно изучать лурианскую каббалу. Он быстро овладел лурианской техникой медитации и приведения себя в экстаз. К началу 1665 года его неоднократно посещали длительные видения. Важно, однако, то, что к этому времени он занимался видоизменением концепций Лурии, приспособлявая их к собственным представлениям о мессии. Натан был блистательным примером опаснейшего типа еврея с богатым воображением, который обрел мировое значение в ту эпоху, когда еврейский

интеллект получил светский характер. Он был в состоянии построить такую систему объяснений и прогнозирования явлений, которая была, с одной стороны, вполне вероятной, а с другой – достаточно неточной и гибкой, чтобы приспособиться к новым, в том числе не слишком удобным, явлениям, когда они происходили. У него был прямо-таки дар излагать свою изменчивую теорию, которой была присуща способность поглощать новые факты с удивительной убедительностью и апломбом. Подобной способностью обладали также Маркс и Фрейд.

Еще в Иерусалиме Натан повстречал Шаббетаи Зеви, который был лет на 18 старше его и славился своей эксцентричностью. Тогда Натан не обратил на Зеви особого внимания. Однако, освоив лурианскую каббалу и развив (в достаточной, по его мнению, степени) в себе способность к видениям и пророчествам, Натан вспомнил о Зеви и привлек его к осуществлению своих замыслов. Зеви во всех отношениях уступал Натану, будучи менее образованным, менее умным и менее изобретательным; однако у него имелось качество, необходимое для мессии – эгоцентризм. Он родился в Амифии, растущем центре торговли, где его отец служил агентом голландских и английских компаний. Оба его брата стали удачливыми торговцами. Он же любил книги, учился на раввина, окончив обучение в 18 лет, после чего изучал каббалу. Он обладал таким типом психики, который позднее стали называть маниакально-депрессивным. Периоды экзальтации и гиперактивности чередовались у него с внезапными приступами тоски. Это явление довольно часто встречается среди мистически настроенных адептов любой религии, и его считают делом рук Божьих: «Господь просветил», а затем «Господь отвернул свое лицо». Поэтому подобные резкие переходы необязательно вредят репутации святости субъекта. К несчастью для Зеви, у него была склонность к тому, чтобы во время своих маниакальных приступов нарушать закон и богохульствовать.

Он произносил запрещенное имя Господа. Мог совместить три праздника и отмечать их одновременно. Однажды устроил какое-то мистическое бракосочетание с Торой, причем накрывшись покрывалом. Под влиянием резни 1648 года объявил себя мессией. Подобно многим мистикам, испытывал тягу к тому, чтобы совершать запрещенное и оправдывать свои поступки. Отсюда его мольба, обращенная к «Тому, кто разрешает запретное». В 50-е годы был изгнан поочередно из Смирны, Салоник и Константинополя. Временами состояние его психики было спокойным и нормальным, и тогда он даже пытался лечиться от того, что считал дьявольскими фантазиями. Но затем вновь с ним случались приступы. Дважды вступал в брак и разводился, не доводя дело до брачных отношений. В 1664 году, находясь в маниакальном состоянии, он вступил в Каире в третий брак с девушкой по имени Сара, бежавшей от резни и имевшей сомнительную репутацию. Но, вообще говоря, у подобной ситуации имелся прецедент: разве не женился пророк Осия на шлюхе? Следующей зимой он снова решил поискать помощи в изгнании демонов. Услышав, что у некоего молодого каббалиста по имени Натан бывают удивительные видения, он отправился к нему весной 1665 года.

К тому моменту, когда эти двое встретились (апрель), Натана посетило видение, в нем основное место занимал претендент на роль мессии, которого он помнил по Иерусалиму. Так что когда Зеви в надежде на помощь появился в его доме, Натан счел это знаком свыше. И вместо того чтобы заняться изгнанием из Зеви его демонов, Натан постарался со всей присущей ему изобретательностью убедить Зеви, что его мессианские претензии вполне обоснованны и следует продолжать в том же духе. После этого Натан направил все силы на то, чтобы согласовать биографию и особенности личности Зеви с каноническими и апокрифическими текстами, а также с теорией Лурии – по крайней мере, в том виде, как он ее понимал. Он восславил Зеви как мессию, тот, проникшись убежденностью в этом, немедленно впал в очередную маниакальную фазу и объявил о своем мессианстве публично, держа рядом своего ревностного почитателя Натана. В этот раз его самопровозглашение было воспринято положительно, и вскоре Зеви с царственным видом стал разъезжать верхом по Газе, назначая своих посланцев, которым надлежало скликать под его знамя все племена

Израиля.

Разница между Зеви и предыдущими «мессиями» XVI века состояла в том, что его кандидатура была задумана и представлена не только в соответствии с ортодоксальным учением, в котором он и его импрессарио были большими знатоками, но и облечено это все было в специфическую лурианскую терминологию, которая была в это время хорошо знакома всем евреям. Момент был выбран точно, в соответствии с состоянием общественной мысли. «Пророк» Натан, «светоч святости», так и пылал убежденностью и излучал «научное» знание. «Мессия» Зеви был само обаяние и царственная снисходительность. Это сочетание блистательно сработало в Газе, где раввины дружно склонились перед ними. Менее удачно обернулись дела в Иерусалиме, где многие раввины (включая старого учителя Натана) отвергли претензии и в конце концов добились изгнания нового «мессии». Однако власти Иерусалима постарались оставить себе лазейку и не стали рассылать писем о случившемся в другие еврейские общины. Там, как, впрочем, и повсюду, скептически настроенные раввины старались не осложнять себе жизнь. И, хотя большинство раввинов оказалось втянутым в эту историю, позднее, когда мыльный пузырь лопнул, многие из них стали утверждать, что они не признавали претензий Зеви. Однако, как показал Шодем, документы говорят о другом.

В итоге в 1665 и почти весь 1666 год не прозвучало никакого официального заявления по поводу новоявленного мессии. Написанные прекрасным языком письма с сообщением о происшедшем, которые Натан или писал сам, или объяснил другим, как писать, разошлись по еврейским общинам всего мира, но оставались без ответа. Разумеется, большинство евреев ожидали, что пришествие мессии будет сопровождаться чудесами. Однако такой авторитет, как сам Маймонид, утверждал, что этого не произойдет. Более того, Натан предвосхитил отсутствие чудес, хитро приспособив теорию Лурии. Поскольку, заявил он, мессия был вызван еврейскими молитвами и благочестием, то вполне логично, что для успеха его миссии достаточно веры. А потому ни ему, ни его пророку нет необходимости творить чудеса. На самом же деле предосторожность Натана была совершенно излишней. Чудеса-таки происходили – правда, вечно в другом месте. Причем происходили они в силу еврейской привычки распространять новости о бедствиях и триумфе. Через посредство длинных и возбужденных писем, основанных зачастую на слухах. При этом Константинополь писал в Ливорно о чудесах, которые приключились в Каире, новости о приключениях в Салониках следовали из Рима в Гамбург, а затем в Польшу. Первое известие, которое получили западные евреи, вовсе не было связано с Зеви; оно сообщало о Десяти Пропавших Племенах, которые собираются не то в Персии, не то в Сахаре и направляются в Мекку (или в Константинополь).

В сентябре 1665 года Натан разослал длинное письмо с изложением программы мессии. Его деяния, утверждал Натан, на сегодня уже превзошли систему Лурии и открыли новую эпоху в истории. У него есть достаточно власти, чтобы самому оправдать всех грешников. Прежде всего он станет владыкой Турции и сделает султана своим слугой. Затем он отправится на реку Самбатьон, чтобы сплотить племена и жениться на Ревекке, 13-летней дочери Моисея, которая воскресла. Во время его отсутствия турки могут восстать и причинить вред евреям. Поэтому всем евреям немедленно необходима епитимья.

Тем временем сам Зеви триумфально двигался на север, сначала в Алеппо, затем в Смирну и Константинополь, что сопровождалось нарастанием массовой истерии. Зеви подливал масла в огонь, вернувшись к своим маниакальным замашкам. Он «произносил вслух Непроизносимое Имя, ел [запрещенные] жиры и совершал другие проступки против Бога и Его Закона, даже заставляя других поступать подобным образом», как рассказывал один его современник. Если какой-либо раввин протестовал, огромная толпа, сопровождавшая Зеви повсюду, была готова разгромить дом критикана. В Смирне Зеви сам явился с топором в руках к дверям синагоги, где его отказались признать, и силой вошел туда. Там он обозвал неверующих в него раввинов грязными животными, взял в руки священный свиток и исполнил испанскую серенаду, после чего назначил День Спасения на

18 июня 1666 года, объявил турецкого султана низложенным с этой минуты и разделил все царства мира между своими ближайшими приспешниками. Когда один из критически настроенных раввинов попросил доказательств, Зеви немедленно объявил ему бойкот и привел толпу, которая скандировала запретное имя как доказательство их веры в него. Затем он «освободил» еврейских женщин от проклятия Евы и отправил гонцов в Константинополь, чтобы они все приготовили к его прибытию, после чего 30 декабря 1665 года сам отплыл туда на корабле.

В течение всей зимы 1665—1666 годов и почти весь следующий год еврейский мир находился в состоянии брожения. Отвечая на призывы Натана к покаянию – а его прокламации печатались в огромных количествах во Франкфурте, Праге, Мантуе, Константинополе и Амстердаме, – евреи молились, постились и постоянно совершали ритуальные омовения. Они валялись голыми в снегу и бичевали себя. Многие распродали свои пожитки и отправились паломниками в Святую Землю, надеясь увидеть там мессию. Некоторые верили, что их перевезут на облаках, другие платили за то, чтобы их доставили морем. Авраам Перейра, считавшийся самым богатым евреем в Амстердаме, отправился в Палестину со всей семьей; правда, его корабль доплыл лишь до Леггорна. Писались поэмы, печатались книги, которые датировались «первым годом сбывшегося пророчества и нового царства». Организовывались массовые шествия. К всеобщему возбуждению присоединились и те из христиан, что ждали 1000-летнего Царства Божьего на земле и верили, будто год 1666-й – непростой. По различным польским городам прокатились бунты, и в мае королевский указ запретил новые еврейские демонстрации. Еврейские волнения вызвали реакцию (где – сочувственную, где – враждебную) в мусульманском мире, и турецкие власти забеспокоились.

В результате, по прибытии корабля Зеви в турецкие воды в феврале 1666 года его немедленно задержали, а «мессию» отправили на берег в кандалах. Впрочем, его держали в почетном заключении, допуская посетителей. Натан попытался так описать события, чтобы они лучше соответствовали его «теории». В его трактовке заключение «мессии» носило не более чем символический характер и было рассчитано на внешнее, так сказать, потребление; с другой же стороны, оно отражало его внутреннюю борьбу с силами зла, которые стремились помешать слиянию божественных искр. Сидя в галлиполийской крепости, Зеви продолжал стоять на своем, и, судя по всему, делегации евреев уходили от него в хорошем настроении. На запрос о ситуации, поступивший от венецианской общины, евреи Константинополя дали ответ, тщательно замаскировав его под торговый отчет: «Мы рассмотрели данный вопрос и конкретно товары равви Израила, тем более что они выставлены прямо у нас на глазах. Мы пришли к выводу, что они весьма ценны... но необходимо подождать дня начала большой ярмарки». Однако великий срок, назначенный на лето 1666 года, прошел. В начале сентября с визитом к Зеви явился некий Неемия га-Коэн, каббалист из Польши, который был то ли турецкой «подсадной уткой», то ли соперником – претендентом на роль мессии. Он учинил Зеви подробный расспрос касательно его претензий, счел его ответы неудовлетворительными и доложил туркам, что они имеют дело с самозванцем. 15 сентября Зеви предстал перед Высшим советом, или диваном, в Константинополе; султан присутствовал при этом, скрываясь в зарешеченном алькове. Зеви отрицал, что когда-либо претендовал на роль мессии. Ему предложили выбор: ислам или смерть. По настоянию султанского врача, еврея-изменника, он выбрал тюбан, принял имя «Азиз Мехмед Эффенди» и титул «Дворцовый привратник», а также правительственную пенсию в размере 150 пиастров в день.

То, что произошло с «мессией» после его отступничества, почти так же поучительно, как и его предыдущая история. Эйфория, царившая в еврейском мире, прекратилась сразу же, как только стало известно о происшедшем, хотя первоначально многие отказывались в это верить. Раввины и руководство общин, как те, что признавали «мессию», так и те, что отказали ему в признании, заняли единую позицию замалчивания. Логика сводилась к тому, что обсуждать происшедшее задним числом – значит ставить под сомнение мудрость

Провидения, которое позволило случиться данному фиаско. К тому же были опасения, как бы турки не начали преследовать тех еврейских лидеров, которые, по сути дела, приняли участие в попытке бунта против османской власти. Поэтому было сделано все, чтобы переписать (а лучше и вообще не записывать) историю и притвориться, что ничего не случилось. Сделанные в общинах записи постарались уничтожить.

Что касается Натана из Газы, то он в очередной раз развил свою теорию, чтобы подогнать ее под новые факты. Отступничество он охарактеризовал как необходимый парадокс, своего рода диалектическое противоречие. Нет, это было вовсе не предательство! На самом деле это было начало новой миссии, направленной на то, чтобы высвободить лурианские искры и разбросать их среди язычников, особенно мусульман. В то время как евреи восстанавливают искры, рассеянные среди них (а это самая легкая часть задачи), мессия, мол, взял на себя гораздо более трудную часть работы – собирать искры во враждебном мире. А поскольку это по силам лишь ему одному, то и пришлось ему самому сойти в самое царство зла. Внешне он как бы уступил ему, но в действительности явился троянским конем в лагере неприятеля. Натан так разошелся, что подтвердил: Зеви всегда совершал странные вещи. Последний поступок был, конечно, самым странным из всех: принять на себя позор изменника в качестве последней жертвы, прежде чем придет слава полного триумфа миссии. Сама идея тайного смысла поступков была знакома изучавшим каббалу. А уж коль скоро идея лжепредательства принималась, то все прочее, включая все дальнейшие поступки Зеви под турецким надзором, только укрепляли новую теорию, для которой Натан срочно подбирал обильное документальное подтверждение из библейских талмудических и каббалистических текстов. Натан несколько раз гостил у Зеви, что позволяло им увязывать объяснения Натана с поведением Зеви. Его маниакальные приступы время от времени повторялись, причем он, случалось, возвращался к своим мессианским претензиям. Кроме того, он участвовал в диковатых сексуальных развлечениях, что дало основание его константинопольским врагам (как иудеям, так и мусульманам) обратиться с жалобой на него к султану. Султан, который неплохо относился к Зеви, уступил то ли просьбам, то ли подкупу и выслал его в Албанию, где тот умер в 1676 году. Даже эта смерть не остановила Натана, который объявил ее «просто исчезновением»: дескать, Зеви вознесся на небеса и слился с тамошними небесными огнями.

Сам Натан умер четырьмя годами позже, в 1680 году. Но, до того как «исчезнуть» самому, он успел разработать гибкую теорию, которая позволяла объяснить не только все поступки Зеви, но и вообще все, что бы ни случилось в будущем. По его утверждению, существует не один набор огней, о котором говорили Лурия и другие каббалисты, а целых два: один – преисполненный смысла (хороший), другой же – бессмысленный (нейтрален, но может обернуться и в плохой). Творение развивается диалектически между этими двумя наборами, причем фигура миссии играет роль поистине уникальную, совсем не такую, как простые души, что зачастую требует от миссии героических жертв, вплоть до того, что ему приходится принимать обличье зла, дабы очистить других. Эта теория может прекрасно описывать ситуацию, если Зеви появится вновь, пришлет себе замену, а также вообще не проявит себя, оставаясь неслышимым и невидимым. В этой альтернативной (или еретической) системе каббалы Натан разработал свою диалектику со всеми мыслимыми подробностями.

В результате шаббетайское движение, иногда открыто, иногда – тайно, не только пережило полосу измены, но и просуществовало еще более столетия. Большинство раввинов возненавидело его не только потому, что теория Натана в ее конечном виде была абсолютно еретической, но и потому, что после того как предсказанные повторные появления Зеви не происходили (1700 и 1706 гг.), многие разочаровавшиеся шаббетайцы обратились в христианство или ислам. Впрочем, некоторые раввины сами были скрытыми шаббетайцами, и было немало людей среди приверженцев иррационального иудаизма, кто питал определенное сочувствие к растяжимым идеям Натана. Движение пережило ряд расколов, собственных неконформистских колебаний и в конце концов породило выделившееся из

него религиозное направление, основателем которого стала «реинкарнация» Зеви по имени Якоб Франк (1726—1791).

Франк родился в Польше в семье торговца и раввина по совместительству; при рождении получил имя Якоб бен Иуда Лейб. Стал торговцем тканями. Был не слишком образован и называл себя *простаком*. Тем не менее, находясь по торговым делам на Балканах, был вовлечен в шаббетайские обряды последователями экстремистского крыла этого движения. Он стал пророком и в конце концов объявил о своем полубожественном статусе, поскольку в нем якобы находится душа Зеви. Вернувшись в Польшу и оставаясь внешне ортодоксальным евреем-сефардом (кстати, отсюда его фамилия Франк, что на идише ашкенази означает «сефард»), он тайно проводил шаббетайские богослужения в качестве главы подпольного движения в рамках иудаизма. Он и его последователи устраивали некие сексуальные мероприятия, запрещенные Торой. Впрочем, следуя удобной диалектике Натана из Газы, они проводили различия между обычной Торой галахи, которую игнорировали, и «высшей», «духовной» формой Торы, «Торой эманации», право следовать которой они отстаивали.

В 1756 году раввинский совет города Броды отлучил Франка, и, чтобы избежать ареста, он бежал в Турцию, где счел целесообразным броситься в объятия ислама. Ортодоксальные евреи обратились к польским католическим властям с просьбой помочь им разогнать секту. Но франкисты тоже обратились к католикам, ссылаясь на то, что они отвергают Талмуд, а потому у них много общего с Римом. Обрадованные епископы организовали публичный диспут с обязательной явкой туда как раввинов, так и франкистов. Диспут был проведен в июне 1757 года под председательством епископа Дембовского; этот прелат высказался в пользу франкистов и приказал сжечь копии Талмуда на ратушной площади города Каменец. К несчастью для епископа, он внезапно скончался прямо во время процедуры сожжения. Раввины восприняли это как знак одобрения свыше и с новым рвением возобновили преследования франкистов. В отместку Франк вовлек своих последователей в католицизм и сам крестился в 1759 году. Он даже помогал католикам расследовать «кровавые преступления» евреев. Правда, одновременно он организовал себе гарем из 12 «сестер», с которыми предавался различным излишества, после чего оказался в тюрьме. Вслед за этим он обратился в лоно Русской Православной Церкви.

Во время своих метаний между иудаизмом, исламом, католичеством и православием Франк продолжал придерживаться религиозных идей Натана в их наиболее развитой форме. Он «создал» новую Троицу в составе «Доброго Бога», «Большого Брата» и «Ее», причем последняя являлась чем-то вроде амальгамы *Шекиньи* и Девы Марии. Затем он выдвинул постулат, что мессианской идее можно прекрасно следовать в рамках любой из основных религий, как, впрочем, и вне их – например, в светском просветительстве, масонстве. Таким образом, каббала, зародившись на закате античного мира в виде неконкретного и бесформенного гностицизма, вернулась в это же обличье в конце XVIII века.

Важным является то, что Франк, чтобы обеспечить своей секте легальное прикрытие, был вынужден демонстрировать свою близость как к христианству, так и к исламу. Поучительным является в этом смысле контраст с деятельностью его современника, Самуила Якоба Хаима Фалька (ок. 1710—1782 гг.). Рожденный в Галиции Фальк тоже был каббалистом и авантюристом, хотя и немного более образованным, чем Франк. Он тоже вступил в конфликт с законом. В Вестфалии его чуть не сожгли как колдуна. Архиепископ Кельнский изгнал его из своей епархии. В 1742 году он прибыл в Англию, где без помех стал проводить свою религиозную линию. В Лондоне на площади Уэлклоуз-сквер он организовал частную синагогу. На старом Лондонском мосту он устроил каббалистическую лабораторию, где занимался алхимией. Говорили, что он спас от пожара Главную Синагогу, сделав при входе в нее магические надписи. Его называли «Лондонский Бааль-Шем».

То, что еврей вроде Фалька мог свободно жить в Англии по тамошним законам, знаменовало очень важный этап в еврейской истории. Это означало, что впервые со времен либеральной Римской империи появилась страна, где евреи могли пользоваться чем-то вроде

нормальных гражданских прав. Как это произошло? Чтобы правильно оценить этот поворотный момент, вернемся в судьбоносный 1648 год. Великая резня евреев 1648 года, растянувшаяся на кошмарные восемь лет, для евреев Восточной Европы была самым страшным проявлением антисемитизма со времен Первого Крестового похода. До этого момента в течение сотен лет еврейская эмиграция была направлена на восток. Теперь же направление изменилось на противоположное. Хотя община ашкенази в Восточной Европе и продолжала расти численно (а в какой-то степени росло и ее благосостояние), она уже никогда больше не чувствовала себя в полной безопасности. И из соображений безопасности наиболее преуспевающие евреи стали обращать свой взор на Запад. Так что 1648 год оказался мрачной вехой на длинном пути, который в конце концов привел к Холокосту. Однако этот год, при всех его смертях и горестях, оказался также (благодаря ряду совпадений, которые кто-нибудь, пожалуй, мог бы назвать ниспосланными Свыше) первым в знаменательной цепи событий, которые привели к созданию независимого еврейского государства.

Действующим фактором этого развития явился видный еврейский богослов из Амстердама Манассия бен Израиль (1604—1657). Он был рожден в семье *маррано* на Мадейре и крещен именем Монуэль Диаш Суэйру. Однако после того, как его отец под страхом сожжения бежал из Лисабона в Нидерланды, семья вернула себе принадлежность к евреям, а Манассия стал вундеркиндом-талмудистом, написавшим свою первую книгу в 17 лет. В течение всей жизни он был известен как человек, который создает в глазах неевреев привлекательный образ иудаизма. Многие его книги были адресованы читателям-христианам. Он стремился показать, что христианство и иудаизм имеют гораздо больше общего, чем подозревает большинство людей, и заслужил высокую репутацию у христианских фундаменталистов. Когда в Западную Европу стали прибывать первые евреи, бежавшие от резни 1648 года, Манассия и другие амстердамские евреи стали опасаться за последствия, которые могут навлечь на их общину полчища страждущих ашкенази. Ведь положение евреев в Голландии было достаточно двусмысленным. Они не имели права на гражданство. Их не допускали в гильдии. Впрочем, голландское правительство не вмешивалось в их религиозные дела и обряды, лишь бы все было тихо; фактически еврейская община в Голландии, особенно в Амстердаме, преуспевала. И все это могло быть сведено на нет беженцами. Известно, что в Гамбурге прибытие большого количества беженцев привело к тому, что в 1649 году на некоторое время выслали вообще всех евреев. Поэтому Манассия предложил радикальное решение: а почему бы не объявить Англию убежищем для еврейских иммигрантов?

С тех пор как Эдуард I выслали евреев из Англии в 1290 году, повсеместно считалось, что на их проживание там наложен неукоснительный запрет. Фактически же некоторое количество евреев продолжало проживать в Англии на протяжении столетий, особенно врачи и торговцы. Один еврей, сэр Эдуард Брэмpton, он же Дуарте Брандау, был при Ричарде III губернатором острова Гернси. Другой, доктор Родеригу Лопес, был врачом Елизаветы I и стал жертвой печально известной антисемитской охоты на ведьм и суда по обвинению в измене в 1593—1594 гг. Во времена, когда началась резня на Украине, одним из пяти торговцев, подрядившихся поставлять хлеб для английской армии, был еврей по имени Антонио Фернандес Карвахал, который прибыл в Лондон в 1630 году и, как утверждали, ввез в страну 100 000 фунтов серебром. Тем не менее, официально считалось, что страна закрыта для евреев.

Манассия почувствовал, что поражение английских роялистов и казнь короля в 1649 году дают евреям уникальную возможность получить право въезда в Англию. Пуритане, противники короля, правившие теперь страной, всегда были настроены просемитски. Библия была их руководством в решении повседневных задач. Они ссылались на пророка Амоса, когда осуждали Звездную Палату, а история с виноградником служила прецедентом для решения вопроса о корабельной подати. Главный законовед пуритан, сэр Генри Финч, издал в 1621 году книгу *«Великая реставрация, или Приглашение евреев»*, за которую

королевские власти обвинили его в поношении величества. Многие верили, что Второе Пришествие вот-вот грядет. Но и во Второзаконии (28:64), и у пророка Даниила (12:7) говорилось, что это невозможно, пока евреи не будут рассеяны окончательно, «от края земли до края земли». Поэтому тысячелетнее Царство Божье на земле будет откладываться, пока евреи не рассеются и по Англии тоже. Эту идею Манассия разделял с английскими фундаменталистами, памятуя, что в Средние века Англия называлась у евреев Кезех га-Арец, «край земли», и верил, что, если Англия примет евреев, это ускорит пришествие мессии. Зимой 1648—1649 гг. он открыл кампанию своей книгой «Апология благородной нации евреев», которую подписал «Эдуард Николас». За ней в 1650 году последовала намного более важная работа «*Spes Israelis*» (что означает «Надежда Израиля»), в которой он развивал мысли о Царстве Божьем на Земле. Первая англо-голландская война отодвинула более практические шаги, но в сентябре 1655 года Манассия лично прибыл в Лондон. Он вручил лорду-протектору Оливеру Кромвелю петицию с просьбой отменить законы, запрещавшие въезд евреев, и предоставить им право въезда на тех условиях, которые сформулирует правительство.

За этим последовала классическая английская неразбериха, которую полезно разобрать поподробнее, поскольку она, как оказалось, имела ключевое значение в еврейской истории. Кромвель благопринято воспринял петицию Манассии и передал ее Совету. 12 ноября 1655 года Совет назначил подкомитет, чтобы изучить вопрос и получить квалифицированную юридическую консультацию. 4 декабря в Уайтхолле состоялась конференция с участием 25 юристов, включая Верховного судью сэра Джона Глинна и Главного барона Казначейства Уильяма Стила. К удивлению политиков они объявили, что нет никакого закона, который запрещал бы евреям въезд в Англию. Высылка их Эдуардом в 1290 году была административным актом короля, действие которого распространялось лишь на конкретных лиц. После этого не совсем логично подкомитет перешел к обсуждению условий, на которых можно впустить евреев, но не мог никак договориться. В тогдашней Английской республике у евреев были как враги, так и друзья. После четырех сессий Кромвель распустил подкомитет. Манассия, горько разочарованный, вернулся на следующий год в Амстердам, считая, что потерпел поражение.

Однако на самом деле он просто не понимал, как в Англии делаются дела. Англичане отдают предпочтение прагматическим решениям перед четко сформулированными идеологическими. Если бы только прошло решение, предоставляющее иммигрантам-евреям особый юридический статус, они неизбежно бы стали гражданами второго сорта. После восстановления монархии в 1660 году Карл II вполне возможно аннулировал бы это решение либо скорректировал его в менее благоприятную для евреев сторону. В любом случае еврейский вопрос стал бы предметом всеобщего обсуждения, при котором сразу же вспыхнули бы антисемитские настроения. А в реальной ситуации вопрос был решен прагматически, но без какого-либо специального договора. В то время, когда Манассия еще был в Лондоне, в суде слушалось дело некоего Антонио Родригеса Роблеса, который официально считался *маррано*, но в действительности был настоящим евреем; его обвиняли в том, что он – враждебный иностранец, испанский подданный (в это время Англия и Испания находились в состоянии войны). В марте 1656 года около двух десятков семей *маррано* решили покончить с этой проблемой, открыто признавшись в своей приверженности иудаизму, объявив себя беженцами от испанской инквизиции и испросив у Совета разрешения на то, чтобы практиковать свою религию в частном порядке. 16 мая Совет постановил прекратить дело против Роблеса; позднее, на заседании 25 июня, было, по-видимому, принято положительное решение по петиции *марранос*. «По-видимому» – потому что впоследствии протокол этого заседания загадочным образом исчез. Тем не менее, 4 августа из Амстердама были доставлены «рукопись Закона на тонком пергаменте в обложке и чехле из желтого бархата, красная камчатная скатерть для кафедры и коробка для специй, обитая изнутри красной тафтой», и лондонские евреи отправились арендовать дом на КриччерлЭйн под первую синагогу.

Таким образом, в результате своего рода молчаливого сговора вопрос об особом статусе евреев был опущен. И, поскольку не существовало никакого законодательного акта, который запрещал бы их въезд, они стали въезжать. Совет постановил, что им можно практиковать свою религию – они стали ее практиковать. Когда в 1664 году был принят Акт о сектантах, направленный против неконформистов, евреи во главе со своим новым раввином, Иаковом Саспортасом, довели до сведения Карла II свою обеспокоенность, на что тот, «смеясь и поплеывая», велел им не беспокоиться; позднее Тайный совет сообщил в письменной форме, что евреи могут «рассчитывать на ту же благосклонность, что и прежде, при условии, что будут вести себя тихо и мирно, повинаясь законам Его Величества и не вступая в противоречия с его правительством».

Так, евреи в результате умолчания стали полноправными гражданами с ограничениями не больше тех, которые вытекали бы из их собственного нежелания (подобно католикам и неконформистам) принадлежать к англиканской церкви или (в их конкретном случае) приносить христианскую присягу. В течение жизни следующего поколения рядом юридических решений было установлено право евреев присягать и давать свидетельские показания в суде с учетом их религиозной специфики. Да подобно другим неангликанцам, им был закрыт доступ во многие учреждения и парламент. Но на их экономическую деятельность не было наложено никаких официальных ограничений. Определенная дискриминация имела место, но главным образом внутри еврейской общины. Преобладавшие сефарды не чувствовали себя в безопасности и сопротивлялись приему в общину бедных ашкенази, особенно если общине предстояло содержать последних. В 1678—1679 гг. было принято постановление, что немецкие евреи не могут держать контору, голосовать на собраниях и зачитывать священные рукописи. Однако было доказано, что это решение противоречит еврейским законам и должно быть скорректировано. Что же касается английских судов, то евреи, повидимому, с самого начала находили там справедливость и защиту; как правило, английские судьи хорошо относились к трудолюбивым и законопослушным гражданам, которые не нарушали спокойствия королевства. В 1732 году суд даровал евреям юридическую защиту от обвинений по национальному признаку, ставивших под угрозу их жизнь. Вот так, почти случайно, Англия оказалась первым местом, где появилась возможность для возникновения современной еврейской общины.

То, что происходило в Америке, было еще более значительным. В 1654 году французский катер «Св. Екатерина» доставил 23 беженца-еврея из города Ресифе в Бразилии в голландский колониальный город Новый Амстердам. Как и в старом Амстердаме, положение евреев здесь в условиях голландского колониального владычества было неопределенным; кальвинисты, хотя и менее враждебные, чем лютеране, могли быть и притеснителями и антисемитами. Губернатор Нового Амстердама, Питер Стюйвезант, выразил голландской Вест-Индской компании протест против поселения этих людей, принадлежавших, как он выражался, «к лживой расе», чья «мерзкая религия склонялась к ногам Маммоны». Евреям, правда, разрешили остаться, но им не дали никаких прав, и компания вместе с губернатором запретила им строить синагогу. Все противоречия нашли, однако, разрешение в 1664 году, когда город попал под власть англичан и стал Нью-Йорком. Впоследствии евреи стали пользоваться не только преимуществами английского гражданства, но и дополнительными религиозными свободами, которые завоевали колонисты Нового Света.

Ричард Николс, первый английский губернатор Нью-Йорка, подчеркивал право на свободу совести, когда объявил в 1665 году: «Никто не может быть подвергнут порицанию, штрафу или заключению за особое суждение в вопросах религии со стороны тех, кто исповедует христианство». Тот факт, что здесь не имеется никакого упоминания об иудаизме, не есть следствие оплошности. Англичанам были нужны колонисты, особенно те, кто способен торговать и налаживать связи. Следующий губернатор, Эдмунд Андрос, не упоминал христианство, когда обещал равное отношение и защиту всем законопослушным лицам, «какого бы вероисповедания они ни были». Как и в Англии, вопрос принадлежности

к евреям не поднимался. Евреи просто приезжали, строили дома, пользовались равными правами и, по-видимому, участвовали в самых первых выборах; они служили должностными лицами.

Евреи начали селиться и в других районах, например, в Делавэрской долине и Род-Айленде, который был основан Роджером Уильямсом как либертарианская колония, со свободой воли, где не существовало никаких религиозных запретов. Некоторые трудности возникли тогда, когда евреи пожелали иметь собственное кладбище в Нью-Йорке. Однако в 1677 году такое кладбище было открыто в Ньюпорте (РодАйленд); позднее Лонгфелло посвятил ему одно из лучших стихотворений. В Нью-Йорке это произошло пятью годами позже. В 1730 году конгрегация «Ширит Израиль» открыла первую синагогу в Нью-Йорке, а особенно красивая синагога была построена в 1763 году в Ньюпорте, став затем национальной святыней. Согласно английским Актам о мореплавании, торговля между колониями и метрополией была исключительной прерогативой британских граждан; когда же имперский парламент принял Акт о натурализации для североамериканских колоний, евреям было разрешено принять гражданство наравне с поселенцами-христианами, причем два положения были отвергнуты специально, чтобы успокоить евреев. В результате швед Петер Кальм, посетивший Нью-Йорк в 1740 году, отмечал, что евреи «пользуются абсолютно теми же привилегиями, что и другие жители этого города и провинции». То же самое наблюдалось и в Филадельфии, где игравшая важную роль еврейская колония стала расти начиная с 1730-х годов.

Так родилось американское еврейство. И надо сказать, что с самого начала оно отличалось от любого другого. В Европе и Африке с Азией, где религиозные барьеры были в той или иной форме распространены повсеместно, евреям всегда приходилось договариваться о некоем специальном статусе, если только им не навязывали его силой. Это вынуждало их образовывать специальные и обычно юридически ограниченные общины, где они и селились. В большей или меньшей степени все эти еврейские общины были самоуправляющимися, хотя реально положение евреев при этом могло быть нищенским и неустойчивым. В Польше в условиях монархии евреи пользовались определенным правом на самоуправление, которое осуществлялось Земельным Советом, избираемым наиболее обеспеченными членами общины. Их, конечно, облагали более тяжелыми налогами, чем окружающих поляков, и у них не было реального права на самооборону, но в прочих отношениях они сами занимались своими делами. В несколько меньшей степени это было характерно и для прочих еврейских общин континентальной Европы. Евреи всегда сами организовывали работу своих школ, судов, больниц и социальных служб. Они сами назначали и содержали своих должностных лиц, раввинов, судей, мясников, специалистов по обрезанию, школьных учителей, пекарей и мусорщиков. У них были свои магазины. Где бы они ни находились, евреи образовывали свои маленькие государства в государстве. На этом зиждилась система гетто, которая присутствовала даже в местах вроде Амстердама, где официальных установлений по этому поводу не существовало.

В Северной Америке все было совсем по-другому даже до того, как Соединенные Штаты обрели независимость. При потенциальном отсутствии закона о религии не было никакого повода, чтобы у евреев действовала своя отдельная система, кроме разве что вопросов, касающихся собственно внутренней религиозной дисциплины. Поскольку все религиозные группы изначально имели равные права, не имело смысла выделяться в отдельную общину. Все могли принимать участие в жизни единого общества. Поэтому с самого начала евреи в Америке были организованы не по коммунальному, а по конгрегационному принципу, как и другие церкви. В Европе синагога была просто одним из органов всеобъемлющей еврейской общины. В Северной Америке она оказалась единственной управляющей инстанцией в жизни евреев. Американские евреи не принадлежали к «еврейской общине», как в Европе. Они принадлежали к определенной синагоге. Она могла быть сефардовской или ашкенази; если говорить о последних, то они могли быть немецкого, английского, голландского или польского происхождения, с

небольшими ритуальными различиями. Похожим образом различались и протестантские группировки. В итоге еврей ходил в «свою» синагогу, подобно тому, как протестант ходил в «свою» церковь. В других же отношениях и евреи и протестанты были составной частью гражданской общности, в которую они были втянуты как светские элементы. Таким образом, евреи впервые, никоим образом не отказываясь от своей религии, включились в процесс интеграции.

Это обстоятельство имело далеко идущие последствия; еврейское население Северной Америки стало быстро увеличиваться. Это означало конец еврейского дуализма, когда еврейство состояло из двух частей: Эрец Израиль и диаспора. Отныне присутствие евреев в мире становилось трояким: Израиль, диаспора и американское еврейство, которое радикальнейшим образом отличалось от любой иной части диаспоры и оказалось в конечном итоге Третьей Силой, которая сделала возможным возникновение сионистского государства.

Это все было позже, но даже в самом начале новой истории восприятие евреев в регионе, где доминировали англосаксы, стало все сильнее влиять на роль, которую евреи играли в экономике, придавая ей характер постоянства и стабильности, которыми она никогда ранее не обладала. В различные эпохи – и в древности, в Темную эпоху и в раннем Средневековье, и в XVII веке – евреи были прекрасными торговцами и предпринимателями, зачастую удивительно успешными. Но еврейская экономическая мощь была крайне уязвима, ибо закон ее почти не защищал. И в христианском и в мусульманском мире состояние евреев всегда находилось под угрозой изъятия. Можно сказать, что разгром нацистами еврейского бизнеса в 1933—1939 гг. и конфискация еврейской собственности арабскими государствами в 1948—1950 гг. явились последними и самыми мощными экономическими атаками на евреев. Из-за такой уязвимости вплоть до середины XVII столетия состояние евреев носило преходящий, в лучшем случае мигрирующий характер, а вклад евреев в рост мировой предпринимательской экономики был соответственно ограничен. Евреи всегда умели использовать и перемещать капитал. Но лишь тогда, когда они закрепились в англосаксонском обществе, безопасность, гарантированная им законом, позволила им также и накапливать его. Уверенность в своих правах привела евреев к расширению пределов их деятельности. Торговля, особенно мелкими и ценными товарами (например, драгоценностями), которые легко спрятать и перевезти с места на место, перестала быть почти единственным видом экономической деятельности евреев, где бы они чувствовали себя в безопасности.

Ситуация стала меняться в Америке в XVIII веке. В начале этого столетия евреи в основном концентрировались в секторе международной торговли, специализируясь на ювелирных изделиях, кораллах, текстиле, рабах, какао и имбире. В 1701 году в Нью-Йорке, составляя всего 1% населения, их было 12% среди тех, кто занимался заморской торговлей. К 1776 году эта доля также упала до 1%, поскольку евреи, чувствуя себя более уверенно (с точки зрения оседлости, безопасности и приемлемости для окружающих), стали утрачивать интерес к морю, через которое ранее традиционно пролегали маршруты их бегства, и обращать свой взор на внутренние районы страны, на развитие континента. Они сами становились поселенцами, торговали ружьями, ромом, вином, изделиями из железа и стекла, мехами и провиантом.

В Европе финансовые рычаги, которые сплачивали великую коалицию против Людовика XIV, положив в дальнейшем конец его военному главенству в Европе (как впоследствии и наполеоновскому), в основном были сформированы евреями. Вильгельм Оранский, ставший впоследствии королем Англии Вильгельмом III, который возглавлял коалицию с 1672 по 1702 год, финансировался и снабжался группой голландских евреев-сефардов, которые действовали в основном из Гааги. Два ведущих *генеральных поставщика*, как именовал их Вильгельм, были Антонио Альварес Мачадо и Якоб Перейра. Как мы уже видели, подобные люди, сколь бы они ни были полезны континентальным монархам, были вынуждены действовать в условиях экономической и личной незащищенности. Так, например, потребовался сильный нажим со стороны Вильгельма и

австрийского императора, чтобы Мачадо или его агентов допустили в такой город, как Кельн. Напротив, Англия была намного более надежной базой, опираясь на которую можно было действовать. В 1688 году семья Лопеса Суассо передала Вильгельму два миллиона гульденов, чтобы финансировать его вторжение в Англию, и Суассо сказал ему: «Если удача будет на вашей стороне, я знаю, что вы со мной рассчитаетесь; если же вам не повезет, я согласен их потерять». После того как Вильгельм успешно укрепился на престоле, многие еврейские финансисты перебрались в Лондон; во главе их был сын Перейры Исаак, ставший там генеральным комиссаром и получивший за морские перевозки и поставки с сентября 1690 года по август 1691 огромную сумму в 95 тысяч фунтов.

В Лондоне евреи были в числе тех, кто основал финансовый рынок Сити, выросший при Вильгельме. Нельзя сказать, чтобы здесь с самого начала полностью отсутствовал антиеврейский шантаж, который преобладал на континенте в отношениях между евреями и государством. Граф Шрусбери, будучи государственным секретарем, писал лондонскому лорд-мэру в феврале 1690 года: «Принимая во внимание, что проживающие в Лондоне евреи ведут благодаря покровительству правительства столь выгодную «торговлю», «предложенные ими 12 тысяч фунтов» гораздо «меньше того, что от них ожидал Его Величество»; а потому, продолжал он, следует удвоить эту сумму, подняв ее до 20, а лучше – до 30 тысяч; «Его Величество верит, что, подумав как следует», они «придут к новому решению». Однако английское правительство не прибегло ни к конфискации еврейских состояний, ни к ограблению их при помощи кабального юридического преследования. Соломон де Медина, главный лондонский представитель гаагского консорциума, никогда не призывался к ответу за свои многочисленные прегрешения; по его признаниям, он с 1707 по 1711 год «подкармливал» герцога Мальборо, главнокомандующего союзными войсками, выплачивая ему ежегодно по 6 тысяч фунтов. Вильгельм III обедал с ним в Ричмонде в 1699 году и возвел его на будущий год в рыцарское достоинство; если же Соломон окончил жизнь практически банкротом, то тому виной его собственные просчеты, а не антисемитские происки.

В то время как в Центральной Европе ограбление какого-либо Оппенгеймера могло привести к финансовому кризису, лондонские евреи, уверенные в том, что их собственности ничто не угрожает, могли помочь государству избежать такого развития событий. Семья Менассии Лопеса – при королеве Анне, Гидеоны и Сальвадоры при первых трех Георгах сыграли заметную роль в поддержании стабильности лондонского финансового рынка. Они не попались на «Аферу Южных Морей». Когда Сити впало в панику в результате восстания якобитов в 1745 году, Самсон Гидеон (1699—1762) собрал миллион 700 000 фунтов стерлингов, чтобы помочь правительству восстановить спокойствие. После смерти он оставил свыше 500 тысяч, которые достались его наследнику, а не правительству, хотя Гидеоны вошли в палату лордов и отошли от иудаизма.

Некий бессознательный коллективный инстинкт заставил евреев обезличить финансы и рационализировать всеобщий экономический процесс. Любая собственность, считавшаяся еврейской, всегда в эпоху средневековья и в начале новой эпохи была в опасности, особенно в Средиземноморье, где в то время пролегали основные маршруты международной торговли. Когда испанский флот и мальтийские рыцари расценивали нанятые евреями корабли как свою законную добычу, то при оформлении международных сделок и страховании морских грузов стали использоваться фиктивные христианские имена, а затем были разработаны безличные формулировки для документов. Придумав аккредитив, евреи изобрели затем и другой способ безличного перемещения денег – чек на предъявителя. Для непривлекательной общины, чья собственность постоянно находилась под угрозой и кого постоянно могли в кратчайший срок заставить переселиться, появление надежного безличного платежного средства, которым стали бумажные деньги, будь то векселя, а еще лучше – полноценные банкноты, было чрезвычайно ценным.

В итоге в начале Нового времени евреи приложили огромные усилия для усовершенствования этих средств и их повсеместного использования. Они оказывали

большую поддержку появлению и становлению институтов, способствующих укреплению статуса ценных бумаг: центральных банков, во главе которых был Английский банк (1694) с его правом выпуска банковских билетов, и фондовых бирж. Евреи доминировали на Амстердамской бирже, где держали большое количество акций Вест-Индской и Ост-Индской компаний, и были первыми, кто занялся в широком масштабе ценными бумагами. В Лондоне в течение жизни следующего поколения (в 1690-е годы) они стали заниматься тем же самым. Иосиф де ла Вега, амстердамский еврей (формально считавшийся протестантом) написал первый отчет о биржевом бизнесе в 1688 году, и евреи были, по-видимому, первыми профессиональными работниками биржи, в частности брокерами, в Англии: в 1697 году из сотни брокеров Лондонской биржи 20 были евреями и иностранцами. Со временем евреи помогли созданию в 1792 году и Нью-Йоркской биржи.

Вслед за развитием кредита как такового, изобретение и, более того, популяризация ценных бумаг стали, пожалуй, самым ценным вкладом евреев в процесс накопления. Евреи форсировали использование ценных бумаг как в тех областях, где чувствовали себя в безопасности, так и там, где находились под угрозой, поскольку считали весь мир единым рынком. И здесь тоже глобальная перспектива, которую предлагала им диаспора, помогла им стать пионерами. Для нации без земли весь мир является домом. Чем больше расширялся рынок, тем шире становились возможности. Для народа, который в X веке вел регулярную торговлю между Каиром и Китаем, открытие Атлантического, Индийского и Тихого океанов для коммерции в XVIII веке не было таким уж новшеством. Первым оптовым торговцем в Австралии был некий Монтефьоре. Сассуны построили первые текстильные предприятия в Индии. Бенджамин Норден и Сэмьюэл Маркс основали промышленность в Канской колонии. Евреи участвовали в китобойном промысле вблизи обоих полюсов. Но еще более важным, чем эти отдельные пионерские акции, были усилия евреев по созданию мирового рынка таких ключевых товаров современной коммерции, как пшеница, шерсть, лен, текстиль, спиртные напитки, сахар, табак. Евреи внедрялись в новые отрасли. Они сильно рисковали. Они имели дело с разнообразнейшими товарами.

Еврейская финансовая и торговая деятельность в XVIII веке стала настолько широкой, что историки экономики испытывали временами соблазн считать их основной движущей силой создания современной капиталистической системы. В 1911 году немецкий социолог Вернер Шомбарт опубликовал примечательную книгу *«Die Juden und das Wirtschaftsleben»*, в которой доказывал, что у еврейских торговцев и промышленников, не допускавших в гильдии, выработалась разрушительная антипатия к основам средневековой коммерции. Последние носили примитивный и непрогрессивный характер: стремление к «справедливым» (и фиксированным) заработкам и ценам, к уравниловке, при которой доли на рынках согласованы и не меняются, прибыли и средства к существованию – скромные, но гарантированные, а производство ограничено. Будучи исключенными из этой системы, утверждает Шомбарт, евреи взорвали ее, заменив современным капитализмом, с его неограниченной конкуренцией и удовлетворением потребителя как единственным законом. Работа Шомбарта была впоследствии дискредитирована, так как нацисты использовали ее, чтобы оправдать различие, которое они проводили между еврейским коммерческим космополитизмом и немецкой национальной культурой; сам же Шомбарт в своей книге *«Deutscher Sozialismus»* (1934) поддержал нацистскую политику изгнания евреев из германской экономической жизни. Тезис Шомбарта содержал в себе долю истины, но выводы его были преувеличены. Подобно попытке Макса Вебера приписать дух капитализма кальвинистской этике, при этом отбрасывая неудобные факты. Шомбарт игнорировал мощный мистический элемент иудаизма. Он, как и Вебер, отказывался признать, что там, где религиозные системы, включая иудаизм, были наиболее могущественными и авторитарными, коммерция не процветала. Еврейские бизнесмены, как и кальвинистские, добивались наибольших успехов тогда, когда покидали свою традиционную религиозную среду и устремлялись на свежие пастбища.

Но даже если евреи формировали лишь один из элементов, создававших современную

экономическую систему, он, несомненно, был очень влиятельным. Они рационализировали некогда удобный, традиционный и... обскурантистский процесс. Они оказывали свое влияние по пяти главным направлениям. Во-первых, они знали толк в нововведениях. Прекрасный пример – фондовая биржа, которая является эффективным и рациональным способом приращения капитала и инвестирования его наиболее продуктивным образом. При этом отвергался традиционный подход, когда торговцы не делали различия между временным избытком товара на рынке и его, так сказать, фундаментальной ценностью. В 1733 году сэр Джон Барнард внес в парламенте при поддержке всех партий законопроект с целью сделать незаконной «недостойную практику игры с биржевыми акциями». *«Универсальный словарь торговли и коммерции Постлетуэйти»* (1757) клеймит «шарлатанов, именуемых биржевыми маклерами», а их деятельность называет «горем для общества», «позором нации». Многие из этих обвинений рассматриваются португальским евреем Жозефом де Пинто в его «Трактате о кредите и обращении» (1771). В целом же финансовые нововведения, пионерами которых явились евреи в XVIII веке и которые в то время вызвали столько критики, оказались приемлемыми в XIX.

Во-вторых, евреи оказались в первых рядах тех, кто отстаивал значение активной торговли. В этом вопросе также было много противодействия со стороны ревнителей традиций. Так, например, Даниэль Дефо в своем «*Полном английском торговце*» (1745 г., 5 издание) клеймит излишнее украшение окон как аморальное. *«Словарь Постлетуэйти»* следующим образом отзывается о «недавнем нововведении» – рекламе: «Сколь низким и недостойным ни считали всего несколько лет назад уважаемые представители торгового сословия обращение к публике при посредстве рекламы в газетах, в настоящее время она расценивается совершенно по-другому, и люди, пользующиеся в торговле высоким авторитетом, считают ее... наилучшим способом довести до сведения всего королевства, что они имеют предложить». Парижский указ 1761 года запрещал торговцам «бегать наперегонки в попытках найти покупателей» или «распространять рекламные листовки, привлекающие внимание к их товару»... Евреи же были среди пионеров демонстрации рекламы и продвижения товаров на рынок.

В-третьих, они стремились к максимально широкому рынку, так как понимали значение крупномасштабной экономики. Как и в Средние века, когда они занимались банковским и ссудным делом, теперь они также готовы были к невысокой норме прибыли в обмен на большой оборот. В соответствии с этой позицией они – и это был их четвертый важный вклад – боролись за снижение цен. А потому они всячески способствовали продвижению на широкий рынок дешевых товаров. В этом они не были одиноки. Сэр Джосия Чайлд в своем «*Рассуждении о торговле*» (1752 г., 4 издание) указывает: «Если мы намереваемся вести торговлю в мировом масштабе, то следует подражать голландцам, которые стараются убедить всех производителей товаров в необходимости служить всем рынкам и всем вкусам». Способность евреев сбивать цены вечно была причиной ярости и обвинений в том, что они либо жульничают, либо торгуют ворованными или конфискованными товарами. Фактически же речь шла еще об одном примере рационализации. Евреи были готовы к распродаже остатков. Они находили применение отходам. Они закупали более дешевое сырье, приобретали заменители, в том числе синтетические. Они продавали беднякам товары пониженного качества, так как бедняки ничего другого не могли себе позволить. Они претворяли в жизнь масштабную экономику, открывая универсальные магазины, где под одной крышей продавалось великое разнообразие товаров. Это бесило тех, кто по традиции занимался специализированной торговлей, особенно когда евреи привлекали покупателей, продавая некоторые товары «себе в убыток». И, самое главное: евреи больше всех занятых коммерцией были преданы принципу, что главным арбитром в торговле является покупатель и для процветания необходимо следовать его интересам, а не интересам гильдии. Покупатель всегда прав. Окончательный приговор выносит рынок. Эти аксиомы не обязательно были изобретены евреями или соблюдались исключительно ими, но евреи претворяли их в жизнь быстрее, чем

большинство.

И, наконец, евреи очень серьезно относились к сбору и использованию данных коммерческого шпионажа. По мере того как рынок становился доминирующим фактором во всякого рода торговле и расширялся, превращаясь в ряд глобальных систем, информация приобретала первостепенное значение. Информированность стала важнейшим фактором, определяющим успех евреев в торговле и финансах. К началу Промышленной революции они управляли семейными торговыми сетями, раскинутыми по все расширяющейся территории, в течение чуть ли не двух тысячелетий. К тому же они всегда были большими любителями эпистолярного жанра. Из Леггорна, Праги, Вены, Франкфурта, Гамбурга, Амстердама, а позднее – из Бордо, Лондона, Нью-Йорка и Филадельфии они приводили в действие чувствительную и быстродействующую информационную систему, позволявшую им быстро откликаться на политические и военные события и на изменяющиеся требования регионального, национального и мирового рынков. Такие семьи, как Лопесы и Мендесы из Бордо, Карцересы из Гамбурга, Сассуны из Багдада, а также Перейры, Д'Акосты, Конельяно и Альгадибы, действовавшие на местах во многих городах, были среди наиболее информированных людей мира задолго до того, как Ротшильды основали свою собственную коммерческую диаспору. Традиционная, средневекового типа коммерция страдала от так называемого «физического заблуждения», что товары и предметы потребления имеют фиксированную и абсолютную стоимость. В действительности цена зависит от места и времени. Чем больше рынок, чем длиннее расстояния, тем больше разброс. Залог коммерческого успеха в том, чтобы доставить нужные товары в нужное место и в нужное время. И так было всегда, но в XVIII веке рост размеров и масштаба рынка придал этому определяющее значение. Тем самым повысилась важность принимаемых в бизнесе стратегических решений. Решения же, естественно, основываются на качестве информации, которой располагали в момент их приема. Именно здесь набирали очки еврейские сети связи.

Таким образом, благодаря совместному действию всех перечисленных выше факторов евреи внесли в создание современного капитализма вклад, совершенно не пропорциональный их численности. Он бы, конечно, сложился и без них. В ряде областей они занимали слабые позиции или вообще отсутствовали. Так, они играли весьма умеренную роль на ранних стадиях Промышленной революции в Англии. В некоторых же областях, например, в наращивании крупного капитала, они были очень сильны. В целом они привнесли в экономическую систему XVIII века мощный дух рационализации, веру в то, что имеющиеся способы вести дело никогда не бывают идеальными и могут (и должны) быть заменены на лучшие, более легкие, более дешевые и быстрые. В еврейской коммерции не было ничего мистического и бесчестного – всего лишь здравый смысл.

Процесс рационализации шел и в еврейском обществе, хотя поначалу неуверенно и боязливо. Парадокс состоит в том, что в одно и то же время гетто порождало коммерческие новации и религиозный консерватизм. В начале Нового времени евреев характеризовал удивительный дуализм. Они зачастую смотрели на внешний мир более ясными глазами, чем он сам; стоило же евреям обратить взор на себя, как он затуманивался. В XII веке Маймонид пытался соединить иудаизм со здравым смыслом. Попытка не увенчалась успехом и ушла в XIV веке в подполье. Гетто помогло ей там задержаться, укрепляя традиционную власть и отбивая охоту к размышлению. К тому же оно усугубляло тяжесть общественного неодобрения, поскольку еврей не мог покинуть гетто, не растеряв полностью своей веры. Но, разумеется, оно не могло полностью убить дух рационализации, ибо он был внутренне присущ иудаизму и галахическому методу. Даже в гетто иудаизм консервировал кафедократию как общество, управляемое образованными людьми. Там, где существуют ученые, возникают противоречия и циркулируют идеи.

Гетто были и местом хранения книг. Евреи повсюду организовывали свои типографии. Несмотря на частые налеты со стороны враждебно религиозных властей, им удавалось создать внушительные библиотеки. Один из членов семьи Оппенгеймеров, Давид, который был главным пражским раввином с 1702 по 1736 год, поставил себе задачу собрать все

когда-либо отпечатанные еврейские книги. Унаследовав состояние своего дяди Самуила, он был весьма богатым человеком и отнюдь не радикалом. Христиане обвиняли его в злоупотреблении правом отлучения во имя обогащения. На практике ему приходилось держать свою библиотеку в Гамбурге, чтобы спасти ее от католической инквизиции в Богемии. Его собрание, образующее ныне основу библиотеки *Hebraica* в Оксфорде, некогда превосходило 7000 томов и 1000 рукописей. Раввин Оппенгеймер получил в 1722 году предписание императора Карла VI, дающее ему право единоличного контроля над учебной евреев в Праге. Но сама библиотека, собиранию которой он посвятил свою жизнь, была неизбежно питательной средой, на которой взращивалась интеллектуальная подрывная деятельность.

Тем не менее, дух рационализма в иудейском мире развивался медленно, частично потому, что евреи с новыми идеями боялись бросить вызов традициям, а частично потому, что подобный вызов мог встретить сокрушительное неодобрение. Опыт свидетельствует, что самым эффективным способом изменить консервативный религиозный подход является исторический подход. Маймонид, наметив современную технику критической оценки Библии, никогда не пользовался историческими критериями как таковыми. Одна из его немногих интеллектуальных слабостей состояла в том, что он считал немессианскую историю «не имеющей практического смысла, пустой потерей времени». Его неодобрение было косвенной причиной того, что евреи так медленно возвращались к исторической литературе. Но в конечном итоге они все же вернулись к ней во второй половине XVI века. После пионерской, хотя и наивной, книги Ибн Верги Азария ден Росси (ок. 1511—1578 гг.) из Мантуи написал наконец в 1573 году настоящую книгу по истории евреев под названием «*Меор Эйнаим*» («Свет очей»). Используя нееврейские источники и критическую технику, разработанную христианами в эпоху Возрождения, он подверг писания мудрецов рациональному анализу. Его манера была извиняющейся и неуверенной, он явно не получал удовольствия от того, что указывал, где именно ошибались мудрые старцы. Однако, тем не менее, его работа, посвященная еврейскому календарю, разрушила традиционную базу мессианских вычислений и бросила тень сомнений на многое другое.

Работа Росси вызвала сильное неодобрение среди ортодоксально воспитанных евреев. Великий систематизатор Иосиф Каро, наиболее влиятельный ученый того времени, умер как раз тогда, когда собирался подписать приказ о сожжении книги. Раввин Иуда Лев, знаменитый Махарал из Праги, выдающаяся фигура следующего поколения, был столь же критически настроен по отношению к этой книге. Он считал, что предпринятые Росси скептические исследования талмудических легенд и еврейской истории подорвут власть и разрушат веру. По его мнению, Росси не удалось сделать выбор между двумя принципиально разными видами интеллектуального процесса: божественным и природным. Абсурдно использовать методы, пригодные для исследования природы, чтобы пытаться понять, как работает Божественное Провидение. В некотором смысле это был подкоп под Маймонида. Тем не менее, Махарал не был на самом деле никаким обскурантистом и иррационалистом, он допускал множественность направлений в иудаизме. Его оппозиция по отношению к Росси, чьей книгой еврейские студенты не могли пользоваться без специального разрешения раввинов, показывает, какое противодействие встречает любая интеллектуальная новация.

Сила ортодоксальности была самым драматическим образом продемонстрирована в трагической судьбе Баруха (или Бенедикта) де Спинозы из Амстердама (1632—1677). Спинозу обычно считают центральной фигурой в истории философии, каковой он, разумеется, и является. Но его значение в еврейской (и христианской) истории намного больше, а в некоторых оно, пожалуй, губительно, ибо он привел в движение цепь событий, до сих пор оказывающих на нас влияние. По рождению он был сыном беженца-сефарда, который стал преуспевающим голландским купцом. С точки зрения профессиональной он был ученым (возможно, учеником Манассии бен Израеля) и шлифовщиком оптических линз. С точки зрения темперамента он был меланхолик и аскет, внешне худощав и смугл, с длинными вьющимися волосами и большими темными блестящими глазами. Ел очень мало,

в основном овсяную кашу с небольшим количеством масла или изюмом. «Невероятно, – писал его ранний биограф, лютеранский пастор Колерус, который жил в одном с ним доме, – каким малым количеством мяса и питья он удовлетворялся».

С точки зрения интеллектуальных корней Спиноза был последователем Маймонида. Однако похоже, что некоторые его взгляды на происхождение Пятикнижия коренятся в туманных намеках, встречающихся в работах старого рационалиста Авраама бен Ездры (1089—1164). Он рос не по годам развитым юношей в городе, который в то время (50-е годы XVII века) был, пожалуй, наиболее передовым в мире в интеллектуальном отношении. Довольно рано стал членом кружка свободомыслящих представителей различных религий: бывший иезуит Франциск ван ден Энден, бывший маррано Хуан де Прадо, печально известный школьный учитель Даниэль де Рибера, а также всяческие соципианцы, противники догмата троицы и антиклерикалы. Представитель следующего поколения, еврей Уриэль да Коста был не единожды, а дважды (!) исключен из амстердамской общины за то, что отрицал бессмертие души. В 1655 году, когда Спинозе было 23 года, в Амстердаме была издана запрещенная повсюду сенсационная книга бывшего кальвиниста Исаака Ла Пейрера «*Praedamnitiae*», и Спиноза, несомненно, читал ее. Ла Пейрер, без сомнения, не был атеистом, скорее, маррано-мессианистом, энтузиастом каббалы, частью волны, которая десятью годами позднее понесла Шаббетая Зеви к славе. Однако в своей работе он рассматривал Библию не как откровение, но как светскую историю и предмет критического изучения. И эта книга, по-видимому, укрепила в сознании Спинозы сомнения, порожденные Ибн Ездрой и Маймонидом. Во всяком случае, через год после ее выхода Спиноза и Де Прадо были вынуждены предстать перед еврейскими властями. Де Прадо покался. Спиноза же был публично отлучен.

Сохранился подлинный текст решения раввината, датированный 27 июля 1656 года, подписанный раввином Саулом Леви Мортейрой и другими. Он гласит: «Главы совета доводят до вашего сведения, что, зная давно о зловердных мнениях и действиях Баруха де Спинозы, они пытались отвратить его от зла различными средствами и обещаниями. Однако, не будучи способны найти никакого действенного средства и, напротив, получая каждодневно новую информацию о том, сколь мерзкую ересь он продолжает практиковать и поучать ей, а также о совершаемых им чудовищных актах, причем получая ее от многих заслуживающих доверия свидетелей, которые были приглашены и дали свои показания в присутствии упомянутого Спинозы, который был признан виновным; изучив все это в присутствии раввинов, совет постановил в соответствии с советом раввинов, что упомянутый Спиноза должен быть отлучен и исторгнут из народа Израиля».

Затем следует анафема и проклятие:

«По суждению ангелов и приговору святых, мы предаем анафеме, проклинаям и отлучаем Баруха де Спинозу... возглашаем ему анафему, как Иисус предал анафеме Иерихон, как Елисей проклял детей, и предаем его всем проклятиям, что записаны в книге Закона. Да будет он проклят днем и проклят ночью; проклят, когда ложится и когда встает, когда выходит и входит. Пусть Бог никогда более не простит и не признает его! Пусть гнев и немилость Господня жгут отныне этого человека, обрушивают на него все проклятия, записанные в книге Закона, и искоренят само имя его под небесами... Пусть же будут все предупреждены, что никто не должен общаться с ним словесно, либо письменно, либо оказывать ему какую-либо услугу, либо жить с ним под одной кровлей, либо приближаться к нему на расстояние менее четырех локтей, либо читать какой-либо документ, продиктованный им или написанный его рукой».

В ходе зачитания этого проклятия «время от времени раздавались пронзительные и протяжные звуки большого рога; огни, ярко светившие в начале церемонии, постепенно гасились поочередно, пока в конце не был загашен последний из них, символизируя прекращение духовной жизни отлучаемого человека, и собрание осталось в кромешной тьме».

После этого 24-летний Спиноза был изгнан из отцовского дома, а вскоре и из

Амстердама. Он заявлял, что однажды ночью, когда он возвращался из театра, его пытались убить, и показывал плащ с дырой от кинжала. После смерти отца жадные сестры пытались лишить его наследства. Он обратился в суд, чтобы подтвердить свои права, но затем отказался от всех претензий, кроме одной, пожелав получить одну кровать со спальными принадлежностями. В конце концов он поселился в Гааге, где жил своим ремеслом оптика. У него была небольшая государственная пенсия плюс ежегодная рента, завещанная другом. Он отклонил все другие предложения помощи и отказался от места профессора в Гейдельберге. Он вел аскетичную жизнь бедного ученого, каким он мог бы стать, оставшись ортодоксом, и никогда не вступал в брак. Он был полной противоположностью представителям богемы, одевался весьма скромно и настаивал: «Не неряшливый и неопрятный вид делает нас мудрецами; скорее подчеркнутое безразличие к своему внешнему виду свидетельствует о состоянии духа, где нет места для подлинной мудрости, а наука наталкивается лишь на беспорядок». Он умер в возрасте 44 лет от одной из форм туберкулеза, и его имущество было столь незначительно, что его сестра Ребекка отказалась его принять.

Причины и сущность враждебных отношений между Спинозой и еврейскими властями ясны не полностью. Его обвиняли в том, что он отвергает существование ангелов, бессмертие души и божественное происхождение Торы. Но написанная им по-испански вскоре после *герема* апология его взглядов не сохранилась. Однако в 1670 году он анонимно издал свой «*Tractatus theologico-politicus*», в котором изложил свои принципы критики Библии, сущность своей неортодоксальности. Он утверждал, что при изучении Библии необходим научный подход – как и при изучении любого природного явления, причем он должен быть историческим. Начинать следует с изучения древнееврейского языка, затем переходить к текстуальному изучению и классификации всех книг Библии. Следующим этапом должно стать изучение исторического контекста: «жизни, поведения и побуждений автора каждой из книг, кем он был, каковы были обстоятельства и эпоха написания, для кого он писал и на каком языке... [затем] какова была история каждой книги: как она была первоначально воспринята, в чьи руки попала, сколько существовало ее вариантов, по чьей рекомендации была канонизирована и, наконец, каким образом все эти книги, ныне повсеместно почитаемые священными, были объединены в одно целое».

Продолжая свой анализ, Спиноза обсуждает, какие части Пятикнижия были на самом деле написаны Моисеем, рассматривает свиток Ездры, состав канона, источники книги Иова и Даниила, а также датировку как Библии в целом, так и ее составных частей. Фактически он почти полностью отвергает традиционный взгляд на источник и аутентичность Библии, добывая альтернативные объяснения из ее собственного, внутреннего материала. Таким образом, он инициирует процесс критики Библии, который в течение последующих 250 лет приведет к утрате внутренней людям веры в буквальную правдивость Библии и низведет ее до несовершенной исторической летописи. Его работа и влияние нанесли непоправимый ущерб самоуверенности и внутренней согласованности христианства. Одновременно они, как мы вскоре увидим, создали новые, долговременные и губительные проблемы для еврейского сообщества.

Спиноза дал первый яркий пример абсолютной разрушительной силы еврейского рационализма, вырвавшегося из ограничений традиционной общины. И при жизни и длительное время после смерти все основные религиозные структуры считали его атеистом. Его работы запрещались повсюду – и повсюду они выживали и переиздавались.

В 1671 году он направил письмо еврейскому лидеру Оробо де Кастро, где отрицал, что был атеистом, и отвергал обвинение в том, что «*Tractatus*» – антирелигиозная книга. Однако его «*Этика*», опубликованная уже после его смерти, показала, что он был пантеистом, причем бескомпромиссным. Как ни странно это может нам показаться, некоторые формы пантеизма явно считались в XVII веке совместимыми с иудаизмом. Каббала, считавшаяся в то время многими евреями приемлемой, содержала пантеистическую тенденцию; в *Зохаре* во многих местах высказывается предположение, что Бог есть все и все есть Бог. Через 20 лет после смерти Спинозы лондонский сефард раввин Давид Нието

(1654—1728) столкнулся с серьезными неприятностями, издав на испанском языке книгу «*О Божественном Провидении*», в которой природа провозглашается слитной с Богом. С просьбой вынести свое заключение обратились к великому знатоку Талмуда из Амстердама Зеви Ашкенази, который заявил, что аргументы Нието не только приемлемы с позиций иудаизма, но и почти тривиальны с позиций многих еврейских мыслителей.

Однако беда Спинозы была в том, что он развил свой пантеизм до такой степени, что его было почти невозможно отличить от атеизма. Сам он настаивал на том, что, дескать, нигде не утверждает, будто материальный мир, как мы его ощущаем и воспринимаем, и есть Бог. В своей «*Этике*» он говорит: «Нам легко представить, что вся природа – это один индивидуум», поскольку один объект может быть частью большего, и так далее, до бесконечности. Но он не представляет себе Бога как личность. По его мнению, приписывать Богу такие категории, как «воля» или «интеллект», – все равно что попросить Сириус полаять исходя из того, что мы называем его Песью Звездой. Фактически он сохраняет слово «Бог» просто в силу исторических привычек, сентиментов. Совмещая Бога со всей объективной реальностью, он вынужден соглашаться с атеистом, когда последний настаивает на том, что реальность нельзя разделить на части, одна из которых – Бог, а вторая – не-Бог, обе они протестуют против подобного противопоставления. Но если Бог не может быть отделен от чего-либо другого, то невозможно сказать, что Он «существует» – с точки зрения обычной логики, доступной восприятию простого человека. Спиноза говорил: «Бога не существует в том смысле, как мы всегда понимали это слово». Для большинства людей это – атеизм. Немецкий математик и философ Готфрид Вильгельм фон Лейбниц (1646—1716) хорошо знал Спинозу и, конечно, мог осознать, что тот имеет в виду по данному вопросу. Сам он был карьеристом, и его часто обвиняли в том, что из трусости он старается дистанцироваться от работы Спинозы, когда ее поливают грязью. Но он был абсолютно прав, когда суммировал позицию Спинозы в вопросах религии следующим образом: «Он действительно был атеистом в том отношении, что не признавал Провидения, которое вознаграждало бы или карало в соответствии с понятием справедливости».

Работа Спинозы демонстрирует одну гипертрофированную особенность еврейского духа, а именно его склонность не только все рационализировать, но и все интеллектуализировать. Он был одним из тех, кто верил в возможность разрешить все споры и конфликты мнений, а также достичь человеческого совершенства в результате логического процесса. Он считал, что проблемы этики могут быть разрешены подобно доказательству геометрических теорем. Тем самым он находился в русле традиций Маймонида, который утверждал, что к идеальному миру можно прийти через здравый смысл, и именно так наступит эпоха мессии. Но Маймонид считал, что для этого следует соблюдать Закон во всей его полноте и Высшей целесообразности, то есть опираясь на Откровение, через Тору. Спиноза же не верил в Откровение и хотел отбросить Тору за ненужностью. Он считал, что результат может быть достигнут при помощи чистого разума.

Это привело его на позицию антигуманизма. Он пытался дать человеку, как он выражался, «все средства против эмоций». До какого-то момента это действительно привлекательно. Спиноза хотел преодолеть страсть. Он, надо сказать, всегда сам следовал тому, чему учил. Никогда в жизни он не приходил в ярость, как бы его ни провоцировали (а это случалось нередко), никогда не выходил из себя. Его характеризовали самодисциплина и героическое самоотречение. Весь грех – от невежества, утверждал он; к несчастьям, равно как и их причинам, следует относиться как к части общего мироустройства. Осознав это, человек становится неуязвим для печали, ненависти, желания отомстить. «Ненависть усиливается от встречной ненависти; с другой стороны, ее можно победить любовью. Ненависть, которая полностью уничтожена любовью, сама превращается в любовь; а потому любовь становится больше, если ей предшествовала ненависть». Но, согласно Спинозе, «любовь» есть вещь специфическая. Все предопределено. Он не верит в свободу воли, а потому плохи надежда и страх, равно как и покорность, и покаяние. «Тот, кто жалеет о содеянном, дважды жалок и немощен». На все, что случается, есть воля Божья. Мудрый

человек стремится видеть мир с позиций Бога. Лишь по невежеству мы думаем, что способны изменить будущее. Осознав это, мы можем освободиться от страха; освободившись, мы размышляем не о смерти, а о жизни. Поняв себя и свои чувства, из которых удалена страсть, мы можем возлюбить Бога. Но это, конечно, не будет любовью одного существа к другому, ибо Бог не существо, а вообще все сущее; и любовь есть не страсть, но понимание. У Бога же, точнее у «Бога», нет ни страсти, ни удовольствия, ни боли; он ни к кому не питает ни любви, ни ненависти. А поэтому «тот, кто любит Бога, не должен ждать, что Бог в ответ возлюбит его». Или так: «Интеллектуальная любовь разума к Богу есть часть бесконечной любви, которую Бог питает к себе».

Нетрудно видеть, почему Спиноза привлекателен для рассудочных, но лишенных сердца философов – вроде Бертрама Рассела; или почему иные люди считают его каким-то бескровным, даже отталкивающим. Своим современникам Спиноза, подобно Гоббсу, у которого он воспринял холодную строгость, внушал подлинный ужас. Может быть, было бы лучше, если бы он раз и навсегда перестал пользоваться кодовыми словами вроде слова «Бог» и выражался недвусмысленно. Его влияние на других ведущих европейских писателей трудно переоценить. Им были буквально зачарованы как французские интеллектуалы (например, Вольтер), так и немецкие, один из которых, Лессинг, утверждал: «Нет другой философии, кроме философии Спинозы». Что же касается евреев, то он просто перекрыл одно из направлений развития: фактически он не столько довел рационалистическую линию Маймонида до ее логического завершения, сколько вообще вывел ее за пределы иудаизма.

Но оставалась иррациональная линия, которая восторжествовала в XIV веке. Ее каббала была воспринята нормативным иудаизмом. Она получила сокрушительный удар с отступничеством Шаббата Зеви. Шаббатаинизм ушел в подполье. Фиглярство Якоба Франка показало, что эта линия также могла бы вывести энтузиастов и упрямых за пределы иудаизма. Огромная эмоциональная энергия и пыл, питавшие мессианское движение в 1660-х годах, сохранились. Неужели не оставалось способа позволить им самовыразиться и в то же время остаться (пусть даже не совсем прочно) в колеснице иудаизма?

В XVIII веке эта проблема относилась не только к иудаизму. К 1700 году научная революция, которая предшествовала промышленной, уже разворачивалась. Ньютоновская теория механического космоса, управляемого железными законами математики, одержала победу. В верхах общества распространялся скептицизм. Религиозными лидерами становились люди холодные, вежливые, мирские, склонные к терпимости, поскольку их не слишком глубоко волновали вопросы доктрин, за которые их предшественники отнимали или отдавали жизнь. Массам же, чья жизнь была нелегкой, требовалось нечто большее. И появлялись люди, готовые это нечто предложить. В Германии это было движение Благочестивых. В Англии – братья Уэсли и их методизм. В Америке – первое Великое Пробуждение. В Восточной Европе, где в это время проживало более половины всех евреев, – хасидизм.

Благочестивый пыл среди еврейских масс Польши был не просто религиозной силой. У него имелись и радикальные полутона. Еврейское общество было авторитарным, а зачастую и деспотическим. Им правила олигархия богатых торговцев и адвокатов – раввинов, связанных между собой родственными узами. Система советов давала этой элите в руки грозную силу, а электорат, избиравший ее, был достаточно узок. Эта олигархия не была абсолютно замкнутой, поскольку образование позволяло в нее внедриться. Теоретически на это могли рассчитывать даже бедняки. Кафедократия была по необходимости и меритократией. Однако большинство бедняков оставалось (и ощущало себя) бессильными. В синагоге они ничего не значили. Можно было, конечно, подать жалобу на раввина, однако на нее не обращали внимания, если у него в семье было все в порядке. И напротив: многие местные постановления карали всех тех, кто «распускает сплетни и высмеивает дела уважаемых людей города». Дух угнетения ощущался не только на уровне общины, но и в семье. Для гетто был характерен патриархат. Отец имел право силой заставить учить Тору своего сына по исполнению тому 12 лет. С 13 лет вступал в действие закон насчет

непокорного сына из Второзакония. Теоретически непослушного можно было предать суду старейшин, осудить и побить камнями; высечь его можно было даже за первую провинность. Талмуд, правда, сообщает, что таких случаев не наблюдалось, но тень закона тем не менее висела над сыном. Отец мог принять решение относительно брачного контракта дочери до достижения ею совершеннолетия. Став в двенадцать с половиной лет *богерет*, она, в принципе, могла отвергнуть такого мужа, но на практике такие случаи встречались редко. Детей учили, что чтить родителей – значит чтить Бога. Короче, в гетто всякого рода субординации было более чем достаточно.

Однако одним из достоинств евреев было то, что они не были склонны робко подчиняться своим назначенным властным структурам. Еврей вечно протестует. И еврейская традиция, хотя зачастую и неохотно, находит место для такого протестанта. Она позволяет также святому действовать вне пределов обычной религиозной структуры. Мы уже встречались с понятием *баал-шем*, «хозяин божественного имени». Оно восходит к временам вавилонских *геоним*. С XVI столетия они встречались среди евреев-ашкенази, занимаясь практической каббалой. Некоторые из них были настоящими учеными. Большинство же писало заклинания-обереги или в духе народной медицины лечило специальными молитвами, чародейством, травами и кусочками животных. Они специализировались на душевных расстройствах и изгнании *диббуков*.

Где-то около 1736 года один из таких людей, Израиль бен Элизер, известный позднее как Бааль Шем Тов (ок. 1700—1760) или просто Бешт (по инициалам), ощутил некий зов. Сам он был сиротой, родом из Окопа, что в отсталой Подолии. В разное время он прислуживал на ритуальной скотобойне, добывал глину в Карпатах, был сторожем в синагоге и содержал постоянный двор. На портретах он обычно изображен с трубкой в руке или во рту. Он был человеком из народа и был очень далек от апостолической генеалогической линии раввинов, которая теоретически могла быть прослежена аж до Моисея. Он мало учился. Оригинал его работ не сохранился. Письма с его подписью, возможно, являются поддельными. Его проповеди сохранились в записи учеников. Он не выступал в синагогах, только вне их, причем, подобно Джону Уэсли, путешествовал по стране. Он писал амулеты, лечил людей и изгонял из них злых духов – короче, вел себя как обычный святой. Но кроме всего этого, он обладал подлинной харизмой: в его присутствии мужчины и женщины ощущали высокие порывы, чувствовали себя способными на благочестивые поступки. Это ощущение интенсивной, хотя какой-то домашней, святости усиливалось исцелениями, которые были зачастую очень зрелищными, а также его снами, в которых он провидел события, его мистическими состояниями и приписываемыми ему чудесами.

Все это сделало его влиятельной личностью. Он приобрел известность и организовал собственный суд на манер любого знаменитого раввина, и люди приезжали к нему издалека. Но основателем движения его сделала скорее изобретательность. Ему принадлежит идея создания двух новых институтов. Первый – возрождение древней концепции *цадика*, высшего человеческого существа, высшего в силу его особой верности Богу. Сама идея была стара, как Ной, но Бааль Шем Тов придал ей новое значение. С изменой Шаббетаев Зевии мессианство было скомпрометировано. В то же время Бешт не питал никаких иллюзий относительно франкизма или иной мессианской секты, отколовшейся от иудейского монотеизма. Как он выражался, «*Шекинья* рыдает и говорит, что пока конечность держится на теле, есть надежда на исцеление. Но, будучи отсечена, она уже не может быть восстановлена; каждый же еврей есть конечность *Шекиньи*». И у него не было намерений двигаться по этой дороге «ампутации». В то же время он понимал, что мессия-неудачник оставил зияющую пустоту в еврейских сердцах. И он заполнил эту пустоту, возродив *цадика*, который (согласно его учению) ниспослан свыше как милость и благодать Божья. Цадик, по Бааль Шем Тову, не есть мессия, но и не совсем обычный человек, он – где-то посередине. Более того, поскольку *цадик* не претендует на роль мессии, их может быть много. Таким образом, появляются новые персонажи, которые могут способствовать распространению и

становлению религиозного движения.

Во-вторых, он изобрел революционную форму популярной молитвы. Это было важно, поскольку позволяло и простым, неграмотным евреям вносить свою лепту в религиозную практику. Великая сила лурианской каббалы состояла в том, что она порождала в массах ощущение того, что они могут ускорить приход мессии своими молитвами и благочестием. Бааль Шем Тов добился подобного же эффекта народной причастности своей новой теорией молитвы, которую несли он и его последователи. Он подчеркивал, что молитва – не столько человеческая деятельность, сколько сверхъестественный акт, в котором человек прорывается через барьеры своего естественного существования в божественный мир. Как человеку это удастся? Он берет молитвенник и концентрирует все свое сознание на буквах. Он не читает, он желает. И, когда он делает это, буквы теряют форму, расплываются, и (это типично каббалистическая идея) божественная сущность, скрытая в буквах, становится духовно видимой. Это похоже на то, как если мы смотрим сквозь прозрачный объект. Бешт называл это «входить в буквы молитв» или в «небесные залы»; человек знал, что он достоин, когда «входил в залы молитв».

Бешт учил, что, для того чтобы «войти», человек должен уничтожить свою личность, стать ничем. Тогда он создает вакуум, который заполняется некоей высшей сущностью, действующей и говорящей за него. Когда слова молитвенника сливаются в точку, свершается трансформация, человек прекращает свою человеческую деятельность, и тогда уже не человек шлет наверх свои слова, а, наоборот, они посылаются в его уста. Мы продолжаем говорить, но мысли поставляются духом. Бешт говорил: «Я позволяю рту говорить все, что он хочет сказать». Его последователь, глава второго поколения хасидизма Дов Баер объяснял, что духовная энергия, делающая возможным это божественное преобразование, проистекает из того, что Тора и Бог, в сущности, суть единое целое, и божественная энергия хранится в буквах Великой Книги. Успешный акт созерцательной молитвы высвобождает эту энергию. Дов Баер использовал и другое сравнение: «Когда человек занимается или молится, слово следует произносить в полную силу, подобно тому, как капля семени извергается всем его телом, и в этой капле концентрируется вся его сила».

В результате церемонии хасидов стали довольно шумным мероприятием. Отвергая синагогу, они завели собственные *штиблех*, или молитвенные дома, где и собирались в своих простых одеждах и больших меховых шапках. Если было настроение, некоторые из них курили или выпивали. Во время молитвы, выкрикивая, они раскачивались и хлопали в ладоши, пели мелодию *ниггун* и танцевали под нее. У них были и свои молитвы на смеси польского ашкенази и лурического сефарди. Это были бедные, грубые люди, которые шокировали еврейский высший свет, особенно когда их практика распространилась по всей Польше и проникла в Литву. Их быстро обвинили в тайном шаббетизме, и даже раздавались гневные требования запретить их.

В лице Элии бен Соломона Залмана (1720—1797), гаона Вильно, ранние хасиды нашли заклятого врага. Даже на фоне еврейских вундеркиндов гаон был ребенком выдающимся. В возрасте шести лет он выступил с проповедью в виленской синагоге. Его светские и духовные познания внушали благоговейный трепет. Женившись в 18 лет, он зажил самостоятельно, приобрел домик под Вильно и всецело посвятил себя ученым занятиям. Сыновья говорили, что он спал не больше двух часов в сутки, причем не более получаса подряд. Чтобы не отвлекаться, он держал ставни закрытыми даже днем и занимался при свечах. А чтобы не уснуть, он не топил в доме и ставил ноги в таз с холодной водой. По мере того как росли его власть и влияние в Вильно, росла его тяга к занятиям. Нельзя сказать, чтобы он презирал каббалу, но все должно было быть подчинено требованиям галахи. Он воспринимал хасидизм как возмутительный скандал. Все эти разговоры насчет экстаза, чудес и видений, с его точки зрения, – ложь и заблуждение. Идея цадика по сути есть идолопоклонство, сотворение кумира из человека. И, что самое главное, хасидская теория молитвы есть подмена и оскорбление всего иудаистского богословия, от альфы до омеги. Он был воплощением кафедократии, и когда спросили, что, по его мнению, следует сделать с

хасидим, он ответил: преследовать. К счастью для ортодоксов, хасиды стали использовать для *шехиты* (ритуального забоя скота) неортодоксальные ножи. Впервые *герем* был объявлен против них в 1772 году. Их книги публично жгли. При втором *гереме*, в 1781 году, было объявлено: «Они должны покинуть наши общины вместе со своими женами и детьми... им не следует давать приюта на ночь. Их *шехита* запрещается. Запрещается вступать с ними в деловые отношения и в брак, а также участвовать в их похоронах». Гаон писал: «Долг каждого верующего еврея не признавать их, преследовать и причинять им беспокойство и подавлять их всеми возможными способами, поскольку в сердце их – грех, и они суть язва на теле Израиля».

Хасиды также ответили бойкотами. Они издавали памфлеты в свою защиту. В Литве и особенно в Вильно гаон создал анклав ортодоксальной галахи и богословия, прежде чем отправиться в Эрец Израиль, дабы закончить там свои дни. Но везде в других местах хасидизм утвердился на постоянной основе как важная и, по-видимому, необходимая часть иудаизма. Он распространился на запад – в Германию, а затем и по всему миру. Попытка ортодоксов уничтожить его провалилась, тем более что вскоре богословам и энтузиастам пришлось объединяться перед лицом нового и общего врага – еврейского просвещения, или *гаскала*.

Хотя *гаскала* была довольно специфическим эпизодом в еврейской истории, а просвещенный еврей – *маскиль* – своеобразным продуктом иудаизма, еврейское просвещение, тем не менее, было частью общеевропейского просвещения. Но особенно тесно оно было связано с просвещением в Германии, и на то были свои причины. Просветительское движение и во Франции и в Германии было направлено на то, чтобы исследовать и скорректировать отношение людей к Богу. Однако если во Франции наблюдалась тенденция к низведению Бога и приручению религии, то в Германии стремились достигнуть ее нового понимания и приспособиться к религиозному духу человека. Французское просвещение было блестящим, но в основе своей фривольным; немецкое же было серьезным, искренним и созидательным. Именно поэтому просвещенных евреев привлекала немецкая модель; она больше всего повлияла на них, и они в свою очередь внесли в нее существенный вклад. При этом, пожалуй, впервые немецкие евреи стали ощущать родство с немецкой культурой, что посеяло в их сердцах семена чудовищного будущего разочарования.

Перед интеллектуалами в христианском обществе просвещение ставило вопрос: какое место должен занимать Бог в становящейся все более светской культуре, и должен ли вообще? Для евреев вопрос стоял скорее так: какую роль должны (и должны ли) играть мирские познания в духовной культуре? Они все еще пребывали в средневековом тотально-религиозном обществе. Да, Маймонид активно выступал в пользу допуска светской науки и демонстрировал, сколь полно она может быть совместима с Торой. Но его аргументы не смогли убедить большинство евреев. Даже человек столь умеренных взглядов, как Махарал из Праги, выступал с нападками на Росси именно за то, что последний пытался применить мирские критерии к рассмотрению религиозных проблем. Некоторое количество евреев обучалось в медицинском училище в Падуе. Однако стоило им вернуться вечером домой в гетто, как они забывали о мире, находящемся за пределами Торы; то же случалось и с деловыми людьми. Разумеется, многие уходили во внешний мир, чтобы никогда не вернуться, но так случалось во все времена. Что блистательно показал пример Спинозы (к удовлетворению большинства евреев), так это что человек не может пить из колодца языческого познания, не рискуя смертельно отравить свою жизнь в иудаизме. Таким образом, гетто оставалось замкнутой вселенной не только в социальном, но и в интеллектуальном смысле.

К середине XVIII века прискорбные результаты этого оказались очевидны всем. Еще во времена диспута в Тортозе, в начале XV столетия, еврейская интеллигенция выглядела внешне отсталой и погруженной в мракобесие. Теперь же, спустя более чем 300 лет, в глазах просвещенных христиан (впрочем, даже и не очень просвещенных) евреи представляли

фигурами, достойными презрения и осмеяния, в странно-смешных одеждах, погруженные в древние и нелепые предрассудки, столь же далекие и оторванные от современного общества, как какие-нибудь затерянные племена. Язычники ничего не знали, да и знать не хотели о еврейском богословии. Подобно древним грекам, они даже не знали о его существовании. Для христианской Европы всегда существовала «еврейская проблема». В Средние века она формулировалась следующим образом: как не дать этому подрывному меньшинству нарушить чистоту религии и социальный порядок? Теперь этого уже не боялись. Для интеллектуалов-неевреев вопрос стоял уже так: как в общечеловеческих рамках освободить этот трогательный народ от его темноты и невежества?

В 1749 году молодой протестантский драматург Готхольд Лессинг поставил одноактную пьесу «*Die Juden*», которая едва ли не впервые в европейской литературе изобразила еврея как утонченное, рациональное существо. Это проявление терпимости было тепло встречено современником Лессинга, евреем из Дессау Моисеем Мендельсоном (1729—1786). Они встретились и стали друзьями, и блестящий драматург ввел еврея в литературную среду. Мендельсон страдал от искривления позвоночника, был уступчивым, терпеливым и скромным. Но он обладал невероятной энергией. Он был хорошо образован благодаря местному раввину, получил специальность бухгалтера и всю жизнь занимался торговлей. Но благодаря незаурядной тяге к книгам он приобрел немалые мирские познания. При поддержке Лессинга он стал публиковать свои философские труды. Фридрих Великий даровал ему «право проживания» в Берлине. Люди полюбили общаться с ним, и он стал заметен в салонах. Он был на 10 лет моложе Гаона и почти на 30 лет моложе Бешта, хотя казалось, что их разделяют столетия. Горячий талмудист-богослов, мистик-энтузиаст, рациональный горожанин – все эти три типа личности, соединенные в одном человеке, олицетворяют все современное еврейство!

Первоначально Мендельсон не претендовал на какой-либо особенный еврейский вклад в просвещение, ему просто хотелось получать удовольствие. Но он был вынужден выступить со своими еврейскими убеждениями, поскольку повсюду среди неевреев он встречался с незнанием и пренебрежительным отношением к иудаизму. Традиционный нееврейский мир говорил: прижать евреев или выгнать. Просвещенный нееврейский мир говорил: как нам лучше помочь этим бедным евреям перестать быть такими еврейскими? Мендельсон же отвечал: пусть у нас будет общая культура, но позвольте евреям оставаться евреями. В 1767 году он опубликовал книгу «*Phaedon*», построенную так же, как диалоги Платона и посвященную проблеме бессмертия души. Во времена, когда культурные немцы продолжали, как правило, писать полатыни или по-французски, а евреи – на иврите или идише, Мендельсон вслед за Лессингом стремился сделать немецкий язык средством интеллектуального общения и использовать его огромные возможности. Сам он писал на нем весьма изящно и украшал свой текст не столько библейскими, сколько классическими намеками и ссылками – особенность *маскиля*. Книга была дружелюбно воспринята среди неевреев, однако форма реакции несколько расстроила Мендельсона. Даже его переводчик на французский снисходительно объявил в 1772 году, что книга замечательная, если учесть, что написана она человеком, «рожденным и выращенным нацией, которая загнивает в своем вульгарном невежестве». Умный молодой швейцарский пастор Иоган Каспар Лаватер высоко оценил книгу и написал, что автор явно созрел для обращения, предложив Мендельсону публично защищать свой иудаизм.

Так получилось, что Мендельсон не по своей воле оказался вовлечен в защиту иудаизма с рационалистических позиций, или, точнее говоря, в демонстрацию того, как евреи, сохраняя преданность основам своей веры, могут стать частью общеевропейской культуры. Эта его деятельность стала многогранной. Он перевел Пятикнижие на немецкий язык. Он старался пропагандировать среди немецких евреев изучение иврита – в противовес идишу, который он презирал как вульгарно-аморальный диалект. По мере роста своего престижа он обнаружил, что участвует в битвах еврейских общин с нееврейскими властями. Он выступал против изгнания евреев из Дрездена и новых антисемитских законов в

Швейцарии. Он решительным образом возражал против распространенного обвинения в том, что еврейские молитвы являются антихристианскими. В интересах светских властей он разъяснял еврейские законы в области брака и присяги. Но, представляя, с одной стороны, иудаизм окружающему миру в самом выгодном свете, он стремился, с другой, поощрять изменения, которые помогли бы иудаизму избавиться от неприемлемых черт. Он осуждал институт *гарема*, особенно в свете охоты на ведьм против шаббатеицев, которая происходила в Альтоне в 1750-е годы. Он придерживался той точки зрения, что в то время как государство есть общество принуждения, основанное на социальном контракте, все церкви есть явление добровольное, основанное на убеждении. Человека не следует ни загонять в них, ни изгонять оттуда против его воли. Он считал, что лучше всего покончить с отдельной еврейской юстицией, и выступал против тех либералов-неевреев, которые настаивали на государственной поддержке еврейских судов. Он призывал покончить со всеми преследованиями и дискриминацией евреев и говорил, что верит в то, что так и будет, когда победит здравый смысл. В то же время он считал, что евреям следует расстаться с привычками и практикой, которые ограничивают разумные свободы человека, и в особенности свободу мысли.

Мендельсон, конечно, ходил по канату. Он боялся свернуть на дорогу Спинозы и переживал, если его с ним сравнивали. Боялся он и вызвать гнев христиан, если в своих публичных попытках защитить иудаизм он как-либо заденет христианство. Дискутируя с Лаватером, он указывал на опасность спора о том, что составляет кредо подавляющего большинства, и добавлял: «Я принадлежу к угнетенному народу». На самом деле он считал, что христианство гораздо менее рационально, чем иудаизм. Он всегда старался сохранить мост, соединявший с просвещением, и не утратить контакта с большинством верующих евреев. В итоге он пытался быть «всем для всех». Очень нелегко связно изложить его взгляды так, чтобы они не казались противоречивыми. Он следовал Маймониду, утверждая, что правоту религии можно подтвердить здравым смыслом. Однако в то время, как Маймонид желал подкрепить рациональную правду ссылками на Откровение, Мендельсон предпочитал обходиться без оногo. Иудаизм – не религия откровения, а закон откровения: является историческим фактом то, что Закон открылся Моисею на Синае, и именно благодаря этому Закону еврейский народ обрел духовное счастье. Правда не нуждается в чудесах для своего подтверждения. «На мудрого человека, – писал он, – которого аргументы истинной философии убедили в существовании Высшего Божества, гораздо большее впечатление произведет природное явление, чью связь с целым он может частично распознать, чем чудо» (из записной книжки, запись от 16 марта 1753 года). Однако, чтобы доказать существование Бога, Мендельсон полагался на старую метафизику: онтологическое доказательство *априори* и космологическое – *апостериори*. Оба были опровергнуты, по общему мнению, Кантом в его «Критике чистого разума» (1781), которая вышла в последнее десятилетие жизни Мендельсона.

Как апологет еврейской религии, Мендельсон был не слишком успешен. На самом деле в иудаизме было много такого, во что он сам не верил: идея избранного народа, его миссия перед человечеством, Земля Обетованная. Он, по-видимому, считал, что иудаизм – подходящее кредо для конкретного народа, и практиковать его нужно в частном порядке, причем настолько рационально, насколько возможно. Идея, что вся культура целиком может содержаться в Торе, представлялась ему абсурдной. Пусть еврей молится дома, а выходя в мир, участвует в общеевропейской культуре. Но тогда по логике получается, что каждый еврей будет принадлежать к культуре того народа, среди которого он живет. И еврейство, которое полторы тысячи лет сохраняло свое глобальное единство, невзирая на отрицательное к нему отношение, постепенно растворится, сохранившись лишь в качестве частной, конфессиональной веры. Вот почему Ехецкель Кауфман (1889—1963) назвал Мендельсона «еврейским Лютером» – он отделил веру от народа.

Однако самому Мендельсону не была по душе логика, полностью отвергающая культуру Торы. Мысль, что евреи, поглощенные «культурой наций», постепенно могут

утратить и веру в еврейского Бога, мучила его. Да, он утверждал, что иудаизм и христианство могут идти рука об руку, если последнее избавится от своей иррациональности. Но он был категорически против того, чтобы евреи обратились в христианство с целью эмансипации. Он поддерживал прусского деятеля, Христиана Вильгельма фон Дома, собиравшегося опубликовать свой призыв дать свободу евреям. Брошюра называлась «*Касательно улучшения евреев как граждан*» (1781). Написанная с лучшими намерениями, она отличалась снисходительным тоном, который Мендельсон считал неудовлетворительным. Фактически Дом говорил в ней следующее: евреи народ довольно неприятный, но не порочный внутренне; по крайней мере, они не хуже, чем их сделало дурное обращение со стороны христиан и собственная религия, полная предрассудков. У евреев имеется «повышенная склонность» к всяческому приобретательству, любовь к занятиям ростовщицеством». Эти «недостатки» усугубляются «самоизоляцией, на которую их обрекли религиозные заповеди и софистика раввинов». Отсюда проистекает «нарушение законов государства, ограничивающих торговлю, импорт и экспорт запрещенных товаров, подделка денег и фальсификация драгоценных металлов». Дом выступает за государственные реформы, «посредством которых они могли бы исцелиться от коррупции, чтобы стать лучшим народом и более полезными гражданами». При этом, конечно, подразумевалось, что и религия евреев должна претерпеть радикальные изменения.

Тогда Мендельсон почувствовал необходимость прояснить свое отношение к вопросу о роли евреев в обществе и сделал это в книге «*Иерусалим, или О власти религии и иудаизма*» (1783). Там он защищает иудаизм как недогматическую религию. Она дает человеку заповеди, регламентирующие его жизнь, но не пытается держать под контролем его мысли. «Вера не приемлет приказа, – пишет он, – она приемлет лишь то, что приходит в результате разумного убеждения». Для счастья человеку нужно искать и найти правду. Поэтому правда должна быть доступна для людей всех рас и верований. Иудаизм не является единственным агентом, через посредство которого Бог открывает правду. Всем людям, и евреям в том числе, должно быть позволено ее искать: «Пусть всякому, кто не нарушает общественного благосостояния, повинуется закону, справедливо относится и к вам, и к своим братьям, будет дано право говорить то, что он думает, молиться Богу своему или своих отцов и искать вечного спасения там, где он надеется его найти». Такова формула для обеспечения справедливого отношения к евреям, но она не есть иудаизм. Фактически при помощи религиозной терминологии здесь изложена формула естественной религии и естественной этики, в которую, разумеется, евреи могли бы внести свой вклад, но не более того. Исчезли, причем безвозвратно, громы Моисея.

Кстати, совершенно не очевидно, что, восприняв просвещение и поступившись какими-то положениями иудаизма, евреи получили бы взамен спокойную жизнь. Страна, которая ближе всего подходила бы к идеалу Мендельсона, – это Соединенные Штаты, где идеи просвещения опирались на прочный фундамент английского парламентаризма и плюрализма религиозной терпимости. В том самом году, когда Мендельсон писал свой «*Иерусалим*», Томас Джефферсон в своих «*Заметках о Вирджинии*» (1782) доказывал, что существование набора из нескольких разумных и этичных религий – лучшая гарантия как материального и духовного прогресса, так и свободы человека. Дуалистическое решение Мендельсоном «еврейского вопроса», позднее в сжатом виде сформулированное поэтом Иудой Лейбом Гордоном, как «еврей в своем шатре, и человек повсюду», очень хорошо соответствовало американским религиозным идеям. Как и население в целом, большинство американских евреев поддерживало движение за независимость, хотя среди них были и лоялисты и нейтрально настроенные. Другие же активно участвовали в борьбе. На публичном обеде, который давался в Филадельфии в 1789 году в ознаменование новой конституции, был специальный стол, еда на котором соответствовала еврейским диетическим законам.

Евреям там было что праздновать. С учетом их истории, они получали от новой

американской конституции больше любой другой группы: разделение церкви и государства, всеобщая свобода совести и не в последнюю очередь – конец всех религиозных проверок при назначениях на службу. И конституция практически давала евреям права, хотя в некоторых штатах и с некоторым ограничением. Так, в протестантской Северной Каролине последние правовые ограничения евреев (правда, мелкие) исчезли лишь в 1868 году. Но в целом еврей чувствовал себя свободным в Соединенных Штатах; более того, он чувствовал, что его ценят. Тот факт, что еврей усердно практикует свою веру и прилежно посещает синагогу, не являлся здесь недостатком, как в Европе; в Соединенных Штатах он служил пропуском в среду уважаемых граждан, так как здесь все нормальные виды благочестия рассматривались как опоры, на которых держится общество. Евреи не обрели в Америке нового Сиона, но, по крайней мере, они нашли здесь постоянное место для отдыха и дом.

В Европе просвещение принесло им надежды, обернувшиеся иллюзиями, и возможности, которые превратились в новые проблемы. В некоторых местах вообще не было в отношении евреев здравого смысла. По итогам трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795) Российская империя, доселе отказывавшаяся пускать к себе евреев, приняла их, удовлетворяя свои территориальные аппетиты, в количестве миллиона. Это дало им право проживания, но лишь в пределах черты оседлости, где их количество, нищета и несправедливость быстро возрастали. В Италии, по крайней мере, в областях папского подчинения, положение евреев также ухудшилось при папе-антисемите Пии VI (1775—1799), чей Эдикт о евреях, изданный в самом начале его долгого правления, вел прямо к насильственному крещению. Закон обязывал евреев выслушивать пренебрежительные и оскорбительные службы; если еврейский ребенок был окрещен (например, по секрету служанкой-католичкой), то церковь могла позднее предъявить свои права на него. Человека забирали в Дом Новообращенных, где от него требовали согласия (если он был уже взрослым); он мог дать его – лишь бы выйти оттуда. Феррара, некогда либеральная по отношению к евреям, стала теперь хуже Рима. В 1817 году (!) маленькая дочь Анжело Анконы была отнята у родителей вооруженными людьми, состоящими на службе в трибунале архиепископа, на том основании, что за пять лет до этого ее, двухмесячную, тайно крестила нянька, позднее уволенная за нечестность. В итоге все это привело к тому, что в гетто Феррары воцарился террор.

Государства, считавшие себя более просвещенными, вели себя не намного лучше. Австрийская императрица Мария-Терезия изгнала евреев из Праги в 1744—1745 годах, хотя через три года их пустили обратно. Фридрих Великий, несмотря на репутацию покровителя просвещения, ввел в 1750 году в действие так называемый еврейский закон, который проводил различие между «обычными» и «необычными» евреями. Последние были лишены наследственного права на проживание; в первой группе оно предоставлялось лишь одному ребенку. Евреи были обязаны платить налоги «за защиту» и штрафы взамен воинской службы; кроме того, они обязаны были покупать ряд товаров у государства. Им предоставлялся лишь ограниченный выбор занятий и профессий. Первые настоящие реформы в Центральной Европе были проведены сыном Марии-Терезии Иосифом II, который правил с 1781 года. Но даже и они были непоследовательны. Иосиф ликвидировал специальный избирательный налог и желтый знак, запрет на посещение евреями университетов и ряд профессиональных ограничений. С другой стороны, он запретил вести общественную и деловую документацию на идише и иврите, покончил с раввинской юстицией и ввел для евреев воинскую повинность. Для евреев сохранялись ограничения на проживание в Вене и ряде других мест. К тому же их права часто нарушались враждебно настроенными бюрократами.

Вообще надо сказать, что эффект от этих реформ (Judenreformen) и Эдиктов о терпимости (Toleranzpatent) зачастую смазывался отношением к ним при проведении в жизнь мелких чиновников, опасавшихся, что евреи скоро будут претендовать на их места. Так, например, австрийский закон 1787 года требовал от евреев принять имена и фамилии немецкого типа. В то время как у евреев-сефардов давно уже установилась испанская

традиция фамилий, ашкенази были в этом отношении весьма консервативны, следуя древней традиции, когда человек пользовался своим именем в сочетании с именем отца; например, с использованием иврита и идиша, его могли звать Яков бен Ицхак. Отныне же древнееврейские имена объявлялись незаконными, и бюрократы издали списки «приемлемых» имен. Чтобы получить «приличные» фамилии, производные от названий цветов и драгоценных камней (как-то: Лилиенталь, Эдельштейн, Диамант, Сапфир, Розенталь), приходилось давать взятку. Были особенно дорогие фамилии: Клюгер (мудрый) и Фролих (счастливый). Большинство же евреев скучающие чиновники безжалостно разделили на четыре категории и соответственно назвали: Вайс (белый), Шварц (черный), Гросс (большой) и Кляйн (маленький). Многим беднякам достались совсем неблагозвучные фамилии, которые всучили им ехидные клерки: Глагенштрик (веревка с виселицы), Эзелькопф (ослиная голова), Ташенгреггер (карманник), Шмальц (смазка), Боргенихт (не бери займы). Евреев, происходивших от священнослужителей и левитов, которые могли претендовать на фамилии вроде Коэн, Кан, Кац, Леви, заставляли их германизировать: Кацман, Конштейн, Аронштейн, Левинталь и так далее. Большая группа получила фамилии, исходя из места рождения: Броды, Эпштейн, Гинцберг, Ландау, Шапиро (Шпейер), Дрейфус (Трир), Горовиц и Познер. Мерзкое ощущение от этой процедуры усиливалось тем, что люди знали: главная цель, которую преследовало правительство, состояла в том, чтобы евреев было легче облагать налогами и призывать в армию.

Внутреннюю противоречивость так называемых просвещенных деспотов прекрасно иллюстрирует политика в отношении евреев последних лет французской монархии. В январе 1784 года Людовик XVI ликвидировал избирательный налог на евреев: через 6 месяцев евреи Эльзаса были подвергнуты «реформе», которая ограничивала право евреев давать ссуду и торговать скотом и хлебом, заставляла их запрашивать у королевских властей разрешение на брак и устанавливала ценз, в соответствии с которым те, кто не имел разрешения на проживание, могли быть высланы. Это было отражением антиеврейских настроений в Восточной Франции, где проживало в это время много евреев-ашкенази, являвшихся объектом ненависти на бытовом уровне.

Эта двойственность не получила полного разрешения и с началом Французской революции. Теоретически революция должна была сделать всех людей, включая и евреев, равными. Со своей стороны евреи должны были отказаться от своего сепаратизма. Тон был задан Станиславом Конт де Клермон-Тоннером, который на первых дебатах по «еврейскому вопросу» 28 сентября 1789 года заявил, что «не может быть нации внутри нации». А раз так, то: «Евреи должны быть лишены всего как нация, но им должно быть даровано все как личностям». Все бы ничего, но это был голос лишь просвещенной элиты. Глас народа мог от него отличаться существенно. Жан-Франсуа Ревбель, леворадикальный депутат от Эльзаса, упорно бился против предоставления тамошним евреям равных прав от имени «многочисленного, трудолюбивого и честного класса моих несчастных соотечественников», которые «были угнетаемы и мучимы жестокими ордами африканцев, наводнивших мой регион». Лишь преодолев сильнейшее сопротивление, Национальное Собрание проголосовало за декрет о полной эмансипации евреев (27 сентября 1791 года), к которому прибавился гнусный довесок, в соответствии с которым правительству следует получить долги, причитающиеся евреям Восточной Франции.

Так или иначе, но дело было сделано. Отныне французские евреи стали свободными, и стрелки часов никогда уже не удастся повернуть в обратную сторону. Более того, эмансипация в той или иной форме происходила везде, куда французы смогли принести революционный дух на своих штыках. Гетто и еврейские закрытые кварталы были упразднены в папском Авиньоне (1791), Ницце (1792) и Рейнской области (1792—1793). Распространение революции на Нидерланды и провозглашение Батавской республики привели к тому, что и там евреи получили полные и формальные права (1796). В 1796-98 годах Наполеон Бонапарт освободил многие из итальянских гетто. Французские солдаты, молодые евреи и местные энтузиасты крушили потрескавшиеся стены голыми руками.

В это время из тени начинает выходить новый тип, который всегда существовал в эмбриональной форме – еврей-революционер. Итальянские клерикалы клялись в своей ненависти к «галлам, якобинцам и евреям». В 1793—1794 годах еврей-якобинцы установили революционный режим в Сент-Эспри, еврейском пригороде Байона. И снова, как во время Реформации, традиционалисты разглядели связь между Торой и подрывной деятельностью. Подрывные элементы – евреи возникали в разных обличьях, часто как грубая карикатура, иногда в виде фарса. В Англии явление персонифицировалось в виде эксцентричной фигуры лорда Джона Гордона, бывшего фанатика-протестанта, чья шайка терроризировала Лондон в 1780 году. Три года спустя он обратился к иудаизму. Раввин Дэвид Шиф из Главной синагоги на ДьюксПлейс отверг его притязания. Тогда он направился в синагогу Гамбро, где его приняли. Еврей-бедняки, рассказывал доктор Уотсон (который фигурирует в романе Диккенса о бунтах *«Барнаби Радж»* под именем Гэшфорда), «относились к нему, как второму Моисею и искренне надеялись, что он послан Провидением, дабы повести их назад, в страну отцов».

В январе 1788 года Гордона приговорили в Ньюгейте к двум годам заключения за публикацию пасквиля на королеву Франции. Ему предоставили комфортабельную квартиру на имя достопочтенного Израиля бар Авраама Гордона, где на стене висели Десять Заповедей на иврите, а в мешочке находились филактерии и *таллит*. «Это больше походило на комнату холостяка в частном доме, чем на тюремную камеру», – говорил Джон Уэсли, один из многих известных посетителей Гордона, в число которых входили и два великих герцога, Йорк и Кларенс. При нем состояла еврейка Полли Леви, его служанка-любовница. У него был великолепный стол, где за обедом собиралось не менее шести гостей, причем иногда под музыку оркестра. Поскольку он отказался гарантировать хорошее поведение, суд продолжал держать его в тюрьме на начальном этапе Французской революции, которую он шумно приветствовал, играя похоронные песни на своей волынке и развлекая своих «подрывных» гостей вроде Хориа Тука. Эдмунд Бурк в своих *«Размышлениях о революции во Франции»* предлагает новому парижскому режиму такой обмен: «Вы нам пришлите из Парижа своего папского архиепископа, а мы вам отправим своего протестантского раввина». Через несколько часов после того, как Мария-Антуанетта была гильотинирована в Париже, Гордон умер в своей камере, выкрикивая революционную песню «Аристократов – на фонарь!».

Одним из первых шагов Бонапарта на посту Первого консула было запрещение этой песни. В рамках той же попытки объединить возраст мудрости с требованиями порядка он постарался ввести евреев в общество в качестве не потенциальных или реальных подрывных элементов, а солидных граждан. В годы его триумфа его примеру последовали и другие монархии; самой важной при этом оказалась позиция Пруссии, которая 11 марта 1812 года признала евреев, имевших к тому моменту право на жительство, полноправными гражданами, ликвидировав всяческую дискриминацию и специальные налоги. Евреи, особенно наиболее образованные, сходились во мнении, что Франция сделала для них больше, чем любая другая нация, и эта точка зрения просуществовала столетие, пока ее не поколебало дело Дрейфуса.

Однако евреи заметно уклонялись от солидарности с французской буржуазией. Английские евреи были справедливо обеспокоены волной ксенофобии, которую вызвал революционный террор и чьим результатом явился Закон об иностранцах 1793 года. Церковные старосты португальской синагоги в Лондоне потребовали от своего раввина выступить с проповедью, призывающей евреев исполнить свой долг перед королем и конституцией. Благодарственная проповедь раввина Соломона Гиршеля, посвященная победе при Трафальгаре, была первой публикацией Главной синагоги. Она вся дышала, писал *«Джентльменз Мэгэзин»*, «истинным благочестием, великой лояльностью и благожелательностью ко всем». Лондонские евреи рвались в ряды добровольцев. Глядя на них в Гайд-Парке, Георг III воскликнул: «Боже, сколько же здесь названий животных – Вольф, Бэр, Лайон!» На другом краю Европы, в России, хасиды вовсе не стремились к

просвещению и обогащению на французский манер. Как сказал один раввин: «Если победит Бонапарт, возрастет число богатых среди сынов Израиля, а также и величие Израиля; однако они уйдут и унесут сердце Израиля далеко от Отца Небесного».

Можно понять и оправдать подозрительность, с которой евреи воспринимали радикальное изменение отношения к себе. Яблоко, что им протянула богиня революции, было порченым. События 1789 года стали продуктом французского просвещения, которое было в высшей степени антиклерикальным и в глубине своей враждебным религии как таковой, и в таком случае тут возникала проблема. Писателям во Франции XVIII века позволялось многое, но прямые нападки на католическую церковь были опасны, а тут им пригодились труды Спинозы. Озабоченный тем, чтобы найти рациональный подход к истине, содержащейся в Библии, он неизбежно разоблачал суеверия и мракобесие религии раввинов. Он указывал путь к радикальной критике христианства, но при этом собирал материал для осуждения и иудаизма. Французским философам хотелось бы последовать за ним в первом вопросе, но им казалось, что безопаснее сделать это, сосредоточившись на втором. Вот так и получилось, что они вернулись к старому аргументу Св. Августина, что иудаизм свидетельствует в пользу правоты христианства. Однако он свидетельствовал скорее о его выдумках, суевериях и лживости. Они видели в иудаизме христианство, доведенное до карикатуры, и именно на критике этого маскарада они сосредоточились. Вот, говорили они, пример того, как дурно влияет на людей порабощение религией.

В своем «*Философском словаре*» (1756) Вольтер утверждал, что абсурдны попытки современного европейского общества заимствовать свои фундаментальные законы и верования у евреев. «Их жизнь в Вавилоне и Александрии, которая позволяла личностям приобрести мудрость и знания, лишь способствовала тому, что народ в целом преуспел в науке ростовщичества... Это абсолютно невежественная нация, которая в течение долгих лет соединяла презренную скаредность и отвратительные предрассудки с неистовой ненавистью со стороны всех наций, которые были вынуждены ее терпеть». «Тем не менее, – снисходительно добавлял он, – не стоит их сжигать на костре».

Дидро, редактор знаменитой *Энциклопедии*, выражался не столь оскорбительно, но в своей статье «*Философия евреев*» он приходит к выводу, что евреи обладают «всеми недостатками, присущими невежественной и суеверной нации». Барон Гольбах пошел намного дальше. В ряде книг, особенно в своем «*Духе иудаизма*» (1770), он вывел Моисея как автора жестокой и кровожадной системы, которая растлила и христианское общество, ну, а евреев вообще превратила во «врагов рода человеческого... Евреи всегда демонстрировали свое пренебрежение к самым ясным требованиям морали и законности... От них требовали быть жестокими, бесчеловечными, нетерпимыми, ворами и предателями. Все эти деяния считались угодными Богу». Опираясь на этот антирелигиозный анализ, Гольбах затем свалил в одну кучу все обычные социальные и деловые жалобы на евреев.

В итоге французское просвещение, идя навстречу чаяниям евреев в этот момент, оставляло им довольно мрачное наследие на будущее. Потому что этих французских писателей, и прежде всего Вольтера, широко читали по всей Европе – и подражали им. Вскоре и первые немецкие идеалисты, вроде Фихте, подняли ту же самую тему. Труды Вольтера и его коллег были знаменем и основополагающими документами современной европейской интеллигенции, и поэтому для евреев было трагедией, что в них содержался вирус антисемитизма. Так прибавилось еще одно наложение в исторически сложившейся громаде антисемитской полемики. Поверх языческого фундамента и христианского подвала возник еще и светский этаж. В каком-то смысле этот этап грозил наиболее серьезными последствиями, поскольку он гарантировал, что ненависть к евреям, которую подогревал так долго христианский фанатизм, переживет даже спад религиозного духа.

Более того, этот новейший мирской антисемитизм почти немедленно стал разрабатывать две темы, теоретически взаимоисключающие, но на практике сливающиеся в дьявольский контрапункт. С одной стороны, вслед за Вольтером поднимающиеся европейские левые стали видеть в евреях мракобесов и противников прогресса человечества.

С другой же стороны, силы консерватизма и реакции, ссылаясь на выгоды, которые евреи извлекли из падения старых порядков, стали изображать их союзниками и подстрекателями анархии. То и другое не могло быть правдой одновременно. Ни то ни другое не было правдой. Но верили и тому и другому. Второму мифу, к сожалению, содействовали добрые намерения Наполеона, который пытался лично разрешить «еврейский вопрос». В мае 1806 года он издал декрет, которым учреждалась Ассамблея еврейских нотаблей со всей Французской империи (включая Рейнскую область) и Итальянского королевства. Идея состояла в том, чтобы создать постоянную основу для взаимоотношений нового государства и евреев, подобно тому, как Наполеон построил их с католиками и протестантами. Эта структура в составе 111 человек, избранных лидерами еврейских общин, заседала с июля 1806 по апрель 1807 года и дала ответы на 12 вопросов, которые адресовала ей власть, по поводу законов о браке, отношения евреев к государству, внутренней организации и ростовщичества. Опираясь на эти ответы, Наполеон заменил старую общинную структуру так называемыми консисториями, которые в совокупности образовали общееврейскую организацию, регулиующую поведение тех, кого теперь следовало именовать не евреями, а «французскими гражданами моисеевой веры».

На тот день это решение было, пожалуй, прогрессивным. Однако на беду Наполеон дополнил этот светский орган параллельным собранием раввинов и ученых людей, дабы они давали Ассамблее советы по техническим вопросам Торы и галахи. Наиболее традиционные иудаисты встретили эту идею без энтузиазма. Они не признавали за Наполеоном права ни изобретать подобный трибунал, ни созывать его. Тем не менее, раввины и богословы собирались в феврале-марте 1807 года в обстановке пышности и с подобающими церемониями. Собранию дали титул Синедриона. К нему было привлечено намного больше внимания, чем к серьезному светскому собранию, и оно постоянно упоминалось в воспоминаниях европейцев спустя много лет после того, как еврейская политика Наполеона была уже навсегда забыта. На правом краю политического спектра, уже испытывавшем жуткие подозрения, что евреи затевают что-то радикальное, собрание этого как бы Синедриона, явившегося свету после перерыва в полторы тысячи лет, вызвало усиленные подозрения. Не явился ли он открытым и санкционированным сборищем конклава, который все это время собирался тайно? Вспомнили о мемуарах, где говорилось о тайных еврейских ассамблеях, которые каждый год выбирали новый город, чтобы совершить там ритуальное убийство. И возникла новая теория заговора, которую запустил в том же году в обращение аббат Баруэль в своей книге *«Memoire pour servir a l'histoire du jacobinisme»*. Там впервые появились намеки на фантазии, сложившиеся впоследствии в мифы о «Сионских мудрецах» и их секретных планах. Синедрион привлек также внимание тайных полицейских служб, которые самодержавные режимы Центральной и Восточной Европы стали формировать, чтобы противостоять угрозе радикализма, которую стали считать постоянным вызовом традиционному порядку. И именно из досье тайной полиции в дальнейшем явились *«Протоколы сионских мудрецов»*.

В итоге, когда пали стены гетто и евреи вышли на свободу, они обнаружили, что вступают на территорию нового, менее заметного, но не менее враждебного гетто из подозрений. Вместо старинного бесправия они получили современный антисемитизм.

Часть пятая ЭМАНСИПАЦИЯ

Тридцать первого июля 1817 года не по годам развитый 12-летний мальчик Бенджамин Дизраэли крестился в англиканской церкви на Сэнт-Эндрюс, в Холборне, у преподобного мистера Тимблби. Это было кульминацией ссоры между отцом мальчика, Исаком Д'Израэли, и синагогой Бевис Марис по принципиально важному для евреев вопросу. Как мы указывали, в иудаизме служение общине было не вопросом выбора или привилегией, а обязанностью. В 1813 году преуспевающий господин Д'Израэли был выбран старостой, или

парнасом, в строгом соответствии с правилами конгрегации Беvis Марис. Он был возмущен. Он всегда платил положенное и считал себя евреем. Да, конечно, будучи любителем древностей, он действительно написал очерк под названием «Гений иудаизма». Но, с другой стороны, его главным трудом было 5-томное жизнеописание короля Карла-Мученика. Он был невысокого мнения как об иудаизме, так и о евреях. В своей книге «Литературные курьезы» (1791) он охарактеризовал Талмуд как «полную систему варварского учения евреев». Он считал, что у евреев «не было гениальных или талантливых людей, а если и были, то всех их можно было пересчитать по пальцам. Десять столетий не породили и десятка великих». И он написал в Палату Старейшин, что является человеком «отсталых привычек», который всю жизнь жил чуждыми вам интересами», и что, дескать, такой человек никоим образом не способен «выполнять постоянные обязанности, противоречащие его чувствам». Его оштрафовали на 40 фунтов и вопрос замяли. Однако через три года к этому вопросу вернулись, и тогда Д'Израэли полностью порвал с иудаизмом и окрестил своих детей. Этот разрыв был немаловажен для его сына, Британии, да и в целом. Дело в том, что до 1858 года евреи по закону не допускались в парламент, то есть, не будучи окрещен, Дизраэли не смог бы стать премьер-министром.

Через 7 лет после крещения Дизраэли, 26 августа 1824 года, аналогичное событие произошло в немецком городе Трире. В этот раз речь шла о 6-летнем Карле Генрихе Марксе, как его назвали при крещении. Отступничество этой семьи было еще более серьезным. Дед Маркса был трирским раввином до самой смерти в 1789 году; его дядя был раввином в описываемое время. Его мать была родом из семьи, которая в течение многих поколений была знаменита своими раввинами и богословами, начиная с Меира Кацеленбогена, бывшего в XVI веке ректором талмудического колледжа в Падуе. Однако отец Маркса, Генрих, дитя просвещения, был учеником Вольтера и Руссо. Кроме того, он был амбициозным адвокатом. Трир в это время находился в Пруссии, где евреи получили права в соответствии с эдиктом от 11 мая 1812 года. Теоретически этот эдикт сохранял силу, несмотря на поражение Наполеона; на практике же его обходили. В результате, например, евреи могли изучать право, но не служить ему. Поэтому Генрих Маркс обратился в христианство и возглавил со временем трирскую коллегию адвокатов, а Карл, вместо того чтобы ходить в ешиву, посещал Трирскую высшую школу, а впоследствии был уволен из директоров школы за либерализм. Его крещение имело, пожалуй, большее значение для судеб мира, чем крещение Дизраэли.

Обращение в христианство стало одной из реакций евреев на эмансипацию. Традиционно крещение было средством избежать преследований, и эмансипация должна была бы сделать этот шаг необязательным. На самом же деле, с конца XVIII века случаи крещения евреев участились. Оно перестало быть драматическим актом измены, переходом из одного мира в другой. С падением роли, которую религия играла в жизни общества, обращение становилось скорее мирским актом, чем религиозным, а его мотивация – вполне циничной. Генрих Гейне (1797—1856), который сам крестился через год после Карла Маркса, презрительно называл этот акт «входным билетом в европейское общество». Эти билеты в XIX столетии купили не менее 250 тысяч евреев Центральной и Восточной Европы. Немецкий историк Теодор Моммзен, который был большим другом евреев, указывал, что христианство было уже не столько названием религии, сколько «единственным словом, выражающим сегодня характер международной цивилизации, объединившимися в которую ощущают себя многие миллионы людей, населяющих нашу многонациональную планету». В XIX веке человек примерно так же ощущал необходимость стать христианином, как в XX – учить английский. Это относилось не только к евреям, но и к неисчислимым цветным туземцам.

Для еврея повсюду, кроме Соединенных Штатов, оставаться евреем означало нести материальные жертвы. Австрийский писатель и газетный редактор Карл Эмиль Францос (1848—1904) говорил, что у евреев этот процесс происходит различными способами: «Один еврей не может заставить себя нести жертвы – и крестится. Другой несет их, но в глубине души считает иудаизм источником своих несчастий и начинает его ненавидеть. Третий же,

именно потому, что жертвы так тяжелы, становится более предан иудаизму». Крещение сулило значительные выгоды. В Англии, начиная с середины XVIII века, оно снимало последние препятствия, мешавшие еврею подняться в высшие слои общества. Миллионер Самсон Гидеон был готов еще нести жертвы сам, но не подвергать им своего сына. В итоге он сумел сделать Самсона Гидеона младшего баронетом еще в Итоне, а в дальнейшем юноша стал депутатом парламента и ирландским лордом. Сэр Манассия Лопес крестился и стал депутатом, так же как и Дэвид Рикардо. Третий депутат парламента из бывших евреев, Ральф Бернал, вырос до Председателя комитетов (вице-спикера).

На континенте Европы иудаизм оставался препятствием не столько политической карьере, сколько различным видам экономической деятельности. Даже Наполеон наложил определенные юридические ограничения на евреев (1806). Они утратили силу в 1815 году, и вернувшиеся к власти Бурбоны, к их чести, этих ограничений не восстанавливали. Однако вплоть до 1831 года, пока евреи не получили официально равные права с христианами, они не чувствовали себя в безопасности юридически, так что старое еврейское проклятье тяготело над ними еще 15 лет. Ряд законов Германской конфедерации (1815) лишал евреев многих прав, дарованных им во времена Наполеона, особенно в Бремене и Любеке, где их отменили единовременно, а также в Гамбурге, Франкфурте и Мекленбурге. В Пруссии с евреев брали избирательный налог, годовой налог, регистрационную пошлину и «квартирные». Они не могли владеть землей и заниматься рядом профессий. Их возможности были ограничены «делами, необходимыми в чрезвычайных обстоятельствах», за которые не брались профессиональные гильдии, и ростовщичеством. Затем в Пруссии прошла реформа 1847 года, а на следующий год революция породила список «Основных прав немецкого народа», который устанавливал гражданские права на нерелигиозной основе, включенные в конституции большинства германских государств. Однако ограничения на местожительство евреев оставались в силе в большинстве из них до 60-х годов. В Австрии всеобщая законодательная эмансипация произошла лишь в 1867 году. В Италии с падением Наполеона время пошло для евреев вспять почти повсеместно, и потребовалось время жизни целого поколения, прежде чем были восстановлены права, обретенные в 90-х годах XVIII века. Эмансипация на постоянной основе пришла в Тоскану и Сардинию в 1848 году; за ними последовали Модена, Ломбардия и Романья (1859), Умбрия (1860), Сицилия и Неаполь (1861), Венеция (1866) и Рим (1870). Это лишь упрощенная схема длительного и сложного процесса, в котором были свои остановки, отступления и исключения. В итоге даже в Западной Европе процесс, начатый во Франции в 1789—1791 гг., завершился в юридическом смысле лишь через 80 лет. Дальше на востоке, особенно в России и Румынии, еврейское бесправие оставалось еще достаточно основательным.

Эти задержки и неопределенности объясняют, почему такое количество евреев «покупало свой билет в общество» крещением. Однако были и другие способы решить проблему, как быть евреем в XIX столетии. Для многих евреев идеальным было решение, которое нашли Ротшильды. Они нагляднее всех показали, что такое частный банк – новое явление в финансовой жизни XVIII века. Подобные частные финансовые дома были основаны многими евреями, в основном потомками «придворных евреев». Но только Ротшильдам удалось одновременно избежать крещения и банкротства. Это была замечательная семья, которая ухитрялась решать одновременно четыре трудные и, казалось бы, несовместимые задачи: приобретать огромное состояние быстро и честно; широко распределять его, сохраняя доверие многих правительств; продолжать получать большие прибыли и тратить их, не возбуждая народной ненависти; оставаться евреями юридически и в значительной степени по духу. Никто из евреев не зарабатывал столько денег, не потакал тем самым собственным слабостям и не оставался при этом столь популярным.

Однако Ротшильды неуловимы. Не существует книги о них, которая была бы одновременно разоблачительной и точной. О них написаны целые библиотеки чепухи. В этом в значительной степени заслуга самой семьи. Одна дама, которая планировала написать книгу под названием *«Ложь о Ротшильдах»*, бросила это занятие, заявив: «Было

сравнительно просто обнаружить ложь, но оказалось невозможным найти правду». Семья была в высшей степени скрытна, и это можно понять – ведь они были частными банкирами. У них были доверительные отношения с рядом правительств, а также бесчисленным количеством «сильных личностей». Они были евреями, а потому особенно уязвимы в разорительных судебных процессах. Они никогда не хранили документов больше, чем необходимо. Они систематически уничтожали свои бумаги по целому ряду деловых и личных причин. Они были особенно озабочены тем, чтобы никакие подробности их жизни не удалось бы использовать в антисемитских целях. Поэтому за их кончинами следовало сожжение личных бумаг еще большего масштаба, чем у членов семьи королевы Виктории. Их последний историк Мириам Ротшильд считает, что на то были свои причины. У них не было «комнаты славы», они не были заинтересованы в собственной истории. Они чтит своих предков, как положено добропорядочным людям, и были предусмотрительны; но жили они настоящим, и их не слишком глубоко волновало прошлое и будущее.

Тем не менее, наиболее яркие моменты из истории Ротшильдов достаточно ясны. Они стали такими в результате наполеоновских войн, подобно тому, как первая фаза развития крупномасштабной еврейской финансовой системы была продуктом Тридцатилетней войны, и по той же причине: в военное время на первый план выходит еврейская изобретательность, а предрассудки неевреев отступают. Основа состояния семьи была заложена Натаном Майером Ротшильдом в Лондоне. А случилось это так. Вплоть до начала революционных войн во Франции, в середине 1790-х годов, в европейской банковской системе доминировали неевреи: Беринги из Лондона, Хоупы из Амстердама и братья Бертман из Франкфурта. Война быстро расширила финансовый рынок и тем самым освободила место для новичков. Среди последних была германо-еврейская группа – Оппенгеймеры, Ротшильды, Гейне, Мендельсоны. Имя «Ротшильд» произошло от красного щита, висевшего в XVI веке на их доме во Франкфуртском гетто. Патриарх семьи, Майер Амшель (1744—1812) был менялой и одновременно торговал антиквариатом и старинными монетами. Были у него и текстильные интересы (то есть связи в Британии), а продавая монеты Вильгельму IX, электору Гессе-Касселя, он стал его основным финансовым агентом. Электор разбогател, поставляя наемников в Британскую армию. Отсюда – второй канал британских связей.

В 1797 году Майер Амшель послал своего сына Натана в Англию присматривать за тамошними делами. Натан отправился в Манчестер, центр Промышленной революции и находившийся в становлении центр мировой торговли хлопчатобумажным текстилем. Сам он хлопка не перерабатывал, но скупал ткани на небольших фабриках, отдавал их в окраску, а затем продавал готовую продукцию континентальным покупателям, причем напрямую, минуя ярмарки. Так он проторил тропу, по которой затем двинулись другие еврейские семьи, специализирующиеся на текстиле, например, Берены из Лидса, Ротенштейны из Брэдфорда. У Натана метод прямой продажи включал предоставление трехмесячного кредита, а это, в свою очередь, означало доступ на Лондонский финансовый рынок. Он уже изучал этот рынок под руководством связанного с его отцом Леви Барента Коэна и женился на дочери Коэна, Ханне. В 1803 году он перенес свои операции в Лондон, как раз вовремя, чтобы войти в бизнес, связанный с займом, который выпустило правительство в связи с расширением войны. Британскому правительству необходимо было получать от размещения займа 20 миллионов фунтов в год (ежегодно). Рынок не мог пропустить через себя такую сумму напрямую, и поэтому часть займа продавалась контрагентам, которые уже искали клиентуру. Натан Ротшильд, завоевавший к этому времени хорошую репутацию своими векселями при торговле текстилем, участвовал в деятельности синдиката контрагентов и одновременно принимал международные векселя. При добывании оборотного капитала он обладал одним завидным преимуществом. После поражения под Йеной в 1806 году электор Гессе-Касселя перевел свои капиталы к Натану в Лондон в обмен на британские ценные бумаги, и Натан, обслуживая интересы Вильгельма IX, поправил и свои дела тоже. Так сложилась репутация Натана в Сити. Он преуспел также и в традиционном еврейском искусстве быстро и безопасно перебрасывать крупные суммы в критических ситуациях. В течение шести лет, с

1811 по 1815 год, Ротшильд и британский Верховный комиссар Джон Херрис сумели переправить британской армии в Испании 42,5 миллиона фунтов золотом, из которых более половины прошли через самого Натана и его младшего брата Джеймса, действовавшего из Франции. К моменту Ватерлоо капитал Ротшильдов составлял 136 000 фунтов, из которых Натан владел в Лондоне 90 000.

Операции Джеймса в Париже с 1811 года ознаменовали расширение географии деятельности семьи. Третий брат, Соломон Майер, основал венский филиал дома в 1816 году, а четвертый, Карл Майер, – неаполитанский в 1821 году. Старший сын, Амшель Майер, руководил филиалом во Франкфурте после кончины патриарха в 1812 году. Эта сеть идеально подходила для новой финансовой эры мирного времени, которая началась в 1815 году. Сколачивание огромных сумм, необходимых, чтобы платить армиям, вызвало к жизни международную финансовую систему, основанную на ценных бумагах и кредите, и правительства быстро оценили возможность ее использования для различных целей. В течение десятилетия, 1815—1825 было выпущено в обращение больше ценных бумаг, чем за все предшествующее столетие, и Натан Ротшильд постепенно сменил Беринга в качестве главного банковского дома и первого финансового авторитета в Лондоне. Он не имел дел с хрупкими латиноамериканскими режимами, а предпочитал солидные европейские монархии – Австрию, Россию, Пруссию, известные как Священный Союз, и собрал для них огромную сумму в 1822 году. Через него проходили 7 из 26 займов, полученных зарубежными правительствами в Лондоне с 1818 по 1832 год и еще один – совместно с другими банкирами, то есть, на его долю приходилось 21 миллион фунтов, или 39% от всей суммы.

В Вене Ротшильды продавали боны для Габсбургов, давали советы Меттерниху и строили первую австрийскую железную дорогу. Первая французская железная дорога была построена парижским банком «Бр. Ротшильд», который финансировал последовательно Бурбонов, орлеанскую династию и бонапартистов, а также нового короля Бельгии. Во Франкфурте они обслуживали добрую дюжину немецких тронов. В Неаполе собирали деньги для местного правительства, Сардинии, Сицилии и папских областей. Суммарный капитал Ротшильдов неуклонно возрастал с 1,77 млн. фунтов в 1818 году до 4,3 млн. в 1828 году и 34,35 млн. в 1875 году, из которых Лондонский дом контролировал 6,9 млн. Расширение сети существенно повышало реальную финансовую мощь семьи. Они максимально использовали традиционную еврейскую тягу к сбору и передаче новостей. К середине столетия евреи уже начинали переориентироваться с банков на телеграфные агентства. Пауль Юлиус Рейтер (1816—1899), который был сначала Израелем Беером Иосафатом, оставил банк своего деда в Геттингене, чтобы основать в 1848 году крупнейшее в мире агентство новостей. Адольф Оппер, или как он называл себя Адольф Оппер де Бловиц (1825—1903), пользовался в качестве корреспондента «Таймс» лучшими в Европе сетями связи на базе частных телеграфных линий. Но ни одна газета никогда не обслуживалась важнейшими банковскими новостями лучше, чем Ротшильды. Еще в 1930-е годы они набирали своих курьеров в Фолкстоне; это были потомки тех моряков, которые перевозили во времена Ватерлоо на своих суденышках депеши через Ла-Манш.

В отличие от прежних придворных евреев, новая международная компания, созданная Ротшильдами, была неуязвимой для местных атак. В 1819 году, как будто для того, чтобы показать всю иллюзорность прав, только что обретенных евреями, во многих частях Германии начались антисемитские вспышки насилия. Эти бунты, которые прозвали «хеп-хеп» (то ли по боевому кличу крестоносцев, то ли по крикам погонщиков коз из Франконии), не обошлись без нападения на дом Ротшильдов во Франкфурте. И Ротшильды легко перенесли это событие, так же, как и аналогичное нападение во время революции 1848 года. Денег-то там не было! Были только бумаги, гулявшие по миру. Ротшильды завершили процесс, над которым евреи трудились веками, чтобы обезопасить свою законную собственность от насилия. Отныне их богатство оказалась вне досягаемости толпы (и почти вне досягаемости алчных монархов).

Натан Майер Ротшильд, финансовый гений, сколотивший состояние фирмы, скончался

в 1836 году во Франкфурте буквально на свадьбе своего старшего сына Лионеля и Шарлотты, дочери его брата Карла, возглавлявшего отделение дома в Неаполе. Ротшильды почти всегда вступали в брак друг с другом, если они говорили о «женитьбе на стороне», то имели в виду не брак с неевреями, а за пределами семьи. Целью родственных браков было сохранить приданое внутри фирмы; впрочем, утверждали, что жены обычно приносят с собой то, от чего мужчины хотели бы избавиться, – например, акции южноамериканских железных дорог. Свадьбу Лионеля с Шарлоттой праздновали в старых семейных домах на Юденгассе, где все еще обитала 94-летняя прародительница семьи, урожденная Гудула Шнапперс, которая произвела на свет 19 детей; кстати, после этого дня она прожила еще десятилетие. Смерть Натана была событием большой важности. Почтовый голубь, отправленный в Лондон с сообщением о кончине, был подстрелен над Брайтоном; как утверждают, в письме была одна фраза (зашифрованная): «Он умер». Но его филиал и сердце фирмы «Н. М. Ротшильд» продолжали набирать силу, и это было естественно: Лондон был финансовым центром мира, а Ротшильды – его самой надежной опорой. В течение 16 лет, с 1860 по 1875 год, иностранные правительства получили из Лондона около 700 млн. фунтов. Из 50 банков, которые участвовали в этом, 10 были еврейскими, включая такие важные имена, как Гамбро, Сэмюэл Монтэгю и Гелберт Уэгг. Но Ротшильды играли из всех 50 самую большую (и разнообразную) роль.

Неизбежно такой финансовый пул приобретал и политическое влияние. Именно молодой Д'Израэли первым утверждал, что евреи и тори являются естественными союзниками, указывая, что судьбу жизненно важных выборов в Лондоне в июне 1841 и октябре 1843 годов решили голоса евреев; во-вторых, как он отмечал, Ротшильды сумели притащить евреев на выборы в субботу, чтобы обеспечить победу либералу, выступавшему в поддержку антихлебного закона. Глава семейства Лионель лично выиграл место от города в 1847 году (хотя и не мог занять свое место в парламенте до тех пор, пока не были сняты последние ограничения прав евреев в 1858 году), а лидер тори, лорд Джордж Бентинк так писал Дж. У. Крокеру о важности этого голосования: «Выбрав Лионеля Ротшильда одним из своих представителей, город Лондон так ясно выразил общественное мнение, что, как мне думается, партию, выступившую с антиеврейской инициативой, ничего хорошего не ожидает. Ситуация аналогична избранию О'Коннелла в графстве Клер или Уилберфорса в Йоркшире. При этом в Клере решился католический вопрос, в Йоркшире – проблема работорговли, а в Лондоне – еврейский вопрос».

Ротшильды, однако, были достаточно мудры, чтобы не форсировать решения ни этого вопроса, ни какого-либо иного. Они знали, что время – на их стороне, и готовы были ждать. Они терпеть не могли злоупотреблять своей финансовой мощью или даже демонстрировать ее. Коллективно Ротшильды всегда предпочитали мир, как и следовало ожидать. Филиалы в отдельности стремились поддерживать политику своих стран, в чем также был свой резон. В Британии, где, пожалуй, у них было больше всего возможностей при желании воспользоваться своим влиянием, они почти никогда не пытались подталкивать правительство, о чем свидетельствуют недавно обнаруженные документы. В моменты сомнений в области международных отношений они обычно запрашивали правительство, что бы им, по мнению министров, следовало предпринять. Так было, например, во время Египетского кризиса 1884 года.

В сущности, они проводили вполне английскую линию, как бы осуждая деньги как таковые (именуя их обычно «оловом») и вместе с тем используя их для укрепления своего социального положения. Они создали два роскошных «гетто»: одно – городское, другое – загородное. Городское возникло в нижнем углу Пикадилли, где площадь соединяется с Парк-Лейн. Этот процесс начал старый Натан в 1825 году, когда перебрался из помещения «над магазином» в доме № 2 (Гью-Корт) по Сент-Свитинс-Лейн и купил у вдовы банкира, госпожи Каутс, дом № 107 на Пикадилли. Его примеру следовали и другие члены семьи как в Англии, так и на континенте. Его сын Лионель построил в 1860 году дом № 148 на Пикадилли рядом с Эпсли-хаусом, устроив там лучший в Лондоне зал для балов. Освоение

дома началось с замужества его дочери Эвелины, которая вышла за своего венского кузена Фердинанда; на свадьбе лично Д'Израэли предложил тост за здоровье невесты. Сам Фердинанд купил дом № 143 и тоже был обладателем знаменитого белого зала для балов. Соседний дом под номером 142 принадлежал его сестре Элис. Позади этих домов Леопольд де Ротшильд приобрел дом № 5 по Хэмилтон-Плейс. За углом, в доме № 1 по Симор-Плейс, проживал знаменитый дэнди Альфред де Ротшильд. Дом № 107, с которого все началось, достался по наследству Ханне Ротшильд, которая вышла за лорда Роузбери.

Что касается загородного дома, то старый Натан заплатил в 1835 году 20 000 фунтов за Ганнерсбери, вблизи Эктона. Но это был «фальстарт». По-настоящему сельское гетто началось с того, что его вдова купила дом возле Ментмора, в долине Эйлсбери, в Букингемшире. Постепенно все они устроились в этой части графства, прихватив и часть соседнего Гертфордшира. Барон Майер Ротшильд построил Ментмор Тауэрс по образцу Воллатона. Сэр Энтони де Ротшильд въехал в Астон Клинтон. В 1873 году Лионель купил Тринг в Хертфордшире за 250 000 фунтов. Ему принадлежало также имение в Халтоне площадью 1400 акров, позднее доставшееся Альфреду де Ротшильду. Потом появился еще и дом Леопольда де Ротшильда (Аскотт) в Уинге вблизи от Лейтон-Баззард. В 1870-х годах барон Фердинанд построил Уодсдон, в дополнение к домам в Лейтон-Баззард и Верхнем Вингендоне. Его сестре Элис принадлежал Эйтроп-Прайори. Таким вот образом Долина Эйлсбери стала «Страной Ротшильдов». Они владели там 30 000 акров земли и представляли этот район в парламенте с 1865 по 1923 год.

Сельской столицей был Тринг, где сын и наследник Лионеля Натан довел размеры владения до 15 000 акров. Он стал первым лордом Ротшильдом и лордом-лейтенантом Букингемшира. В лучших еврейских традициях он превратил Тринг в миниатюрную страну процветания. Он организовал снабжение окрестностей водой и электричеством, финансировал создание пожарной охраны, библиотеки, огородных наделов, медицинской службы и даже... собачьего кладбища; к услугам работавших у него были места отдыха, пенсионная схема, производственное обучение, защита от безработицы, обеды и вечеринки. Его хозяйственные работники и все население занимались племенным делом, лесоводством, конкурсами овец и экспериментами в области консервирования продуктов.

Отец лорда Ротшильда, Лионель, осуществлял надзор за использованием многих правительственных займов, которые шли, например, на помощь ирландским голодающим, Крымскую войну, приобретение акций Суэцкого канала. Они были очень близки с Д'Израэли, гораздо ближе, чем признавались, причем и в Сити и в общественной жизни. Он считался бескорыстным; по крайней мере, известно, что он предпочел упустить потенциальную прибыль в 2 миллиона фунтов, но зато не связываться со 100-миллионным займом для антисемитского русского правительства. Он был в прекрасных отношениях с Гладстоном и его секретарем по иностранным делам лордом Грэнвилем. Но прекрасно ладил и с тори. Он превратил лорда Рандольфа Черчилля из шумного защитника «еврейских интересов» в уважаемого филосемита. Содействовал трансформации и Э. Дж. Бальфура, сделав его, пожалуй, наиболее эффективным другом евреев среди британцев за все времена. Он был неофициальным представителем Сити со смерти отца (1879) и до собственной (1915). Рассказывая о нем, его внучатая племянница Мириам Ротшильд высказывает мнение, что в мире он, пожалуй, пользовался влиянием большим, чем любой другой еврей с древних времен. «Я хотел бы знать, – спрашивал риторически Ллойд-Джордж в своей речи в Лайм-Хаусе в 1909 году, – не является ли лорд Ротшильд диктатором нашей страны?» Ни в коем случае – он просто обладал невероятной властью. В 1915 году, когда он лежал на смертном одре в своем доме № 148 на Пикадилли, к нему пришел лорд Холдейн (временно возглавлявший Форин-офис) и попросил остановить некое нейтральное судно, которое везло в Германию золото. Он сказал: «Это совсем несложно» и нацарапал соответствующую инструкцию на оборотной стороне какого-то конверта.

Ротшильд был популярен потому, что его щедрые акты благотворительности были не только мудрыми и систематичными, но и эксцентричными. Вполне, скажем, могло

случиться, что на детей, помахавших его карете, посыплется дождь блестящих полусоверенов. Его жена Эмма склонна была видеть в этом акте что-то «оскорбительно-равнодушное», но он отвечал, что у детей – иная точка зрения, и был прав: одна старушка из Тринга рассказывала Мириам Ротшильд, что запомнила такой случай на всю жизнь. Ротшильды нравились англичанам не столько потому, что у них была превосходная конюшня, сколько потому, что «они никогда не натягивали поводья». Простой народ ничего не имел против того, что шеф-повар леди Ротшильд, Гросстефен Сеньор, возможно, лучший в мире, платил только по счетам рыботорговца 5000 фунтов в год. Извозчикам Ист-Энда, услугами которых он пользовался, Ротшильд на каждое Рождество дарил по паре фазанов. Когда он умер, уличные торговцы повесили черный креп на свои тележки. Газета «Пэлл-Мэлл Газет» писала: «Жизни лорда Ротшильда Великобритания обязана тем, что избежала целого букета расовых предрассудков... которые отравили существование многим странам на протяжении жизни последнего поколения. Он был одновременно и Князем Израиля и англичанином, которым Англия была вправе гордиться».

Дизраэли первым осознал, что жизненная философия Ротшильда, который искренне радовался своим еврейским качествам, включая искусство делать деньги (и столь же радостно их тратить), достойна того, чтобы говорить о ней. В самом начале своей карьеры он пользовался гостеприимством в Ганнерсбери и как-то писал своей сестре Ханне (1843): «Наш старый друг – Элли заждалась меня и притащила такую здоровенную черепаху, какой мне бы ни за что не достать». Дизраэли считал, что Ротшильды представляют огромную ценность для еврейской нации, которую нужно использовать как только возможно. В 1844 году он опубликовал свой роман «Конингсби»; кстати, в том же году у Маркса, как мы увидим, сформировалось абсолютно неконструктивное отношение к «еврейскому вопросу». В этой книге в роли всевидящего ментора выступает еврейский супермен Сидония, которого Дизраэли откровенно списывал с Лионеля Ротшильда. Портрет весьма льстил оригиналу. Но, надо сказать, Дизраэли всегда стремился преувеличить мудрость и прозорливость Ротшильдов, равно как и окружать их деятельность покровом загадочности и драматизма. Именно он постарался сделать сенсацию из приобретения акций Суэцкого канала, принадлежавших хедиву, в 1876 году. И именно он несет ответственность за значительную часть абсурдной (но, по мнению Дизраэли, ценной и продуктивной) мифологии, окружавшей семью Ротшильдов.

Разумеется, Дизраэли легко бы признал, что изображение успеха Ротшильдов в виде волшебной сказки могло иметь успех лишь в такой стране, как Англия, с ее благоприятным политическим и социальным климатом. Начиная с 1826 года, когда были сняты все ограничения, евреи могли свободно въезжать в Британию откуда угодно. Натурализовавшись в стране, они оказывались в положении, которое лорд-канцлер Бругэм (Brougham) характеризовал следующим образом (1833): «Подданные Его Величества, исповедующие иудейскую религию, пользуются теми же правами, неприкосновенностью и привилегиями, что и другие подданные Его Величества, если только закон специально не оговаривает ущемления этих прав, неприкосновенности и привилегий». И подобные ограничения действительно существовали, причем евреи, как правило, узнавали о них на собственном опыте. Однако в случае, если появлялись подобные проблемы и вокруг них возникало волнение, то обычно парламент или иной орган высказывался в пользу равноправия евреев. В том же 1833 году евреи были допущены к юридической практике. Через 13 лет в их пользу был разрешен наконец вопрос о владении землей на правах фригольдера.

Более того, уже давно Британия была готова не только приветствовать и принимать евреев, но и оказывать им содействие за рубежом. Впервые это случилось в 1745 году, когда Мария-Терезия изгнала евреев из Праги; тогда ее союзник, Георг II, выразил по дипломатическим каналам свой протест. В 1814 году лорд Каслри, министр иностранных дел, дал своему посланнику, графу Клэнкарти, инструкцию «способствовать тому, чтобы в Германии повсеместно утвердилась система терпимости по отношению к лицам еврейского происхождения». Нет сомнения, что, заботясь особо о франкфуртской общине, он имел в

виду судьбу Ротшильдов. Британия также помогала евреям на конгрессе в Э-Ла-Шанель.

Лорд Пальмерстон очень активно выступал на стороне евреев как из общеполитических соображений, так и в силу того, что его отчим, лорд Шафтсбери, твердо верил, что возвращение евреев в Иерусалим ускорит Второе Пришествие. Между 1827 и 1839 годами в основном благодаря усилиям англичан население Иерусалима выросло с 550 до 5500 человек, а во всей Палестине оно достигло 10 000 человек, ознаменовав начало реального возвращения евреев на Землю Обетованную. В 1838 году Пальмерстон впервые назначил западного вице-консула в Иерусалиме, У. Т. Янга, и поручил ему «обеспечить покровительство евреям». Двумя годами позднее он писал лорду Понсонби, британскому послу в Константинополе, давая ему указание оказывать давление на турок, чтобы они позволяли евреям из Европы возвращаться в Палестину. При этом следовало подчеркивать, что трудолюбивые переселенцы-евреи, при финансовой поддержке Ротшильдов, «будут постепенно увеличивать ресурсы Турецкой Империи и способствовать там прогрессу цивилизации». «Пальмерстон, – отмечал Шафтсбери, – был избран Богом в качестве носителя добра Его древнейшему народу»; письмо, адресованное Понсонби, явилось «прелюдией к действиям, противоположным декрету Кира».

Пальмерстон был также и орудием помощи состоятельным западным евреям, желающим прийти на помощь своим единоверцам. В феврале 1840 года убийство в Дамаске монаха-капуцина и его слуги внезапно и опасно оживило средневековые кровавые обвинения. Местные капуцины немедленно объявили, что эти двое были убиты евреями, которым требовалась кровь для подготовки к Пасхе. И турецкий губернатор и французский консул, на которого была официально возложена задача защиты христианской общины, поверили обвинению и организовали на его основе жесткое расследование. Еврей-парикмахер, Соломон Негрин, признался под пыткой и показал на других евреев. Двое из них умерли под пытками, третий обратился в ислам, чтобы избежать пыток, а другие дали показания, которые привели к новым арестам евреев. Кульминацией зверств явился захват 63 еврейских детей, которых собирались держать заложниками, пока их матери не покажут, где спрятана кровь.

Один из арестованных евреев был австрийским гражданином, и это привело к тому, что великие державы стали вплотную интересоваться этим делом. В Лондоне содействие Пальмерстона было инициировано сэром Мозесом Монтефьоре (1784—1885), президентом Палаты депутатов, представлявшим британских евреев. Монтефьоре, который сам родился в Леггорне, был одним из 12 «еврейских маклеров» в лондонском Сити; женившись на Джудит Коэн, он породнился с Натаном Ротшильдом, на которого он работал биржевым брокером. Он ушел из бизнеса в 1824 году, чтобы посвятить свою жизнь угнетенным евреям всей земли. Он был, по-видимому, последним из *штадтланим*, видных евреев, чье социальное положение позволяло им быть ходатаями перед правителями-угнетателями. Он был другом королевы Виктории, которая девочкой гостила у него в «морской резиденции» в Рэмсгейте, а позднее возвела его в рыцарское достоинство; возможно, именно ему она обязана своей явно выраженной юдофилией. С помощью Пальмерстона Монтефьоре организовал делегацию западных евреев, включая известного французского адвоката Адольфа Кремье (1796—1880), и отправился с визитом к правителю Сирии, Мохаммеду Али, в Александрию. Монтефьоре и его коллеги не только обеспечили освобождение арестованных евреев в августе 1840 года, но и добились того, что турецкий султан издал фирман, запрещающий обвинять евреев в ритуальном использовании крови и арестовывать их по подозрению в этом. За этой успешной миссией последовали многие другие, в которых Монтефьоре, проживший более ста лет, сотрудничал с Форин-Офис, помогая евреям – жертвам несправедливости. Но английское правительство, бывало, вмешивалось и по собственной инициативе: в 1854 году оно выступило в защиту швейцарских евреев; в 1856 – балканских, причем министерство иностранных дел так инструктировало своего эмиссара в Бухаресте: «Особое положение евреев отдает их под защиту цивилизованного мира». На Берлинском конгрессе в 1876 году Дизраэли боролся за религиозное равноправие.

Дизраэли, однако, никогда не ограничивался поддержкой требований евреев о справедливости. Он верил, что евреи, в силу своих достоинств и славного прошлого, заслуживают особого уважения, и со всей своей напористостью и изобретательностью работал в этом направлении. Он был взращен в христианских традициях, но его интерес к соплеменникам был подогрет большим путешествием по Средиземноморью и Святой Земле, которое он совершил в 1830—1831 годах. На него большое впечатление произвели достигнутые, несмотря ни на что, успехи сирийских евреев, этих Ротшильдов Востока, как он их называл. Значительную часть собранного здесь материала он использовал впоследствии в своих романах. Он отмечал, что паши предпочитали пользоваться услугами еврейских финансовых экспертов, тем более что в случае необходимости их было легко подвергнуть репрессиям. «Они писали свои финансовые документы на иврите, причем так неразборчиво, что они с трудом поддавались расшифровке», – писал он позднее, изобразив в «Танкред» одного из этих финансистов под именем Адама Бессо. Больше всего он любил Иерусалим, и в том романе, опубликованном в 1847 году, он живо воспроизводит впечатления, полученные 15 годами ранее. Этот роман – его любимый; он удачно назвал его «художественным вариантом викторианской духовной автобиографии».

Дизраэли никогда не занимал оборонительную позицию, когда кто-то утверждал, что евреи не хуже прочих людей. Он считал, что они лучше, и говорил, что презирает «эту пагубную доктрину нашего времени о том, что люди от природы равны». Один современный историк считал, что в основе своей он – *маррано*, и в пользу этого анализа говорит многое. Он разбирает зарождение невежества, гордости и романтичности сефардов, которое переносит на евреев в целом. Самоуничижительное стремление ашкенази рассматривать страдания евреев в духе Библии как заслуженную кару за грехи ничего для него не значит. Он придерживается точки зрения сефардов, что Израиль, будучи сердцем человеческого тела, несправедливо сделали плечом, несущим гнет зла человечества. Будучи освобождены, таланты евреев воссияют так, что изумят мир. Они в массе своей талантливы от рождения. «Раса – это все, – говорит его супермен Сидония, – иной истины не существует».

Таким образом, Дизраэли занимался пропагандой изначального превосходства одних рас над другими задолго до того, как социальные дарвинисты сделали его модным, а Гитлер – печально известным. Как он писал про своего героя в «Контарини Флеминг», тот происходил «напрямую от одной из древнейших рас мира, четко ограниченной и незамутненной расы бедуинов, которые создали развитую цивилизацию в те времена, когда обитатели Англии бродили полуголыми по лесу и питались желудями». В «Конингсби» он пишет: «Сидония и его братья могли гордиться тем, чего были лишены саксы, греки и прочие кавказские нации – евреи были чистой расой». Эту привилегию евреи делили с арабами пустыни – «евреями-конниками». Дизраэли считал, что Моисей был «во всех отношениях человеком кавказской модели, почти столь же совершенным, как Адам, когда он был только что создан и помещен в Рай» («Танкред»). Он думал, что «упадок расы есть неизбежная необходимость, если только она не живет в пустыне и никогда не смешивает ни с кем свою кровь», как бедуины. Чистоту евреев спасли преследования, постоянное движение и миграция: «Арабы Моисея [т. е. еврей] – самая древняя, если не единственная, несмешанная кровь, что обитает в городах! Чистая раса первоклассной организации является аристократией по своей природе... Своей незамутненной кавказской структурой и гению великого законодателя, который ее сохранял, Сидония объяснял, что их давным-давно не поглотили иные, смешанные расы, которые их преследуют, но сами то и дело изнашиваются и исчезают, в то время, как их жертвы продолжают процветать во всей первобытной красе чисто азиатской породы» («Конингсби»). И в том же романе он подчеркивает: «Не спасают ни законы, ни физические мучения. Там, где смешанные расы преследователей исчезают, чистая преследуемая раса остается».

Как же быть в таком случае с христианством? Парадоксальный ум Дизраэли дает ответ и на этот вопрос. «Я, – любил он отмечать, – являюсь недостающей страницей между Старым Заветом и Новым». Он получает большое удовлетворение, обвиняя как христиан за

то, что они не признают достоинств иудаизма, так и евреев – за то, что они не понимают, что христианство есть «законченный иудаизм». В своем предисловии 1849 года к «*Конингсби*» он утверждает: «Отстаивая суверенное право Церкви Христовой быть вечным восстановителем человека, автор считает, что пришло время, когда нужно попытаться воздать должное расе, что основала христианство». Евреи дали миру Моисея, Соломона и Христа, «величайшего законодателя, величайшего администратора и величайшего реформатора – какая еще раса из бывших или живущих могла бы породить такую троицу?» В равной степени абсурдным он считает и то, что евреи принимают «лишь первую часть религии евреев». В его бумагах в Хьюэндене сохранилась запись, сделанная около 1863 года: «Я считаю Церковь единственным уцелевшим еврейским институтом – другого я просто не знаю... Если бы не Церковь, то не знаю, кто бы знал о евреях. Церковь была основана евреями и сохраняла верность своим корням. Она оберегает их историю и литературу, храня их для всех... читая их вслух; благодаря ей в памяти живы общественные деятели евреев, а по миру распространяется их поэзия. Евреи всем обязаны Церкви... История евреев есть либо развитие, либо ничто».

Дизраэли считал нелогичным, чтобы тори препятствовали принятию закона, позволяющего практикующим евреям заседать в парламенте, поскольку вера сефардов в традицию, в иерархию власти, в необходимость того, чтобы религиозный дух пронизывал бы всю светскую жизнь, присуща в основном и тори. Он отмечает в своей «*Жизни лорда Джона Бентинка*», что при голосовании по Закону о евреях в 1847 году лишь четверо тори голосовали за него: он сам, Бентинк, Томас Беринг и Милнс Гэскел, и они «почти монополизировали ораторский талант на своей стороне Палаты». Именно выступление Бентинка по этому поводу в пользу прав евреев привело к тому, что он потерял пост лидера тори в Палате Общин. Результатом этого явился парадокс, который так любил Дизраэли: наказав Бентинка за выступление в пользу евреев, тори в конечном итоге получили Дизраэли в качестве своего лидера. И это, по мнению Дизраэли, было правильно: он верил в сочетание аристократии и меритократии (власть по рождению и власть по заслугам), а евреи были в высшей степени меритократами. Дизраэли не только с гордостью указывал на достижения общепризнанных евреев, он находил еврейский гений повсюду. Первые иезуиты были евреями. Лучшие маршалы Наполеона, Су и Массена (он называет его Маннассия) были евреями. Моцарт был еврей.

Филосемитская пропаганда Дизраэли на континенте Европы успеха бы не имела. Во всяком случае, евреи Европы не последовали бы за ним по причудливым тропам его воображения. Тем не менее, в начале XIX века образованными евреями была предпринята определенная попытка противостоять стремлению представить иудаизм пережитком средневекового мракобесия и заменить отталкивающий образ практикующего еврея, как его сформулировал Вольтер, исходя из Спинозы, интеллектуально привлекательным. Для первой задачи необходимо было нечто вроде моста между лучшими образцами раввинистской теологии и миром светской учености. Спиноза предполагал (а вслед за ним и те, кто находился под его влиянием), что чем ближе вы знакомитесь с иудаизмом, тем меньше вы с ним соглашаетесь. Мендельсон никогда не смог бы опровергнуть это распространенное впечатление – он просто был недостаточно сведущ в традиционной еврейской культуре. А у его более радикальных последователей и вовсе не было желания этим заниматься. Люди вроде Нафтали Герца Гомберга и Гартвина Уэсли, относясь положительно к изучению иврита, хотели бы покончить с традиционным еврейским образованием, забросить Тору и Талмуд и обратиться к своего рода естественной религии.

Но среди второго поколения *маскилим* были и такие, кто был одновременно просвещен и знающ в иудаизме, верен его кредо, но владел светской методологией. Исаак Маркус Йост (1793—1860), директор школы из Центральной Германии, написал 9-томную историю израильтян, которая стояла на полпути между традиционным иудейским и современным светским подходами. Будучи первой работой такого рода, она произвела впечатление на нееврейскую публику. Но еще важнее была деятельность настойчивого,

трудолюбивого и изобретательного Леопольда Цунца (1794—1886), который посвятил всю свою долгую жизнь обновлению еврейского учения, модернизации его в «научном» духе.

Цунц и его друзья в посленаполеоновский период называли свою работу *Wissenschaft des Judentums* – Наукой иудаизма. Они начинали с большим шумом в 1819 году, сразу после того, как бунты «хеп-хеп» показали, сколь хрупким было принятие евреев даже в современно мыслящей Германии. Они основали Общество еврейской культуры и науки, целью которого являлось исследование природы иудаизма современными научными методами и демонстрация универсального характера еврейских знаний. У них имелся институт, где читались лекции по еврейской мысли и истории, и журнал. Они начинали с допущения, что некогда евреи сделали огромный вклад во всемирную культуру, но затем впали в узкий религиозный «антикварианизм». Однако еврейская мысль может вновь возродиться. «Евреи должны снова показать свой характер как смелые друзья, работающие во имя общечеловеческой задачи», – писал один из основателей движения, Иммануил Вольф, в первом номере их газеты «*Цайтунг*». «Они должны поднять себя и свои принципы на научный уровень... если некогда должна возникнуть некая связь, объединяющая человечество, то эта связь – наука, наука чистого разума».

Все бы хорошо, но возникал целый ряд возражений. Первое – практическое. В 1819 году немецкие евреи были лишь наполовину эмансипированы. До какой степени можно посвятить свою жизнь светским исследованиям и оставаться евреем? Одним из наибольших энтузиастов среди основателей общества был Эдуард Ганс (1798—1839), блестящий молодой лектор по истории юриспруденции в Берлинском университете, где его курсы пользовались большим успехом. Но путь к академической карьере был напрочь перекрыт его иудаизмом. Другие оказались в подобном же положении. «Связь чистого разума» еще не существовала, и для большинства из них жертва, приносимая иудаизму, была слишком велика. Общество было распущено в мае 1824 года. На следующий год Ганс крестился и двинулся по пути к профессуре и славе. Несколько видных членов пошли тем же путем. Многие ортодоксальные евреи, которые с самого начала подозрительно наблюдали за их деятельностью, закивали головами с видом мудрецов: вот куда ведет секуляризация – к утрате веры.

Цунц же продолжал стоять на своем. Он перевел огромное количество еврейской литературы, особенно мидрашим и литургической поэзии. Он развил философию еврейской истории. Он внес свой вклад в энциклопедии. Он посещал все крупные библиотеки в поисках материала; его не пустили только в библиотеку Ватикана. Но его деятельность породила второе возражение против «еврейской науки»: не противоречит ли она подлинному духу иудаизма? На что он действительно очень надеялся, так это на энциклопедию еврейской интеллектуальной истории. Здесь, например, можно было бы рассмотреть место еврейской литературы в ряду других великих литератур мира. Он говорил, что хотел бы освободить еврейскую литературу от богословия и «поднять на исторический уровень». Но что означает эта историчность? На практике это означает – принять, как Цунц и принял, что история евреев, главная тема их литературы, просто является элементом мировой истории. Как и все в Германии, Цунц находился под влиянием гегелевских идей о прогрессивном развитии от низших форм к высшим и неизбежно прикладывал эту диалектику к иудаизму. Был лишь один период в еврейской истории, говорил он, когда внутренний дух и внешняя форма соответствовали друг другу, и тогда они оказались в центре мировой истории. Было это во времена древнего содружества. Позднее евреи оказались в руках других народов. Их внутренняя история превратилась в историю идей, а внешняя история – в цепь нескончаемых страданий. Цунц считал, что рано или поздно возникнет некая гегелианская вершина мировой истории, в которой сойдутся все направления исторического развития – это и будет мессианская эпоха. Когда это случится, и Талмуд и все, на что он был направлен, не будет иметь никакого значения. Тем временем евреи должны показать, опираясь на свою новую историческую науку, что они сделали свой вклад в это свершение. И их задача – сделать так, чтобы очищенное богатство иудейских идей стало частью общей сокровищницы просвещенного человечества.

Перспектива в высшей степени привлекательная, но это ведь совсем не иудаизм. Благочестивый еврей – а другого просто не может быть – не признает существования двух форм знания – священной и светской, есть только одна. Более того, есть только одна легитимная цель его приобретения: узнать доподлинно волю Божью, дабы ей повиноваться. Следовательно, «наука иудаизма» как отдельная академическая дисциплина противоречит еврейским верованиям. Хуже того, она совершенно противоположна истинно еврейскому отношению к занятиям. Как говорил рабби Хийя в IV веке: «Если человек изучает Закон, не собираясь выполнять его, то лучше бы ему вовсе не родиться». Настоящий еврей не считает еврейскую историю пусть самостоятельной, но частью мировой истории, наряду с историями других народов. Нет, для них еврейская история – это и есть *история*. Они верили, что без Израиля не было бы мира, а раз так – то не было бы истории. Бог создавал много миров, но разрушал их как неудовлетворительные. Нынешний мир он создал для Торы, и тот удовлетворил его. Но если бы Израиль, которому Он предложил Тору, отверг ее – а ряд ученых талмудистов считали, что дело было очень близко к этому, – то мир просто вернулся бы к изначальному бесформенному состоянию. Поэтому разрушение Второго Храма и конец восстания Бар-Кохбы были эпизодами не еврейской, а всеобщей истории, в ходе которой Бог сказал (согласно таннаим): «Горе детям, за грехи которых Я разрушил дом Мой, сжег Храм Мой и рассеял их среди народов мира». С этого момента евреи прекратили писать историю, ибо истории, как они ее понимали, не стало. Она прекратилась и возобновится лишь с приходом мессии. Все, что происходило в промежутке, быстро забудется, подобно тому (как объяснял рабби Натан), как принцесса-невеста забудет шторм во время своего путешествия по морю, стоит ей прибыть в страну царя, за которого она собирается выйти замуж.

В итоге, хотя Цунц представил в «научном» виде еврейскую историю и мысль как вклад в мировую копилку и это могло произвести определенное впечатление на нееврейское общество, оно вызвало неприятие значительной части иудаистов. Это представление было подвергнуто сокрушительной (а с позиций религиозных – не требующей ответа) критике раввином Самсоном Рафаэлем Гиршем (1808—1888), блестящим выразителем мнения ортодоксов XIX века. Этот гамбургский еврей, который 37 лет прослужил раввином во Франкфурте, вовсе не был мракобесом. Начнем с того, что он прекрасно писал по-немецки. Изложение им иудаистской веры, рассчитанное на молодежь и опубликованное под названием «*Девятнадцать писем об иудаизме*» (1836), оказалось весьма эффективным. У него не было возражений против светского образования, как раз напротив. Он часто цитировал работы Гамалиила по поводу того, что и знание Торы, и мирские познания являются достойными объектами для изучения. Идеальный «муж Израиля, – говорил он, – это просвещенный еврей, который соблюдает заповеди». Тем не менее, существует бесконечная разница, настаивал он, между евреями, которые используют светские знания, и светским знанием, которое поглощает иудаизм. Израиль был не светской, а духовной общиной. Поэтому любая наука, которая имела дело с евреями как общиной, становилась неизбежно формой идеологии. История того, что делают евреи и что с ними приключается, не может быть частью светской истории как таковая, поскольку она есть воплощение воли Божьей и, следовательно, часть Откровения. Всеобщая культура и еврейская культура не конфликтуют между собой: они абсолютно разные. Смешивая же их, вы можете лишь нанести ущерб иудаизму. Смешивая еврейскую и всеобщую истории, вы отнимаете у последней сакральность и убиваете живую идею, которая является ее темой.

В горьком и убедительном обращении Гирш объясняет, к чему все это может привести: «Моисей и Гесиод, Давид и Сафо, Девора и Цирцея, Исайя и Гомер, Дельфы и Иерусалим, треножник пифий и святилище херувимов, пророки и оракулы, псалмы и элегии – для нас все они мирно лежат в одном ящике, покоятся в одной могиле, у всех одно и то же человеческое происхождение, все имеют одно значение – человеческое, преходящее и принадлежащее прошлому. Все облака рассеялись. Слезы и вздохи наших отцов наполняют уже не наши сердца, а наши *библиотеки*. Теплые, бьющиеся сердца наших отцов стали нашей национальной *литературой*, их жаркое дыхание жизни – пылью на наших книжных

полках... Радуются ли эти отлетевшие души литературной благодарности нынешнего поколения? Кого они считают своими истинными наследниками? Тех, кто повторял их молитвы, но забыл их имена, или тех, кто забыл их молитвы, но помнит их имена?»

Позднее в том же столетии по этому поводу еще более решительно высказался Ницше: если стало возможным научное изучение истории религии, она уже мертва.

Однако, если следовать логике критики со стороны Ницше, евреям фактически пришлось бы оказаться на том же месте, где они были до просвещения. Их постоянно заставляли бы делать различия между двумя формами знания. Это была бы не столько дихотомия Гордона типа «Человек в своем городе и еврей в своем шатре», сколько «светское знание для бизнеса (или удовольствия), еврейское – для истинного понимания». Это было бы фатальным барьером на пути евреев, которые хотели бы быть принятыми в мировом сообществе в качестве полноценной его части. Неужели нельзя было найти какой-то компромисс?

Такая попытка предпринимается евреем из Галиции, Нахманом Крохмалем (1785—1840), который на начальном этапе участвовал в движении *Wissenschaft*, но не мог согласиться с тем, что интеллектуальная интеграция евреев легко достижима. Он тоже был своего рода гегельянцем, но в большей степени находился под влиянием рационализма Маймонида. По сути дела, он стремился модернизировать «*Путеводитель для заблудших*», хотя и стеснялся публиковать свои выводы. В конце концов над его рукописью поработал лично Цунц, и книга вышла в свет в 1851 году, уже после смерти автора. Крохмаль считал равно неприемлемыми и евреев-просветителей, и твердолобых ортодоксов. Первые умерщвляли иудаизм, вторые делали его несъедобным; оба в условиях XIX века приводили к отступничеству. Беда была в том, что евреи обоих типов не чувствовали еврейской истории. Просветители думали, что это нечто такое, что вы изучали в детстве, а затем, став взрослыми, перешли к светской, «взрослой» истории. Евреи-ортодоксы вовсе игнорировали историю – как он выразился, «в Торе нет ни раннего, ни позднего». Крохмаль же предлагал создать еврейскую философию истории. Он взял теорию развития Гегеля, как вскоре и Маркс, но, вместо того чтобы поставить ее на голову, иудаизировал ее. Он разделил еврейскую историю на три цикла: рост, зрелость и упадок/падение. Это было сделано для того, чтобы показать, как «по прошествии дней распада и разрушения в нас всегда возникали новый дух и новая жизнь; и, если мы падали, как мы поднимались и воодушевлялись, и наш Господь Бог не покидал нас». Ясно, что это было довольно далеко от светской истории. В чем-то это напоминало старое, средневековое представление об истории, как колесе фортуны, а также циклы роста и упадка, которые популяризировал в середине XX века Арнольд Тойнби. Но Крохмаль ввел гегелевский элемент, добавив во все эти циклы прогрессивное движение вверх, процесс познания человеком всего – от корней чистой природы в прошлом до его слияния в пределе с чистым духом. Все национальные истории демонстрировали это в той или иной степени, только другие народы были преходящи, а евреи – вечны, поскольку были в особых отношениях с Абсолютным Духом (т. е. Богом). А потому «история иудаизма есть по сути история обучения сознания» – с началом, серединой и концом.

К сожалению, Крохмаль не мог своей философией истории удовлетворить ортодоксальных евреев, так как не встроил эру мессии в свою схему, разве что в каком-то смутно-метафорическом смысле. Еще меньше его работа привлекала неевреев. В то же время в лице Генриха Гретца (1817—1891) евреи породили историка, причем масштабного, которого могли читать и понимать не только просвещенные евреи, но читать (и в какой-то мере принимать) и неевреи тоже. Между 1856 и 1876 годом он опубликовал 11-томную «*Историю евреев*», которая является одним из крупнейших памятников исторической литературы XIX века. В различных сокращенных вариантах и переводах она распространилась по всему миру и сохраняет значительную ценность и сегодня. Однако по сути своей эта работа носит скорее иудаистский, чем светский характер: она повествует об истории евреев в основном языком Торы и ее толкователей. Более того, ее историческая

динамика также религиозна. По мнению автора, евреи не такой народ, как другие. Они – часть уникальной органичной политико-религиозной общности, «чья душа – Тора, а тело – Святая Земля». Еврейский типаж должен играть в мировой истории центральную, и притом драматичную, роль. В блестящем вступлении к тому IV своего труда Гретц представляет еврея историческо-божественной судьбы: «С одной стороны, поработанный иудей с посохом странника в руке, котомкой паломника за плечами, скорбное лицо обращено к небу; его окружают стены темницы, инструменты пытки и поблескивающие оковы. С другой – та же фигура, но с вопрошающим выражением на преображенном лице, в кабинете, где собраны книги на всех языках... раб с гордостью мыслителя». Гретц использовал огромное количество источников на многих языках, но его видение еврея берет начало с Исаяи, особенно со Слуги Страждущего. Он настаивал на том, что евреи всегда были «мощны и продуктивны с точки зрения религиозной и моральной правды спасения человечества». Иудаизм был самосоздан божественным провидением. В этом смысле он отличается от всех других великих религий. Его «искры» зажгли христианство. Его «семена» породили плоды ислама. В его внутренних особенностях можно разглядеть корни схоластической философии и протестантства. Более того, судьба евреев имеет продолжение. Гретц видел мессию не как личность, но как коллектив. Евреи – мессианский народ. Подобно Гегелю, он верил в концепцию идеального государства и видел как последнюю задачу евреев подготовку конституции религиозного государства, которая каким-то образом ознаменует приход золотого века.

Конечно, в таком изложении концепция Гретца не воздает ему должного; но это и нелегко сделать, так как его взгляды на то, что именно следует сделать евреям, менялись самым радикальным образом по мере трансформации его энтузиазма по поводу «еврейского решения» мировых проблем. Иногда казалось, что, по его мнению, евреи возьмут в свои руки управление миром. Иногда – что они просто будут служить миру этическим примером. Но и в том и другом случае он представлял евреев как высшую категорию людей. Он не был сионистом. Но он, несомненно, был своего рода еврейским националистом и выдвигал еврейские претензии не в духе привлекательного романтического парадокса (как Дизраэли), а тоном, который другие евреи считали агрессивным и который мог легко оттолкнуть неевреев, особенно немцев. В итоге работа Гретца, хотя и имела непреходящее значение для еврейских исторических исследований, также не дала ответа на проблему наведения мостов между иудаизмом и светским миром. С позиций истории она была полезной; с позиций философии она, в конечном итоге, оказалась неприемлемой ни для одной группы. Причем оскорбленными оказались не только немецкие националисты. Гретц, по-видимому, мало знал о еврейском мистицизме. К каббале и хасидам он чувствовал только презрение. Современников, изучавших хаскалу, он отметал как «окаменелых польских талмудистов». Идиш он называл смешным. Соответственно он не мог рассчитывать на массовый отклик со стороны восточных евреев. Но он не удовлетворял и просвещенных ортодоксов. Он начинал как последователь Гирша. Когда он был еще молод, в 1836 году, его веру спасли «*Девятнадцать писем*» рабби. Сам он считал свою веру преимущественно иудейской. Однако Гирш отвергал его работу как «сверхъестественную и фантастическую». Так что же, она не удовлетворяла никого? Похоже на то.

Если не было возможности найти удовлетворительного решения проблемы, как соотносить еврейскую и светскую культуру, то не было ли возможно привести религию евреев в гармонию с современным миром? Такая попытка также была предпринята. Реформированный иудаизм, как его называли, явился продуктом второго десятилетия XIX века, когда еврейские общины ощутили первые результаты эмансипации и просвещения. Как и все другие попытки привести иудаизм в новое соотношение с миром, эта также исходила в основном из Германии. Первые эксперименты проводились в Зеесене в 1810 году, в Берлине в 1815, а затем в Гамбурге, где реформистский храм был открыт в 1818 году. Все это происходило на фоне того, что современники называли протестантским триумфом. Оказалось, что протестантские нации везде живут совсем неплохо. Протестантская Пруссия

стала самым мощным и эффективным государством в Германии. Протестантская Британия – первая индустриальная держава, победительница Наполеона, центр богатейшей торговой империи, когда-либо существовавшей в мире. Соединенные Штаты, тоже протестантские, – растущая держава на Западе. Не была ли эта связь между реформированной христианской верой и процветанием свидетельством божественного расположения (или, по крайней мере, ценным уроком религиозной социологии)? Многие политические писатели в католических странах, особенно во Франции, выражали опасение, что протестантизм берет верх в мире, и высказывали пожелание, чтобы католицизм воспринял наиболее полезные с социальной точки зрения черты протестантизма. Но какие конкретно? Внимание сосредоточилось на внешних и наиболее заметных признаках религии – на обрядах. По большей части протестантские службы были торжественными, но солидными, выразительными в своей простоте, причем проповеди обычно были хорошо аргументированы и велись на родном языке паствы. Напротив, католицизм сохранял удручающую религиозность средневековья, чтобы не сказать – древности: ладан, лампы и свечи, фантастические ризы, мощи и статуи, язык литургии, который мало кто понимал. Все это, утверждали, надо изменить. Но эти призывы к реформе не принимались внутри католической церкви, где власть была централизованной и жесткой. Кроме того, у традиционной модели католицизма были сильные защитники, например, Шатобриан, чей «*Дух католицизма*» (1802) заложил основу нового католического популизма. В Англии, Оксфордское движение, цитадель протестантизма, вскоре обратилось к Риму за руководством, но запрос шел извне, а не наоборот. Правда была в том, что в целом католицизм не страдал от какого-либо комплекса неполноценности, по крайней мере, в странах, где он был религией преобладающего большинства. Поэтому перемены отложили на 150 лет, до 1960-х годов, когда в Риме возникли уже явные беспорядки.

Ситуация с евреями была другой, особенно в Германии и развитых странах. Просвещенные евреи стыдились своих традиционных обрядов: тяжелый груз прошлого, отсутствие интеллектуального удовлетворения, шумная и несолидная манера, в которой молились ортодоксальные евреи. В протестантских странах посещение христианами синагоги было в порядке вещей, но оно порождало в них презрение и жалость. Поэтому реформированный иудаизм явился в первую очередь попыткой удалить налет смешного с еврейских форм богослужения, чтобы стимулировать религиозное настроение. Паролем стали два слова: *Erbauung* (назидание) и *Andacht* (благоговение). Были введены проповеди христианского типа. Реформатор Йозеф Вольф (1762—1826), учитель и секретарь общины в Дессау, а также верный почитатель Мендельсона, взял себе за образец лучших протестантских ораторов Германии. Евреи быстро научились проповедовать по-новому, как они вообще быстро учились всему новому. И вскоре проповеди в Берлинском храме стали столь хороши, что пришла очередь протестантских пасторов приходить, чтобы послушать и поучиться (в порядке обмена). Была введена органная музыка – другая сильная черта немецкого протестантизма, а также хоровое пение в европейском стиле.

Тогда же, в 1819 году, в том же году, когда было основано Общество еврейской науки, в Гамбургском храме ввели новый молитвенник, и изменения, носившие ранее эстетический характер, распространились на более фундаментальные вопросы. Ведь если можно расстаться со странными литургическими привычками, почему не сделать то же самое с абсурдными и неудобными доктринами? Упоминание о мессии было опущено, равно как и вопрос о возврате в Святую Землю. Идея состояла в том, чтобы очистить и зарядить новой энергией иудаизм – в том же духе, как это было сделано в реформации Лютера. Но, увы, было одно важное отличие. Лютер не оглядывался постоянно на то, что делают другие, и не копировал их. К лучшему или к худшему, его подталкивал собственный мощный внутренний импульс: «Я не могу иначе!» Он был уникален, и его новая форма христианства, с ее специфическими доктринами и особенной литургией, была оригинальным созданием. Реформированный иудаизм оживляла не столько преобладающая убежденность, сколько стремление к тому, чтобы все было, как у людей, благопристойно. Дух этого преобразования

был не религиозным, а светским. Оно было хорошо задуманной, но искусственной конструкцией, подобно многим идеалистическим схемам XIX века от позитивизма Конта до эсперанто.

Все могло бы быть по-другому, если бы движение породило что-нибудь оригинальное, даже экзотичное, чем было так богато восточноевропейское еврейство хасидов. Но реформа тщетно дождалась своего Лютера. Лучшее, что она сумела породить, – это раввин Авраам Гейгер (1810—1874), который возглавлял движение последовательно в Бреслау, Франкфурте и Берлине. Он был энергичен, благочестив, образован и разумен. Может быть, даже слишком разумен. Ему не хватало, пожалуй, эгоистичного порыва и готовности разрушать, которые требуются религиозным революционерам. В частном письме, которое он написал в 1836 году, говорится о необходимости ликвидировать все институты иудаизма и построить их заново, на новой основе. Но он не чувствовал в себе способности сделать это на практике. Выступая против молитв на иврите, тем не менее он не стал изгонять его из богослужения. Считал обрезание «варварским актом кровопускания», но противился его запрету. Селекционировал некоторые послабления в субботних запретах, но не готов был полностью отвергнуть принцип Шабата и принять христианское воскресенье. Опускал в молитвах слова о возврате на Сион и другие ссылки на устаревшие, как он считал, исторические условия, но не мог заставить себя отвергнуть принцип закона Моисея. Он пытался извлечь из огромной массы накопившихся иудаистских верований то, что называл религиозно-универсальным элементом. Так, на его взгляд, следовало бы отбросить принцип автоматической солидарности с евреями повсюду; исходя из этого, он отказался активно участвовать в протесте по поводу зверств в Дамаске. Но, старея, он, подобно многим хорошо образованным евреям до и после, все больше чувствовал тягу к традиционному иудаизму, и его намерения по части изменений убавились.

Реформаторы могли достигнуть большего, если бы они были способны построить четкую платформу веры и практики и придерживаться ее. Но Гейгер был не единственным, кому не удалось найти последний приют веры. Между ведущими реформаторами наблюдались различия. Рабби Самуил Гольдхейм (1806—1860), который прибыл из Познани и закончил главой новой реформистской конгрегации в Берлине, но начинал он как умеренный реформатор, которому захотелось, чтобы Тору перестали декламировать нараспев. Однако постепенно он превратился в экстремиста. Гейгер верил в «прогрессивное откровение», смысл которого в том, что практика иудаизма подлежит периодическому изменению, по мере того как будет становиться ясной воля Божья. Гольдхейм хотел бы отменить и Храм и обряды иудаизма, причем немедленно. Следовало отбросить и большую часть Талмуда: «В талмудические времена правда была за Талмудом. В мое время – за мной». Он считал традиционный иудаизм препятствием для того, чтобы евреи стали частью всемирного человеческого братства, каковым ему представлялась мессианская эпоха. Он настаивал на том, что и необрезанные могут быть евреями. Думал при этом, что профессиональные обязанности человека имеют приоритет перед строгим соблюдением Шабата. И действительно, он в Берлине не только основательно видоизменил службы, но и в конце концов стал проводить их в воскресенье. Когда он умер, завязался даже спор: следует ли хоронить его в той части кладбища, где погребены раввины?

Гольдхеймовский вариант реформы был не единственной альтернативой гейгеровскому. Во Франкфурте появилась группа, выступавшая против обрезания. В Лондоне движение реформ принимало Библию как труд Божий, но отвергало Талмуд как труд людской. По мере того как реформа распространялась за рубежом, она приобретала все новые обличья. Некоторые группы сохраняли связи с ортодоксальным направлением, другие шли на полный разрыв. Проводились конференции раввинов, но без особых результатов. Издавались новые молитвенники и провоцировались новые противоречия. Бывало, что в том или ином варианте реформированный иудаизм четко выражал религиозный настрой многих тысяч образованных евреев. Так, например, в Англии сложилось два реформированных направления: более или менее традиционно мыслящее и более радикальное – либеральный

иудаизм. В Америке, как мы увидим, реформированный иудаизм в его консервативном и либеральном вариантах стал важным элементом того, что в дальнейшем превратилось в третью опору еврейского мирового треножника.

Но в чем реформа преуспела никак не больше «Науки иудаизма», так это в разрешении еврейского вопроса. Ей не удалось нормализовать положение евреев, поскольку она всегда выступала от имени лишь меньшинства. По сути своей она была альтернативой крещению и полной ассимиляции среди тех евреев, чья вера, или во всяком случае благочестие, была достаточно сильна, чтобы они сохраняли какую-то форму связи со своей религией, но недостаточно сильна, чтобы не обращать внимания на окружающий мир. К концу 1840-х годов стало очевидно, что реформа не сумеет взять иудаизм под полный контроль, даже в просвещенной Германии. К концу столетия реформа приобрела достаточную базу, чтобы продолжаться, по крайней мере в ряде стран, но ее созидательный напор был уже утрачен. Писатель-традиционалист Джон Леман отмечал в 1905 году: «Сегодня, когда среди новаторов воцарилась полнейшая апатия, с трудом можно представить себе, что некогда были люди, почитавшие новации делом своей жизни и всем сердцем и душой стремились реформировать иудаизм, считая себя Лютером, Цвингли или Кальвином в миниатюре».

Одна из причин, почему евреям, которые желали быть полноценными членами современного общества, не расставаясь со своим иудаизмом, не удалось выработать полноценной формулы, состояла в том, что они не могли договориться, на каком языке ее следует излагать. На этом этапе были возможны три варианта. Первый – иврит, древний иератический язык иудаизма. Второй – язык страны проживания. Третий – идиш, демотический язык, на котором говорило большинство евреев. Или, может быть, некая комбинация из всех трех. Евреипросветители мечтали воскресить иврит. Само слово «хаскала», которым они стали себя именовать, означало на иврите «понимание, разум»; они пользовались им, чтобы подчеркнуть свою преданность разумному началу (в противовес откровению) как источнику истины. Они писали и издавали свои просветительские труды на иврите. Однако существовал ряд причин, в силу которых их проекту не хватало динамизма. Лишь немногие из них сами широко пользовались ивритом; скажем, их вождь, Мендельсон, прибегал к нему весьма редко. Они избирали иврит не потому, что хотели лучше себя выразить, – для этой цели они предпочитали немецкий. И не то чтобы они почитали его с религиозных позиций. Скорее они считали его респектабельным интеллектуально, вроде еврейского аналога латыни и греческого, входивших в культурное наследие христианской Европы. Эпоха видела рассвет современных филологических исследований. Повсюду в Европе специалисты составляли грамматику местных языков, давали им письменность и правила правописания и синтаксиса. Финское, венгерское, румынское, ирландское, баскское и каталонское наречия из местных диалектов превращались в «современные языки». *Маскили* хотели вовлечь в этот процесс и иврит. Конечно, логичнее было бы избрать идиш, язык, которым реально пользовались евреи. Однако маскили относились к нему с пренебрежением, считая его не более чем испорченным немецким. Для них он был связан с ненавистной жизнью в рамках гетто и замшелого иудаизма, бедностью, невежеством, предрассудками, пороками. Как они говорили, научно подходила к изучению идиша только полиция, которой нужно было понимать воровской жаргон.

И маскили занялись реанимацией иврита. Но они не знали, что писать на нем. Самый крупный их проект состоял в том, чтобы издать «гибридный» вариант Библии, используя немецкие слова, написанные еврейскими буквами. Проект имел успех. Многие тысячи евреев, особенно старшего поколения, которым была недоступна светская школа, благодаря ему получили доступ к литературному немецкому языку. Но это привело не к увеличению роли иврита, а к уменьшению. Читая понемецки и приобщаясь к светской культуре, евреи утрачивали интерес к ивриту, а то и к иудаизму. Даже те, кто сохранил веру, видели меньше смысла в иврите, поскольку и в проповедях и в молитвенниках стал использоваться местный язык.

Существовала, конечно, живая, хотя и слабая, литературная традиция на иврите. Но

маскили и к ней относились с неприязнью по причинам идеологическим. Великие средневековые богословы вроде Маймонида писали по-арабски. Однако письменный иврит уцелел в мусульманской Испании, а затем возродился в Италии эпохи Ренессанса. В XVII веке некоторые итальянские евреи продолжали писать на прекрасном иврите. Затем эта традиция обрела своего гения – Моисея Хамма Луццато (1707—1746). Этот замечательный человек был родом из одной из старейших и уважаемых еврейских семей в итальянском городе Падуя. Он был вундеркиндом. У него были лучшие учителя и возможность учиться в знаменитом университете, он изучал светские науки в их классическом и современном итальянском вариантах, а также широкий круг вопросов, связанных с иудаизмом. У Луццато была удивительная способность писать высоким академическим «штилем» на глубокомысленные темы и в то же время излагать сложные вопросы достаточно понятно для простой аудитории. Он мог писать на различных языках, как древних, так и современных. Так, одна из его работ была написана на арамейском – языке, на котором был написан оригинал *«Зохара»*. Но чаще всего он пользовался ивритом. Луццато является автором большого числа поэтических произведений на иврите, как религиозных, которые не сохранились, так и светских, посвященных его друзьям. Ему принадлежат три стихотворные пьесы на иврите. И самое главное – он написал этический труд *«Мешилат Йешарим»*, или *«Путь восхождения»*, который в конце XVIII века и на протяжении всего XIX века был наиболее влиятельной и читаемой книгой на иврите у евреев Восточной Европы. Так не был ли он идеальным предтечей возрождения иврита? Только не для просвещенных немецких евреев. Напротив: для них он символизировал то, что им хотелось отвергнуть и устранить. Ибо Луццато был каббалистом и мистиком. Хуже того: он вполне мог оказаться скрытым шаббатеицем или чем-то в этом роде. Он приобрел, по его собственному признанию, вкус к возмутительным писаниям Натана из Газы, обладавшим способностью дать объяснение буквально всему, стоит вам сделать первый иррациональный шаг. В Падуе он, похоже, собрал вокруг себя группу молодых умников, которые предавались опаснейшим рассуждениям. Венецианские раввины учинили у него в доме обыск и обнаружили свидетельства занятий колдовством. От греха подальше он перебрался в Амстердам. Однако ему и там запретили заниматься каббалой. В конце концов он направился в Святую Землю, где в Аккре его настигла чума. Нося имя Моисей, он женился на девушке по имени Цинора, что дало ему основание считать себя реинкарнацией Моисея и его жены. С этим согласились многие евреи на Востоке или, по крайней мере, относились к нему как к святому. Для просвещенных немецких евреев сие было неприемлемо. Впрочем, даже если отбросить его личные претензии, содержание его этики также было неприемлемо для маскилей. В своем *«Пути восхождения»* и в более поздней работе *«Даат Тевунот»*, или *«Нисходящее знание»*, он кратко, но блестяще излагает историю и цель сотворения мира Богом и роль евреев Земли Обетованной и диаспоры. Он четко показывает место евреев в современном мире и что они должны делать, чтобы оправдаться, и бескомпромиссно говорит о цели жизни следующее: «Смысл существования человека в этом мире состоит в том, чтобы следовать заветам, поклоняться Богу и противостоять искушениям. Не должно быть, чтобы для него мирское счастье значило что-либо иное, чем просто помощь или опора в обретении удовлетворения от того, что он всем сердцем служит этому предназначению; и должно быть так, чтобы все его внимание было посвящено Создателю, да будет Он благословен и чтобы не было у него другой цели в делах малых и великих, кроме как приблизиться к Нему, да будет Он благословен, и разбить все препоны, отделяющие его от Вседержителя».

Перед нами человек, писавший на иврите, предлагавший свою последовательную и по-своему строгую философию, которая вдохновляла миллионы евреев и остается даже сегодня живой традицией иудаизма. Но она стала анафемой для просвещенных. Вместо того чтобы заманить ивритом бывших жителей гетто в современный мир и предложить им достойное в нем место, она совершила прямо противоположное. Эта философия требовала, чтобы евреи обратили свой взор к Богу – но благочестивые евреи всегда занимали такую позицию. И поэтому живая традиция иврита не стыковалась с генеральным планом

просвещения. Попытка просветителей использовать иврит в параллель с немецким не привела к продвижению вперед. Евреи просто усваивали немецкий и ассимилировались. Маскили не могли предвидеть, что иврит действительно войдет в жизнь евреев, причем решительно, но уже в качестве орудия сионизма, разновидности иудаизма, которая была для них так же неприемлема, как и мистическое мессианство.

По иронии судьбы еврейским языком, который наиболее успешно и естественно прогрессировал в XIX веке, оказался идиш. Достоинно сожаления, что маскили, для которых способность говорить и писать по-немецки была свидетельством просвещенности, так мало знали о нем. А ведь идиш был не просто уголовным жаргоном. Он гораздо больше, чем испорченный немецкий. Для благочестивых евреев это был «временный» язык, или, по их терминологии, не божественный, не исторический. Имелось в виду, что, по большому историческому счету, по мере приближения Мессианской эры евреи, видимо, перейдут к ивриту, языку Торы, который уже является рабочим в таких важных вопросах, как ритуал, богословие и, зачастую, общинное управление. Однако для временного языка идиш был достаточно взрослым, почти таким же старым, как ряд европейских языков. Евреи начали конструировать его на основе ряда городских немецких диалектов, когда их вытеснили из Франции и Италии в немецкоязычную Лотарингию. Старый идиш (1250—1500) отмечен первым контактом немецкоязычных евреев со славянскими евреями, говорившими на так называемом кнаанском диалекте. В течение последующих 200 лет (1500—1700), формировался средний идиш, становившийся все более славянским и диалектным. И, наконец, в XVIII веке развился современный идиш. Его литературная форма окончательно сложилась между 1810 и 1860 годами в городах восточноевропейской диаспоры, где в течение полувека все большее распространение получали газеты и журналы и расцветала книготорговля на идише.

Филологи привели его в порядок, и к 1908 году он был достаточно совершенен, чтобы его сторонники смогли провести в Черновцах Всемирную конференцию по идишу. По мере роста в Восточной Европе еврейского населения на нем говорило, писало и читало все большее количество людей. К концу 1930-х годов он был основным языком для приблизительно 11 миллионов человек.

Идиш был богатым, живым языком, на котором болтали горожане. У него были, правда, с самого начала некоторые ограничения. В идише очень мало слов для обозначения животных и птиц. В нем практически нет военной терминологии. Эти недостатки восполнялись за счет немецких, польских и русских слов. Идиш был особенно силен своей способностью заимствовать – из арабского, иврита, арамейского, вообще из любого языка, что встречался на его пути. С другой стороны, и из него кое-что перешло в иврит, американский английский. Главным достоинством его можно считать внутреннюю утонченность, изящество, в особенности способность характеризовать человеческие типы и эмоции. Это язык уличных мудрецов, умных неудачников; язык пафоса, страдания и покорности, скрашенных юмором, довольно сильной иронией и суевериями. Исаак Башевис Зингер, один из виднейших его поклонников, отмечал, что это – единственный язык, на котором никогда не говорят стоящие у власти.

Идиш был естественным языком для возрождающейся еврейской нации, потому что на нем повсеместно говорили, он был живым, и во второй половине XIX века стала появляться, причем интенсивно, литература на нем, включавшая рассказы, поэмы, пьесы и романы. Но существует много причин, в силу которых он не мог выполнить своего предназначения. Ему мешал целый ряд противоречивых моментов. Многие раввины считали его языком женщин, которые недостаточно умны или образованны, чтобы учиться на иврите. Германские маскили, с другой стороны, связывали его с ортодоксальностью, поскольку использование его поощряло отсталость, предрассудки и иррациональность. В среде крупной еврейской общины в Венгрии местный язык был принят для повседневного общения, а идиш был языком религиозных проповедей, на который еврейским мальчикам приходилось переводить тексты, составленные на иврите и арамейском; тем самым он ассоциировался с

неискаженной ортодоксальностью. В российской черте оседлости и австрийской Галиции он становился зачастую языком секуляризации. Во второй половине XIX века почти в каждой восточноевропейской еврейской общине существовал круг атеистов и радикалов, для которых идиш был языком протеста и несогласия, и которые читали на идише книги и периодические издания, отвечавшие их взглядам. Но даже на Востоке, где идиш использовался большинством евреев, он не обладал монополией на универсальность. Политические лидеры все чаще обращались к немецкому языку, а затем к русскому. Неполитические секуляризаторы обычно, как и положено маскилам, отдавали приоритет ивриту. Об этом четко сказал Наум Шлющ, который переводил на иврит Золя, Флобера и Мопассана: «В то время, как эмансипированный еврей Востока заменил иврит языком страны проживания, раввины не доверяли ничему, кроме религии, а богатые спонсоры отказывались поддерживать литературу, не имеющую пока доступа в хорошее общество, короче, пока все они держались в стороне, только маскиль, интеллигент из провинциального городка, польский *мехаббер* [автор], презираемый и безвестный, зачастую жертва своих убеждений, посвятивший себя всем сердцем, душой и силами сохранению славных литературных традиций иврита – только он хранил верность тому, что было подлинной миссией языка Библии с момента его возникновения».

Все это, без сомнения, верно. Но в целом было много таких еврейских писателей, которые столь же героико-патетически могли бы заявить о себе как о поддерживающих еврейский дух.

Короче говоря, в начале XIX века у еврейского языка достаточно неясным было и настоящее и будущее, причем по причинам, которые глубоко коренились в истории и вере. Путаница лингвистическая была лишь частью более широкой культурной неопределенности. Та же, в свою очередь, происходила от растущей религиозной неопределенности в еврейской среде, которую можно было бы просуммировать одной фразой: был ли иудаизм частью жизни или всей жизнью? Если только частью, то компромисс с современностью был возможен. Но в этом случае евреи могли просто раствориться в окружающем их обществе большинства. Если же он был всей жизнью, то евреи, значит, просто сменили гетто из камня на гетто из интеллекта. Но и в этом случае большинство евреев постарается вырваться из тюрьмы и будет навсегда потеряно для Закона. И все компромиссы, которые мы рассматривали, оказывались бессильными перед лицом этого выбора.

В результате ключевым вопросом затруднений, с которыми столкнулись евреи в первой половине XIX века, оказалось отсутствие согласованной программы или единого руководства. Там, где другие угнетенные и непокорные народы могли сконцентрировать свою энергию на том, чтобы дружно маршировать под знаменами национализма и независимости, евреи оказались повстанцами без цели. Конечно, они знали, против чего они восстанут, – против враждебного общества, в которое они были имплантированы, и против удушающих объятий иудаизма. Но они не знали, *за что* они будут сражаться. Тем не менее, хоть и в зачаточном состоянии, восстание евреев было реальностью. Сами повстанцы, хоть и не имевшие общей цели, были грозной силой, объединив которую можно было употребить и во благо и во зло.

До сих пор мы рассматривали лишь одну сторону проблемы эмансипации: как могли бы евреи, освободившиеся из гетто, приспособиться к обществу? Но не менее важной была и другая сторона: как обществу приспособиться к освобожденным евреям?

Проблема была гигантской, поскольку 1500 лет еврейское общество было нацелено на то, чтобы производить интеллектуалов. Но, правда, интеллектуалов жреческого толка, цель которых служение божественной Торе. Но они обладали всеми склонностями интеллектуалов: стремлением к достижению целей за счет народа; даром бесконечного и острого критиканства; огромной разрушительной (и созидательной) мощью. Еврейское общество было склонно их поддерживать. Раввин в общине считался признанным главой. Ему оказывались почести как духовному наследнику самого Моисея. Он был местным эталоном идеального еврея, харизматическим мудрецом и проводил свою жизнь, поглощая

трудноперевариваемую информацию и «отрыгивая» ее с поправкой на свое мнение. Предполагалось, что он пользуется (и он-таки пользовался) финансовой поддержкой местных олигархов. Евреи субсидировали свою культуру за много веков до того, как это стало одной из функций Западного государства всеобщего благосостояния. Богатые купцы женились на дочерях мудрецов; блестящему студенту *ешивы* подбирали богатую невесту, чтобы он мог продолжить образование. Система, где мудрецы и торговцы тандемом управляли общиной, скорее перераспределяла богатство, чем наращивала. Она также обеспечивала производство большого числа высокоинтеллектуальных людей, которым давалась полная возможность развивать свои идеи. Но внезапно, где-то около 1800 года, эта древняя и высокоэффективная социальная машина по производству интеллектуалов, стала по-новому распределять свою продукцию. Вместо того чтобы пускать всех их по замкнутому кругу раввинистических исследований, где они оставались полностью изолированными от общества, значительная и все возрастающая доля их стала направляться в мирской сектор. Это оказалось событием всемирно-исторического значения.

Генрих Гейне (1797—1856) был типичным представителем этой новой формации. Он родился в Дюссельдорфе в семье коммерсантов. Лет на 50 раньше он, несомненно, стал бы раввином и ученым талмудистом, и конечно незаурядным. Вместо этого он оказался захвачен революционным смерчем. В возрасте 16 лет, не покидая места своего рождения, он 6 (!) раз сменил национальность. Его семья была полуэмансипирована. Мать Гейне, Пьера ван Гельдерн, имела амбициозные планы насчет его светской карьеры. Когда наполеоновские армии наступали, она видела в нем будущего придворного, маршала, политического деятеля, губернатора; когда французы отступили, возникли планы сделать его бизнесменом-миллионером. Мать постаралась свести к минимуму его еврейское образование, и мальчика послали в римско-католический лицей. Гейне не доставало ощущения своей личной религиозной, расовой и национальной принадлежности. Его еврейское имя – Хаим. Мальчиком его звали Гарри. Позднее он назвался Генрихом, но подписывал свои произведения исключительно «Г. Гейне» и терпеть не мог расшифровывать это «Г.» Ребенком он жил в созданном Наполеоном Великом герцогстве Бергском, в связи с чем он говорил, что дух у него – французский. Однако важнейшей книгой его детства была Библия великого Лютера, и что-либо более немецкое невозможно представить. В 1831 году он перебрался в Париж и в Германию больше не возвращался (за исключением двух кратких визитов). Но он никогда не просил предоставить ему французское гражданство, хотя возможность для этого была. Все свои произведения он писал на немецком языке. Он считал, что немцы, хотя зачастую порочны, более глубоки, французы же живут на поверхности, а их поэзия – «надушенный творог».

Неопределенность отношения Гейне к иудаизму просматривается во многих его книгах. Он так и не научился как следует читать на иврите. Терпеть не мог чувствовать себя евреем. Он писал, что есть «три ужасных болезни: бедность, боль и еврейство». В 1822 году он некоторое время был связан с Обществом еврейской науки, но ему нечего было туда привнести. Он не верил в иудаизм как таковой и считал его антигуманной силой. На следующий год он писал: «Я признаю, что являюсь горячим сторонником предоставления прав евреям и их гражданского равенства, и в тяжелые времена, которые неизбежны, германская толпа еще услышит звучание моего голоса в пивных и дворцах. Однако прирожденный враг любой религии никогда не станет сторонником той из них, которая первая стала так издеваться над человеческими существами, что это до сих пор причиняет нам страдания». Впрочем, отвергая талмудический иудаизм, он презирал реформированный вариант. Реформаторы – это «мозолисты», которые «пытаются исцелить тело иудаизма от мерзкого разрастания кожи кровопусканием, и благодаря их неуклюжести и путанице бинтов рационализма Израиль, похоже, умрет от потери крови... У нас нет больше сил носить бороду, поститься, ненавидеть и выносить ненависть; таков мотив нашей реформы». Смысл всей акции, едко говорил он, в том, чтобы превратить «маленькое протестантское христианство в еврейскую компанию. Они делают свой талес из шерсти Божьего агнца,

жилетку – из перьев Святого Духа и подштанники – из христианской любви, а когда они обанкротятся, их преемники назовутся: Бог, Христос и Ко».

Но если Гейне не любил как ортодоксальный, так и реформированный иудаизм, то еще меньше ему нравились маскили. Он считал их карьеристами, цель которых – крещение. Он указывал на то, что четверо из шести детей Мендельсона крестились. Между тем вторым мужем дочери Гейне Доротеи был Фридрих Шлегель; сама она стала реакционной католичкой. Его внук Феликс стал видным сочинителем христианской музыки. Может быть, конечно, и не Гейне сказал, что «самое еврейское, что совершил Мендельсон, – стал христианином». Но доподлинно известно, что им сказано: «Если бы я имел счастье быть внуком Моисея Мендельсона, то уж точно я не стал бы тратить свой талант на то, чтобы перекладывать звук, с которым писает Агнец, на музыку». Когда Эдуард Ганс крестился, Гейне обозвал его негодяем, виновным в измене, более преступным, чем Бурке (в глазах Гейне – архипредатель, который изменил делу революции). Он откликнулся на крещение Ганса горьким стихотворением «*An einem Abtrunnigen*» («Отступнику»).

Впрочем, за несколько месяцев до этого Гейне сам стал протестантом – через три дня после получения степени доктора. Причины на то у него были вполне земные. Согласно закону от августа 1822 года, евреи подлежали изгнанию со всех государственных академических постов – что особенно грозило Гансу. Десять лет спустя Гейне защищал свое протестантство, называя его «протестом против несправедливости», объясняя его своим «воинствующим энтузиазмом, который заставил меня принять участие в борьбе, которую ведет эта воинственная церковь». Это, однако, чепуха, поскольку он сам утверждал, что дух протестантства вовсе не религиозен: «Цветущая плоть на картинах Тициана – вот вам и все протестантство. Чресла его Венеры – гораздо более фундаментальные тезисы, чем те, что вывесил немецкий монах на церковной двери в Виттенберге». А во время своего крещения он писал своему другу Моисею Мозеру: «Я не хотел бы, чтобы ты воспринимал мое крещение благожелательно. Заверяю тебя, что, если бы наши законы позволяли воровать серебряные ложки, я бы этого не сделал». Его заявление насчет того, что крещение – «входной билет в европейскую культуру», стало печально известным.

Почему же в таком случае Гейне оскорблял Ганса за то же, что совершил сам? Полностью удовлетворительного объяснения дать нельзя. Гейне страдал от разрушительного чувства, которое вскоре стало обычным среди эмансипированных евреев-отступников, – своеобразной ненависти к себе. Он нападал на себя в образе Ганса. Позднее он, случалось, говорил, что сожалеет о своем крещении. Оно, говорил он, не принесло ему материальных благ. Он не позволял публично называть себя евреем. В 1835 году он заявил, что его нога никогда не ступала в синагогу (и солгал). Он хотел бы отречься от своего еврейства, равно как и от своей еврейской ненависти к себе, и это подтолкнуло его ко многим антисемитским ремаркам. Любимой мишенью была у него семья Ротшильдов. Он обвинял их в том, что они собирают деньги для реакционных великих держав. Это, во всяком случае, было вполне уважительной причиной для нападок. Самые же ядовитые замечания он приберегал для барона Жака де Ротшильда и его жены, которые с величайшей добротой относились к нему в Париже. То он говорил, что видел, как биржевой маклер поклонился ночному горшку барона. То называл его «герр фон Шейлок из Парижа». То говорил: «Нет Бога, кроме Маммоны, и Ротшильд – пророк ее». Как-то он заявил, что нет больше надобности в Талмуде, который некогда был «защитой против Рима, поскольку каждый квартал папскому нунцию приходится приносить барону Жаку проценты на ссуду». Впрочем, все это не мешало самому Гейне получать немалые деньги от Ротшильдов, а также хвастать *фамильярными* (по его выражению) отношениями с ними.

Фактически Гейне рассчитывал на материальную помощь со стороны состоятельных евреев, хотя и был не студентом-раввинистом, а светским интеллектуалом. Его отцу в коммерции безнадежно не везло. Его собственные попытки также успехом не увенчались, а потому он постоянно зависел от своего дяди, Соломона Гейне, гамбургского банкира, который стал одним из богатейших людей в Европе. Гейне всегда нуждался, сколько бы он

ни получил. Он даже унился до того, что тайно получал ежегодную пенсию в 4800 франков от правительства Луи-Филиппа. Обычно же он донимал своими просьбами (и не слишком вежливыми) дядю Соломона. «Лучшее, что у тебя имеется, – писал он ему в 1836 году, – это мое имя». Дядя довольно скептически относился к его заслугам и как-то заметил: «Если бы он научился хоть чему-нибудь, ему не пришлось бы писать книги». Он считал, что его племянник – вроде *шноррера*, профессионального еврейского попрошайки. Но, будучи верен древней традиции, помогал. После смерти в 1844 году дядя оставил Гейне наследство, но при условии, что поэт не будет позволять себе нападок ни на него, ни на его семью. Сумма была меньше, чем рассчитывал Гейне, и он втянулся в длительную тяжбу по поводу завещания с сыном Соломона.

Вот на таком фоне расцветал потрясающий гений Гейне. В 1820-е годы он превзошел по европейской популярности Байрона. Поворотным пунктом явилась его книга «*Buch der Lieder*» (1827) с такими знаменитыми лирическими произведениями, как «Лорелея» и «На крыльях песни». Немцы признали его величайшим писателем со времен Гете. Когда он поселился в Париже, его объявили героем европейской культуры. Проза его была столь же блистательна и популярна, как и поэзия. Ему принадлежат восхитительные путевые заметки. Фактически он является основоположником нового жанра во французской литературе – короткого эссе, или фельетона. Массу энергии он тратил на бурные ссоры и попытки морально уничтожить своих оппонентов, в которых находила выход его ненависть к себе (или, может быть, что-то другое), причем настолько экстравагантные, что обычно они вызывали симпатию к его жертвам. Тем не менее, слава его продолжала расти. Он получил венерическую инфекцию позвоночника, которая приковала его к постели в оставшееся десятилетие. Но последние его стихи были лучше всех. К тому же оказалось, что его лирика идеально подходит к новой немецкой песне, покорившей Европу и Северную Америку, так что все композиторы, начиная с Шуберта и Шумана, стали писать музыку на его слова. С тех пор никуда уже нельзя было деться от Гейне, особенно немцам, чьи сердца не могли на него не отозваться. Его произведения появились в немецких школьных учебниках уже при его жизни.

Многим немцам было трудно признать, что у этого еврея такой идеальный немецкий слух. Они пытались обвинить его в «еврейской сверхъестественности» в противоположность подлинно германской глубине. Но это обвинение повисло в воздухе, ибо было откровенно ложным. Сложилось такое впечатление, что этот мощный сверхталант тайно накапливался в гетто на протяжении ряда поколений в генетическом коде, а затем внезапно выплеснулся наружу, обретя немецкий язык начала XIX века в качестве своего идеального инструмента. Отныне стало ясно: между евреями и немцами существует особое интеллектуальное родство. Немецкие евреи стали новым явлением в европейской культуре. Для немецких антисемитов это оказалось почти невыносимой эмоциональной проблемой, воплощенной в Гейне. Они не могли отрицать его гения, но для них было мукой наблюдать его самовыражение на немецком языке. Присутствие его призрака в самом центре немецкой литературы повергало нацистов в невероятную ярость и какой-то детский вандализм. Они запрещали его книги, но не могли стереть его поэмы в антологиях и были вынуждены перепечатывать их с примечанием, ложность которого была очевидна для каждого школьника: «Неизвестного автора». Они увезли его статую, которая некогда принадлежала австрийской императрице Елизавете, и использовали в качестве мишени. В 1941 году по личному приказу Гитлера была разрушена его могила на монмартрском кладбище. Но все было тщетно. В течение последних сорока лет наследие Гейне обсуждается шире и горячее, особенно немцами, любой другой фигуры в их литературе.

Гейне подвергался запрещению и при жизни, по настоянию Меттерниха – правда, не как еврей, а как революционный элемент. И здесь мы сталкиваемся еще с одним парадоксом, причем типично еврейским. С самого начала эмансипации евреев стали обвинять в том, что они пытаются втереться в доверие к существующему обществу, проникнуть в него и подчинить себе; и в то же самое время в том, что они пытаются разрушить его до основания.

В обоих обвинениях был элемент истины. В этом смысле характерна история семьи Гейне. Подобно Ротшильдам, которые обзавелись титулами полдюжины королевств и империй, семья Гейне принадлежала к наиболее быстро продвигающимся в высшие слои в Европе. Брат Гейне Густав был возведен в рыцарское достоинство и стал бароном фон Гейне-Гельдерн. Его брат Максимилиан женился на русской аристократке и в дальнейшем именовался фон Гейне. Сын его сестры стал бароном фон Эмбден. Ее дочь вышла за итальянского принца. Одна из ближайших родственниц Гейне стала принцессой Мюрат, другая вышла замуж за правящего принца Монако. Однако сам Гейне явился прототипом и примером новой фигуры в европейской литературе: еврейский писатель-радикал, который использует свое мастерство, репутацию и популярность, чтобы подорвать интеллектуальную самоуверенность существующего строя.

Впрочем, к утверждению о том, что Гейне всю жизнь оставался радикалом, следует относиться критично. Он лично, по крайней мере в частном порядке, всегда подчеркивал разницу между прогрессивными литераторами вроде себя и мрачными политиканами-прогрессистами. Он ненавидел их пуританство и писал одному из них: «Вы требуете простоты в одежде, умеренности в привычках и говорите о неуместности удовольствий; мы же требуем нектара и амброзии, пурпурных плащей, изысканных ароматов, пышности и роскоши, танцев смеющихся нимф, музыки и комедий». С возрастом его консерватизм усиливался. В 1841 году он писал Густаву Гольбу: «Я очень боюсь жестокости пролетарской власти и признаюсь тебе, что из страха стал консерватором». Когда в конце жизни продолжительная болезнь приковала его, как он выражался «к могиле-матрасу», он вернулся к иудаизму, хотя своеобразному. При этом он настаивал, не слишком искренне: «Я не делал секрета из своего иудаизма, к которому я не возвращался, поскольку никогда его не покидал» (1850). Его последние, и величайшие, поэмы «Romanzero» (1851) и «Vermischte Schriften» (1854) отмечены возвратом религиозной тематики, иногда с печатью иудаистского мышления. Подобно тысячам выдающихся евреев до и после него, Гейне связывает эллинский дух интеллектуальной авантюры со здоровьем и силой, а старость и боль возвращают его к простоте веры. «Я уже больше, – пишет он другу, – не жизнерадостный и упитанный эллин, пренебрежительно улыбающийся, глядя на мрачных назарян. Я всего лишь смертельно больной еврей, воплощение страдания, несчастный человек». И снова: «Переболев атеистической философией, я вернулся к скромной вере простого человека».

Тем не менее, как личность общественная, Гейне был по преимуществу радикалом и в значительной степени им и остался. Для поколений европейских интеллектуалов его жизнь и труды были поэмой свободы. Для евреев в особенности он олицетворял французскую прогрессивную традицию как подлинную историю поступательного движения человека, к которому должны стремиться все одаренные юноши и девушки, каждый в свое время, чтобы сделать собственный шаг на этом пути. Он подошел вплотную к публичной декларации своей веры, когда написал: «Свобода – это новая религия, религия нашего времени. Если Христос и не Бог этой новой религии, то он, тем не менее, ее первосвященник, и имя Его сияет блаженством в сердцах апостолов. Но французы – избранный народ новой религии, их язык фиксирует первые заветы и догмы. Париж – Новый Иерусалим, а Рейн – Иордан, который отделяет священную землю свободы от земли филистимлян».

На некоторое время Гейне даже стал (или вообразил, что стал) последователем Сен-Симона. В нем было даже что-то от «детей цветов» хиппи: «Часть цветов и соловьев тесно связаны с революцией», – писал он, цитируя лозунг Сен-Симона: «Будущее – за нами». Гейне никогда не углублялся в особенности теории революционного социализма, однако в Париже он сталкивался со многими, кто пытался его создать. Часто они были еврейского происхождения.

Одним из таких молодых людей был Карл Маркс, который прибыл в Париж в 1843 году. Ранее он был редактором радикальной кельнской газеты «*Pheinische Zeitung*», которую помог основать в 1842 году еврейский социалист Моисей Гесс (1812—1875). Газета

просуществовала всего 15 месяцев, после чего была закрыта правительством Пруссии, а Маркс присоединился к Гессу в парижской ссылке. Однако между этими двумя социалистами было мало общего. Гесс был настоящим евреем, чей радикализм принял форму еврейского национализма, а затем сионизма. Маркс же не имел вовсе еврейского образования и никогда к нему не стремился. В Париже они с Гейне стали друзьями и вместе писали стихи. Гейне спас жизнь дочери Маркса Женни, когда у нее начались конвульсии. Сохранилось несколько писем, которыми они обменивались, должно быть, не единственных. Замечание Гейне относительно религии как «духовного опиума» явилось источником фразы Маркса «опиум для народа». Но идея о том, что Гейне явился Иоанном Крестителем для Маркса – Христа, модная у немецких ученых в 1960-х годах, абсурдна. Между ними простиралась пропасть темпераментов. Согласно Арнольду Рюге, Маркс говаривал Гейне: «Бросьте вы эти вечные причитания о любви и покажите поэтам-лирикам, как это надо делать – бичом». Но именно бича Гейне и опасался: «[Социалистическое] будущее, – писал он, – пахнет кнутом, кровью, безбожием и обильными побоями»; «не могу без страха думать о том времени, когда к власти придут эти темные иконоборцы». Он отрекался от «моего упрямого друга Маркса», одного из «безбожных богов для себя». Что было общим у этих людей, так это их незаурядная способность ненавидеть, которая находила выражение в ядовитых нападках на врагов, но и (пожалуй, особенно) на друзей и благодетелей. Это было частью их ненависти к себе, которую питают еврей-отступники. Марксу это было присуще в еще большей степени, чем Гейне. Он пытался отсечь иудаизм от своей жизни. В то время как Гейне был глубоко обеспокоен зверствами 1840 года в Дамаске, Маркс всю жизнь старался не проявить ни малейшего беспокойства по поводу несправедливости, проявленной по отношению к евреям. Несмотря на невежество Маркса в вопросах иудаизма, у нас нет оснований сомневаться в его еврействе. Как у Гейне и всех прочих, на его понятие прогресса очень глубоко повлиял Гегель, однако его отношение к истории как позитивной и динамичной силе в человеческом обществе, управляемой железными законами, как к Торе атеиста, является истинно еврейским. Его коммунистическая вера глубоко коренится в еврейском апокалипсисе и мессианстве. Его понятие власти – катедократическое. Контроль за судьбами революции должен быть в руках элитарной интеллигенции, которая штудирует книги и понимает законы истории. Они формируют то, что он называл «менеджмент», директорат. Пролетариат, «люди без собственности», являются просто средством, чья обязанность повиноваться, – как у Ездры-летописца; в них он видел не знающих закона «людей земли».

И методология Маркса была совершенно раввинистской. Все его выводы проистекали исключительно из книг. Он в жизни не бывал на фабрике и даже отказывался, когда Энгельс звал его. Подобно *гаону* из Вильны, он обложился книгами и решал загадки вселенной в своем кабинете. Как он выражался, «я – машина для пожирания книг». Он называл свою работу «научной», но она была не более научной, чем теология. Он обладал религиозным темпераментом и был абсолютно неспособен вести объективное эмпирическое исследование. Он просто занимался поисками любого правдоподобного материала, который явился бы «доказательством» выводов, к которым он уже пришел и которые были столь же догматичны, как у любого раввина или каббалиста. Карл Ясперс так суммировал его методы: «У Маркса не стиль исследователя... он не цитирует примеров и не приводит фактов, которые бы противоречили его теории – только те, что ясно поддерживают или подтверждают то, что он считает абсолютной истиной. Весь подход характерен для доказательства, а не исследования, причем доказательства чего-то, что уже объявлено совершенной правдой с убежденностью не ученого, но верующего».

Без своего покровителя фальшивых доказательств теория Маркса о том, как существуют и развиваются история, классы и производство, не слишком отличается от лурианской каббалистической теории мессианской эры, особенно развитой Натаном из Газы до такой степени, что ее можно подогнать вообще под любые факты. Короче, это вообще не научная теория, а некая комбинация умных еврейских суеверий.

И, наконец, Маркс был вечным студентом-раввинистом в своем отношении к деньгам. Он вечно ждал, что ими будут обеспечивать его исследования – сначала от месьи, затем от торговца Энгельса, о чем свидетельствуют его бесконечные письма попрошайки-*шноррера*. Но его исследования, как у многих ученых раввинов, так и не были закончены. Опубликовав первый том своего «*Капитала*», он никак не мог привести в порядок все остальное и оставил свои бумаги в полнейшем беспорядке, после чего Энгельс ухитрился составить из них 2-й и 3-й тома. В итоге великий комментарий к Закону Истории кончается путаницей и сомнениями. Что произойдет, когда придет мессия, когда «экспроприруют экспроприаторов»? Маркс не говорит – он не знает. Но это не мешало его пророчествам относительно мессии – революции, которую он назначал последовательно на 1849 год, август 1850, 1851, 1852, «между ноябрем 1852 и февралем 1853», 1854, 1857, 1858 и 1859. Его последняя работа, как у Натана из Газы, в значительной степени посвящена объяснению, почему революция так и не пришла.

Маркс был не просто еврейским мыслителем, он был также и антиеврейским мыслителем. В этом заключен парадокс, который наложил трагический отпечаток на развитие марксизма и его претворение в жизнь в Советском Союзе и у его последователей. Антисемитизм Маркса имеет глубокие корни. Мы уже видели, какую роль антиеврейская полемика играла в трудах писателей-просветителей вроде Вольтера. В дальнейшем эта традиция разделилась на два течения. Одно – немецкое «идеалистическое» течение в лице Гете, Фихте, Гегеля и Бауэра, причем у каждого последующего антиеврейские элементы становились все более явно выраженными. Второе – французское «социалистическое» течение. Оно связывало евреев с промышленной революцией и сильнейшим ростом коммерции и материализма, которым было отмечено начало XIX века. В своей книге, изданной в 1808 году, Франсуа Фурье называл коммерцию «источником всех зол», а евреев – «инкарнацией коммерции». Пьер-Жозеф Прудон пошел дальше, обвиняя евреев в том, что они «служили буржуазии, крупной и мелкой, подобной им, по всей Европе». Евреи, по его словам, «необщительная раса, упрямая, дьявольская... враги человечества. Нужно отправить эту расу обратно в Азию либо уничтожить». Последователь Фурье Альфонс Туссенель издавал антисемитский журнал «*Фаланга*» и в 1845 году выступил с первой массивной атакой на евреев как на сеть коммерческих заговорщиков против человечества, назвав свой труд «*Евреи – короли эпохи: история финансового феодализма*». На следующие сорок лет эта книга стала первоисточником для издававшейся на многих языках антисемитской литературы.

Маркс впитал оба потока, добавив в их мутную воду собственных страданий. В своих рассуждениях о евреях-революционерах историк Роберт Унстрич считает, что ненависть к себе у некоторых из них отражает ярость наиболее умных членов ущемленного меньшинства, не получившего положения и признания в обществе, соответствующего их талантам. Мыслители просвещения, и немцы и французы, утверждали, что отрицательные черты иудаизма должны быть ликвидированы еще до того, как евреев можно будет освободить: евреи, которые подвергались дискриминации, соглашались с таким подходом и зачастую направляли свой гнев скорее против неперестроившихся евреев, чем против тех, кто преследовал и тех и других. Пресловутая «самоненависть» концентрировалась на евреях гетто, которые были, конечно, антисемитским типажом. Гейне, который, в сущности, очень мало знал о реальной жизни большинства евреев, ненавидя себя, пользовался всеми стандартными антисемитскими клише. Маркс, который знал еще меньше, заимствовал свою брань из нееврейских студенческих кафе. И оба использовали карикатурное изображение жителя гетто, чтобы мордовать близких им образованных и крещеных евреев, особенно прогрессивно настроенных друзей. Едва ли не самые злобные и почти невообразимые нападки Гейне были направлены на Людвиг Борна (1786—1837), урожденного Лоба Баруха, крещеного еврейского писателя-радикала, чье происхождение и взгляды были весьма близки к его собственным. Маркс, по-видимому, перенял эту привычку у Гейне. Так, сам пытаясь где только возможно скрыть свое еврейское происхождение, он постоянно нападал на своих

оппонентов-евреев – за то же самое. Почему, спрашивал он, Иосиф Моисей Леви, владелец лондонской «*Дейли Телеграф*» и крещеный еврей, старается, «чтобы его причислили к англосаксонской расе... если мать-природа написала о его происхождении безобразными прописными буквами прямо посередине лица».

Но, пожалуй, самое мерзкое упражнение в самоненависти было адресовано Марксом его соратнику социалисту Фердинанду Лассалю (1825—1864), еврею из Бреслау, который подправил свою прежнюю фамилию (Ласаль) в честь французского героя-революционера, а в дальнейшем стал основателем немецкого социализма как массового движения. Его практические достижения в этом направлении были намного значительнее, чем у Маркса. Несмотря на это (или вследствие этого), он стал мишенью невероятной брани в переписке Маркса с Энгельсом. Маркс называл его «барон Ициг», «еврейский негр». Он видел в нем польского еврея, а польских евреев он считал «самой грязной расой». Энгельс писал Марксу 7 марта 1856 года: «[Лассаль] настоящий еврей со славянской границы и всегда стремился использовать партийные дела в личных целях. Отвратительно наблюдать, как он старается пробиться в аристократическое общество. Это сальный еврей, маскирующийся бриллиантинном и блеском бижутерии». Нападая на еврейство Лассалья и глумясь над его сифилисом, Маркс не постеснялся воспользоваться древнейшей антисемитской клеветой. 10 мая 1861 года он писал Энгельсу: «Кстати, о Лассале – Лазаре. В своей выдающейся работе по Египту Лепсий доказал, что исход евреев из Египта – не что иное, как описанная Мането история изгнания из Египта «прокаженного народа». Во главе этих прокаженных стоял египетский жрец, Моисей. В итоге Лазарь-прокаженный есть типичный еврей, а Лассаль – типичный прокаженный». И снова, 30 июля 1862 года: «Мне абсолютно ясно, что, как показывает форма его головы и характер шевелюры, он происходит от негров, которые присоединились к Моисею, бежавшему из Египта (если только его мать или бабка со стороны отца не скрещивали с ниггером). От этого союза евреев с немцами, да на негритянской основе обязан был получиться удивительный гибрид».

Личный антисемитизм Маркса, как бы неприемлем он ни был, мог бы сыграть в его деяниях не бульшую роль, чем у Гейне, если бы не являлся частью систематического и теоретического антисемитизма, в который Маркс, в отличие от Гейне, глубоко верил. Фактически можно утверждать, что марксова теория коммунизма явилась конечным продуктом его теоретического антисемитизма. Спиноза первым показал, как критику иудаизма можно использовать для радикальных выводов мирового масштаба. Его примеру последовали французские просветители, хотя их отношение к иудаизму было намного более враждебно по тону и носило более расистский характер. Среди радикальных немецких писателей идея, что разрешение «еврейского вопроса» может дать ключ к решению общечеловеческих проблем, обсуждалась весьма широко. В 1820-е и 1830-е годы именно этим путем шел к своему социализму тот самый Людвиг Борн, который был подвергнут обильным поношениям. В 1843 году Бруно Бауэр, антисемитский вождь левых гегельянцев, издал статью, где требовал, чтобы евреи полностью отказались от иудаизма и перешли от своих призывов к равным правам к общей кампании за освобождение человека от религии и тирании государства.

Маркс ответил на работу Бауэра двумя статьями в «*Немецко-французском ежегоднике*» в 1844 году, когда Дизраэли опубликовал «*Танкред*». Они названы «По еврейскому вопросу». Маркс полностью воспринял свирепый антисемитизм аргументации Бауэра, про которого он говорил, что тот пишет «со смелостью, пониманием, остроумием, отточенным языком, который столь же точен, сколь и энергичен и полон смысла». Он с одобрением цитирует злобное преувеличение Бауэра насчет того, что «евреи определяют судьбу целой [австрийской] империи силой своих денег... [и] решают судьбу Европы». Он расходится с Бауэром лишь там, где тот утверждает, что антисоциальная природа евреев является религиозной в своей основе, и ее можно излечить, оторвав евреев от их религии. По мнению Маркса, это зло носит социальный и экономический характер. «Давайте, – пишет он, – рассмотрим реального еврея. Не *Шаббатного* ... а *ежедневного* ». Что, спрашивает он,

лежит «в мирской базе иудаизма? *Практические* надобности, *личный интерес*. В чем житейский культ евреев? В барышничестве. В чем житейский бог? В деньгах». Евреи постепенно навязали эту «практическую» религию всему обществу: «Деньги – ревнивый Бог Израиля, помимо которого не может существовать другого. Деньги унижают всех богов человечества и превращают их в предметы потребления. Деньги – самодостаточная *цена* всех вещей. В результате они лишили весь мир, как человечество, так и природу, их собственной истинной цены. Деньги есть отчужденная сущность человеческого труда и существования: эта сущность преобладает над ним, а он ей поклоняется. Бог евреев был секуляризован и стал богом этого мира».

Евреи, продолжает Маркс, превращают христиан в свои подобия, так что некогда стойкие христиане Новой Англии, например, превратились в рабов Маммоны. Используя власть своих денег, евреи эмансипировались и перешли к порабощению христиан. Сворачиваясь еврейскими христианин «убежден, что у него нет иной судьбы, чем постараться стать богаче соседей», и «мир стал биржей». Маркс утверждал, что противоречие между теоретической нехваткой политических прав у евреев и их «эффективной политической властью» есть противоречие между политикой и «властью денег вообще». Политическая власть перевешивает деньги; фактически они стали ее поручителем». Отсюда следует: «Именно своей внутренней сущностью гражданское общество непрерывно порождает евреев».

Таким образом, марксово решение, в отличие от бауэровского, носит экономический, а не религиозный характер. Еврей при деньгах стал «всеобщим *антисоциальным* элементом нашего времени». Чтобы «сделать еврея невозможным», необходимо ликвидировать «предварительные условия» и «саму возможность» его пресловутой финансовой деятельности. Коль скоро изменится экономическая структура, еврейское «религиозное сознание испарится подобно безжизненному туману в настоящем, животворном воздухе общества». Ликвидируйте еврейское отношение к деньгам, и тогда как еврей с его религией, так и извращенный вариант христианства, который он навязал миру, просто исчезнут: «В конечном счете, *эмансипация* евреев есть эмансипация человечества от иудаизма». И снова: «Эмансипировав себя от *барышничества* и *денег*, и тем самым от реального и практического иудаизма, наш век эмансипирует себя».

Эти две статьи Маркса содержат, таким образом, в эмбриональном виде сущность его теории возрождения человечества: посредством экономических перемен, особенно ликвидацией частной собственности и личной погони за барышом, вы можете преобразовать не просто взаимоотношения между евреями и обществом, но и все человеческие взаимоотношения и человеческую личность. Его антисемитизм стал генеральной репетицией марксизма как такового. Позднее в этом же столетии Август Бебель, немецкий социал-демократ, отчеканит фразу, которой впоследствии неоднократно пользовался Ленин: «Антисемитизм – это социализм дураков». За этим лозунгом стоит следующая несложная аргументация: мы все знаем, что еврейские богачи, которые не запятнали свои руки трудом, эксплуатируют бедных рабочих и крестьян. Но только дурак способен обвинять одних евреев. Зрелый социалист понимает, что еврей – лишь симптом болезни, а не сама болезнь. Болезнь – это религия денег и ее современная форма – капитализм. Рабочих и крестьян эксплуатируют не одни евреи, а весь буржуазнокапиталистический класс, и именно класс в целом, а не только его еврейская составная часть подлежит уничтожению.

В итоге революционный социализм, к которому Маркс пришел в конце 1840-х годов, является расширенной и видоизмененной формой его раннего антисемитизма. В своем зрелом виде его теория оказалась предрассудком, причем опаснейшим – верой в заговор злых сил. Но если первоначально она основывалась на самой старой теории заговора – антисемитизме, то в конце 40-х – начале 50-х годов она была не то чтобы отброшена, а скорее расширена, дабы объять теорию всемирного заговора, организованного всем классом буржуазии. Маркс продолжал придерживаться первоначального предрассудка, что извлечение прибыли из торговли и финансов есть, по существу, паразитическая и

антиобщественная деятельность, но теперь он базировался не на расовой и религиозной основе, а на классовой. Это расширение, разумеется, не повысило ценности этой теории. Оно делает ее более опасной, если претворять ее в жизнь, поскольку тем самым расширяется масштаб ее приложения и увеличивается число тех, кто считается заговорщиками, а потому попадает в разряд жертв. Маркса уже больше не волновала охота на ведьм еврейских – речь шла о ведьмах вообще. Теория оставалась иррациональной, но приобрела более изощренное обличье, что делало ее весьма привлекательной для образованных интеллектуалов. Перелицовывая высказывание Бабеля, если антисемитизм есть социализм дураков, то социализм стал антисемитизмом интеллектуалов. Интеллектуал вроде Ленина, который ясно осознавал иррациональность русского антисемитского погрома и постыдился бы его организовывать, тем не менее, полностью принимал его дух, коль скоро цель его была расширена до размеров всего класса капиталистов, и продолжал проводить погромы бесконечно большего масштаба, убивая сотни тысяч не по принципу личной вины, а просто за принадлежность к осужденной группе.

После того как Маркс привел свой антисемитизм к более общей форме в виде теории капитала, его интерес к евреям отошел на второй план. Правда, время от времени, как на палимпсесте, он проступает на страницах *«Капитала»*. Например, так: «Капиталист знает, что за всеми товарами, как бы жалко они ни выглядели и как плохо бы ни пахли, маячат на самом деле деньги и стоят обрезанные евреи». Еще более важным было сохранение агрессивного эмоционального тона, так характерного для антисемитизма. На смену типичному еврею пришел типичный капиталист, но основные карикатурные черты при этом сохранились. Посмотрите, например, как Маркс описывает это капиталистическое чудовище: «Только тогда, когда капиталист становится олицетворенным капиталом, он обретает историческую ценность... Фанатически выколачивая прибавочную стоимость, он неустанно заставляет человеческие существа заниматься производством ради производства... он разделяет со скрягой страсть к богатству ради богатства. Но то, что у скряги приобрело характер мании, у капиталиста становится социальным механизмом, в котором сам он – приводное колесо... его действия – просто функция капитала, который оснащен волей и сознанием, позволяющим ему расценивать собственное потребление как ущерб, наносимый процессу накопления».

Могла ли когда-нибудь существовать столь примитивная карикатура на человека? Впрочем, а существовал ли в реальной жизни типичный для антисемитов портрет еврея? На то, что Маркс, захлестнутый эмоциями, путал еврея с капиталистом, указывает сноска, которой он снабжает приведенную выше цитату. Там он ведет речь о ростовщике, называя его «старомодным, но постоянно возобновляемым видом капиталиста». Маркс знал, что в глазах большинства его читателей ростовщик – тот же еврей; как говорил Туссенель, слова «ростовщик» и «еврей» взаимозаменяемы. Большая часть сноски цитирует яростную полемику Лютера, направленную против ростовщика, которую мы уже воспроизвели выше. Тот факт, что Маркс цитирует писателя-антисемита и его зверский призыв к убийству в работе, претендующей на научный характер, говорит как о собственной склонности Маркса к насилию, так и об эмоциональной иррациональности выражения этого – сначала в виде антисемитизма, а затем – экономической теории.

Однако парадоксальное сочетание у Маркса еврейства с антисемитизмом не помешало его трудам найти отклик у растущей еврейской интеллигенции. Даже наоборот. Для многих эмансипированных евреев, особенно в восточной Европе, *«Капитал»* стал чем-то вроде новой Торы. В обоих случаях требуется некая изначальная вера, но марксизм обладает логической силой галахи, а ее упор на абстрактную интерпретацию событий в высшей степени близок по духу умным евреям, чьи предки всю жизнь штудировали талмуд либо сами они начинали учиться в ешиве, а затем бросили. На протяжении столетия число евреев раввинистского типа из семей богословов или торговцев, которые отвернулись от религии, неуклонно возрастало. Ортодоксальное еврейство, несмотря на почти повсеместный значительный рост еврейского населения, стало ощутимо убывать. Древнейшие еврейские

общины Богемии и Моравии, славные своими богословскими традициями и духовными вождями, оказались перед необходимостью импортировать раввинов из более отсталых регионов.

Большинство «пропавших раввинов» стали радикалами и теперь взирали на иудаизм и еврейство с презрением и злобой. Они отвернулись также и от класса, к которому принадлежали их родители, ибо значительная часть их происходила из состоятельных семей. Так, отец Маркса был юристом, отец Лассаля торговал шелками; Виктор Адлер, пионер австрийской социал-демократии, был сыном торговца недвижимостью, Отто Бауэр, вождь австрийских социалистов, – текстильного магната, Адольф Браун, вождь немецких социалистов, – промышленника, Пауль Зингер, другой ведущий немецкий социалист, – владельца швейной фабрики, Карл Хохберг – франкфуртского банкира. Есть и множество других примеров. Их разрыв с прошлым, с семьей и общиной, часто сочетающийся у них с чувством ненависти к себе, способствовал развитию духа отрицания и разрушения, иконоборства, временами почти нигилизма – тяги к ниспровержению институтов и всевозможных ценностей. Все эти черты к концу XIX столетия нееврей-консерваторы стали считать типично еврейской социальной и культурной болезнью.

Существовали четыре главных причины, по которым евреи, начав принимать участие в общей политике, шарахались сначала к либеральному, а затем к левому концу спектра. На первом месте среди них стояла библейская традиция социального критицизма, который можно было бы назвать синдромом Амоса. С незапамятных времен всегда находился говорливый еврей, который брался обличать общественную несправедливость, рассказывать о бедах и нуждах бедняков и призывать власти исправить положение. Существовала, кроме того, талмудическая традиция общинного обеспечения, которая имела еще библейские корни и предвосхищала современные формы государственного коллективизма. Евреи, которые стали социалистами в XIX веке и выступали с нападками на неравенство в распределении богатств, произведенных либеральной системой свободного предпринимательства, выражали на современном языке еврейские принципы, возраст которых достигал 3000 лет и которые уже стали частью инстинктов народа.

Было ли правдой то, что, по словам Дизраэли, для евреев была характерна высокая степень уважения по отношению к власти, иерархии и традиционному порядку? Да, было, но с рядом важных уточнений. Евреи, как мы видели, никогда не наделяли никакую общественную структуру абсолютной властью. Власть – в Торе, а любая людская власть является ограниченной, временной и преходящей. Иудаизм никогда не мог бы породить, подобно христианству латинского толка, теорию божественных прав монарха. Евреи в высшей степени уважительно относились к законной власти, но постольку, поскольку она была этически обоснована, и они могли стать (и становились) преданными сторонниками конституционных государственных систем, как в Соединенных Штатах и Англии. В этом смысле Дизраэли был прав, утверждая, что евреи зачастую были природными тори. Но они становились природными врагами власти, которая была сомнительной и тиранической, нелогичной или устаревшей. Когда Маркс писал: «Таким образом, мы видим, что всякий тиран находит поддержку у еврея – так же, как каждый папа – у иезуита. В действительности, все устремления угнетателей были бы тщетны, если бы армия иезуитов не подавляла бы мысль, а кучка евреев не очищала бы карманы», он был не прав. Займы, которые Ротшильды предоставляли абсолютным монархам, были направлены не на укрепление тирании, а на ослабление ее, особенно в тех случаях, если нужно было добиться лучшего отношения к евреям (в чем, разумеется, Маркс не был заинтересован). Власть еврейских денег в XIX столетии, если можно говорить о какой-то ее глобальной политической линии, характеризовалась мирной и конституционалистской направленностью. Знаменитый либеральный лозунг Гладстона «Мир, умеренность и реформа» был также и аксиомой Ротшильдов.

Более того, был один очень важный аспект непонимания евреев со стороны Дизраэли. С его точки зрения, типичными евреями были сефарды. Действительно, для сефардов было

характерно уважение к древним институтам власти, что соответствовало его образу еврея. Но ашкенази, которых он старался игнорировать в своей аргументации, были гораздо более беспокойными, изобретательными, критичными, а то и революционными. К тому же они становились все более многочисленными.

Здесь мы подходим к рассмотрению второй силы, которая подталкивала эмансипированных евреев в сторону левого фланга: демографии. В период 1800—1880 годов, то есть приблизительно в течение жизни Дизраэли, доля сефардов среди евреев снизилась с 20 до 10 процентов. Большинство их сосредоточивалось в афро-азиатском Средиземноморье, где в течение всего XIX века гигиена стояла на довольно примитивном уровне. В Алжире, например, где Морис Айзенбет провел подробное исследование еврейского населения, он обнаружил, что с максимальной в XVI веке величины в 5000 оно поднялось к 1700 году до пика в 10 000-20 000, после чего к 1818 году вновь упало до 5000 человек. В Африке и Азии общее число евреев хоть и выросло с 1800 по 1880 год, но всего с 500 000 до 750 000. В Европе же за тот же период еврейское население возросло с двух до семи миллионов. Евреи, особенно ашкенази, не только выиграли от такой первостепенной особенности нашего времени, как демографическая революция, которая начиналась с Европы, но и выиграли больше, чем средние европейцы. Они раньше вступали в брак. Браки между юношами 15-18 лет и девушками 14-16 были вполне обычным явлением. Почти все еврейские девушки выходили замуж и начинали рожать вскоре после достижения половой зрелости. Они хорошо заботились о своих детях, и при содействии общинной системы социального обеспечения им удалось снизить детскую смертность более быстрыми темпами, чем в среднем по Европе. Еврейские браки были более прочными. Евреи жили дольше. Например, исследование, проведенное во Франкфурте в 1855 году, показало, что средняя продолжительность жизни у евреев составляла 48 лет 9 месяцев, у неевреев – 36 лет 11 месяцев. Этот разрыв был еще более явным в Восточной Европе. В европейской России смертность среди евреев (14,2 на 1000 в год), была даже ниже, чем в благополучном протестантском меньшинстве, и более чем вдвое ниже среди православного большинства (31,8). В результате в период наиболее быстрого роста, 1880—1914 годы, прирост числа евреев составлял в среднем 2% в год, что заметно превышало среднеевропейские цифры, так что общее количество евреев выросло с 7,5 до более чем 13 миллионов.

Эти «новые» евреи были преимущественно ашкенази, сосредоточенные в больших городах. В 1800 году еврейская городская община численностью более 10 000 человек была редкостью – в мире таких насчитывалось три-четыре. К 1880 году в Варшаве проживало 125 000 евреев, а в Вене, Будапеште, Одессе и Берлине их было более 50 000 в каждом. Примерно столько же было в Нью-Йорке, и с этого времени Северная Америка стала отсасывать значительную долю прироста еврейского населения Европы. Однако число евреев в Европе продолжало расти. К 1914 году в двух великих империях центрально-восточной Европы, России и Австрии, проживало 8 миллионов евреев, причем почти все – в больших и малых городах. Короче говоря, еврейская демография отражала в утрированном виде революционный рост и урбанизацию населения Европы. И так же, как в свое время кишащее гетто подпитывало иудейскую народную религию, так теперь густонаселенные промышленные кварталы новых или растущих городов, где традиционный еврейский образ жизни боролся за выживание, интенсивно порождали светский еврейский радикализм. Третья причина состояла в том, что еврейскому чувству несправедливости никогда не позволяли уснуть. Как в XVI и XVII столетиях еврейские «антенны» чутко улавливали самые слабые слухи о появлении мессии, так в XIX веке любой акт несправедливости, проявленной по отношению к евреям, возбуждал эмоции в растущих еврейских городских поселениях. Об этом произволе готовы были рассказать сотни еврейских газет, причем практически все евреи умели читать. Новая секуляризованная интеллигенция не была больше склонна приписывать страдания своего народа его грехам, будь они древними или современными. История с кровавым наветом в Дамаске в 1840 году явилась важным рубежом радикализации евреев. 15-летний Лассаль записал в своем

дневнике 21 мая 1840 года: «Даже христиане удивляются нашей холодной крови, удивляются тому, что мы скорее готовы погибнуть под пытками, чем на поле боя... Можно ли представить себе более справедливую революцию, чем восстание в Дамаске, где евреи подожгли бы город, взорвали пороховые склады и встретили смерть вместе со своими преследователями? Трусливый народ, ты не заслужил лучшей судьбы». Такие события укрепляли решимость молодых евреев, выросших в светских традициях, бороться с несправедливостью, проявленной в отношении не только евреев, но и вообще человечества, и воспользоваться растущими политическими возможностями, чтобы покончить с ней навсегда. Лассаль пошел по пути создания первой крупной немецкой федерации профсоюзов, а затем основал немецкую социал-демократию. Тем же путем шли бесчисленные молодые евреи.

Недостатка в стимулах не было. Так, в ночь с 23 на 24 июня 1858 года папская полиция захватила 6-летнего еврейского мальчика, Эдгардо Мортару, который жил со своей семьей в Болонье, и отвезла его в Дом Новообращенных в Риме. Служанка-христианка показала, что за пять лет до этого, думая, что ребенок умирает, она окрестила его. Согласно законам Папской области, полиция и церковь действовали в пределах своих прав, и родителям нечего было им противопоставить. По всему миру начались протесты, причем со стороны не только евреев, но и католических религиозных и государственных деятелей, однако папа Пий IX отказался уступить, и мальчик остался в руках католиков. Этот открытый произвол привел к образованию в 1860 году во Франции Всемирного израильского союза, ставившего своей целью «защиту гражданских прав и религиозной свободы евреев», а также других сугубо еврейских организаций в других местах. В еще большей степени он подпитывал повсюду ненависть евреев к абсолютизму.

Но самым систематическим и болезненным было притеснение евреев в царской России. Царский режим в глазах радикалов олицетворял наиболее зловещие и закоренелые черты автократии. Для евреев, относившихся к нему с особой ненавистью, он был четвертым и, возможно, важнейшим из факторов, толкавших их влево. Поэтому отношение к евреям в России, ужасающее само по себе, является одним из важных фактов современной мировой истории, а потому заслуживает более подробного рассмотрения. Прежде всего необходимо учесть, что царский режим с самого начала относился к евреям с непримиримой враждебностью. В то время как другие самодержавные режимы (Австрия, Пруссия и даже Рим) проводили по отношению к ним противоречивую линию, защищая, используя, эксплуатируя, а также преследуя время от времени, русские всегда относились к евреям как неприемлемым чужакам. Вплоть до разделов Польши в 1772—1795 годах им более или менее удавалось не допускать евреев на свою территорию. Однако, когда жадность к польским землям привела к тому, что на территории империи появилось значительное еврейское население, режим воспринял это как возникновение «еврейского вопроса», который следовало «решать» путем либо ассимиляции, либо вытеснения евреев.

Фактически русские впервые в современной истории прибегли к социальной инженерии, относясь к людям (в данном случае – евреям) как к строительному материалу вроде грунта или бетона, который можно перебрасывать по желанию с места на место. Во-первых, они поместили евреев за так называемую черту оседлости, которая окончательно оформилась в 1812 году и включала в себя 25 западных губерний, простираясь от Балтийского до Черного моря. Без специального разрешения властей евреи не могли не только жить за этой чертой, но и даже передвигаться. Затем, начиная с 1804 года, был принят ряд актов, устанавливающих, где евреям можно жить в пределах черты оседлости и чем им там можно заниматься. Больше всего вреда причинило евреям положение, согласно которому евреям нельзя было жить или работать в деревнях, а также продавать крестьянам спиртное. Тем самым был нарушен жизненный уклад трети еврейского населения, которое занималось на селе арендой или держало корчму; еще одна треть занималась торговлей, а среди остальных преобладали ремесленники. Официальной целью этих ограничений было намерение заставить евреев заниматься «производительным трудом» на земле. Однако

свободной земли было совсем мало, а то и вообще не было, и реальной целью было заставить евреев креститься – или переселиться. На практике это вело к обнищанию евреев и непрерывному переселению бедняков в города черты оседлости.

Следующий поворот винта, затягивающего пресс, пришелся на 1827 год, когда Николай I, один из самых жестоких самодержцев, издал «Указ о кантонистах», который объявлял призыв на воинскую службу всех евреев мужского пола с 12 до 25 лет, причем младших мальчиков должны были помещать в школы-кантоны при военных гарнизонах, где их могли бы крестить, иногда целыми подразделениями. Правительство также стремилось разрушить еврейскую школьную систему. Власти неоднократно пытались загнать еврейских детей в государственные школы, где обучение проводилось только на русском, польском и немецком языках – еще один способ принудить к крещению. В 1840 году был образован Комитет по делам евреев, дабы способствовать «моральному образованию» общины, к которой публично относились как к нежелательной и полупреступной. Еврейские религиозные книги подвергались цензуре и уничтожению. Были разрешены только две еврейских типографии – в Вильне и Киеве, причем из Киева через три года евреи были выселены. Правительство хитроумно разделяло еврейские общины, противопоставляя маскилей ортодоксам. В 1841 году, например, оно назначило маскиля Макса Лилиенталя (1815—1882) главой вновь образованных еврейских школ, которые были фактически антиталмудистским изобретением, предназначенным, согласно утверждению ортодоксов, для того, чтобы отдать их детей «молоху хаскалы». Но Лилиенталь счел борьбу, которая затем развернулась, слишком горькой для него и через 4 года покинул страну, эмигрировав в Америку. Правительство также запрещало евреям носить традиционные одеяния, типа ермолки и накидки. Оно разделяло их на «полезных евреев» и «бесполезных евреев», увеличивая для второй группы втрое квоту призыва в армию.

Постепенно в течение столетия накопилась огромная масса дискриминационных актов, которые регулировали жизнь евреев. Некоторые из них не были по-настоящему официально введены в действие. Многие можно было обойти при помощи взятки. Богатые еврейские родители могли за деньги послать в государственную школу или в армию чужих детей вместо своих. Они могли купить официальное разрешение на переезд, проживание в нужном городе или занятие запрещенным видом деятельности. В итоге попытка «решить» еврейский вопрос создала или, по крайней мере, усугубила, другой: коррупцию среди царской бюрократии, которая стала неисправимой и разъедала сердце государства. К тому же политика правительства была непоследовательной и часто менялась, колеблясь между либерализмом и подавлением. В 1856 году новый царь, Александр II, открыл новую либеральную фазу, даровав евреям определенные права, при условии, что они долго находились на воинской службе либо являются выпускниками университета или «полезными» торговцами. Эта фаза закончилась в 1863 году польским восстанием и попыткой покушения на царя. В 70-е годы имела место еще одна либеральная фаза, которой положило конец еще одно покушение, закончившееся в этот раз цареубийством. После этого положение евреев в России стало резко ухудшаться. Во второй половине XIX века в Российской империи официальные акты, определявшие положение евреев, являли собой грандиозный памятник человеческой жестокости, глупости и тщетности. Объем последнего их аннотированного собрания, выпущенного в 1914—1915 годы под названием «*Акты о положении евреев Гимнельзона*», достигал почти 1000 страниц. Анализ ситуации, выполненный английским историком Люсьеном Вульфом, позволял сделать следующие выводы. Евреи составляли 1/24 населения России. Около 95% их было сосредоточено в черте оседлости, занимавшей 1/23 часть империи, причем подавляющее большинство было заперто в городах и *штетлях*, которые занимали всего 1/2000 территории. В паспорте еврея указывалось, что он – еврей и где ему можно селиться. Даже в пределах черты оседлости большая часть территории была закрыта для евреев, а «легальные» части имели свойство постоянно сокращаться. Евреи не допускались в Севастополь и Киев. Территория Дона была внезапно выведена из черты оседлости, а за ней Кубань и Терек; потом пришел черед

курорта Ялты, причем в этот момент оттуда вполне могли выгнать недолечившегося от чахотки еврейского студента. Евреи, желавшие воспользоваться кавказскими минеральными источниками, должны были сдавать специальный экзамен армейскому офицеру. Ряд курортов оставался «открытым», но на их посещение существовала квота: так, в сезон в Дарницу допускалось не более 20 еврейских семей. Прочие курорты в пределах черты оседлости были вообще закрыты для евреев при любых обстоятельствах.

Существовали привилегированные категории евреев, которым разрешалось передвигаться и даже селиться за пределами черты: отставные солдаты, выпускники институтов, «полезные торговцы», а также «механики, винокуры, пивовары и ремесленники, занимающиеся своим ремеслом». Но им требовались специальные бумаги, которые было очень нелегко получить и требовалось периодически обновлять. Все эти категории имели тенденцию к урезанию, особенно после 1881 года. Так, внезапно было принято решение о том, что из бывших солдат льготой могут пользоваться лишь те, кто служил до 1874 года. Купцам вдруг запрещали брать с собой приказчиков и слуг. Из числа привилегированных ремесленников были вычеркнуты табачники, настройщики роялей, мясники, ремонтники резиновой обуви, каменщики, плотники, штукатуры, садовники. Особенно серьезным ограничениям подвергались работающие женщины – за исключением проституток. Кстати, проституток, которые прекращали усердно работать (за деньги), полиция быстро выслеживала и возвращала в гетто. Акушерка еврейской национальности, имевшая разрешение на практику вне черты, не могла брать с собой детей, если только ее муж не был тоже «привилегированной персоной».

Студенты, получившие диплом за границей, в результате антиеврейской квоты в российских университетах не имели привилегированного статуса. На Кавказе так называемые горные евреи, утверждавшие, что их предки были депортированы туда Навуходоносором в 597 году до н.э., имели право проживания, но не могли переехать куда-либо еще. Евреи, имевшие разрешение жить за пределами черты, не могли оставить у себя на ночь даже сына или дочь, если те не относились к привилегированным. Фактически привилегированные евреи сталкивались с целым рядом ограничений за пределами черты оседлости; если они нарушали эти правила, то для первого раза их штрафовали, а на второй – высылали. Эти правила были исключительно сложными и постоянно изменялись в результате голосования в сенате, министерских циркуляров, постановлений местных властей, а также произвольных решений администраторов различного уровня.

Следование всем этим постоянно изменяющимся правилам представляло собой совершенный кошмар для всех, кроме, конечно, продажного полицейского или бюрократа. Приезжие с Запада бывали потрясены зрелищем толпы испуганных евреев, которых гнал по улицам полицейский конвой, – результат ночной облавы. Полиции разрешалось вламываться ночью в дом с применением любой необходимой силы и требовать у каждого документального подтверждения его права на проживание, независимо от возраста и пола. Тот, кто не мог дать его, немедленно забирался в полицейский участок. Евреев постоянно унижали перед лицом соседей-неевреев, тем самым как бы подчеркивая, что они – не такие, как все, недочеловеки, и пробуждая инстинкты погрома. Даже в первоклассных гостиницах полиция останавливала и допрашивала людей с «еврейской физиономией». Она вполне могла запретить пребывание известных иностранцев, как поступили, например, с Оскаром Страуссом, американским послом в Константинополе. Еврейским пианистам разрешали участвовать в Международном конкурсе Рубинштейна в Санкт-Петербурге, но только при условии, что они не будут ночевать в городе.

Время от времени полиция устраивала массовую «охоту на евреев». В Баку полиция однажды окружила биржу, арестовала всех евреев и доставила их в участок, где каждому пришлось доказывать свое право на проживание. В Смоленской губернии в 1909 году конная полиция окружила город Починок, но выявила только десять «нелегалов»; в результате прочесывания окрестных лесов удалось отловить еще 74. Закон о поселении развращал полицию, которая занималась поборами с евреями. Когда этот бизнес становился менее

доходным, полицмейстеры подстрекали православных подавать петиции с требованиями высылки евреев под предлогом того, что они «возбуждают местное беспокойство». После этого бедных евреев изгоняли, а из богатых выколачивали деньги. Бедняки, возвращаясь в черту оседлости, становились растущей социальной проблемой. Например, в Одессе свыше 30% бедняков-евреев жили за счет еврейской благотворительности.

Впрочем, с законов о проживании еврейские неприятности только начинались. Правительство требовало от местных еврейских общин определенного количества призывников-рекрутов, не принимая при этом во внимание уровня эмиграции. При пропорциональном подходе евреи должны были бы обеспечить не более 4,13% рекрутов. Правительство требовало 6,2%. Реально призывалось около 5,7%, что давало повод официальным жалобам на «дефицит евреев», тем самым провоцируя антисемитский ропот на то, что евреи, дескать, уклоняются от призыва. Фактически они давали на 20-35% призывников больше, чем следовало бы. С 1886 года семьи несли юридическую ответственность и подвергались большим штрафам за уклонение от призыва; уклониться можно было, но за большую взятку. Загоняя силой евреев в солдаты, государство одновременно ограничивало их возможности на воинской службе. Евреи не допускались в гвардию, во флот, в пограничную и карантинную службу, жандармерию, комиссариаты и на канцелярские должности. В 1887 году им запретили поступать во все военные учебные заведения и сдавать армейские экзамены, тем самым лишая их возможности стать офицерами. В 1888 году для них закрылись армейские аптеки, в 1889 – военные оркестры.

Для всех евреев была закрыта любая государственная служба в Москве и Санкт-Петербурге. Теоретически еврей, имевший степень магистра или доктора, мог претендовать на ряд должностей в любом месте, но, как сообщает Вульф, «не пройдя через таинство крещения, еврею практически было невозможно соблюсти все предварительные условия, чтобы стать государственным служащим». В государственных учебных заведениях не было ни одного еврея-учителя. Не было ни одного еврей-профессора в университетах – только небольшое количество доцентов. Не было евреев в Министерстве юстиции, не было следователей; был один-единственный судья (назначенный во время последнего «либерального» периода). Министерские циркуляры запрещали назначать евреев на полицейские должности; их можно было использовать лишь в качестве шпионов и информаторов. Евреи составляли большинство городского населения в шести ключевых регионах, а во многих городах они были подавляющим большинством; тем не менее им не позволялось ни голосовать, ни быть избранными на муниципальных выборах; в пределах черты оседлости правительство могло их «назначать» только до одной десятой общего количества. Евреи не допускались в суды, в попечительские советы больниц и приютов. С 1880 года им было запрещено практиковать в качестве нотариусов, а с 1890 – в качестве адвокатов (без специального разрешения; по словам Вульфа, за 15 лет такое разрешение не было выдано ни разу). Им запрещалось покупать и арендовать землю, а также быть землепользователями вне пригородов городов и штетлей в пределах черты оседлости. Они не могли даже приобретать землю для кладбища. Так же, как и в случае с воинской службой, евреев обвиняли в том, что они, мол, не желают обрабатывать землю, но на практике существующие порядки делали это просто невозможным, что и погубило немногочисленные еврейские сельскохозяйственные колонии, которые были созданы. Более того, боязнь, что евреи смогут обходить законы о землевладении, привлекая к своим сделкам третью сторону, вызвала к жизни массу дополнительных положений касательно партнерства и акционерных обществ. В результате многие компании стали исключать евреев даже из числа акционеров, и этот факт стал специально отображаться на акциях. Закон не допускал евреев в горную промышленность, и целый ряд положений был направлен на то, чтобы не допустить их к каким-либо сделкам с золотом, нефтью, углем и другими минералами.

После законов о проживании наиболее ненавистными для евреев были антисемитские законы об образовании. Евреи совершенно не допускались в такие высшие учебные заведения, как Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров, Военно-медицинская

академия, Санкт-Петербургский электротехнический институт, Московская сельскохозяйственная академия, Санкт-Петербургское театральное училище, Харьковский ветеринарный институт и различные горные институты. Их допуск в средние учебные заведения определялся системой квот, или *numerus clausus*. Они могли занимать там до 10% мест в пределах черты, до 5% – вне ее и всего 3% – в Москве и Санкт-Петербурге. 25 тысячам школ *чедарим* с 300 тысячами учеников было запрещено учить русскому языку, чтобы не дать детям получить законченное среднее образование. В результате этих мер число евреев в средних школах катастрофически падало; родители, отчаянно борющиеся за то, чтобы их дети получили образование, зачастую подкупали школьных директоров-неевреев, у которых на этот счет существовала определенная такса.

Антиеврейские законы царской России блистательно способствовали коррумпированию всех элементов государственной службы. Они представляли собой любопытный мост между прошлым и будущим, связывавший средневековые гетто с советским рабским государством. Что им не удалось сделать, так это «решить» еврейский вопрос. Фактически, радикально настраивая евреев, они в конце концов, если так можно выразиться, решили царский вопрос. Несмотря на все ограничения, часть евреев продолжала процветать. Дискриминация базировалась на чисто религиозном основании, и, окрестившись, евреи могли ее полностью обойти – по крайней мере, теоретически. Например, в российском музыкальном мире Антон Рубинштейн (1829—1894) и его брат Николай (1835—1881), дети крещеных родителей, много лет возглавляли Петербургскую и Московскую консерватории и господствовали на музыкальной сцене во время великой эпохи русской симфонии и оперы. Даже некрещеные евреи ухитрились процветать в быстро развивающейся экономике, занимая сильные позиции в пивоварении, табачной, кожевенной и текстильной промышленности, переработке зерна, банковском деле, кораблестроении, железнодорожном хозяйстве и, несмотря на запреты, в нефтяной и горнодобывающей промышленности.

В то же время правительственные акты не сделали ничего, чтобы сократить антисемитизм. Как раз наоборот. В то время, как крещеные и ловкие евреи неплохо устраивались, закон разорял и криминализировал других, так что этнические русские в конце концов и завидовали этой нации, и презирали ее, обвиняя евреев одновременно в том, что они и надушенные и грязные, богатеи и нищие, жадные и голодные, хитроумные и глупые, бесполезные и слишком «полезные». Чего только не было намешано в русском антисемитизме! Царский режим преследовал и другие национальные меньшинства, кроме евреев, но при этом он весьма успешно срастал их друг с другом, особенно возбуждая поляков, литовцев, украинцев и казаков против евреев. Фактически в это время Россия – единственная страна в Европе, где антисемитизм был официальной политикой правительства. Он приобретал разнообразнейшие формы – от организации погромов до издания фальсифицированных «*Протоколов сионских мудрецов*».

Целью правительства являлось как можно более быстрое и резкое сокращение еврейского населения. Некоторое представление о менталитете царского режима можно получить из дневников Теодора Герцля, который беседовал в 1903 году с рядом министров в Санкт-Петербурге, чтобы заручиться поддержкой своей сионистской программы. Министр финансов, граф Сергей Витте, по царским стандартам – либерал, говорил ему: «Следует признать, что евреи дают достаточно оснований для враждебности. Разумеется, вокруг них существует определенное предубеждение. Большинство евреев бедны и, будучи бедными, производят грязное и отталкивающее впечатление. Они замешаны в целом ряде нечистошлотных дел, от сутенерства до ростовщичества. То есть, как Вы понимаете, друзьям евреев нелегко их защищать. Тем не менее, я – друг евреев».

Герцль так комментировал это заявление: «Ежели так, то, конечно, нам не надо врагов». Витте жаловался на то, что многие евреи участвуют в революционном движении. Герцль: «И чему Вы это приписываете?» Витте: «Я думаю, ошибкам нашего правительства. Евреи слишком угнетены. Я говорил покойному царю, Александру III: «Ваше Величество,

если бы было возможно утопить шесть-семь миллионов евреев в Черном море, то я бы это с готовностью поддержал. Но, раз это невозможно, нужно дать им жить». Ну, и чего Вы хотите от российского правительства?» Герцль: «Определенного поощрения». Витте: «Но ведь евреев и так поощряют – эмигрировать. Пинком в зад, например».

Первый современный погром в России произошел в 1871 году в Одессе. Он был инспирирован главным образом греческими торговцами. В основе большинства беспорядков 1870-х годов лежал этнический момент, и в своем антисемитизме были особенно усердны славянские националисты. Однако после убийства Александра II в 1881 году ведущая роль перешла к государству, и «пинки в зад» стали следовать один за другим. Основные погромы, которые начались 29 апреля 1881 года, были частично инспирированы, а то и организованы министром внутренних дел Игнатьевым, славянофилом-энтузиастом; на остальные он смотрел сквозь пальцы. Они охватили свыше ста населенных пунктов, длились почти год; в ряде случаев в них принимали участие огромные толпы. В этой истории оказалось замешанным не только правительство, но и полиция, и бесчисленные этнические группы. Участвовали и крайние левые. Революционная партия «Народная воля» призвала украинцев убивать евреев в августе 1881 года под лозунгом: «Вставайте против панско-жидовского царя!» Великие либеральные писатели вроде Тургенева и Толстого отмалчивались. За погромами последовало антисемитское законодательство, так называемые майские законы. При этом погромы использовались, чтобы оправдать законодательство. Аргументация была такая: нападения толпы на евреев хотя и достойны сами по себе осуждения, указывают на степень народного возмущения этим антиобщественным меньшинством, а потому его деятельность следует ограничить. Разумеется, первичное возмущение толпы и потакание ее действиям исходили от правительства, которое преследовало цель укрепить свою тающую популярность, нападая на слабых. Впоследствии нацисты пользовались такой же методикой, используя вспышку насилия как предлог для изменения законов. В последующие 30 лет с 1881 по 1911 год антиеврейские действия развивались по следующему расписанию: 1882 год – майские законы; 1886—1889 годы – ограничения на право евреев заниматься определенными профессиями и сокращение территории за чертой оседлости; 1891 год – высылка свыше 10 000 евреев из Москвы; 1893—1895 годы – огромная высылка из районов, находящихся вне черты; 1894—1896 годы – введение спиртовой монополии, экономическая катастрофа для евреев; начиная с 1903 года – серия зверских погромов, в ходе которых евреев не только грабили, но и убивали. В Кишиневе в 1905 году 50 евреев было убито и 500 ранено. В Одессе в том же году в ходе четырехдневного погрома было убито свыше 400 евреев. В Белостоке в погромах 1906 года принимали участие полиция и армия. В 1908—1911 годах происходили крупные высылки.

В результате начиная с 1881 года нарастающее давление на российских евреев привело к неизбежному результату – паническому бегству евреев из России на Запад. С учетом этого 1881 год можно считать важнейшим в истории евреев после 1648 года, пожалуй, даже после изгнания евреев из Испании в 1492 году. Последствия его были настолько широкими и даже фундаментальными, что этот год заслуживает того, чтобы считаться ключевым и в мировой истории. Первый большой бросок в эмиграцию приходится на 1881—1882 годы. После этого каждый год выезжало в среднем 50-60 тысяч евреев. После высылки из Москвы в 1891 году эмигрировало 110 тысяч евреев, в 1892 году – 137 тысяч. За год погромов (1905—1906) выехало свыше 200 тысяч. Исход, кстати, вовсе не ограничивался Россией. С 1881 по 1914 год более 350 тысяч евреев покинули австрийскую Галицию. Евреи бежали и из Румынии, где на них также оказывалось давление. Однако суммарное количество евреев в Восточной Европе при этом не уменьшилось. В 1914 году в России все еще проживало пять с половиной миллионов евреев, а на территории Австрийской империи – два с половиной. Фактически эмиграция унесла с собой естественный прирост населения, что-то около двух с половиной миллионов. Здесь мы сталкиваемся с двумя очень важными эффектами – для евреев и для всего мира. Рассмотрим их поподробнее.

Из этих эмигрантов свыше двух миллионов направились в Соединенные Штаты, и

наиболее очевидным и заметным последствием этого было возникновение в Америке массового городского еврейства. Это было абсолютно новое явление, которое со временем изменило весь баланс еврейского влияния и власти в мире, причем произошло это внезапно. Первоначально еврейское население в Америке было малочисленно и увеличивалось медленно. Так, в 1820 году в Соединенных Штатах было всего около 4000 евреев, причем политически их признавали лишь 7 штатов из 13. Медленный рост общины понять трудно. Как мы видели, на пути продвижения евреев существовало немного юридических барьеров. В Северной Каролине на общественные должности не допускались непротестанты, и в 1809 году еврей Джейкоб Генри выступил с речью, которая стала знаменитой, где отстаивал свое неотъемлемое право заседать в Палате Общин (так в оригинале. – *прим. пер.*) своего штата, и Палата стала на его сторону. В Мериленде существовал запрет на государственную службу и юридическую практику для нехристиан. Начиная с 1797 года другой еврей, Соломон Эттинг, систематически вел кампанию за снятие этого барьера. В 1826 году он наконец преуспел в этом и был немедленно избран в Городской Совет Балтимора. Был еще некий конфликт, связанный с проблемой «Шабат или Воскресенье?» В 1816 году некий Абрахам Вульф был осужден в Пенсильвании за то, что «организовывал мирскую работу и трудился в День Господень, именуемый обычно Воскресеньем»; он подал апелляцию, но безуспешно. Впрочем, все это были мелочи по сравнению с фундаментальными проблемами и вопиющими несправедливостями, которые преследовали евреев в Старом Свете. Освящая новую синагогу в г. Саванна, штат Джорджия, в 1820 году, врач Джейкоб де ла Мотта провозгласил в благодарственной молитве: «В какой еще точке на обитаемом нами Шаре жизнь израильянина более благословенна, более привилегированна, более возвышенна и достойна?... Нужен ли еще более очевидный повод для ликования?»

В победном для Эттиша 1826 году в Америке было 6000 евреев; в 1840 году, когда приключилась Дамасская история, – 15 000; накануне Гражданской войны – 150 000. Старые поселения вроде Ньюпорта или Норфолка при этом не росли. Еврей-иммигранты, среди которых преобладали немецкоязычные пришельцы из Баварии, Северной Германии, а также Польши, Богемии и Венгрии, были небогаты, дисциплинированны и трудолюбивы; многие начинали уличными торговцами, а затем заводили свои магазинчики или какое-нибудь еще дело. Они оседали в Олбени, Сиракьюзе, Буффало и Рочестере в штате Нью-Йорк; в Чикаго и Детройте, Кливленде и Мильвоки. Некоторое время Цинциннати занимал по еврейскому населению второе место после Нью-Йорка. Еврейскими центрами притяжения стали также Сент-Луис, Миннеаполис, Луисвилль и Нью-Орлеан. Во время «Золотой лихорадки» 1840-х годов около 10 000 евреев направились в Калифорнию. Перед Гражданской войной еврейское население Нью-Йорка достигало 40 000, следом шла Филадельфия. Верным признаком того, что евреи чувствовали себя в Америке в безопасности, было то, что их общины активно приглашали к себе новых членов. Эмигрантов подстрекали зажигательные письма от родственников, устные рассказы, а также истории об успехах, которые печатали евреи в местных немецких газетах. Так, бамбергская газета «*Das Fullhorn*» писала в 1836 году:

«Нежный еврей-пекарь из Баварии, который страстно желал найти работу и трудиться, десять лет колесил по Германии и соседним странам, но находил работу лишь изредка и с трудом добывал себе пропитание, перебрался прошлым летом в Северную Америку. Теперь он пишет домой родителям, что сразу по приезде он устроился на работу в пекарне в Питерсбурге и теперь получает 40 флоринов в месяц, не считая бесплатного питания, стирки и жилья. Что за благословенная земля свободы и процветания!»

В Америке евреи обнаружили, что могут без труда приспособиться к новому образу жизни. Подобно американским протестантам, они стали жить конгрегацией, создавая множество синагог, которые отвечали бы разнообразным религиозным вкусам. Они обрели самосознание во время кампании протеста по поводу событий в Дамаске, которая впервые сплотила их в национальном масштабе. В то же время в большинстве своем они продолжали жить кто как хочет. Подобно другим этническим или религиозным группам, они

организовали некоторое количество утопических сельскохозяйственных коммун. Как и в других группах, у них бывали свои пионеры и эксцентрики. Один капитан-американец жаловался Вашингтонским властям на вице-консула в Сент-Томасе, и его письмо заканчивалось словами: «Р. С. Этот Н. Леви – еврей, а живет с черной женщиной и часто прогуливается с ней рука об руку по улицам, чем вызывает чувство унижения у всех американцев, которые вынуждены это наблюдать»; консула Леви после этого не сняли.

Но, пожалуй, более интересна история Мордекай Ноя, первого еврея, который имел дипломатический статус. В 1815 году Джеймс Монро сместил его с поста американского консула в Тунисе на том основании, что «религия, которую Вы отправляете, является препятствием к исполнению Вами консульских обязанностей». Ной не смирился с этим решением и написал по этому поводу памфлет. Это, пожалуй, была первая выдающаяся фигура среди американских евреев. Сто лет спустя он наверняка стал бы героем кино. Родился в 1785 году в Филадельфии в семье разорившегося уличного торговца. Был последовательно балетных дел мастером, клерком в казначействе, политиком, редактором «*City-Gazette*» в Чарльстоне; после неприятностей в Тунисе, где его обвинили в нецелевом использовании средств, побывал редактором нью-йоркского издания «*Нейшнл-Эдвокейт*», шерифом Нью-Йорка и, наконец, с 1824 года – боссом демократической партии.

Год спустя он объявил о программе создания «Города – пристанища для евреев» на острове в русле реки Ниагара напротив Буффало. С просьбой поддержать проект он обратился к Ротшильдам и другим еврейским банкирам, раввинам и главным раввинам всего мира и предложил, чтобы «казначей различных конгрегаций» собирали на эту цель со всех евреев мира «подушный налог в размере трех шекелей серебром в год, или одного испанского доллара». Он объявил, что это новое поселение, «Коммерческий Город», принесет евреям со всего света «мир, комфорт и счастье, которого они были в прошлые века лишены в результате нетерпимости и неправильного руководства». В их число он включал «караитов и евреев Самарии вместе с черными евреями Индии и Африки, равно как и из Кохинхимы, Китая и секты Малабарского берега»; к этому он добавлял: «Индийцы Американского континента... будучи, по всей видимости, потомками пропавших племен Израиля, плененных царем Ассирии, будут всячески просвещаться касательно условий их существования, чтобы впоследствии они могли объединиться со своими братьями – избранным народом». Ной носил шелковую мантию и золотую цепь на шее; себя он именовал «гражданином Соединенных Штатов, бывшим консулом упомянутого государства в городе и королевстве Тунис, Верховным Шерифом Нью-Йорка, Советником юриспруденции и, милостью Божьей, Губернатором и Судьей Израиля». Редакторы конкурирующих газет и еврейская пресса в Европе насмеялись над ним, из программы его ничего не вышло. Впрочем, в дальнейшем еще он создал партию исконных американцев (ставшую предшественником Агностиков), организовал еврейские протесты против зверств в Дамаске и поддерживал восстание в Техасе в 1836 году. Закончил свой путь он на посту судьи.

Характерной американской особенностью евреев-поселенцев было разнообразие их подходов к различным проблемам. Ной, к примеру, был северянином-аболиционистом. На Юге же евреи были южанами и рабовладельцами. Некий Джейкоб Джейкобс, аукционист из Чарльстона, так писал в своем завещании: «Настоящим я отдаю и завещаю своей упомянутой и нежно любимой жене Кэти Джейкобс на протяжении ее вдовства, но не более, моих негритянских и иных рабов по имени Тоби, Сципион, Джек, Дженни с тремя ее детьми Питером, Джоном и Евой, и Флору с двумя детьми Рэчел и Люси, а также всех иных рабов, коими я буду владеть на момент моей смерти». Еврей-южанин, чья вера и честь были оскорблены, по-южному на это и реагировал. В 1832 году Филип Минис из видной еврейской семьи, проживавшей в Саванне, был оскорблен в баре «Ладдингтонс» членом законодательного собрания Джорджии Джеймсом Дж. Старком, который обозвал его «проклятым евреем», «проклятым израильянином» и добавил, что «на него следует

помочиться». Была попытка переговоров с целью добиться извинения, затем обсуждалась возможность дуэли, и в конце концов Минис застрелил Старка в баре отеля «Сити», когда тот выхватил пистолет. Миниса судили по обвинению в убийстве, но оправдали – к радости южан-дуэлянтов.

Учитывая местный патриотизм, который испытывали американские евреи к конкретному пейзажу своего обитания, неудивительно, что во время Гражданской войны они претерпели раскол вместе со всей американской нацией – по штатам. Около 7000 евреев служили в армии Севера, 3000 – Юга. Если они и проявляли общинную солидарность (а это случалось нечасто), то в ответ на угрозу ущемления их общих прав. Известен случай, когда во время войны, 17 декабря 1862 года, генерал Улисс С. Грант издал в Теннесси приказ, который гласил: «Евреи же, как класс, нарушающий все правила, установленные Государственным Казначейством, а также изданные по нему приказы, настоящим увольняются из этого учреждения». Последовала немедленная и всеобъемлющая реакция бурного протеста, причем не только со стороны евреев; по указанию Линкольна Грант аннулировал свой приказ уже 6 января 1863 года.

В эти годы американское еврейство питалось настроениями германо-еврейского просвещения. Оно было либеральным, оптимистичным, трезвым, рациональным, патриотичным, скромным и весьма уважаемым. Еврейские иммигранты, как правило, говорили по-английски с немецким акцентом, но уже их дети, которые ходили в бесплатную среднюю школу (а по воскресеньям – в еврейскую), ничем в этом смысле от соседей не отличались. С 1840-х годов в Америке стал быстро распространяться реформированный иудаизм, чему содействовали усилия таких прогрессивных раввинов, как Дэвид Эйнхорн, Самьюэл Гирш, Исаак Майер Вайз и Самьюэл Адлер. Видные американские евреи не проявляли интереса к сионистскому мессианству; по их мнению, путь к искуплению лежал через распространение этического монотеизма в мире. Такова была преобладающая направленность в американских религиозных устремлениях. Однако было и более консервативное направление, особенно в Филадельфии, которая, пожалуй, стала ведущим центром иудаизма. Там раввин Исаак Лезер (1806—1868), родом из Вестфалии, человек невероятно энергичный, издал первый еврейский перевод Библии на английский язык, завершил перевод на английский молитвенников ашкенази и сефардов, основал первую успешную еврейскую газету «*Оксидент*» (1843), а позднее и первое в Америке Общество еврейских публикаций, а также выпустил массу учебников для школ, где обучались дети американских евреев. Однако во время «немецкого» периода среди американских евреев стал все же преобладать реформированный иудаизм.

Реформированный иудаизм больше всего привлекал удачливых бизнесменов, которые становились все более заметными фигурами на американской сцене. Таких, как банкир Джозеф Зелигман (1820—1880), которому президент Грант предложил возглавить Казначейство, и Джейкоб Генри Шиф (1847—1920), который в 1885 году стал во главе фирмы «Кун, Леб энд Компани». Как и в Тридцатилетнюю войну и в Наполеоновские войны, Гражданская война выявила организаторские и финансовые таланты многих еврейских банкиров, подрядчиков и поставщиков обмундирования. С 1860-х годов евреи стали мощной силой в американском бизнесе, особенно в Нью-Йорке. Широкая благотворительная деятельность дала иудаизму мощную структурную опору, причем с неизбежной и сильной либеральной ориентацией. В 1873 году возник Союз американских еврейских конгрегаций, двумя годами позже – Колледж еврейского союза, в 1889 году – Центральная конференция американских раввинов. Питтсбургская платформа (1885), разработанная раввином Кауфманом Колером, отвергавшая все законы Торы, «которые не отвечают взглядам и привычкам современной цивилизации», была стандартным кредо реформированного иудаизма вплоть до 1937 года. Она отвергала старые правила относительно диеты, чистоты и одежды, утверждала, что евреи «уже больше не нация, а религиозное сообщество», отрицала воскресение, небеса и ад, отвергала возврат на Сион и представляла мессианство как борьбу за истину, справедливость и правоту в современном обществе, в котором оно сможет идти

рука об руку с другими религиями и людьми доброй воли.

В результате к началу великой эмиграции казалось, что американское еврейство просто обречено на то, чтобы быть одной из нитей драгоценной ткани религиозности Нового Света, неприметно растворяющейся в общем узоре. Однако паника, начавшаяся в связи с бедами 1881 года, необратимо изменила ситуацию. За десятилетие с 1881 по 1892 год евреи прибывали в США в среднем по 19 000 в год; в 1892—1903 годах цифра подскочила до 37 000 в год; а в 1903—1914 годах она вообще достигла 76 000. Между этими двумя миллионами евреев-беженцев и четвертью миллиона крепко стоящих на ногах реформистски настроенных, сильно американизированных «приличных» евреев, которые приветствовали их, было очень мало общего. Первые в большинстве своем говорили на идише, были ортодоксами или хасидами, безумно напуганными, полными суеверий и отчаянно бедными людьми. И тут американское еврейство впервые ощутило страх перед вновь прибывающими, особенно в таких невероятных количествах. Они справедливо рассудили, что в таких условиях неизбежна вспышка антисемитизма.

До этого времени для преимущественно протестантской Америки, как ранее Англии, были характерны противоречия не столько с евреями, сколько с папистами. Но после Гражданской войны, когда стали считать, что евреи на ней наживаются, проявления антисемитизма стали более заметными. В 1876 году один из отелей на побережье в Нью-Джерси открыто объявил в газетах, что не будет пускать к себе евреев. На следующий год самому Джозефу Зелигману отказали в размещении в лучшем отеле курорта Саратога. Тогда еврей-бизнесмены купили несколько отелей в Саратоге, в результате чего вокруг Нью-Йорка курортные отели оказались разделенными на те, что пускают, и те, что не пускают евреев. Система стала распространяться на масонские ложи и загородные клубы, а ряд школ и колледжей начали вводить у себя численные квоты на российский манер.

Массовое прибытие бедных евреев-ашкенази в Нью-Йорк, естественно, подпитывало рост этой новой антисемитской субкультуры. Но, что несравнимо более важно, иммигранты вдохнули новую жизнь в американское еврейство. Они преобразовали эту структуру, сползавшую необратимо в нееврейство и в этом смысле обреченную, в абсолютно новое живое существо – в свободный народ, возвращенный в терпимой республике, но кричащий о своей вере и природе со всех крыш города, который превратился в величайшую в мире метрополию евреев. Здесь возник подлинный Город-Прибежище; более того, здесь возникло ядро будущей силы, которая со временем будет действовать на мировой арене от лица всех евреев.

Богатые нью-йоркские евреи не сразу осознали возможности, которые создавал массовый исход из Европы. В то же время они не воспринимали его и как часть плана Провидения, что позволило бы превратить трагедию в триумф – подобно резне 1648 года. Справедливости ради надо отметить, что свое неудовольствие они держали при себе и старались сделать все, чтобы приветствовать и принять массы, нахлынувшие с Востока. Некоторые были гостеприимнее других. Среди тех, кто работал на Агентство помощи еврейским иммигрантам, организованное на острове Уорд, была молодая поэтесса Эмма Лазарус (1849—1887). Ее талант был открыт и взлелеян Эмерсон. Эмма Лазарус прямо пылала романтической тягой к еврейской культуре, древней и современной. Она переводила великого поэта средневековья Иуду Халеви. Она переводила Гейне. Она приветствовала трогательные стихи Лонгфелло на Ньюпортском кладбище, но была не согласна с завершающими строками насчет того, что мертвым нациям не подняться вновь. Неправда! Евреи воспрянут! Она происходила из старинной и богатой семьи сефардов, но в бедных евреях-ашкенази, которые лезли со своими узлами в Америку, она видела зародыши будущей армии, которая воссоздаст Иерусалим в Америке или в Израиле – а может быть, и там и там. Она защищала их от антисемитской клеветы в журнале *«Нью-Сенчури»* (1882). Она поняла, может быть, лучше всех своих американских современников истинное значение Американской Идеи и американской действительности для преследуемых бедняков из Европы. Когда при входе в Нью-Йоркскую бухту вознеслась статуя Свободы, ее сонет

«Новый колосс» вложил в уста Свободы бессмертные слова:

Пришли ко мне своих усталых толпы,
Тех, что, как мусор, на берегах твоих.
Пусть бедный, невезучий и бездомный,
Мечтающий вдохнуть глоток свободы
Придет на свет у врат моих златых.

Особенно хорошо Эмма Лазарус понимала значение Америки для мирового еврейства. Может статься, со временем эти толпы поднимутся, окрепнут и протянут свою мощную руку из Нового Света в Старый? Ее стихотворение «Знамя еврея» – сионистское. Ее «Послание евреям» (1882—1883) провидит возрождение еврейской цивилизации через взаимодействие Америки и Священной Земли. В несчастных еврейкахенази, которые, как отбросы, скапливались в трущобах Нью-Йорка, она видела и жизнь и надежду.

Чего-чего, а жизни там хватало. Когда вновь прибывающие затопили Нью-Йорк, модные синагоги типа германских переместились вверх, на Манхеттен. Беженцы скапливались в Нижнем Ист-Сайде на полутора квадратных милях, зажатых между Бауэри, Третьей Авеню, Кэтринстрит, 14-й улицей и Ист-Ривер. Здесь к 1910 году 540 000 евреев оказались втиснутыми в многоквартирные дома Дамббелл-Тениментс, форма которых определялась муниципальным постановлением 1879 года, требовавшим наличия вентиляционных шахт. Эти дома были пяти-восьмиэтажными, шириной 8 метров, глубиной – 30; на каждом этаже имелось по 14 комнат, лишь одна из которых имела естественное освещение. Сердцем нью-йоркского еврейства был сверхплотный Десятый район, где 74 401 человек жили в 1196 помещениях сорока шести корпусов (1893). Таким образом, плотность населения здесь достигала 1750 человек на гектар. Здесь закладывались основы швейного промысла, которым было занято большинство иммигрантов; они кроили и шили готовую одежду по 70 часов в неделю по 12 человек в комнате. Уже к 1888 году из 241 швейной фирмы Нью-Йорка 234 были еврейскими. К 1913 году швейная отрасль стала самой развитой в Нью-Йорке, на ее 16 552 фабриках (почти все – еврейские) работало 312 245 человек.

Было ли это производство потогонным? Да, было. Но оно было одновременно и великим двигателем вертикальной мобильности. Беженцы прибывали испуганными и покорными. Выходившая на идише газета писала в 1884 году: «В благотворительных организациях нашей немецко-еврейской аристократии вас встречают красивые офисы и столы, все украшено, но лица строгие и суровые. Каждого бедняка допрашивают, как преступника, смотрят на него сверху вниз. Каждый бедолага страдает от унижения и дрожит как лист – как будто он стоит перед русским чиновником». Двадцать лет спустя духа покорности как не бывало. Возникло еврейское профсоюзное движение, которое утвердило свои права четырьмя серьезными забастовками. Своими швейными иглами восточные евреи проложили себе путь к независимости и уважению. Средняя продолжительность пребывания еврейских иммигрантов в Нижнем Ист-Сайде не превышала 15 лет. Затем они перебирались в Гарлем (некогда квартал богатых немецких евреев), потом в Бронкс и Вашингтон-Хайтс, затем в Кони-Айленд, Флэтсбуш, БороПарк и Истерн-Парквей. Их дети учились в колледжах и университетах; многие становились врачами и адвокатами. Другие – сначала мелкими, а затем и крупными бизнесменами. По всей Америке бывшие уличные торговцы-евреи создавали свои фирмы «Товары – почтой», классическим примером которых являлась «Сирс, Роэбук» Джулиуса Розенвальда. В Нью-Йорке евреи перебирались из магазинчиков и мастерских в крупные универсальные магазины. На семью Бенджамина Блумингдейла из Баварии, открывшего в 1872 году галантерейную лавку, в 1888 году в их магазине на Ист-Сайде работали 1000 служащих; на братьев Альтман – 1600. Исидор и Натан Штраус перекупили Р. Х. Мейси. Другие семьи создали торговые дома Гимбельс, Штернс и в Бруклине Абрахам и Штраус. В начале 1900-х годов Нью-Йорк, где на идише говорил

миллион человек, стал центром самой мощной в мире прессы на идише с ежедневным тиражом 600 000. Здесь доминировали четыре издания: «*Вархайт*» (радикально-националистическое), «*Джуиш Морнинг Джорнел*» (ортодоксально-консервативное), «*Форвард*» (социалистическое) и «*Тагеблат*» (ортодоксально-сионистское). Вскоре евреи стали доминировать в Нью-Йорке и в области английского печатного слова. Артур Хейс Сульцбергер и Артур Охс издавали «*Нью-Йорк Таймс*», Дороти Шиф и Дж. Дэвид Штерн – «*Нью-Йорк Пост*». Со временем возникли и великие еврейские издательства: Хорейс Ливерайт создал «*Ливерайт энд Бони*», Джордж Оппенгейм и Гарольд Гинзбург – «*Викинг-Пресс*», Ричард Лео Саймон и Линкольн Шустер – «*Саймон энд Шустер*», Беннет Серф – «*Рэндом-Хаус*», а Альфред Кнопф – «*Альфред А. Кнопф*». К этому времени на Манхэттене и Бронксе проживало по 600 000 евреев. В Бронксе евреи составляли 38% населения, во всем Нью-Йорке – 29% и являлись самой крупной этнической группой. Со своими 1 640 000 евреев (1920) Нью-Йорк был заведомо самым еврейским (и идишеязычным) городом на земле. Если в 1880 году американское еврейство составляло чуть больше четверти миллиона при населении страны 50 миллионов, то через 40 лет его численность выросла в 18 раз и достигла 4,5 миллиона (при общем населении 115 миллионов).

Такого размера человеческая общность не могла просто раствориться в американском котле. Она была квинтэссенцией и суммой мирового еврейства, и в рядах ее состояли самые страстные выразители идей иудаизма в его наиболее строгой форме. В 1880 году 90% из более чем 200 американских синагог имели реформистский толк. Однако их преобладание становилось все более шатким по мере того, как вновь прибывающие стали заставлять считаться с их голосом и силой. Примечательное событие случилось в 1883 году на обеде в честь первого выпуска в колледже еврейского союза, главной раввинской семинарии, контролируемой реформистами. Были поданы креветки и другие некошерные блюда. Поднялся шум, и целый ряд видных раввинов покинул помещение в гневе и отвращении. Вслед за этим началась быстрая перегруппировка американского еврейства. В 1886 году консерваторы организовали свою Еврейскую богословскую семинарию. Ортодоксы также сформировали собственную организационную структуру. Даже в 1890 году в США из 533 конгрегаций 316 были ортодоксальными. Через некоторое время, когда структура в целом расширилась втрое, консервативное крыло вышло на первое место, ортодоксальное заняло второе, а реформистское – лишь третье. К 1910 году в Америке можно было наблюдать самые разнообразные направления иудаизма. В более богатых реформистских синагогах проповедники выступали в одеяниях англиканского стиля, служба шла на английском языке, кругом удобная мебель, хор, орган... Раввин Иуда Магнес из модного Храма Эману-Эль гордо рассказывал в этом году своей конгрегации в Нью-Йорке: «Видный адвокат-христианин из другого города говорил мне, что попал в это здание в начале службы утром в воскресенье и понял, что находится в синагоге, лишь по случайному замечанию проповедника». В то же время в пределах пяти миль можно было познакомиться с еврейской конгрегацией, где махарал Праги Бааль Шем Тов или виленский гаон чувствовали бы себя, как дома. К этому времени американское еврейство представляло все направления светского иудаизма. Оно еще не находилось в таком состоянии, чтобы преобладающее число его представителей солидаризировалось с определенным (и общим для них) направлением, не говоря о том, чтобы нацелить на него мировое еврейство. Однако оно становилось все более организованным. В 1906 году был организован Американский еврейский комитет. Движение набирало численную, финансовую, экономическую и, главное, политическую силу, и, если большинство евреев мира достигло бы консенсуса относительно своего будущего, оно смогло бы оказать им мощную поддержку. Все это явилось прямым последствием трагедии 1881 года.

Были, впрочем, и другие последствия. Выглядело все это так, будто история медленно собирала все в большую разрезную картинку-головоломку, укладывая фрагменты один за другим. Первый фрагмент – массовое американское еврейство. Второй – сионистская идея.

События 1881 года подтолкнули развитие этой идеи. До российских погромов огромное большинство евреев связывало свое будущее с тем или иным вариантом ассимиляции. После них некоторые евреи стали искать возможную альтернативу. Ось еврейских размышлений заколебалась. Они стали менее оптимистичными и уверенными, но более неустойчивыми, а потому и более ищущими и творческими. Российские ужасы заставили евреев задуматься: нельзя ли на практике построить такую идеальную общину, где евреи находились бы не просто в безопасности, чтобы их там не просто терпели, но приветствовали; чтобы они чувствовали себя там как дома; чтобы в этом месте хозяевами были бы именно они, а не кто-либо другой? Разумеется, сионизм был не нов. Более того, он был стар, как вавилонское изгнание. И не от псалмопевца ли можно было услышать: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе?» В течение полутора тысяч лет, в каждом поколении евреев, в каждой еврейской общине разве не было хотя бы одного-двух человек, мечтавших о Сионе? Некоторые персонально воплотили эту мечту в жизнь, отправившись туда: кто в Тивернаду, кто в Зафед, кто в сам Сион. Другие размышляли, как бы образовать небольшие конгрегации или колонии. Однако все это были религиозные сионисты. Тем или иным способом они надеялись инициировать мессианскую акцию. Такая идея овладела, например, германским раввином Зеви Гиршем Калишером (1795—1874), который в 1836 году обратился к франкфуртским Ротшильдам с просьбой о финансовых средствах, которые дали бы возможность выкупить Эрец Израэль или, по крайней мере, Иерусалим у Мохаммеда Али, чтобы начать процесс собирания. В 1840 году, после того как сэру Мозесу Монтефьоре и Адольфу Кремье удалось спасти общину Дамаска, раввин Иуда Алкалай (1798—1878) из Землина, что вблизи Белграда, высказал мысль, что такая операция могла бы послужить моделью более широкомасштабного сплочения всемирного еврейства как национальной силы с модернизированным ивритом в качестве своего языка и Палестиной в качестве будущего царства мессии, которого он ждал чуть ли не с часу на час. Он пропагандировал свой план в множестве памфлетов и сам перебрался в Эрец Израэль, чтобы доказать искренность своих намерений.

Начиная с 1840-х годов о Сионе мечтали и секуляризаторы. Моисей Гесс (1812—1875) подобно Марксу перешел от гегельянства к социализму, но вскоре бездушный (как он считал) интернационализм коллектива, будь он в теоретическом варианте Маркса или в виде практических попыток Лассаля в Германии, оттолкнул его от себя. Подобно многим евреям, он стал искать свои корни в средневековье, но обретение им иудаизма имело облик скорее национализма, чем религии. Он стал приходить к выводу, что нация-государство есть естественный продукт исторического развития. Следовательно, просвещенные евреи, выступающие за полную ассимиляцию, предают сами себя. В 1859 году его воодушевил тот факт, что Италия, еще одна древняя нация, долго пребывавшая в раздробленном состоянии, вновь добилась воссоединения. Почему бы и евреям не организовать свое *risorgimento*? В своей великой книге «*Рим и Иерусалим*» Гесс ставит вопрос о еврейском национальном государстве. При этом можно было бы избежать, с одной стороны, эксцессов маскилей, которые рвались ассимилироваться до полного исчезновения, и с другой стороны, подхода ортодоксов, желавших игнорировать весь окружающий мир. Это дало бы возможность евреям, опираясь на созданное ими государство, преодолевая предрассудки христианства и ориентализм ислама, реализовать на практике еврейскую идею и быть политическим маяком для неевреев. Одновременно это позволило бы им добиться собственного освобождения, причем не по Марксу, чьи негативистские предложения сводились к тому, чтобы разрушить традиционные экономические функции, а позитивным актом создания идеального государства.

Однако все эти сионистские идеи – а было и много других – предполагали некий вариант поселения в Иерусалиме и вокруг него. Даже Мордекай Ной в конце концов вернулся к тому, что его идеальная еврейская община должна все-таки располагаться ближе к берегам Иордана, чем Ниагары. Евреи периодически мигрировали в Палестину в небольших количествах. Но даже Алкалаю не удалось создать колонию. А без

первоначального процесса колонизации каким образом мог бы возникнуть новый Сион, религиозный, светский или тот и другой? Размышляя о колонизации, евреи обращали свой мысленный взор к Британии. Она была великой колониальной державой XIX века, которая упорно двигалась к тому, чтобы подмять четвертую часть земной суши. Более того, Британии был очень близок еврейский идеализм, особенно в его сионистском варианте. Как мы видели, ее великий министр иностранных дел, лорд Пальмерстон, активно поддерживал умеренное заселение Палестины. Ее великий премьер-министр, Бенджамин Дизраэли, заглядывал еще дальше. Его роман *«Алрой»* описывает жгучее желание героя восстановить Иерусалим для евреев. Эта тема вновь возникает в еще более проеврейском романе *«Танкред»*. Конечно, от Дизраэли можно отмахнуться как от романтического сефарда с богатым воображением, который на самом деле преследовал вполне прагматичные цели британской политики. Но Дизраэли был вполне способен реализовать свои туманные видения. Скажем, превратил же он в Индии коммерческую компанию в сияющую империю. Правда, обычно он не афишировал свои сионистские схемы в их практическом варианте, но они были всегда с ним. В 1851 году он прогуливался по парку лорда Каррингтона в Хай-Уайкомбе со своим коллегой лордом Стэнли. Стэнли отмечает в своем дневнике: «День был холодный; однако, обычно очень чувствительный к погоде, он как будто забыл о термометре, когда энергично и открыто объяснял подробности своего плана, стоя рядом с посадками и время от времени вновь подчеркивая существо своих взглядов. [Палестина], по его словам, обладает комплексом природных возможностей, и все, что ей нужно, это труд и защита того, кто трудится; земли нужно будет выкупить у Турции; деньги найдутся; помогут Ротшильды и ведущие еврейские капиталисты; Турецкая империя разваливается; турецкое правительство за деньги сделает что угодно; все, что требуется, это организовать колонии с правом собственности на землю и гарантировать от враждебного отношения. Национальный вопрос может подождать, пока не будут решены перечисленные выше проблемы. Он добавил, что эти идеи с энтузиазмом рассматриваются [еврейской] нацией. Тот, кто претворит их в жизнь, будет новым мессией, истинным Спасителем своего народа».

Стэнли добавляет: «Хотя впоследствии я много раз видел его в состоянии раздражения или радостного возбуждения, этот случай был единственным, когда мне довелось наблюдать его во власти более сильных эмоций». Не исключено, что Дизраэли возвращался к этой идее на смертном одре. Рассказывали, что он умер, бормоча что-то на иврите.

В проеврейских и просионистских симпатиях Дизраэли не просто отражал свое национальное происхождение – он олицетворял филосемитскую трагедию англичан. В частности, английские писатели, воспитанные на Библии короля Иакова, глубоко интересовались еврейским прошлым, зачастую сопереживая их нынешним проблемам. Примером этого являются *«Еврейские мелодии»* Байрона. Было, разумеется, и постоянное искушение представить евреев в художественной литературе в виде неприятных или антиобщественных типажей. Этому соблазну поддался, например, Чарльз Диккенс в *«Оливере Твисте»*, который издавался выпусками в 1837—1838 годы, где на злого Фагина безоговорочно навешивается ярлык «еврей», хотя его сугубо еврейские качества совсем не очевидны. Среди лондонских евреев преступность была широко распространена, особенно в среде бедных ашкенази. Евреи были среди первых, отправленных в Австралию, и к 1852 году, когда эта практика прекратилась, оказалось, что их туда уехало не менее тысячи. Среди них был, в частности, Исаак («Айки») Соломонс, известный под кличкой «Князь Заборный». Предполагают, что у Диккенса образ Фагина списан именно с него. Но, кстати, Диккенс всегда горячо протестовал против обвинений в антисемитизме *«Оливера Твиста»*. Как будто специально, чтобы возразить им, в своей книге *«Наш общий друг»* (выпуски выходили в 1864—1865 годы) он рисует образ одного из своих наичистейших персонажей – мистера Райя, «деликатного еврея, в чьей нации чувство благодарности глубоко укоренилось».

Иногда неясно, действительно ли вымышленный персонаж задуман как воплощение еврея. В викторианские времена евреи часто изображались с грязными рыжими волосами, и

некоторые из наиболее отталкивающих действующих лиц действительно так и выглядят. Таков, например, Юрайя Хип в «*Дэвиде Копперфильде*» или преподобный Обадийя Слоуп в «*Башиях Барчестера*» Энтони Троллопа. Троллопа иногда критиковали за то, что он изображал «плохих» евреев. Он действительно не любил Дизраэли (который выведен в его политических романах как мистер Добни). Но ведь так же поступали и многие другие, включая Диккенса и Теккерея, причем необязательно по причинам расистского свойства; Дизраэли отвечал им взаимностью, изобразив и Диккенса и Теккерея карикатурным образом в своем последнем романе «*Эндимион*» (1881). Троллоп написал огромное количество романов, где изобразил невероятное множество иностранцев (и немудрено – он путешествовал больше всех романистов XIX века), но при внимательном чтении нельзя обнаружить у него какой-то систематической предубежденности против евреев. Мадам Макс Геслер, которая фигурирует в ряде его политических романов, дама в высшей степени достойная уважения. Антон Трендельзон в «*Нине Балатаке*» (1865) – другой симпатичный еврей у Троллопа. Даже карикатурный образ финансиста-жулика Огюста Мельмота не может быть назван еврейским. Особенность манеры Троллопа в том, что его прототипы не совсем очевидны. Но в данном случае прототип абсолютно ясен. Это Альберт Грант, урожденный Абрахам Готхаймер, сын уличного торговца. Родившись в 1831 году в Дублине, он стал впоследствии депутатом парламента от Киддерминстера, участвовал в реконструкции Лисестерсквер, был генеральным управляющим лондонских банков Креди Фонсье и Креди Мобилье, создавал мошеннические компании и умер банкротом в 1899 году.

История Мельмота имеет, однако, существенное значение, поскольку совпадает с неким водоразделом в отношении к евреям. До 1870-х годов образованные люди в Британии тяготели к филосемитизму. Но в течение этого десятилетия, которое характеризовалось общим экономическим спадом и многочисленными финансовыми банкротствами, тенденция несколько изменилась. Начиная с середины 70-х годов в сознании многих людей евреи стали ассоциироваться с крупными финансовыми аферами в Сити. Аналогичную тенденцию можно было наблюдать и на европейском континенте, особенно во Франции, Германии и Австрии, но там это можно было считать просто усилением существовавших антисемитских настроений. Для Британии же это было новым явлением, огорчавшим тех, кто симпатизировал евреям, и побуждавшим некоторых из них рассуждать о путях решения еврейского вопроса, как они его видели. Одним из таких людей был археолог сэр Чарльз Уоррен, который одним из первых раскапывал стену Иерусалимского храма. В 1875 году, том самом, когда появился Мельмот, Уоррен опубликовал книгу «*Земля обетованная, или Гарантия Турции*». К этому времени, в значительной степени благодаря британской поддержке, число евреев в Святой Земле медленно росло, достигнув в 1840-е годы 10-тысячной отметки. И Уоррен предложил, вполне в духе Дизраэли, создать британскую компанию с целью колонизации Палестины (взяв на себя взамен часть турецкого национального долга), «открыто заявляя о своем намерении постепенно заселить ее чистыми и простыми евреями, которые постепенно заняли бы страну и стали ею управлять». По мнению Уоррена, крупномасштабная финансовая и систематическая научная поддержка позволили бы впоследствии этой стране кормить 15 миллионов человек.

Весной того же года к голосу Уоррена присоединился еще один, причем гораздо более влиятельный, когда в журнале «*Блэквудз*» стал печататься с продолжениями роман Джордж Элиот «*Дэниэл Деронда*». Эту книгу в наше время почти не читают, да и тогда ее считали неудачей с художественной точки зрения. Однако с позиции практического результата она была, пожалуй, наиболее влиятельным романом XIX столетия. Это был еще один важный фрагмент сионистской разрезной головоломки, уложенный на место. Джордж Элиот страстно интересовалась евреями с тех пор, как в возрасте 17 лет прочитала Иосифа Флавия. Она проштудировала большое количество библейских комментариев и критических материалов. Ей принадлежат переводы «*Жизни Иисуса*» Штрауса и Спинозы. Антисемитские шутки вызывали у нее возмущение. Она не могла решить, чего больше во враждебности христиан по отношению к евреям: «нечестивости или глупости?» В 1866 году

она встретила с образованным евреем, Эммануэлем Дойчем, библиотекарем Британского музея, который только что напечатал знаменитую статью в «*Куотерли Ревью*», представляя Талмуд читателям-христианам с целью навести мост между двумя религиями. Он давал ей уроки иврита. В 1869 году он посетил Палестину и стал пламенным сионистом. «Восток! – писал он из Иерусалима, – все мои дикие желания наконец исполнились!» Дойч умер от рака. Во время его болезни Джордж Элиот часто посещала его и была захвачена его энтузиазмом. В начале 1870-х годов она начала интенсивно штудировать литературу и посещать синагоги с тем, чтобы написать еврейский роман. Она писала, что чувствовала «нестерпимое желание относиться к евреям с такой симпатией и пониманием, какие только могут позволить мое существо и познания... Мы, люди Запада, возвращенные в христианских традициях, находимся в особенном долгу перед евреями и, независимо от того, осознаем это или нет, связаны с ними неким товариществом, основанным на религиозных или моральных чувствах».

Работа по написанию и изданию этой книги, завершенная в 1876 году, была для нее колоссальным эмоциональным испытанием. Она заканчивала книгу «со слезами на глазах». Носитель морали книги, идеолог сионизма Мордекан, умирающий богослов, списан с Дойча: этот «человек, погруженный в бедность и окруженный невежеством, ослабленный болезнью, на сознание которого падает тень приближающейся смерти, интенсивно живет в невидимом прошлом и будущем». В уста Дойча-Мордека Джордж Элиот вкладывает выражение сионистских надежд: «То, что обретет Израиль, станет приобретением для мира. Ибо там, на Востоке, возникнет сообщество, в душе которого будет сокрыта культура и симпатии великих народов; это будет земля, где не будет места для вражды, нейтральная страна на Востоке, подобная Бельгии на Западе». Этот знаменитый отрывок приобрел в дальнейшем оттенок трагической иронии для поколения 1914 года и в еще большей степени – для нашего. Но в то время он выражал надежды, широко распространенные в среде проеврейской интеллигенции, на то, что возрождение Сиона умиротворит и сделает цивилизованным этот варварский регион. Эти надежды требовали также мессианской фигуры, как в «*Танкреде*». Такой фигурой в романе становится ее герой Дэниэль Деронда, на которого падает выбор Мордека. В конце книги Дэниэл женится на Мире и готовится к отъезду на Восток, чтобы «восстановить политическое существование моего народа, воссоздать его как нацию, дать ему национальный центр, какой имеют англичане, хотя и разбросаны тоже по всему земному шару».

Книга Джордж Элиот пользовалась огромным успехом в мире. Интеллектуалы уважали ее больше всех романистов XIX века, будь то на Континенте, в Северной Америке или в Британии. Для них всех, и в особенности для сотен тысяч ассимилированных евреев, эта история впервые рисовала возможность возвращения к Сиону. Среди тех немногих, кто не читал книгу, был Дизраэли. Когда его спросили, не читал ли он ее, то услышали в ответ: «Если я хочу прочитать роман, я пишу его». Но все остальные читали. В Нью-Йорке он радостно возбудил юную Эмму Лазарус. В статье «Сионизм», написанной для знаменитого 11-го издания «*Энциклопедии Британники*» (1911), Люсьен Вульф говорил, что роман «явился для еврейского национального духа сильнейшим стимулом со времен появления Шаббетаи Зеви». Особенно широко книгу читали в среде политиков. Для поколения Артура Бальфура, который первый раз встретился с Джордж Элиот в 1877 году, через год после издания книги, она явилась для него введением в еврейскую проблему. Но всем хотелось узнать: кто же будет настоящим Дэниэлем Деронда? Когда он появится? Это было подобно ожиданию мессии.

Настоящий Дэниэл Деронда появился 5 января 1895 года, на холодном дворе Парижской военной академии. Там происходило публичное разжалование капитана Альфреда Дрейфуса, единственного еврея, который служил в генеральном штабе французской армии и был обвинен, подвергнут суду и осужден – как потом выяснилось, по сфабрикованному обвинению – за передачу секретов немцам. Среди немногочисленных журналистов, кому разрешено было присутствовать на церемонии, был Теодор Герцль

(1860—1904), парижский корреспондент венской либеральной ежедневной газеты «*Neue Freie Presse*». За две недели до этого он был в зале суда и слышал, как Дрейфуса признали виновным. Теперь же он наблюдал, как Дрейфуса поставили перед генералом Даррасом, и тот вопил: «Альфред Дрейфус, вы недостойны носить оружие! Именем французского народа мы вас разжалуем!» Дрейфус немедленно громко ответил: «Солдаты! Разжалуют невинного! Солдаты! Невинного бесчестят! Да здравствует Франция, да здравствует армия!» Старший сержант срезал у Дрейфуса знаки различия и пуговицы. Взял его саблю и переломил о колено. Затем узника, продолжавшего кричать о своей невинности, провели вокруг всего двора. Его крики слышала огромная возбужденная толпа, ждавшая снаружи, которая стала свистеть и выкрикивать лозунги. Когда Герцль выходил из здания, начались крики: «Смерть Дрейфусу! Смерть евреям!» Меньше чем через 6 месяцев Герцль окончил рукопись книги, которая привела в движение современный сионизм и называлась «*Der Judenstaat*» («Еврейское государство»).

Дело Дрейфуса и обращение Герцля к сионизму свидетельствуют о важном этапе в еврейской истории. Это еще два фрагмента к той самой мозаике, и оба заслуживают того, чтобы рассмотреть их подробно. Впервые, дело Дрейфуса. Оно и названные им черные эмоции привели к решительному завершению эпохи иллюзий, когда ассимилированные евреи Запада оптимистично считали, что процесс их восприятия европейским обществом идет полным ходом и скоро будет завершен. В 1871 году Гретц окончил XI, и последний, том своей «*Истории еврейского народа*» на почти триумфальной ноте: «Будучи счастливее всех своих предшественников, я заканчиваю свою историю с радостным ощущением того, что в цивилизованном мире еврейское племя нашло, наконец, не только справедливость и свободу, но и определенное признание. Отныне оно обладает неограниченной свободой развивать свои таланты не по чьей-то милости, а по праву, обретенному тысячекратным страданием».

Нигде не было это чувство растущей безопасности сильнее, чем во Франции, где евреи пожинали плоды освобождения, принесенного революцией 1789 года. Количественно их было немного. По иронии судьбы, поражение Франции в 1870 году, которое стоило ей Эльзас-Лотарингии, лишило ее и самой большой, но наименее популярной колонии эльзасских говорящих по-немецки евреев-ашкенази. Во время дела Дрейфуса во Франции насчитывалось всего не свыше 86 000 евреев – из общего населения страны около 40 миллионов. Община управлялась финансируемой правительством Центральной консисторией, подчинявшейся Министерству культов, которое устанавливало правила выбора раввинов, устанавливало размеры их жалованья и участвовало в его выплате. Таким образом, во Франции иудаизм обладал рядом черт государственной религии, да и вел себя в том же ключе. В иудаистском молитвеннике была такая молитва за Францию: «Всемогущий защитник Израиля и человечества, если из всех религий наша для Тебя дороже всех, ибо она – дело рук Твоих, то из всех стран Франция – предмет Твоего предпочтения, ибо она наиболее Тебя достойна». Кончалась молитва словами: «Пусть же [Франция] не сохраняет этой монополии на терпимость и справедливость, монополии столь же унижительной для других стран, сколь славной для нее. Пусть она найдет много подражателей и так же, как она предлагает миру свои вкусы и свой язык, творения своей литературы и искусства, пусть она также предложит и свои принципы, которые, как совершенно очевидно, важнее и нужнее всего».

Когда Ж.–Х. Дрейфуса ставили Главным раввином Парижа в 1891 году, темой его проповеди были связи между «французским гением» и «основополагающим духом иудаизма», особенно «моральное родство между двумя нациями», причем французский народ «есть избранный народ нашего времени». Раввин Кан из Нима называл Французскую революцию «нашим бегством из Египта... нашей современной Пасхой». Раввин Герман из Реймса говорил, что Франция «избрана Им, чтобы определить судьбу человечества... чтобы распространить в мире великие и прекрасные идеи справедливости, равенства и братства, которые ранее были исключительным достоянием Израиля». Подобно реформированному иудаизму в Америке, французский иудаизм делал все, что в его власти, чтобы вписаться в

местный религиозный ландшафт. Раввины одевались почти как католические священники. Они даже рассматривали вопрос о том, не следует ли проводить службы шабата... в воскресенье. У них были церемонии для детей, очень похожие на крещение и первое причастие. Цветы на гроб, тарелки для сбора пожертвований, визиты к смертному одру, пение, орган, службы – во всем примером служила католическая практика. По некоторым оценкам, в стране было всего с полтысячи истинных ортодоксальных евреев.

Еврей-миряне сочетали обычно сдержанную позицию с елейным патриотизмом. Они энергично боролись за обладание всеми блестящими побрякушками, которые возможно получить в условиях французского государства: дЛЛегион. «Будучи французами по стране проживания и ее институтам, – писал Леон Халеви, – все [французские еврей] должны стать таковыми и по обычаям, и по языку... для них имя еврея должно стать вспомогательным, а француза – основным». «Пусть не будет ни евреев, ни христиан, – писал Эрнест Кремье-Фуа, – за исключением часа молитвы для тех, кто молится!» Джеймс Дармштетер, поднявшийся до уровня директора Высшей художественной школы, настаивал (в порядке благодарности), что израильская и французская культуры по сути своей одно и то же. Французская революция выражала идеологию иудаизма, и эти два избранных народа с их глубокой верой в прогресс откроют мессианскую эру, которая приобретет форму «земного триумфа человеческой справедливости». Такие люди доказывали, что антисемитизм есть чуждое явление, импортированное немцами, которое может во Франции носить исключительно поверхностный характер.

Это, увы, имело далекое отношение к действительности. XIX век стал веком расцвета псевдонаучных расовых теорий, и французы сыграли в нем полноценную роль. Верно, что немецкие филологи, исследуя происхождение языков, первыми стали проводить различия между арийскими, или индоевропейскими народами, чьи корни – в санскрите, и семитскими народами, чьи корни – в древнееврейской группе языков. Но именно французы популяризировали эти идеи, смешивая при этом понятия языка и расы. В 1853 году французский дипломат граф Жозеф де Гобино (1816—1882) издал свой знаменитый *«Очерк о неравенстве человеческих рас»*, где подчеркивал различие между арийским благородством и семитским (и латинским) вырождением. Книга стала учебником немецких антисемитов и оказала, в частности, огромное влияние на Рихарда Вагнера. Самоуверенный всезнайка Эрнст Ренан (1823—1892) сыграл такую же роль в отношении французов со своей книгой *«Общая история и система сравнения семитских языков»*, которая завоевала в 1847 году премию Вольнэ, и в еще большей степени *«Жизнь Иисуса»* (1863), книгой, пользовавшейся самым большим успехом во Франции в XIX веке, которую читали с самодовольством антиклерикалы и с чувством вины – католики. Он верил, что «семитская раса по сравнению с индоевропейской представляет более низкий уровень человеческой природы»; его портрет Иисуса, героя-гуманиста, полон драматизма именно потому, что «свободен почти от всех недостатков его расы... чьей характерной особенностью является, конечно, безграничная деликатность». Теория Ренана о еврейской расовой неполноценности была успешно соединена с теорией Гуссенеля относительно еврейских финансовых махинаций Эдуардом Дрюмоном, результатом чего явилась его увесистая книга в двух томах *«La France juive»* (1886, «Еврейская Франция»), блестяще написанное и сохраняющее внешнее правдоподобие, в своем духе выдающееся антисемитское исследование. В течение короткого периода времени оно выдержало свыше сотни переизданий и позволило ему основать Антисемитскую лигу и грязный ежедневный листок *«Ла Либр Пароль»* (1889).

Таким образом, первый слой французского антисемитизма – псевдонаука. Второй – зависть. Если евреи так неполноценны с расовой точки зрения, то почему они так удачливы? Потому что они обманывают и устраивают заговоры. Дети крупной еврейской буржуазии вечно забирают все призы. Через годы Жюльен Бенда напишет: «Триумф братьев Бенда на Большом конкурсе, как мне представляется, был одним из главных источников антисемитизма, бремя которого нам пришлось нести через пятнадцать лет. Понимали евреи это или нет, но подобный успех воспринимался остальными жителями Франции как акт

насилия». Умнейшие братья Рейнах, юрист и политик Жозеф (1856—1921), археолог Соломон (1858—1932) и классицист Теодор (1860—1928) образовали трио призеров-вундеркиндов. Они неизменно побеждали французов в их собственной культурно-академической игре. Затем в 1892 году разразился панамский скандал, когда открылся целый клубок финансовых манипуляций и жульничества, причем в центре всего этого оказался их дядюшка барон Жан де Рейнах. Его загадочная смерть (или самоубийство?) подлила еще масла в огонь на радость антисемитам-злопыхателям, дав им новую пищу для сплетен. Два предыдущих крупных скандала с участием евреев (с Юнион Женераль в 1882 году и Комптуар д'Эскомпт в 1889 году) также играли роль примеров, как бы подкрепляющих теорию финансовых заговоров, изложенную в книге Дрюмона, и позволяющих «журналистам-расследователям» из *«Либр Пароль»* вылезать чуть ли не каждый день с новой антиеврейской историей. После Лондона Париж был центром европейских финансов, причем на перекличке его банкиров звучали бы сплошь еврейские фамилии: Дойч, Бамберже, Гейне, Липпман, Перейра, Эфрусси, Штерн, Бишофсгейм, Гирш и Рейнах (конечно).

Существовал еще и третий слой французского антисемитизма – клерикальный. Официальная римско-католическая церковная иерархия пребывала в последней четверти XIX века в довольно сложном положении, не вылезая из бесконечных склок с французскими властями. Она слабо контролировала свое духовенство, а еще слабее – религиозные ордена, в особенности орден Успения («ассумпционисты»), который папская власть выбрала и поддерживала с тем, чтобы «расхристианизировать Францию», организуя массовые паломничества в Рим и новые центры чуда, например, Лурд. Орден был основан в 1847 году и был первой организацией такого рода, которая бы пользовалась методами крупного бизнеса для религиозного возрождения. Они арендовали специальные поезда, чтобы собрать толпы людей. Они основали процветающее издательство Бон-Пресс и массовую ежедневную газету *«Круа»* (1883). Подобно своим предшественникам, монахам-доминиканцам и францисканцам, которых они напоминали в некоторых отношениях, они тоже нуждались в образе врага. И они задействовали три таких образа, причем взаимосвязанных: протестанты, франкмасоны и евреи. Ультракатолическая теория масонского заговора была намного старше «научного» антисемитизма, восходя во Франции как минимум к 1789 году. Многие из масонских знаний и ритуалов можно привязать к еврейской каббале, что и было сделано в десятках католических памфлетов и книг. И, поскольку ассумпционисты верили в то, что многие протестанты являются скрытыми евреями и марранос с XVI столетия, было совсем не трудно связать их всех узлом сатанинской троицы. Когда в 1882 году произошел крах католической банковской структуры Юнион Женераль, ассумпционисты объявили это результатом заговора. На следующий год они основали свою газету для борьбы с этим заговором, а годом позднее их покровитель Лев XIII официально заклеил масонство как дело рук дьявола. *«Круа»* заявила, что посвящает себя борьбе «с этим трио ненависти... которое включает в себя, во-первых, протестантство, желающее уничтожить католицизм, *душу Франции;* иудаизм, который хочет завладеть национальным богатством, *телом Франции;* и масонство, природный компонент того и другого, который желает *одновременно* погубить *тело и душу Франции!*»

На фоне этой кампании организованной ненависти и клеветы события 1881 года в России и их последствия нанесли смертельный удар по стабилизации положения французских евреев, наглядно показав простым французам, особенно в Париже, что «еврейский вопрос»-таки существует. На протяжении жизни одного поколения Франция приняла 120 000 беженцев-евреев, что более чем удвоило количество евреев в стране. В первую очередь это были бедные ашкенази, достаточно сильно напоминавшие карикатурные изображения евреев, с которыми носились Дрюмон и *«Круа»*. К тому же они соединились с неиссякающим потоком евреев из эльзасской общины, которые не могли примириться с немецкой оккупацией. В их число входила и семья Дрейфуса, прибывшая в Париж в 1871 году, но сохранила деловые связи с домом Мюльхаус. Они были неистовыми патриотами

Франции, почти фанатиками. Поступить на службу во французскую армию Альфред Дрейфус мечтал с детства. Для него было предметом огромной гордости, что после запоздалой реорганизации генерального штаба с целью расширения его социальной базы он оказался первым евреем, кто был избран для работы там. Правда, положение патриотически настроенных евреев из Эльзаса было несколько комичным. Как и все, у кого были малейшие связи с Германией, они находились под подозрением во Франции 1890-х годов, параноидальной стране, которая продолжала страдать от поражения и территориальных потерь, жаждала отомстить и вернуть себе потерянные области, и в то же время боялась нового нападения Германии. В январе 1894 года Франция подписала первое секретное военное соглашение со своим новым союзником в борьбе против Германии, царской Россией. Это сделало евреев еще более подозреваемыми в глазах французов, поскольку было известно, что они больше всего на свете ненавидят царский режим. Что только не пытались предпринять французские евреи! Во всех парижских синагогах устраивали молебны по случаю дня рождения Александра III, главного антисемита из всех царей. Но ничего не помогало. На каждый патриотический жест евреев антисемиты реагировали с невыразимым цинизмом: «Вот как, серьезно?»

В июле 1894 года игрок и транжира майор граф Вальсин-Эстергази, в то время – командир 74 пехотного полка, предложил свои услуги германскому посольству. В следующем месяце он передал охраннику посольства письмо («бордеро») с перечнем документов, которые он намеревался продать. 26 сентября оно попало к майору Юберу Анри из «Статистического отдела» генштаба (под этим названием скрывалась контрразведка). Несмотря на реорганизацию, генштаб был просто болотом некомпетентности, и хуже всех был этот самый Статистический отдел. У него не существовало практически никакой системы делопроизводства и регистрации документов. Он постоянно фабриковал «липовые» документы, не регистрируя их, после чего зачастую бумаги фальшивые путали с подлинными. Однажды этот отдел продал кому-то старый сейф, и новый владелец обнаружил в нем совершенно секретные документы. Это было вполне типично. Будь у этого отдела хоть какой-то минимум профессионализма, дела Дрейфуса вообще бы не было, потому что Эстергази был феноменально неквалифицированным шпионом. Все содержание *бордеро* указывало именно на него. Практически ничего не говорило, что источник находится в генштабе. Некоторые моменты просто исключали капитана Дрейфуса. Но во главе отдела стоял полковник Жан-Конрад Сандгер, тоже из Эльзаса, но германофоб и антисемит, принявший католичество. Когда другой антисемит, майор Анри, назвал фамилию Дрейфуса, полковник Сандгер хлопнул себя по лбу и воскликнул: «Почему я об этом не подумал!»

Тем не менее, какого-то военного заговора против Дрейфуса не существовало, все действовало добросовестно. Единственным исключением был майор Анри, который фабриковал улики против Дрейфуса. Кампания была развернута Дрюмоном и ассумпционистами. Именно «*Либр Пароль*» первая сообщила, что офицер-еврей тайно арестован за измену. Задолго до суда, еще 9 ноября 1894 года, газета объявила, что у этой «измены» – «еврейский след». К охоте на ведьм присоединилась и «*Круа*». Расстроенные лидеры еврейской общины, в том числе пять армейских генералов, попытались замять дело. Когда Дрейфус был осужден и отправлен на остров Дьявола, они примирились с его виной, очень ее стыдились и хотели бы, чтобы все это быстрее забылось. Семья Дрейфуса была убеждена, что он невиновен. Но они пользовались услугами осторожных адвокатов, которые работали без шума, потихоньку собирали свидетельства и надеялись на помилование – типичная и традиционная реакция евреев на несправедливость.

Однако Герцль был не единственным евреем, который пришел в ярость и стал действовать. Другим был Бернар Лазар (1865—1903), чье настоящее имя было Барух Хагани, молодой писатель-символист из Нима. Он верил в полную ассимиляцию, и его можно было бы считать анархистом. В этот раз его впервые по-настоящему задел еврейский вопрос. Он стал наводить справки, но встретил ледяное отношение семьи Дрейфуса. Его возмутило отсутствие реакции среди евреев. «Что за мерзкая привычка, – писал он, – оставшаяся от

прежних преследований: получать удары и не протестовать, гнуть спину в ожидании того, что гроза пройдет, и притворяться мертвым в надежде, что молния не ударит». Его собственное расследование убедило его, что Дрейфус – невинная жертва ложного обвинения. В конце 1896 года он издал (в Брюсселе) памфлет «*Юридическая ошибка: правда о деле Дрейфуса*». В нем впервые с еврейской стороны ставился вопрос об антисемитизме: «Он был арестован, потому что еврей; он был осужден, потому что еврей, и по той же причине в его пользу не слышно было голосов ни справедливости, ни правды». Согласно Лазару, Дрейфус был типичным еврейским мучеником:

«Он воплощает в себе не только многовековые страдания народа мучеников, но и его нынешнюю агонию. В его лице я вижу евреев, томящихся в русских тюрьмах... румынских евреев, лишенных прав человека, евреев Галиции, которых заставляют голодать финансовые компании и грабят крестьяне-фанатики, подстрекаемые священниками... алжирских евреев, избитых и обворованных несчастных иммигрантов, умирающих от голода в гетто Нью-Йорка и Лондона, всех тех, кого отчаяние заставляет искать пристанища в дальних уголках населенного мира, где они надеются найти, наконец, справедливость, которую лучшие из них провозглашали для всего человечества».

Лазар не ограничился этим памфлетом. Он умолял видных евреев заняться этим делом и добиваться его пересмотра. У него появился честный и сильный сторонник: Жозеф Рейнах, крупный еврейский адвокат. Это качнуло весы настроений еврейской общины – дело начинало становиться серьезным. К нему примкнуло много еврейской молодежи, в том числе и Марсель Пруст. «Я был первым дрейфусаром, – писал он впоследствии, – потому что это я пошел просить подписи у Анатоля Франса». Это была «петиция интеллектуалов», вокруг которой постарались сплотить выдающихся писателей. Попытка оказалась успешной в том смысле, что она заинтересовала и радикалов-неевреев. Среди них был и Эмиль Золя, в то время самый популярный писатель Франции. Он разобрался в деле, написал огромную статью в защиту Дрейфуса и отдал ее растущему политику Жоржу Клемансо, который издавал либеральную газету «*Орор*». Именно Клемансо принадлежала идея напечатать ее на первой полосе (13 января 1898 года) под заголовком: «Я обвиняю!» И тут дело Дрейфуса развернулось по-настоящему. Через четыре дня начались антисемитские бунты в Нанте, которые затем охватили Нанси, Ренн, Бордо, Турньон, Монпелье, Марсель, Тулузу, Анжер, Гавр, Орлеан и многие другие города. Во Франции, правда, все ограничилось тем, что студенты и шпана били витрины в еврейских магазинах; в Алжире же волнения продолжались четыре дня, в течение которых был разогнан весь еврейский квартал. Никто из зачинщиков арестован не был.

Именно такого поворота событий опасался еврейский истеблишмент в случае «раскрутки» дела Дрейфуса. Но теперь уже ничто не могло остановить поляризации. Армия, которую попросили признать ошибку, отказалась и сомкнула ряды. Когда один из военных, майор Пикар, обнаружил свидетельство, указывающее на Эстергази, то именно Пикара арестовали и бросили в тюрьму. Золя отдал под суд, и ему пришлось покинуть страну. В 1898 году дрейфусары сформировали общенациональную организацию, Лигу прав человека, чтобы добиться освобождения Дрейфуса. Антидрейфусары, во главе которых стоял писатель Шарль Морра, ответили Лигой французского отечества, «чтобы защитить честь армии и Франции». Лазар дрался на дуэли с Дрюмоном (ранен никто не был); всего по этому поводу состоялось не менее тридцати двух дуэлей, один еврей был убит. В палате депутатов в январе 1898 года произошла массовая потасовка, когда на трибуне стоял Жан Жорес, а снаружи бушевала толпа. Дипломат Поль Камбон жаловался по возвращении из Парижа в Константинополь: «Что бы вы ни сказали или сделали, вас будут оценивать лишь с точки зрения того, друг вы или враг евреев или армии».

Дело Дрейфуса сотрясало Францию в течение десяти лет. Оно стало важным событием не только в истории евреев, но и во французской, да и, без сомнения, в европейской истории. Здесь впервые проявил себя класс интеллектуалов – как раз появилось слово «интеллигенция» – в качестве мощной силы в европейской общественной жизни, в чьей

среде эмансипированные евреи стали важным, иногда доминирующим, элементом. Встал новый вопрос, и не только во Франции: кто контролирует нашу культуру? Французский пролетариат стоял в стороне от событий. Толпа состояла из студентов и мелкой буржуазии. «Мне приходится признать, – говорил Клемансо, – что рабочий класс не проявляет никакого интереса к данному вопросу». Но для образованных слоев этот вопрос стал жизненно важным. На карикатуре Карон д'Аша изображена столовая, где вся мебель разгромлена, а гости катаются по полу: «Кто-то упомянул Это». Парижское общество, как аристократическое, так и буржуазное, разделилось на два лагеря. Битва между ними была неоднократно описана в «Жане Сантейле» Пруста, «Истине» Золя, «Острове пингвинов» и «Господине Бержере из Парижа» Анатоля Франса, в пьесах Лаведана и Доннэ, Шарля Морра, Роже Мартена дю Гара, Шарля Пеги и Жана Баруа. Аристократический квартал Фобург, возглавляемый герцогами де Бризак, Ларош-Фуко и Люйн, а также герцогиней д'Юзес, в подавляющем большинстве стоял на стороне антидрейфусаров; к ним присоединялись и многие писатели, такие как Поль Валери и Морис Барр; великий художник Эдгар Дега обнаружил, что перессорился со всеми своими еврейскими друзьями. Анализ состава сторонников Лиги французского отечества (1899) показал, что среди них свыше 70% составляли высокообразованные лица, а именно (в порядке убывания доли) студенты, юристы, врачи, преподаватели вузов, художники и писатели; в их число входили 87 членов Коллеж де Франс и института, 26 из 40 членов Французской академии. Социальным штабом антидрейфусаров был салон графини де Мартель, с которого Пруст списал свой салон мадам Сван («В поисках утраченного времени»). Все они серьезно верили в мифическую тайную организацию евреев, франкмасонов и атеистов, которую они называли «Синдикат». Князь де Полиньяк любил спрашивать у Пруста: «Ну, что поделявает сейчас добрый старый Синдикат, а?»

На стороне Дрейфуса был салон мадам Женевьевы Страус, которая была прототипом герцогини де Жермант в романе Пруста. Родом из семьи Халеви, наиболее выдающейся еврейско-протестантской семьи крупной буржуазии, со связями в кругах художников изобразительного искусства, музыки и слова, она использовала свой салон для организации петиций видных интеллектуалов. Его героем был Рейнах, возглавлявший кампанию в защиту Дрейфуса. У него был, писал Леон Додэ, «голос как будто из дерева и кожи и привычка перескакивать со стула на стул, преследуя декольтированных дам с галантностью самовлюбленной гориллы». Впрочем, Додэ был человеком предубежденным. Пруст выражался более сдержанно: «Он был комичен, но приятен, хотя нам и приходилось делать вид, что он – реинкарнация Цицерона». Другая хозяйка дрейфусаров, мадам де Сент-Винтор, была известна как «Наша проверяющая». Третья, мадам Менар-Дорьен (прототип мадам Фердурен у Пруста) держала крайне левый салон на Рю де ла Фезандери, известный как «Бастион дрейфусизма»; именно там зародилась филосемитская теория (также мифическая) клерикально-военного заговора. Некоторые хозяйки салонов, вроде мадам Одернон, с удовольствием принимали у себя обе фракции и наблюдали их перепалки. Будучи спрошена одним из своих гостей, который налагал запрет на ее дрейфусаров: «Ну, и что Вы там поделяваете со своими евреями?», она отвечала: «Я их сохраняю».

Впрочем, за светским лоском просматривались проблемы вполне реальные, а для евреев – предельно трагические. Дело Дрейфуса было классическим примером того, как сравнительно простую проблему несправедливости начинают эксплуатировать экстремисты с обеих сторон. Дрюмон и ассумпционисты приветствовали осуждение Дрейфуса и использовали его как предлог для того, чтобы развернуть кампанию против евреев. Молодые интеллектуалы-евреи и растущая группа их радикальных сторонников начала с того, что требовала справедливости, а кончила попыткой добиться полной победы и отмщения. При этом они самым прискорбным образом демонстрировали врагам интеллектуальную мощь евреев и филосемитов. В начале дела Дрейфуса в руках у антисемитов, как всегда в прошлом, были все сильные карты, особенно в мире печатного слова. По иронии судьбы, мерзкий антисемитизм Дрюмона оказался легально возможным благодаря либеральному

закону о прессе 1881 года, который отменял запрет на критику религиозных групп и был направлен на то, чтобы открыть католическую церковь для журналистских расследований. Свобода печати, по крайней мере, вначале, была направлена против еврейских интересов (то же самое происходило позднее при Веймарской республике). До дела Дрейфуса единственной еврейской попыткой дать ответ «*Либр Пароль*» был журнал «*Фрэ Пароль*» (1893), крайне неудачный. Поначалу пресса была преимущественно настроена антидрейфусарски, поскольку вместе с антисемитскими газетами с тиражом 200—300 тысяч экземпляров в защиту существующего строя выступали такие популярные газеты, как «*Пти-Журналь*» (1 100 000), «*Пти-Паризьен*» (750 000) и «*Журналь*» (500 000).

С 1897 года с учреждением газет вроде «*Орор*» и женской «*Фронды*» евреи и их союзники стали давать отпор. Разумеется, на их стороне было неоценимое преимущество правого дела. И, надо отметить, они начинали использовать его все лучше и лучше. В первый раз еврей-миряне работали вместе как класс, чтобы отстоять свою точку зрения. Они использовали такие новые средства, как фотография и кинематограф. Были сделаны фотоснимки алжирского погрома. Уже в 1899 году пионер кино Жорж Мелье снял 11 коротких киносюжетов по делу; их публичная демонстрация неизменно приводила к потасовкам среди публики. Постепенно дрейфусары стали выправлять баланс в средствах массовой информации в свою пользу, в их сторону стали склоняться ранее нейтральные газеты и журналы. За пределами Франции общественное мнение практически везде было на их стороне. Внутри Франции их политическое влияние усиливалось по мере того, как усиливалась мощь масс-медиа. К тому же им на руку играли некоторые фатальные обстоятельства. Самым важным из них, если не решающим, оказалась скоропостижная кончина президента Феликса Фора 16 февраля 1899 года. Фор был ярким антидрейфусаром. У него произошло кровоизлияние в мозг, когда он находился в объятиях своей нагой любовницы мадам Штейнгейль и потерял сознание, мертвой хваткой вцепившись в ее волосы; на ее испуганные крики прибежал персонал, которому пришлось взламывать запертую дверь кабинета.

После этого фронт антидрейфусаров дрогнул. Дрейфуса вернули с острова Дьявола, поседевшего, больного малярией и с затрудненной речью. Его повторно судили, снова вынесли обвинительный приговор и предложили помилование, которое он принял под нажимом семьи и старого еврейского истеблишмента. Те, кому дело Дрейфуса было выгодно, вроде радикальных политиков типа Клемансо, новых интеллектуалов, как евреев, так и неевреев, пришли в ярость. «Мы были готовы умереть за Дрейфуса, – гневно писал Шарль Пеги, но сам Дрейфус – нет». А почему он был должен? Он, по-видимому, осознал, подобно многим евреям старшего поколения, что упорствовать – значит способствовать усилению, укреплению и, в конце концов, организационному оформлению антисемитизма во Франции. Согласно Леону Додэ, он говорил своим фанатичным сторонникам: «Я ни минуты не был спокоен, вернувшись с острова Дьявола». Или: «Заткнитесь все, не то я возьму и признаюсь». И иногда добавлял с еврейским юмором: «Вы же знаете, что дыма без огня не бывает». Однако к этому времени печатное слово в союзе с левыми радикалами вышло из-под контроля. Этот союз рвался к отмщению и полной победе. И он их добился. Ассумпционистов вышвырнули из Франции. Левые одержали решительную победу на выборах 1906 года. Дрейфуса реабилитировали и произвели в генералы. Пикар вырос до военного министра. Государство, находившееся теперь в руках дрейфусаров, повело сокрушительную кампанию против церкви. Таким образом, экстремисты победили дважды: организовав дело и выиграв его.

Но за все приходится платить, и в конечном итоге евреи заплатили. Антисемитизм консолидировался и оформился. После войны 1914—1918 годов Лига Шарля Моррасса превратилась в профашистское антисемитское движение, ставшее одним из самых мерзких элементов режима Виши (1941—1944) и помогавшее, как мы увидим, посылать на смерть сотни тысяч евреев, французских и беженцев. Победа дрейфусаров запечатлелась в сознании многих французов как неопровержимое свидетельство существования еврейского заговора.

Никто не смел сказать, что нет такого заговора, во всяком случае, никто из евреев. Жозеф Рейнах, который не только отстоял своего клиента, но и написал полную историю дела, показал в шестом, последнем, томе, сколь сильно он опасался эксцессов своих собственных сторонников и порицал их. У них не было какого-то главного вдохновителя. Ближе всех к этому стоял, пожалуй, Люсьен Герр, библиотекарь элитарной Эколь Нормаль Суперьер, но он был центром протестантского, а не еврейского кружка. Однако демонстрация еврейской интеллектуальной мощи, которую обеспечило это дело, легкость, с которой писатели-евреи теперь разгуливали по французской интеллектуальной сцене, тот факт, что девять десятых огромной библиотеки, скопившейся вокруг дела, вышло из-под пера дрейфусаров, – все это беспокоило французов, которые, в общем-то, симпатизировали еврейской позиции. В журнальной публикации протестантского писателя Андре Жида от 24 января 1914 года, посвященной его другу Леону Блюму, лидеру молодых дрейфусаров-евреев и позднее премьер-министру, есть важный отрывок: «Его очевидная решимость всегда отдавать предпочтение евреям и ими интересоваться... проистекает прежде всего из того факта, что Блюм считает расу евреев высшей, призванной доминировать, после того, как она долго была в подчиненном положении, и считает своей обязанностью отдавать все силы ее триумфу... Пришло время, считает он, когда наступила эпоха евреев, и теперь важно осознать и установить их превосходство во всех категориях, во всех направлениях и всех видах искусства, знания и производства».

Затем Жид высказывает свои соображения, что евреи, как он считает, захватили французскую культуру; почему бы евреям не писать на другом языке – почему они должны писать по-французски? «Сегодня во Франции существует еврейская литература, которая не является французской... Какое значение для меня может иметь проблема обогащения литературы моей страны, если оно происходит в ущерб ее важности? Было бы намного лучше, если бы у француза не хватало сил, чтобы исчезнуть, вместо того, чтобы дать кому-то неотесанному играть роль вместо него и от его имени».

Именно такого рода аргументация начинала пугать Герцля. Фактически именно озабоченность ростом сопротивления, который наблюдался как результат массивного и весьма успешного вхождения евреев в европейскую культуру, была той силой, что толкала Герцля к сионизму даже до того, как он был свидетелем унижения Дрейфуса в то злосчастное январское утро 1895 года. Потому что в Вене, его родном городе, еврейское «вторжение» в местную культуру выглядело еще более внушительным, чем во Франции, и встречало еще большее возмущение. Он сам был участником этого процесса.

Герцль – один из самых сложных персонажей в еврейской истории. Как у Дизраэли, за его яркой театральной манерой скрывались трагические глубины. От него сохранилось огромное количество документального материала, поскольку он берег любой клочок бумаги, на котором писал, вплоть до счетов и билетов. Он родился в Будапеште в 1860 году. Его отец – банкир, потерявший все свое почти миллионное состояние, обанкротившись в 1873 году. Его мать, немецкая гуманистка и националистка, была сильной женщиной, которую называли «матерью Граччи». В стране, где слово «остюде» было самым сильным ругательством, семья называла себя сефардами; но на самом деле они были, конечно, ашкенази из Силезии, как и почти все вокруг. Его еврейское образование было отрывочным, он не знал ни иврита, ни идиша. Его бар-мицва называлась «конфирмация». Он рос, мечтая о полной ассимиляции. Целью его жизни было стать известным драматургом. Женитьба на дочери нефтяного миллионера, Юлии Нашауэр, которая принесла ему большое приданое, позволила ему жить, не утруждая себя, заниматься литературой. Он всегда был прекрасно одет, отрастил роскошную черную бороду ассирийского типа. Черные глаза романтично поблескивали. Прогуливаясь возле Венского городского театра с юным Артуром Шницлером, он хвастал: «Когда-нибудь я пробьюсь туда». Но он был не похож на австрийского драматурга; скорее, он напоминал *наши*, князя иудейского. Его лицо, писал Мартин Бубер, «освещалось взглядом мессии». Оно было, говорил атеист Макс Нордау, «делом рук Провидения». Франц Розенцвейг говорил, что это «доказывало, что Моисей был

реальной личностью». Фрейд утверждал, что еще до встречи с ним этот замечательный человек ему снился. Другие, впрочем, были менее льстивы. Его кузен Рауль Ауэрнгеймер говорил, что он был «похож на оскорбленного арабского шейха».

Герцль пытался компенсировать недостатки своей внешности антисемитским юмором. Из Остенда он писал родителям: «На побережье много венских и будапештских евреев. Остальные отдыхающие очень милы». «Вчера был большой вечер у Грейтелей, – писал он из Берлина. – Тридцать или сорок еврейчиков и евреечек». Венские евреи славились своим черным и антисемитским юмором. Когда австрийский премьер-министр Эдуард Таафе спросил у члена парламента от Галиции Йозефа Блоха, правда ли, что архиепископ Ольмуца доктор Теодор Коэн – выкрест, тот ответил: «Не волнуйтесь, премьер, будь он все еще евреем, он не носил бы фамилии Коэн». Они шутили: «Антисемитизм ни за что не расцвел бы, не подталкивай его евреи». Некоторые евреи сознательно отказывались рожать детей, чтобы «не создавать проблемы». Другие, подобно Герцлю, рассматривали возможность их крещения. «Сам бы я никогда не крестился, – писал он, – но вообще-то я за крещение. Для меня вопрос закрыт, но я очень беспокоюсь за своего сына Ганса. Я спрашиваю себя, вправе ли я делать его жизнь скорбной только потому, что так поступили с моей... Поэтому лучше крестить еврейских детей еще до того, как они смогут решать этот вопрос сами, до того, как они будут возражать и считать факт своего обращения признаком слабости. Они должны раствориться в толпе».

Но мог ли вообще еврей раствориться в толпе? В немецком мире антисемитизм имел сильную религиозную основу, в особенности на юге; на простонародном уровне его продолжало символизировать выражение «юдензау». Но чем выше вы поднимались по социальной лестнице, тем более мирской, культурный и расовый характер приобретал антисемитизм. И тут уже крещение не помогало. В XIX веке немецкая ненависть к евреям приобрела *фолькиш*-основу. Она начиналась с националистических бунтов против Наполеона. Ее первым крупным событием было массовое собрание немецкого *Буршенишафтен* («Братского движения») в 1817 году в замке Вартбург с целью сжечь «чуждые» книги, отравляющие *фольк*-культуру». Эта идеология, которая в XIX веке стала постепенно преобладать в Германии и Австрии, проводила резкое различие между «культурой» (доброй, органичной, естественной) и «цивилизацией» (продажной, искусственной, стерильной). У каждой культуры имеется душа, и она определяется местным ландшафтом. Посему германская культура находится во враждебных взаимоотношениях с «цивилизацией», которая космополитична и чужда. Да и кто воплощает принцип цивилизации? Та самая раса, у которой нет ни страны, ни ландшафта, ни своей культуры – евреи! Эта аргументация была типична для тех, кто вменял евреям в вину все, что бы они ни делали. Если они придерживались иудаизма гетто, это делало их чужаками. Если же они «просвещались», то становились частью чуждой цивилизации. Это *фолькиш* (отторжение евреев) приобретало различные формы. Скажем, возникало молодежное движение, которое бродило по Германии, брэнчало на гитарах, пело песни у костра и отвергало евреев, которые вынуждены были создавать собственное молодежное движение. Эта система охватила студенческую прослойку, которая становилась все более важным элементом немецкого общества, и студенты стали изгонять евреев из своих клубов. Герцля отчислили из одного из них, прежде чем он успел уйти сам; с ним даже отказывались драться на дуэли под тем предлогом, что у евреев нет «чести», которую можно было бы потерять. Система формировала движение консервационистов, предшественников «зеленых», которые отвергали промышленность и финансистов-Ротшильдов, а особенно растущие большие города, эти питомники евреев-космополитов. В особенности *фольк* раздражали такие «еврейские города», как Берлин и Вена. Их библией была книга *«Ланд унд Лейте»* («Земля и люди») Вильгельма Гейнриха Рила, профессора Мюнхенского университета и куратора музея, который мечтал восстановить небольшие, как в Средние века, городки и освободиться от «безродного» (его любимое оскорбление) пролетариата, особенно рабочих-мигрантов, прежде всего евреев, которые и создали большие города, эту «гробницу германизма».

Антисемитизм фольклора был многоликим, противоречивым, нескоординированным и вездесущим. В его русле написаны и романы из сельской жизни, такие как «*Крестьянин Бютнер*» Вильгельма фон Поленца (1895) и «*Вервольф*» Германа Лона (1910), в которых евреи изображались бессовестными посредниками и дельцами, которые обманывают крестьян и отнимают у них землю; Немецкий союз фермеров был настроен весьма антисемитски. В этом принимала участие и целая школа историков во главе с Генрихом фон Трейчке, который обвинял евреев во враждебном и разрушительном вторжении в процесс «естественного» исторического развития Германии и который первым сделал антисемитизм respectable течением в академических кругах. Сюда входили и ученые (и псевдоученые), которые извращенно применяли теорию Чарльза Дарвина и создали «социальный дарвинизм», согласно которому расы борются между собой во имя «победы наиболее приспособленной». Альфред Крупп учредил премию за лучшую публикацию, посвященную приложению социального дарвинизма к государственной политике; среди победителей были авторы предложений, направленных на сохранение Народа («Фольк») путем, например, отправки евреев и других «вырожденцев» на фронт в качестве пушечного мяса. На сцене появился новый элемент – немецкое неоязычество. Так, Пауль де Лагард отвергал христианство, которое было извращенным образом придумано евреем Св. Павлом, и хотел бы заменить его особой немецкой фольклор-религией, которая повела бы крестовый поход за то, чтобы удалить евреев вместе с их международным материалистическим заговором со священной немецкой земли; он предрекал германо-еврейский армагеддон. В дальнейшем кружок, группировавшийся вокруг Рихарда Вагнера, который царил на немецкой музыкальной сцене с 1870-х годов, воспринял расовое учение Гобино, а затем и Хьюстона Стюарта Чемберлена и старательно подчеркивал контраст между «чистотой» фольклор-культуры немцев-язычников и космополитической идеей, инфицированной иудейской заразой.

Ужасало то, сколь насильственно навязывались все эти взгляды. Де Лагард, носивший ранее фамилию Беттихер, требовал прямо-таки физической борьбы с «паразитами»-евреями: «Не ведем же мы переговоров с трихинами и бациллами и не пытаемся их просвещать. Их истребляют – причем так быстро и тщательно, как только возможно». Вагнер тоже выступал в пользу ниспровержения (унтерганг) евреев. «Я воспринимаю еврейскую расу как прирожденного врага чистого человечества и всего благородного, что в нем имеется; нет сомнения, что мы, немцы, будем подчинены им, и, возможно, я – последний немец, который еще знает, как должен вести себя подлинный любитель искусства перед лицом иудаизма, который устанавливает свой контроль надо всем». Он написал это в своей «*Религии и искусстве*» (1881), изданной в том самом году, когда мощные погромы в России погнали новую волну беглых *остьюден* в Центральную Европу. Вагнер особенно успешно взвинчивал антисемитизм, особенно в средних и высших слоях, не только в силу своего личного авторитета, но и потому, что постоянно выдвигал аргумент, подкрепленный бесчисленными примерами, что евреи все больше подчиняют себе цитадель германской культуры, особенно ее музыку. Даже, настаивал он, их так называемые гении, вроде Джакомо Мейербера, Мендельсона, да и самого Гейне, не были подлинными творцами. А тем временем толпы евреев-средняков захватывали ключевые позиции в художественной критике, издательствах, театрах и операх, галереях и филармониях. Именно писания Вагнера спровоцировали яростные излияния Эугена Дюринга, который в течение 1880-х годов опубликовал серию широко известных работ с нападками на евреев: «еврейский вопрос», объявлял он, следует «решать» истреблением и искоренением.

Атаки шли со всех сторон: слева и справа, от аристократов и популистов, от промышленников и фермеров, из академии и канавы, из музыкального мира, литературы и не в последнюю очередь со стороны науки. Что было делать евреям? Неужели еврейство, как горько шутил Гейне, действительно неизлечимая болезнь? На евреев нападали независимо от того, занимали они активную или пассивную позицию. «Вы могли выбирать, – писал Артур Шницлер, – быть ли нечувствительными, тупыми и нахальными, либо

сверхчувствительными, робкими и страдающими от ощущения того, что вас подвергают преследованиям». В свете лавины российских погромов 1881—1882 годов русский еврей Леон Пинскер написал книгу «*Самозансипация*» (1882), в которой доказывал, что эмансипация невозможна в принципе, поскольку нет такой стороны, с которой бы евреи не подвергались нападкам: «для живых еврей мертв; для местных он чужак и пришелец; для собственников – нищий попрошайка; для бедняков – эксплуататор и миллионер; для патриота – безродный отщепенец; для всех классов – ненавистный соперник». Венские евреи знали это лучше, чем кто бы то ни было. Как красноречиво выразил это Якоб Вассерман, евреям нечем было ответить антисемитизму, изменчивому, как Протей: «Тщетно искать убежища. Они говорят: трус, он скрывается, гонимый нечистой совестью. Тщетно идти среди них и предлагать им свою руку. Они говорят: уж больно он пронырливый и по-еврейски шустрый. Тщетно придерживаться одной с ними веры и стараться быть товарищем по оружию и согражданином. Они говорят: это Протей, который способен приобретать любое обличье. Тщетно помогать им сбросить цепи рабства. Они говорят: наверняка ему это выгодно. И тщетно вы будете искать противоядие».

Нарастающее чувство отчаяния среди ассимилированных евреев усиливалось проникновением антисемитов в политику. В 1870-е годы антисемитизм подпитывался финансовым кризисом и скандалами; в 1880-е – массовым прибытием *остьюден*, бежавших с территории России; в 1890-е – присутствием евреев в парламенте, что угрожало антиеврейским законам. В 1879 году гамбургский писатель-анархист Вильгельм Марр ввел в политический словарь термин «антисемитизм», основав Антисемитскую лигу. В том же году берлинский придворный проповедник Адольф Штекер убедил свою маленькую христианско-социалистическую рабочую партию принять антисемитскую платформу. Первый Международный антиеврейский конгресс собрался в Дрездене в 1882 году; подобные собрания происходили затем в Касселе (1886) и Бохуме (1889). В это же время христианский социалист и радикал Карл Люгер организовывал грозное антисемитское движение в Вене и вокруг нее. В 1886 году в Германии был избран первый официальный депутат-антисемит; к 1890 году их стало четверо, к 1893-16. К 1895 году антисемиты составляли, по-видимому, большинство в нижней палате; в Вене у Люгера было 56 мест против 71 у либералов. Из многих немецкоязычных городов приходили сообщения о физическом насилии над евреями, а также о том, как студенты-антисемиты срывали лекции у профессоров-евреев.

Вот на таком устрашающем фоне Герцль начал расставаться со своей позицией ассимиляциониста. Перед этим он рассматривал самые невероятные идеи, которые могли бы принять на вооружение евреи. Одна из них сводилась к социальному перевоспитанию евреев, которое дало бы им, по его выражению, «тонкое, *крайне чувствительное* ощущение чести и тому подобного». Другая – заключение пакта с Папой, в результате которого он возглавил бы кампанию против антисемитизма в обмен на «широкое и массовое движение за свободное и почетное обращение всех евреев в христианство». Но вскоре все эти схемы оказались безнадежными перед лицом безудержного роста антисемитской ненависти. Герцль начал писать пьесу «*Новое гетто*», в которой показывал, как вместо старых каменных стен евреев окружают новые стены предрассудков. Его пребывание во Франции завершило процесс расставания с иллюзиями. Подобно другим образованным евреям, Герцль всегда видел во Франции цитадель терпимости. На практике же он обнаружил, что Франция обильно заражена антисемитизмом, и парижские репортажи отражают его растущее беспокойство. Затем эта ужасная сцена в Военной академии Эколь Милитэр. Герцль всегда драматически воспринимал события, будь они хороши или плохи; можно представить, чем для него оказалась сцена гражданской казни Дрейфуса и его одинокий голос, безнадежно настаивавший на его невиновности. Не был ли Дрейфус обобщенным образом мученика нового гетто? Если даже Франция отвернулась от евреев, то где же в Европе можно рассчитывать на понимание? Как будто для того, чтобы специально подчеркнуть это, французская палата депутатов с минимальным перевесом (268 против 208) отклонила

антисемитский законопроект, запрещающий принимать евреев на государственную службу.

В 1895 году Герцль еще не в силах был предвидеть победу дрейфусаров. Рассматривая ретроспективу XIX столетия, мы видим, что 90-е годы были кульминацией волны европейского антисемитизма, которую спровоцировал наплыв беженцев, спасавшихся от российских ужасов, причем эта волна антисемитизма была не так непобедима, как представлялось в то время. Но в отличие от нас Герцль был лишен возможности знать это. Складывалось впечатление, что антисемитизм побеждает. В мае 1895 года Люгер стал бургомистром Вены. Казалось абсолютно необходимым срочно изыскать какое-то альтернативное убежище для евреев, которых вот-вот изгонят из всей Европы. Евреи должны иметь собственную страну!

Герцль окончил работу над своей книгой *«Еврейское государство»*, где сформулировал свои цели, зимой 1895—1896 годов. Первые отрывки из нее были опубликованы в лондонской *«Джуиш кроникл»* 17 января 1896 года. Книга была небольшая, всего 86 страниц, и идея ее была простой:

«Мы – народ, один народ. Повсюду мы честно пытались интегрироваться в окружающее нас национальное сообщество, сохранив лишь нашу веру. Нам не позволили... Тщетно пытались мы прославить наши отечества своими достижениями в искусстве и науке и укрепить их экономически своим коммерческим вкладом... Нас считают иностранцами... Если бы только нас оставили в покое... Но думаю, что не оставят».

Герцль предложил, чтобы евреям предоставили суверенитет на куске земли, достаточно большом, чтобы их народ мог там разместиться. Причем не важно, где этот кусок будет находиться. Можно в Аргентине, где миллионер барон Морис де Гирш (1831—1896) поселил 6000 евреев в нескольких сельскохозяйственных колониях. Можно в Палестине, где возникли аналогичные колонии, финансируемые Ротшильдами. Важно, чтобы была лишь поддержка еврейского общественного мнения; а они возьмут то, что им предложат. Работа Герцля первый раз увидела свет в виде книги в Вене в феврале 1896 года. Позднее она выдержала 80 изданий на 18 языках.

С появлением *«Der Judenstaat»* («Еврейское государство») Дэниэл Деронда покинул страницы художественного произведения и вышел на историческую сцену. Слово «сцена» подходит здесь лучше всего. Герцль никогда не смог бы сыграть роль осторожного, трезвого еврейского государственного деятеля типа Маймонида, влияющего на ход событий мудрым спокойным словом. Он привнес в еврейскую мировую политику искусство шоу-бизнеса, единственное, что его по-настоящему интересовало. Он был актером и импресарио будущей постановки *«Возвращение Израиля в Землю Обетованную»*, и, хотя его общий план был прям и прост, всякого рода яркие подробности роились в его мозгу, везде попадались в его заметках. Должна быть организована грандиозная «экспедиция», чтобы «вступить во владение землей». Будет аристократическая конституция типа венецианской. Первым избранным дожем будет Ротшильд, а возможным вице-президентом – Гирш. Будут помпезные площади, вроде площади Св. Марка или Пале-Рояль. Он продумал церемонию коронации, вплоть до полка лейб-гвардейцев, названных в его честь Герцль-кирасирами. Будет воссоздана картина исторических еврейских кварталов. Будут интернациональные театры, цирки, варьете, сияющие проспекты вроде Елисейских полей и конечно государственная опера: *«Джентльмены во фраках, дамы, одетые с немыслимой роскошью... Я буду также поощрять организацию праздничных процессий»*. Наибольшее влияние на него оказывал Вагнер, чьи постановки Герцль в это время старался не пропускать. «Только в те дни, когда не давали Вагнера, я позволял себе сомневаться в правильности моих идей». Следующий поход в Землю Обетованную, хвастался Герцль, «можно будет сравнить только с Вторником Кущей и Моисеем в опере Вагнера!» Все это чем-то напоминало фантазии Дизраэли и шоу Мордекая Ноя.

Кое-что из своих аристократических привычек Герцль сохранил до конца дней. Так, например, он настаивал, чтобы все публичные собрания сионистов были церемониальными и обставлены различными условностями, когда все делегаты одеваются в вечернее платье,

даже если все это происходит в 11 часов утра. Сам он, выступая в роли официального представителя сионизма, одевался изысканно: тщательно причесанный, в цилиндре, белые перчатки, безукоризненный сюртук. Он настаивал, чтобы евреи, его сопровождающие, поступали также. Это было составной частью его попыток разрушить традиционный образ еврея из гетто. Он всегда проводил собрания и конференции с апломбом и точностью. Однако вся эта театральность отмирает, по мере того как становится очевидной необъятность стоявшей перед ним задачи, и жизнь его все в большей степени стала приобретать оттенок трагедии.

Герцль начал с того, что декларировал: еврейское государство должно быть создано таким же образом, как все происходило во время Изгнания, а именно, когда верхушка богатых евреев решает, что лучше для всех остальных, и проводит эту линию в жизнь. Но затем он обнаружил, что такой подход невозможен. Повсюду в цивилизованной Европе еврейский истэблшмент был против этой идеи. Ортодоксальные раввины выступали против либо просто игнорировали его. Для евреев реформистского толка отказ от ассимиляции в связи с ее безнадежностью означал отрицание всего, что они отстаивали. Богачи отвергали его идеи, а то и были активно враждебны. Лорд Ротшильд, самое влиятельное лицо в мировом еврействе, наотрез отказался с ним встречаться и, что особенно неприятно, сделал это публично. В Париже Эдмунд де Ротшильд, руководивший девятью небольшими колониями в Палестине, принял его 19 июля 1896 года, но совершенно ясно высказался в том смысле, что, по его мнению, грандиозные планы Герцля не только нереальны, но и могут нанести ущерб уже достигнутому серьезному прогрессу. Он повторял: «Глаза не должны быть больше живота». Барон Гирш тоже встречался с ним, но расценил его как невежественного теоретика. Он заявил Герцлю: кто нужен для планов еврейской колонизации, так это хорошие сельскохозяйственные рабочие. «Все наши беды от того, что евреи хотят забраться слишком высоко. У нас слишком много интеллигентов!» Но интеллигенты тоже отвергали Герцля, особенно в родном городе пророка Вене. Ходила такая шутка: «Мы, евреи, ждали своего государства 2000 лет, и почему это должно приключиться именно со мной?» Собственная газета Герцля «*Нейе Фрейе Прессе*» занимала особенно враждебную позицию. Мориц Бенедикт (1849—1920), ее финансовый отец, сердито предупреждал: «Никакая личность не имеет права брать на себя огромную моральную ответственность за приведение в движение этой лавины. Мы потеряем нашу нынешнюю страну прежде, чем обретем еврейское государство».

Были и исключения, например Натан Бирнбаум, лидер еврейских студентов Вены, который, собственно, и изобрел само слово «сионизм» в 1893 году. Был еще главный раввин ашкенази Британской империи, Герман Адлер, который сравнивал Герцля с Дерондой (к этому моменту Герцль еще сам не был знаком с книгой), или главный раввин Вены Мориц Гудеман, который скептически относился к идее, но, тем не менее, сказал Герцлю: «Кто знает, может быть, Вы избраны Богом». Важнее всего была реакция Макса Нордау (1849—1923), философа, чья книга «*Вырождение*» пользовалась сенсационным успехом в 1892 году; в 1895 году она вышла в Лондоне в переводе на английский. Он поставил диагноз болезни своего века, определив антисемитизм как один из ее симптомов, и сказал Герцлю: «Если Вы помешаны, то и я – тоже, можете быть уверены!» Именно Нордау указывал, что для того, чтобы не раздражать турок, следует заменить термин «*Юдеништаат*» (еврейское государство) на «*Хаймитет*» (национальный дом) – разница довольно существенная, поскольку второй вариант, очевидно, более приемлем. Тот же Нордау является автором значительной части практической программы раннего сионизма.

Тем не менее, Герцль быстро обнаружил, что источником динамичного развития иудаизма может являться не прозападная элита, а бедная масса *остьюден*, людей, о которых в начале своей кампании он не знал ничего. Он почувствовал это, когда выступал перед бедными еврейскими беженцами в лондонском Ист-Энде. Они называли его «человеком маленьких людей». Он говорил: «Сидя на сцене... я испытал странное ощущение. Я видел и слышал, как рождается моя легенда». В Восточной Европе он быстро стал мифической

фигурой среди бедняков. Давид Бен-Гурион (1886—1973) вспоминал, как десятилетним мальчиком в российской Польше он слышал слух: «Явился мессия, высокий, красивый человек, ученый из Вены, не меньше, чем доктор». В отличие от изолированных евреев среднего класса на Западе, восточным евреям было не до альтернативных вариантов, и они не воображали себя русскими или даже поляками. Они знали, что они – евреи, и ничего больше (забыть об этом не давали русские господа), и предложение Герцля – единственный их шанс на то, чтобы стать где-нибудь настоящими гражданами. Для Хаима Вейцмана (1874—1952), берлинского студента-второкурсника, предложения Герцля «прозвучали громом среди ясного неба». В Софии главный раввин просто объявил его мессией. Слухи о нем ширились, и Герцль обнаружил, что его посещают плохо одетые и возбужденные евреи из отдаленных районов – к ужасу его модницы-жены, которая постепенно возненавидела само слово «сионизм». Но именно эти люди становились солдатами, сержантами и офицерами его сионистского легиона. Герцль называл их своей армией ищекшнорреров.

Первый раз эта армия публично собралась 29 августа 1897 года в большом зале базельского муниципального казино. Собрание объявило себя Первым сионистским конгрессом; в нем участвовали делегаты из 16 стран. В основном это были бедняки, и Герцлю пришлось финансировать конгресс из собственного кармана. Но он заставил делегатов приодеться: «На торжественном открытии следует быть в черном платье и белом галстуке». В таком обличье они приветствовали его древним еврейским кличем: «Иехи Гамелех!» («Да здравствует царь!»). Многие влиятельные евреи пытались принизить значение этого собрания. «*Нейе Фрейе Прессе*» вообще игнорировала его, уделив взамен большое внимание конвенции евреев-портных в Оксфорде, где обсуждался вопрос, во что лучше одеваться дамам-велосипедисткам. Но Герцль знал, что делает: на Первый конгресс он привлек специальных корреспондентов из 26 газет. Когда под звуки увертюры из вагнеровского «*Тангейзера*» в 1898 году открывался Второй конгресс, он уже пользовался широким признанием. Рядом с Нордау, который составил политические документы, вошла когорта способных сподвижников. Среди них был торговец лесом из Кельна, Даниэль Вольфсон, который унаследовал от него руководство организацией. Начиная с 1898 года среди них был и Вейцман. В отличие от Герцля, эти люди хорошо знали восточное еврейство. Для сионистского флага Вольфсон выбрал синий и белый цвета – «цвета наших молитвенных накидок». Они ориентировались в религиозных и политических течениях еврейских масс. Вейцману к этому времени приходилось уже отражать яростные атаки социалистических оппонентов из рядов еврейского студенческого движения («Месье Плеханов, Вы – не царь»). Их идея состояла в том, чтобы поддерживать Герцля высоко над бурными водами фракционной борьбы в еврейской среде. «Он ничего не знает о евреях, – писал российский сионист Менахем Усискин. – Поэтому он считает, что у сионизма существуют только внешние препятствия и никаких внутренних. И не следует нам открывать его глаза на факты реальной жизни, чтобы его вера сохраняла свою силу».

Профессиональные политики и организаторы, которые неизбежно возглавили движение, смеялись над «сионизмом в халате» Герцля. Однако он явился еще одним фрагментом головоломки. Как прекрасно понимал Герцль, сионизм мог легко стать еще одним из тысяч преходящих моментов на стыке двух столетий. Чтобы он стал уважаемым, чтобы его воспринимали серьезно, требовалась персональная дипломатия на высоком уровне, в которой он был очень силен. Постепенно он пробился ко всем нужным людям Европы, обхаживая великих мира сего в Турции, Австрии, Германии, России. В дневниках, которые он вел систематически, эти встречи отражены со впечатляющими подробностями. Даже от антисемитов могла быть польза, потому что они могли содействовать сионистским проектам просто для того, чтобы избавиться от «своих» евреев. Венцель фон Плеве, российский министр внутренних дел, печально известный как организатор погромов, говорил ему: «Вы обращаетесь с проповедью к обращенным... Нам бы очень хотелось увидеть создание независимого еврейского государства, способного принять несколько миллионов евреев. Конечно, нам не хотелось бы потерять *всех* своих

евреев. Хотелось бы сохранить самых интеллигентных, таких, лучшим примером которых являетесь Вы, доктор Герцль. Но нам хотелось бы освободиться от недалеких и малоимущих». Кайзер тоже поддерживал новый Исход: «Я – за то, чтобы иудеи выехали в Палестину, и чем раньше они снимутся – тем лучше». Вильгельм II ходатайствовал за Герцля в Константинополе перед султаном, а позднее оказал ему честь, приняв его официально в Иерусалиме. Эта встреча была для Герцля очень важной; он настаивал на том, чтобы делегация была одета по полной вечерней форме в полуденное пекло, и лично тщательно проверил штiblеты, галстуки, рубашки, перчатки, костюмы и шляпы; одному из членов делегации пришлось поменять цилиндр, Вольфсону – сменить грязные манжеты. Но, хотя кайзер и укрепил международные позиции Герцля, турок не удалось убедить выделить место для национального очага сионистов, и немцы, активно добивавшиеся союза с турками, идею оставили.

Оставалась Британия. Герцль справедливо называл ее «архимедовой точкой опоры», в которую следовало упереться рычагом сионизма. Отношение политической элиты было достаточно доброжелательным. Многие читали «*Танкреда*», еще больше – «*Дэниэля Деронду*». К тому же в Англию был значительный наплыв евреев-беженцев из России, что пробуждало опасения антисемитизма и угрозы установления иммиграционных квот. Была сформирована Королевская комиссия по проблемам иммиграции (1902), одним из членов которой был лорд Ротшильд. Герцля попросили дать показания, и Ротшильд наконец согласился на неофициальную встречу с Герцлем за несколько дней до того, чтобы гарантировать, что тот не скажет ничего такого, что могло бы усилить позицию тех, кто выступает против въезда евреев. Изменение позиции Ротшильда (от активной враждебности – к доброжелательному нейтралитету) было важной победой для Герцля, и он был рад в ответ сказать комиссии 7 июля 1902 года, что следует согласиться с дальнейшей еврейской иммиграцией в Британию, но окончательное решение проблемы беженцев сводится «к признанию евреев нацией и предоставлению им официально признанного национального очага».

Благодаря этому визиту Герцль вступил в контакт с ведущими членами правительства, особенно министром по делам колоний Джо чем-берленом и министром иностранных дел маркизом Лэндсоуном. Оба в принципе доброжелательно относились к идее еврейского национального очага. Но вот где? Обсуждался вариант Кипра, затем Эль-Ариша на египетской границе. По мнению Герцля, это место очень подошло бы, тем более что расположено вблизи Палестины, и он направил письмо в британский кабинет, впервые сформулировав сильный, но опасный аргумент: «Одним махом Англия получит 10 миллионов тайных, но лояльных подданных по всему миру, активных в разных областях жизни». Но египтяне не согласились, и идея была отвергнута. Затем у Чемберлена, вернувшегося из Восточной Африки, возникла новая идея – Уганда. «Увидев ее, – говорил он, – я подумал: вот подходящая земля для доктора Герцля. Но он, конечно, человек сентиментальный и предпочтет Палестину или ее окрестности». Герцль же был настолько обеспокоен новой волной еще более кровавых погромов в России, что согласился бы и на Уганду. И Лэндсоун написал письмо: «Если удастся отыскать место, которое признают подходящим [Еврейский колониальный] трест и Комиссия Его Величества и с которым согласится Правительство, то лорд Лэндсоун будет готов представить конкретные соображения по организации еврейского поселения на условиях, которые позволят его обитателям сохранять национальные обычаи». Это был подлинный прорыв, эквивалентный предварительному дипломатическому признанию будущего сионистского государства. Своим последующим обращением Герцль пробудил интерес молодого растущего политика – либерала Дэвида Ллойд-Джорджа и привлек его юридическую фирму к разработке проекта статуса колонии. Он зачитал письмо Лэндсоуна на Шестом сионистском конгрессе, где оно вызвало «восхищение... щедростью британского предложения». Впрочем, многие делегаты сочли его предательством сионизма; делегаты из России покинули зал заседаний. И Герцль сделал окончательный вывод: «Палестина – единственная страна, которая может стать

пристанищем нашего народа». На Седьмом конгрессе (1905) Уганда была официально отвергнута.

Но это случилось уже без Герцля, который скончался в возрасте 44 лет. Он стал жертвой собственных героических усилий и пафоса, которые погубили его тело и разрушили его брак. Дальнейшая судьба его семейства достойна сожаления. Жена Юлия пережила его всего на три года. Дочь Полина стала наркоманкой и умерла в 1930 году от передозировки героина. Сын Ганс, лечившийся у Фрейда, несколько позднее покончил с собой. Другая дочь, Труда, умерла от голода в нацистском концлагере, а ее сын Стефан покончил жизнь самоубийством в 1946 году, после чего от его семьи ничего не осталось. Однако подлинным наследием Герцля явился сионизм. За несколько месяцев до смерти Герцль говорил Стефану Цвейгу: «Моя ошибка в том, что я начал слишком поздно... Если бы ты знал, как я страдаю при мысли о потерянных годах». На самом деле к моменту смерти Герцля сионизм был уже вполне сформировавшимся движением с мощной поддержкой со стороны Англии. Стартовав в 1895 году, Герцль обеспечил сионизму почти двадцатилетнюю фору по сравнению с его конкурентом – арабским национализмом, и в конечном счете этот факт оказался решающим. И приговор Дрейфусу, который инициировал события именно в данный момент, а не позднее, можно считать рукой Провидения, подобно жутким событиям 1648 и 1881 годов.

Тем не менее, к концу жизни Герцля сионизм был лишь небольшим ручейком среди половодья религиозных и светских еврейских движений. Главным его противником было безразличие, однако имелись и активные враги. Вплоть до Первой мировой войны огромное большинство раввинов, будь они реформистского, консервативного или ортодоксального толка, были противниками светского сионизма. На Западе они смыкались со светскими ассимилированными евреями, которые видели в нем угрозу своему достигнутому положению, поскольку он ставил под сомнение их гражданскую лояльность. На Востоке же, не в последнюю очередь – в России, где находилось большинство сторонников сионизма, религиозная оппозиция была сильной и даже фанатичной. Это имело серьезные последствия для будущего государства Израиль. Основатели сионизма в большинстве своем были не просто западниками, но и (в глазах ортодоксов) атеистами. Когда Герцль и Нордау отправились на субботнюю службу накануне Первого сионистского конгресса, это был их первый поход в синагогу со времен детства, так что их пришлось инструктировать, как вести себя во время богослужения. Ортодоксам все это было известно. Для большинства их светский сионизм был мишенью для тех же обвинений, что и просветительство, плюс сильное обвинение в том, что он представляет собой богохульное извращение одной из главных и наиболее священных заповедей иудаизма. Утверждение, что религиозный и светский сионизм являются двумя сторонами одной медали, абсолютно фальшиво. Для религиозного еврея возвращение в Сион – это этап божественного плана использовать евреев в качестве прототипа всего человечества, и оно не имеет ничего общего с сионизмом, который есть решение человеческой, гуманитарной проблемы (отторжение и бездомность евреев) человеческими средствами (создание светского государства).

К концу XIX века среди религиозных евреев Центральной и Восточной Европы можно было различить три основных течения. Первое – хасидистская традиция Бааль-Шем-Това. Была традиция *мусара*, или морализма, основанная на писаниях ортодоксальных мудрецов из Литвы, в которую вдохнул новую жизнь Израиль Салантер (1810—1883), распространяли иешивы. И было еще течение Самсона Гирша «Тора с цивилизацией», которое нападало на секуляризацию оружием собственного современного учения и (говоря словами Гирша) трудилось во имя реформы, «поднимающей эпоху до уровня Торы, а не низводящей Тору на уровень эпохи». Сыновья и внуки Гирша показали, что светское образование можно приобрести, не теряя веры, и помогали организовать движение «Агудат Израэль». Оно ставило своей целью создание всемирной организацией Торы для координации действий иудаистских религиозных сил, направленных против секуляризации, и учитывало то обстоятельство, что фонды помощи жертвам российских погромов попали в светские руки и использовались для дискриминации в отношении благочестивых евреев. Все эти три течения

были сильно настроены против сионизма, и в особенности против его усиливающихся попыток говорить от имени всех евреев.

Мудрецы Восточной Европы ужасно боялись сделать какой-нибудь жест, от которого могли бы выиграть сионисты, – например, отправиться в Эрец-Израэль. Один из них, цадик Люблина (1823—1900), писал довольно характерные вещи: «Иерусалим – наиболее привлекательнейшая вершина, к которой устремлены сердца Израиля... Но я боюсь, что мой отъезд и восхождение на Иерусалим может быть воспринято как жест одобрения деятельности сионистов. Я обращаю свои надежды к Богу, моя душа жаждет Его слова, что грядет День Искупления. Я жду и предвкушаю зрелища омовения Его ног. Но даже три сотни плетей с железными шипами не заставят меня двинуться с места. Я не совершу восхождения на потребу сионистов».

Ортодоксы утверждали, что Сатана, отчаявшись ввести Израиль в соблазн посредством преследования, получил дозволение попробовать другие, более деликатные методы в своих гнусных и мерзопакостных планах, в том числе приманку Святой Земли и просветительства. Таким образом, сионизм бесконечно хуже, чем лже-мессия, ибо он есть полностью ложная, сатанинская религия. Другие добавляли, что светское государство вызовет безбожный дух демоса и противоречит данному Богом Моисею указанию следовать по пути олигархии: «Иди и созови старейшин Израиля» (3 Книга Моисеева); «Небеса запрещают, – писали два ковенских мудреца, – чтобы массы и женщины болтали насчет собраний или мнений, отражающих общественные нужды». 11 мая 1912 года в Катовице мудрецы-ортодоксы основали движение агудистов для координации противодействия планам сионистов. В то же время ряд ортодоксальных евреев верили, что сионизм можно использовать во имя религиозных целей. Раввин Авраам Исаак Коок (1865—1935) утверждал, что новый «национальный дух Израиля» можно использовать, чтобы призвать на патриотической основе евреев соблюдать и проповедовать Тору. При поддержке сионистов он в конце концов стал главным раввином Иерусалима. Однако большинство религиозных евреев, уже находившихся в Эрец-Израэле, слушали о сионизме с ужасом. «В Святой Земле великая тревога, – писал раввин Иосиф Хаим Зонненфельд (1848—1932), – по поводу того, что эти грешники, отрицающие Единого и Его Святую Тору, объявили во всеуслышание, что в их власти ускорить искупление народа Израиля и собрать рассеянных со всех концов земли». И добавил, что, когда Герцль прибыл в Святую Землю, «его сопровождало зло, и мы пока не знаем, что делать с разрушителями целостности Израиля, да пребудет с ним милость Господня». Эта широкая, хотя и совсем не повсеместная, оппозиция благочестивых евреев сионистской программе неизбежно все определеннее толкала ее в руки светских радикалов.

Впрочем, и для большинства светских евреев сионизм тоже не выглядел привлекательным, а для части из них он вообще казался врагом. В России преследования евреев продолжались, причем жестокость их нарастала, и при этом росло и желание евреев бежать, будь они ортодоксальными или светскими, сионистами или нет; и одним из мест, где можно было бы спастись, была Палестина. Однако среди просвещенных европейских евреев паника, подогретая в 1890-х годах волной антисемитизма, начала спадать. Убедительная победа дрейфусаров во Франции подтверждала ту точку зрения, что, по крайней мере, там евреи могут обрести не только безопасность, но и новые возможности, и укрепить свое политическое и культурное положение. В Германии антисемитское брожение тоже затухало, по крайней мере, внешне, и среди образованных евреев повсеместно крепло убеждение, что ассимиляция возможна. Именно в этот период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне, немецкие евреи наиболее настойчиво стремились доказать свою лояльность «фатерлэнду», а культурное родство между немцами и евреями было наиболее явным.

На самом деле, несмотря на давнюю традицию немецкой злобной антипатии по отношению к евреям, несмотря на «юдензау», евреи чувствовали себя в Германии как дома. Там общество ценило и почитало своих профессоров, а в ряде отношений его ценности совпадали с ценностями еврейской кафедократии. Еврей мог естественным образом перейти из иешивы в один из германских университетов, у которых теперь наступал, судя по их

достижениям, золотой век. Еврей наслаждался возможностями, которые постепенно открывались перед ним в стране, где интеллектуальные достижения справедливо оценивались и встречали должное уважение. И немецкие евреи трудились с бешеной энергией. Вскоре их стали награждать только что учрежденными Нобелевскими премиями: две – в области физиологии и медицины, четыре – по химии, две – по физике, и все были присуждены за работы, выполненные перед Первой мировой войной. Фердинанд Юлиус Кон основал бактериологию. Пауль Эрлих явился автором первой практической формы химиотерапии. Франц Боас основал культурную антропологию. Немецкие евреи были трудолюбивыми, постоянно спешили. Эдуард Девриен писал о своем друге Феликсе Мендельсоне: «Привычка постоянной занятости, воспитанная у него матерью, делала для него праздность невыносимой»; он то и дело смотрел на часы. Густав Малер обычно перемещался из своего дома на работу в Венскую оперу бегом; возвращаясь, он, чтобы сэкономить время, извещал о своем прибытии, насвистывая начало Восьмой симфонии Бетховена, – по этому сигналу ему должны были накрывать обед.

Однако евреев объединяли с немцами не только интеллектуальные привычки; интеллектуальное родство было и более глубоким. Многие немецкие евреи чувствовали то же, что и политик Габриэль Риссер (1806—1863), который настаивал: «Если мы не немцы, то у нас нет родины». Евреи, вступающие в общественную жизнь, будь то социалисты вроде Лассалья или либеральные лидеры вроде Эдуарда Ласкера (1829—1884) и Людвиг Бамбергера (1823—1899), ощущали сильную связь между еврейским рациональным духом и либеральными целями современной Германии, пытаясь терпеливо искать и применять рациональные решения всех социальных проблем. Было мало способных немецких евреев, которые не получали бы удовлетворения от чтения и изучения Канта и Гегеля.

Это относилось не в меньшей степени и к еврейским религиозным мыслителям. Германия Вильгельма стояла на пороге великого возрождения христианской теологии, и те же глубинные импульсы воздействовали на еврейских писателей. Герман Коэн (1842—1918), профессор философии в Марбурге, которого можно назвать последним последователем Маймонида, горячо настаивал на том, что иудаизм – первая религия, в которой можно обнаружить существенное присутствие «здорового смысла», но которая, тем не менее, не обладает монополией на это свойство. Как только нация достигает определенного уровня интеллектуального развития, она становится готовой к восприятию «религии здорового смысла». Он утверждал, что из всех современных наций именно германская может легче всего согласовать здравый смысл с религиозным чувством, и причина этого в том, что предшественником Германии с ее философским идеализмом, почтением к чистой религии и этическим гуманизмом была еврейская история. Он отвергал противопоставление немецкой культуры и еврейского космополитизма как невежественную чушь. Он пункт за пунктом опровергал аргументы профессора Трейчке, который противопоставлял евреев и немцев, отвергая как противоречащий истине его известный афоризм: «Евреи – наше несчастье». Фактически немецкий дух был настоян на еврейских идеалах. Они стояли за победой протестантской реформации. Новый тип современного религиозного человека, будь он христианином-протестантом или либеральным евреем, в конечном счете формировался на религиозных идеалах и энергии еврейской Библии. А потому, в противоположность мнению антиклерикальных рационалистов, носителей французского духа светского просвещения и нигилизма, немецко-еврейская этическая интерпретация Библии сделала ее инструментом человеческого совершенствования, а не препятствием на его пути.

Лекции Коэна, безусловно, помогли оживить иудаизм Франца Розенцвейга (1886—1929), который подошел вплотную к обращению, и превратить его в одного из крупнейших еврейских богословов современности. Розенцвейг провел страстную литературную дискуссию по вопросу об обращении со своим кузеном и современником Эугеном Розеншток-Гессе, который перешел в протестантство. Их «Письма об иудаизме и христианстве», написанные непосредственно перед мировой войной, показывают, как близки могут быть друг к другу направления иудейской и протестантской мысли, как легко могут

евреи вписаться в рамки немецкой философии. Даже немецко-еврейские мыслители, которые нападали на христианство и подчеркивали его отличия от иудаизма, вроде Лео Бека (1873—1956), делали это, пользуясь немецкими категориями. В 1905 году Бек опубликовал блистательный ответ, «*Сущность иудаизма*», на «*Сущность христианства*» (1900) протестантского богослова Адольфа фон Харнака. В нем он доказывал, что иудаизм есть религия здравого смысла, а христианство – романтического иррационализма. Св. Павел был первоначально злодеем; но разве не Лютер написал: «Во всех, кто верует в Христа, здравый смысл должен быть убит, иначе вера не сможет управлять ими; ибо разум сражается против веры»? И у этой критики христианства были явно выраженные корни и союзники в немецком скептицизме, и Ницше уже составил план своей атаки на Св. Павла (кстати, любимая мишень не для одного поколения немецких антисемитов). И богословский диспут показал, сколь удобно и свободно евреи могут перемещаться в пределах немецкого духовного мира, каким просторным театром ума он может служить им.

В течение жизни одного-двух последних поколений перед Первой мировой войной, этой всеобщей катастрофой тела и духа, которая сделала все человеческие проблемы еще более трудными и опасными, способные евреи выходили на арену жизненного соревнования в ошеломляющем количестве. Нигде их вклад не был более разнообразен и внушителен, чем в немецкоязычных регионах. Изучая их достижения, вы подвергаетесь соблазну заключить, что многие из этих блистательных евреев чувствовали в глубине души, что Германия – идеальное пристанище для еврейских талантов. Разве Германия не питает надежду, и не без основания, на лидерство в мировой культуре? И почему бы евреям не сыграть заметную, если не решающую роль в том, чтобы Германия смогла бросить вызов всем участникам этого состязания? Не в этом ли подлинный смысл обращенного еще в древности призыва к евреям быть «светочем для язычников»?

Существовало, по-видимому, много способов, которыми евреи могли бы помочь немцам пробиться к мировому господству. Германия стала к этому моменту великой промышленной и ведущей интеллектуальной державой мира. Кто лучше мог бы соединить эти два качества, чем евреи, которые были сильны в обоих направлениях и за свою долгую и мучительную историю познали, как экономическая мощь может быть создана и управляема утонченной мыслью?! Одним из тех, кто знал об этих возможностях, был Вальтер Ратенау (1867—1922), который унаследовал у своего отца руководство гигантским концерном АЭГ, а затем недолго и трагически играл роль германского министра иностранных дел. Он был не только ведущим немецким промышленником, но и одним из наиболее популярных авторов по вопросам государства, общественной жизни и экономики (его работы составляют целых пять томов) и в своем роде провидцем. Он пострадал от немецкого антисемитизма не меньше других. «В юности любого немецкого еврея, – писал он, – наступает мучительный момент, который запомнится ему на всю жизнь; это момент, когда он по-настоящему осознает, что вступил в этот мир гражданином второго сорта, и от этого чувства его не смогут освободить никакие способности и достижения». Но Ратенау не отчаивался. Он страстно верил в ассимиляцию. Он думал, что немецкий антисемитизм в основе своей порожден аристократией и исчезнет тогда, когда на смену аристократии придет новый правящий класс – промышленники. Затем последует быстрая и окончательная ассимиляция. Это, в свою очередь, позволит еврейскому элементу в финансовой и промышленной области внести свой решающий вклад в создание нового, богатого общества американского типа, или даже превосходящего американский уровень, в котором пролетариат исчезнет и будет править либеральная терпимость.

Для людей типа Ратенау и крещение и сионизм были не решением главной задачи, а трусливым бегством от нее. Еврей должен утвердить свои германизм и гуманизм и способствовать выдвиганию Германии во всех областях. Что, физическое мужество не является характерной чертой евреев? Так пусть станет ей! Еврейские студенты становились более закаленными дуэлянтами, чем нееврей-юнкеры. Их стали бояться до такой степени, что нееврейским клубам пришлось специально изобретать идеологические и расовые

причины, чтобы уклониться от еврейских вызовов. Они тренировались. Они соревновались. В течение первых же двух десятилетий после возрождения Олимпийских игр немецкие евреи завоевали 13 золотых и 3 серебряные медали в фехтовании на рапирах и саблях. Немецкая чемпионка в беге с препятствиями Хелен Майер, известная под кличкой «блондинка Хе», дважды завоевывала золото. Евреев могли не допустить в ряды офицерского корпуса, но они старались как могли. Внуки людей, говоривших на идише, в котором отсутствует военная терминология, были с 1914 по 1918 год 31 500 раз награждены Железным Крестом.

Тем не менее, отождествление евреев со всем германским при жизни последнего поколения перед Армагеддоном происходило на фоне культурной и научной революции, которая неслась совсем в другом направлении и в которой евреи играли ведущую роль. Параллельно с гонкой военных и морских вооружений, которая все глубже разделяла Европу и накаляла в ней обстановку, шла гонка интеллектуальных вооружений, разделявшая общество. Модернистское движение, оказывавшее влияние на все стороны культурной и интеллектуальной жизни, набирало мощь и превращалось в непобедимую силу. Традиции и консерватизм, не являвшиеся, разумеется, непреодолимым препятствием, оказывали сильное сопротивление, которое становилось все более отчаянным в течение последнего предвоенного десятилетия, когда отчетливо стали видны претензии модернизма. Евреи при этом, как и все прочие, оказались по обеим сторонам. Благочестивые евреи, будь то ортодоксы или хасиды, были, пожалуй, наиболее консервативным, чтобы не сказать – реакционным, элементом в Европе, выступавшим против любых культурных и научных перемен. Но в нееврейском мире на них не обращали ни малейшего внимания, как будто их вовсе не было – так, что-то вроде традиционных предметов обихода. А евреи и еврейство всегда и повсюду ассоциировались с самыми крайними формами модернизма.

Конечно, невозможно отрицать, что эмансипация европейских евреев и их выход из гетто в самую гущу интеллектуальной и художественной жизни способствовали ускоренным переменам. Евреи были природными иконоборцами. Подобно пророкам, они готовы были сокрушать привычных идолов, причем делать это умело и с каким-то свирепым весельем. Они наводняли области деятельности, традиционно им чуждые или запрещенные, и становились в них свежими ростками.

К примеру, еврейская музыкальная традиция была намного старше любой другой в Европе. Музыка оставалась элементом еврейского богослужения, и кантор был почти столь же ключевой фигурой в еврейской общине, как раввин. Однако еврейские музыканты, за исключением выкрестов, не играли заметной роли в музыкальном развитии Европы. Поэтому выход на европейскую музыкальную сцену в середине XIX века большого количества еврейских композиторов и исполнителей стал событием, причем привлекающим к себе большое внимание. Иудаизм здесь был не при чем. Некоторые из них, как Мендельсон, были выкрестами. Другие, как Жак Оффенбах (1819—1880), ассимилировались и были безразличны к религии. Некоторые, подобно Жану Халеви (1799—1862) и Джакомо Мейерберу (1791—1864) были верующими и соблюдающими обряды*. Однако музыкальный мир знал об их еврействе и о том влиянии, которым они пользовались, причем не просто в качестве композиторов, но и как руководители оркестров, академий, опер и музыкальных театров. Более того, существовало широко распространенное мнение, что и многие другие знаменитые музыканты были еврейского происхождения. Так, считали евреем Россини, который присутствовал в 1839 году на знаменитой свадьбе Ротшильда во Франкфурте. Иоганн Штраус, основатель знаменитой венской музыкальной семьи, был действительно сыном крещеного еврея – хозяина гостиницы в Будапеште. Даже у Вагнера были опасения (правда, необоснованные) насчет собственного еврейского происхождения. Подозревали также, что за революционные изменения в музыке того времени основную ответственность несут евреи.

Между 1860 и 1914 годами стало нарастать общественное сопротивление музыкальным новациям, особенно в таких центрах, как Вена, где привыкли очень серьезно относиться к музыке. Как писал один историк музыки, ускорение темпа стилистических изменений и рост

музыкальной публики объединились и сделали «и без того трудные отношения между артистом и публикой просто патологическими». Музыканты сознательно провоцировали; бывало, что публика отвечала насилием. Еврейский иконоборческий элемент придавал и провокациям и ответной реакции экстремистские формы. В Вене разразился скандал, когда в 1897 году Малер был назначен главой придворной оперы – едва ли не самый важный пост в немецкой музыке. Он занял его по праву, так как был одним из ведущих дирижеров Германии, и его назначение более чем оправдывалось разнообразием и великолепием постановок за его десятилетнее пребывание в должности. Но, чтобы занять ее, ему пришлось принять католицизм. В глазах тех, кому были ненавистны его новации, это не только не смыло с него еврейское клеймо, но и еще больше привлекло к нему внимание. «Он никогда себя не обманывал, – писала его жена, – и он знал, что люди не забудут его еврейского прошлого... Да он и не хотел, чтобы его забыли... Он никогда не отрицал своего еврейского происхождения. Скорее подчеркивал».¹

Руководящая деятельность Малера в Вене была бурной, и в конце концов враждебные интриги вытеснили его в Нью-Йорк. Все это произошло даже без провокационной роли его симфоний, которые почти не исполнялись при его жизни. Совсем другая история была с Арнольдом Шенбергом (1874—1951), который родился в Вене в еврейской семье, но был воспитан католиком. Он вызвал скандал, перейдя в возрасте 18 лет в протестанство (в 1933 году он вернется в лоно иудаизма). В 1909 году его «Опус 11, № 1 для фортепьяно» ознаменовал полный отказ от традиционной тональности. Через два года в основном по рекомендации Малера он получил небольшой пост в Венской королевской музыкальной академии, что вызвало бурю протеста в австрийском парламенте. Здесь, настаивали, Вена, столица европейской музыки, хранительница одной из главных драгоценностей мировой культуры, и неужели она должна находиться в руках этого не то еврея, не то бывшего еврея, не то бывшего католика или кто он там есть, который относится к ней с явным пренебрежением? В данном случае ощущение надругательства над культурой преобладало над антисемитизмом как таковым: точнее будет сказать, что оно превратило в антисемитов, по крайней мере, в данный момент, людей, которые обычно не выражали подобных настроений. Чувство глубокого гнева вызывал еврей-иконоборец. Когда в феврале 1913 года в Вене была исполнена вполне традиционная кантата того же Шенберга «*Gurrelieder*», публика четверть часа рукоплескала ей. На следующий месяц в том же городе исполнение его же «Камерной симфонии № 1 (опус 9)», следом за которой был исполнен «*Altenberglieder*» его ученика нееврея Альбана Берга, вызвало целый бунт, потребовавший вмешательства полиции. Все это начал Малер, продолжил Шенберг; эти евреи возвращают молодых арийских композиторов вроде Берга – так примерно говорили в народе.

Новый виток процесса приходится на тот момент, когда элементом новаций становится эротика. Именно это привнес Леон Бакст (1866—1924) в Русский балет, который был в первую очередь детищем евреев. Бакст был сыном уличного торговца, который прошагал от Гродно до Санкт-Петербурга со всем своим скарбом за плечами, а затем, во время Крымской войны, стал преуспевающим военным портным. Рыжий Леон был евреем до мозга костей и считал, что большинство знаменитых художников, включая Рембрандта, имели еврейские корни; на его бумагах с монограммой красовалась Звезда Давида. Его исключили из Академии художеств в Санкт-Петербурге за то, что он представил на конкурс картину «Мадонна, оплакивающая Христа», где изобразил целую толпу евреев из литовского гетто, чтобы подчеркнуть национальную принадлежность Христа и Богоматери; разгневанное жюри крест-накрест перечеркнуло его творение красным карандашом.

¹ Халеви своей оперой «*Еврей*» (1835) создал новую французскую оперную форму. Его дочь Женевьева, позднее знаменитая хозяйка гостиницы, вышла замуж за его лучшего студента – Жоржа Бизе. Его племянник, Людовик Халеви, написал либретто для оперы Бизе «*Кармен*», самой популярной из всех французских опер. Его внучатым племянником был прославленный историк Элия Халеви. См. Мирку Чейс. «*Элия Халеви: интеллектуальная биография*». Коламбия, 1980.

Именно Бакст, который был автором костюмов Павловой и Нижинского, представил последнего Дягилеву. Когда труппа сформировалась, другой еврей, Габриэль Аструц, пожертвовал деньги; к нему присоединился близкий к царскому двору еврей барон Гунцберг. Бакст создавал и сами балеты, и декорации, и костюмы. Он привнес в это искусство мощную гетеросексуальную эротику, которую умело усиливал, пользуясь всякого рода накидками, которые то прикрывали, то обнажали тела танцоров. Перед своим балетом «*Клеопатра*», который открывал 19 мая 1909 года историческую программу в парижском театре Шатле, он так характеризовал его: «Огромный храм на берегу Нила. Колонны. Знойный день. Аромат Востока и толпа красавиц с прекрасными телами». На главную роль он подобрал Иду Рубинштейн, типично еврейскую красавицу; с ее появления на сцене в окружении костюмов и декораций Бакста начинал развиваться сюжет. Как говорил Серж Лифарь, «именно художественное оформление привлекло вначале Париж к Русскому балету». Про Рубинштейн, с ее длинными ногами, семитским профилем и восточным обликом Арнольд Гаскелл говорил, что она была «ожившей картиной Бакста». На следующий год он создал «*Шехерезаду*», самый успешный спектакль Русского балета, где происходит оргия с участием красавиц гарема и мускулистых негров, заканчивающаяся кровавой резней. Постановка была самой шокирующей для той культурной эпохи.

Чувственность Бакста была откровенно еврейской; то же можно сказать и о его чувстве цвета, и, в еще большей степени, о его моральной теории цвета, согласно которой, как он утверждал, религиозные качества определенных цветов и оттенков способны вызвать у зрителя нужные эмоции («Есть синий цвет Магдалины и синий – Мессалины»). Эту науку он передал в школе, в Петербурге, где некоторое время преподавал своему любимому ученику Марку Шагалу (1887—1985), внуку еврейского ритуального мясника. И снова выход на сцену еврейского художника ознаменовал необычное явление. Известно, что на протяжении веков в еврейском изобразительном искусстве было много животных, но мало людей: львы на занавесах Торы, совы на иудейских монетах, звери на капители Капернаума, птицы на выступе основания фонтана V века в синагоге Наро в Тунисе. Животные присутствовали и на резных деревянных дверях в синагогах Восточной Европы; еврейкраснодеревщик был предтечей современной еврейской скульптуры. Книга о еврейском народном орнаменте, изданная в Витебске в 1920 году, выглядела как шагаловский bestiary. Однако в начале XX века сопротивление благочестивых евреев портретной живописи было еще довольно сильным. Когда молодой Хаим Сутин (1893—1943), сын бедного портного-хасида, написал по памяти портрет раввина, отец выпорол его. Отец Шагала, зарабатывавший на жизнь тем, что возил бочки с селедкой, не заходил так далеко; однако, когда его сын стал заниматься с портретистом Иегудой Пенем, отец, хоть и заплатил причитающиеся пять рублей, но в знак протеста швырнул их на землю. Отсюда и сильное желание вырваться из-под опеки религии, и необходимость покинуть Россию. Шагал провел несколько недель в заключении за попытку въехать в Петербург без разрешения. Баксту отказали во въезде (хотя его отец был «привилегированным евреем») в 1912 году, когда он был уже всемирно знаменит.

И художники-евреи уезжали в Париж, где в них формировался дух иконоборчества, и они оказались в среде художественного авангарда. Шагал прибыл туда в 1910 году и жил в колонии в знаменитом деревянном Ляруше, рядом с улицей Вожирар, где среди прочих жили Леже, Архипенко и Ленин. Там он повстречался с евреями-скульпторами Осипом Задкиным (1890—1967) и Жаком Липшицем (1891—1973). В Париже жил и Моисей Кислинг (1891—1953). Эти художники были польскими или русскими ашкенази, но среди них были и сефарды: Жюль Пассен (1885—1930) из Румынии и Амедео Модильяни (1884—1920) из итальянского Ливорно, с которым Сутин спал по очереди в одной постели. Были евреи, которые к этому моменту уже занимали ведущие позиции в изобразительном искусстве: Камилл Писарро (1830—1903), его сын Люсьен (1863—1944) и Макс Либерман (1847—1935), который привнес импрессионизм в Германию. Что же касается молодого поколения, то в некоторых отношениях они были просто дикарями. За исключением Шагала, который мечтал о новом Сионе, все они питали минимум уважения к своему религиозному

наследию. Сутин впоследствии вообще отрицал, что еврей и родился в Вильно; в своем завещании он оставил 100 франков детям раввина, чтобы они купили конфет и сплели на его могиле. Но у всех этих молодых евреев была общая черта – стремление захватить новую культурную территорию.

Нельзя сказать, чтобы евреев характеризовало всеобщее стремление к модернизму, какая-то глобальная установка на повсеместное его внедрение. Один историк культуры даже писал, что приписывать модернизм евреям значит проявлять «антисемитскую тенденциозность или узкий филосемитизм». Будучи решительными новаторами в своей области, они зачастую бывали весьма консервативны в остальных вопросах. Так, Макс Либерман, чьи произведения некогда шокировали и встревожили немцев, – его «Юный Христос проповедует в Храме» (1879) изображает Христа типично еврейским мальчиком – хвастался тем, что «полностью буржуазен». Он жил в том же доме, что его родители, и «ел, пил, спал, гулял и работал с регулярностью церковных часов». Зигмунд Фрейд (1856—1939), возможно, величайший новатор среди евреев, осуждал «модернизм» почти во всех его проявлениях. С особым презрением он относился к современному искусству, обвиняя его создателей во «врожденных дефектах зрения». Он очень любил свою коллекцию гравюр с изображениями Древнего Египта, Китая, Греции и Рима и сидел за своим столом, окруженный ими, как Авраам в окружении своих домашних богов; среди них не было работ старше эпохи Возрождения. Как у Либермана, у Фрейда был железный ежедневный, недельный, месячный и годичный распорядок. Типичное расписание: с восьми до часу дня – прием пациентов. С часу до двух – обед, основной прием пищи за день, должен был подаваться без опозданий. С двух до трех – моцион (в плохую погоду и в старости ограничивался хождением вокруг большого фамильного дома). С трех до четырех – консультация, затем до позднего ужина прием пациентов, затем опять моцион и, наконец, работа за письменным столом до часу ночи. Недельное расписание также соблюдалось неукоснительно: по вторникам раз в две недели собрание Бнай-Брит; по средам – встреча с товарищами по профессии; вечером в четверг и субботу – лекции в университете, затем в субботу для отдыха – игра в тарок в четыре руки; по утрам в воскресенье – посещение матери. Ученики, желавшие встретиться с ним, должны были или договариваться заранее, или поджидать его в определенных местах по маршруту его прогулок. Подобно Марксу, который запрещал своим дочерям учиться или работать на стороне и требовал, чтобы они, «как благородные», сидели дома и занимались вышиванием, рисовали акварелью и играли на фортепьяно, Фрейд организовывал жизнь своей большой семьи на патриархальный манер. Ни Маркс, ни Фрейд не применяли своих теорий дома и к своим родным. Фрейд был старшим сыном властной мамы, и они вдвоем командовали его пятью сестрами. Со временем и его жена оказалась в подчиненном положении. Она всячески его обихаживала, прямо как камердинер в старину, даже выдавливала ему зубную пасту на щетку. Он никогда не обсуждал с ней своих идей. Кстати, она лично их отвергала: «У женщин всегда были подобные проблемы, но они решали их без помощи психоанализа. После менопаузы они становились более спокойными и сговорчивыми». К своим детям он тоже не применял своих идей и, в случае необходимости разобраться в их личной жизни, отсылал сыновей к семейному врачу. Собственное его поведение было всегда в высшей степени распекабельным.

Жизнь Фрейда представляет интерес не только вследствие огромного влияния его трудов, но и потому, что с ней перекликаются многие особенности духовной жизни и истории евреев. Ряд его позиций типичен для евреев. Нельзя сказать, чтобы он был верующим, в том числе верующим в Тору. Он вообще считал религии коллективным заблуждением и всей своей работой стремился показать, что все верования, в том числе и религиозные, суть творение человека. Существуют некоторые разночтения по поводу того, в какой степени он владел ивритом и идишем. Образование, которое он получил, было не столько иудаистским, сколько европейским, классическим и научным. Он писал на превосходном немецком языке, который был отмечен премией Гете. Однако родители его

были из галицийских хасидов, причем мать из ультрахасидского города Броды. Никто из его детей не крестился и не женился на неевреях. Его сын Эрнест стал сионистом. Сам он всегда относил себя к евреям, а в последнее десятилетие открыто подчеркивал, что является евреем, а не австрийцем или немцем. Он знал Герцля и уважал его. Никогда не соглашался получить гонорар за перевод своих трудов на иврит или идиш. Его биограф Эрнест Джоунз писал, что Фрейд «всегда ощущал себя евреем до мозга костей... у него почти не было друзей неевреев». Когда его открытия ударили по его популярности, он обратился к Бнай-Брит и позднее так объяснял это: «В моем одиночестве во мне появилась тяга к кругу избранных, благородных людей, которые способны дружески воспринимать меня, независимо от того, сколь наглы мои заявления... То, что Вы евреи, еще больше меня устраивало, ибо я сам еврей, и мне всегда казалось, что отрицать это не только постыдно, но и совершенно бессмысленно».

Впрочем, Фрейд искал в своей среде не только покоя. Он приписывал еврейскому духу особую силу. «Если вы не дадите своему сыну вырасти евреем, – говорил он Максу Графу, – вы лишите его источников энергии, которые ничем нельзя возместить». Но евреи не только обладали огромной энергией – качеством, которое Фрейд очень ценил; они придавали особую ценность идеям, и это он считал еще более жизненно важным. «Мы сохранили свое единство благодаря идеям, – писал он, – и благодаря этому мы выжили». Он верил в еврейскую кафедократию, в верховенство разума и говорил, что основание академии было для него «одним из важнейших событий в нашей истории».

Внезапное открытие Фрейдом психоанализа, его переход из врачей в знахари были в чем-то сродни обращению, причем еврейского типа. До середины четвертого десятка он был ученым-медиком. Затем он внезапно утратил интерес к обычной медицине. Еврейской традицией было приберегать что-нибудь загадочное на средний возраст. Такой точки зрения, при всем своем рационализме, придерживался и Маймонид, который очень долго не пытался лечить душевных расстройств. Возраст 36 лет считался пороговым. Баал-Шем-Тов, например, раскрылся как раз на тридцать шестом году. По мнению Эрнеста Джоунза, «скрытый период» Фрейда длился с конца 1887 года (когда ему был 31 год) до публикации в 1892 году «Случая успешного лечения гипнозом» (36 лет). Сам же Фрейд, веря в теорию научного открытия через чудесное озарение, датировал это событие тремя годами позже. Он говорил, что на доме, где на него снизошло во сне открытие, нужно повесить мраморную доску со словами: «В этом доме 24 июля 1895 года доктору Зигмунду Фрейду открылась тайна снов». Джоунз утверждал, что открытию предшествовало изменение личности. Но в любом случае ясно, что Фрейд разработал принципиально новый подход к самооценке человека. Он искал, по выражению Джоунза, ответа «на великий вопрос, как человек стал тем, что он есть», к чему, по сути, сводится «тайна внутренней природы человека».

Этот поиск в основе своей носит религиозный характер, и, подобно всем основателям новых религий, Фрейд начал быстро отдаляться от бывших коллег. «С каждым шагом в новом направлении он становился для них все более чужим. Они не могли разглядеть связи между его многолетними солидными и плодотворными медицинскими исследованиями и новыми интересами и методами». Искра озарения превратилась в новую веру. «То, что вначале было небольшим ключом в психопатологии, – писал его коллега Ганс Закс, – путем неустанных усилий оригинального мышления расширялось до тех пор, пока не превратилось в фундаментальную концепцию психологии, человеческой цивилизации и, наконец, всего живого мира».

Нет сомнения в том, что Фрейд обладал динамизмом основателя религии или великого еретика. «Будучи евреем, – говорил он, – я чувствовал себя свободным от многих предрассудков, которые сдерживали у других использование своего интеллекта». И снова: «Мне часто казалось, что я унаследовал всю дерзость и страсть, с которыми наши предки обороняли Храм, и с радостью пожертвовал бы свою жизнь за один великий момент в истории». Он признавался своему другу Вильгельму Флиссу, что является не столько ученым, экспериментатором или даже наблюдателем, сколько человеком действия: «По

темпераменту я никто иной, как конкистадор, авантюрист... со всем любопытством, смелостью и упорством, что присущи этому типу людей». По его мнению, основателем иудаизма является не Авраам, а Моисей, и его воодушевлял образ великого законодателя, особенно его статуя в Риме работы Микеланжело: «В течение трех недель одиночества в сентябре 1913 года я стоял каждый день в церкви перед этой статуей, изучал ее, измерял, рисовал, пока не ощутил понимание ее». Он ассоциировал себя с Иосифом, мечтателем и провидцем, и любил напоминать, что среди самых важных членов свиты Александра Великого были толкователи снов.

Фрейд воспринял многие элементы иудаизма. Его техника интерпретации снов в ряде отношений аналогична методике Зохара. От своего друга Флисса он воспринял то, что называл в письме Юнгу, «особой мистической природой моего мистицизма», и прежде всего очарование важностью и предсказательной природой чисел. Он верил в явления типа двойников-призраков («Doppelganger»), причем настолько, что искренне боялся их, и писал изумленному Артуру Шницлеру: «Думаю, что мне удалось преодолеть твое нежелание встречаться с моим двойником». Он страдал от ужасного страха смерти. Впрочем, если фрейдизм, подобно марксизму, есть в некотором роде система суеверий, если он обладает тем же «осмотическим» свойством, что мессианская каббала Натана из Газы, способная ассимилировать неудобные факты по мере их появления, то это и неудивительно, ибо они происходят из одного и того же источника, а западное наукообразие – не сущность, а лишь внешний налет. При этом еврейский элемент во фрейдизме восходит не к хасидам, а к Моисею. Фрейд хотел основать новую систему квазирелигиозного закона, причем со всей силой и настойчивостью, какими обладал. Когда он говорил: «Мы владеем истиной», то ни один религиозный лидер не мог бы сказать это столь же уверенно и догматически.

Новое кредо было еврейским еще по двум существенным характеристикам. Его «Тора», его основные документы – собственные писания и формулировки Фрейда, причем они, подобно Библии, являются апофеозом коротких притч. Искусство иллюстрировать тезис историей всегда было особенностью мудрецов, которая возродилась в хасидизме. Фрейд придал ей научный и светский облик. Это явилось (и в какой-то степени является до сих пор) ключом к его огромной власти над людьми. Говоря о своей работе 1901 года «Фрагмент анализа случая истерии» (история Доры), Фрейд отмечал с авторским удовлетворением: «Это – самая тонкая вещь, которую я написал, и она производит гораздо более ужасный эффект, чем обычно». Как указывал Стивен Маркус, Фрейд никогда не был менее убедителен, чем когда пытался отрицать свои литературные намерения. «Теперь я вынужден перейти, – писал он лицемерно, – к рассмотрению некоторой проблемы, для которой я не нашел бы места, будь я литератором, описывающим подобное душевное состояние в рассказе, но я медик, который производит в некотором роде вскрытие». Или еще: «Мне самому несколько странно, что истории болезни, которые я излагаю, могут быть восприняты как литературные произведения, и в них, по мнению кого-то, недостает серьезной науки». Фактически же он не меньше заботился о форме и стиле своих писаний, готовя их к публикации, чем другие современные ему врачи-писатели, такие, как Артур Конан-Дойль и Сомерсет Моэм, но в дополнение к этому он придавал им убедительность правды, важность и веру автора Первой Книги Царей. Такие описания, как истории Доры, Человека-Крысы, Маленького Ганса, Шребера и Человека-Волка, – душа и сущность его откровения.

Во-вторых, фрейдизм как кредо распространялся и практиковался преимущественно евреями. Неправда, что он, как часто утверждали, развился из практики по лечению богатых евреев в Вене. Но Иозеф Брейер, если так можно выразиться, «Иоанн креститель» Фрейда, был евреем, так же как и все первые психоаналитики. Значение Юнга для Фрейда было в том, что он был первым серьезным последователем из неевреев, кого ему удалось привлечь на свою сторону. Вот почему на Втором конгрессе по психоанализу в 1910 году в Нюрнберге он преодолевал все возражения, добиваясь избрания Юнга постоянным президентом:

«Большинство из вас – евреи, а потому вы не сможете приобрести новых сторонников учения. Евреи должны удовлетвориться ролью тех, кто готовит почву. Мне абсолютно

необходимо устанавливать новые связи в научном мире. Я старею, я устал от постоянных нападков. Мы все в опасности... Этот швейцарец [Юнг] спасет нас – спасет меня, а заодно и всех вас».

Фрейд был подобен Моисею в своей убежденности в правоте. Другая еврейская традиция – традиция терпимости, полицентризма руководства и взглядов – была ему чужда. Макс Граф, отец Маленького Ганса, говорил, что в кабинете Фрейда была атмосфера «основания религии». Пациенты были его «апостолами», а Фрейд, «добросердечный и внимательный в личной жизни», был «жестким и неуступчивым в отстаивании своих идей». У Фрейда был собственный маленький двор, как у мудреца-хасида, впервые сложившийся в 1902 году, и он никогда не терпел в нем серьезной себе оппозиции. Альфред Адлер (1870—1937), один из первых и блистательных его членов, как-то рискнул проявить несогласие, после чего к нему стали относиться не как к коллеге-критику, а как к еретику или, как сказали бы марксисты, перебежчику-ренегату. Граф так это описывал: «Был суд по обвинению в ереси... Фрейд, как глава церкви, объявил об изгнании Адлера, «отлучил его от официальной церкви». За несколько лет я как бы пережил всю историю церкви». В дальнейшем часто использовался бойкот (*герем*). Особенно примечательным был случай с Юнгом, величайшим еретиком из всех. Разрыв с Юнгом был особенно болезненным, поскольку, как выражался Джоунз, он готовился в «Иисусы вслед за Фрейдом-Моисеем». Его лицо светилось, когда он говорил о Юнге: «Это мой любимый сын, мое утешение». «Когда империя, которую я основал, осиротеет, – писал он, – никто кроме Юнга не должен все унаследовать».

Поиск и изгнание еретиков сопровождалось *odium theologicum* (богословским унижением). Как говорил Закс, Фрейд мог быть «твердым и острым, как сталь, мастером ненависти». Он осудил Альберта Молла, автора «Сексуальной жизни ребенка», обозвав его «животным» с «интеллектом и моралью адвоката-кляузника»; выгнав того из кабинета, Фрейд добавил: «Всю комнату провонял, как черт какой-то». Адлер был назван «дрянью, полной яда и низости»; «я сделал пигмея великим». Вильгельм Штекель, другой «апостол», был объявлен «вошью на голове астронома» – ругательство, которое Фрейд заимствовал у Гейне, еще одного мастера ненависти. Юнг оказался «еретиком», «мистиком», а «юнгианство» стало худшим оскорблением в словаре Фрейда. Бывшие последователи игнорировались на улице, ссылки на них вырезались из новых изданий трудов Фрейда или вырождались во что-нибудь вроде «бывший исследователь». Письма Юнга к Фрейду много лет считались «пропавшими». По поводу всех этих склок Фрейд опять же цитировал Гейне: «Нужно прощать своих врагов, но не раньше, чем их повесят». Есть много примеров «повешенья», но ни одного – прощенья. Когда Адлер умер в 1937 году по пути в Абердин, Фрейд (которому тогда было за 80) писал Арнольду Цвейгу: «Не понимаю вашей симпатии к Адлеру. Для еврейского мальчика из венского пригорода смерть в Абердине – неслыханная карьера».

Если Фрейд обладал нетерпимостью Ездры и всеми характерными ошибками кафедократии, он все же обладал и ее героическими достоинствами: неустранимостью в защите того, что он считал истиной; страстной изобретательностью в проведении своей линии; неустанным трудом до конца жизни; смертью святого, медленно умиравшего от рака, отказавшегося облегчить свои страдания морфием: «Лучше я буду думать в мучениях, чем утрачу способность ясно мыслить». Артур Кестлер, который наблюдал его кончину, увидел «маленького и хрупкого» мудреца с «несокрушимой жизнеспособностью еврейского патриарха». Фрейд был носителем традиции еврейской иррациональности, то есть он был ближе к Наманиду и Бешту, чем к Маймонида. Но, может быть, именно благодаря этому он стал центральным столпом интеллектуальной структуры XX века, которая сама была довольно иррациональным сооружением. Или, используя другую метафору, он дал человечеству новое зеркало, и никому другому не удалось так радикально и необратимо изменить образ, в котором человечество видит себя; или, по крайней мере, как оно говорит о себе, ибо он изменил и сам словарь интроспекции.

Если Фрейд изменил то, как мы видим себя, то Альберт Эйнштейн (1879—1955) изменил наше видение вселенной. Это сделало его центральной фигурой XX столетия, а может быть и XXI тоже, поскольку, как показывает история, великие реформаторы законов науки, как Галилей, Ньютон или Дарвин, продолжают оказывать свое влияние на общество в течение длительного времени. Эйнштейн был евреем из Ульма, где у его отца была небольшая электрохимическая фирма. Он работал в швейцарском патентном бюро в Берне и сформулировал в это время свою Специальную теорию относительности (1905) и Общую теорию относительности (1915). Основные открытия были сделаны им, как и Фрейдом, до Первой мировой войны; в дальнейшем он упорно, но безуспешно пытался создать общую теорию поля, которая вобрала бы в себя квантовую физику, в создании которой он также играл ключевую роль.

Эйнштейн, судя по всему, никогда не был практикующим евреем в обычном смысле этого слова, и в этом напоминал Фрейда. Но, в отличие от Фрейда, он никогда не отвергал веру в Бога как иллюзию; он, скорее, пытался дать ей другое определение. Интеллектуально он целиком и полностью находился в русле традиции еврейского рационализма Маймонида и Спинозы. Он был ученым-эмпириком в высшей степени скрупулезным и старался формулировать свои теории таким образом, чтобы сделать возможной их точную проверку, причем всегда настаивал на том, чтобы провести ее, прежде чем говорить об истинности своих воззрений; в этом он был почти полной противоположностью догматизму Фрейда. Но он допускал существование истины, которая не может быть проверена. И в этом отношении он был честнее Фрейда. Фрейд отрицал существование мистической правды, оставаясь, в сущности, сам мистиком. Эйнштейн же оставался рационалистом, допуская мистическую сферу. По его мнению, «загадочное», чему он придавал скорее эмоциональный, чем фактический оттенок, «стоит у колыбели подлинного искусства и подлинной науки». За пределами «глубоких причин и сияющих красот» находятся непознаваемые истины, «которые доступны нашему сознанию только в самой примитивной форме». Осознание этого, утверждал он, и есть подлинно религиозное чувство, и «в этом, и только в этом смысле я – глубоко религиозный человек».

Последнее утверждение есть, по существу, другая формулировка символа веры Маймонида о том, что существуют два дополняющих друг друга пути познания истины: разум и откровение. Однако Эйнштейн был намного ближе к Спинозе, которым он восхищался, отвергая откровение как таковое. Он говорил, правда, что для того, чтобы сформулировать крупную научную концепцию, необходимо интуитивное мышление, что-то вроде слепого скачка в большое теоретическое обобщение. В этом у него было много общего с французским еврейским философом Анри Бергсоном (1859—1941), который разделял положения Эйнштейна о мистическом и интуитивном элементе в науке (а также о связи времени и материи). Но, по мнению Эйнштейна, когда скоро интуиция создала элементы идеи, наступает черед науки и разума. «Я желаю знать, как Бог создал этот мир», – говорил он, ставя почти мистическую цель. Но знание необходимо приобрести при помощи математических построений, подкрепленных данными астрономии. В каком-то смысле Эйнштейн делал то, что пытались совершить каббалисты – описать Творение числами. Но в то время, как их числа были интуитивными, магическими и непроверяемыми, его числа были рационального происхождения и проверены телескопом. Было в этом своего рода волшебство, которое его восхищало, когда он обнаруживал, что вселенная, вместо того чтобы быть хаотичной, как можно было бы априори предположить, оказывается упорядоченной, управляемой законами пространства-времени, которые хотя и могут со временем измениться, как он изменил законы Ньютона, но, тем не менее, принципиально доступны человеческому разуму. В этом, говорил он, и «состоит «чудо», которое все углубляется по мере развития нашего знания».

Эйнштейн верил, что макрокосмос и микрокосмос управляются одними законами и что его Общая теория относительности в конце концов станет просто частью общей теории, описывающей все электромагнитные поля. Тогда каждое физическое соотношение

материального мира можно будет точно описать несколькими страницами уравнений. Он чувствовал глубокое родство со Спинозой, который тоже «глубоко убежден в причинной обусловленности всех явлений, причем в то время, когда успехи на пути познания причинной связи явлений были еще весьма скромными». Ему же, через 300 лет после Спинозы, должен сопутствовать успех. Этот поиск выглядел особенно еврейским, в том смысле, что диктовался необходимостью открыть всеобъемлющий закон о вселенной – своего рода научную Тору. Альтернативой всеобъемлющей теории был индетерминизм – концепция, особо неприемлемая для еврейской мысли, поскольку делает невозможной всю этику, закономерность в истории, определенность в политике и законе. Отсюда и сорокалетние поиски Эйнштейна, не завершившиеся успехом. Подобно Маймониду, который в своем кодексе, комментариях и «*Наставлении*» пытался свести все огромное наследие иудаизма к компактному, ясному и рациональному объему знаний – иудаистской *сумме*, Эйнштейн искал полной и монументальной простоты, научной *суммы*, которая сделала бы ясным смысл вселенной.

Фактически его реальные достижения ограничились формулированием теории относительности. Ее истинность была продемонстрирована неоднократно, и в течение шестидесяти или более лет она является сердцевинной своды научных знаний. В общественное сознание она, правда, привнесла не новую и большую простоту, а новую сложность, поскольку относительность путают с релятивизмом, особенно с моральным релятивизмом. Соединение Эйнштейна с Фрейдом, по крайней мере, на бытовом, так сказать, уровне, нанесло сокрушительный удар по абсолютной определенности иудео-христианской этики, в которую Эйнштейн кстати глубоко верил. Это также было зачтено в прегрешения евреев. Появление теории относительности ознаменовало к тому же для многих образованных и интеллигентных людей момент, начиная с которого они оказались неспособными понимать ход развития науки. О последствиях этого писал еврейский писатель и философ Лайонел Триллин (1905—1975): «Отлучение большинства из нас от научного способа мышления, который традиционно считался достижением нашего века, было воспринято как удар по нашему интеллектуальному самоуважению. Мы все согласились помалкивать об этом унижении; но можно ли сомневаться, что оно... внесло в духовную жизнь как существенный элемент сомнение и отчужденность, которые следует принимать во внимание при любой оценке нынешнего состояния умов?»

В итоге результатом этой бешеной интеллектуальной работы и культурного новаторства на стыке столетий, деятельности, в которой евреи играли ведущую роль, явилась не только «гонка вооружений» между прогрессистами и консерваторами, но и широко распространенные тревога и замешательство. Новые светские интеллектуалы – евреи чувствовали это не хуже других, даже если это было результатом их работы. Тоска по определенности – один из главных мотивов шедевра Пруста «*В поисках утраченного времени*». В творчестве Франца Кафки (1883—1924) всеобщим принципом объявляется непостижимое перемещение. Один из его рассказов кончается словами: «Вот он я, за пределами моего незнания и невозможности двигаться. У моего корабля нет руля, и ветер несет его на верную погибель». Шенберг чувствовал то же самое, подводя итог своей жизни в горькой метафоре: «У меня ощущение, что я свалился в океан кипятка и не умею плавать... Я изо всех сил старался грести руками и ногами... Я не сдавался. Но что значит сдаваться или не сдаваться посередине океана?» Поэт-экспрессионист Якоб ван Ходдис, в прошлом Ханс Давидсон, суммировал и усугубил это чувство тревоги, написав в 1910 году цикл стихов «*Wetende*» («Конец света»), который вскоре стал знаменит в Германии. Он читал его в поэтическом кабаре, которое организовал лидер экспрессионистов Курт Хиллер, уверявший, что является потомком раввина Хиллеля. Стихи начинались словами «Шляпа слетает с заостренной головы буржуа»; в силу причин, сейчас не слишком понятных, они немедленно были восприняты как кредо модернизма как его сторонниками, так и оппонентами, приведя последних в неопишемую ярость. В 1914 году молодой поэт сошел с ума, а вслед за ним – и вся Европа, сорвавшись с места в дикой пляске разрушения, в ходе

которой самым драматическим образом трансформировались и перспективы евреев, и стоящие перед ними проблемы.

Часть шестая ХОЛОКОСТ

Девятого ноября 1914 г., выступая с речью в лондонском Гилдхолле, британский премьер-министр Герберт Асквит объявил драматически: «Турецкая империя совершила самоубийство». Германское ухаживание за Турцией, которое привело к прекращению кайзером активной поддержки сионизма, увенчалось наконец успехом. Султан изъявил готовность содействовать победе Германии и собирался объявить джихад Англии. Асквит желал не допустить участия в нем 100 миллионов мусульман – подданных Британской империи. Отсюда его речь, провозглашавшая решимость Англии разрушить наконец Оттоманскую империю и дать свободу ее народам. Но, выступив с ней, он бессознательно добавил еще один, и существенный, кусок к разрезной головоломке сионистского государства. Потому что если в Палестине, как и в других местах, ликвидировалось турецкое правление, то, может случиться, ничто не помешает еврейскому национальному очагу оказаться в вакууме.

Идея того, что евреи могут выиграть от поражения Германии в начинающемся страшном конфликте, потрясла бы в этот момент большинство их своей абсурдностью. Смертельным врагом евреев была царская Россия, которую в это время пыталась разорвать на части германская армия. В лондонском Ист-Энде евреи не торопились записываться добровольцами на войну с Германией по той же самой причине. У всех возможность еврейского культурного лидерства ассоциировалась с Германией. Если не считать крайне левых пацифистов, все ведущие интеллигенты-евреи, говорящие по-немецки, во главе с Максом Либерманом подписали петицию в поддержку военных целей Германии; почти единственным, кто отказался, был Эйнштейн.

Когда немецкие войска, разбив русскую армию под Танненбергом, ворвались в русскую Польшу, евреи приветствовали их как спасителей. Одним из приветствующих был Зеев Дов Бегин, отец будущего премьер-министра Израиля. В дополнение к ивриту и идишу он говорил по-немецки, предпочитая этот язык польскому, который он называл «языком антисемитизма». Он сказал юному Бегину и его сестре (позднее госпоже Гальперин): «Вот увидите, придут немцы – это другая культура, это не Россия». Русская армия, уходя, ставила в строй целые еврейские общины и гнала их нагайками в Сибирь – зловещий прообраз сталинской политики по отношению к нацменьшинствам. Семья Бегин наблюдала, как казаки жгли еврейские деревни. Когда пришли немцы, они, по воспоминаниям госпожи Гальперин, «относились к евреям чудесно... Они давали каждому ребенку конфеты и пирожные. Это были другие немцы, другое время».

Даже в еврейских поселениях в Палестине языком общения был немецкий. Многие из поселенцев хотели, чтобы в еврейских школах обучение шло на немецком языке, а не на иврите. Немецкий без обсуждения был принят в качестве официального языка на сионистских конгрессах. Сионистский центр в Берлине видел себя штаб-квартирой всемирного движения, а его члены призывали Германию к покровительству над евреями, а также и над исламом. По мнению многих, именно большая еврейская община в Салониках помогла подтолкнуть Турцию к войне на стороне Германии.

Тем не менее, наиболее прозорливые понимали значение решения Англии разрубить оттоманскую тушу. Одним из них был Хаим Вейцман, который после смерти Герцля стал наиболее активным пропагандистом сионизма на Западе. «Пришло время, – с удовлетворением писал он после речи Асквита, – говорить открыто – показать миру отношение евреев к Палестине». Вейцман был одной из самых благородных и важных фигур в еврейской истории. В качестве сионистского лидера он почти так же умело, как и Герцль, обрабатывал государственных деятелей мира, но, в дополнение к этому, он мог говорить от

имени простых «остьюден», так как был одним из них. Атмосфера в его доме в городе Мотол среди Припятских болот была вполне традиционной. Отец его, который валил лес и сплавливал его в Балтику, знал Кодекс Каро наизусть, а его любимой книгой было «Руководство для заблудших». На стене в его доме рядом с Маймонидом висел портрет барона Гирша, но «Возвращение» имелось в виду религиозное: местный раввин сказал Вейцману: «Чтобы стать достойным этого, нужно много делать, много учиться, много знать и много страдать».

Конечно, Вейцману пришлось немало пострадать, чтобы получить современное образование. В доме не было газет. Его учителю, тайному *маскилю*, чтобы привезти учебник по естественным наукам на иврите, пришлось прятать его в обложку от Книг Пророков. К тому же дело происходило в царской России, где для евреев была установлена предельная квота в 10% мест в средних школах даже тех городов, где евреи составляли больше половины населения. Делалось все для того, чтобы евреи не могли попасть в университет. Позднее Вейцман напишет: «Читая год за годом мудреные указы, которые дождем сыпались из Петербурга, можно было подумать, что вся громадная машина Российской империи была создана с единственной целью – изобретать и усложнять правила и установления, ограждающие существование своих подданных-евреев». Так что образование было сопряжено с постоянными придирками, обманом и унижением. Вейцман проявил потрясающее терпение, настойчивость и изобретательность и сумел попасть в Берлинский политехнический, одну из трех лучших научных школ в Европе, а затем в Швейцарии, он получил степень доктора химии во Фрайбурге (1899).

Но только в Англии, куда он приехал преподавать биохимию в Манчестерском университете, Вейцман осознал цель своей жизни: воспользоваться существованием Британской империи и доброй волей ее правящего класса, чтобы осуществить мечту о еврейском национальном очаге. Вейцман, получивший британское подданство в 1910 г., всегда оценивал англичан по их собственным правилам и считал их терпимыми, честными, любящими свободу и справедливость. Он как будто вкладывал все золото своих чувств в их сердца и в конечном итоге набегали неплохие дивиденды. Перед 1914 г. он начал стричь купоны. Он познакомился с К. П. Скоттом, влиятельным редактором либеральной «Манчестер Гардиан», а через него и с такими депутатами парламента от Ланкашира, как лидер консерваторов Артур Бальфур и Уинстон Черчилль. Кроме того, Скотт познакомил его со своим ближайшим политическим другом Ллойд-Джорджем. Все эти люди стали надежными сторонниками сионизма.

Неожиданно Вейцман нашел себе союзника в лице либерального депутата Герберта Сэмьюэла. Он был членом еврейского истеблишмента в то время, когда он еще был в подавляющем большинстве довольно злобно настроен антисионистски. Отец его основал процветающую банковскую фирму «Сэмьюэл Монтегю», а его первый двоюродный брат, Эдвин Монтегю, работал в этой же фирме, при этом был политиком и одним из ведущих антисионистов. Сэмьюэл, будучи в Баллполе, этом гнезде атеизма, вынужден был признаться матери, что утратил там веру, однако внешне он оставался конформистом, продолжал делать взносы в синагогу и гордо называл себя евреем. Так что когда в 1909 г. он вошел в кабинет министров, то оказался там первым евреем. Занимаясь также политической работой в еврейском Уайтчепеле, он наблюдал там ужасные сцены нищеты и упадка, что и сделало его сионистом. Его настроения укрепились в результате участия в 1911 г. в деле Маркони, когда он испытал на себе жестокость антисемитизма – даже в терпимой Англии.

Сэмьюэл по характеру был холоден, молчалив, замкнут; свои взгляды держал при себе. Даже Вейцман не знал, что он сионист. Но он тайком разрабатывал план, как воспользоваться турецкой интервенцией, и в тот день, когда Асквит выступал со своей речью, Сэмьюэл заглянул в Форин-Офис к министру иностранных дел Эдварду Грэйю и провел с ним важную беседу. «Что вы думаете насчет национального очага евреев?» – задал он ему вопрос. Грэй сказал, что «он всегда сочувственно относился к этой идее... [и он] готов поработать в этом направлении, если появится возможность». Они обсудили

подробности. Сэмьюэл предупредил, что в это образование нельзя включать «Бейрут и Дамаск, поскольку они имеют значительное нееврейское население, которое не удастся ассимилировать». В общем, добавил он, «было бы весьма полезно, если бы Франция заняла остаток Сирии, так как для государства было бы намного лучше иметь своим соседом европейскую державу, чем турок». Так чистая идея стала постепенно приобретать вид англо-французского договора о разделе территорий, согласно которому англичане получали Палестину, а французы – Сирию и Ливан; позднее границы были определены в Версале секретным соглашением Сайкса – Пико. Но все это еще не означало, что евреи получат свой дом. В тот же день позднее Сэмьюэл заехал в казначейство, чтобы заручиться поддержкой Ллойд-Джорджа, ставшего канцлером. Он «сказал мне, что очень хотел бы, чтобы там было организовано еврейское государство».

Так Вейцман и Сэмьюэл привели в движение всю кампанию. Фабианский «*Нью-стэйтсмен*», выступая за британский протекторат, где можно было бы возлелеять еврейский национальный очаг, утверждал: «Надежды сионистов внезапно перешли из разряда идеала в вопрос практической политики». На самом же деле впереди был еще долгий путь. Салонный антисемит Асквит с презрительной ухмылкой наблюдал за тем, как Сэмьюэл докладывал свой план кабинету и встретил резкое сопротивление своего антисионистского кузена Монтегю. Премьер-министр описал их стычку в одном из ежедневных писем своей подруге Венеции Стэнли 28 января 1915 г.:

«[Сэмьюэл] думает, что мы должны поселить на этой не слишком многообещающей территории от 3 до 4 миллионов евреев, и это произведет хорошее впечатление на тех, кто остался (думаю, на него самого в том числе)... Это звучит на манер нового исправленного издания «*Танкреда*». Признаюсь, меня не привлекает эта дополнительная ответственность, которую нам предлагают принять на себя. Но любопытно наблюдать в качестве иллюстрации к любимому афоризму Диззи «раса это все» сие почти лирическое произведение высокоорганизованного и методичного мозга Г. С.».

Затем 13 марта 1915 г. он вновь упоминает «почти дифирамбный меморандум» Сэмьюэла по Палестине, «куда со временем смогли бы сползти со всех углов земного шара евреи и положенным образом получить там самоуправление (ну и государство!). Любопытно, что кроме него это предложение поддерживает один Ллойд-Джордж, которому, боюсь, наплевать на евреев» – просто ему хочется удержать этих «агностиков и атеистов французов» подальше от «Святых мест». Четыре дня спустя премьер сообщил мисс Стэнли, что «кузен Монтегю», или «ассириец», как он его называет, нанес ответный удар «язвительным меморандумом», в котором обвинил «кузена Герберта» в том, что тот неспособен перевести на иврит ни единой фразы из своего плана, который является «довольно преждевременной и почти богохульной (!) попыткой организовать Святое Агентство по собиранию евреев». Асквит признается, что его «довольно позабавил» язык, которым пользовались в споре его еврейские коллеги. Его сомнения окрепли, когда военный министр, лорд Китченер, единственный из министров, кто бывал там, заявил: «Палестина все равно не будет представлять для нас никакого интереса».

События, однако, постепенно развивались в нужном для сионистов направлении. Китченеру пришлось уступить портфель министра вооружений Ллойд-Джорджу, который тем самым оказался в деловом контакте с Вейцманом, работавшим теперь на оборону. Потом Китченер застрял в поездке по России, и Ллойд-Джордж полностью подмял под себя военное ведомство. Это ознаменовало начало переброски резервов в Восточное Средиземноморье и создавало вероятность английского завоевания Палестины. Вейцман решил, что теперь легче встретиться со старшими и влиятельными членами кабинета. 18 августа 1916 г. в Форин-Офис он покорила лорда Роберта Сесила, который писал об этом так:

«Он совершенно справедливо указал на то, что в нашей стране еврей всегда должен объяснять свое существование, причем он всегда не совсем англичанин и не совсем еврей; то же самое можно утверждать и о положении в других странах, разве что с более серьезными последствиями... Некоторое представление о том, какое впечатление он производил, может

дать следующая его фраза: «Я не романтик, если не считать того, что евреям всегда приходится быть романтиками, потому что действительность для них слишком ужасна».

Сесил объявил, что Вейцман «произвел на него потрясающее впечатление, несмотря на его не располагающую, если не сказать – отталкивающую внешность». Через четыре месяца Асквита прогнали, а Ллойд-Джордж стал премьером и сделал Бальфура своим министром иностранных дел.

Это имело решающее значение. Асквит сильно ошибся насчет Ллойд-Джорджа. Последний был филосемитом и сионистом. Осудив некогда сгоряча Ротшильдов, он, когда разразилась война, пригласил в казначейство его вместе с другими финансистами и оказался под большим впечатлением от встречи с Ротшильдом. «Лорд Ротшильд, – начал он, – между нами были некоторые политические неприятные моменты». – «Господин Ллойд-Джордж, сейчас не время вспоминать об этом. Чем я могу помочь?» Впоследствии Ллойд-Джордж сказал: «Один старый еврей выглядел разумным». Вейцман обнаружил взаимную симпатию между собой и Ллойд-Джорджем «на почве общего отношения к малым народам». Новый премьер был страстным патриотом Уэльса, и Сэмьюэл, проталкивая свой план, всегда напоминал, что «Палестина – страна, размером с Уэльс». К тому же Ллойд-Джордж был большим знатоком Библии, что также работало на сионистов. Он как-то заметил: «Когда доктор Вейцман говорил о Палестине, то упоминал места, которые мне были лучше знакомы, чем география Западного фронта».

Бальфур был не менее важным союзником, поскольку за его внешне неуверенной манерой держаться скрывалась железная воля, без которой было бы трудно преодолевать колебания чиновников Форин-Офиса и коллег. Убедив Бальфура в чем-то, можно было быть уверенным, что его трудно переубедить, и он был одним из важнейших «обращенцев» Вейцмана. Впервые большой разговор состоялся между ними во время выборов 1906 г., когда Бальфур порицал Вейцмана за то, что тот отказался от Уганды. «Господин Бальфур, если бы я предложил вам Париж вместо Лондона, вы бы согласились?» – «Но, доктор Вейцман, у нас же есть Лондон». – «Да, конечно, но у нас уже был Иерусалим, когда на месте Лондона были болота». Следующий, и решающий разговор у них произошел 12 декабря 1914 г.; его стоит вспомнить, поскольку он хорошо демонстрирует способность Вейцмана убеждать. После того как Вейцман изложил сионистский план действий, Бальфур сказал ему, что, по его мнению, еврейский вопрос «не решить до тех пор, пока либо евреи не ассимилируются полностью, либо в Палестине не будет нормальной еврейской общины». И добавил, подразумевая, что обсуждал этот вопрос с известной антисемиткой Козимой Вагнер в 1912 г., и она с ним согласилась! «Да, – ответил Вейцман, – и я готов сказать вам, что именно при этом она заявила: евреи захватывают немецкую культуру, науку и промышленность», но, добавил он: «важный момент, который упускает из виду большинство неевреев и который определяет самую сущность еврейской трагедии, состоит в том, что те евреи, которые отдают свою энергию и мозги немцам, ведут себя как немцы и обогащают при этом Германию, а не еврейство, от которого они отказываются... Они должны скрывать свой иудаизм, чтобы им позволили поставить свои мозги и способности на службу Германии, которая в значительной степени обязана им своим величием. Трагизм всего этого в том, что мы не признаем их евреями, а мадам Вагнер не считает их немцами, в итоге мы оказываемся самым эксплуатируемым и непонятым народом».

Бальфур был тронут до слез. Он пожал Вейцману руку и сказал, что тот «осветил ему дорогу, по которой должна идти великая и страждущая нация».

Так Бальфур стал стойким союзником сионистов, а Форин-Офис начал двигаться по пути открытого вовлечения Англии в решение этого вопроса. События этому благоприятствовали. В январе 1917 г. английские войска начали захват Палестины. В том же месяце пал царский режим, тем самым устранялось самое большое препятствие, которое мешало евреям мира поддерживать дело союзников. Премьер Временного правительства Керенский отменил российские антисемитские законы. А в конце месяца Германия начала тотальную подводную войну, что сделало неизбежным участие американцев в войне на

стороне союзников. Правительство США почти автоматически стало сильным сторонником еврейского национального очага в Палестине. Были на этом пути и препятствия. Французам была ненавистна идея присутствия в Иерусалиме евреев, а еще пуще – англичан-протестантов вместо французских католиков (и атеистов). Согласно сэру Марку Сайксу, который вел переговоры по поводу секретного соглашения о протекторате, его визави, Жорж Пико, «твердил о погромах в Париже» – память о Дрейфусе была еще жива – и производил «в этом вопросе впечатление не совсем нормального». Некоторое противодействие было связано с арабскими интересами и теми департаментами, которые их представляли. Но арабы медленно раскачивались, они не оказали существенной поддержки военным усилиям Англии, и их «Арабский мятеж» оказался невпечатляющим; более того, стоявший во главе его полковник Т. Э. Лоуренс был сторонником британского протектората и плана еврейского национального очага. Самое же серьезное противодействие исходило от евреев-антисионистов, особенно Монтегю, который теперь занимал важный и относящийся к данному вопросу пост министра по делам Индии. Это в дальнейшем имело серьезные последствия.

Итак, все началось с письма, которое Бальфур в качестве министра иностранных дел направил лорду Ротшильду, как главе еврейской общины в Англии, причем стороны согласовали текст заранее. Уолтер, лорд Ротшильд II, в отличие от своего великого отца, который скончался в начале 1915 г., был довольно странным персонажем для роли, которую нужно было играть в один из самых решающих моментов еврейской истории. Правда, в отличие от своего отца, он стал в какой-то степени сионистом. Но, увы, у него был дефект речи и еще ряд других недостатков, так что его энергия оказалась направленной не на общественные дела и интересы общины, а на тихое накапливание величайшей коллекции, собранной когда-либо человеком. В своем имении Врен в Тринге, которое Карл II некогда подарил Неллу Гвинну, он собрал 2 250 000 мотыльков и бабочек, 300 000 птичьих чучел, 200 000 птичьих яиц и, помимо всего прочего, 144 живые гигантские черепахи, в том числе крупнейшую в мире, которой было 150 лет. Он опубликовал свыше 1200 научных статей и книг, открыл 5000 новых видов животных, 250 из которых были названы в его честь, в том числе жираф, слон, дикобраз, каменный кенгуру, райская птица, муха с глазами на ножках и кишечный червь. Никому не было известно, в том числе и его близким, что его постепенно и неуклонно разоряла некая бессовестная леди, которая вместе с мужем шантажировала его в течение более сорока лет.

Однако Ротшильда хорошо проинструктировали Вейцман и другие, и в проекте обязательств Англии, врученном Бальфуру 18 июля 1917 г., содержались три важных элемента. Первый – восстановление целостности Палестины как национального очага евреев. Второй – неограниченное право евреев на иммиграцию. Третий – внутренняя еврейская автономия. Это давало сионистам все, о чем они могли бы мечтать. До самой смерти Вейцман верил, что, если бы не противодействия Монтегю, эти требования были бы удовлетворены по всем трем позициям:

«Не может быть ни малейшего сомнения, что без постороннего вмешательства – *причем только со стороны евреев* – проект был бы принят [военным кабинетом] в начале августа в основном в том виде, как мы его подали». На самом же деле письмо не было утверждено кабинетом до 31 октября, причем оно претерпело существенные изменения. Не приравнивались понятия национального очага и Палестины, не было упоминаний о неограниченной еврейской иммиграции и внутреннем самоуправлении, но зато гарантировались права арабов. Оно было датировано 2 ноября 1917 г., и особенно важный параграф гласил: «Правительство Его Величества благожелательно относится к организации национального очага еврейского народа в Палестине и сделает все возможное, чтобы облегчить достижение этой цели, ясно понимая, что не должно быть сделано ничего, что могло бы нарушить гражданские и религиозные права существующих в Палестине нееврейских общин, либо прав и политического статуса, которыми пользуются евреи в любой иной стране». После принятия решения Сайкс вышел из зала заседаний с текстом и

сказал: «Доктор Вейцман, – это мальчик». Изучив текст, Вейцман прокомментировал: «Сначала мне этот мальчик не понравился. Я ждал не такого».

Тем не менее, Декларация Бальфура была ключом к головоломке, так как без нее еврейское государство никогда бы не возникло. Благодаря Герцлю и Вейцману евреи успели как раз вовремя. По всему миру поднимали голову националисты и сторонники самоопределения. Союзников осаждали подчиненные ранее народы, которые требовали, чтобы грядущая победа и мир гарантировали им территориальные права с учетом этических, языковых или расовых пропорций, строго рассчитанных «по головам». Еврейские притязания на Палестину носили романтический и исторический характер, но были настолько древними, что согласно критериям Версальского договора можно было считать их практически не имеющими основания. К моменту публикации Декларации в Палестине проживало 85-100 тысяч евреев из общего количества 600 тысяч, а почти все остальные были арабы. Если бы арабы в целом правильно организовались дипломатически во время войны – если бы палестинские арабы вообще организовались, – то нет ни малейшего сомнения, что Декларация не появилась бы на свет. Даже год спустя она была бы не возможна. Фактически Вейцман пропихнул сионистов сквозь узкое окно, которое больше не удалось бы открыть. Благодаря «Танкреду» и «Дэниэлю Деронда» он успешно апеллировал к романтическим инстинктам британского правящего класса, и получил, таким образом, возможно, последнюю милость – дар великой державы, которая пошла в данном случае против формально-арифметического подхода эпохи.

В Лондоне Ллойд-Джордж и Бальфур считали, что им удалось извлечь выгоду из самой гнусной войны в истории человечества хотя бы в одном отношении: дать евреям дом. Когда Вейцман обедал с премьерминистром в День Перемирия, то обнаружил, что тот, весь в слезах, читает псалмы. Впоследствии Ллойд-Джордж часто говорил, что для него Палестина была «единственной интересной частью войны». Но одно дело было – просвещенным правителям давать обещания в Лондоне и совсем другое – кому-то на месте, в Палестине, выполнять их. Генерал Алленби взял Иерусалим ровно через месяц после оглашения Декларации и вошел в Святой Город в благородном смирении, пешком. Когда Вейцман прибыл к нему в 1918 г., то обнаружил, что генерал настроен дружелюбно, но перегружен военными и административными заботами. «Пока ничего сделать нельзя. Мы должны быть предельно осторожны, чтобы не задеть чувств населения». Большинство старших английских офицеров были настроены проеврейски, некоторые – антисемитски. Некоторые сочувствовали арабам и ждали, что в подходящий момент те восстанут и перебьют евреев. К местному еврейскому населению они относились как к мусору, выброшенному из России, и возможным большевикам. Генерал сэр Уиндэм Дидс вручил Вейцману несколько листов, отпечатанных на машинке: «Прочитайте все это внимательно. Похоже, что с этим у вас будет много проблем». Это была копия «*Протоколов сионских мудрецов*». Документ прибыл с английской военной миссией, состоявшей при Великом князе Николае на Кавказе. По-видимому, он имелся у всех английских офицеров в Палестине.

Тем не менее, Англия двигалась дальше и получила на мирных переговорах мандат на управление Палестиной. Работа по созданию еврейского национального дома продолжалась. Ситуация, когда англичане заняли Палестину, выглядела следующим образом. Там проживало два основных типа евреев. Во-первых, религиозные общины богословов и мудрецов, которые существовали всегда, но в XIX столетии их число непрерывно возрастало. В Иерусалиме они населяли еврейский квартал – гетто. Жили они за счет благотворительных фондов, формировавшихся из пожертвований евреев со всего мира. Мир общин не понимал Декларацию Бальфура. Но они вечно жаловались и требовали. Когда Вейцман пришел к ним, они попросили его уговорить Алленби отправить корабль в Триест за самыми лучшими миртами, чтобы они могли как следует отметить Праздник Кушей. Вейцман рассвирепел, но у них были свои задачи, а у него – свои. А разве требования Торы, без которой бессмысленно говорить о национальном очаге, не надо выполнять в точности? В иудаизме слово «ритуал» никогда не было бранным...

Были еще фермеры-поселенцы, которые устроились здесь с помощью филантропов вроде Монтефьоре. Некоторые из тех, кого субсидировал Эдмунд де Ротшильд, стали вполне обеспеченными колонистами. Когда в 1881 г. погромы спровоцировали первую большую волну эмиграции евреев из России в Палестину, так называемую Первую Алию («восхождение»), Ротшильд взял вновь прибывших под свое крыло. Он обеспечил новые поселения и деревни, известные под названием «мошавот», администрацией, школами и врачами. В число этих поселений входили Экрон, Гедерах, Ришон-ле-Цион и Петах-Тиква («возрождение») в Иудее, Рош-Пинья и Иешуд-га-Маала в Галилее и Цихрон-Яков в Самарии. В 1896 г. Ротшильд добавил к ним Метуллах, а российские сионисты – Беер-Товиях. На этом этапе из 1 700 000 фунтов стерлингов все, кроме 100 000, были выделены поселениям из кармана Ротшильда. У него не было времени ни для Герцеля, которого он считал политическим агитатором, ни для «русских» вроде Вейцмана, бывших, по его мнению, всего лишь «шлимиллями» (простаками). Он заявил делегации сионистов, в которую входил Нордау: «Это мои колонии, и я буду делать с ними что захочу». Однако в 1900 г. он передал участки новой Еврейской ассоциации колонизации, хотя и продолжал их финансирование. К 1890-м годам восходит основание таких поселений и деревень, как Реховот и Хадера, а к началу столетия – КефарТавор, Явнеель, Менахемия и Киннерет. Не все колонии были сельскохозяйственными. Вводились в строй фабрики. Новые еврейские кварталы пристраивались к Яффе, Хайфе и самому Иерусалиму.

Следом, с 1904 г., на волне еще более ужасных погромов в России, началась Вторая, намного более сильная Алия. Она привела свыше 40 000 иммигрантов в Палестину, часть которых основала в 1909 г. зеленый пригород Яффы, которому суждено было стать большим городом Тель-Авивом. В том же году новые поселенцы, в основном молодежь, основали первый киббуц («коллектив») в Дегании, чтобы покончить со скандальным, как они считали, явлением, когда фермами управляют еврейские надзиратели, а всю основную работу выполняют нанятые арабы. Под руководством Артура Руппина (1876—1943), которого Вольфсон назначил управляющим палестинской штаб-квартирой сионистского движения, сионисты начали планомерную работу по заселению. Киббуцы, добровольные коллективные хозяйства, стали основным видом поселений, которые финансировали сионисты, и их число достигло 200. Кроме того, существовали, *мошав-оведим*, сельскохозяйственные поселения, члены которых владели частным хозяйством, но совместно приобретали инвентарь, и *мошав-шитифи*, где люди владели домами, но коллективно обрабатывали землю. Руппин был по происхождению прусским евреем; социолог, экономист и статистик по образованию, он привнес эту скучную, но необходимую комбинацию качеств, плюс огромную изобретательность, настойчивость и трезвое понимание предыдущих ошибок в дело превращения сионистской идеи в практическую реальность. Больше, чем кто-либо, он занимался болтами и гайками, хлебом и маслом нового дома.

Существовала также проблема защиты новых колоний от мародеров. Молодые люди из Второй Алии, принимавшие участие в еврейских группах самообороны для защиты от погромов в России, образовали в 1909 г. общество Шомерин («стражу»). На фотографиях того времени можно увидеть их, увешанных патронташами и карабинами, в русских сапогах и с арабскими прическами и вообще похожих на казачьих атаманов с университетским образованием. Однако требовалось нечто большее, и появился человек, который был в состоянии сделать это: Владимир Жаботинский (1880—1940). Подобно Герцлю, он был писателем и любителем театра, происходил из Одессы, самого романтического из еврейских городов. Этот богатый порт на Черном море, живший экспортом хлеба, занимал особое место в еврейской истории. Космополитичный город, находящийся в России, пропах Средиземноморьем и теплым югом. Жаботинский владел русским, немецким, английским, французским языками, идишем, а также ивритом. Подобно большинству одесских евреев (другой пример – Трощинский), он был ярким оратором. К началу 1900-х годов в Одессе проживало около 170 000 евреев (треть населения города), и тем не менее Одесса была одновременно центром зверского антисемитизма и еврейской культуры. Но культуры

светской. В Одессе действовала первая еврейская община, которой руководили маскили. Раввины-ортодоксы ненавидели Одессу и предупреждали благочестивых евреев, чтобы их нога не ступала в место, которое, как они говорили, собирало все помои черты оседлости и стало новым Содомом («Адский огонь горит вокруг Одессы на расстоянии в десять парасангов»). Она произвела на свет многих из первых сионистов, таких, как Леон Пинскер, автор «*Самозамансипации*», и Агад Гаам, ведущий философ раннего сионистского движения. Там существовала мощная и резкая еврейская печать, в которой Жаботинский быстро выдвинулся как воинствующий, агрессивный сионист. Он был также активным членом одесских сил самообороны.

Когда разразилась Первая мировая война, Жаботинский стал разъездным корреспондентом одной московской газеты и путешествовал по Ближнему Востоку. Турки в это время относились к палестинским евреям как потенциальным предателям, и в результате их терроризма население, превышавшее 85 000 человек, упало ниже 60 000. В Александрию прибыло 10 000 еврейских беженцев, живших в нищете, но при этом их раздрали внутренние противоречия. Ашкенази и сефарды боролись за отдельные кухни для супа. Студенты из новой гимназии им. Герцля в Тель-Авиве не реагировали, если к ним обращались на иврите. Жаботинский, которого правильно было бы назвать поэтом-активистом (вроде Д'Аннунцио), решил, что нужна армия, которая могла бы как сплотить евреев, так и покончить с их тупой покорностью дурному обращению. Он нашел родственную душу в лице Иосифа Трумпельдора (1880—1920), однорукого еврея-добровольца русскояпонской войны. Вместе этим двум решительным людям, вопреки сопротивлению официальных английских властей, удалось создать специальные еврейские воинские подразделения: сначала Корпус Мулов Сиона, а затем три батальона Королевских стрелков, 38-й (выходцы из лондонского Ист-Энда), 39-й (американские добровольцы) и 40-й, набранный прямо в *Ишуве*. Сам Жаботинский служил в 38-м батальоне и руководил форсированием Иордана. Но, к его разочарованию, сионистские власти Палестины не слишком старались сохранить то, что фактически стало Еврейским легионом, и англичане быстро расформировали его. Тогда он сколотил тайную организацию самообороны, которой суждено было превратиться в Хагану, своего рода зародыш будущей мощной армии.

Беспокойство Жаботинского подогревалось явной и растущей враждебностью местных арабов по отношению к проекту создания *национального еврейского очага*. Сионисты, и в первую очередь Герцль, постоянно недооценивали арабов. Во время первого визита в Лондон Герцль поверил пророчествам Хольмана Ханта, который вроде бы хорошо знал Палестину: «Эти арабы – не более чем рубящие дрова и черпающие воду. Их даже не придется лишать права собственности, потому что они могут оказаться весьма полезными для евреев». На самом же деле у арабов, как и у евреев, развивался дух национализма. Главное различие состояло в том, что они начали организационную работу на двадцать лет позже. Еврейский национализм, или сионизм, – это составная часть европейского националистического движения, крупнейшего явления XIX века. Арабский национализм стал составной частью афро-азиатского национализма XX столетия. Арабское националистическое движение стало по-настоящему формироваться лишь в 1911 г., когда в Париже была сформирована тайная структура под названием «Аль-Фатах» – «Молодые арабы». Она ориентировалась на пример младотурок и подобно им с самого начала отрицала сильную антиссионистскую направленность. После войны французы, которые, как мы видели, с самого начала ненавидели идею британского мандата и боролись с ней за кулисами версальских переговоров, позволили Аль-Фатах организовать в Дамаске свою базу, ставшую центром антибританской и антиссионистской деятельности.

Некоторые сионисты предвидели, что использование Палестины для решения «еврейского вопроса» может, в свою очередь, породить «арабский вопрос». Агад Гаам, посетив Эрец-Израэль в 1891 г., за 6 лет до того, как начало действовать движение Герцля, написал статью «Правда из Палестины», где предупреждал: «Большой ошибкой было бы для сионистов сбрасывать арабов со счетов как глупых дикарей, которые не понимают, что

происходит. В действительности арабы, как и все семиты, обладают живым интеллектом и большой хитростью... [Арабы] видят насквозь нашу активность в стране и ее цели, но хранят молчание, потому что пока не опасаются за свое будущее. Когда же жизнь нашего народа в Палестине разовьется до того, что местное население почувствует себя в опасности, они перестанут уступать дорогу. Нам нужно быть предельно осторожными с чужим народом, в среде которого мы хотим поселиться! Как важно относиться к нему с добротой и уважением!...Если же араб посчитает, что цель его соперников – угнетать его или узурпировать его права, то, даже если он будет тихо дожидаться своего часа, гнев будет жить в его сердце».

Эти предупреждения чаще всего не принимались во внимание. Масштаб заселения территорий приводил к росту цены на землю, и еврейские поселенцы и агентства обнаружили, что арабы – прижимистые продавцы: «Каждый дунам земли, необходимой для колонизации, [приходилось] покупать на открытом рынке, – жаловался Вейцман, – по фантастическим ценам, которые еще возрастали по мере освоения. Каждое улучшение, которое мы производили, поднимало цену на остальные земли в этом районе, и арабские землевладельцы не теряли времени. Мы обнаружили, что приходится устилать палестинскую землю еврейским золотом». В общем, евреи увидели в арабах либо жадных собственников, либо разнорабочих, а потому успокаивали свою совесть, считая, что в любом случае арабы извлекают из сионизма выгоду. Но вместе с тем они, как правило, не замечали арабов, считая их просто частью «декорации». Агад Гаам отмечал в 1920 г.: «С самого начала колонизации Палестины мы постоянно считали, что арабского народа не существует».

Арабский национализм приобрел более решительный характер во время войны, когда арабские войска сражались в обоих воюющих лагерях, и их благосклонности добивались обе стороны. Союзники во время войны надавали бесчисленному количеству народностей, в поддержке которых тогда нуждались, множество авансов. Когда наступил мир и пришло время удостовериться в надежности обещаний, арабы поняли, что их просто провели. Вместо великого Арабского государства они получили французские протектораты в Сирии и Ливане и британские протектораты в Палестине, Трансиордании и Иране. Во время драки и торга, которые ознаменовали «мир», выиграл единственный клан – аравийских саудовцев. Главе хашимитов, эмиру Фейсалу, которого поддерживала Англия, пришлось смириться с Трансиорданией. Он хорошо относился к еврейским поселениям, считая, что они поднимут жизненный уровень арабов. «Мы, арабы, – писал он Феликсу Франкфуртеру 3 марта 1919 г., – особенно те из нас, кто получил образование, относятся к сионистскому движению с глубокой симпатией... и приветствуют евреев от всего сердца».

Однако Фейсал переоценил количество и решимость умеренных арабов, готовых сотрудничать с евреями. Англичан не зря предупреждали во время войны, что, если слухи насчет еврейского национального очага подтвердятся, их ждут неприятности. «Политически, – писал один из лучших информаторов-арабов Сайкса, – еврейское государство в Палестине будет означать постоянную угрозу прочному миру на Ближнем Востоке». Руководство британского истэблшмента (Алленби, генерал Болз, начальник штаба, и сэр Рональд Сторз, губернатор Иерусалима) прекрасно знало об этом и пыталось спустить идею национального очага на тормозах. Один из приказов гласил, что Декларацию Бальфура «следует считать совершенно секретной и ни в коем случае не предназначенной для публикации». Был момент, когда они даже предлагали Фейсала сделать королем Палестины. Но тот факт, что британские власти изо всех сил пытались успокоить арабов и поэтому некоторые евреи открыто обвиняли их в антисемитизме, ни на что уже не мог повлиять. Послевоенное возвращение евреев-беженцев из Египта в Палестину и прибытие тех, кто спасался от белогвардейских погромов на Украине, привели к тому, что, говоря словами Гаама, арабы стали начиная с некоторых пор опасаться. В начале марта 1920 г. произошло несколько нападений арабов на еврейские поселения в Галиме; во время одного из них погиб Трумпельдор. Затем последовали арабские бунты в Иерусалиме. Жаботинский, который впервые привел в действие свои силы самообороны, был арестован вместе с другими

членами Хаганы, и военный суд присудил его к 15 годам каторги. Были осуждены и посажены в тюрьму и бунтовщики-арабы, в том числе Хаджи Амин аль-Хусейни, который бежал из страны и получил свои 10 лет заочно.

Именно в период скандала, который последовал за беспорядками, Ллойд-Джордж совершил роковую ошибку. Пытаясь умиротворить евреев, которые обвинили британские войска в том, что они почти ничего не сделали, чтобы спасти их жизнь и имущество, он направил туда Сэмьюэла в качестве Верховного комиссара. Евреи возрадовались, объявили победу и по приезде Сэмьюэла завалили его жалобами и требованиями. Вейцман пришел в ярость. «Господин Сэмьюэл почувствует к нам отвращение, – писал он доктору Эду в Сионистский офис в Палестине, – отвернется от еврейской общины, как в прошлом делали и другие, и мы упустим прекрасный шанс». На самом деле проблема была не в этом. Сэмьюэлу были безразличны надоедливые просьбы евреев. Но вот что ему было действительно небезразлично, так это обвинения в нечестности со стороны арабов, основанные на том, что он сам – еврей. Сэмьюэлу всегда хотелось и того и другого. Например, ему хотелось быть евреем, не веря в Бога. Ему хотелось быть сионистом, не вступая в сионистскую организацию. Теперь ему хотелось способствовать созданию еврейского национального очага, не оскорбляя арабов. А так не получалось. Особенностью сионистской концепции было то, что палестинским арабам не следовало рассчитывать на равные права в пределах основной зоны, заселяемой евреями. В то же время Декларация Бальфура специально оговаривала гражданские и религиозные права «существующих нееврейских общин», и, по мнению Сэмьюэла, это означало равные права и возможности арабов; и он, отправляясь с миссией, считал это аксиомой. «Практически осуществимым, – писал он, – является такой сионизм, который выполняет это основное условие». Сэмьюэл верил в эту квадратуру круга. Поскольку он не верил в Яхве, а его Библией была злосчастная книга лорда Морли «*О компромиссе*».

В итоге евреи быстро поняли, что он приехал не умиротворять, а поучать. Еще не будучи Верховным комиссаром, он уже заявил, что «главным предметом забот» является «арабский вопрос». Он критиковал сионистов за то, что они не учитывают «силу и значение арабского националистического движения», которое «вполне реально, а никак не блеф». Уж если кого и нужно умиротворять, так арабов: «Единственная альтернатива – это политика принуждения, которая ложна в принципе и, скорее всего, окажется безуспешной на практике». Евреи должны принести «существенные жертвы». «Если не рулить очень аккуратно, – писал он Вейцману, – то сионистский корабль может разбиться об арабскую скалу». Он говорил лидерам палестинских евреев: «Вы сами напрашиваетесь на кровопролитие, неправильно относясь к арабам. Вы молча игнорируете их... Вы ничего не сделали, чтобы прийти к взаимопониманию. Вы только и знаете протестовать против правительства... Сионизм пока ничего не сделал для соглашения с коренными жителями, а без согласия с ними иммиграция невозможна».

В каком-то смысле это был очень хороший совет. Беда в том, что в тяжелые дни начала 20-х годов сионистам было очень трудно сохранить темп заселения и почти совсем не оставалось сил и средств для красивых жестов по отношению к арабам. К тому же, давая сионистам такие советы, Сэмьюэл другими своими действиями препятствовал принятию их к исполнению. Он верил в равенство, в беспристрастную справедливость. Он не понимал, что, так же, как не может быть примирения и равенства между евреем и антисемитом, нельзя сохранить беспристрастие во взаимоотношениях между еврейскими поселенцами и арабами, которые не желают их здесь видеть. Его первым актом была амнистия участникам беспорядков 1920 г. Целью амнистии было освободить Жаботинского. Но эквивалентность требовала прощения арабских экстремистов, которые первыми начали бунтовать.

И тут Сэмьюэл тоже допускает роковую ошибку. Одной из трудностей, которые англичане испытывали во взаимоотношениях с арабами, было то, что у последних не было официального лидера; власть короля Фейсала не простиралась дальше Иордана. Тогда они изобрели титул Великого Муфтия Иерусалима. В марте 1921 г. носитель этого титула, глава

знатной местной семьи, скончался. Его младшим братом был известный бунтовщик Хаджи Амин аль-Хусейни, ныне амнистированный и вернувшийся на политическую сцену. Процедура избрания нового муфтия сводилась к тому, чтобы коллегия выборщиков из благочестивых мусульман-арабов отобрала трех кандидатов, а правительство утвердило одного из них. Хаджи Амин, которому тогда было где-то лет 25, не годился для этого поста ни по возрасту, ни по знаниям. С момента Декларации Бальфура он был настроен против англичан, а евреев страстно ненавидел всю жизнь. В дополнение к 10-летнему приговору он еще был на учете в полиции как опасный агитатор. Выборщики в коллегии были из умеренных, и неудивительно, что среди кандидатов Хаджи Амин оказался на последнем месте, набрав всего 8 голосов. Избран был умеренный и образованный человек, шейх Хисам аль-Дин, и Сэмьюэл был рад утвердить его. Но тут семья аль-Хусейни и экстремистское крыло националистов, которое организовало бунты 1920 г., начали яростную кампанию неповиновения. Они заклеили весь Иерусалим плакатами с нападками на коллегия выборщиков: «Проклятые предатели, которых все вы знаете, спелись с евреями и добились назначения одного из их партии муфтием».

К сожалению, в состав британского руководства входил бывший архитектор и помощник сэра Роналда Сторса – Эрнест Т. Ричмонд, который был советником Верховного комиссара по делам мусульман. Он был страстным антисоционистом, а главный секретарь сэр Гилберт Клейдон назвал его «противником сионистской организации». «Он – открытый враг политики сионизма и почти так же открыто выступает против еврейской политики правительства Его Величества», – говорилось в секретном меморандуме; «правительство... сильно выиграло бы, изгнав из секретариата экстремистскую фигуру вроде господина Ричмонда». Именно Ричмонд заставил умеренного шейха уступить, а затем убедил Сэмьюэла, что в свете агитации было бы дружественным жестом по отношению к арабам позволить Хаджи Амину стать Великим Муфтием. 11 апреля 1921 г. Сэмьюэл встретился с молодым человеком и принял его «заверения, что все влияние его семьи и его самого будет направлено на достижение спокойствия». Три недели спустя начались беспорядки в Яффе и других местах, в ходе которых было убито 43 еврея.

Это назначение на пост, считавшийся невысоким в британском протекторате, оказалось одной из самых трагических и решающих ошибок нашего века. Неясно, оказалось бы возможным согласие арабов и евреев Палестины работать вместе при разумном арабском руководстве. Однако оно стало абсолютно невозможным, когда Великим Муфтием стал Хаджи Амин. Сэмьюэл дополнительно осложнил ситуацию, когда содействовал образованию Верховного совета мусульман, который муфтий и его соратники немедленно захватили и превратили в тиранический инструмент террора. Еще хуже то, что он побудил палестинских арабов вступить в контакт с соседями и тем самым продвигать панарабизм. В итоге муфтий сумел заразить своим неистовым антисемитизмом панарабское движение. Он был убийцей с вкрадчивой речью и организатором убийц. Подавляющее большинство его жертв составляли арабы. Своей главной цели – заставить замолчать умеренных палестинских арабов – он полностью достиг. Он стал сильнейшим оппонентом Англии на Ближнем Востоке; со временем он сомкнулся с линией нацистов и усиленно поддерживал гитлеровское «окончательное решение». Но главной жертвой этой неуравновешенной личности оказались простые арабы-палестинцы. Как справедливо отмечал историк Элия Кедури, «именно семья Хусейни направляла политическую стратегию палестинцев вплоть до 1947 г. и привела их к полному провалу».

Мрачным достижением Великого Муфтия явилась пропасть между еврейским и арабским руководством, через которую затем не удавалось перебросить мост. На конференции в Сан-Ремо в 1920 г., то есть за год до его назначения, британский мандат и Декларация Бальфура были официально объявлены частью Версальского урегулирования, а арабская и еврейская делегации сидели за одним праздничным столом в отеле Ройял. В феврале 1939 г., когда в Лондоне собиралась трехсторонняя конференция по урегулированию арабо-еврейских разногласий, арабы категорически отказались сидеть с

евреями. Это было «заслуженой» муфтия, именно он, по большому счету, толкнул их на односторонние действия, которые стоили арабам Палестины.

Тем не менее, существовало первоначальное противоречие между интересами евреев и арабов, которое не могло вести к созданию унитарного государства, где обе нации имели бы равные права, но требовало какой-то формы раздела. Если бы этот факт осознали с самого начала, шансы на рациональное решение вопроса были бы гораздо реальнее. К несчастью, мандат рождался в версальскую эпоху, когда было повсеместно принято считать, что всеобщие идеалы и братские узы между людьми способны преодолеть самые древние и примитивные источники разногласий. Так почему бы арабам и евреям не развиваться гармонически и совместно под заботливым крылом Англии и надзором Лиги Наций? Но между арабами и евреями не было равенства. У арабов уже существовало несколько государств, а вскоре их стало еще больше. У евреев же не было ни одного. Аксиомой сионизма было то, что должно возникнуть государство, где евреи чувствовали бы себя в безопасности. Как же они могут чувствовать себя в безопасности, если не контролируют его? Это требовало унитарной, а не бинарной системы – установления не разделения власти, а еврейскую власть.

В этом была сущность Декларации Бальфура, как объяснил собранию имперского правительства 22 июня 1921 г. министр по делам колоний Уинстон Черчилль. Артур Мейген, канадский премьер-министр, спросил его: «Как бы Вы определили нашу ответственность по отношению к Палестине в свете обязательств господина Бальфура?» Черчилль: «Честно стараться дать евреям шанс построить национальный очаг». Мейген: «И предоставить им контроль над правительством?» Черчилль: «Если с течением времени они будут составлять большинство в стране, то они, естественно, его получат». Мейген: «Пропорционально с арабами?» Черчилль: «Пропорционально с арабами. Мы ведь брали на себя и обязательство, что не согнем арабов с их земли и не ущемим их политических и социальных прав».

При таком подходе оказалось, что будущее Палестины будет определяться еврейской иммиграцией. Другой аксиомой сионизма было положение, что все евреи вольны возвратиться в национальный очаг. Британское правительство с самого начала согласилось с этим, точнее, сочло само собой разумеющимся. Во всех ранних дискуссиях о Палестине как национальном очаге предполагалось, что туда скорее поедет недостаточное количество евреев, чем слишком много. Как говорил Ллойд-Джордж: «Идея насчет того, чтобы искусственно ограничивать еврейскую иммиграцию, дабы евреи перманентно оставались в меньшинстве, никогда не приходила в голову никому из тех, кто формулировал политику. Это почиталось бы несправедливым по отношению к народу, о котором шла речь».

Тем не менее, иммиграция вскоре стала ключевым вопросом, на котором сосредоточилось сопротивление арабов. И неудивительно, поскольку евреи, будучи в меньшинстве, сопротивлялись желанию Англии развивать предварительные органы власти. Как говорил Жаботинский: «Мы боимся и не хотим иметь здесь нормальную конституцию, так как палестинская ситуация сама не нормальная. Большинство «избирателей» еще не вернулись в страну». Так случилось, что этот совсем не бесспорный аргумент не был подвергнут проверке, поскольку арабы, по своим собственным причинам, также решили в августе 1922 г. не сотрудничать в политической области с англичанами. Но они знали с самого начала, что еврейская иммиграция есть путь к полной власти евреев, и их агитация была направлена на то, чтобы остановить ее. Сэмьюэл пал жертвой этой тактики. Одним из его проарабских жестов при вступлении в должность было разрешение на возобновление издания экстремистского арабского журнала «Фаластин», закрытого турками в 1914 г. за «разжигание расовой ненависти». Это, а также назначение Великого Муфтия и тому подобные факты непосредственно привели к погрому в мае 1921 г., который был порожден страхом перед тем, что евреи «одержат верх». Ответом Сэмьюэла на бунты был временный, но полный запрет на иммиграцию евреев. Три корабля с евреями, бежавшими от ужасов в Польше и Украине, были повернуты обратно в Стамбул. Сэмьюэл настаивал на том, что, как он выражался, «необходимо осознать со всей определенностью», что «массовая иммиграция

невозможна». Он заявил Дэвиду Эду, что не желает иметь «вторую Ирландию» и что «сионистскую политику проводить нельзя». Это вызвало болезненную реакцию у евреев. Эду обозвал Сэмьюэла «Иудой». Руппин сказал, что «в их глазах» он стал «предателем еврейского дела». «Еврейский национальный очаг, обещанный в дни войны, – жаловался Вейцман Черчиллю в июле 1921 г., – обратился в арабский национальный очаг».

Это было преувеличением. В 20-е годы еврейский национальный очаг действительно развивался медленно, но ограничение иммиграции англичанами не было главным сдерживающим фактором. После трудностей первого года Сэмьюэл стал вполне успешным администратором, а его преемник, лорд Плюмер (1925-28), еще более удачным. Создавались современные службы, укреплялись законность и порядок, и, впервые за много столетий в Палестине наметилось умеренное, но процветание. Однако евреям не удалось воспользоваться этой ситуацией для быстрого построения *Ишшув*, которое позволила Декларация 1917 г. Почему?

Одной из причин было то, что еврейские лидеры не были едины во взглядах как на цели, так и средства. Вейцман был человек терпеливый, который всегда считал, что создание сионистского государства потребует длительного времени, и чем солиднее будет создаваться инфраструктура и фундамент, тем больше шансов на его будущее выживание и процветание. Он был готов работать в темпе, предложенном Англией. Ему бы хотелось, чтобы в Палестине в первую очередь возникали социальные, культурные, образовательные и экономические институты, которые были бы крепки и прочны. Как он говорил, «Нахалал, Дегания, Университет, электрозавод Рутенберга, концессия Мертвого моря имеют для меня большее политическое значение, чем все обещания великих правительств и великих политических партий».

У других еврейских лидеров были свои приоритеты. В 20-е годы крупной политической фигурой в Израиле стал Давид Бен-Гурион. Для него самое большое значение имела политическая и экономическая природа сионистского общества и государства, которое оно создаст. Он приехал из Плонска (территория русской Польши) и, подобно тысячам умных молодых «остьюден», верил, что «еврейский вопрос» никогда не удастся решить в рамках капитализма. Евреям следует вернуться к своим коллективистским корням. Большинство евреев-социалистов в России пошли по марксистскому пути интернационализма, утверждая, что еврейство – просто сочетание отмирающей религии с буржуазно-капиталистическим обществом и исчезнет вместе с ними. Нахман Сыркин (1868—1924), ранний сионист-социалист, настаивал на том, что евреи – отдельный народ со своей собственной судьбой, но утверждал, что ее можно осуществить лишь в коллективистском государстве, основанном на кооперации, а потому национальный очаг должен быть с самого начала социалистическим. Бен-Гурион придерживался той же точки зрения. Его отец, Авигдор Груэн, был убежденным сионистом, который отдал сына учиться в современную еврейскую религиозную школу, а частные педагоги учили мальчика светским предметам. Бен-Гурион, бывало, называл себя марксистом, однако в результате воспитания Библия, а не «Капитал», стала для него главной книгой, хотя он и почитал ее как учебник истории и руководство в мирских делах.

Ко всему прочему он был еще еврейским вундеркиндом, но таким, чья огромная воля, страсть и энергия преобразовывались в активную общественную работу, а не в учебу. В 14 лет он руководил детской сионистской группой. В 17 – был активным членом сионистской рабочей организации Поале-Цион. В 20 лет он стал поселенцем в Эрец-Израэль, членом Центрального комитета партии и в октябре 1906 г. – автором ее первой политической платформы.

В молодости Бен-Гурион активно действовал на международной сцене. Он жил в еврейских общинах в Салониках, Стамбуле и в Египте. В Первую мировую войну он проводил много времени в Нью-Йорке, организуя бюро Ге-Галуц, которое направляло потенциальных переселенцев в Палестину, успел также послужить в Еврейском легионе. Но, независимо от рода занятий, три его принципа оставались неизменно в силе. Первое. Главное

– чтобы евреи стремились вернуться на свою землю; «единственный настоящий сионизм – это заселение нашей земли; все остальное – самообман, пустая болтовня и потеря времени». Второе. Структура новой общины должна способствовать этому процессу в социалистических рамках. Третье. Культурно-языковой связкой сионистского общества должен служить иврит.

Бен-Гурион никогда не изменял этим трем принципам. Правда, средства, при помощи которых он стремился претворять их в жизнь, менялись. И это тоже стало сионистской традицией. В течение прошедшего столетия сионистские политические партии претерпевали постоянные мутации, но мы не будем стараться проследить их в подробностях. Сам Бен-Гурион был выдающимся создателем и «разделителем» партий. В 1919 г. он открывает организационную конференцию партии Ахдут га-Авуда. Десятью годами позже (1930) он соединяет ее с политическим крылом Поале-Цион, образовав Мапай, Сионистскую партию труда. Более солидным и стойким был Гистадрут, сионистское профсоюзное движение, генеральным секретарем которого он стал в 1921 г., он превратил в нечто намного большее, чем федерация профсоюзов. В соответствии со своими принципами он сделал профсоюзы своеобразным агентом по заселению земель, активным проводником сельскохозяйственных и промышленных проектов, владельцем и спонсором которых он был, став в дальнейшем главным собственником земли и имущества, столпом сионистско-социалистического истеблишмента. Именно в 20-е годы Бен-Гурион заложил фундаментальные основы будущего сионистского государства. Но это отнимало у него время и энергию, и, хотя конечной целью всех его усилий было ускорение иммиграции, немедленных результатов, тем не менее, не было. Инфраструктура формировалась, но люди, ее заполняющие, не спешили приезжать.

Это было основной заботой Жаботинского. Главной и приоритетной задачей он считал необходимость как можно скорее привезти в Палестину максимально возможное количество евреев, чтобы они могли организовываться для политического и военного укрепления государства. Конечно, было важно проводить в жизнь, как говорил Вейцман, специальные образовательные и экономические проекты. Но прежде всего – количество прибывающих евреев. И столь же правильно, как настаивал Бен-Гурион, осваивать землю. Но все же сначала – количество. Жаботинский иронизировал по поводу того, что Вейцман и Бен-Гурион со своими принципами позволяют себе выбирать поселенцев. Бен-Гурион предпочитал *халуцим*, пионеров, готовых заниматься тяжелым физическим трудом, чтобы избавиться от зависимости от арабской рабочей силы. И он и Вейцман враждебно относились к религиозному крылу сионизма, которое основало в 1902 г. партию «духовного центра» Мицрахи, а в 1920 г. перенесло свою деятельность в Палестину. Мицрахи стала создавать свою сеть школ и институтов, параллельную светской, и проводить собственную кампанию по иммиграции. По мнению Вейцмана, Мицрахи поощряла не тот тип иммигрантов – а именно евреев из гетто, особенно из Польши, которые не желали работать на земле, а хотели бы поселиться в Тель-Авиве, создавать капиталистические концерны и, если хватит ловкости, спекулировать землей.

В 1922 г. Черчилль, который всегда был просионистом, покончил с запретом на иммиграцию. Однако его Белая Книга, опубликованная в этом году, впервые требовала, чтобы иммиграция, при отсутствии ограничений, отражала бы «экономическую способность страны принимать в данный момент вновь прибывающих». На практике это означало, что евреи могли получить визу на поселение, предъявив 2500 долларов, что, по мнению Вейцмана, вело к преобладанию капиталистических иммигрантов типа Мицрахи. Жаботинский же считал, что такой подход не особенно важен, главное – количество иммигрантов. Ему был не по душе темп заселения, предложенный Вейцманом и английским правительством, которые готовы были ждать сотни лет, лишь бы еврейская Палестина стала нацией *халуцим*. Он жаждал быстрого роста иммиграции, и надо признать по прошествии лет, что у него было более точное ощущение действительности, чем у тех двоих.

Для Жаботинского была неприемлема та организация иммиграции, которую

предложили англичане. Он хотел, чтобы этим занимались еврейские политики, первоочередной своей задачей считавшие формирование государственных структур. Поэтому в 1923 г. он вышел из сионистского руководства и двумя годами позже основал Союз сионистов-ревизионистов, чтобы максимально использовать ресурсы еврейского капитализма и привести в Палестину «максимальное число евреев в кратчайший период времени». Он привлек большое число сторонников в Восточной Европе, особенно в Польше, где боевое молодежное крыло ревизионистов, Бетар, организатором которого был юный Менахем Бегин, уже было хорошо организовано, носило форму, маршировало и училось стрелять. Его целью стало создание еврейского государства решительным, единовременным, волевым актом, которому нельзя было бы сопротивляться.

На самом деле все три еврейских лидера переоценивали в 20-е годы реальную готовность евреев эмигрировать в Палестину. После того как утряслась суэта первых послевоенных лет, прекратились погромы в Польше и на Украине, евреи, как и все прочие нации, стали довольствоваться своей долей благосостояния. Желание грузиться на пароходы до Хайфы ослабло. Да и беспорядки 1920—1921 гг. не воодушевляли на иммиграцию. Впрочем, в 20-е годы еврейское население Палестины удвоилось и достигло 160 000. То же произошло и с сельскохозяйственными поселениями. К концу десятилетия их было уже 110, где 37 000 евреев обрабатывали 175 000 акров земли. Однако общее число иммигрантов составило всего 100 000, из которых 25% не остались в Палестине. Таким образом, в среднем реальный масштаб иммиграции составлял всего 8000 человек в год, не говоря уже о 1927 годе, на который приходился пик процветания 20-х годов: в этом году прибыло 2713 человек, а выехало – свыше 5000. В 1929 г., который можно считать поворотным в мировой экономике, въезд и выезд примерно сравнялись.

Но именно в этом кроются и упущенные возможности и начало трагедии. В спокойные годы, когда Палестина была относительно открыта, евреи не желали ехать сюда. Начиная с 1929 г. их экономическое и политическое положение и в еще большей степени – безопасность ухудшаются по всей Европе. Но, по мере того как возрастало их стремление попасть в Палестину, возрастали и препятствия на их пути. В 1929 г. арабы учинили очередной погром, в котором погибло свыше 150 евреев. Англичане, как и прежде, ответили введением ограничений на въезд. Лейбористский министр по делам колоний Лорд Пассфилд сочувствия не проявлял: его Белая Книга (1930 г.) была первым явно антиссионистским английским государственным документом. Жена лорда, Беатрис Уэбб, говорила Вейцману: «Не могу понять, почему евреи так шумят по поводу нескольких десятков своих соплеменников, убитых в Палестине. Столько же погибает каждую неделю в Лондоне на городском транспорте, и никто не обращает внимания». Британский премьер Рамзой Макдональд оказался более чувствительным к проблеме евреев, и благодаря ему иммиграция была возобновлена.

Итак, сотни тысяч все сильнее охватываемых страхом евреев хотели въехать в страну. Однако с каждой новой волной еврейской иммиграции реакция арабов становилась все более бурной. Жаботинский считал уровень иммиграции порядка 30 000 человек в год удовлетворительным. Этот уровень был преодолен в 1934 г., когда прибыло 40 000. На следующий год наблюдался рост более чем на 50% (прибыло 62 000). Затем в апреле 1936 г. произошли крупные волнения арабов, и англичане осознали неприглядную истину: мандат перестает работать. В своем докладе от 7 июля 1937 г. комиссия лорда Пила рекомендовала сократить иммиграцию евреев до 12 000 человек в год и ввести ограничения на покупку земли. Кроме того, она предложила разделить Палестину на три анклава. На прибрежной полосе (Галилея и долина Изреельская) формируется Еврейское государство. Арабское государство включает в себя Иудейские холмы, Негев и Эфраим. Англичане же будут управлять подмандатной территорией, простирающейся от Иерусалима через Лидду и Рамлех до Яффы. Арабы яростно отвергли этот проект, в 1937 г. произошло их новое восстание. На следующий год Панарабская конференция в Каире сформулировала основы политики, в соответствии с которыми все арабские государства и общины брали на себя

обязательства сделать все возможное, чтобы остановить дальнейшее продвижение и развитие сионистского государства. Англичане отказались от идеи раздела, и, после провала трехсторонней конференции в Лондоне в начале 1939 г., которую арабы считали безнадежной с самого начала, Декларация Бальфура также была тихо похоронена. Новая Белая Книга, выпущенная в мае, объявила, что в течение пяти лет будут впущены еще 75 000 евреев, а дальнейший въезд будет происходить только по согласованию с арабами. Одновременно Палестина будет постепенно двигаться к независимости. К этому моменту в Палестине проживало 500 000 евреев, но арабы продолжали составлять подавляющее большинство. Поэтому, если бы проводился в жизнь английский план, то новое государство оказалось бы в руках арабов, а евреи должны были бы приготовиться к изгнанию.

Эта цепочка трагических событий вызвала напряженность внутри сионистского движения, расколовшегося по вопросу о том, как реагировать на них. По инициативе Мицрахи в 1931 г. Вейцмана сняли с поста президента Всемирного сионистского конгресса. В том же году на проходивших в Палестине выборах Сионистской Ассамблеи делегатов произошел раскол движения на три части: Мапай получила 31 место из 71, Ревизионисты – 16 и Мицрахи – 5. Раскол распространился и на военное крыло: Ревизионисты и Мицрахи отделились вместе с другими сионистами несоциалистического толка от Хаганы и образовали соперничающую организацию – Иргун.

Принципиальный раскол между Мапай и Ревизионистами, которому суждено было определять политическую жизнь сионистского государства с самого его основания, усугублялся взаимными оскорблениями. Ревизионисты обвиняли Мапай в сотрудничестве с англичанами и предательстве дела евреев. Те, в свою очередь, называли их «фашистами». Бен-Гурион звал Жаботинского «Владимир Гитлер». 16 июня 1933 г. Хаим Арлозоров, руководитель политического департамента Еврейского агентства, сформированного в 1929 г. с целью координации Всемирного еврейского движения, был убит на морском берегу в Тель-Авиве. Он был страстным сторонником Мапай, и подозрение сразу пало на ревизионистов-экстремистов. Двое из них, Абрахам Ставский и Зеви Розенблат, члены ревизионистской группы ультра Брит Хабирионим, были арестованы по обвинению в убийстве. Ставский был осужден на основании показаний одного свидетеля, приговорен к повешению, но затем оправдан в результате апелляции со ссылкой на старый турецкий закон, в соответствии с которым для приговора по делу, когда обвиняемому грозит смертная казнь, недостаточно показаний одного свидетеля. Дело никогда так и не было до конца расследовано и продолжало еще полвека омрачать отношения двух сторон. С точки зрения Мапай, ревизионисты не остановятся даже перед убийством. С точки зрения ревизионистов, Мапай ступила на тропу традиционных обвинений со стороны неевреев – кровавого навета.

На самом деле за расколом стояла реальная и крайне серьезная дилемма: какую линию избрать евреям? Некоторые считали, что Декларация Бальфура – начало решения еврейских проблем. В данном случае она служила источником целого ряда неразрешимых проблем, хотя при этом она просто ставит евреев перед неразрешимым выбором. По всему миру еврей-идеалисты умоляли своих лидеров договориться с арабами. Еще в 1938 г. Альберт Эйнштейн, величайший из живших в то время евреев, представлял себе возможность создания национального очага в утопической форме: «Я предпочел бы разумное соглашение с арабами, основанное на совместном проживании в мире, созданию еврейского государства... то, что я знаю о природе иудаизма, противоречит идее еврейского государства с границами, армией и светской властью, пусть даже ограниченной. Я опасаясь, что это нанесет удар по иудаизму изнутри, особенно из-за развития в наших рядах узкого национализма». Другие тоже осознавали угрозу такой опасности, но еще больше боялись, что евреи окажутся в западне и у них в запасе не будет такого места, т. е. государства, куда бы они могли бежать. А можно ли было создать подобное убежище с согласия арабов? Жаботинский утверждал, что евреям следует учитывать, что националистические чувства у арабов могут быть так же сильны, как и у евреев. А поэтому:

«Невозможно мечтать о добровольном соглашении между нами и арабами... Ни сейчас,

ни в обозримом будущем... Каждая нация, цивилизованная или примитивная, считает свою землю собственным национальным очагом, где желает навечно остаться единственным хозяином. И такая нация никогда добровольно не уступит право на нее новым хозяевам и даже не согласится на партнерство. Коренное население будет бороться с поселенцами до тех пор, пока существует надежда освободиться от них. Так оно всегда себя ведет, и так будут вести себя [палестинские] арабы, пока в сердцах у них существует малейший проблеск надежды на то, чтобы не дать превратить Палестину в Эрец-Израэль». Только «железная стена еврейских штыков», сказал в заключение Жаботинский, может заставить арабов смириться с неизбежным.

Это жесткое заявление он сделал в 1923 г. Следующие два десятилетия лишь последовательно подтверждали логику его утверждений о том, что евреи не могут позволить себе идеализма. Речь шла даже не о том, может ли еврейская Палестина обеспечить свою безопасность железной стеной штыков. Вопрос стоял так: могут ли вообще евреи Европы выжить в мире, который все более (причем почти повсеместно) становится враждебным по отношению к ним.

Версальский мир принес евреям горькое разочарование, и не только в Палестине. Война 1914—1918 гг. была «войной войне». Она должна была бы покончить со старомодной *realpolitik* и открыть новую эру справедливости, убрав с лица земли старые наследственные империи и даровав всем народам самоуправление. Национальный очаг евреев в Палестине был частью этого идеалистического плана. Но такой же, если не более важной, была обещанная мирным договором гарантия для большинства евреев Европы, что вся их европейская диаспора будет пользоваться полными гражданскими правами. Великие державы, под давлением Дизраэли, первый раз попытались гарантировать минимальные права евреям на Берлинском конгрессе в 1878 г. Однако решения этого договора игнорировались, особенно в Румынии. Вторая, намного более серьезная, попытка была предпринята в Версале. Временное правительство Керенского даровало евреям России полные права. В Версале в договор были включены положения, в соответствии с которыми права получал целый ряд национальных меньшинств, в том числе и евреи, во всех государствах, которые возникали или изменяли свои границы в рамках мирного урегулирования: в Польше, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Югославии, Турции, Греции, Литве, Латвии и Эстонии. Теоретически (и, несомненно, в мыслях тех, кто подобно президенту Вудро Вильсону и Ллойд-Джорджу формулировал договор) евреи были среди тех, кто больше всех выигрывал от договора: они получали свой национальный очаг в Палестине, а пожелав остаться в местах своего нынешнего проживания, обретали там широкие и гарантированные права гражданства.

На самом же деле, как показала жизнь, Версальский договор сыграл отрицательную роль в величайшей из всех трагедии евреев. Ибо это был договор, не подкрепленный мечом. Он перекроил карту Европы, предложив новые решения старых споров, не дав таких средств, которые бы подкрепляли их силовыми гарантиями. Таким образом, этот договор открыл двадцатилетнюю полосу растущей нестабильности, когда доминантой стала ненависть, порожденная его же статьями. В этой атмосфере недовольства, всплесков насилия и неопределенности положение евреев не только не улучшилось, но даже стало еще менее надежным. И дело было даже не в том, что еврейские общины, как это всегда бывало в трудные времена, оказывались в фокусе недовольства и антагонизма, порожденного вполне конкретными причинами. К этому евреи привыкли. Речь шла теперь о дополнительном источнике для ненависти – евреи отождествлялись с большевизмом.

Определенная ответственность за это лежит на евреях; точнее, на специфических евреях-радикалах, которые пришли в политическую жизнь второй половины XIX века: «нееврейских евреях», евреях, которые отрицали сам факт существования евреев. Все они были социалистами и в течение короткого периода времени играли определяющую роль в истории Европы и евреев. Самым типичным их представителем была Роза Люксембург (1871—1919). Она была родом из Замостья в русской Польше, ее происхождение было

безупречно еврейским, поскольку происходила она из семьи раввинов, родословная которой прослеживается как минимум до XII века; ее мать – дочь и сестра раввинов – надоедала ей постоянными ссылками на Библию. Подобно Марксу, но менее оправданно, она не проявляла ни малейшего интереса к иудаизму, к еврейской культуре (хотя и любила еврейские анекдоты). Как отмечал историк еврейского социализма Роберт Уистрич, своей повышенной страстью к социальной справедливости и очарованностью диалектической аргуменацией она была обязана многим поколениям раввинистского богословия. Впрочем, в других отношениях она была ультрамаскилем. Она ничего не знала о еврейских массах. Ее отец был богатым лесоторговцем и послал ее в привилегированную варшавскую школу, где учились в основном дети русских чиновников. В возрасте 18 лет ее тайком переправили через границу в Цюрих для завершения образования. В 1898 г. она вступила в фиктивный брак с немцем-печатником, чтобы получить германское гражданство, после чего полностью посвятила свою жизнь революционной борьбе.

В жизни Розы Люксембург и Маркса просматриваются определенные параллели. Подобно Марксу, она происходила из привилегированных слоев общества, откуда она продолжала получать финансовую помощь. Подобно ему, она ничего не знала о рабочем классе даже о еврейских рабочих и, подобно ему, никогда не пыталась преодолеть свое невежество. Подобно ему, она вела жизнь политического заговорщика из среднего класса, который пишет, ораторствует с трибуны и ведет дискуссии в кафе. Но в то время, как у Маркса собственная ненависть еврея приобретает форму грубого антисемитизма, она доказывала, что еврейского вопроса вообще не существует. Антисемитизм, настаивала она, есть функция капитализма, которая используется в Германии помещиками-юнкерами, а в России – монархистами. Маркс решил эту проблему, считала она, он «вывел еврейский вопрос из религиозной и расовой сферы и дал ему *социальную* базу, доказав, что то, что обычно называется и преследуется как «иудаизм», есть не что иное, как *дух барышничества и надувательства*, который возникает в *любом* обществе, где правит *эксплуатация*». На самом деле Маркс говорил не так, и ее интерпретация мысли – сознательное искажение его текста. Более того, ее утверждение явно неверно. Как указывал другой еврейский социалист, Эдуард Бернштейн (1850—1932), антисемитизм имеет в народе глубокие корни, и марксизму не так легко с ним разделаться. Он восхищался дочерью Маркса, Элеонорой, которая гордо заявила на публичном митинге в лондонском Ист-Энде: «Я – еврейка».

Роза Люксембург, напротив, никогда не упоминала о своей принадлежности к евреям, с которой она ничего не могла поделать. Она пыталась игнорировать антисемитские нападки, и это было нелегко, в немецкой прессе на нее часто появлялись самые гнусные карикатуры. Более того, в нападках на нее немецких профсоюзных деятелей и социалистов рабочего происхождения также сквозил заметный налет антисемитизма. Они не любили тон ее речей, в которых слышалось интеллектуальное превосходство и уверенность в том, что именно она знает, что необходимо рабочим. Но она старалась не замечать все это. «Для последователей Маркса, – писала она, – как и для рабочего класса, *еврейский вопрос*, как таковой, не существует». По ее мнению, нападки на евреев происходили лишь в «маленьких удаленных деревнях на юге России и в Бессарабии – в тех, где революционное движение было слабым или не существовало вовсе». Она старалась не обращать внимания на тех, кто взывал к ее сочувствию в связи со зверским отношением к евреям. «Что вы лезете ко мне со своими еврейскими горестями? – писала она. – Я так же сочувствую несчастным индейским жертвам в Путумайо, неграм в Африке... В моем сердце нет специального уголка для гетто».

Моральные и эмоциональные искривления, подобные тем, которые были у Розы Люксембург, характеризовали интеллигента, пытающегося загнать людей в некую идейную конструкцию, вместо того, чтобы позволить идеям вырасти из реальной жизни. Евреи Восточной Европы не были искусственным порождением капиталистической системы. Это был существующий народ со своим языком, религией и культурой. И их горести были вполне реальными, а преследованиям они подвергались просто за то, что были евреями. У них даже была собственная социалистическая партия, Бунд (аббревиатура Всеобщего союза

еврейских рабочих в Литве, Польше и России), созданная в 1897 г. Бунд активно боролся за предоставление всех гражданских прав для евреев. Однако среди членов Бунда существовали разногласия по вопросу, следует ли предоставлять евреям автономию после того, как будет установлена «Республика Рабочих». У них было также неоднозначное отношение к сионизму, а их ряды зачастую опустошались эмиграцией. Но они стремились сплотиться вокруг еврейской национальной культуры.

То, как они настойчиво подчеркивали уникальность еврейской культуры, делало их особенно отвратительными в глазах тех еврейских социалистов, которые, как Роза Люксембург, вообще отрицали какую бы то ни было социальную или культурную специфику евреев. Они страстно разоблачали утверждения бундовцев. И их враждебность в отношении самостоятельных политических организаций евреев влияла на ортодоксальность левых революционеров. В частности, Ленин был резким противником специфических прав евреев. «Идея еврейской «национальности», – писал он в 1903 г., – является определенно реакционной не только когда ее выражают ее последовательные сторонники (сионисты), но и когда она исходит из уст тех, кто пытается сочетать ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности идет вразрез с интересами еврейского пролетариата, поскольку распространяет среди него, прямо или косвенно, дух, враждебный ассимиляции, дух «гетто». И снова, в 1913 г., он пишет: «Кто бы ни выдвигал прямо или косвенно лозунг еврейской «национальной культуры» является (сколь бы хорошими ни были его намерения) врагом пролетариата, сторонником *старого* и *кастового* положения евреев, сообщником раввинов и буржуазии».

В итоге оказалось, что вся философия пролетарской революции базируется на том, что евреи, как таковые, вообще не существуют, разве что в виде фантазии, порожденной извращенной социально-экономической системой. Разрушь эту систему – и карикатурный еврей исчезнет из истории, как уродливый кошмар, и еврей станет бывшим евреем, просто человеком. Сейчас нам трудно примерить к себе образ мышления высокоинтеллектуальных, хорошо образованных евреев, которые верили в эту теорию. Но ведь верили, притом многие тысячи. Они ненавидели свое еврейство и наиболее приемлемым моральным средством избавиться от него была для них революционная борьба. Она приобретала при этом некое эмоциональное оправдание, поскольку они верили, что ее успех принесет им личное освобождение от гнета еврейства, а человечеству – всеобщую свободу от самовластья.

Такие «не еврейские» евреи занимали важное положение практически во всех революционных партиях стран Европы непосредственно перед Первой мировой войной, во время нее и сразу после. Они играли ведущую роль в восстаниях, которые последовали за поражением Германии и Австрии. Бела Кун (1886—1939) был диктатором коммунистического режима, находившегося у власти в Венгрии между мартом и августом 1919 г. Курт Эйспер (1867—1919) руководил революционным восстанием в Баварии в ноябре 1918 г. и возглавлял Советскую республику до тех пор, пока его не убили четыре месяца спустя. Роза Люксембург, мыслительный центр берлинской группы «Спартак», была убита за несколько недель до Эйспера.

Но, конечно, сильнее всего и наиболее зримо евреи отождествлялись с революционным насилием в России. Правда, во главе путча, который привел к власти диктаторское правительство большевиков в октябре 1917 г., стоял нееврей – Ленин. Однако главным исполнителем был Леон Троцкий (1879—1940), урожденный Лев Давыдович Бронштейн. Отец его был украинским фермером (из тех, кого позднее называли кулаками), сам же Троцкий – порожденный космополитической Одессой, учился в лютеранской школе. Он утверждал, что на него никакого влияния не оказали ни иудаизм, ни антисемитизм. На самом же деле, без влияния не обошлось; было что-то противоестественное, близкое к ненависти в том, как он травил евреев-бундовцев в 1903 г. на Лондонском съезде РСДРП, выгнав их со съезда и тем самым расчистив путь к победе большевиков. Он обзывал Герцеля «бесстыдным авантюристом», «отталкивающей личностью». Подобно Розе Люксембург, он отворачивался от еврейских страданий, какими бы ужасающими они ни были. Находясь у

власти, он всегда отказывался от встреч с делегациями евреев. Как у других «нееврейских» евреев, подавление всяческих чувств в угоду политике положением распространялось у него и на собственную семью: он совершенно не интересовался бедами своего отца, который все потерял в революцию и умер от тифа.

Проявляя полное равнодушие как еврей, Троцкий компенсировал это вулканической энергией и безжалостностью революционера. Весьма маловероятно, чтобы большевистская революция могла победить и продержаться без него. Именно Троцкий объяснил Ленину значение рабочих советов и научил их использовать. Лично Троцкий был организатором и вождем вооруженного восстания, которое свергло Временное правительство и поставило большевиков у власти. Именно Троцкий создавал Красную Армию и контролировал ее до 1925 г., обеспечив физическое выживание нового, коммунистического режима в Гражданской войне, которая чуть не погубила этот режим. Больше чем кто-либо Троцкий символизировал насилие и демоническую мощь большевизма и его решимость разжечь мировой пожар. Более чем кто-либо, он нес ответственность за то, что в народе революцию отождествляли с евреями.

Последствия этого для евреев, как немедленные, так и в долговременном плане, как в локальном, так и в мировом масштабе, были ужасны. Белогвардейские армии, пытаясь сокрушить советский режим, относились ко всем евреям как к врагам. На Украине Гражданская война вылилась в самые ужасные погромы в еврейской истории. Там произошло свыше тысячи инцидентов, в ходе которых евреев убивали. При этом пострадали свыше 700 общин на Украине (и еще несколько сотен в России). Всего было убито 60-70 тысяч евреев. В других частях Восточной Европы подобное отождествление евреев с большевизмом приводило к физическим нападениям на безвредные еврейские общины. Насилие было особенно кровавым в Польше после провала большевистского вторжения и в Венгрии после падения режима Бела Куна. В 20-е годы нападения неоднократно случались в Румынии. Во всех этих трех странах компартии были созданы и управлялись в основном «нееврейскими» евреями, и во всех случаях расплачиваться приходилось аполитичным, соблюдающим обычай и традиции евреям из гетто и деревень.

К тому же, по горькой иронии судьбы в России простые евреи не выиграли от революции. Даже наоборот. Они довольно много получили от Временного правительства Керенского, которое дало им полные избирательные и гражданские права, включая право на создание своих политических партий и культурных организаций. На Украине евреи участвовали в работе Временного правительства, еврей возглавлял специальное министерство по делам евреев; их защищали специальные положения о нацменьшинствах Версальского договора. В Литве, которую Советы не посмели аннексировать до 1939 г., эти гарантии работали прекрасно, и крупные еврейские общины в этой республике чувствовали себя в период между войнами едва ли не наилучшим образом в Восточной Европе.

В итоге для евреев ленинский путч повернул время в обратную сторону, и в конечном счете коммунистический режим явился для них несчастьем. Правда, некоторое время ленинцы приравнивали антисемитизм к контрреволюции. В своем декрете от 27 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров обязал все Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов принять меры, чтобы решительно и с корнем уничтожить проявления антисемитизма. Правительство распространило граммофонную пластинку с речью Ленина, осуждающей антисемитизм. Но эта довольно слабая попытка была перечеркнута злобными нападениями Ленина на так называемых «эксплуататоров и хапуг», которых он именовал «мешочниками», намекая при этом на евреев. Режим, основанный на марксизме, который сам коренился, как мы видели, из антисемитской теории заговора, режим, который считал своей задачей поиск и преследование «классовых врагов», был просто обречен на формирование климата, враждебного евреям. В итоге среди основных жертв ленинской генеральной линии террора, направленной против «антисоциальных групп», оказались торговцы-евреи. Многие из них были ликвидированы; другие, общим числом порядка 300 000, бежали через границу в Польшу, страны Балтии, Турцию и на Балканы.

В то же время евреи занимали довольно видное положение в партии большевиков, как в верхних эшелонах, так и в низах: на съездах партии евреи составляли 15-20 процентов от общего числа делегатов. Но это были «нееврейские» евреи; да и сама большевистская партия была единственной партией в период после падения царизма, которая была активно враждебна целям и интересам евреев. При этом простые евреи страдали от еврейского же участия во властном режиме. Евреев-большевиков было много в ЧК (тайной полиции), а также в числе комиссаров, налоговых инспекторов и бюрократов. Они играли ведущую роль в продотрядах, организованных Лениным и Троцким для изъятия у крестьян зерна. Вся эта деятельность делала евреев объектом ненависти. В итоге, как это бывало не раз в еврейской истории, евреи становились объектом нападков с прямо противоположных позиций. Они были одновременно «антиобщественными мешочниками», с одной стороны, и «большевиками» – с другой. Материалы единственного советского архива, попавшего на Запад (о жизни Смоленска в 1917-38 гг.), показывают, что в сознании крестьян советский режим прочно ассоциировался с понятием еврея-посредника. В 1922 г. раздавались угрозы, что, если комиссары будут изымать золотые оклады из церквей, «никто из евреев не уцелеет: мы всех ночью перебьем». Толпа ревела на улице: «Бей жидов, спасай Россию!» В 1926 г. возобновились даже древние обвинения в ритуальных убийствах. В то же время архив свидетельствует, что евреи тоже опасались режима: «Милиции так же боятся, как раньше боялись царских жандармов».

Надо сказать, что страх евреев по отношению к Советам был вполне обоснован. В августе 1919 г. все еврейские религиозные общины были распущены, их имущество конфисковано, а подавляющее большинство синагог закрыто навсегда. Изучение иврита и издание светской литературы на иврите были запрещены. Разрешалось издание литературы на идише, но только в фонетической транскрипции, а культурная деятельность на идише хоть и допускалась, но лишь под усиленным надзором. Органами такого надзора являлись специальные еврейские секции (евсекция), учрежденные коммунистическими ячейками, которыми руководили «нееврейские» евреи и чьей особой задачей являлось искоренение малейших признаков «еврейского культурного партикуляризма». Они вели подрывную работу против Бунда, поставив своей задачей ликвидировать сионизм в России. Кстати, в 1917 г. он стал сильнейшей политической организацией российских евреев. Имея 1200 низовых организаций с общим числом членов 300 000, он численно превосходил партию большевиков. Начиная с 1919 г. евсекции начали фронтальное наступление на сионистов, используя в качестве ударной силы подразделения Чeka под командованием «нееврейских» евреев. В Ленинграде они заняли штаб-квартиру сионистов, арестовав персонал и закрыв газету. То же самое они проделали и в Москве. В апреле 1920 г. Всероссийский сионистский конгресс был разогнан отрядом чекистов с девушкой-еврейкой во главе; было арестовано 75 делегатов. Начиная с 1920 г. многие тысячи российских сионистов оказались в лагерях, из которых выйти удалось очень немногим. Как утверждал режим (26 августа 1922 г.), сионистская партия «пытается под маской демократии растлить еврейскую молодежь и отдать ее в руки контрреволюционной буржуазии в интересах англо-французского капитализма. Чтобы восстановить палестинское государство, эти представители еврейской буржуазии полагаются на реакционные силы, [включая] таких алчных империалистов, как Пуанкаре, Ллойд-Джордж и Папа Римский».

Когда к власти пришел Сталин, антисемит в душе, давление на евреев усилилось; к концу 20-х годов все виды специфически еврейской политической деятельности были ликвидированы или выхолощены. Затем Сталин распустил евсекцию, предоставив надзор за евреями тайной полиции. К этому времени евреи были уже изгнаны почти со всех важных властных постов, и антисемитизм снова стал мощной внутрипартийной силой. «Неужели верно, – писал Троцкий Бухарину в гневе и изумлении, – неужели возможно, чтобы в нашей партии, в Москве, в рабочих ячейках антисемитская агитация оставалась бы безнаказанной?» И не просто безнаказанной – поощряемой. Евреи, особенно из рядов коммунистической партии, составляли непропорционально большую долю жертв

сталинского режима.

Одним из них был Исаак Бабель (1894—1940?), возможно, единственный великий еврейский писатель, рожденный российской революцией, чья личная трагедия в некотором роде символична для всех советских евреев. Подобно Троцкому, он был сыном Одессы, где его отец владел магазином. В одном из своих рассказов он, как в 9 лет впервые увидел своего отца, покорно стоящего на коленях перед казачьим офицером во время погрома, – прямо как олицетворение многовековой судьбы еврея из гетто. «На офицере, – рассказывает Бабель, – были лимонно-желтые замшевые перчатки, и он смотрел вдаль отсутствующим взором». Одесса порождала еврейских вундеркиндов, особенно музыкантов, и умный Бабель боялся, что отец сделает из него «музыкального карлика», одного из «большоголовых веснушчатых с тоненькими стебельками-шейками и эпилептическим румянцем». Вместо этого он, как и Троцкий, хотел стать «нееврейским евреем», сильной личностью, вроде знаменитых еврейских бандитов с Молдаванки, Одесского гетто, а еще лучше – вроде казаков. Он воевал в царской армии; позже, когда произошла революция, служил в Чека и вместе с другими большевиками грабил крестьян, изымая у них продовольствие. И, наконец, позднее осуществилась его мечта – он воевал вместе с казаками под началом маршала Буденного. На основе своих впечатлений он создавал шедевр «Конармию» (1926), собрание историй, рассказывающих с блистательными (а иногда и ужасающими) подробностями, как он пытался, по его словам, приобрести «простейший из навыков – способность убить своего собрата-человека».

Истории имели успех, в отличие от приобретенных навыков. Бабель не смог стать человеком, для которого насилие было бы естественным. Он оставался типичным еврейским интеллектуалом, как он говорил, «человеком с очками на носу и осенью в сердце». Постоянной и мучительной темой в его рассказах звучит трудность для еврея оторваться от своих культурных корней, особенно в вопросах жизни и смерти. Молодой человек погибает, потому что не может заставить себя застрелить раненого товарища. Старый еврей-лавочник не может согласиться с тем, что революционный порыв оправдывает средства, и призывает к «интернационалу хороших людей». Молодой еврей-солдат гибнет, оставляя в своих скромных пожитках портреты Ленина и Маймонида. Как убедился Бабель на своем горьком опыте, эти двое никогда особенно не ладили... Да и вообще идея еврея, который не чувствует себя евреем, на практике не работала. Для Сталина он оставался таким же евреем, как и все прочие; в сталинской России Бабель из почета попал в застенки. В 1934 г. он появился на съезде писателей, чтобы выступить с какой-то странной иронической речью, где объявил, что партия, в своем безграничном великодушии, отняла у писателей только одну свободу – право писать плохо. Я сам, сообщил он, разрабатываю новый литературный жанр и становлюсь «мастером молчания». «Я настолько уважаю читателя, – добавил он, – что стал немым». Через некоторое время он был арестован и исчез навсегда; возможно, его расстреляли еще в 1940 г. Согласно официальному обвинению, он был причастен к «заговору литераторов»; однако подлинной причиной было его знакомство с женой Николая Ежова, низвергнутого главы НКВД. В сталинской России этого было достаточно, особенно для еврея.

За рубежом, однако, было очень мало известно о том, что антисемитизм уцелел в Советской России, возродился в новых формах, о разрушении еврейских организаций и растущей физической угрозе евреям в условиях сталинизма. Считалось попросту, что, поскольку евреи входили в число главных вдохновителей большевизма, они должны быть среди тех, кто больше всех от него выиграл. Существенное различие между огромной массой евреев, среди которых были традиционалисты, ассимиляционисты и сионисты, и специфической группой «нееврейских» евреев, которые помогли совершить революцию, было практически не понято. В то же время по антисемитской теории еврейского заговора всегда считалось, что внешние столкновения еврейских интересов – это всего лишь камуфляж, маскирующий единство целей. Чаще всего евреев обвиняли в том, что где-то за кулисами они «работают сообща». Идея всеобщего еврейского заговора, в том числе и

тайных встреч мудрецов, родилась еще во времена средневекового кровавого навета на евреев. Зачастую эта идея приобретала форму письменных документов. К несчастью, толчок этому дала и попытка Наполеона I собрать синагогу. Затем эта идея была взята на вооружение царской тайной полицией – охранкой. Эта организация была обеспокоена тем, что царь недостаточно решительно и радикально расправляется с заговорами, особенно еврейскими. В 1890-е годы одному из парижских агентов охранки поручили состряпать какой-нибудь документ, при помощи которого можно было бы продемонстрировать Николаю II реальность еврейской угрозы. Фальсификатор воспользовался написанным в 1864 г. памфлетом Мориса Жоли, который приписывал Наполеону III стремление править миром. Первоисточник не имел никакого отношения к евреям, но для монарха была описана некая конференция еврейских лидеров, которые якобы объявили, что благодаря современной демократии они очень близки к достижению современных целей. Таково происхождение «*Протоколов сионских мудрецов*».

Фальшивка не достигла первоначальной цели. Царя не удалось обмануть, и на документе он начертал: «Благая цель не достигается подлыми средствами». Однако и после этого полиция старательно внедряла ее. В 1905 г. она впервые появилась в печатном виде в качестве дополнительной главы в книге Сергея Нилуса «*Великое в малом*». Большого интереса она не вызвала. Только большевистский триумф 1917 г. дал *Протоколам* второе, и гораздо более успешное, рождение. О связи евреев с ленинским путчем в это время говорили много, особенно в Англии и Франции. Шла самая отчаянная фаза долгой войны, которая истощила запасы мужчин и прочие ресурсы этих стран. Временное правительство Керенского старалось сохранить активное участие России в войне против Германии. Ленин же стал проводить прямо противоположную политику, направленную на немедленное достижение мира на любых условиях. Этот опасный удар по делу союзников, который привел к тому, что немцы смогли оперативно перебросить свои дивизии из России на Западный фронт, оживил в умах связь евреев с Германией. Например, в Англии небольшая, но шумная группа писателей во главе с Илэром Беллоком и братьями Сеслом и Дж. К. Честертонами, развязала яростную кампанию с антисемитским подтекстом по поводу дела Маркони (1911), направленную против Ллойд-Джорджа и его министра юстиции сэра Руфуса Айзекса. Теперь же они воспользовались событиями в России, чтобы связать евреев с пацифизмом в Англии. В начале ноября 1917 г. в речи Дж. К. Честертона прозвучала угроза: «Я хотел бы добавить несколько слов для евреев... Если они будут продолжать глупую болтовню насчет пацифизма, настраивая народ против солдат, их жен и вдов, то они впервые узнают, что на самом деле означает слово антисемитизм».

Быстрое распространение *Протоколов* на фоне Октябрьской революции оказывало некоторое время свое разрушительное воздействие даже в Англии, где антисемитизм был скорее явлением салонным, чем уличным. Корреспонденты в России Роберт Уилтон («*Таймс*») и Виктор Марсден («*Морнинг Пост*») были яростными антибольшевиками и склонялись к антисемитизму. Оба они считали подлинными варианты *Протоколов*, которые были им известны. «*Таймс*» под заголовком «Евреи и большевизм» напечатала корреспонденцию, где цитировалось письмо от некоего Веракса от 27 ноября 1919 г.: «Сущностью иудаизма... является прежде всего расовая гордость, вера в их превосходство и конечную победу, убежденность, что еврейский мозг превосходит христианский, короче говоря, глубокая убежденность, что евреи – Избранный Народ, которому суждено в один прекрасный день стать руководителем и законодателем человечества». «*Джуиш Уорлд*», в свою очередь, комментировал: «Письмо Веракса знаменует начало новой и злобной эры... Мы больше не можем утверждать, что в этой стране, которая больше всего любила Библию, нет антисемитизма». В начале следующего года редактор «*Морнинг Пост*» Х. Э. Гвинн написал введение к анонимной книге под названием «*Причины беспокойства в мире*», основанной на *Протоколах*. Они могут быть или не быть подлинными, писал он, «однако самое интересное состоит в том, что хотя содержащая их книга была издана в 1905 г., сегодняшние большевико-евреи претворяют в жизнь почти буквально все, что было записано».

в программе, сформулированной в *Протоколах* ». Он отмечал, что свыше 95% нынешнего большевистского правительства – евреи». В публикации приводился список из 50 его членов с указанием «псевдонимов» и «подлинных имен» и объявлялось, что из них только 6 – русские, 1 – немец, а все остальные евреи. 8 мая 1920 г. *«Таймс»* опубликовала статью под заголовком «Еврейская угроза», основанную на допущении, что *Протоколы* – подлинный документ. Неужели Англия, спрашивал автор статьи, «избежала *Пакс Германика*, чтобы угодить в *Пакс Юдаика*?»

Эта агитация постоянно подкреплялась сообщениями о зверствах большевиков. Черчилль, всю жизнь бывший другом евреев, был глубоко потрясен убийством в российской столице британского военно-морского атташе. Евреи – самый замечательный народ на Земле, писал он, и их вклад в религию «ценнее всех прочих знаний и доктрин». Но теперь, продолжал он, «этот удивительный народ создал иную систему морали и философии, которая так же насыщена ненавистью, как христианство – любовью». Виктор Марсден, который сидел в большевистской тюрьме, вернулся с ужасными известиями. «Когда мы набросились на г-на Марсдена с вопросами, – сообщала *«Морнинг Пост»*, – и спросили, кто несет ответственность за преследования, которые он перенес... он ответил одним словом: «Евреи». Уилтон из *«Таймс»* издал книгу, в которой объявлялось, что большевики воздвигли в Москве памятник Иуде-Искарриоту. Впрочем, в конце концов именно *«Таймс»* в серии статей, опубликованных в августе 1921 г., показала, что *Протоколы* – подделка. После этого волна британского антисемитизма стала спадать так же быстро, как нарастала. Беллок попытался воспользоваться паникой, чтобы выпустить книгу *«Евреи»*, где объявил, что именно большевистские зверства впервые вызвали настоящий антисемитизм в Англии. Однако, пока она вышла в феврале 1922 г., момент был упущен, и ее приняли холодно.

Во Франции ситуация была иная, поскольку там антисемитизм имел глубокие корни, собственную национальную культуру и приносил свои горькие плоды. Великая победа в деле Дрейфуса создала у французских евреев ложное ощущение того, что они окончательно приняты; это нашло свое отражение, в частности, в очень небольшом количестве заявлений, поданных французскими евреями на изменение фамилии – всего 377 за весь период с 1803 по 1943 гг. Лидеры еврейского общественного мнения во Франции настойчиво доказывали, что ненависть к евреям импортирована из Германии. «Расизм и антисемитизм – дело рук предателей, – утверждал памфлет, выпущенный бывшими солдатами-евреями. – Они завезены извне теми, кто желает гражданской войны и надеется на возобновление войны внешней». В 1906 г., в самый разгар триумфа сторонников Дрейфуса, *«Юньон Израэлит»* объявил, что антисемитизм – «мертв». Однако всего через два года возникли *«Аксьон Франсез»* Морра и столь же антисемитская группа *«Камелот дю Руа»*. В 1911 г. камелоты организовали бурную демонстрацию против пьесы *«После меня»* в театре Комеди Франсез; пьеса была написана Анри Бернштейном, который в юности дезертировал из армии, и ее пришлось снять в результате волнений. Во Франции, в отличие от Англии, постоянно существовало, по-видимому, определенное число избирателей, откликнувшихся на призывы агитаторов-антисемитов. Они с готовностью раздували страх перед большевиками и распространяли мифы *Протоколов*, которые вошли во многие французские издания. Акцент французского антисемитизма сместился с «власти еврейских денег» на евреев как источник подрывной социальной активности.

Еврей-социалисты вроде Леона Блюма не пытались оспорить эту идею. Блюм восхвалял мессианскую роль евреев как социальных революционеров. «Коллективный импульс евреев, – писал он, – ведет их к революции; их критическая мощь (я использую эти слова в высшем смысле) ведет их к уничтожению любой идеи, любой традиционной формы, которая не соглашается с фактами или не может быть обоснована логически». В долгой и печальной истории евреев, утверждал он, их поддерживала «идея неизбежной справедливости», «вера, что в один прекрасный день миром будет править здравый смысл, все люди будут подчиняться одному закону, и каждый получит по заслугам. Разве это не дух социализма? Таков древний дух народа». Блюм написал эти слова в 1901 г. В послевоенных

условиях они звучали опаснее. Однако Блюм, самая видная фигура среди французских евреев, в период между войнами продолжал настаивать, что роль евреев состоит в том, чтобы возглавить движение к социализму. Он, по-видимому, считал, что к нему примкнули даже богатые евреи. В итоге в то время, как правые антисемиты считали Блюма воплощением еврейского радикализма, многие левые обвиняли его в том, что он – тайный агент еврейской буржуазии. Треть парижских банкиров составляли евреи, и у левых излюбленным было заявление, что «евреи контролируют финансы правительства, кто бы ни находился у власти». «Их давняя связь с банками и коммерцией, – говорил Жан Жорес, – сделала их особенно сведущими в капиталистической преступной деятельности». Когда в послевоенные годы левые социалисты образовали французскую компартию, антисемитский элемент, хотя и неявный, стал существенным элементом кампании оскорблений, значительная часть которых была направлена лично против Блюма. Тот факт, что Блюм вместе с другими видными французскими евреями постоянно недооценивали французский антисемитизм, будь он правый или левый, делу не помогал.

Наиболее серьезные последствия взятия власти большевиками и связь этого факта с деятельностью радикальных евреев имели в Соединенных Штатах. Во Франции на евреев нападали справа и слева, но страна продолжала великодушно принимать еврейских беженцев и в 20-е и даже в 30-е годы. В Америке же страх перед большевизмом положил конец политике неограниченной иммиграции, которая была спасительной для восточноевропейских евреев в 1881—1914 годах и позволила возникнуть великому Американскому Еврейству. Были попытки ввести квоты на иммиграцию еще до войны, но им успешно противодействовал Американский еврейский комитет, основанный в 1906 г. Но война покончила с ультра-либеральной фазой расширения американской демократии. С нее началась фаза ксенофобии, которая продлилась десятилетие. С 1915 г. ку-клукс-клан начинает контролировать группы национальных меньшинств, включая евреев, которые (как он объявляет) бросают вызов американским социальным и моральным нормам. В том же году молниеносно приобрела известность книга «*Великая раса уходит*» Мэдисона Гранта, где утверждается, будто прекрасный генофонд Америки был разрушен неограниченной иммиграцией, не в последнюю очередь евреев из Восточной Европы. За вступлением Америки в войну последовали закон о шпионаже (1917) и закон о подстрекательстве к мятежу (1918), которые фактически вели к тому, что «чужие» объявлялись предателями.

Большевизация России заложила краеугольный камень в основание нового здания страха. Результатом явилась кампания борьбы с «красной угрозой», которую возглавил в 1919-20 гг. демократический министр юстиции Митчелл Палмер, направленная против, как он выражался, «подрывных элементов и агитаторов зарубежного происхождения». Он объявил, что «в США имеется 60 000 этих организованных пропагандистов доктрины Троцкого», причем сам Троцкий – «чужестранец с сомнительной репутацией... самый гнусный из известных в Нью-Йорке». Значительная часть материала, распространявшегося Митчеллом и его союзниками, носила антисемитский характер. Так, в одном из списков было показано, что из тридцати одного высшего советского руководителя все, кроме Ленина, евреи; в другом анализировался состав Петроградского совета, где всего 16 из 388 – русские, а остальные – евреи, причем 265 из них – выходцы из нью-йоркского Ист-Сайда. Третий документ свидетельствовал, что решение свергнуть царское правительство было в действительности принято 14 февраля 1916 г. группой нью-йоркских евреев, в которую входил миллионер Джейкоб Шифф.

В результате появился закон о квоте (1921), устанавливающий, что ежегодное количество иммигрантов не должно превышать 3% от количества соответствующей этнической группы в США на 1910 г. Закон Джонсона-Рида (1924) срезал эту цифру до 2%, принимая за базу отсчета уровень 1890 г. В результате общий уровень иммиграции опустился до 154 000 человек в год, причем суммарная квота на выезд из Польши, России и Румынии (в основном – евреи) упала до 8879 человек. Практически это означало конец массовой иммиграции евреев в США. В дальнейшем еврейским организациям пришлось

вести тяжелую борьбу за то, чтобы эти квоты не ликвидировали полностью. Они считали большим успехом, что за 9 трудных лет (1933-41) им удалось принять в США 157 000 немецких евреев – примерно столько же, сколько въехало за один лишь 1906 г.

В то же время нельзя сказать, что в Америке между двумя мировыми войнами еврейская община находилась в состоянии глухой обороны. Достигнув в 1925 г. 4,5 миллиона, она быстро шла к тому, чтобы стать самой многочисленной, богатой и влиятельной еврейской общиной в мире. Иудаизм стал третьей религией в Америке. Евреи были не просто приняты, они становились плотью и кровью общества и зачастую определяли его облик. Они никогда не пользовались кредитом для биржевой игры, хотя в ряде европейских стран им приходилось прибегать к этому средству. В 20-е годы экономика США стала такой обширной и разветвленной, что ни одна группа, сколь бы велика она ни была, не могла в ней доминировать. Но в банковском и биржевом деле, торговле недвижимостью, розничной торговле, системе распределения и индустрии развлечений евреи занимали сильные позиции. Впрочем, едва ли не более важным оказался успешный профессиональный рост евреев, который стал возможен благодаря открывшейся для них в Америке возможности дать детям высшее образование. В ряде колледжей, особенно привилегированных (Ivy League), существовали ограничения на прием евреев. Но практически каких-то численных границ распространения высшего образования среди евреев не существовало. К началу 30-х годов евреи составляли почти 50% студентов в колледжах НьюЙорка, а в целом по стране – свыше 9% (105 000 человек).

В результате впервые с античных времен у евреев появилась реальная возможность употребить на всеобщее благо свой законотворческий потенциал, который они так долго холили и лелеяли в лучших традициях раввинизма. В 1916 г. после 4-месячной борьбы Луис Брандейс (1856—1941) стал первым евреем – членом Верховного Суда. Он был вундеркиндом, младшим сыном в семье евреев-либералов из Праги. В Гарвардской юридической школе он получил самые высокие на тот день оценки. К 40 годам его практика принесла ему состояние свыше 2 миллионов долларов. Для американских евреев было характерно, что, становясь видными фигурами в мире больших денег, они чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы позволить себе увлечение сионизмом (если считали его жизнеспособным). Стал видным сионистом и Брандейс. Но еще более важным было его стремление изменить направление американской юриспруденции. Еще до того, как стать членом Верховного Суда, он написал «меморандум Брандейса» в деле «Мюллер против штата Орегон» (1908), где отстаивал закон штата, ограничивающий продолжительность рабочего дня женщин. В нем он опирался не столько на юридические прецеденты, сколько на общие моральные и социальные аргументы в пользу закона, при этом он привлек в качестве аргумента свыше тысячи страниц статистики. В этом нашла отражение как творческая философия либеральных кафедрократов, так и их изобретательность и энергия в отстаивании своей позиции.

В качестве члена Верховного Суда Брандейс получил возможность продвинуть доктрину социальной юриспруденции в самый центр американской философии закона и превратить тем самым суд в рамках Конституции в законотворческий орган. Будучи либеральным евреем с классическим образованием, который видел в духе американского общества сплав Афин и Иерусалима (ну просто современный Филон!), он считал, что суд должен поддерживать плюрализм не только религий, но и экономических систем, а еще более – взглядов. Он почитал истиной (см., например, дело «Уитни против штата Калифорния», 1927), «что опасно подавлять мысль, надежду или воображение; что страх вскармливает репрессию, репрессия вскармливает ненависть; ненависть угрожает стабильности правительства; путь к безопасности лежит в возможности открыто обсуждать предполагаемые неприятности и средства борьбы с ними; а лучшее средство против плохих советов – советы хорошие».

В 1939 г. в Верховном Суде к нему присоединился единомышленник – Феликс Франкфуртер (1882—1965), который иммигрировал в Нижний Ист-Сайд в возрасте 12 лет,

учился сначала в нью-йоркском колледже, а затем – в Гарварде и основную часть своей профессиональной биографии занимался дискуссиями (в современном светском смысле) по поводу одной из ключевых проблем иудаистского закона: как уравновесить требования личной свободы и общественной необходимости. Эта его деятельность отражала зрелость американского еврейства как члена сообщества, наглядным примером чего была солидарность Франкфуртера со штатом против диссидентствующего меньшинства («Свидетелей Иеговы») в вопросе о приветствии Государственного флага: «Тот, кто принадлежит к наиболее поносимому и преследуемому меньшинству в истории, не может быть нечувствителен к свободе, гарантируемой нашей Конституцией... Но как Судьи мы не являемся ни евреями, ни язычниками, ни католиками, ни агностиками... В качестве члена этого Суда я не вправе вписывать в Конституцию мои личные представления о политике, сколь глубоко я не тешил бы себя ими».

Надо сказать, что евреи в Америке занимались не только фундаментальной перестройкой существующих институтов, вроде юриспруденции, но и внедрением новых. В Париже и Вене еврейские музыканты, от Галеви до Оффенбаха и Штраусов, создали новые виды музыкальных спектаклей, а также театры и оркестры, которые позволили их осуществить. Подобное сочетание талантов возникло вскоре и в Нью-Йорке. Оскар Хаммерштейн I (1847—1919) прибыл туда в 1863 г. и работал, подобно многим другим евреям, на табачной фабрике. Через 20 лет его сын, Оскар Хаммерштейн II (1895—1960), стал играть важную роль в качестве либреттиста в становлении американской «музыкальной пьесы» – нового вида синтетического драматического искусства. После «Роз-Мари» (1924) и «Песни степей» (1926) он объединил свои усилия с Джеромом Керном (1885—1945), тоже нью-йоркцем, для создания сугубо американского мюзикла «*Плавучий театр*» (1927); затем с начала 40-х он в сотрудничестве с Ричардом Роджерсом поднял этот жанр, ставший, пожалуй, наиболее типичным для американского искусства, на новую высоту, создав «*Оклахому*» (1943), «*Карусель*» (1945), «*Юг Тихого океана*» (1949), «*Король и я*» (1951) и «*Звуки музыки*» (1959). Эти американские музыкальные авторы шли к композиции разными путями. Роджерс учился в Колумбийском университете и Институте музыкального искусства. Ирвинг Берлин (род. 1888), сын кантора из России, появился в Нью-Йорке в 1893 г., работал «поющим официантом», не имел музыкального образования и не учился музыкальной грамоте. Джордж Гершвин (1898—1937) начинал наемным пианистом в музыкальном издательстве. Общим для всех них были невероятная изобретательность и абсолютно новые идеи. Керн написал свыше 1000 песен, включая «*Ol' Man River*» («*Река-старик*») и «*Smoke Gets in Your Eyes*» («*Дым в твоих глазах*»), для 104 постановок и фильмов. На счету Берлина также более 1000 песен, от «*Top Hat*» («*Цилиндр*») до «*Annie Get Your Gun*» («*Бери ружье, Энни*»). Его «*Alexander's Regtime Band*» (1911), по сути дела, ознаменовал начало эры джаза. Через 13 лет «*Голубая рапсодия*» Гершвина, исполненная оркестром Пола Уайтмена, сделала джаз респектабельным. «*Моя прекрасная леди*» Фредерика Лоу, «*Парни и куклы*» Фрэнка Лессера, «*Волшебник из страны Оз*» Гарольда Арлена и «*Вестсайдская история*» Леонарда Бернстайна характерны тем же сочетанием постоянного новаторства и неременной «кассовости».

Те же богатство идей и организаторские таланты, что и в шоу-бизнесе, американские евреи принесли в развитие техники. В 1926 г. Дэвид Сарнофф (1891—1971) создал первую радиосеть – Нэшнл Бродкастинг Систем как информационную ветвь компании Рэдио Корпорейшн оф Америка (Ар-Си-Эй), президентом которой он стал в 1930 г. В это же время Уильям Пейли (род. 1901) сколачивал конкурирующую компанию Коламбия Бродкастинг Систем (Си-Би-Эс). Позднее обе эти компании внедряли черно-белое, а затем и цветное телевидение. Из среды евреев вышло также много талантливых исполнителей, работавших в средствах массовой информации: Сид Сезар и Эдди Кантор, Милтон Берль, Эл Джонсон и Джек Бенни, Уолтер Уинчел и Дэвид Саскайнд. Музыкальный Бродвей, радио и телевидение являются в некотором смысле типичными примерами из истории еврейской диаспоры, когда евреи открывают абсолютно новые направления в бизнесе и культуре, некую *табула раса*,

на которой делают свою политику прежде, чем другие смогут занять ключевые позиции, создать свою гильдию или профессиональный клан, закрытый для евреев.

Совершенно выдающимся примером является кинопромышленность, которая почти полностью была создана евреями. Разумеется, спорным является вопрос, им ли принадлежит основной вклад в формирование нынешнего лица нашей эпохи. Потому что если Эйнштейн создал космологию XX века, а Фрейд сформулировал основные постулаты человеческого мышления, то, конечно, именно кинематограф сформировал массовую культуру человечества. Правда, и здесь присутствовала своя ирония. Евреи не изобретали кинематографа. Томас Эдисон, который разработал первую настоящую кинокамеру, так называемый кинетоскоп, в 1888 г., не предназначал ее для развлечения. Она должна была стать, по его словам, «самым современным инструментом разума» для просвещенной демократии, чтобы показать мир, каков он есть, и противопоставить моральную силу реализма «оккультным знаниям Востока». Этот рационалистический подход пришелся бы по душе еврейским пионерам, но на практике все получилось совсем иначе. Подход Эдисона к кино не сработал. Образованный средний класс его проигнорировал, и в первое десятилетие особого прогресса в этом направлении не наблюдалось.

Затем, в конце 1890-х, бедные еврей-иммигранты соединили кино с другим созданным ими для себя институтом – пассажем развлечений. В 1890 г. в Нью-Йорке не было ни одного такого пассажа – к 1900 г. их стало более 1000, причем в их состав входили так называемые никелодеоны. Через 8 лет только в Нью-Йорке было уже 400 никелодеонов, и они распространялись по всем городам Севера. Вход стоил 5 центов, что делало их доступными для беднейшего городского населения. Сотни снимавшихся для них короткометражных фильмов были немymi, и в этом их большое преимущество, поскольку большинство постоянных посетителей не владело английским или владело слабо. Это был чисто иммигрантский вид искусства, а потому он мог служить превосходной основой для еврейского бизнеса.

Первое время евреи не вносили в этот бизнес творческого вклада. Они просто владели никелодеоны, пассажами, театрами. Большую часть съемочной работы и обработки первых короткометражек выполняли родившиеся в Англии протестанты. Исключением был разве что Зигмунд Люблин, который трудился в большом еврейском центре – Филадельфии и чуть было не превратил ее в столицу кинематографической отрасли. Однако, когда владельцы кинотеатров подключились к производству короткометражек, которых ждали их посетители-иммигранты, Люблин вместе с другими патентовладельцами образовали гигантскую Патентную Компанию, чтобы полностью получать причитающиеся отчисления от кинопроизводителей. Именно тогда евреи повели кинопромышленность в новый «исход» из «Египта» на северо-востоке страны, где преобладали люди WASP («белые англо-саксонские протестанты»), в калифорнийскую обетованную землю. В Лос-Анджелесе было много солнца, мягкие законы и возможность быстро удрать в Мексику от юристов Патентной Компании. Именно в Калифорнии по-настоящему проявился рациональный подход евреев. В 1912 г. там было уже свыше сотни мелких кинокомпаний, которые затем стали быстро сливаться, объединившись в 8 крупных. Из этих восьми «Юниверсал», «XX век Фокс», «Парамаунт», «Уорнер Бразерс», «МетроГолдвин-Майер» и «Коламбия» были созданы в основном евреями, которые, впрочем, играли основную роль и в оставшихся двух: «Юнайтед Артистс» и «Ар-Кей-Оу Рэдио-Пикчерз».

Почти все эти еврей-кинематографисты имели следующие общие черты. Все они были иммигрантами либо детьми недавних иммигрантов. Они были бедны, иногда отчаянно бедны. Многие происходили из многодетных семей, где росло по 12 детей и более. Карл Лемль (1867—1939), первый из них, был иммигрантом из Лауфейма и десятым ребенком из 13. Он занимался всякого рода канцелярской работой, был бухгалтером и заведовал магазином одежды, прежде чем открыл свой никелодeon, превратил его в сеть, создал свою систему кинопроката, а затем основал в 1912 г. первую крупную студию – Юниверсал. Маркус Лев (1872—1927) родился в Нижнем Ист-Сайде в семье официанта-иммигранта. В 6

лет он торговал газетами, в 12 бросил школу и стал работать в типографии; затем занялся мехами; к 30 годам успел дважды обанкротиться; основал сеть кинотеатров и сколотил компанию Метро-Голдвин-Майер. Уильям Фокс (1879—1952) родился в Венгрии в семье, где было 12 детей; в Нью-Йорк его привезли ребенком через иммигрантскую станцию Касл-Гарден. В 11 лет он ушел из школы на швейную фабрику, позднее завел собственное садовое дело; от дешевых кинопассажей Бруклина дошел до собственной сети кинопроката. Луис Б. Майер (1885—1957) – сын иудаиста-богослова из России; привезен ребенком через тот же Касл-Гарден; в 8 лет занялся сбором утиля, к 19 имел собственное дело по этой части; к 22 владел сетью кинотеатров; в 1915 г. создал первый серьезный полнометражный фильм «Рождение нации». Братья Уорнер входили в число девяти детей бедного сапожника из Польши. Они торговали мясом и мороженым, чинили велосипеды, работали зазывалами на ярмарке и странствующими балаганщиками. В 1904 г. они купили кинопроектор и организовали свой кинотеатр, где их сестра Роза играла на рояле, а 12-летний Джек пел дискантом. В Голливуде они сделали крупный шаг вперед во внедрении звукового кино. Джозеф Шенк, один из основателей Юнайтед Артистс, владел парком развлечений. Сэм Голдвин работал помощником кузнеца и торговал перчатками. Гарри Кон, еще один выходец из Нижнего Ист-Сайда, был трамвайным кондуктором, играл в водевилях. Джесс Ласки играл в забегаловках. Сэм Кац работал посыльным, но, еще не достигнув 20 лет, стал владельцем трех никелодеонов. Дор Шэри работал официантом в еврейском летнем лагере. Адольф Цукор родом из семьи раввина торговал мехами. Этим же занимался Дэррил Цанук, который заработал первые деньги на новой застежке для меховых изделий. Не всем пионерам кинематографии удалось сохранить свои состояния и созданные ими студии. Некоторые обанкротились, а Фокс и Шенк даже оказались в заключении. Но Цукор так сказал от имени всех: «Я прибыл из Венгрии 16-летним сиротой, у которого в жилетке было зашито несколько долларов. Я был счастлив дышать свежим ветром свободы, и Америка была добра ко мне».

Эти люди начинали как неудачники и творили для таких же неудачников. Прошло много времени, прежде чем нью-йоркские банки стали обращать на них внимание. Их первым крупным спонсором оказался еще один калифорнийский товарищ-иммигрант, А. П. Джаннини, чей «Бэнк оф Итали» превратился со временем в крупнейший банк в мире «Бэнк оф Америка». За плечами у них были века несправедливости, и на них лежала эта печать. Даже внешне они были маленького роста. Как писал историк кино Филип Френч, «без особенного риска для жизни на собрании магнатов кинобизнеса можно было бы махнуть косою на высоте 170 сантиметров от земли; вряд ли кто-нибудь из них даже услышал бы свист». У них было огромное желание вытянуть бедняков за собой в своем движении вперед – как материальном, так и культурном. Цукор хвастал тем, что превратил пролетарские кинопассажи в дворцы среднего класса и спрашивал: «Кто смел с лица земли ваши грязные никелодеоны? Кто поставил плюшевые кресла?» Голдвин так формулировал свою культурную задачу: создавать «картины на прочном фундаменте искусства и изящества». Их новая кинокультура не была лишена и традиционных еврейских особенностей, в частности критического юмора. Братья Маркс представили в своих фильмах взгляд неудачника на обычный мир примерно в том же ключе, в каком евреи обычно видели окружающее их общество большинства. Показывали ли они «Общество белых англо-саксонских протестантов» в фильме «Животные-бедняки», или культуру в фильме «Ночь в опере», университетский кампус в «Лошадиных перьях», коммерцию в «Большом магазине» или политику в «Утином супе», они всегда вторгались в устоявшиеся формы жизни, нарушая спокойствие и порождая смущение в душе «нормальных» людей.

Впрочем, вообще говоря, воротилы Голливуда не слишком стремились беспокоить общество. Когда они приютили в 30-е годы евреев из германской кинематографии, то прежде всего попытались внушить им дух конформизма. Это была их собственная форма ассимиляции, приспособления. Подобно тем евреям, которые рационализировали розничную торговлю в XVIII веке и организовали первые крупные магазины в XIX, они также служили

потребителю. «Если аудитории не нравится фильм, – говорил Голдвин, – значит, у нее есть на то причина. Публика всегда права». Они абсолютизировали рынок. И в этом тоже заключалась своеобразная ирония. Кино стало первым видом культуры со времен античной Греции, который был доступен всему населению. Так же, как любой обитатель полиса мог прийти на стадион, в театр, лицей или одеон, так теперь все американцы могли смотреть фильмы более или менее одновременно. Исследование Мэнси, проведенное в 1929 г. в Индиане, показало, что недельная посещаемость кинотеатров втрое превышала количество населения. Поэтому кино, которое стало в известном смысле прообразом будущего телевидения, явилось гигантским шагом по пути к обществу потребления конца XX века. Оперативнее, чем другие институты, оно доносило до простых рабочих образ лучшей жизни. И в противоположность тому, что могли вообразить министр юстиции Палмер и Мэдисон Грант, именно евреи из Голливуда стилизовали, лакировали и популяризовали концепцию Американского Образа Жизни.

У этого Образа жизни были, естественно, и свои темные стороны. Между двумя мировыми войнами американские евреи начали приобретать определенные общенациональные черты, в том числе и отталкивающие. Как в случаях с музыкальным Бродвеем и кинематографическим Голливудом, преступность, и в особенности ее новые разновидности, оказалась тем полем, где предприимчивым евреям было где развернуться с самого начала, не сталкиваясь с формальными барьерами, которые воздвигаются неевреями. В Европе евреи часто оказывались замешаны в специфических преступлениях, связанных с бедностью, вроде укрывательства краденого, карманного воровства и мелкого жульничества. Кроме того, определенное развитие получили виды преступлений, требующие высокой степени организованности и разветвленных связей, например, торговля белыми рабами. В конце XIX столетия эта волна из Восточной Европы с колоссальным уровнем еврейской рождаемости докатилась до Латинской Америки. Любопытно в этом процессе наблюдать ярко выраженные национальные особенности. Скажем, удивительно большое количество еврейских проституток соблюдало шабат, еврейские праздники и правила питания. В Аргентине у них даже была своя синагога. При этом именно из-за значительной вовлеченности евреев в этот промысел легальные еврейские институты энергично боролись за его искоренение по всему миру и создавали для этой цели свои специальные органы. В Нью-Йорке преступники-евреи кроме обычных для этой нации «профессий» освоили рэкет-охрану, поджог и отравление лошадей. И вновь еврейская община ответила на этот процесс кампаниями, направленными на профилактику, в том числе школами перевоспитания. Такие попытки оказались весьма эффективными в случае мелких преступлений. И вполне возможно, что, не будь сухого закона, еврейское криминальное сообщество сократилось бы к концу 20-х годов до размеров небольшой группы.

Но случилось так, что незаконная торговля спиртными напитками предоставила умным евреям такие возможности для рационализации и организации, перед которыми устоять было никак нельзя. Евреи-преступники редко прибегали к насилию. Как писал Артур Руппин, видный специалист по еврейской социологии: «Христиане совершают преступления руками, евреи – головой». Типичным еврейским профессиональным преступником был «Жирный палец» – Джейкоб Гузик (1887—1956), который состоял у Аль-Капоне бухгалтером и казначеем. Другой, Арнольд Ротштейн (1882—1928), пионер в сфере крупного преступного бизнеса, изображен под кличкой «Мозг» в рассказах Деймона Рэньюна и в образе Меира Вольфсхайма в «Великом Гэтсби». Был еще и Меир Лански, который создал и потерял великую империю азартных игр; в 1971 г. ему было отказано в предоставлении израильского гражданства.

По мере взлета еврейской преступности ее представители стали все больше прибегать к насилию. Некого Луиса Лепке Бухалтера (1897—1944), известного под кличкой «Судья», ФБР называло «самым опасным преступником в Соединенных Штатах»; именно он помог организовать «Синдикат» (он же «Murder Incorporated» – АО «Убийство») в 1944 г., и в том же году был казнен в тюрьме Синг-Синг за умышленное убийство. По приказу Бухалтера

киллеры синдиката убили «Голландца-Шульца» – Артура Флигенхаймера (1900—1935), который пытался, вопреки указаниям, убрать Томаса Е. Дьюи. Синдикат нес также ответственность за смерть «Bugsy» («Чокнутого») – Бенджамина Зигеля (1905-47), который организовал для них комплекс Лас-Вегаса, а затем отошел от дела. И, наконец, евреи во главе с «Пурпурным Сэмми» – Сэмьюэлом Коэном организовали в Детройте печально известную «Пурпурную банду», которая хозяйничала в тамошнем Ист-Сайде, пока верх не взяла мафия. Впрочем, трудно напрямую сопоставлять еврейскую и итальянскую преступность в Соединенных Штатах. На удивление большое количество видных преступников-евреев было похоронено по ортодоксальным канонам. В целом организованная еврейская преступность, в отличие от сицилианской мафии, не была ответом на конкретные социальные условия и никогда не пользовалась ни малейшей поддержкой общины. В итоге она оказалась временным явлением.

В то время, как еврейская община реагировала на еврейскую преступность, особенно белую работорговлю, со стыдом и ужасом и делала все, что в ее силах, для перевоспитания преступного элемента в своих рядах, было довольно много американских евреев, которым не по душе была сама по себе идея еврейской «особости», будь она хорошая или плохая, и они отвергали ее целиком и полностью. Вопрос для них даже не состоял в том, чтобы посещать или не посещать синагогу, соблюдать или не соблюдать закон, речь шла о сознательной попытке перестать считать себя евреями. Даже Брандейс еще в 1910 г. критиковал «привычки жить и думать, консервировавшие различие в происхождении» как нежелательные и «несовместимые с американским идеалом братства». Подчеркивать свое еврейство он считал «нелояльным». Однако подобные попытки не были успешными при внезапных столкновениях с проявлениями антисемитизма, и Брандейс кончил тем, что ударился в противоположную крайность. «Чтобы быть хорошими американцами, – утверждал он, – мы должны быть лучшими евреями, а чтобы быть лучшими евреями, мы должны стать сионистами». Некоторые евреи неуверенно колебались между этими двумя полюсами. Ярким примером был Бернард Барух (1870—1965), фигура типа Иосифа. Он был советником у нескольких президентов подряд; утверждали (как нам теперь известно, несправедливо), что он сделал себе состояние во время кризиса 1929 г., распродав свои ценные бумаги до того, как произошел обвал рынка. Отец Чарльз Кафлин, радиопроповедник из Детройта, вечно придиравшийся к евреям, называл его «исполняющим обязанности президента Соединенных Штатов, некоронованным королем Уолл-Стрита». Барух делал все, чтобы избавиться от образа еврея. Благодаря своей жене с протестантскими связями он попал в справочник «Сошел реджистер» в то время, когда он еще был закрыт для шиффов, гуггенхаймов, зелинманов и варбургов. Он проводил отпуск в компании неевреев на Адирондаке. Однако в любой момент могло случиться так, что все усилия пойдут насмарку. Для него было страшным ударом, когда в 1912 г. его дочь Бэлла получила загадочный отказ в приеме в манхэттенскую школу Брирли, несмотря на сдачу вступительного экзамена. «Это было самым горьким потрясением в моей жизни, – писал он, – поскольку травмировало моего ребенка, а мне отравило существование на долгие годы». Ему самому пришлось выдержать тяжелую борьбу, чтобы добиться избрания в модный Оклендский гольф-клуб и быть допущенным на закрытую площадку в Бельмонт-Парке; кстати, он был обладателем прекрасной конюшни. Ему так и не удалось пробиться в Университетский клуб или Метрополитэн. Даже в Америке еврея, невзирая на его богатство, влияние и связи, могли поставить на место, и это сплавивало общину больше, чем что-либо.

Тем не менее, некоторым крайним сторонникам ассимиляции удавалось побороть собственное еврейство, по крайней мере, для собственного удовлетворения. Уолтер Липшман (1889—1974), мэтр газетного дела, был в свое время столь же влиятелен, как Барух, и в течение всей жизни пытался как можно точнее вписаться в окружающие его декорации. Его родители, богатые фабриканты готового платья из Германии, отдали его учиться в привилегированную школу Сакса для мальчиков. Семья посещала синагогу Эману-Эль. Они категорически не признавались в том, что знают идиш. Своей целью они ставили желание не

быть «восточными». Орды иммигрантов остьюден приводили их в ужас. Журнал «Америкен Хебрю» писал, как бы озвучивая их страхи: «Все мы должны быть чувствительны не только к тому, как на нас смотрят наши единоверцы, но и к тому, как нас воспринимают наши соседи-евреи, естественные спонсоры наших братьев». В Гарварде изгнание из знаменитой сети клубов «Золотой берег» сделало Липпмана на некоторое время социалистом. Но вскоре он решил, что антисемитизм – наказание, которое евреи сами себе накликали своей, как он любил выражаться, «подозрительностью». «С моей личной точки зрения, – писал он, – к ошибкам евреев следует относиться намного жестче, чем к ошибкам других народов». Он нападал на сионистов за их «двурушничество», а «богатых, вульгарных и претенциозных евреев наших больших американских городов» считал «самым, пожалуй, серьезным несчастьем, выпавшим на долю еврейского народа».

Липпман был либералом и цивилизованным человеком, которому просто (как ему казалось) хотелось, чтобы его не причисляли к евреям. Он не мог убедить себя смириться с антиеврейскими квотами в Гарварде, поскольку «никакие правила приема не должны исходить из расы, убеждений, цвета кожи, принадлежности к определенному классу или слою». С другой стороны, он соглашался с тем, что если евреев будут набирать свыше 15%, то это будет «ужасно». По его мнению, решение могло бы состоять в том, чтобы у евреев Массачусетса был собственный университет, а Гарвард набирал студентов из более широкого слоя, разбавляя тем самым евреев. «Я не считаю евреев невинными жертвами», – писал он. У них «множество неприятных личных и социальных привычек, которые возникли в ходе горькой истории в результате селекции и усилились под воздействием фарисейского богословия». «Личные манеры и физические привычки «неевреев» намного лучше преобладающих манер и привычек евреев». Эта еврейская самоненависть усугублялась тем фактом, что Липпману так и не удалось достигнуть общественных позиций, которых он заслуживал. Так, он вступил в клубы «Ривер» в Нью-Йорке и «Метрополитэн» в Вашингтоне, но не сумел попасть в «Линкс» и «Никербокер».

Пожалуй, самым трагичным в жизни тех евреев, что отрицали свою национальную принадлежность либо подавляли ее в себе, была своеобразная слепота, которую они почти сознательно вырабатывали у себя. В течение полувека Липпман был, по-видимому, мудрейшим из американских комментаторов по всем вопросам, кроме тех, что касались евреев. Подобно Блюму во Франции, он отмахивался от антисемитизма Гитлера, считая его несущественным, и объявлял фюрера немецким националистом. После того, как в мае 1933 г. нацисты учинили сожжение еврейских книг, он заявил, что преследование евреев, «удовлетворяющее страстное желание нацистов кого-нибудь покорить... играет роль громоотвода, защищающего Европу». О Германии не следует судить по нацистскому антисемитизму, говорит он, так же, как о Франции – по якобинскому террору, о протестантстве – по ку-клукс-клану и, если уж на то пошло, «о евреях – по их выскочкам». Одну из речей Гитлера он назвал «достойной государственного деятеля», «подлинным голосом по-настоящему цивилизованного народа». После этих двух комментариев, посвященных соответственно евреям и нацистам, он не обращался к этому вопросу в течение 12 страшных лет и никогда даже не упоминал о лагерях смерти. Другим примером подобной слепоты является подход в духе Розы Люксембург, принятый блистательным драматургом Лилиан Хеллман (1905—1984), чьи пьесы «Детский час» (1934) и «Лисички» на Бродвее имели грандиозный, хотя и скандальный, успех в течение десятка лет. Она мучительно пыталась соединить свой еврейский гуманизм со сталинистским подходом, подобно многим тысячам евреев-интеллектуалов. В итоге ее антифашистская пьеса «Вахта на Рейне» (1941) отражает, в свете последующих событий, фатальный взгляд на судьбу евреев. Она не позволяла любви к справедливости найти свое естественное выражение в резком протесте против судьбы своего собственного народа. В итоге это чувство выродилось в твердолобую идеологическую ортодоксальность, отстаиваемую с раввинистским упорством. Потребность отвернуться от реалий жизни евреев вынуждала ее смешивать факты с вымыслом. В 1955 г. она переработала в драматическое произведение «Дневник Анны Франк», при этом из

трагедии практически исчез еврейский элемент.

Вся эта путаница, противоречия и неясности, наблюдавшиеся в жизни американской еврейской общины, и не в последнюю очередь среди интеллектуалов, помогает объяснить, почему американские евреи, несмотря на огромные возможности, которыми они располагали в промежутки между мировыми войнами, удивительным образом не смогли повлиять ни на события в Европе, ни даже на общественное мнение в Америке. Как показывают опросы общественного мнения, в 30-е годы в Америке наблюдался неуклонный рост антисемитизма, пик которого пришелся на 1944 г.; кроме того, опросы показали, что, например, в 1938 г. 70-85% населения страны были настроены против увеличения квоты на въезд евреев-беженцев. Руководитель одной из служб общественного мнения Элмо Роупер предупреждал: «Антисемитизм захватил нацию и особенно города».

Вот на таком фоне событий в Европе и Америке рассмотрим теперь ситуацию в Германии. Германия была сильнейшей страной в Европе в экономическом, военном и культурном отношении, и ее наступление на евреев в 1933-45 гг. является центральным событием современной еврейской истории. Во многих отношениях это явление остается загадочным; я говорю не о фактах, которые отражены в необходимом количестве документов, а о причинах. К этому времени Германия была наиболее образованной нацией в мире. Она первой добилась всеобщей грамотности взрослого населения. Между 1870 и 1933 гг. ее университеты были лучшими в мире, практически по всем специальностям. Почему же эта высокоцивилизованная нация набросилась на евреев с такой колоссальной, организованной и бессмысленной жестокостью? При этом кто является нацией-жертвой – вот что еще более усугубляет загадку. В XIX столетии судьбы немцев и евреев оказались очень тесно сплетены. Как отмечал Фриц Штерн, между 1870 и 1914 гг. немцы внезапно объявили о себе как мощная и активная нация – так же внезапно, как некогда евреи. Обе нации оказывали друг другу огромную помощь. Они вообще имели много общего, в том числе почти фанатическую тягу к учебе. Способные евреи обожали Германию, поскольку это было лучшее в мире место для работы. Современная еврейская культура была преимущественно немецкой по форме. В свою же очередь, как указывал Вейцман в своей знаменитой беседе с Бальфуrom, евреи отдавали Германии все свои силы и помогли ей стать великой. С момента учреждения Нобелевских премий до 1933 г. Германия получила их больше, чем любая другая страна, около 30% общего количества. Из них примерно треть приходилась на долю евреев (а в области медицины – половина!). Для Германии истребление евреев было не просто массовым убийством; по сути, это было массовым самоубийством. Как же это могло случиться?

Попытки дать этому объяснение в книгах и монографиях, которые заполняют целые библиотеки, но все они не исчерпывают проблемы. Величайшее преступление в истории человечества до сих пор в какой-то мере озадачивает. Тем не менее, можно попытаться выделить основные моменты. Из них, по-видимому, важнейшим является Первая мировая война. Для германской нации она стала потрясением. Немцы вступили в нее с уверенностью, что близятся к апогею своего величия. Понесся огромные жертвы, они, тем не менее, потерпели сокрушительное поражение. Тем сильнее были их горе, гнев и... потребность найти козла отпущения.

Война привела и ко второму результату. Она изменила способ ведения дел в Германии. Германия довоенная была самой законопослушной страной в Европе. О насилии в гражданской среде и слуха не было – это было бы не по-немецки. Антисемитизм царил повсюду, но физического насилия по отношению к евреям, не говоря уже об антисемитском бунте, – такого не бывало в Германии, да и быть не могло. Война все изменила. Она повсюду приучила людей к насилию, но в Германии она привела к насилию отчаяния. Перемирие 1918 г. не принесло мира Центральной и Восточной Европе, это был лишь 20-летний перерыв между двумя огромными открытыми конфликтами, но и в эти 20 лет насилие служило чуть ли не главным способом разрешения споров в политике. К насилию прибегали как левые, так и правые. Ленин и Троцкий показали пример своим путчем 1917 года. В

1918-20 гг. этому же примеру последовали их коммунистические союзники и подражатели в Германии, и во всех этих попытках насильственного изменения существующего строя видную роль играли евреи. На службе коммунистического режима в Баварии состояли не только еврей-политики вроде Эйспера, но и еврейские писатели и интеллектуалы вроде Густава Ландауэра, Эрнста Толлера и Эрика Мюхсама. Правые ответили организацией ветеранских вооруженных формирований Фрейкорпс.

В России в итоге применения насилия выиграли левые, в Германии – правые. Еврейских экстремистов вроде Розы Люксембург и Эйспера просто убили. «Устранение» оппонентов-евреев перестало быть чем-то необычным. За четыре года с 1919 по 1922 в Германии произошло 376 политических убийств, причем жертвами всех, кроме 22, были левые деятели, многие из них – евреи. Одним из них был Вальтер Ратенау, министр иностранных дел. Суды довольно мягко относились к убийцам из отставных военных. Собственно, к суду привлекались очень немногие; еще реже встречались приговоры к заключению свыше 4 месяцев. Когда старый и заслуженный еврейский писатель Максимилиан Гарден был в 1922 г. избит антисемитами до полусмерти, суд счел его «непатриотичные статьи» «смягчающим обстоятельством» для хулиганов.

Именно на этом фоне насилия со стороны радикальных ветеранов войны появляется фигура Адольфа Гитлера. Он был австрийцем; родился вблизи австро-баварской границы в 1889 г. в семье мелкого чиновника. Жил в Линце, а затем в Вене Карла Люгера. Имел хороший послужной список после участия в войне, был сильно отравлен газами. В своей «*Майн Кампф*», написанной в 1924 г., Гитлер утверждает, что о «еврейском вопросе» он узнал будучи молодым человеком; очевидно, однако, что отец его был антисемитом, и Гитлер находился под влиянием антисемитских идей на протяжении всего детства и юности. Евреи стали (и оставались) для него навязчивой идеей на всю жизнь. Ключевым моментом в войне, которую Германия развязала против евреев, служила его личная страстная ненависть и, в еще большей степени, колоссальная сила воли. Без него такого бы не произошло. С другой стороны, он мало что смог бы сделать, не подчинив себе деструктивные элементы в Германии. С особым искусством он связал воедино две силы, и результат оказался больше, чем их простая сумма. Ему удалось слить небольшую социалистическую группу, Немецкую рабочую партию, с движением ветеранов, дать им антисемитскую платформу и превратить в массовую Национал-социалистическую рабочую партию (нацисты), военное крыло которой составляли штурмовики, или СА (*Sturmabteilung*). Штурмовики охраняли партийные собрания и разгоняли митинги оппонентов. Далее, он сумел соединить два последствия войны, а именно потребность в виновном или козле отпущения и культ насилия, и на их пересечении оказались евреи: «Если бы в начале войны и в ее ходе тысяч этак 12 или 15 этих евреев-растлителей были бы отравлены газом, как это случилось на фронте с сотнями тысяч лучших трудящихся из различных слоев общества, то жертвы, принесенные миллионами, оказались бы ненеприятными».

Слагаемыми антисемитизма Гитлера послужили все традиционные элементы, от христианского *юдензау* до псевдонаучной расовой теории. Но было и два заметных отличия. Во-первых, для него в антисемитизме заключалось именно мировоззренческое значение. Антисемитизмом в Германии грешили и другие политические группировки и даже выдвигали его на видное место, но только нацисты поставили его во главу угла и сделали его основой своей программы (хотя и расставляли акценты несколько по-разному в зависимости от особенностей аудитории). Во-вторых, Гитлер был австрийцем по рождению, но пангерманистом по жизненной программе, в 1914 г. он пошел служить не в австрийскую, а в немецкую армию, и его антисемитизм соединял в себе черты немецкой и австрийской моделей. В Германии он заимствовал сильный и растущий страх перед «еврейско-большевистской Россией», а также мифологию «Протоколов сионских мудрецов». Послевоенная Германия кишела беженцами из России немецкого происхождения, прибалтийскими немцами, бывшими членами антисемитских группировок, существовавших в царской России, вроде черносотенцев, футуристов («желтые кофты»), Союза русского

народа. Все они подчеркивали связь между евреями и большевизмом, которая стала ядром гитлеровской идеологии. Альфред Розенберг, прибалтийский немец, стал главным теоретиком нацистов. Гертруда фон Зейдлиц из русских немцев дала Гитлеру возможность приобрести (1920) «*Фелькишер Beobachter*» и превратить ее в ежедневную антисемитскую газету. В новую эпоху Германия, и Пруссия в особенности, боялись русской угрозы больше всего на свете. И вот теперь Гитлеру удалось направить эту боязнь в антисемитское русло. Но при этом он разбавил ее специфическим антисемитизмом, который впитал в Вене. Основой его был страх перед остьюденой, темной силой и низшей расой, загрязняющей немецкую кровь. Гитлера особенно интересовали два момента, причем оба были связаны с остьюденой: торговля белыми рабами с центром в Вене, которой заправляли евреи (по крайней мере, так утверждали борцы за мораль), и распространение сифилиса, для борьбы с которым еще не были изобретены антибиотики. Гитлер сам верил и учил других, что существует не только непосредственная военно-политическая угроза Германии со стороны еврейского большевизма, но и более глубокая, биологическая угроза, которую несет любой контакт, в особенности сексуальный, с представителями еврейской расы.

Сексуально-медицинский аспект был, пожалуй, наиболее важной чертой антисемитизма Гитлера, особенно в среде его последователей. Он превращал человека с предрассудками в фанатика, способного на сколь угодно иррациональные и жестокие поступки. Подобно тому, как средневековый антисемит считал еврея не человеком, а то ли дьяволом, то ли животным (отсюда *юдензау*), так и нацистский экстремист, впитав гитлеровскую лженаучную фразеологию, начинал воспринимать евреев как микробов или особенно опасных паразитов. Помимо всего прочего, подобный подход позволял оценить всех евреев чохом, независимо от их индивидуальных особенностей, взглядов и т. д. Так, еврей-профессор, который писал на безукоризненном немецком языке, прошел всю войну и был награжден Железным Крестом, оказывался столь же опасным осквернителем расы, что и еврейско-большевистский комиссар. Ассимилированный еврей был таким же бациллоносителем, что и старый раввин в своем квартале, но только еще опаснее, так как ему легче инфицировать, или, по терминологии Гитлера, «осквернить» арийскую женщину. То, до какой степени ему удавалось оболванить своих последователей, видно из письма, которое написал ему в апреле 1943 г. министр юстиции Тирак:

«Одна еврейка, родив ребенка, продала свое молоко женщине-врачу, скрыв от нее свою национальность. Этим молоком в клинике вскармливали младенцев немецкой крови. Это давало основание обвинить ее в обмане, и покупатели молока понесли ущерб, так как молоко еврейки не может считаться пригодным для кормления немецких детей... Однако официальное обвинение не было ей предъявлено, чтобы не причинять излишнего беспокойства родителям, не знавшим о случившемся. Я собираюсь обсудить расово-гигиенические аспекты этого дела с главой службы здравоохранения рейха».

Если спросить, как в подобную чушь могли верить в такой высокообразованной стране, как Германия, то ответ будет таков: у Гитлера никогда не было проблем с интеллектуальной поддержкой его взглядов, пусть иногда и косвенной. «Скандал» вокруг Фрейда и его учения косвенно работал на позицию нацистов, так как (по утверждению последних) Фрейд снимал моральную ответственность за беспорядочные сексуальные связи и тем самым поощрял их. Таким образом, Фрейд увеличивал для евреев доступность арийских женщин. В этом вопросе Юнг оказывал Гитлеру поддержку, когда подчеркивал различие между фрейдистско-еврейской психиатрией и другими его разновидностями:

«Разумеется, нельзя считать, что Фрейд или Адлер полностью представляют европейскую разновидность человечества... Еврей как существо относительно кочевое никогда не создавал, да и, пожалуй, никогда не создаст, собственной формы культуры, поскольку все его инстинкты и талант зависят от того, насколько цивилизован народ-хозяин... По моему мнению, большой ошибкой медицинской психологии было прилагать еврейские категории, которые неприложимы даже ко всем евреям, к христианам-немцам и славянам. При этом самый драгоценный секрет тевтонца, его глубоко

укоренившееся созидательное знание души, приравнивался к банальному и инфантильному отстойнику нечистот, в то время, как на мои, звучавшие десятилетиями предупреждения отвечали подозрениями в антисемитизме... Может быть, теперь мощный феномен национал-социализма, на который с изумлением взирает весь мир, научил их чему-нибудь?»

Аналогичным образом мыслили и некоторые ученые, которые характеризовали труды Эйнштейна как «еврейскую физику».

Вообще, надо сказать, что в целом Германская академия не только не служила преградой на пути гитлеризма, но и помогала его продвижению к власти. Ключевую роль в триумфе нацистов сослужило поколение школьных учителей, которое сформировалось в последнее десятилетие XIX века и было заражено фолькиш-антисемитизмом, став старшими учителями в 20-е годы. Учебники, которыми они пользовались, отражали те же тенденции. Университетские академики тоже внесли свой вклад в усиление влияния нацистов, проповедуя национальное спасение через всякого рода панацеи и «духовное возрождение» вместо скептического эмпиризма. Но самого большого успеха Гитлер добился у студентов университетов. Они стали его авангардом. На каждом этапе продвижения нацистов к власти очередному успеху на выборах предшествовала студенческая поддержка. Нацисты работали в первую очередь через студенческие братства, которые еще в 1919 г. приняли «Эйзенахскую резолюцию», где исключали евреев из своих рядов на расовой и религиозной почве. Став более влиятельными, они стали работать через студенческий союз, движение «Хохшультринг», которое доминировало в студенческой жизни в 20-е годы. Наконец, в конце десятилетия они организовали собственную студенческую партию. Успех нацистов объяснялся готовностью достаточного количества молодых фанатиков посвятить свое время служению их идеям, а также эгалитарностью и радикальной программой партии. Укреплению связи между нацистами и студенчеством способствовали бурные демонстрации, направленные против евреев. Студенты были среди первых организаторов бойкота евреев и массовых петиций, направленных на насильственное удаление евреев с государственной службы и запрет для них ряда профессий, особенно преподавательской; вскоре эти действия переросли в прямое насилие. В 1922 г. угроза студенческого бунта привела к тому, что в Берлинском университете отменили панихиду по убитому Вальтеру Ратенау. До войны такое невозможно было представить, но самым зловещим была даже не угроза насилия, а то, с каким малодушием перед ней склонялось университетское начальство. Нападки на студентов и профессоров-евреев (а последних заставляли отказываться от чтения лекций) настолько усилились, что в 1927 г. правительство отозвало разрешение на деятельность Дойче-Студентеншафт из-за того, что союз поддерживал насилие. Но это мало на что повлияло, и университеты не предприняли решительных действий, чтобы обуздать студентов-головорезов. И не то чтобы профессура была настроена пронацистски – она была в первую очередь антивеймарской и антидемократической, и, что главное, она трусила перед студенческими акциями, про которые заведомо знала, что они служат неправому делу, предвосхищая тем самым всеобщую трусость, проявленную позднее нацией. В результате нацисты стали хозяевами положения в университетских городках еще за 2-3 года до того, как подчинили себе страну.

Климат насилия, питавший нацизм, в свою очередь, поддерживался все шире распространявшимся словесным и изобразительным насилием в средствах массовой информации. Иногда утверждают, что сатира, даже в самой разнузданной форме, есть признак здоровья свободного общества и не следует ее ограничивать. История евреев свидетельствует о противоположном. Евреи чаще других групп становились мишенью подобных нападков, и они знали на своем долгом и горьком опыте, что насилие печатное является зачастую прелюдией к насилию кровавому. Веймарская республика была, по немецким стандартам, более чем либеральной, и одним из результатов ее либерализма было снятие большинства ограничений на свободу печати. Подобно тому, как арабские экстремистские газеты в Палестине пользовались в своих целях либерализмом Сэмьюэла, так нацисты наслаждались возможностью наносить оскорбления, которую им предоставлял

веймарский либерализм. У антисемитизма всегда был порнографический оттенок, особенно в Германии и Австрии; сама тема *юдензау* была симптомом этого. Но упор, который Гитлер делал на тему сексуально-расового растрепания, в сочетании с веймарской вседозволенностью породили особо мерзкий вид антисемитской пропаганды, типичным представителем которой был еженедельник *«Штурмер»*, который издавал Юлиус Штрейхер, нацистский босс в Средней Франконии. Он помогал распространять и усиливать один из главных, неиссякающих аргументов антисемитского насилия – идею, что евреи не часть человечества, а потому не подлежат защите, на которую, как мы инстинктивно считаем, вправе рассчитывать все человеческие существа. Это было далеко не единственное издание такого рода. Но оно все время наращивало оскорбления евреев. В условиях веймарского законодательства было очень трудно возбудить против этого уголовное преследование, поскольку Штрейхер пользовался депутатской неприкосновенностью сначала как депутат ландтага, а позднее и рейхстага. По-видимому, в 1927 г. в продажу поступило всего 13 000 экземпляров этого издания (последняя надежная цифра), но на последнем этапе восхождения нацистов к власти оно уже имело общенациональную аудиторию.

К сожалению, насилие царило не только в печати. Подобно тому, как и коммунистические и нацистские банды систематически переносили насилие на улицы и тем самым дружно содействовали созданию общенациональной обстановки насилия, так и значительное количество словесной дикости исходило от либералов, в том числе и от евреев. Сатира была делом привычным для евреев. Еще Гейне дал в Германии мощный и достаточно злобный пример для подражания, вдохновлявший впоследствии многих еврейских писателей. С 1899 по 1936 г. венский писатель Карл Краус (1874—1936), крещенный подобно Гейне, издавал газету под названием *«Факел»*, где сложился новый стандарт агрессивной сатиры, значительная часть которой была направлена против евреев, в том числе Герцля и Фрейда. «Психоанализ, – писал он, – это новейшая еврейская болезнь», а «подсознание – гетто для человеческих мыслей». Его злобная способность выискивать самое больное место была предметом восхищения и подражания в веймарской Германии, причем использовали ее самым провокационным образом, особенно Курт Тухольски (1890—1935) и журнал *«Вельтбюне»*. У последнего был тоже небольшой тираж, 16 000 в 1931 г., но он вызвал сильный шум благодаря сознательным нападениям на все, что правые немцы считали для себя дорогим. Изданная в 1929 г. книга Тухольски *«Германия, Германия превыше всего»* была посвящена юстиции, церкви, полиции, Гинденбургу, социал-демократам и профсоюзным лидерам; в ней, в частности, был помещен блестящий фотомонтаж с немецкими генералами, озаглавленный *«Животные смотрят на вас»*.

С самого начала это исходившее слева печатное насилие играло на руку антисемитам. Карл Герцке умело использовал *«Вельтбюне»* в своем трактате *«Библейский антисемитизм»* (1920), на который в дальнейшем опирались нацисты. Особенно опасными были нападки евреев на армию. Ассоциация бывших фронтовиков-евреев сумела показать, опираясь на официальные данные, что количество евреев, которые участвовали в войне, были убиты, ранены и награждены, прямо пропорционально их доле в населении страны. Однако бытовало мнение, которое разделяли и настойчиво пропагандировали Гитлер и нацисты, что евреи избегали воинской службы и наносили армии удар в спину. Особенно отличавшийся своей сатирой на армию и класс юнкеров Георг Гросц сам евреем не был, однако был тесно связан с еврейскими художниками и писателями, а потому считалось, что он «в этом замешан». Тухольски вел аналогичную работу в прозе. Многие из его заявлений были сознательно рассчитаны на то, чтобы вызвать у людей ярость. «Нет в германской армии такого секрета, – писал он, – который я с готовностью не передал бы иностранной державе». Однако разъяренные люди, особенно если они не наделены красноречием и не способны ответить тем же, вполне могут дать ответ физически или проголосовать за тех, кто может; а Тухольски и его собратья-сатирики злили не только профессиональных армейских офицеров, но и семьи бесчисленных резервистов, погибших на войне. А уж антисемитская и националистическая печать постарались, чтобы самые ядовитые насмешки Тухольски

приобрели самую широкую известность.

Некоторые евреи пытались что-то противопоставить навешиваемому на них непатриотическому большевистскому ярлыку. Еврейских детей учили на ремесленников и крестьян. В начале 20-х годов берлинский адвокат д-р Макс Науманн, бывший армейский капитан, организовал Лигу германских евреев-националистов. Существовала также правая еврейская молодежная организация Камераден и Национальная лига еврейских ветеранов-фронтовиков. Но Науманн допустил ошибку, пытаясь уменьшить ненависть Гитлера к евреям, для чего объявил его политическим гением, который может восстановить процветание Германии; да и остальные разделяли иллюзию, что с нацистами можно иметь дело. Нет никаких подтверждений того, что их деятельность повысила популярность евреев.

Непреодолимым препятствием, стоявшим перед любым немецким евреем-патриотом, была сама Веймарская республика. Она была рождена в поражении, неразрывно связывалась с поражением и в сознании большинства немцев ассоциировалась с евреями – «Юденрепублик». С начала до конца она, как мельничный жернов, висела на шее у евреев. Впрочем, евреи играли незначительную роль в веймарской политике, разве что в самом начале. Ратенау и Рудольф Гильфердинг, министр финансов в 1923 и 1928 гг., были первыми и последними веймарскими политиками-евреями, игравшими заметную роль. Евреи действительно способствовали созданию германской компартии. Однако одновременно с подъемом сталинизма их довольно быстро изгнали из ее верхних эшелонов, – так же как в России. В 1932 г., когда от партии баллотировались 500 кандидатов и было избрано 100, среди них не было ни одного еврея. Социал-демократической партией руководили профсоюзные деятели-неевреи из рабочих, большинство которых откровенно недолюбливало еврейских леваков и видело в них нежелательных интеллигентов из среднего класса. Действующая веймарская конституция с ее системой пропорционального представительства играла на руку экстремистским партиям вроде нацистской, которая никогда не пришла бы легально к власти в условиях, например, британской мажоритарной системы. А еврейские сатирики вроде Тухольски нападали на Веймар так же яростно, как и нацисты.

Впрочем, отождествление имело место, и корни его были в культуре. Враги евреев обвиняли их в похищении германской культуры и превращении ее в нечто новое и чуждое, которое они окрестили словом «*Культурбольшевизм*». Идея культурного воровства была сильнодействующей и чрезвычайно опасной, о чем предупреждали некоторые еврейские писатели. Использование евреями немецкого языка, предупреждал Кафка, является «присвоением чужой собственности, которая была не приобретена, а украдена и (относительно) быстро подобрана, причем она остается чьей-то еще собственностью, даже если в ней нельзя обнаружить ни одной языковой ошибки». Еще до войны Мориц Гольдштейн предупреждал в опубликованной в «*Кунстварт*» статье «Немецко-еврейский Парнас», что евреи, в сущности, стали распоряжаться культурой народа, который отрицал их право на это. С созданием Веймара евреи стали занимать более видное место в культурной жизни Германии в основном благодаря тому, что передовые идеи, с которыми их ранее ассоциировали, стали теперь получать признание. Так, в 1920 г. импрессионист Макс Либерманн первым в истории Прусской академии стал президентом-евреем.

Несмотря на это, тезис, что при Веймаре евреи узурпировали германскую культуру, ложен. В действительности в 20-е годы Германия была богаче талантами, чем когда-либо ранее или даже позднее. Она всегда занимала выдающееся место в музыке и была сильна в литературе, но теперь она стала лидировать и в зрелищных видах искусства. На некоторое время Берлин стал культурной столицей мира. Антисемиты ненавидели Берлин. Вольфганг Капп, предтеча Гитлера, возглавивший неудачный путч в 1920 г., выдвинул лозунг: «Чем стал Берлин? Площадкой для еврейских игр». Евреи играли важную роль в веймарской культуре; как явление она бы без них не состоялась. Но они в ней не доминировали. В некоторых областях, например, в живописи и архитектуре, их вклад был относительно невелик. Их было много среди писателей (Альфред Деблин, Франц Верфель, Арнольд Цвейг,

Вики Баум, Лион Фейхтвангер, Альфред Нейман, Бруно Франк), но ведущие фигуры вроде Томаса Манна евреями не были. Евреи, несомненно, внесли огромный вклад в музыкальное сценическое искусство как мировое, так и германское. Были яркие вундеркинды-исполнители вроде Яши Хейфеца и Владимира Горовица, а также признанные мастера вроде Артура Шнабеля и Артура Рубинштейна. Двое из берлинских ведущих дирижеров, Отто Клемперер и Бруно Вальтер, были евреями. Курт Вейль написал музыку к «Трехгрошовой опере» Брехта (1928), которая за один год выдержала в Европе свыше 4000 представлений. Был Арнольд Шенберг и его школа, хотя два его наиболее знаменитых ученика, Берг и Веберн, не были евреями. Впрочем, в это время германская музыка была настолько богата, что еврейские музыканты, несмотря на их количество и талант, – это всего лишь один из ее составных элементов. На Берлинском фестивале 1929 г. блистали Рихард Штраус, Tosканини, Казальс, Георг Шелл, Корто, Тибо, Фюртвенглер, Бруно Вальтер, Клемперер и Джилли. Что это доказывает? Только то, что музыка интернациональна, а берлинцам повезло.

Евреи, несомненно, были главными виновниками огромного успеха германского кинематографа в 20-е годы. Во время войны английский, французский, а позднее и американский импорт фильмов был запрещен. Чтобы заполнить кинопродукцией 2000 германских и 1000 австрийских кинотеатров, пришлось увеличить число германских киностудий с 30 в 1913 г. до 250 шестью годами позже, и после войны германский кинематограф занял доминирующее положение в Европе. В 1921 г. было выпущено 246 художественных фильмов, то есть примерно столько же, сколько в Америке; в 1925 г. выпуск немецких фильмов (228) вдвое превышал совместное производство Англии и Франции. Евреи самым определяющим образом влияли на количество и качество германских фильмов. Сценарий для «Кабинета доктора Калигари» был написан Гансом Яновицем и Карлом Мейером; продюсером фильма был Эрих Поммер. «Метрополис» поставил Фриц Ланг. Это лишь два примера наиболее известных фильмов. Режиссеры, вроде Эрнста Любича, Билли Вильдера, Макса Офулса и Александра Корды, актеры вроде Петера Лорра, Элизабет Бергнер, Полы Негри и Конрада Вейдта были частью созвездия еврейских талантов, которые открыли золотой век немецкого кино, а затем, после прихода Гитлера к власти, выехали в Голливуд, Лондон и Париж. В немецком кино, несомненно, присутствовал сильный еврейский элемент; и Ланг и Г. В. Пабст были очарованы идеей Голема. Но в целом, характеризуя немецкое кино 20-х годов, следует признать, что оно было скорее ярким и приключенческим, чем политически и культурно ангажированным, так что его вклад в формирование немецкой культурной паранойи касательно евреев в наше время, пожалуй, даже трудно разглядеть.

Вид искусства, где еврейское влияние было сильнейшим, – это, конечно, театр, особенно берлинский. Время от времени здесь царили драматурги вроде Карла Штернгейма, Артура Шнитцлера, Эрнста Толлера, Эрвина Пискатора, Вальтера Газенклевера, Ференца Мольнара и Карла Цукмайера и влиятельные постановщики вроде Макса Рейнгарта, делаая театр в соответствии с модой левым, республиканским, экспериментальным и сексуально смелым. Однако он, конечно, не был революционным и был скорее космополитичным, чем еврейским.

Единственным порождением Веймара, которое в какой-то мере соответствовало антисемитскому клише еврейского культурбольшевизма, был Франкфуртский институт социальных исследований (1923). Его теоретики, возглавляемые Теодором Адорно, Максом Горкгеймером, Гербертом Маркузе, Эрихом Фроммом и Францем Нейманом, исповедовали гуманный вариант марксизма, в котором культура играла более важную роль, чем практическая политика. Они были очарованы марксовской теорией отчуждения и остро ощущали важность психоанализа, пытаясь различными способами «фрейдизировать» марксизм. Кроме того, они стремились, используя марксистские методы, показать, что социально-экономические допущения определяют то, что большинство людей считают культурными абсолютами. Эта деятельность была в значительной степени подрывной, а

начиная с 50-х годов, оказалась и довольно влиятельной. Однако в рассматриваемые времена очень мало кто из немцев слышал о Франкфуртской школе. Это относилось, в частности, к ее самому известному питомцу, Вальтеру Беньямину (1892—1940), которому трудно было сформулировать свои мысли в виде, пригодном для публикации, а потому он издал сравнительно немного работ при жизни: несколько статей и эссе, докторскую диссертацию, книгу афоризмов и несколько аннотированных писем, касающихся подъема немецкой культуры. Его работы были в основном собраны и изданы Адорно в 1955 г.

Беньямин был одним из наиболее «еврейских» современных немецких мыслителей, хотя не причислял себя ни к какой религии. Что, впрочем, не мешало его мышлению, как отмечал его выдающийся друг историк Гершом Шолем, вращаться вокруг своих двух фундаментальных еврейских концепций: Откровения («правда открывается через священные писания») и Искупления. Беньямин вечно искал мессианскую силу. До 1914 г. это была молодежь, и он был лидером в значительной степени еврейского движения радикальной молодежи, созданного Густавом Винекеном. Но когда Винекен стал в 1914 г. патриотом, Беньямин осудил его, а по окончании войны открыл для себя мессию в литературе. Ряд выдающихся текстов, доказывал он, необходимо подробно исследовать, чтобы через их толкование прийти к моральному искуплению. Он прилагал к литературе один из главных принципов каббалы: слова священны, ибо слова Торы физически связаны с Богом. В результате связи между божественным и человеческим языком обязанностью человека является завершение творения, для чего человеку следует в основном называть все соответствующими словами и формулировать идеи. Он взял за основу фразу «созидательное всеисилие языка» и доказывал, что тексты необходимо исследовать так, чтобы обнаружить не только их значение, лежащее на поверхности, но и вскрыть структуру и внутренний смысл. В итоге Беньямин оказался в русле иррациональной и гностической еврейской традиции, наподобие самого Маркса и Фрейда, когда под оболочкой существования разыскивается глубинная, тайная и объясняющая жизнь сущность. Метод, который он стал применять в литературе, а позднее – в истории, со временем приобрел более универсальный характер и был использован, например, Клодом Леви-Штраусом в антропологии, а Ноамом Хомски – в лингвистике. Гностицизм – самая увлекательная разновидность иррационализма, особенно для интеллектуалов, и его разновидность, разработанная интуитивно Беньямином, развилась затем в структурализм, который начиная с 50-х годов превратился в мощный инструмент в руках интеллигенции.

Особенно большим успехом пользовались выводы Беньямина о том, что в прошлом правящий класс манипулировал с историей так, чтобы приспособить ее к своим нуждам, заблуждениям и обманам. По мере того как тучи сгущались в 30-е годы, он нашел для себя третьего по счету мессию – собственный вариант марксизма. Он сформулировал положение о «марксистском времени», или марксистском тысячелетии, как альтернативе длительному, но неудовлетворительному историческому процессу реформирования. Очень важно, настаивал он, «сместить» (любимое выражение) из континуума истории «прошлое, заряженное настоящим», и во имя просвещения и социальной демократии подставить туда революцию; когда случается революционное (оно же мессианское) событие, время останавливается. В своих *«Тезисах по философии истории»* Беньямин утверждает, что политика – не просто жестокая физическая борьба за контроль над настоящим, а тем самым и над будущим, но и интеллектуальная битва за возможность контролировать регистрацию исторического прошлого. В своей яркой фразе он настаивает, что «даже мертвые не будут в безопасности от [фашистского] врага, если он победит». Многие формы знания созданы по буржуазному принципу, и потребуются новые формулировки, чтобы обеспечить пролетарскую, или классовую, правду. Ирония этих блистательных, но разрушительных интуитивных прозрений состоит в том, что, хотя Беньямин относил их к научному историческому материализму, они были, по сути, продуктом иудейской иррациональности – старая сказка насчет того, как высокодуховному народу, который не может больше верить в Бога, найти подходящую замену религиозным догмам.

Более того, само отрицание Бенямяном религии вовсе не было полным. Его работа наполнена странными идеями времени и судьбы и даже зла и демонов. Без религиозного каркаса он мог погибнуть, да и чувствовал себя погибшим. После взлета Гитлера он скрылся в Париже. Там, сидя в кафе «Deux Magots», он начертил «диаграмму своей жизни» в виде безнадежного лабиринта; характерно, что она у него тоже исчезла. В конце 1939 г. он попытался пробраться в Испанию, но застрял на франко-испанской границе. К этому моменту один из его лучших друзей уже покончил с собой, подобно Тухольски и многим другим евреям-интеллигентам; похоже, что и Бенямин видел в самоубийстве некое искупление смертью, на манер Христа. Во всяком случае, он наложил на себя руки и был погребен на кладбище в Порт-Бу с видом на море. На погребении, однако, никого не было, и, когда Ханна Арендт попыталась отыскать его могилу в 1940 г., оказалось, что она исчезла. Это последнее бессознательное, но символическое проявление отчуждения и путаницы как бы напоминало, что в новую эпоху судьба еврейских интеллигентов, как мы уже отмечали, так же зыбка и неопределенна. И хотя Бенямин был по большому счету самым влиятельным из культурных новаторов веймарского поколения, мало кто в Германии слышал о нем.

Можно ли сказать, что исходившее от немецких националистов обвинение евреев в том, что они полностью контролировали веймарскую культуру, было просто вымышленной теорией заговора? Не совсем. Евреи держали под контролем ряд важных газет и издательств. Хотя основная часть изданий, в том числе наиболее крупнотиражные газеты в Берлине, Мюнхене, Гамбурге и других крупных городах, находились в руках неевреев, в таких еврейских либеральных газетах, как «*Берлинер Тагеблат*», «*Фосские Цайтунг*» и «*Франкфуртер Цайтунг*», работали лучшие критики, и они пользовались широчайшим культурным влиянием. Такие еврейские издательства, как Курт Вольф, Карриерс и С. Фишер, имели самый высокий рейтинг. Евреи составляли значительную часть среди театральных, музыкальных, художественных и литературных критиков; евреи руководили известными художественными галереями и другими центрами культурной жизни. Они занимали ключевые посты, определяли тенденции и репутации. Их влияние зачастую смешивали с влиянием вообще левой интеллигенции, вызывая зависть, озлобление и ярость. Обвинение евреев в культурной диктатуре было важным оружием Гитлера в борьбе за создание собственной диктатуры.

Тем не менее, нацисты никогда не смогли бы прийти к власти, если бы не Великая Депрессия, которая ударила по Германии сильнее, чем по любой другой стране, не считая Соединенных Штатов. В обеих странах низшая точка кризиса пришлась на лето 1932 г., и в обеих первые слабые проблески надежды на подъем появились лишь в середине 1933 г. В обеих избиратели возложили ответственность за феноменально высокий уровень безработицы на политические круги: в Америке – на республиканскую партию, в Германии – на Веймарскую республику. Две страны пошли на избирательные участки со сдвигом в два дня в ноябре 1932 г., и в обеих результаты голосования привели фактически к смене режима. В том, что произошло, был элемент слепого злого случая. Шестого числа германский электорат отдал 33,1% своих голосов нацистам (несколько меньше, чем в предыдущем июле). Двумя днями позднее Ф. Д. Рузвельт одержал убедительную победу в Америке, когда голоса еврейских избирателей, традиционно голосовавших за республиканцев и социалистов, на 85-90% перешли к демократам. То же гневное желание перемен, что в Америке дало власть человеку, которого Гитлер быстро объединил с евреями, привело в Германии к избирательному тупику, развязка которого приходится на 30 января 1933 г., когда Гитлер стал канцлером.

Таким образом, не было ничего неизбежного в приходе к власти в Германии антисемитского режима. Однако стоило Гитлеру укрепить свою личную и партийную диктатуру, на что потребовалось всего 8 недель в феврале-марте 1933 г., как началось систематическое наступление на евреев. Надо сказать, что еврейские писатели, художники и вообще интеллектуалы знали, чего от него ждать, и большинство из них быстро покинуло страну. В результате Гитлер уничтожил меньше евреев-интеллигентов, чем Сталин в России.

Строго говоря, нацистская политика по отношению к евреям была, по сути, возвратом к обычному государственному антисемитизму. Провозглашенная в 1920 г. политика партии была направлена на лишение евреев германского гражданства, включая право на государственную службу и участие в выборах; евреи должны были стать «гостями», те же, кто въехал в страну после 1914 г., подлежали изгнанию; были также смутные намеки на экспроприацию еврейской собственности. Однако во многих своих речах, а также в «*Майн Кампф*» Гитлер прямо грозил евреям физическим насилием. В частной беседе с майором Йозефом Геллом в 1922 г. он пошел еще дальше. Он заявил, что в случае победы «уничтожение евреев станет моей первой и главной задачей... Если как следует подогреть ненависть и развязать борьбу против них, то их сопротивление будет неизбежно сломлено. Они не смогут защитить себя, и никто не станет их защитником». Он разъяснил майору Геллу, что верит в то, что всем революциям, и его в том числе, требуется некий фокус враждебности, чтобы выразить «чувство ненависти широких масс». Он выбрал на эту роль евреев не просто исходя из личного к ним отношения, но и исходя из рационального политического расчета: «борьба с евреями будет столь же популярна, сколь и успешна». Беседа с Геллом очень показательна, ибо иллюстрирует дуализм антисемитских порывов Гитлера, его смесь эмоциональной ненависти и холодного расчета. Он демонстрировал Геллу не только свое рациональное начало, но и свою ярость:

«Я поставлю столько виселиц, например, на Мариенплац в Мюнхене, сколько позволит уличное движение. И на них будут вешать евреев, одного за другим, и они будут висеть, пока не провоняют... Как только снимут одного, сразу на его место повесят другого, и так до тех пор, пока в Мюнхене их не останется ни одного. Точно то же самое произойдет и в других городах, пока Германия от них не очистится».

Дуализм Гитлера находил отражение в двух формах насилия, направленного против евреев: спонтанно-эмоционального, неконтролируемого насилия погрома и холодного, систематического, легального и регулируемого государственного насилия, носителями которого являлись юстиция и полиция. По мере того как Гитлер приближался к официальному посту и начинал лучше понимать, какая тактика требуется для его сохранения, он убирал эмоциональный элемент на задний план и нажимал на легальный. Одной из главных претензий к Веймару было политическое беззаконие на улицах, а одной из наиболее привлекательных черт Гитлера для многих немцев являлось обещание покончить с этим. Однако еще задолго до прихода к власти Гитлер мобилизовал все средства для воплощения обеих сторон своего антисемитизма. С одной стороны, у него имелись партийные громилы, в частности, коричневорубашечники-штурмовики (отряды СА), численность которых к концу 1932 г. превышала полмиллиона, и они привычно избивали евреев на улице, а время от времени и убивали их. С другой стороны, элита СС, в чьем ведении находились полицейские силы и лагеря, являлась продуманным аппаратом государственного насилия над евреями.

Этот дуализм действовал на протяжении всех 12 лет пребывания Гитлера у власти. До самого конца евреи оставались жертвами как внезапных индивидуальных актов безумного насилия, так и систематической жестокости государства, организованной в массово-индустриальном масштабе. В течение первых шести лет (довоенных) заметны регулярные колебания в пользу того и другого подхода. Когда же пришла война с ее черным молчанием, постепенно стал брать верх второй подход, приобретший массовый размах. Да, Гитлер, конечно, был импровизатором, гением тактики, который зачастую вел себя сообразно с обстоятельствами. Верно также и то, что преследования приобрели такой масштаб и широту, что система набрала собственный ход и работала по инерции. Тем не менее, всегда действовала и общая стратегия и контроль, исходившие именно от Гитлера и выражавшие его антисемитскую натуру. Холокост планировался, и планировал его Гитлер. Это единственный вывод, который делает весь ужасный процесс осмысленным.

Когда Гитлер только пришел к власти, на его антиеврейскую политику влияли ограниченно два фактора. Ему требовалось быстро перестроить германскую экономику.

Это означало, что необходимо избежать развала, связанного с быстрой экспроприацией и изгнанием богатой еврейской общины. Он хотел как можно быстрее перевооружиться. А это вызывало необходимость успокоить международное общественное мнение, избегая сцен массовой жестокости. В итоге Гитлер прибегнул к методам, которые использовались против евреев в Испании XIV– XV веков. Провоцировались и поощрялись индивидуальные акты насилия, которые в дальнейшем использовались как повод для введения «законных» юридических мер, направленных против евреев. Для выполнения обеих задач у Гитлера были свои люди. Йозеф Геббельс, его руководитель пропаганды, был аналогом возбуждающего недовольство Висенте Феррера. Главу СС Генриха Гиммлера можно отождествить с холодным, неумолимым Торквемадой. Под воздействием риторики и публикаций Геббельса вскоре после прихода Гитлера к власти начались нападения на евреев со стороны штурмовиков и членов партии, а также бойкот и устрашение еврейского бизнеса. Гитлер дал знать, что он не одобряет эти «индивидуальные действия», как их называли. Но он оставлял их безнаказанными и позволял их наращивать вплоть до лета 1935 г. Затем в большой речи он воспользовался ими как предлогом для введения 15 сентября нюрнбергских декретов. Последние означали осуществление нацистской программы 1920 г., в соответствии с которой евреи лишались основных прав и начинался процесс отделения их от остального населения страны. Это был возврат к средневековой системе в ее наихудшем виде. Но, поскольку это был возврат к дурному, но знакомому прошлому, удалось обмануть евреев (и весь внешний мир), которые поверили, что нюрнбергская система даст им некий законный и постоянный, хотя и низкий, статус в нацистской Германии. При этом они упустили из виду, что в той же речи Гитлер предупредил: если эти попытки «отдельного и светского решения» проблемы не дадут результата, то может оказаться необходимым принять закон, «передающий проблему для ее окончательного решения в руки национал-социалистической партии». Фактически инструмент для этой альтернативы был уже подготовлен. Гиммлер открыл в Дахау свой первый концентрационный лагерь всего через семь недель после прихода Гитлера к власти, а затем забрал в свои руки контроль за репрессивным полицейским аппаратом, который не имел аналогов за пределами сталинской России.

На фундаменте из нюрнбергских законов стала возводиться огромная структура положений, ограничивающих деятельность евреев. К осени 1938 г. экономическая мощь евреев была разрушена. Германская экономика вновь обрела силу. Германия была перевооружена. Свыше 200 000 евреев бежали из Германии. Впрочем, аншлюсс Австрии добавил примерно столько же, так что «еврейский вопрос» оставался нерешенным, и Гитлер был готов перейти к следующему этапу – его интернационализации. Если мощь евреев в Германии была уничтожена, то их мощь за рубежом, включая способность вести войну против него, стала занимать все больше места в его выступлениях. И тут весьма кстати произошло новое драматическое событие: 9 ноября 1938 г. еврей Гершель Гриншпан убил в Париже нацистского дипломата. У Гитлера появился повод для того, чтобы перейти к новому этапу, используя свой дуалистический подход и обоих своих агентов. В тот же вечер Геббельс сообщил нацистскому активу, собравшемуся в Мюнхене, что из-за желания отмщения уже начались антиеврейские бунты. По его предложению Гитлер принял решение: если бунты будут распространяться, их не следует осуждать. Фактически это означало, что партия будет их организовывать. И последовала «Хрустальная ночь». Члены партии крушили и грабили еврейские магазины. СА послало свои команды, чтобы поджечь все синагоги. СС получило информацию об этом в 11.05 вечера. Гиммлер записал в дневнике: «Приказ был отдан руководством ведомства пропаганды, и я подозреваю, что Геббельс с его жадной властью, которую я давно заметил, и пустой башкой затеял эту акцию именно тогда, когда международная ситуация крайне неблагоприятна... Когда я спросил об этом фюрера, у меня возникло впечатление, что он ничего не знал об этих событиях». В течение двух часов он отдал приказ всей своей полиции и войскам СС пресечь грабежи и отправить 20 000 евреев в концентрационные лагеря.

Почти нет сомнения, что Гитлер, чьи приказы по важным вопросам отдавались всегда

устно, дал Геббельсу и Гиммлеру противоположные указания. Это было весьма для него характерно. Но в этом эпизоде наблюдается наряду с планированием и некоторый элемент путаницы. Он, конечно, использовался, как и планировал Гитлер, для дальнейших мер против евреев. Их объявили ответственными за бунт и оштрафовали на миллиард марок (около 400 миллионов долларов США). Но большую часть ущерба должны были компенсировать страховые компании. Дело имело много юридических последствий. Еврейские обращения в суды по поводу компенсации пришлось замять при помощи специального декрета Министерства юстиции, равно как и дела против двадцати шести членов партии по обвинению в убийстве евреев. Еще четверых, которые насильничали евреек, пришлось исключить, причем проявлялся дифференцированный подход к «идеалистическим» и «эгоистичным» поступкам. Самым неприятным, с точки зрения Гитлера, было то, что погром оказался непопулярен, причем не только за рубежом, но и прежде всего в Германии.

И тогда он сменил тактику. Геббельс продолжал свою антисемитскую пропаганду, но впредь был лишен права осуществлять антиеврейское насилие. Отныне это почти полностью отдавалось в руки Гиммлера. Как и раньше, в качестве предлога для новой кампании по юридическим мерам против евреев использовался «взрыв ярости». Но в этот раз процесс был организован в высшей степени бюрократически. Каждый последующий шаг тщательно обдумывался опытными чиновниками, а не партийными теоретиками, все делалось легально и системно. Как показывает Рауль Гилберг, видный историк Холокоста, именно эта бюрократизация политики сделала возможным колоссальный масштаб ее проведения и превратила погром в геноцид.

Такая политика привела также к тому, что раньше или позже, но почти каждый департамент германского правительства, а также большое количество гражданских лиц оказывались вовлечены в антиеврейскую деятельность. Война, которую Гитлер вел против евреев, превращалась в общенациональную. Для проведения этой политики евреев сначала надо было выявить, затем ограбить, а потом сконцентрировать. Для идентификации использовались два подхода: медицинский и религиозный. Нацисты обнаружили, что на практике определить еврея с точки зрения расы слишком трудно, и им пришлось вернуться к религиозному критерию. Их основополагающий декрет от 11 апреля 1933 г. устанавливал, что «лицом неарийского происхождения», то есть евреем, которого следует выгнать с государственной службы, нужно считать того, у кого кто-то из родителей или родителей родителей был иудейского вероисповедания. Но это привело к спорам. В 1935 г. совещание по медицинским вопросам с участием д-ра Вагнера, главного специалиста партии по медицинским вопросам, д-ра Бломе, секретаря Германской медицинской ассоциации, и д-ра Гросса, главы Управления по расовой политике, постановило: евреи на одну четверть являются немцами, а наполовину – евреями, так как, согласно Бломе, «как известно, у полуевреев еврейские гены являются доминантными». Но государственные службы не согласились с этим определением. Они определили евреев как тех, кто наполовину еврей в религиозном отношении или состоит в браке с евреем. Верх одержали госчиновники, поскольку именно они явились авторами соответствующих подробных законов, включая Закон рейха о гражданстве от 14 ноября 1935 г. Пригодность человека для использования на определенной должности (с точки зрения его расы) должна была устанавливаться в точном соответствии с 27 декретами, которые были рождены в недрах министерства внутренних дел бывшим таможенником д-ром Бернгардом Лозенером. Чтобы человек мог претендовать на одну из многих профессий, включенных в перечень, он должен был представить доказательство своего арийского происхождения. При этом у офицера СС следовало исследовать его происхождение вплоть до 1750 года; мелкому чиновнику в правительственном учреждении требовалось представить 7 заверенных документов. В эту процедуру, таким образом, неизбежно вовлекалась церковь как единственная организация, в распоряжении которой имелись регистрационные акты о рождении, составленные ранее 1875-76 гг. Появилась новая профессия – *зиппенфоршер*, исследователь семьи. Возникла и

третья национальность – *мишлинг*, неполные евреи, которые подразделялись на первую и вторую категории. Возникло много заявлений о переклассификации, или «освобождении», как ее называли; как в царской России, система быстро скатилась к протекционизму и взяточничеству. Так, некий чиновник гитлеровского казначейства, бывший *мишлингом* второй категории, пользовался симпатией фюрера и получил от него «освобождение» в качестве личного рождественского подарка, когда сидел с семьей под елкой в сочельник 1938 г.

В свою очередь процесс «ариизации» экономики, то есть, по сути, лишения евреев собственности, вовлек в сферу действия системы значительную часть деловых кругов. Начиная с августа 1935 г. Комитет по бойкоту, в состав которого входили Гиммлер и Штрейхер и за которым стояли все ресурсы государства, оказывал мощное давление на евреев с целью заставить их выставить свою собственность на продажу по минимальной цене, чтобы немцы могли ее быстро приобрести. В этом процессе на всех его этапах важную роль играли банки, которые зачастую сами становились собственниками. Таким образом, осуществлялось совращение немецкого бизнеса, который вовлекался в «окончательное решение». При этом не просто извлекалась прибыль из порочных законов. На всех этапах процесса проводилась в жизни двойственная линия Гитлера. Евреев лишали собственности как элементарным грабежом, так и «по закону». «ИГ-Фарбен» и «Дойче-Банк» проглотили австрийский банк «Эстеррайхише-Кредитанштальт» и субсидируемые им промышленные предприятия после того, как одного из его руководителей штурмовики увезли с собой и выбросили на ходу из автомобиля, а другого насмерть забили сапогами во время обыска в его доме. Барона Луи Ротшильда полиция арестовала и держала заложником, пока его семья не согласилась на распродажу их собственности по бросовой цене. Впоследствии «Дрезднер-Банк» написал начальнику штаба ведомства Гиммлера, что выражает свою благодарность полиции за содействие в сбивании цены.

В процесс сосредоточения евреев, когда их отсекали от остального населения и держали в условиях совершенно иного режима, также вовлекалась нация в целом. Это был сложный и трудный процесс, который требовал холодной жестокости со стороны десятков тысяч бюрократов; процесс этот был почти столь же безжалостен, как и последующее уничтожение. Причем о нем было известно всем немцам. Правда, некоторые антиеврейские постановления не публиковались в печати. Но все могли видеть, что во всех областях жизни практикуется самое худшее отношение к евреям. После «Хрустальной ночи» законы о браке и половых контактах становились все более строгими и проводились в жизнь все более жесткими мерами. Еврей, уличенный в «панибратских отношениях» с арийцем, автоматически отправлялся в концлагерь; арийца же могли отправить туда на 3 месяца, на «перевоспитание». Одновременно начиная с ноября 1938 г. евреев стали исключать из всех учебных заведений, а в поездах, залах ожидания и ресторанах вводилась сегрегация. Евреев стали переселять в специально отведенные кварталы. За некоторыми из этих акций стояли подробно проработанные постановления, другие же не имели никакого юридического обоснования. С самого начала и до конца гитлеровская война против евреев представляла собой ужасающую смесь закона и беззакония, системы и откровенного насилия. Так, с декабря 1938 г. Гиммлер ограничил свободу перемещения евреев, чтобы содействовать программе их концентрации, просто отобрав у них своей властью водительские права. По мере того как евреев лишали собственности, они сбивались в крупные города. Разоренные агентства помощи евреям не могли ничего поделать. И тогда, согласно мартовскому декрету 1939 г., безработных евреев стали подвергать принудительному труду.

В итоге к началу войны (сентябрь 1939 г.) в перспективе просматривались грядущие ужасы, существовала и система для их реализации, хотя и в эмбриональном состоянии. В то же время война внесла в ситуацию два серьезных изменения. Во-первых, она изменила характер морального оправдания преследования евреев, которым пользовался Гитлер. Надо сказать, что моральное обоснование, как бы грубо оно ни было, играло важную роль в Холокосте, поскольку Геббельс открыто пользовался им для того, чтобы обеспечить

уступчивость или безразличие немецкого народа, а Гиммлер – чтобы укрепить энтузиазм тех, кто непосредственно приводил в действие машину репрессий. До начала войны использовался следующий аргумент. Поскольку евреи на протяжении целого ряда поколений обкрадывали немецкий народ, они не имеют права на нынешнюю собственность, а потому меры, направленные на то, чтобы ее отнять, являются просто актом реституции, когда богатство возвращается исходному владельцу – рейху. С началом войны добавился новый аргумент. Гитлер всегда утверждал, что, если война начнется, это будет результатом работы евреев, действующих на международной арене, а потому они должны нести ответственность за все связанные с этим жертвы. Отсюда делался вывод, что евреи сами не имеют морального права на жизнь. И Гитлер неоднократно говорил, что война будет инициировать «окончательное решение» «еврейской проблемы».

Это подводит нас ко второму последствию войны. Опыт правительства 1933-39 гг. привел Гитлера к изменению точки зрения на популярность антисемитизма. Последний был полезен для концентрации ненависти в абстрактной форме, вообще; однако, как убедился Гитлер, открытое, массовое физическое насилие против евреев в целом неприемлемо для немецкого народа, по крайней мере, в мирное время. Война же имеет свои специфические потребности и одновременно много способна замаскировать, а потому является удобным контекстом для проведения в жизнь геноцида. То есть, на самом деле не евреи породили войну – это Гитлеру была нужна война, чтобы уничтожить евреев. И не только германских, но и вообще всех евреев Европы, обеспечив международное и окончательное решение того, что он всегда объявлял международной проблемой. Причем война нужна была не только как предлог и средство сокрытия этого акта; она позволяла Гитлеру получить доступ к основному средоточию европейского еврейства, если начать войну против Польши и России.

Уже на первом этапе войны резко возросло давление на евреев. С сентября 1939 г. они не имели права находиться на улицах после 8 часов вечера. Затем их перемещение стали запрещать повсеместно в определенное время, а в некоторых местах – всегда. Им запрещалось пользование многими видами общественного транспорта, за исключением неудобного времени, а иногда и в любое время. У них отобрали телефоны, а затем запретили вообще ими пользоваться; на телефонных будках появилась надпись: «Евреям пользоваться запрещено!» В августе 1938 г. для евреев были введены специальные удостоверения личности, которые с началом войны легли в основу новой системы ограничения в правах. На продовольственных карточках евреев ставилась специальная пометка «J», чтобы проще было ограничить их права. С декабря 1939 г. нормы отпуска продуктов для евреев были урезаны, и одновременно для совершения покупок им были выделены ограниченные часы. Одним из «пунктиков» Гитлера было мнение, будто Первую мировую войну проиграли на Внутреннем фронте, где еврейский рэкет вызвал нехватку продовольствия. В этот раз он принял твердое решение, что ни один еврей не должен съесть ни на глоток больше, чем необходимо, и в проведении этой политики в жизнь главную роль играло министерство продовольствия. Практически бюрократы шаг за шагом шли к тому, чтобы постепенно уморить евреев голодом.

Одновременно евреев заставляли работать до смерти. Они были исключены из числа тех, на кого распространялись германские законы об охране труда. Так, например, с октября 1941 г. специальный закон позволял работодателям не ограничивать продолжительность рабочего дня для 14-летних мальчиков евреев. Евреев лишили защитной спецодежды, в том числе сварщиков – очков и рукавиц. С сентября 1941 г. все евреи начиная с 6 лет были обязаны носить черную на желтом фоне звезду Давида размером с ладонь с надписью «Юде» в центре. Такая система идентификации, упрощавшая задачу обнаружения евреев, нарушающих бесчисленные ограничения, превращала всю немецкую нацию в помощников полиции и соучастников преследования евреев, а самих евреев дополнительно деморализовала.

Начало войны отдало в руки Гитлеру половину Польши и свыше двух миллионов польских евреев. Причем поскольку Польша стала оккупированной страной, Гитлер мог там

делать практически все, что ему заблагорассудится. И вновь здесь был применен дуализм Гитлера. Началось со «спонтанных» индивидуальных нападений, хотя и в большем масштабе и с большей жестокостью, чем в Германии. Так, свыше пятидесяти евреев были застрелены в одной из польских синагог. Эсэсовцы устраивали своеобразные оргии: в начале 1940 г. в Насельском они всю ночь стегали кнутами 1600 евреев. Армия, которая недолюбливала СС, регистрировала подобные инциденты, и часть записей уцелела. Подобные акты насилия вели к требованиям «упорядоченных» решений, и, в свою очередь, к систематическим исследованиям.

В итоге 19 сентября 1939 г. Гитлер решил включить значительную часть Польши в состав Германии, переселить оттуда 600 000 евреев в польский «отстойник» под названием «генерал-губернаторство» и сосредоточить там всех евреев в гетто, удобно расположенных вблизи железных дорог. Заодно он распорядился переправить туда и всех германских евреев. При этом оказывалась задействована система германских железных дорог Рейсбан, где было занято 500 000 управленцев и 900 000 рабочих. Без железных дорог Холокост был бы невозможен. Используя для депортации специальные поезда («Зондерцуге») и специальный персонал («Зондерцуггруппе»), который увязывал расписание депортации с военно-транспортными нуждами, железнодорожники блистательно решали задачу доставки евреев туда, где их ожидало СС. Поездам, перевозившим евреев, предоставлялся приоритет перед всеми прочими. Когда в июле 1942 г. во время наступления 266 дивизий на русском фронте на железных дорогах были запрещены все другие перевозки, по заказу СС ежедневный поезд доставлял 5000 евреев в Трешлинку, а другой – два раза в неделю по 5000 в Бельзец. Даже на гребне сталинградской паники Гиммлер писал министру транспорта: «Если я должен быстро проверить все дела, мне нужны дополнительные поезда для транспортировки... Помогите мне получить их!» И министр уважил его. Изучение графика движения поездов, пожалуй, лучше всего характеризует важность еврейской политики в общей схеме Гитлера и степень вовлеченности в нее простых немцев, помогавших ему.

Коль скоро евреи были отделены, собраны и сконцентрированы в генерал-губернаторстве, которое Гитлер называл (2 октября 1940 г.) «огромным польским лагерем», можно было по-настоящему развертывать программу принудительного труда. Это было первой частью «окончательного решения», собственно Холокоста, поскольку труд до смерти был фундаментом, на котором базировалась система. Фриц Заукель, глава Управления трудовых ресурсов, приказал, чтобы евреев эксплуатировали с максимальной нагрузкой и минимальным уровнем затрат». И их вынуждали работать от зари до зари, семь дней в неделю, одетыми в лохмотья, причем в пищу они получали только хлеб, водянистую баланду, картофель и изредка обрезки мяса. Первой крупной операцией с привлечением рабского труда было сооружение в феврале 1940 г. грандиозного противотанкового рва вдоль новой восточной границы. В дальнейшем система распространилась и на все отрасли промышленности. Рабочих можно было «заказать» по телефону с доставкой в товарном вагоне как некое сырье. Таким способом, например, «ИГ-Фарбен» получила 250 голландских евреев из Равенсбрюка в Дахау, а обратным рейсом те же товарные вагоны доставили 200 полков из Дахау. Рабов обычно заставляли передвигаться ускоренно, «аушвицкой рысью», даже если им приходилось делать это с мешками цемента весом по 45 кг. В Маутхаузене, неподалеку от родного города Гитлера (Линца), где Гиммлер расположил трудовой лагерь рядом с муниципальной каменоломней, в распоряжении заключенных были только ломы и топоры, причем им приходилось таскать гранитные глыбы из каменоломни в лагерь по 186 крутым и узким ступеням. Они могли рассчитывать прожить в этих условиях от шести недель до трех месяцев, и это без учета возможной смерти от несчастного случая, а также в результате самоубийства или наказания.

Нет никакого сомнения, что принудительный труд был формой убийства, и именно так к нему относились нацистские власти. Слова «уничтожение посредством работы» постоянно фигурировали в беседах между д-ром Георгом Тираком, министром юстиции, и Геббельсом и Гиммлером 14-18 сентября 1942 г. Рудольф Гесс, комендант Освенцима с мая 1940 по

декабрь 1943 г., а в дальнейшем глава управления при Главном штабе безопасности, откуда осуществлялось руководство всей антиеврейской программой, показал, что к концу 1944 г. в германской военной промышленности трудились 400 000 рабов. «На предприятиях с особо тяжелыми условиями труда, – говорил он, – каждый месяц каждый пятый либо умирал, либо, будучи более неспособен работать, отправлялся обратно в лагерь, чтобы его там уничтожили». Так германская промышленность стала сознательной участницей программы «окончательного решения». У рабов не было имен – только выколотые на теле номера. Если кто-либо из них умирал, руководству предприятия не нужно было указывать причину смерти; достаточно было просто запросить замену. Согласно показаниям Гесса, инициатива в организации рабского труда евреев всегда исходила от фирмы: «Концлагерь никогда не предлагал промышленности рабочей силы. Наоборот, заключенных посылали на фирму только после сделанного ею запроса». Все компании прекрасно знали, что происходит, причем не только на уровне высшей администрации и непосредственных организаторов рабского труда. Было несчетное количество визитов в лагерь. В ряде случаев сохранились письменные свидетельства. Так, один из сотрудников «ИГ-Фарбениндустри», ознакомившись с системой рабского труда в Освенциме 30 июля 1942 г., писал своему коллеге во Франкфурт в шутливо-ироническом стиле, который был принят у многих немцев: «То, что здесь особую роль играет еврейская раса, ты вполне можешь вообразить. Меню и обращение, которые получает эта категория людей, находятся в соответствии с нашей целью. Очевидно, что увеличение их веса в высшей степени маловероятно. Несомненно и то, что при малейшей попытке «смены настроения» начинают посвистывать пули, равно как и тот факт, что многих не стало в результате «солнечного удара».

Однако с точки зрения Гитлера смерть от голода и работы была недостаточно быстрой. Он делал ставку на массовые убийства, в том духе, как он формулировал это в беседе с майором Геллом. Надо сказать, что письменные приказы с подписью Гитлера – вообще большая редкость, а имеющие отношение к евреям – тем более. Самое длинное письмо, посвященное политике по отношению к евреям, относится к весне 1933 г. и было написано Гитлером в ответ на просьбу Гинденбурга исключить ветеранов войны из числа тех, на кого распространяются антиеврейские законы. Отсутствие письменных приказов послужило поводом для утверждения, будто «окончательное решение» – работа Гимmlера, а Гитлер будто бы не только не отдавал соответствующих распоряжений, но и вообще не знал, что происходит. Но этот аргумент не выдерживает критики. Управление третьим рейхом часто бывало хаотичным, но его главный принцип вполне ясно сформулирован: все ключевые решения исходили от Гитлера. Особенно это относилось к еврейской политике, которая была в центре внимания фюрера и являла собой движущее начало всей его карьеры. Он был наиболее последовательным и убежденным антисемитом среди нацистских лидеров. Даже Штрейхера он считал обманутым евреями: «Он идеализирует еврея, – утверждал Гитлер в декабре 1941 г. – Еврей более гнусен, более свиреп, и в нем больше демонического, чем считает Штрейхер». Гитлер придерживался теории еврейского заговора в ее крайней форме, считая, что еврей по натуре является носителем, воплощением и символом зла. На протяжении всей своей карьеры он видел «еврейский вопрос» в самом апокалиптическом свете, и Холокост был логическим выводом из его взглядов. Соответствующие приказы отдавались им в устной форме, но безоговорочно принимались Гимmlером и прочими к исполнению в соответствии с формулами: «желание фюрера», «воля фюрера», «с согласия фюрера», «это – мой приказ, который является также желанием фюрера».

Решающей датой с точки зрения «окончательного решения» следует считать, пожалуй, 1 сентября 1939 г., когда начались боевые действия. 30 января того же года Гитлер ясно заявил, какова будет его реакция на войну: «Если международному финансовому сообществу евреев в Европе и за ее пределами удастся еще раз втянуть народы в новую мировую войну, то результатом этого будет не большевизация земли и победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе». Он расценивал войну как лицензию на геноцид и в тот самый день, когда она началась, дал ход специфическому «научному» процессу. Первая программа

экспериментальных убийств была составлена в Рейхсканцелярии Гитлера, и первый приказ, санкционировавший истребление неизлечимых душевнобольных, был выпущен на личном бланке Гитлера 1 сентября 1939 г. Программа носила кодовое название Т-4 – по адресу Рейхсканцелярии – Тиргартенштрассе, 4; она с самого начала включала черты программы геноцида, а именно участие СС, иносказательность, обман. Важно отметить, что первый руководитель программы эйтаназии обергруппенфюрер СС д-р Леонард Контин был уволен, как только попросил письменных приказов от Гитлера. Его сменил на этом посту другой доктор-эсэсовец, Филип Бойгалер, который принимал и устные приказы.

Эсэсовцы экспериментировали с различными газами, в том числе окисью углерода и пестицидом марки «Циклон-Б» на основе цианистых соединений. Первая газовая камера была задействована в центре уничтожения в Бранденбурге в конце 1939 г., где личный врач Гитлера, Карл Брандт стал свидетелем экспериментального убийства четверых душевнобольных. Он доложил о результатах Гитлеру, который приказал использовать только окись углерода. После этого были оборудованы еще 5 центров уничтожения. Газовую камеру называли «душевой», и жертвам, которых запускали группами по 20-30 человек, говорили, что они должны помыться в душе. Затем их запирали, и дежурный врач пускал яд. Такая же процедура позднее использовалась в лагерях массового уничтожения. В ходе этой программы было убито 80-100 тысяч человек; она была прекращена в августе 1941 г. после протестов церкви – единственный случай, когда она помешала Гитлеру истреблять людей. Но к этому времени указанная техника уже начала использоваться для убийства евреев из концлагерей, которые были слишком больны, чтобы работать. Так программа эйтаназии слилась с «окончательным решением», обеспечив преемственность методов, оборудования и опытного персонала.

Необходимо отметить, что убийство значительного количества евреев продолжалось в Польше в течение всего 1940 и весны 1941 гг., но фаза массового уничтожения не начиналась по-настоящему до вторжения Гитлера в Россию 22 июня 1941 г. Его целью было уничтожение центра еврейско-большевистского заговора и контроль над миллионами евреев, что находились у Советов. Истребление производилось двумя методами: мобильными группами и стационарными центрами, или лагерями смерти. Днем рождения мобильных групп истребления можно считать 22 июля 1940 г., когда гитлеровская идея тотальной войны, включая массовое уничтожение, была впервые изложена армии. В дальнейшем армия была тесно вовлечена в «окончательное решение», поскольку эсэсовские истребительные подразделения находились под ее тактическим командованием. В записи, сделанной 3 марта 1941 г. в дневнике генералом Йодлем, говорится о решении Гитлера, что в грядущей русской кампании полицейские подразделения СС будут идти вплотную за передовыми армейскими отрядами, «ликвидируя» «еврейско-большевистскую интеллигенцию».

Так появились эйнзатцгруппы, мобильные батальоны истребления. Руководство ими осуществляло Главное имперское управление безопасности (РХСА) во главе с Рейнгардом Гейдрихом, причем команды передавались по цепочке «Гитлер-Гиммлер-Гейдрих». Таких батальонов было 4 (А, В, С и D) по 500—900 человек в каждом; каждый из них был придан к одной из четырех армейских групп, вторгшихся в Россию. В их составе было больше офицеров высокого звания, переведенных из СС, гестапо и полиции, а также много интеллигентов и юристов. Отто Олендорф, который командовал батальоном D, имел дипломы трех университетов и доктора юриспруденции. Эрнст Биберштейн, один из командиров батальона С, был протестантским пастором, богословом и официальным деятелем церковной иерархии.

Из евреев, находившихся на советской территории, четыре миллиона жили в районах, оккупированных немецкой армией в 1941-42 гг. Из них два с половиной миллиона эвакуировались до прихода немцев. Оставшиеся на 90% были сосредоточены в городах, что облегчало для эйнзатцгрупп задачу их уничтожения. Истребительные батальоны двигались непосредственно за армейскими частями, сгоняя евреев раньше, чем население города понимало, что происходит. Во время первой волны прочесывания четыре группы сообщили

в различные дни между серединой октября и началом декабря 1941 г., что ими убито соответственно 125 000, 45 000, 75 000 и 55 000 человек. Многие евреи при этом уцелели в тылу наступающих, поэтому команды уничтожения направлялись туда с целью поимки и истребления. Армия помогала вылавливать евреев, успокаивая свою совесть тем, что это «партизаны» и «лишние едоки».

Иногда армия сама убивала евреев. И армия и СС инициировали погромы, чтобы разгрузить себя. Евреи почти не оказывали сопротивления. Русское население обычно сотрудничало с оккупантами, хотя был зафиксирован случай, когда местный бургомистр был расстрелян за попытку «помочь евреям». Небольшим группам убийц удавалось уничтожить огромное число жертв. В Риге 21 солдат под командованием офицера уничтожили 10 600 евреев. В Киеве два небольших подразделения из состава батальона С убили 30 000 человек. Вторая волна началась в конце 1941 г. и продолжалась весь следующий год. Было уничтожено свыше 900 000 человек. Большинство евреев было расстреляно за городом и зарыто в канавах. Во время второй волны сначала выкапывались могилы для массового захоронения. Евреев убивали выстрелом сзади в шею, тем же способом, которым пользовалась советская тайная полиция. Широко использовался метод «сардины», когда первый слой ложился ничком на дно могилы и расстреливался сверху. Следующий слой ложился на первый, головой к ногам, и так 5–6 слоев, после чего могилу засыпали.

Некоторые евреи прятались в подполье или погребах. Их убивали гранатами или сжигали заживо. Некоторые девушки-еврейки предлагали себя, чтобы остаться в живых. Ночью их использовали, а наутро все равно убивали. Некоторые евреи были при расстреле только ранены и оставались в живых еще в течение нескольких часов, а то и дней. Было много актов садизма. С другой стороны, даже среди отборных убийц встречались случаи отказа убивать такое количество людей, не оказывающих сопротивления, – во время акций уничтожения не погиб ни один убийца. Гиммлер всего один раз посетил экзекуцию – расстрел 100 евреев в августе 1941 г. Сохранилась запись об этом событии. Гиммлер не смог наблюдать за тем, что происходило, когда залпы следовали один за другим. Командир упрекнул его: «Рейхсфюрер, это же всего сотня». Гиммлер: «Что вы имеете в виду?» – «Посмотрите в глаза солдатам этой команды. Как глубоко они потрясены! На всю оставшуюся жизнь это люди конченные. Каких последователей мы здесь воспитываем? Невротиков или дикарей». После этого Гиммлер обратился к солдатам с речью, призвав их подчиняться «Высшему Моральному Закону Партии».

Чтобы избежать личного контакта между убийцами и жертвами, неизбежного при расстреле, в группах были опробованы и другие методы. Использование динамита оказалось кошмарным. Тогда стали внедрять передвижные газовые камеры на грузовиках, и вскоре каждому батальону было выделено по две такие машины. Тем временем в дополнение к мобильным акциям истребления началось использование стационарных центров, так называемых лагерей смерти. Всего их было построено и оборудовано шесть: в Хелмно и Освенциме на польских территориях, включенных в рейх, и в Трешлинке, Собиборе, Майданеке и Бельзеце на территории Польского генерал-губернаторства. В некотором смысле, использование термина «лагерь смерти» для обозначения особой категории не совсем точно. Всего было создано 1634 концентрационных лагеря и их филиалов и свыше 900 трудовых лагерей. Все они были, в сущности, лагерями смерти, в том смысле, что в них гибли огромное количество евреев от голода и непосильного труда либо в результате казни за незначительные проступки, а то и вовсе без всякой причины. Отличие же указанных шести лагерей было в том, что они были специально спроектированы или переоборудованы для массовых убийств в индустриальном масштабе.

По-видимому, Гитлер отдал приказ о массовом уничтожении в стационарных центрах в июне 1941 г., то есть в то же время, когда начали действовать мобильные группы. Но, как мы видели, крупномасштабное убийство газом началось раньше, и в марте 1941 г. Гиммлер уже дал указание Гессу, коменданту Освенцима, расширить его для этой цели. По словам Гиммлера, выбор был сделан с учетом удобного подъезда по железной дороге и

изолированности от населенных мест. Вскоре Гиммлер дал указание Одило Глобочнику, возглавлявшему СС в Люблине, построить Майданек; в дальнейшем этот человек возглавил комплекс уничтожения, в который вошли еще два лагеря смерти, Бельзец и Собибор. Команды передавались по цепочке: приказы Гитлера шли Гиммлеру, а от него – к конкретным комендантам лагерей. Впрочем, Герман Геринг, как куратор 4-летнего плана был вовлечен административно в организацию взаимодействия различных государственных бюрократических структур. Это важный момент, поскольку показывает, что, хотя непосредственными исполнителями в Холокосте были эсэсовцы, преступление носило характер общенациональной программы, в которую были вовлечены все иерархические уровни германского правительства, его вооруженные силы, промышленность и партия. Как отмечал Гильберг, «сотрудничество этих иерархий было настолько плотным, что вполне можно говорить об их сращивании в единую машину истребления».

Геринг поручил роль координатора Гейдриху, который как глава РСХА и шеф тайной полиции стоял на стыке государства и партии, и направил ему 31 июля 1941 г. письменный приказ:

«В дополнение к задаче, которая была доверена Вам декретом от 24 января 1939, а именно решению еврейского вопроса путем эмиграции и эвакуации по возможности наиболее благоприятным образом, с учетом настоящих условий настоящим поручаю Вам провести всю необходимую подготовку с точки зрения организации, снабжения и финансирования к полному решению еврейского вопроса в германской сфере влияния в Европе. Следует привлекать к этому и другие центральные организации, поскольку это затрагивает их компетенцию».

В свою очередь, Гейдрих отдавал приказы Адольфу Эйхману, своему подчиненному по линии РСХА, отвечавшему за «еврейские дела и вопросы эвакуации». Он нес административную ответственность за Холокост в целом, хотя Гиммлер и осуществлял оперативное руководство через вверенных ему комендантов лагерей. Именно Эйхман был автором приказа от 31 июля 1941 г., подписанного Герингом. Одновременно дополнительный устный приказ был отдан Гитлером Гейдриху и передан Эйхману: «Я только что от рейхсфюрера: Фюрер отдал приказ о физическом уничтожении евреев».

Монтаж машины массового истребления продолжался в течение лета и осени 1941 г. Из Гамбурга в Освенцим прибыли два гражданских лица, чтобы обучить персонал работе с Циклоном-Б, который был выбран там в качестве средства умерщвления. В сентябре в блоке II было произведено первое умерщвление газом; жертвами были 200 больничных пациентов-евреев и 600 русских пленных. Затем началась работа в Биркенау, основном центре умерщвления в Освенциме. Первый лагерь смерти был организован в Хелмно, вблизи Лодзи, который начал функционировать 8 декабря 1941 г., используя выхлопные газы грузовиков. На следующий день было запланировано проведение конференции РСХА по вопросам истребления на вилле в Ванзее, пригороде Берлина. Она была отложена из-за Пирл-Харбора и прошла только 20 января 1942 г. К этому времени среди верхушки нацистов возникло некоторое беспокойство. Тот факт, что Россия выстояла, а также вступление Америки в войну убедили многих из них, что Германия вряд ли победит в этой войне. Задачей конференции было подтвердить цель «окончательного решения» и координировать меры по его осуществлению. За обедом, когда официанты разносили коньяк, ряд присутствующих настойчиво подчеркивал необходимость спешить. Именно с этих позиций потребностям Холокоста отдавался приоритет даже перед военными целями, что отражало решимость Гитлера сделать так, чтобы независимо от исхода войны европейские евреи ее не пережили.

За Ванзее последовали быстрые действия. В следующем месяце заработал Бельзец. В марте началось сооружение Собибора. Одновременно Майданек и Трешлинка были преобразованы в центры истребления. Геббельс после беседы с Глобочником, которому подчинялись лагеря генерал-губернаторства, записал 27 марта 1942 г.: «Решение, вынесенное по евреям – варварское... Пророчество, сделанное фюрером в связи с тем, что они развязали

новую мировую войну, начинает сбываться самым ужасным образом».

В данном случае Геббельс по секрету беседовал со своим дневником. В реальных же приказах, даже для очень узкого круга, геноцид неизменно упоминался в эвфемистическом ключе. Даже на конференции в Ванзее Гейдрих пользовался кодом. «Все евреи, – говорил он, – должны быть эвакуированы на Восток», чтобы сформировать из них трудовые колонны. Большинство «отпадут естественным образом», те же, кто крепче здоровьем и способны восстановить еврейство, «получат соответствующее обращение». Последняя фраза, означающая «будут убиты», была уже знакома по отчетам эйнзатцгрупп. Была масса официальных эвфемизмов для обозначения убийства, которые использовались участниками акций и прекрасно понимались бесчисленными тысячами не входивших в их число: мероприятия тайной полиции, обработка в стиле тайной полиции, акции, специальные акции, специальное обращение, отправка на Восток, переселение, соответствующее обращение, зачистка, крупные акции по зачистке, подвергнуты специальным мерам, устранение, решение, чистка, освобождение, покончить, миграция, бродяжничество, убрал, исчез.

Эти эвфемизмы считались обязательными даже среди профессиональных массовых убийц, чтобы свести до минимума всякие разговоры по поводу реальных масштабов того, чем они занимались. В странах Европы, прямо или косвенно находившихся под контролем нацистов, проживало около 8 861 800 евреев. Подсчитано, что из них нацисты убили 5 933 900, или 67%. Самая большая часть приходится на Польшу, где было уничтожено 3 300 000, или 90% еврейского населения. Примерно такой же процент был уничтожен в странах Балтии, Германии и Австрии, свыше 70% – в Богемском протекторате, Словакии, Греции и Нидерландах. Более 50% евреев было истреблено в Белоруссии, Украине, Бельгии, Югославии, Румынии и Норвегии. Основная работа по уничтожению сосредоточивалась в шести больших «фабриках смерти»; конкретно было уничтожено свыше двух миллионов в Освенциме, 1 380 000 – в Майданеке, 800 000 – в Трешлинке, 600 000 – в Бельзеце, 340 000 – в Хелмне и 250 000 – в Собиборе. Скорость, с которой работали их газовые камеры, была ужасающей. В Трешлинке их было 10, каждая из них принимала 200 человек за один раз. Гесс хвастал, что в Аушвице (Освенцим) каждая камера вмещала 2000 человек. Используя кристаллы газа Циклон-Б, пять камер Освенцима могли умерщвить 60 000 мужчин, женщин и детей в сутки. Гесс утверждал, что за лето 1944 г. им было уничтожено 400 000 только венгерских евреев, не считая других групп, а всего «по меньшей мере» 2 500 000 человек (евреев и неевреев) было отравлено газом и сожжено в Освенциме, плюс еще полмиллиона умерло от голода и болезней. Много месяцев подряд, в течение 1 942 1943 и 1944 годов, нацисты каждую неделю хладнокровно убивали свыше 100 000 человек, в основном евреев.

То, что зверства такого масштаба могли совершаться в цивилизованной Европе, хотя и в военное время и под прикрытием германской армии, ставит ряд вопросов касательно поведения немецкого народа, их союзников, а также народов, связанных с немцами или завоеванных ими, об англичанах и американцах, и не в последнюю очередь о самих евреях. Рассмотрим все эти вопросы по порядку.

Немецкий народ знал о геноциде и содействовал ему. 900 000 немцев служили только в СС, плюс 1 200 000 трудились на железной дороге. Одной из улик были поезда. Большинство немцев знали о назначении огромных набитых составов, которые гроыхали в темное время суток. Как говаривал один немец: «Проклятые евреи, даже ночью спать не дают!» Немцы получали выгоду от убийств. Десятки тысяч мужских и женских часов, автоматических ручек и карандашей, украденных у жертв, распределялись в вооруженных силах. Однажды всего за 6 недель на Внутреннем фронте в Германии было распределено 222 269 мужских костюмов и комплектов белья, 192 652 комплекта женской одежды и 99 922 – детской, отнятых у людей, задушенных газом в Освенциме. И получатели представляли, откуда все это берется. Немцы почти не протестовали по поводу такого обращения с евреями и почти не пытались помочь им бежать. Хотя бывали и исключения. В Берлине, самом сердце гитлеровской империи, нескольким тысячам евреев из общего числа 160 000 удалось спастись, уйдя в подполье, став, как их называли, «подводными лодками». В каждом случае

это означало попустительство, а то и прямую помощь со стороны немцев. Одной из таких «подлодок» стал в феврале 1942 г. богослов Ганс Гиршель. Он спрятался в квартире своей любовницы, графини Марии фон Мальцан, сводной сестры ярого нациста фельдмаршала Вальтера фон Райхенау. Она устроила для него кровать-ящик с отверстиями для дыхания, в котором он мог прятаться. Каждый день она ставила ему туда стакан свежей воды и лекарство от кашля. Однажды она вернулась домой и услышала, как Гиршель и другой «подводник», Вилли Бушофф, поют во весь голос: «Слушай, Израиль, Господа нашего, Бога единого!...»

Австрийцы были хуже немцев. Роль, которую они играли в Холокосте, была непропорционально велика по сравнению с их количеством. Не только Гитлер, но и Эйхман и Эрнст Кальтенбруннер, глава гестапо, были австрийцами. В Нидерландах два австрийца, Артур Зейс-Инкварт и Ганс Раутер, руководили истреблением евреев. В Югославии из 5090 военных преступников 2499 были австрийцами. Австрийцы играли видную роль в мобильных батальонах уничтожения. Они составляли одну треть личного состава эсэсовских истребительных подразделений. Австрийцы командовали четырьмя из шести главных лагерей смерти и убили почти половину из шести миллионов евреев. Австрийцы вообще были более ярыми антисемитами, чем немцы. Менаше Маутнер, инвалид-ветеран Первой мировой войны, упал со своей деревянной ногой на обледенелом тротуаре в Вене и пролежал так три часа, тщетно прося прохожих о помощи. Они видели его звезду и отказывались оказать ему помощь.

Румыны были не лучше австрийцев, а в некоторых отношениях даже хуже. В довоенной Румынии проживало 757 000 евреев, и отношение к ним было едва ли не худшим в мире. Румынское правительство точно следовало за Гитлером в его еврейской политике, правда, намного менее эффективно, но зато с большей злобой. С августа 1940 г. закон лишил евреев имущества и работы и обрек их на неоплачиваемый принудительный труд. Случались и погромы; в январе 1941 г. в Бухаресте было убито 170 евреев. Румыны играли важную роль и при вторжении в Россию, которое они считали началом войны против евреев. В Бессарабии они уничтожили 200 000 евреев. Евреев набивали в вагоны для перевозки скота и возили без еды и воды без видимого назначения. Или их заставляли раздеться и маршировать голыми или прикрытыми газетой. Румынские войска, взаимодействовавшие на юге России с эйнзатцгруппой D, возмущали даже немцев своей жестокостью и нежеланием хоронить тела замученных ими людей. 23 октября 1941 г. румыны устроили всеобщую резню евреев в Одессе после того, как взрывом мины была уничтожена штаб-квартира их армии. На следующий день они загнали толпы евреев в четыре больших судна, облили бензином и зажгли; в результате заживо сгорели тысяч двадцать или тридцать человек. С согласия немцев они отторгли от Украины провинцию Транснистрия, где и внесли свой вклад в «окончательное решение». В этой зоне смерти было погублено 217 757 евреев, в том числе, по оценкам, 130 000 – из России, а 87 757 – из Румынии. Из них на счету румынов – 138 957 человек. После немцев и австрийцев румыны были самыми большими палачами евреев. Они больше других увлекались избиениями и пытками, а также изнасилованиями. Офицеры при этом были хуже солдат, для своих оргий они отбирали самых хороших девушек-евреек. К тому же среди них было больше тех, кто зверствовал добровольно. После расстрела евреев они продавали трупы местным крестьянам, чтобы те забрали их одежду. За подходящую цену у них можно было купить и живых евреев. С 1944 г. они, впрочем, стали вести себя менее агрессивно, поскольку почувствовали, что дело идет к победе союзников.

Во Франции также была заметная прослойка тех, кто хотел бы активно участвовать в «окончательном решении» по Гитлеру. Эти люди не простили победы дрейфусаров в 1906 г., и их ненависть только усилилась благодаря правительству Народного фронта Леона Блюма в 1936 г. Как и в Германии, в число антисемитов входило довольно много интеллектуалов, особенно писателей. В их число входил и некий доктор Ф. Л. Детуш, писавший под псевдонимом Селинь. Его антисемитская диатриба *«Багатель для бойни»* (1937), опубликованная под его настоящим именем, пользовалась заметным успехом перед самым

началом и во время войны; в этой книге утверждалось, что Франция уже оккупирована (и изнасилована) евреями, а гитлеровское вторжение будет для нее освобождением. Эта книга возрождала давнюю идею об англичанах, вступивших в гнусный сговор с евреями, дабы погубить Францию. Во времена дела Дрейфуса фраза «О, йес», произносимая с утрированным английским акцентом, была антисемитским боевым кличем; в своем «*Багателе*» Селинь перечисляет лозунги англо-еврейского всемирного заговора: «Тарабум! Ди! Йе! Господи! Да здравствует король! Ура Ллойдам! Да здравствует Таюр! Ура Ситэ! Ура мадам Симпсон! Слава Библии! Бордель Господень! Весь мир – еврейский лупанарий!» Во Франции существовало не менее десятка антисемитских политических организаций, призывавших к истреблению евреев; некоторые из них финансировались нацистским правительством. К счастью, они никак не могли договориться об общей политике. Однако их момент наступил, когда правительство Виши провозгласило антисемитскую политику. Дарке де Пеллепуа, который основал в 1938 г. Французский антиеврейский союз, стал в 1942 г. генеральным комиссаром вишистского правительства по еврейским вопросам. Большинство французов старались уклониться от сотрудничества с политикой «окончательного решения»; что касается коллаборационистов, то они проявляли больше энтузиазма, чем немцы. Гитлер задумал истребить 90 000 (26%) французских евреев; с помощью французских властей было депортировано 75 000, из которых уцелело всего 2500. Во французском антисемитизме времен войны было много личной ненависти. За 1940 г. вишистские и немецкие власти получили от 3 до 5 миллионов письменных доносов на конкретных людей (не только евреев).

Гитлер обнаружил, что союзная Италия менее склонна сотрудничать с ним в еврейском вопросе. Со времен, когда кончила существовать Папская область, еврейская община в Италии стала едва ли не наиболее интегрированной в Европе. Как говорил Герцлю король Виктор-Эммануил III (1904): «Евреи могут занимать у нас любое положение, и занимают... Для нас евреи – те же итальянцы». К тому же эта община была одной из старейших в мире. Бенито Муссолини любил шутить, что именно евреи «принесли одежду после похищения сабинянок». Из евреев вышли два итальянских премьер-министра и один военный министр; они дали непропорционально много университетских преподавателей, а также генералов и адмиралов. Сам Муссолини всю жизнь колебался между филосемитизмом и антисемитизмом. Не кто иной, как группа евреев склонила его к вступлению в Первую мировую войну; в этот кризисный момент своей жизни он порвал с марксистским интернационализмом и стал националистом-социалистом. Среди основателей движения *фасци ди комбатименто* в 1919 г. было пятеро евреев, и евреи были активны во всех направлениях фашистского движения. Научная статья об антисемитизме была написана для *Фашистской энциклопедии* еврейским богословом. И биограф Муссолини, Маргарита Сарфатти, и его министр финансов, Гвидо Юнг, были евреи. Когда Гитлер пришел к власти, Муссолини выступил в роли европейского защитника евреев, за что Стефан Цвейг похвалил его, назвав «*вундербар* Муссолини».

Когда дуче уступил напору Гитлера, его антисемитская сторона вышла на первый план, но у нее не было глубоких эмоциональных корней. Внутри фашистской партии и правительства имелась определенная антисемитская прослойка, но она была намного менее мощной, чем в вишистском режиме, и, по-видимому, совсем не пользовалась популярностью. Италия, в ответ на германское давление, приняла в 1938 г. расистские законы, и, когда война началась, некоторые евреи были посажены в лагеря. Но вплоть до того момента, когда в 1943 г. итальянская капитуляция отдала половину страны во власть немецких военных, Гиммлеру не удавалось привлечь ее к «окончательному решению». 24 сентября он направил распоряжение Герберту Каплеру, который возглавил СС в Риме, чтобы всех евреев, независимо от возраста и пола, собрали и отправили в Германию. Однако германский посол в Риме, чья любовница-итальянка прятала с его согласия в своем доме еврейскую семью, не стал оказывать содействия этой кампании, а командующий немецкими войсками фельдмаршал Кессельринг заявил, что евреи нужны ему для строительства инженерных сооружений. Каплер воспользовался этим приказом, чтобы шантажировать

еврейскую общину. Во время его встречи в посольстве с двумя лидерами общины, Данте Альманси и Уго Фоа, разыгралась мерзкая, средневековая сцена, когда он потребовал 50 килограммов золота в течение 36 часов, а не то будут казнены 200 евреев. Эти двое попросили разрешения уплатить лирами, на что Каплер ухмыльнулся: «Я сам могу их напечатать, сколько захочу». Золото было доставлено в гестапо через 4 дня. Папа Пий XII предложил заплатить столько, сколько нужно, но к этому моменту уже было собрано достаточно, причем в сборе участвовало много неевреев, особенно приходских священников. Гораздо более серьезной потерей были антикварные тома из библиотеки общины, которые стали украшением личной коллекции Альфреда Розенберга.

Гиммлер, которому нужны были не сокровища, а живые евреи, которых можно было бы убить, разозлился на Каплера и направил в Италию своего волкодава Теодора Даннекера со сворой из 44 убийц-эсэсовцев для проведения «юден-акции»; аналогичные задания тот выполнял в Париже и Софии. Германский посол при Святом Престоле предупредил Папу, который приказал римскому духовенству предоставить евреям убежище. В Ватикане были укрыты 477 евреев, а еще 4238 нашли приют в монастырях. В Риме облава провалилась. Каплер докладывал: «Во время акции антисемитских действий со стороны народа нигде не наблюдалось; наоборот, в ряде случаев большая толпа народа старалась отсечь полицию от евреев». Все же удалось схватить 1007 евреев, которых отправили прямо в Освенцим, где все, кроме 16 человек, были убиты. Были облавы и в других итальянских городах, но в основном они срывались итальянцами. Одним из тех, кто спасся, был Бернард Беренсон, весьма начитанный отпрыск семьи раввина из Литвы, который в зрелом возрасте стал ведущим авторитетом по живописи итальянского Возрождения. Местная полиция по секрету предупредила его: «Дотторе, немцы желают приехать на Вашу виллу, а мы не знаем точно, где она находится. Не могли ли бы Вы рассказать, как нам найти Вас завтра утром!» Итальянцы прятали его до конца немецкой оккупации.

В других европейских странах эсэсовцы тоже не получали помощи или получали совсем незначительную. Но это не значит, что им не удавалось вылавливать евреев. В оккупированной Греции без помощи со стороны населения они уничтожили всех евреев, кроме 2000, из древней общины в Салониках, насчитывавшей 60 000 евреев. В Бельгии, несмотря на сопротивление местных жителей, они истребили 40 000 из 65 000 евреев и почти стерли с лица земли знаменитый своей торговлей алмазами квартал в Антверпене. В Голландии эсэсовцы были особенно жестоки и неумолимы, и, хотя голландцы решились на всеобщую забастовку в защиту евреев, потери здесь составили 105 000 из 140 000. Финны, союзники немцев, отказались выдать своих 2000 евреев. Датчане сумели вывезти почти всю еврейскую общину (5000) в Швецию. С другой стороны, многочисленные венгерские евреи, уже под конец, понесли жестокие потери: 21 747 было убито в Венгрии, 596 260 было депортировано, и из них выжило лишь 116 500.

В Венгрии массовые убийства происходили уже тогда, когда союзники обладали полным превосходством в воздухе и быстро наступали. Позволительно задать вопрос в прямой практической форме: могли ли союзники принять эффективные меры для спасения евреев Европы? Ближе всех к Холокосту находились русские, однако они не демонстрировали ни малейшего желания помочь евреям. Даже наоборот: Рауль Валленберг, шведский дипломат, занимавшийся гуманитарной помощью, который пытался спасти жизнь евреям в Будапеште, исчез, когда туда пришла Красная Армия, причем шведам сообщили: «Советские военные власти принимают меры, чтобы защитить г-на Рауля Валленберга и его имущество». Больше его не видели.

Теоретически английское и американское правительства симпатизировали евреям, но на практике опасались, что какая-либо активная проеврейская политика спровоцирует Гитлера на массовое изгнание евреев, которых они тогда будут морально обязаны принять. С точки зрения нацистов, эмиграция всегда была элементом «окончательного решения», и, хотя есть все основания считать, что Гитлер был настроен скорее истреблять евреев, чем экспортировать, он вполне мог бы скорректировать свою политику, лишь бы поставить

союзников в затруднительное положение, дай они ему повод для этого. Геббельс записал в своем дневнике 13 декабря 1942 г.: «Думаю, и англичане, и американцы счастливы, что мы энергично истребляем евреев». Это, конечно, неправда. Однако ни одна держава не была готова спасти еврейские жизни, принимая многочисленных беженцев. Из всех крупных европейских держав Англия была наименее антисемитской в 30-е годы. Движение чернорубашечников сэра Освальда Мосли, основанное в 1932 г., провалилось, причем не в последнюю очередь из-за свои нападков на евреев. Правительство опасалось, однако, что результатом массовой иммиграции евреев могло бы стать широкое распространение антисемитизма. К тому же оно не было готово отступить от иммиграционных ограничений, установленных Белой Книгой по Палестине в 1939 г. Уинстон Черчилль, который всегда был сионистом, стоял за увеличение въезда евреев. Но его министр иностранных дел, Энтони Иден, настаивал, что открыть Палестину – значит настроить против себя всех арабских союзников и тем самым подорвать военное положение Англии на Среднем Востоке. Когда лидер нью-йоркских евреев раввин Стефен Уайз попросил его в Вашингтоне (27 марта 1943 г.) поддержать идею англо-американского обращения к Германии, чтобы та позволила евреям покинуть оккупированную Европу, Иден ответил, что эта идея «фантастически неосуществима». Впрочем, в частном порядке он как-то признался: «Гитлер вполне мог рассмотреть подобное предложение». Форин-Офис был настроен против приема евреев и отклонял даже индивидуальные прошения. Как свидетельствовал один высокопоставленный чиновник, «невероятное количество времени в нашей конторе уходит на то, чтобы возиться с этими ноющими евреями».

Что касается Соединенных Штатов, они, конечно, могли бы принять большое количество евреев. На самом же деле за всю войну они пустили их всего 21 000, т. е. 10% от количества, предусмотренного законом о квоте. Причиной тому было враждебное настроение общественности. Все патриотические группировки, от Американского Легиона до ветеранов зарубежных войн, призывали к полному запрету иммиграции. Во время войны наблюдалось больше антисемитизма, чем когда-либо в американской истории. Опросы общественного мнения показывали, что в 1938-45 гг. 35-40% населения были готовы поддержать антиеврейские законы. В 1942 г. согласно опросам евреев считали наиболее опасной группой, после японцев и немцев. В 1942-44 гг. в Нью-Йорке были осквернены все синагоги на Вашингтон-Хайтс. Известия о программе уничтожения стали поступать сюда с мая 1942 г., когда Польско-еврейский трудовой союз передал достоверные сообщения Польскому национальному комитету в Лондоне. Там было и описание машин-душегубок, и информация о 700 000 убитых евреях. Газета «*Бостон Глоб*» напечатала сообщение об этом под заголовком: «Массовые убийства евреев в Польше перевалили за отметку 700 000», но «похоронила» заметку на двенадцатой полосе. «*Нью-Йорк Таймс*» назвала это «возможно, самым крупным массовым убийством в истории», но уделила ему всего 5 сантиметров своей площади. В общем, новости о Холокосте освещались недостаточно и терялись в обычной для военного времени куче «страшилок». К тому же в Америке многие отказывались верить в сам факт Холокоста, даже когда американская армия подошла к лагерям. Обозреватель из «*Нейшн*» Джеймс Эйджи отказался смотреть фильмы о зверствах и объявил их пропагандой. По возвращении домой военнослужащие свирепели от того, что в тылу отказывались верить тому, что они видели своими глазами, и даже смотреть их фотографии.

Но главным препятствием для действий можно считать лично Ф. Д. Рузвельта. Его умеренный антисемитизм сочетался с плохой информированностью. Когда еврейский вопрос всплыл на конференции в Касабланке, он стал говорить о том, что «можно понять жалобы немцев на местных евреев, которые составляют небольшую долю населения, но свыше 50% юристов, врачей, школьных учителей и преподавателей в высших учебных заведениях» (на самом деле реальные цифры составляли соответственно 16,3%, 10,9%, 2,6% и 0,5%). Рузвельт, по-видимому, руководствовался исключительно внутрисполитическими соображениями. Впрочем, за него голосовали почти 90% евреев, что развязывало ему руки. Даже после того, как стало все известно о масштабах системы уничтожения, Рузвельт ничего

не предпринимал в течение 14 месяцев. Запоздавшая англо-американская конференция по этому вопросу прошла на Бермудах в апреле 1943 г., но Рузвельт не проявил к ней никакого интереса, и она приняла решение, что ничего существенного нельзя предпринять. Более того, она специально предупредила, «что не следует обращаться к Гитлеру по поводу освобождения потенциальных беженцев». В конце концов было создано Бюро по беженцам войны. Правительство незначительно помогало ему, и его фонды на 90% пополнялись из еврейских источников. Тем не менее, оно помогло спасти 200 000 евреев плюс 20 000 неевреев. В начале лета 1944 г., когда полным ходом шло истребление венгерских евреев, встал вопрос о бомбежке газовых камер. Черчилль был в ужасе от происходящего и готов действовать. Эти убийства, писал он, «по-видимому, самое большое и ужасное преступление в мировой истории». Операцию можно было вполне осуществить. Нефтеперегонный комплекс в 75 километрах от Освенцима бомбили между 7 июля и 20 ноября 1944 г. не менее десяти раз; к этому времени программа Холокоста была завершена, и Гиммлер приказал уничтожить машину смерти. 20 августа 127 летающих крепостей бомбили промышленную зону Освенцима менее чем в 8 километрах к востоку от газовых камер. Могли ли бомбежки спасти евреев – наверняка сказать трудно. Эсэсовцы были фанатично настойчивы в их уничтожении, независимо от физических и военных препятствий. Но, во всяком случае, попробовать стоило. К сожалению, в обоих правительствах единственным сторонником такой попытки был Черчилль. ВВС обеих стран терпеть не могли военных операций, не направленных на уничтожение живой силы противника или его военного потенциала. Минобороны США отвергло план, даже не изучив возможности его осуществить.

Здесь мы подходим к суровому, но важному вопросу. Отказ отвлечь войска для специальной операции по спасению евреев находился в соответствии с общей военной политикой. Оба правительства решили (с согласия еврейских общин обеих стран), что быстрый и полный разгром Гитлера – лучший способ помочь евреям. В этом – одна из причин, почему большая и мощная еврейская община США не слишком серьезно рассматривала вопрос бомбежки. Но, коль скоро победа в войне была избрана главной целью, проблему «окончательного решения» следует рассматривать с учетом этого. Если рассматривать войну с позиций нацистов, указанная проблема была равносильна причинению себе членовредительства. По сути, все говорило против, включая руководителей армии и промышленности, особенно тех из них, кто смотрел на войну с рационалистических позиций. «Окончательное решение» отнимало десятки тысяч военнопленных, зачастую парализовало железные дороги – даже во время жизненно важных сражений. И, самое главное, оно погубило свыше трех миллионов работников, занятых производительным трудом. Многие из них имели высокую квалификацию. Более того, работавшие на войну евреи догадывались о возможной судьбе и изо всех сил старались доказать свою незаменимость для военной промышленности. Существует масса примеров того, как немцы – руководители производства пытались сохранить свой еврейский персонал. Приведем лишь один из примеров. Организатор военного производства на оккупированной территории России докладывал:

«Почти неразрешимой оказалась задача подбора квалифицированных руководителей: ранее почти всеми предприятиями владели евреи. Предприятия были конфискованы советским государством, но теперь большевистские комиссары исчезли. Украинские временные руководители оказались в массе своей некомпетентными, ненадежными и абсолютно пассивными... Настоящие знатоки и головы – это евреи из бывших владельцев и инженеров... Они пытаются сделать все возможное, использовать все резервы, причем почти без вознаграждения, но, естественно, надеясь на то, что станут незаменимыми».

Тем не менее, все эти евреи были уничтожены. В итоге Холокост оказался одним из факторов, которые способствовали поражению Гитлера. И английскому и американскому правительствам это было известно. Но вот что они недооценили, так это что больше всех в военном отношении от Холокоста выиграла Красная Армия, а в политическом – Советская империя.

Возможно, союзниками бы руководила иная логика, если бы евреи организовали движение сопротивления. Этого не произошло, и на то было много причин. Евреи подвергались преследованиям полтора тысячелетия и на своем опыте они узнали, что сопротивление не столько спасает жизни, сколько уносит их. Их история, их теология, фольклор, социальная структура, даже их словарь приучили их вести переговоры, платить, ходатайствовать, оправдываться, даже протестовать, но не сражаться. К тому же еврейские общины, особенно в Восточной Европе, были обескровлены многими поколениями массовой эмиграции. Самые честлюбивые уехали в Америку. Самые энергичные и самые воинственные уехали в Палестину. Этот отток лучших и самых ярких продолжался вплоть до самой войны и даже во время нее. Жаботинский предсказывал Холокост. Но существовавшие в Польше обмундированные, обученные и даже вооруженные группы были рассчитаны не на сопротивление Гитлеру, а на доставку евреев в Палестину. Когда разразилась война, Менахем Бегин, например, сопровождал группу из 1000 нелегальных эмигрантов через румынскую границу на пути на Средний Восток. Заодно с ними выбрался и он. В этом был резон. Боеспособные евреи отдавали предпочтение позициям в Эрец-Израэле, где у них были шансы, а не Европе, где дело было безнадежным.

Огромные массы евреев, которые остались, в основном религиозные, пали жертвой обмана и самообмана. Их история учила, что всем преследованиям, сколь бы жестоки они ни были, приходит конец; что всех угнетателей, даже самых требовательных, можно в конце концов удовлетворить. Их стратегия всегда была направлена на то, чтобы спасти «оставшееся». За 4000 лет евреи никогда не сталкивались с таким противником и даже не представляли, что может быть такой, который потребовал бы не части, пусть даже большей, их собственности, а всего; не некоторых жизней, пусть даже многих, а всех, до последнего младенца. Кто мог вообразить подобное чудовище? Евреи, в отличие от христиан, не верили, что дьявол может принимать человеческий облик.

Нацисты же безжалостно использовали особенности еврейской социологии и психологии, причем именно для того, чтобы свести до минимума возможности сопротивления. В Германии они эксплуатировали еврейское *гемейнде* в каждом городе, *Ландесфербанде* в каждом регионе и *Рейхсфереингунг* в масштабах всей страны, чтобы еврейские чиновники сами вели работу по подготовке «окончательного решения»: подготовка списков, учет смертей и рождений, передача новых распоряжений и правил, учреждение специальных банковских счетов, открытых для гестапо, концентрация евреев в выделенных жилых кварталах и подготовка схем и карт для депортации. Это стало моделью для еврейских советов (*юденрате*) в оккупированных странах, которые непреднамеренно помогали нацистам проводить «окончательное решение» в жизнь. Всего было организовано около 1000 этих юденратов, в которых было занято 10 000 человек. Они формировались в основном из состава существовавших до войны религиозных структур конгрегаций *кехиллот*. В районах, занятых Советами, все самые храбрые лидеры к моменту прихода немцев были уже расстреляны. Немцы использовали юденраты, чтобы отслеживать людей, которые были действительными или потенциальными источниками неприятностей, и немедленно уничтожать. Постепенно еврейское руководство становилось все более уступчивым, трусливым и подхалимским. Нацисты использовали его сначала для того, чтобы лишить евреев всех ценностей, затем организовывать их для принудительного труда и отправить в центры уничтожения. В обмен эти руководители получали определенные привилегии и власть над своими товарищами.

Самую гнусную и опасную форму эта система приобрела в крупнейших польских гетто, особенно в лодзинском и варшавском. В лодзинском гетто находилось 200 000 евреев, в среднем по 5,8 человека на жилую комнату. Оно само уже являло собой центр уничтожения, так как здесь от болезней и голода умерло 45 000 человек. В варшавском гетто теснилось не менее 445 000 евреев, по 7,2 человека на комнату; здесь меньше, чем за 20 месяцев от голода и болезней умерло 83 000 человек. Евреев сосредотачивали в гетто, откуда вывозили поездами смерти. Внутри гетто представляли собой маленькие тираннии, которыми

управляли люди вроде Хаима Мордека Румковского; этот напыщенный диктатор лодзинского гетто ухитрился изобразить свою голову на почтовых марках. Их власть поддерживалась невооруженной еврейской полицией (в варшавском гетто ее численность достигала 2000), за которой присматривала польская полиция, а за всеми следила вооруженная немецкая полиция безопасности СИП и СС. Нельзя сказать, чтобы гетто были совсем уж нецивилизованы. Еврейские социальные службы пытались сделать все, что позволяли их скудные ресурсы. Были организованы тайные иешивы. В Варшаве, Лодзи, Вильнюсе и Каунасе даже имелись оркестры; правда, официально им разрешалось играть только произведения еврейских композиторов. Печатались и распространялись еврейские подпольные газеты. В лодзинском гетто, как и положено средневековому институту, имелась своя летопись. Но в сознании немцев никогда не было ни малейшей неясности насчет предназначения гетто и его еврейских властей. Они должны были вносить такой вклад, какой возможен, в решение военных задач (в Лодзи, например, имелось 117 мелких военных предприятий, в Белостоке – 20), а затем, когда приходил приказ о депортации в лагерь, обеспечить организованное проведение этого процесса.

Чтобы сопротивление было минимальным, немцы на всех этапах использовали довольно сложные маскирующие методы. Они всегда уверяли, что депортация производится в места будущей работы. У них были напечатаны почтовые открытки со штампом «Вальдзее», которые узники лагерей должны были посылать домой с текстом вроде: «У меня все нормально. Я работаю и здоров». По дороге на Трешлинку они соорудили лжестанцию с кассой, нарисованными часами и указателем «На Белосток». Газовые камеры маскировали под душевые, с эмблемой Красного Креста на дверях. Иногда эсэсовцы заставляли оркестр из заключенных играть, когда евреев вели в «душевые помещения». Иллюзию старались сохранять до самого конца. В кармане одного из погибших была найдена записка: «Мы прибыли сюда после долгой дороги. На входе – вывеска «Баня». Снаружи люди получают мыло и полотенце. Кто знает, что с нами сделают?» В Бельзее 18 августа 1942 г. эсэсовский специалист по дезинфекции Курт Герштейн слышал, как офицер СС объявлял раздетым догола мужчинам, женщинам и детям, которых загоняли в газовую камеру: «Никакого вреда вам не собираются причинить. Дышите глубже, это только укрепит ваши легкие. Это прекрасная дезинфекция для профилактики заразных болезней».

Обман часто срабатывал, так как евреям хотелось быть обманутыми. Им была нужна надежда. Эсэсовцы умело распускали слухи, что депортации будет подвергаться лишь часть евреев, и с успехом убеждали еврейское руководство, что чем лучше оно будет с ними сотрудничать, тем больше шансов на выживание. Евреи в гетто не хотели верить в существование лагерей уничтожения. Когда два молодых еврея сбежали из Хелмно в начале 1942 г. и описали, что они там видели, то в гетто решили, что они рехнулись от переживаний, и их рассказ не попал в подпольную прессу. Только в апреле, когда сообщения из Бельзее подтверждали услышанное о Хелмно, варшавские евреи поверили в машину смерти. В июле возглавлявший варшавское гетто Адам Черняков, поняв, что не сможет спасти даже детей, отравился цианидом, оставив записку: «Я бессилен. Мое сердце трепещет от горя и сочувствия. Я не могу больше этого выносить. Мой акт покажет всем, что нужно делать в такой ситуации». Но даже в это время многие евреи цеплялись за надежду, что погибнут не все. Якоб Генс, глава гетто в Вильнюсе, говорил на митинге: «Когда у меня требуют тысячу евреев, я отдаю ее. Потому что если мы, евреи, не отдадим их добровольно, придут немцы и заберут их силой. Но тогда они возьмут уже не одну тысячу, а много тысяч. Отдавая сотни, я спасаю тысячу. Отдавая тысячу, я спасаю десять тысяч».

Еврейское религиозное воспитание и обучение склонны культивировать пассивность. Евреи-хасиды больше всех были готовы к восприятию своей судьбы как воли Божьей, ссылаясь на Священное Писание: «Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей». Они садились в поезда смерти, завернувшись в молитвенные накидки и декламируя псалмы. Они верили в жертву во славу Божью. Если же, по милости Господней, им будет суждено еще жить, то это – чудо. Во время

Холокоста накопилась целая антология хасидистских легенд насчет чудесных индивидуальных спасений. Один лидер общины утверждал: «Истинно благочестивые обретут еще больше благочестия, ибо видят во всем руку Божью». Член еврейской *зондеркоманды*, которая занималась очисткой газовых камер в Освенциме после умерщвления, свидетельствовал, что видел, как группа благочестивых евреев из Венгрии и Польши, которым удалось раздобыть немного коньяка, пела и плясала перед входом в газовую камеру, поскольку они знали, что им предстоит встреча с Мессией. Евреи более мирского склада также находили посреди ужаса свою радость и готовность принять Божью волю. Замечательные дневники, которые вела в Освенциме Этти Гиллесум, голландская еврейка, показывают, что традиция Иова жила даже в Холокосте: «Иногда, когда я стою в каком-нибудь углу лагеря, опираясь ногами на Твою землю, воздев глаза к Твоему небу, слезы текут по моему лицу, слезы... благодарности».

По мере того как гетто постепенно опустошались, некоторые евреи решили сражаться, хотя политические группировки никак не могли прийти к соответствующему соглашению. В Варшаве под видом сооружения укрытий от воздушного нападения евреи вырыли ходы сообщения, соединившиеся с канализационной системой. Их возглавлял 24-летний Мордекай Анелевич, который набрал 750 бойцов и сумел раздобыть 9 ружей, 59 пистолетов и несколько гранат. Нацисты решили уничтожить гетто 19 апреля 1943 г. руками эсэсовских частей. К этому времени в гетто оставалось всего 60 000 евреев. В отчаянных схватках, в основном – под землей, они убили 16 немцев и ранили 85. Анелевич был убит 8 мая, а оставшиеся продержались еще 8 дней; к этому времени несколько тысяч евреев погибли в руинах. Некоторые европейские страны с хорошо вооруженными армиями не смогли столько времени сопротивляться нацистам.

7 октября 1944 г. произошло даже восстание в самом лагере Аушвиц. Евреи, которые работали на одном из заводов Круппа, пронесли в лагерь взрывчатку, из которой советские военнопленные наделали гранат и бомб. В самом восстании принимали участие члены зондеркоманд крематориев III и IV. Им удалось взорвать крематорий III и убить троих эсэсовцев. Охрана убила около 250 евреев, но 27 удалось бежать. Четверых девушек-евреек, которые пронесли взрывчатку, пытали несколько недель, но они ничего не рассказали. Роза Робота, которая умерла от пыток, передала напоследок товарищам: «Будьте сильными и смелыми». Две девушки выжили, и их повесили перед строем всех женщин-заключенных Освенцима; одна из них перед смертью крикнула: «Отомстите!»

Но, как правило, сопротивление отсутствовало на всех этапах процесса истребления. Немцы всегда наносили удар внезапно и превосходящими силами. Евреи обычно цепенели от ужаса и безнадежности. «Гетто было окружено бульшим отрядом СС, – писал один очевидец из Дубно (Украина), – и втрое большим количеством украинских полицейских. Затем зажглись прожекторы, установленные вокруг гетто... Людей выволакивали в такой спешке, что они оставляли маленьких детей в постели. На улице женщины кричали, зовя своих детей, а дети звали родителей. Это не мешало эсэсовцам гнать людей ударами по дороге, пока они не добежали до ожидавшего их товарного состава. Вагон за вагоном заполнялся под непрекращающиеся крики женщин и детей, щелканье кнутов и ружейные выстрелы».

Многие евреи умирали по дороге в поезде. Когда уцелевшие прибывали на место, их гнали прямо в газовые камеры. Курт Герштейн наблюдал как-то ранним утром в августе 1942 г., как в Освенцим прибыл поезд с 6700 евреями. По прибытии оказалось, что 1450 умерли по дороге. Он видел, как 200 украинцев открывали двери товарных вагонов, кожаными кнутами выгоняли оттуда оставшихся в живых и заставляли ложиться на землю. Громкоговорители приказывали раздеться догола. Всех женщин безжалостно стригли. Затем всех прибывших нагишом гнали в газовые камеры, которые называли «санпропускником». Ни у кого не было возможности оказать сопротивление. Самое большее, что они могли сделать, – порвать те жалкие скомканные доллары, которые им удалось пронести на себе, чтобы нацистам не удалось ими воспользоваться, – последний и единственный жест

протеста.

Гитлеровский апокалипсис не щадил никого из евреев. В лагере Терезиенштадт в Чехословакии, полном стариков, сохранялась видимость того, что евреев просто «переселяют». В него направляли так называемых привилегированных евреев, кавалеров Железного Креста I степени, полупарализованных ветеранов войны и т. п. Но из общего числа доставленных сюда 141 184 человек 9 мая 1945 г., когда лагерь освободили союзники, в живых оставалось всего 16 832; свыше 88 000, в том числе старые или заслуженные, было отравлено газом. Никто из евреев не мог рассчитывать на поблажку по возрасту. После аншлюса Австрии друзья Фрейда, старого и умиравшего от рака, выкупили его у нацистов и привезли в Англию. Никому, в том числе и самому Фрейду, не пришло в голову, что опасность грозит четверем его старшим сестрам, оставшимся в Вене. Но и они попали в лапы к нацистам: Адольфина (81 год) была убита в Терезиенштадте, Паулина (80) и Мария (82) – в Треблинке, а Роза (84) – в Освенциме.

От гибели не спасала и молодость. Всех женщин, прибывших в лагерь смерти, стригли наголо, а волосы паковали и отправляли в Германию. Если грудной ребенок раздражал охрану во время стрижки, ему просто разбивали голову об стену. Один из свидетелей рассказывал в своих показаниях на Нюрнбергском процессе: «Только тот, кто видел все это своими глазами, может поверить, с каким удовольствием немцы выполняли эту операцию; как они радовались, когда удавалось убить младенца всего с трех или четырех ударов; с каким удовлетворением они совали трупик в руки матери!» В Треблинке большинство детей отнимали у матерей сразу по прибытии, убивали и швыряли в канаву вместе с инвалидами и калекками. Иногда из канавы, которую стерегли охранники с повязками Красного Креста и которую называли «лазарет», доносился детский плач...

Это разбивание голов детям показывает степень антисемитского раздвоения: с одной стороны тайные, «высокотехнологичные» способы убийства, с другой – внезапные, спонтанные акты невероятной жестокости. Как только ни убивали евреев – практически всеми известными угнетенному человечеству способами. В каменоломнях Маутхаузена итальянского еврея с хорошим голосом поставили на вершину скалы, начиненной динамитом; скалу взорвали, когда он пел «Ave Maria». Голландских евреев сотнями заставляли прыгать (и разбиваться насмерть) с обрыва над каменоломней, известного под названием «Стена парашютиста». Тысячи и тысячи евреев засекли насмерть за мелкие лагерные провинности: сохранил монету или обручальное кольцо, не спорол еврейскую эмблему с одежды убитых, раздобыл кусок хлеба из пекарни вне лагеря, попил воды без разрешения, курил, плохо приветствовал... Были случаи отрубания голов. Курт Франц, заместитель коменданта Треблинки, держал свору свирепых собак, которых использовал, чтобы они загрызали евреев до смерти. Иногда охрана убивала чем попало. Свидетель из Бельзеца рассказывал о юноше, который только что поступил в лагерь:

«Он являл собой прекрасный пример здоровья, силы и юности. Мы были удивлены его хорошему настроению. Он огляделся и весело спросил: «Отсюда никто не убежал?» Этого оказалось достаточно. Охранник услышал, и парня замучили до смерти. Его раздели догола и повесили за ноги. Так он провисел три часа, но оставался в живых, потому что был сильный. Тогда его сняли, бросили на землю и набивали ему песок в горло, пока он не умер».

В конце агонии рейха, когда Гиммлер, а затем и его лагерные коменданты начали утрачивать контроль над ситуацией, с «научным» аспектом «окончательного решения» было покончено, и от всего дуализма осталось только дикое желание убивать всех уцелевших, убивать до самого последнего момента. Убивали всех: и зондеркоманды, и глав гетто, в том числе и Румковское, и еврейскую полицию, и агентуру СС – всех. При прорыве фронта эсэсовцы старались увести колонны евреев подальше от этого места, чтобы можно было продолжать убивать их без лишней спешки. Фанатизм, с которым они продолжали выполнять свои обязанности массовых убийц уже заведомо после того, как обреченность Третьего рейха стала очевидной, – одна из самых мрачных загадок истории человечества. В Эбензее, лагере-спутнике Маутхаузена, последнем, оставшемся в руках немцев, эсэсовцы

отказались убить 30 000 евреев, которые не хотели идти в тоннель, где их собирались взорвать. Но в ряде случаев убийства продолжались даже после освобождения лагерей. Так, английские танки захватили Бельзен 15 апреля 1945 г., но двинулись дальше, продолжая бой, а эсэсовцев венгров оставили еще на 48 часов, дав поручение продолжать «частичное управление» охраняемым лагерем. За это время охрана застрелила еще 72 еврея за проступки вроде кражи картофельных очисток с кухни.

Так погибли 6 миллионов евреев. Два тысячелетия антисемитской ненависти всех разновидностей, языческой, христианской и мирской, основанной на предрассудках, простонародной и академической, были сплавлены Гитлером во всепоглощающий Джаггернаут, направленный затем его недюжинной энергией и волей на беспомощное тело европейского еврейства. Оставалось еще 250 000 евреев в лагерях перемещенных лиц, и где-то было рассеяно сколько-то уцелевших. Но великое еврейство ашкенази, существовавшее в Восточной Европе, было, по сути, дела уничтожено. Акт геноцида был совершен. Когда распахнулись ворота лагерей и стали известны полные масштабы зверских преступлений, некоторые евреи по простоте своей ожидали, что разгневанное человечество воскликнет громовым голосом: «Довольно! Нужно положить конец антисемитизму! Мы должны покончить с ним раз и навсегда, подвести черту под чудовищным произволом и начать творить историю заново».

Увы, не так действует человеческое общество. В частности, не так действует антисемитский импульс. Он меняет свой облик на новый. Результат Холокоста свелся в основном к тому, что главный фокус антисемитской ненависти переместился из Восточной и Центральной Европы на Средний Восток. Ряд арабских лидеров были огорчены тем, что гитлеровское решение оказалось не окончательным. Например, 6 мая 1942 г. Великий муфтий заявил протест правительству Болгарии по поводу того, что евреи выезжают оттуда в Палестину. Их следует, указывал он, отправлять обратно в Польшу «под сильным и надежным конвоем».

Даже в Европе по адресу тех, кто выжил, хоть и обезумел от ужаса, звучала часто брань, а не слова сочувствия. Сама их нагота, привычки, воспитанные зверским обращением, поднимали новые волны антисемитизма. Среди тех, кто поддался этому, был генерал Паттон, в расположении которого оказалось больше перемещенных лиц, чем у любого другого командующего. Он называл «этих евреев-перемещенцев» «недочеловеческим видом, абсолютно без культурных и социальных черт, присущих нашему времени». Нормальные люди, по его словам, «не могли бы опуститься до такого уровня деградации, которого эти достигли всего за четыре года». Еще более активную враждебность по отношению к этим вызывающим сочувствие людям проявляли в странах, откуда их ранее вывезли, особенно в Польше. И перемещенцы-евреи знали, что их там ждет. Они сопротивлялись репатриации как только могли. Солдат-еврей из Чикаго, который участвовал в посадке репатриантов в вагоны поездов, идущих в Польшу, рассказывал: «Люди бросались передо мной на колени, рвали рубаху на груди и кричали: «Убей меня!» Они говорили: «Лучше убить меня сейчас, все равно в Польше мне не жить». И часто они оказывались правы. В августе 1945 г. в Польше разразились антисемитские волнения, которые начались в Кракове, а затем распространились на Сосновец и Люблин. Люба Циндель, которая вернулась в Краков из нацистского лагеря, так описывает налет на синагогу в первый шабат августа: «Они кричали, что мы совершали ритуальные убийства. Они стали стрелять в нас и избивать нас. Муж сидел рядом со мной. Пули изрешетили его лицо, и он упал». Она пыталась бежать на Запад, но ее остановили войска Паттона. Английский посол в Варшаве сообщал, что в Польше опасности подвергается любой человек с еврейской внешностью. За первые семь месяцев после окончания войны в Польше из антисемитских побуждений было совершено 350 убийств.

Тем не менее, сами грандиозные масштабы Холокоста привели к тому, что международное сообщество стало качественно менять свое отношение к насилию, совершенному в отношении евреев. Были приняты два важных решения – о необходимости

наказания и о необходимости реституции, и в какой-то мере оба они были проведены в жизнь. 20 ноября 1945 г. в Нюрнберге начались судебные процессы над военными преступниками, причем главным элементом обвинения было «окончательное решение». Суд над главными нацистскими лидерами завершился 1 октября 1946 г., в День Искупления; 12 подсудимых были приговорены к смертной казни, трое – к пожизненному заключению, четверо – к различным срокам тюрьмы, трое оправданы. Затем последовали еще 12 крупных процессов над нацистскими преступниками, известных под названием «Последующих Нюрнбергских процессов»; в четырех из них основным было обвинение в планировании и проведении в жизнь «окончательного решения». В этих 12 процессах приговор был вынесен 177 нацистам. 12 из них были приговорены к смертной казни, 25 – к пожизненному заключению, остальные – к длительным срокам заключения. Впоследствии было еще много процессов в трех западных оккупационных зонах, и почти во всех фигурировали зверства против евреев. Между 1945 и 1946 гг. были вынесены обвинительные приговоры 5025 нацистам, из которых 806 получили смертный приговор. Впрочем, казнь свершилась лишь в 486 случаях. Более того, амнистия, объявленная в 1951 г. американским Верховным комиссаром в Германии, привела к досрочному освобождению многих видных военных преступников, находившихся в руках американцев. Комиссия ООН по военным преступлениям подготовила списки из 36 529 военных преступников (включая японцев), большинство из которых участвовали в зверствах по отношению к евреям. 3470 из этого списка предстали перед судом в 8 союзных странах в течение первых трех лет после окончания войны; 952 были приговорены к казни, 1905 – к тюремному заключению.

Почти во всех странах – участницах войны состоялось большое количество процессов над военными преступниками. Из 150 000 подсудимых обвинительный приговор получили свыше 100 000, причем многие – за преступления, направленные против евреев. Многие тысячи нацистов и их союзников, участвовавших в «окончательном решении», поглотил Архипелаг Гулаг. Когда в 1945 г. стали вновь функционировать немецкие суды, они тоже взялись за дела о военных преступлениях и за первую четверть века вынесли смертный приговор 12, к пожизненному заключению приговорили 98 и 6000 – к различным срокам. С созданием в 1948 г. Израиля он тоже смог (как мы это увидим) принять участие в процессе возмездия. Процесс поиска и наказания нацистских военных преступников продолжался еще в конце 80-х годов, более чем через 40 лет после окончания Холокоста, и у него есть шансы на продолжение в течение еще десятилетия; правда, в конце этого срока большинство преступников уже умрет или будет находиться в весьма преклонном возрасте. Никто, увы, не сможет сказать, что справедливость полностью восторжествовала. Ряд главных исполнителей «окончательного решения» скрылся от правосудия и где-то мирно дожил свои дни. Другие получили или отбыли сроки за преступления, не связанные с этим. Но, во всяком случае, следует отметить широкий масштаб и настойчивость попыток наказать тех, кто совершил самое ужасное преступление в истории.

Борьба за выплату компенсации жертвам также привела к неоднозначным результатам. Хаим Вейцман от лица Еврейского Агентства представил 20 сентября 1945 г. четырем оккупационным державам заявку на репарации. Из этого ничего не вышло – главным образом потому, что не было подписано всеобъемлющего мирного договора и даже еще не велось по нему переговоров. Три западные державы отложили для выплаты компенсаций еврейским жертвам часть выручки от распродажи конфискованной нацистской собственности. Однако жертвы должны были подавать индивидуальные заявления, и хорошо задуманный проект ушел в бюрократическую трясиину. К 1953 г. были рассмотрены и удовлетворены только 11 000 заявок с суммарной выплатой 83 миллиона долларов. Тем временем в январе 1951 г. израильский премьер-министр Давид Бен-ГГГермании на выплату суммы в полтора миллиарда долларов, исходя из того, что Израиль принял 500 000 беженцев из Германии, каждому из которых причитается по 3000 долларов. Это означало переговоры напрямую с немцами, а многие из оставшихся в живых лагерников считали это неприемлемым. Но Бен-Гурион добился у них одобрения, выдвинув лозунг: «Не должны

убийцы нашего народа быть его наследниками!» Сошлись на цифре 845 миллионов с выплатой в течение 14 лет; несмотря на попытки арабских стран помешать ратификации соглашения, оно вступило в силу в марте 1953 г. и было полностью выполнено в 1965 г. Оно стало также шагом к принятию федерального Закона о возмещении, предусматривающего выплату компенсаций пострадавшим лицам или их иждивенцам за потерю жизни, конечности, ущерб здоровью, карьере, профессии, пенсии или страховке. Кроме того, предусматривалась компенсация за лишение свободы в размере одного доллара за день, когда жертва находилась в заключении, была вынуждена проживать в гетто или носить звезду. Семьи, потерявшие кормильца, получали пенсию, бывшие государственные служащие получали компенсацию за возможное, но не полученное продвижение по службе, кто-то получал компенсацию за неполученное образование, за утрату имущества и т. д. Эта всеобъемлющая программа претворялась в жизнь коллективом из примерно 5000 судей, госслужащих и чиновников, через которых к 1973 г. прошло свыше 95% из общего числа 4 276 000 заявлений. В течение четверти века программа поглощала около 5% федерального бюджета. К моменту написания этой книги было выплачено около 25 миллиардов долларов, к концу XX века цифра превзойдет 30 миллиардов. Эти выплаты нельзя, строго говоря, считать слишком щедрыми и даже адекватными. Однако они намного превышают ожидания Вейцмана и Бен-Гуриона и показывают, что федеральное правительство искренне стремится как-то заплатить за германские преступления.

Другая часть вопроса о репарациях решалась гораздо менее удовлетворительно. Никто из немецких промышленников, участвовавших в программе использования рабского труда, не признал ни малейшей ответственности за его ужасные последствия. Защищаясь от предъявленных им уголовных обвинений и гражданских исков, они доказывали, что в условиях тотальной войны организация принудительного труда не была незаконной. Они использовали малейшие юридические лазейки, чтобы избежать выплаты компенсаций, и их поведение представляло собой удивительную смесь низости и невежества. Фридрих Флик объявил: «Никто из широкого круга лиц, которые знают меня и моих друзей-ответчиков, не захочет поверить, что мы совершали преступление против человечества, и ничто не убедит нас, что мы – военные преступники». Флик так и не заплатил ни одной дойчмарки; когда он умер в возрасте 90 лет в 1972 г., его состояние превышало миллиард долларов. Всего немецкие компании выплатили 13 миллионов долларов, и меньше 15 тысяч евреев воспользовались частью этой суммы. Те, кто рабски трудился в Освенциме на ИГ-Фарбениндурии получили по 1700 долларов, рабы АЭГ-Телефункена – по 500 и меньше. Семьи тех, кто умер от непосильного труда, не получили ничего. Но поведение немецких капиталистов было ничуть не хуже поведения коммунистических стран-преемниц. Восточногерманское правительство даже не потрудились ответить на просьбы о компенсации. Не было ответа и в Румынии. Во всей обширной зоне, где с 1945 г. коммунистические власти осуществляли свою политику угнетения, евреи не получили ровным счетом ничего.

Поведение Австрии было хуже всего. Хотя подавляющее большинство австрийцев поддерживало аншлюс, хотя почти 550 000 австрийцев (из семи миллионов) состояли в нацистской партии, хотя австрийцы до самого конца воевали на стороне Германии и (как мы отмечали) уничтожили почти половину погибших евреев, Московская декларация союзников в ноябре 1943 г. объявила Австрию «первой свободной нацией, павшей жертвой гитлеровской агрессии». Посему Австрия была освобождена от выплаты репараций на послевоенной Потсдамской конференции. Получив юридическое отпущение грехов, все австрийские политические партии вступили в сговор с целью избежать и моральной ответственности, получив статус жертв. Как заявила в 1946 г. австрийская социалистическая партия: «Не Австрия должна выплачивать реституцию, она должна быть получателем». Союзники обязали Австрию принять закон о военных преступлениях, однако до 1963 г. в ней не существовало органа, который должен был бы выступать в этих вопросах в роли обвинителя. Впрочем, даже и после этого многие из подсудимых попали под амнистию,

а дела, которые слушались в суде, обычно кончались оправдательным приговором. Евреям, просившим компенсации, советовали обращаться к Германии, если только они не смогут доказать, что их бывшая собственность осела в Австрии. Очень немногим из них удалось получить по тысяче долларов.

Со стороны церкви Германии была предпринята запоздалая, но достойная одобрения попытка «моральной репарации». Антисемитизм как католического, так и лютеранского толка на протяжении многих столетий вносил свой вклад в формирование ненависти к евреям, кульминацией которой явился гитлеризм. Ни одна церковь не вела себя прилично во время войны. Папа Пий XII не нашел в себе сил осудить «окончательное решение», хотя знал о нем. Один или два отдельных голоса раздались, правда, в защиту евреев. Брат Бернгард Лихтенберг из берлинского католического собора Св. Гедвиги публично молился за евреев в 1941 г. Его квартира подверглась обыску, и были найдены черновики проповеди, в которой он планировал сообщить своей конгрегации, что не верит в существование еврейского заговора с целью погубить всех немцев. За это он отбыл два года тюрьмы, а выйдя из нее, был отправлен в Дахау. Это, по-видимому, единственный случай в своем роде. Среди свидетелей *юденрациии*, происходившей в Риме 16 октября 1943 г., был священник-иезуит Августин Беа, прибывший из Бадена в Германии и выполнявший обязанности исповедника папы Пия XII. Двадцать лет спустя, во время Второго Ватиканского Собора у него как главы Секретариата христианского единства был шанс покончить раз и навсегда с древним обвинением евреев в богоубийстве, деициде. Он возглавил работу над проектом решения Собора «О евреях» и развил его в «Декларацию об отношении церкви к нехристианским религиям», где идет речь об индуизме, буддизме и исламе, а также иудаизме, и успешно провел ее через Собор, который утвердил ее в ноябре 1965 г. Этот неохотно принятый документ был гораздо менее честным, чем хотелось бы Беа; в нем не содержится извинений за преследование церковью евреев и отсутствует полноценное признание вклада иудаизма в христианство. В ключевом абзаце документа говорится: «Правдой является то, что еврейские власти и те, кто шел за ними, настаивали на казни Христа; тем не менее, ответственность за его муки не может быть возложена на всех евреев без исключения, как живших в то время, так и ныне живущих. Хотя Церковь – суть новые люди Божьи, евреев не следует представлять как отторгнутых от Бога или проклятых, как будто это вытекает из Священного Писания». Это, конечно, немного. Но, тем не менее, уже что-то. С учетом того, какое жестокое сопротивление пришлось преодолевать, можно даже считать, что удалось сделать многое. Более того, это – часть гораздо более широкого процесса, путем которого цивилизованный мир пытается выбить традиционную опору из-под антисемитизма.

Это был добрый знак. Но евреи уже уяснили, что цивилизованному миру, даже в его конкретных делах, нельзя доверять. Главный урок, который евреи извлекли из Холокоста, – это настоятельная необходимость обеспечить себе постоянное, замкнутое и, главное, суверенное убежище, где в случае необходимости все мировое еврейство могло бы укрыться от своих врагов. Первая мировая война сделала сионистское государство возможным. Вторая мировая сделала его жизненно необходимым. Она убедила подавляющее большинство евреев, что такое государство обязательно следует создать и укрепить, чего бы это ни стоило им или кому бы то ни было.

Часть седьмая СИОН

Между Холокостом и Сионом существует органическая связь. Уничтожение шести миллионов евреев является основным причинным фактором в создании государства Израиль. И это находится в соответствии с древней и мощной динамической линией еврейской истории: возрождение через страдание. Тысячи благочестивых евреев воспевали свою веру, когда их гнали к газовым камерам, потому что они верили, что ниспосланная на них кара, простым орудием которой является Гитлер со своими эсэсовцами, есть дело рук Божьих и

одновременно доказательство того, что они избраны Им. Согласно пророку Амосу, Бог сказал: «Вас лишь знаю я из всех родов земли, и буду наказывать вас за вашу единственность». Страдания в Освенциме – не простая случайность. Это – некие моральные акты, часть большого плана. Они подтверждают грядущую славу. Более того, Бог не просто гневается на евреев. Он и скорбит по ним, и плачет с ними. Он входит вместе с ними в газовые камеры, как шел вместе с ними в Исходе.

Так выглядят причина и следствие, если пользоваться религиозными, метафизическими терминами. Но о том же можно сказать, используя историческую терминологию. Создание Израиля было последствием еврейских страданий. Выше мы с вами использовали образ разрезной головоломки, чтобы показать, как все кусочки попадают на свое место. Как мы видели, великая резня на Востоке в 1648 г. привела еврейскую общину в Англию, а затем – в Америку, благодаря чему как раз вовремя возникла самая влиятельная общность евреев в мире, необходимая часть геополитического контекста, в котором мог быть создан Израиль. И вновь кровавый 1881 год привел в движение целую цепь событий, ведущих к тому же результату. Вызванная ими иммиграция явилась фоном дела Дрейфуса, которое прямо привело Герцля к созданию современного сионизма. Перемещение евреев, вызванное угнетением в России, создало напряженную ситуацию, которая породила в 1917 г. Декларацию Бальфура и мандат Лиги Наций для ее осуществления. Преследование евреев Гитлером явилось последней катастрофой в серии, которая помогла создать сионистское государство.

Еще до начала Второй мировой войны антиеврейская политика Гитлера привела (хотя и ненамеренно) к значительному укреплению еврейской общины в Палестине. Гитлер постепенно пришел к тому, что стал видеть в еврейском государстве потенциального врага: «второй Ватикан», «еврейский Коминтерн», «новая база для всемирного еврейства». Однако в 30-е годы в течение некоторого времени нацисты активно содействовали эмиграции немецких евреев в Палестину. В итоге не только 60 000 немецких евреев добрались до национального очага, но и их капиталы сыграли важную роль в формировании тамошней промышленной и экономической инфраструктуры. Что касается войны, то она не только принесла с собой физическое насилие, которое Гитлер применил к евреям, рассматривая их как главного врага, но и дала евреям возможность нанести вместе с союзниками ему ответный удар, тем самым активизировав последний этап сионистской программы. С момента начала войны в 1939 г. как можно более быстрая организация государства Израиль стала неотложной задачей сионистов и постепенно распространилась среди большей части мирового еврейского сообщества. Однако перед претворением сионистской программы в жизнь стояли серьезные препятствия. Было недостаточно победить Гитлера. Было необходимо также преодолеть возражения со стороны трех победивших союзников: Англии, Соединенных Штатов и России. Рассмотрим их отдельно.

Первоначально наиболее важную роль в этом процессе играла Англия, поскольку она была державой-владелицей. В 1939 г. Белая Книга фактически перечеркнула Декларацию Бальфура и нацелилась на будущее, в котором не могло возникнуть преимущественно еврейской Палестины. Евреи были союзниками Англии в войне. В то же самое время им было необходимо развенчать английскую политику в Палестине. Бен-Гурион считал, что эти цели совместимы: «Мы должны сражаться с Гитлером так, как будто Белой Книги не существует, и бороться против Белой Книги, как будто не существует Гитлера». Он был прав, при условии, что англичане позволят евреям воевать в виде особого подразделения, которое впоследствии вполне могло бы решающим образом повлиять на ход событий в Палестине. Именно по этой причине британские власти, военные, дипломатические и колониальные, относились к этой идее враждебно. После того как победа при Аламейне в конце 1942 г. отвела германскую угрозу от Среднего Востока, английское верховное командование относилось с подозрением к любой милитаристской деятельности евреев. Однако у евреев был один сильный защитник – Черчилль. Он благожелательно воспринимал предложение Вейцмана сформировать еврейское ударное соединение на базе существующих

мелких еврейских подразделений. Английская армия неоднократно блокировала это предложение, но Черчилль в конце концов «пробил» его. «Мне нравится идея, – сообщал он госсекретарю по военным вопросам 12 июля 1944 г., – чтобы евреи попробовали разделаться с убийцами своих соплеменников в Центральной Европе. У них нелады с немцами?...Так почему бы этой нации мучеников, разбросанных по миру и страдающих, как никто иной, не дать возможность сражаться под собственным флагом?» Два месяца спустя была сформирована еврейская бригада численностью 25 000 человек. Без Черчилля евреи никогда бы ее не получили. Опыт совместной службы, приобретенный ими в формировании такого масштаба, имел решающее значение для израильских военных успехов через четыре года.

Тем не менее, у англичан не было желания повернуть вспять свою линию в Палестинском вопросе. Война против Гитлера нанесла серьезный ущерб их ресурсам и сделала для них средневосточные нефтяные месторождения еще более важными, и они вовсе не собирались превратить арабский мир в своих злейших врагов, дав добро на расширение еврейской иммиграции. Не готовы они были и к уходу из Палестины, им важно было сохранить дружбу с арабами, прежде чем они смогли бы уйти. В итоге они препятствовали высадке нелегальных иммигрантов-евреев, а если те все же прорывались, то принимали меры по их задержанию и депортации. В ноябре 1940 г. судно «*Патрия*», направлявшееся на Маврикий с 1700 депортированными на борту, в результате организованной Хаганой диверсии затонуло в бухте Хайфы, причем 250 беженцев утонуло. В феврале 1942 г. англичане не разрешили пристать судно «*Струма*» с беженцами из Румынии, а турки приказали ему повернуть обратно; судно затонуло в Черном море, причем погибло 770 человек.

Эти трагические эпизоды не поколебали решимости англичан сохранить ограничения на въезд в течение войны и даже после ее окончания, когда в лагерях для перемещенных лиц оставалось 250 000 евреев. Ничего не изменил и приход в 1945 г. к власти английской лейбористской партии, теоретически просионистской. Новый министр иностранных дел, Эрнест Бевин, склонился перед аргументами дипломатов и генералов. В это время Англия продолжала править четвертью земной суши. В Палестине у нее находилось 100 000 солдат, в то время как евреев насчитывалось всего 600 000. Таким образом, казалось бы, не имелось серьезных причин для успеха сионистов. Тем не менее, спустя 18 месяцев Бевин сделал свое дело. В своей книге об Иерусалиме Ивлин Во так с горечью оценивал поведение англичан: «Мы уступили свой мандат на управление Святой Землей по вполне низменным мотивам: из трусости, лени и скупости. Воспоминание о том, как Алленби промаршировал там, где надменно проезжал кайзер, заслоняется от нас грустным зрелищем того, как большое, хорошо снаряженное войско, практически без единой царапины удирает от жалкой банды». Как же это случилось?

Ответ лежит в значении одного вклада, который внесли евреи в формирование современного мира. Речь идет о научном использовании террора, чтобы сломить волю либеральных правителей. В течение следующих 40 лет этот прием стал обычным, но в 1945 г. это пока еще была новинка. Можно назвать его необычным результатом Холокоста, потому что никакое явление меньшего масштаба не подвигло бы на подобные действия даже самых отчаянных евреев. В наиболее законченном виде им пользовался Менахем Бегин, бывший лидер польского молодежного движения Бетар. В этом человеке нашли свое воплощение вся горечь и обездоленность, порожденные Холокостом. В его родном городе, Брест-Литовске, евреи составляли 70% населения. В 1939 г. их было свыше 30 000. В 1944 г. в живых осталось всего 10. Почти вся семья Бегина была убита. Евреям даже запрещалось хоронить своих мертвых. Отца Менахема застрелили, когда он рыл могилу своему другу на еврейском кладбище. Но сам Бегин оказался специалистом по выживанию и мстителем от рождения. Будучи арестован в Литве, он был одним из тех немногих, кто выжил и не был сломлен на допросах в сталинском НКВД. Под конец следователь в ярости бросил ему: «Чтоб я тебя больше не видел». Бегин так комментировал позднее эту историю: «Моя вера стояла против его веры. Мне было за что бороться, даже в камере для допросов». Бегина

отправили в советский заполярный лагерь вблизи Баренцева моря, где он строил железную дорогу «Котлас-Воркута». Он и здесь выжил. Попал под амнистию для поляков, прошагал пешком через Среднюю Азию и явился в Иерусалим рядовым польской армии. В декабре 1943 г. он возглавил Иргун, военную организацию ревизионистского крыла. Через два месяца он объявил войну английским властям.

Среди евреев существовали три школы, различавшиеся по взглядам в отношении к Англии. Вейцман продолжал верить в добрую волю англичан. Бен-Гурион, хотя и был скептиком, хотел сначала выиграть войну. Даже после нее он проводил четкое разграничение между сопротивлением и терроризмом, что отражалось в политике Хаганы. С другой стороны существовали экстремисты, отколовшиеся от Иргуна, которых по имени их вождя Авраама Штерна называли «Банда Штерна». Он не подчинился приказу Жаботинского о прекращении огня (против англичан), когда началась война, и был убит в феврале 1942 г., но его коллеги под командой Ицхака Шамира и Натана Элина-Мора развернули ничем не сдерживаемую антианглийскую кампанию. Бегин следовал третьему курсу. Он считал, что Хагана слишком пассивна, а «Банда Штерна» слишком груба, порочна и неразумна. Он считал врагом не Англию, а английскую власть в Палестине. Ее он хотел подорвать, сделать неработоспособной, слишком накладной и неэффективной. У него имелось 600 активных агентов. Он отвергал убийства как метод, что не помешало ему взорвать здания спецслужбы Си-Ай-Ди и иммиграционного управления, налоговой службы и т. п.

Отношения между этими тремя группами еврейских активистов всегда были напряженными, а зачастую враждебными. Позднее это привело к серьезным политическим последствиям. 6 ноября 1944 г. «Банда Штерна» убила лорда Мойна, английского министра по средневосточным делам. Хагана, напуганная и разъяренная, открыла «сезон охоты» на штернистов и Иргун. Она захватила часть из них в плен и держала в подпольной тюрьме. Что еще хуже, она сообщила Си-АйДи имена 700 человек и групп. Не менее 300 (а по некоторым оценкам – до 1000) человек были арестованы благодаря информации, которая была передана сионистским истеблишментом. Бегин, которому удалось скрыться, обвинил Хагану и в пытках, после чего заявил: «Мы поквитаемся с тобой, Каин». Но на открытую войну с Хаганой он не решился. В течение нескольких месяцев, пока он боролся и с англичанами, и с братьями-евреями, он создал почти неуязвимую подпольную организацию. Он верил, что Хагана придется объединить с ним усилия, чтобы освободиться от Англии. И он оказался прав. 1 октября 1945 г. Бен-Гурион, не посоветовавшись с Вейцманом, послал шифрограмму Моше Снегу, командиру Хаганы, приказывая начать операции против английских войск. Было сформировано единое Еврейское движение сопротивления, которое начало свои атаки 31 октября, взрывая железные дороги.

При этом между евреями не было согласия в вопросах о целях. Хагана не желала использовать террор ни в какой форме, хотя допускала использование силы, скажем, в военных операциях. Бегин всегда отвергал убийство, вроде хладнокровного истребления штернистами шести спящих англичан-парашютистов 26 апреля 1946 г. Он и тогда и позднее отвергал клеймо террориста. Но он готов был к моральному и физическому риску. Разве можно было бы овладеть Обетованной Землей без Иисуса Навина? И разве не является его книга волнующим рассказом о том, сколь далеко готовы зайти израильтяне, чтобы завоевать эту землю, которая отдана им Божьим промыслом?

Бегин был ведущей фигурой в двух событиях, подтолкнувших англичан к уходу. На рассвете 29 июня 1946 г. англичане совершили налет на Еврейское агентство. Было арестовано 2718 евреев. Задачей англичан было привести к руководству более умеренные силы. Но решить ее не удалось. Поскольку организация Иргун не была задета, усилились позиции Бегина. Он вынудил Хагану согласиться на то, чтобы взорвать отель «Царь Давид», где проживала часть английской администрации. Целью акции являлось устранение, а не убийство, но риск массовой гибели людей был очень велик. О заговоре узнал Вейцман и пригрозил, что уйдет в отставку и расскажет миру о ее причинах. Хагана предложила Бегину отменить акцию, но он отказался. В обеденное время 22 июля 1946 г., на 6 минут раньше

запрограммированного, 300 кг сильной взрывчатки разнесло крыло отеля, убив 28 англичан, 41 араба и 17 евреев, плюс 5 человек других национальностей. В соответствии с планом, 16-летняя школьница предупредила по телефону о предстоящем взрыве. Что произошло потом, разные источники трактуют поразному. Бегин всегда утверждал, что было сделано своевременное предупреждение, и в гибели людей виноваты англичане. Скорбь он выражал только по поводу жертв среди евреев. Однако при подобных террористических акциях тот, кто минировал, несет ответственность за все жертвы. Такова была точка зрения еврейского истеблишмента. Командира Хаганы Моше Снега вынудили подать в отставку. Движение сопротивления распалось на составные части. Тем не менее, этот акт насилия в сочетании с другими возымел действие. Британское правительство предложило разделить страну на три части. И евреи и арабы отвергли этот план. После этого 14 февраля 1947 г. Бегин объявил, что передает палестинскую проблему на рассмотрение Организации Объединенных Наций.

Тем не менее, это необязательно означало, что уход англичан будет быстрым. А потому кампания террора продолжалась. Решающим оказался еще один эпизод, за который опять нес ответственность Бегин. Он был против убийств, вроде тех, которые учиняли штернисты, но настаивал на моральном праве Иргун наказывать английских военнослужащих таким же образом, как англичане карали членов Иргун. Англичане вешали и пороли – Иргун отвечала тем же. В апреле 1947 г. трое из Иргун были отданы под суд за нападение на тюрьму-крепость Акра, в ходе которого был освобожден 251 заключенный. Бегин угрожал возмездием, если эти трое будут осуждены и повешены. Именно так с ними и поступили 29 июля. Через несколько часов два английских сержанта, Клиффорд Мартин и Мервин Пейс, захваченные для этой цели, были повешены по приказу Бегина руководителем операций Иргун Гиди Паглином, который к тому же заминировал их тела. Гнусное убийство Мартина и Пейса, которые не совершили никакого преступления, привело многих евреев в ужас. Еврейское Агентство назвало его «трусливым убийством двух невинных людей группой преступников». На деле все было еще хуже, чем казалось в то время, – через 35 лет выяснилось, что у Мартина была мать-еврейка. В Англии произошел взрыв ненависти. В Дерби сожгли синагогу. В Лондоне, Ливерпуле, Глазго и Манчестере произошли антиеврейские бунты – впервые в Англии с XIII века. Это, в свою очередь, вызвало радикальные изменения в британской политике. Ранее англичане считали, что за любым разделом должны наблюдать они и проводить его в жизнь, а не то армии арабских государств просто придут и истребят евреев. Теперь же они решили уходить так быстро, как только возможно, и предоставить арабам и евреям самим разбираться. Так политика Бегина принесла успех, но была чревата огромным риском.

В какой-то мере степень риска зависела от двух сверхдержав, Америки и России. И в обоих случаях на руку евреям сыграло то, что можно назвать везением, а можно и божественным провидением, кому как нравится. Первым из них была смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. В последние недели, вслед за встречей с королем Ибн-Саудом после Ялтинской конференции он стал антисоционистом. Настроенный просоционистски помощник президента Дэвид Найлс позднее утверждал: «У меня имеются серьезные сомнения, что Израиль бы появился на свет, если бы Рузвельт еще пожил». Преемнику ФДР, Гарри С. Трумэну, сионизм был гораздо ближе – как эмоционально, так и по расчету. Ему было жаль еврейских беженцев. Он считал палестинских евреев неудачниками. Он был гораздо менее уверен в предвыборных голосах евреев, чем Рузвельт. Для приближающихся выборов 1948 г. ему требовались голоса еврейских организаций в таких ключевых штатах, как Нью-Йорк, Пенсильвания и Иллинойс. Стоило англичанам отказаться от мандата, Трумэн принялся проталкивать создание еврейского государства. В мае 1947 г. вопрос о Палестине был поставлен в ООН, а специальному комитету поручалось представить план. Он представил целых два. Меньшинство рекомендовало федеративное двухнациональное государство. Большинство же предложило новый план раздела: должно быть еврейское государство, арабское государство и международная зона в Иерусалиме. 29 ноября 1947 г. благодаря энергичной поддержке Трумэна этот план был утвержден Генеральной Ассамблеей 33

голосами против 13 при 10 воздержавшихся.

Советский Союз и арабские государства, а вслед за ними – левые всего мира пришли позднее к убеждению, что создание Израиля – результат капиталистическо-империалистического заговора. Но факты говорят о другом. Ни американский Госдепартамент, ни английский Форин-Офис не желали еврейского государства. Они предвидели беды, грозящие Западу в этом регионе в случае его создания. Сильными противниками были и оба министерства обороны. Американский министр Джеймс Форрестол резко осуждал еврейское лобби: «Никакой группе в нашей стране не следует позволять влиять на нашу политику до такой степени, чтобы это угрожало нашей национальной безопасности». Английские и американские нефтяные компании еще сильнее противились новому государству. Выступая от их имени, Макс Торнберг из компании Калтекс сказал, что Трумэн «покончил с моральным престижем Америки и уничтожил веру арабов в ее идеалы». Невозможно указать ни на одну мощную экономическую силу в Британии или США, которая содействовала бы созданию Израиля. В обеих странах подавляющее большинство друзей Израиля находилось «слева».

На самом же деле, если и был заговор с целью создания Израиля, то Советский Союз был его видным участником. Во время войны Сталин из тактических соображений несколько ослабил свою антисемитскую политику. Он даже создал Еврейский антифашистский комитет. Начиная с 1944 г., он в течение некоторого времени позволял себе просионистские жесты (но только не внутри России!). Логика его исходила из того, что создание Израиля (который, как его убеждали, будет социалистическим государством) ускорит падение английского влияния на Среднем Востоке. Когда палестинские дела впервые обсуждали в ООН в мае 1947 г. советский замминистра иностранных дел Андрей Громыко вызвал у всех удивление, объявив, что его правительство поддерживает образование еврейского государства, и проголосовал соответствующим образом. 13 октября Семен Царапкин, глава советской делегации в ООН, предложил членам Еврейского агентства тост «За будущее еврейское государство», прежде чем проголосовать за план раздела. В ходе решающего голосования Генеральной Ассамблеи 29 ноября весь советский блок голосовал в пользу Израиля, а впоследствии советская и американская делегации дружно работали над графиком вывода английских войск. И это еще не все. Когда Израиль 14 мая 1948 г. провозгласил независимость и президент Трумэн немедленно сообщил о его признании де-факто, Сталин пошел дальше и меньше чем через 3 дня признал его де-юре. Но, пожалуй, важнее всего было решение чехословацкого правительства (в соответствии с указаниями Сталина) продавать новому государству оружие. Для переброски оружия в Тель-Авив по воздуху был выделен специальный аэродром.

Точная синхронизация того, что происходило в Палестине с процессами в мире, явилась жизненно важной для рождения Израиля и того, что он уцелел. По указанию Сталина в январе 1948 г. был убит еврейский актер Соломон Михоэлс, и это фактически ознаменовало начало интенсивного антисемитского этапа в советской внутренней политике. Переход к антиссионизму во внешней политике проходил медленнее, но, тем не менее, и он завершился осенью 1948 г. Впрочем, к этому времени положение Израиля уже упрочилось. В американской политике также происходили изменения по мере того, как воздействие процессов «холодной войны» ликвидировало настроения послевоенного идеализма и заставило Трумэна внимательнее прислушиваться к советам Пентагона и Госдепартамента. Если бы английскую эвакуацию отложили еще на год, то Соединенные Штаты намного меньше волновала бы возможность лицезреть создание Израиля, да и Россия почти наверняка была бы настроена враждебно. В итоге воздействие кампании террора на британскую политику оказалось как нельзя более своевременным с точки зрения судьбы Израиля, который умудрился проскользнуть в узкую историческую щель, открывшуюся на несколько месяцев в 1947-48 гг. Это была такая удача! Или провидение?

Надо сказать, что если толчком к началу ухода англичан послужила безжалостность Бегина, то существование государства обеспечил Бен-Гурион. Ему пришлось принять серию

решений, каждое из которых вполне могло привести еврейский народ Палестины к катастрофе. После решения ООН о разделе страны арабы решили уничтожить все еврейские поселения и стали нападать на них. Ассам-паша, генеральный секретарь Лиги арабских стран, заявил по радио: «Это будет война на уничтожение, резня, которая для нас чрезвычайно важна». Еврейское командование было настроено решительно, но его ресурсы были довольно малы. К концу 1947 г. в распоряжении Хаганы имелось 17 600 винтовок, 2700 автоматов, около 1000 пулеметов и от 20 000 до 43 000 человек, в разной степени подготовленных. Бронетехники, артиллерии и авиации практически не было. Арабы сколотили внушительную Освободительную армию, но с отдельным руководством. Кроме того, в их распоряжении были регулярные войска арабских стран: 10 000 египтян, 7000 сирийцев, 3000 иракцев, 3000 ливанцев плюс Арабский легион из Трансиордании – 4500 солдат, грозная сила под командованием английских офицеров. К марту 1948 г. в результате нападений арабов погибли свыше 1200 евреев, из них половина – гражданские лица. В течение следующего месяца стало приходиться и поступать на вооружение чешское оружие. Британский мандат кончался только 15 мая, но уже в начале апреля Бен-Гурион принял, по-видимому, самое трудное решение в своей жизни. Он приказал Хаганае начать наступление с целью соединить разрозненные еврейские анклав и закрепиться как только возможно на территории, выделенной Израилю в соответствии с решениями ООН. Рискованная авантюра имела успех. Евреи захватили Хайфу, открыли путь в Тивериаду и Восточную Галилею. Были заняты Сафед, Яффа и Акра. Возникло ядро государства Израиль, и фактически война была выиграна еще до того, как началась.

В пятницу 14 мая в музее Тель-Авива Бен-Гурион зачитал Декларацию Независимости. «Исходя из своего национального и исторического права, – гласила она, – и опираясь на резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, мы провозглашаем настоящим образование еврейского государства в Палестине, которое будет известно отныне как Государство Израиль». Немедленно было сформировано временное правительство. Той же ночью начались воздушные налеты египтян. На следующий день одновременно был завершён вывод английских войск, и началось вторжение арабских армий. Это уже мало на что повлияло, за исключением одного момента: Арабский легион короля Абдуллы захватил Старый Город в Иерусалиме, который евреи сдали 28 мая. Это означало необходимость эвакуации еврейских поселений к востоку от Святого Города. На всех других направлениях израильтяне продолжали продвигаться вперед.

11 июня началось месячное прекращение огня, в течение которого арабы основательно укрепили свои войска. Но и израильтяне получили большое количество тяжелого вооружения, причем не только от чехов, но и от французов, которые поставляли его, главным образом чтобы насолить англичанам. Когда 9 июля бои возобновились, то быстро стало ясно, что израильтяне контролируют ситуацию. Они захватили Лидду, Рамлех и Назарет и заняли значительную территорию за пределами границ раздела. Через 10 дней арабы согласились на второе прекращение огня, которое временами нарушалось вспышками насилия, и в середине октября израильтяне начали наступление с целью открыть дорогу к поселениям в пустыне Негев. Оно закончилось захватом Беершебы. К концу года израильская армия насчитывала уже 100 000 человек и была хорошо экипирована. Она установила военное господство над районом, который больше уже не отдавала. 12 января 1949 г. на острове Родос начались переговоры, которые завершились подписанием перемирия с Египтом (14 февраля), Ливаном (23 марта), Трансиорданией (3 апреля) и Сирией (20 июля). Ирак не стал заключать соглашения, и 5 арабских стран остались формально в состоянии войны с Израилем.

События 1947-48 гг., когда возник Израиль, создали также и арабоизраильскую проблему, которая существует по сей день. У нее имеется два главных аспекта – беженцы и границы, которые лучше рассматривать по отдельности. Согласно данным ООН, с удерживаемой Израилем территории бежали 656 000 арабов, населявших подмандатную Палестину: 280 000 – на Западный берег реки Иордан, 70 000 – в Трансиорданию, 100 000 – в

Ливан, 4000 – в Ирак, 75 000 – в Сирию, 7000 – в Египет и 190 000 – в зону Газы (израильтяне называют несколько меньшую суммарную цифру – между 550 000 и 600 000). Они бежали по четырем причинам: чтобы не погибнуть в районе боевых действий, из-за коллапса власти, в результате приказа или дезориентации и паники, которые сеяли арабские радиопередачи, а также спасаясь паническим бегством от резни, которую банда Иргун-Штерн устроила в деревне Деир-Яссин 9 апреля 1948 г.

Последнее событие заслуживает того, чтобы рассмотреть его подробнее, поскольку оно характеризует моральные устои государства Израиль. Начиная с 1920 г. и до описываемого момента евреи воздерживались от вооруженных нападений на арабские поселения, несмотря на бесчисленные арабские провокации. Когда зимой 1947-48 гг. начались бои, Деир-Яссин, небольшая (менее 1000 жителей) арабская деревушка при каменоломне, заключила своего рода пакт о ненападении с близрасположенным пригородом Иерусалима Гиват-Шаул. Однако два расположенных неподалеку еврейских поселения были опустошены и разрушены, и у евреев было огромное желание отомстить. Банда Штерн предложила разрушить Деир-Яссин, чтобы преподать арабам урок. Старший офицер Иргуна Егуда Лапидот свидетельствует: «Очевидной целью было сломить дух арабов и укрепить моральное состояние еврейской общины Иерусалима, сильные удары по которому наносились время от времени. Особенно тяжелой была недавняя история, когда арабы надругались над телами евреев, попавших к ним в руки». Бегин согласился на операцию, но сказал, что необходимо использовать автомашину с громкоговорителем, чтобы дать возможность жителям деревни сдаться без кровопролития. Местный командир Хаганы нехотя согласился, но оговорил дополнительные условия. В налете участвовало 80 человек из Иргуна и 40 штернистов. По дороге машина с громкоговорителем свалилась в канаву и ею не воспользовались. Арабы предпочли сражаться, они были сильнее и лучше вооружены. Иргун-штернистам пришлось вызвать на подмогу армейский взвод с крупнокалиберным пулеметом и 50-миллиметровым минометом, и тогда сопротивление арабов было сломлено.

После этого налетчики вошли в деревню и вышли из-под контроля. Агент Хаганы, который тайно находился с ними, называл то, что произошло, «неорганизованной резней». Налетчики отвели 23 мужчин в каменоломню и расстреляли. Свидетель-араб утверждал, что в деревне были убиты еще 93 человека; по другим свидетельствам количество убитых достигало 250. Бегин, еще не зная подробностей сражения, прислал приказ, выдержанный в духе Книги Иисуса Навина: «Примите мои поздравления по случаю столь славной акции захвата... Повсюду, как в Деир-Яссине, мы атакуем и сметем врага. О Боже, Тобою мы избраны для завоеваний». Известия об этом злодеянии быстро распространились, причем в преувеличенной форме, и несомненно, заставили бежать многих арабов в течение ближайших двух месяцев. Прямого свидетельства, что все было задумано во имя такого результата, не существует. Но в сочетании с другими факторами этот эпизод способствовал тому, что арабская диаспора на территории молодого государства сократилось всего до 160 000 человек. Это оказалось удачным.

С другой стороны, были евреи, которых побуждали или заставляли бежать из арабских стран, где в ряде случаев еврейские общины существовали по две с половиной тысячи лет. В 1945 г. в арабском мире проживало свыше 500 000 евреев. Между началом войны 15 мая 1948 г. и концом 1967 г. большинству из них пришлось бежать в Израиль: 252 642 из Марокко, 12 118 – из Алжира, 46 255 – из Туниса, 34 268 – из Ливии, 37 867 – из Египта, 4000 – из Ливана, 4500 – из Сирии, 3912 – из Адена, 124 647 – из Ирака и 46 447 – из Йемена. В итоге общее количество евреев, бежавших из арабских стран (567 654), оказалось ненамного меньше числа арабов, бежавших из Израиля. Разница в том, как их принимали и устраивали, определялась соображениями чисто политическими. Израильское правительство систематически занималось расселением беженцев, делая ставку на осуществление политики национального очага. Арабские же правительства при содействии ООН держали арабских беженцев в лагерях, обещая им несбыточное возвращение Палестины. В итоге в результате естественного прироста в 80-х годах насчитывалось больше палестинских беженцев-арабов,

чем сорок лет назад.

Этот контраст в отношении к беженцам проистекал из принципиально разного подхода сторон к переговорам. Евреи в течение двух тысячелетий были угнетенным меньшинством, которое никогда не прибегало к силе. Они поэтому были привычно склонны вести переговоры, зачастую просто для того, чтобы выжить, причем почти всегда были вынуждены вести переговоры с позиций слабой стороны. Веками у них вырабатывались не просто навыки ведения переговоров, но целая философия, направленная на то, чтобы договариваться. Они были готовы договариваться на самых невыгодных условиях, зная, что в дальнейшем все-таки можно будет что-то подправить, опять же путем переговоров. Эта предпочтительность компромиссного урегулирования по сравнению с силовым решением любых вопросов выросла в них генетически. В этом одна из причин того, что они никак не могли поверить в масштаб гитлеровских злодеяний, даже когда имели дело со свидетельством очевидцев: им невозможно было представить человека, который не хотел бы урегулирования вообще ни на каких условиях и которому требовалось бы только одно – их жизнь.

Арабы же, напротив, были расой завоевателей, чьи священные книги вдохновлялись только одним и воспитывали лишь одно: максималистское отношение к другим народам, презренным *дхимми*. Для них сама идея переговоров, направленных на окончательное урегулирование, была равносильна измене принципам. Прекращение огня, перемирие – да, это возможно и приемлемо, поскольку сохраняется на будущее возможность силового решения. Что же касается мирного договора, то это было для них равносильно капитуляции. Вот почему они не стремились к расселению и обустройству беженцев – это означало сдачу моральных позиций. Как заявляло каирское радио: «Беженцы – это оружие арабов и арабского национализма». Поэтому они без всякого обсуждения отвергли план расселения, предложенный ООН в 1950 г. И в последующие четверть столетия они отвергали неоднократные предложения компенсации со стороны Израиля. Итоги оказались ужасными и для беженцев и для их потомства. Эта позиция оказалась и источником нестабильности самих арабских государств. Она чуть не погубила Иорданию в 60-е годы. Она разрушила тщательно сбалансированную структуру в Ливане в 70-е – 80-е годы.

Различие в отношении к переговорному процессу играло еще более важную роль в определении границ Израиля. Для евреев были возможны три варианта отношения к своей воссозданной родине: как к национальному очагу, как к Земле Обетованной и, наконец, как к сионистскому государству. Первый мог очень быстро исчерпать свои возможности. Если бы все евреи захотели оказаться в месте, где могли бы быть в безопасности, такое место можно было бы отыскать где угодно, скажем, в Аргентине, Уганде, Мадагаскаре, которые рассматривались с этой точки зрения в различное время. Но очень быстро становилось ясно, что слишком мало евреев заинтересованы в этих вариантах. Единственным исключением был, пожалуй, Эль-Ариш, причем именно потому, что он расположен вблизи Палестины.

Таким образом, мы можем перейти ко второму варианту, а именно к Земле Обетованной. Так или иначе, он импонировал теоретически всем евреям, как религиозным, так и светски настроенным, за исключением разве что особо благочестивых, которые настаивали, что возврат в Сион должен быть частью мессианского события, к ним примыкали и те евреи, кто не намеревались вообще никуда возвращаться. Но что это конкретно должна быть за земля? Как мы уже отмечали, Бог, отдавая ее Аврааму, не уточнил этого обстоятельства. Должна ли она состоять из территорий, которые израильтяне населяли? Если да, то в какой период? Фактически существовало два общества и два Храма: Давидов и хасмонейский. Некоторые сионисты считали (и считают) свое государство Третьим сообществом. Но чьим преемником оно является? Царство Давида (но не Соломона) включало Сирию. Хасмонейское царство также одно время владело обширной территорией. Но эти древние сообщества в эпоху своего максимального распространения были мини-империями, в состав которых входили и подчиненные народы, которые были полуевреями, а то и вовсе неевреями. Вряд ли поэтому они могли бы служить моделями

сионистского государства, основным назначением которого было стать национальным очагом для евреев. С другой стороны, существовала сильная эмоциональная убежденность в праве евреев объявить своими те части Палестины, где они преобладали в древности. Это нашло свое отражение в плане, представленном сионистами в 1919 г. Парижской мирной конференции. В соответствии с этим планом евреям отдавалось побережье от Рафаха до Сайды и оба берега Иордана, причем восточная граница должна была проходить чуть западнее железной дороги Дамаск-Амман-Хиджаз. План, как и следовало ожидать, был отклонен, однако его основные положения продолжали фигурировать в программе Ревизионистов Жаботинского.

Обратимся теперь к варианту сионистского государства как такового, территории, которую евреи могли бы практически обрести, осесть там, развивать ее и защищать. Этот эмпирический подход был одобрен основными сионистскими организациями и стал на практике политикой государства. Он был разумным, поскольку предоставлял широчайшие возможности для применения еврейского искусства вести переговоры. Он позволял еврейским лидерам говорить, что они готовы остановиться на любых границах, в пределах которых находятся земли, занятые евреями, и которые адекватны и могут быть защищены. Поэтому на каждом этапе, будь то во времена мандата или позднее, евреи проявляли гибкость и готовность принять любое разумное предложение. В июле 1937 г. по плану раздела, предложенному комиссией Пила, им причиталась только Галилея от Метулли до Афулы и полоса побережья от Акры до точки в 32 километрах к северу от Газы, причем эта полоса пересекалась коридором, ведущим к британскому анклаву вокруг Иерусалима. Арабы же, которым согласно плану, причиталось три четверти Палестины, отвергли его без обсуждения.

К 1947 г., когда ООН выступила с новыми предложениями по разделу, заселение Палестины продолжалось, и в плане это было отражено. Он уже не предлагал евреям Акры и Западной Галилеи, которые стали в основном арабскими, но зато добавлял к их доле почти весь Негев и часть района Мертвого моря. В то время, как Пил отдавал евреям всего 20% Палестины, ООН готова была отдать им половину. Это заведомо не была Земля Обетованная, поскольку сюда не входили Иудея и Самария, весь Западный берег Иордана и, главное, сам Иерусалим. Все же евреи, хотя и нехотя, приняли этот план. Их эмпирическую философию своеобразно сформулировал бывший оксфордский академик, Абба Эбан, которому суждено было много лет занимать пост министра иностранных дел и возглавлять переговоры от имени нового государства. Евреи согласились потерять районы, важные для них с религиозной и исторической точки зрения, объяснял он, потому что «процессу развития еврейской государственности некий оттенок, связанный с возможностью раздела», был присущ начиная с того самого момента, когда появилась «конкретная историческая перспектива» – то есть с оформления мандата Лиги Наций. Сионистская политика заселения «основывалась на том, чтобы избегать всяческих конфликтов с существующими демографическими реальностями. Идея состояла в том, чтобы селить евреев там, где арабы не закрепились по-настоящему». Поскольку поселения арабов возникали там же, где в древности селились израильтяне, то в современную эпоху евреи направлялись на старую прибрежную равнину филистимлян и долину Иезрееля, которой арабы избегали из-за малярии. «Принцип поселения евреев, – говорил Эбан, – был всегда эмпирическим исходом из реалий современности, но никогда – из религиозных и исторических соображений». А потому в переговорах под эгидой ООН мы хотя и полагались в целом на исторические корни, но никогда не выдвигали требований на включение какого-либо конкретного района вблизи границы раздела, ссылаясь на древнеисторические права. Поскольку Хеврон был полон арабов, мы на него и не претендовали. Поскольку Беершеба была практически пустой, мы включили ее в список наших пожеланий. Главный тезис сионистов всегда состоял в том, что в пределах Эрец-Израэля имеется достаточно места, чтобы разместить с большой плотностью евреев, не перемещая арабское поселение и даже не нарушая глубоко укоренившиеся связи арабов».

Эта философия привела евреев к принятию ооновского плана раздела, несмотря на то, что возникающим при этом государством из-за странной географии было крайне неудобно управлять и оборонять. Но арабы вновь без всякого обсуждения отвергли план, который мог бы дать им свое Палестинское государство, и тут же попытались прибегнуть к силовому решению вопроса. В результате последовавшей за этим войны и израильских захватов в июне-ноябре 1948 г. государство Израиль заняло 80% Палестины, причем границы его, хотя и имели довольно странную конфигурацию, делали государство управляемым и обороняемым. Арабам-палестинцам же вообще не досталось территории, один Сектор Газа да Западный Берег под иорданским управлением.

Несмотря на печальный опыт общения с арабами, не желающими вести переговоры, израильтяне попытались добиться соглашения о постоянных границах на базе линии перемирия 1949 года. Это стоило бы им некоторой земли, но они были готовы пойти на это, если бы взамен Израиль получил окончательное урегулирование. Но такая сделка никогда даже не обсуждалась. Арабы отказывались от прямых переговоров с израильтянами. Различные переговоры, проводившиеся через согласительную комиссию ООН по Палестине, позволили понять, что арабы настаивали на уходе Израиля за ооновскую линию разграничения 1947 г. (которую они никогда не принимали и не признавали), причем даже без признания в ответ нового государства. В то время, как Израиль рассматривал перемирие как прелюдию к миру, арабы считали его не более чем прекращением огня (либо прелюдией к войне, когда им это окажется удобным). Более того, арабские государства не желали придерживаться условий различных соглашений о перемирии. Последние использовались лишь как ширма, прикрываясь которой можно было бы устраивать налеты *федаинов* и другие акции террора против граждан Израиля, а также всяческие бойкоты и блокады, направленные на подрыв его экономики. Для арабов перемирие было продолжением войны другими средствами. Фактически Израиль так и находится в состоянии войны с большинством своих арабских соседей с ноября 1947 г. до сегодняшнего дня.

Это привело к фундаментальной переоценке природы сионистского государства. Светские первопроходцы-евреи видели в нем некую пацифистскую и коллективистскую Утопию. Религиозные пионеры мечтали о государстве святой теократии. Теперь же и те и другие вынуждены были отдавать свою энергию государству максимальной безопасности. В каком-то смысле эта трансформация была естественной. Поселенцам вечно приходилось ставить вокруг своих жилищ по периметру ограждения для защиты от арабских мародеров. В период между войнами эта система обороны становилась все более сложной и профессиональной. Но с 1949 г. начался процесс медленного, неохотного, но неуклонного превращения безопасности в приоритетную задачу целой страны. Израильтянам пришлось не только изобретать средства внутренней безопасности, которые можно было бы противопоставить растущей изощренности арабского терроризма; им также приходилось готовить свои вооруженные силы к отражению одновременного нападения всех арабских государств. Эти задачи определяли бюджет нового государства и преобладали в его международных отношениях.

В течение первых тридцати лет своего существования, с 1948 по 1978 г., Израиль вел постоянную, а временами просто отчаянную борьбу за существование. Перемирие оказалось бесполезным. За первые 7 лет свыше 1300 израильтян были убиты во время арабских налетов, и израильские акции возмездия против баз террористов становились все более жесткими. 20 июля 1951 г. был убит последний из умеренных арабских лидеров, иорданский король Абдулла. 23 июля 1952 г. военная хунта свергла египетскую монархию, что привело 25 февраля 1954 г. к установлению популистской диктатуры Гамаль Абдель Насера, посвятившего свою жизнь уничтожению Израиля. Сталин разорвал отношения с Израилем в феврале 1953 г., за месяц до своей смерти. Начиная с сентября 1955 г., с подписанием египетско-чехословацкого соглашения о поставке вооружений, советский блок начал поставлять все возрастающее количество современного оружия арабским армиям. Опираясь на новые возможности, президент Насер начал приводить в исполнение свой план удушения,

а затем и уничтожения Израиля. Хотя эта практика и подверглась осуждению Совета Безопасности ООН в сентябре 1951 г., Египет всегда отказывал израильским судам в праве пользоваться Суэцким каналом. С 1956 г. Насер запретил им вход и в Акабский залив. В апреле он подписал военный пакт с Саудовской Аравией и Йеменом, в июне захватил Суэцкий канал, а 25 октября сформировал объединенное военное командование с Иорданией и Сирией. Чувствуя, как на шее затягивается петля, Израиль нанес 29 октября превентивный удар, высадив десант парашютистов для захвата прохода Митла на Синае. Во время последовавшей за этим молниеносной войны, взаимодействуя с англо-французскими войсками, высадившимися на берег Суэцкого канала, Израиль захватил весь Синай, занял Газу, покончил с деятельностью *феданов* и открыл морской путь в Акабу.

Синайская война продемонстрировала способность Израиля обеспечить свою безопасность даже перед лицом новейшего советского оружия, хотя военное значение победы Израиля несколько затушевывалось участием в ней англичан и французов. Соглашение, последовавшее за прекращением боевых действий, вновь носило неокончательный характер. Израиль соглашался уйти с Синая при условии, что Египет не будет ремилитаризовывать его, а силы ООН будут выполнять функции санитарного кордона. Это соглашение, сколь неудовлетворительно оно ни было, продержалось десятилетие. Впрочем, налеты и террористические акции продолжались. Сирию также вооружал советский блок. В 1967 г. Насер, реорганизовав и переоснастив свою армию, решил предпринять новую попытку захвата. 15 мая он ремилитаризовал Синай, введя туда сотысячную армию с бронетанковой техникой, и приказал силам ООН удалиться (чему они подчинились). 22 мая он вновь блокировал Акабу, перекрыв Тиранский пролив для израильских судов. Петля затянулась через 8 дней, когда король Иордании Хусейн подписал в Каире военный договор. В тот же день иракские войска заняли позиции в Иордании. В результате 5 июня израильтяне вновь почувствовали, что необходим превентивный удар. Утром этого дня они уничтожили на аэродромах практически все ВВС Египта. Иордания и Сирия недооценили успехи Израиля и вступили в войну на стороне Египта. В ответ Израиль счел себя вправе ликвидировать самые серьезные (с его точки зрения) нерешенные вопросы, оставшиеся в наследство от войны за независимость. 7 июня Израиль захватил Старый Город, отныне сделав весь Иерусалим своей столицей. К концу следующего дня он оккупировал и весь Левый берег. В течение следующих двух суток он штурмом захватил Голанские высоты в Сирии и установил позиции всего в 50 километрах от Дамаска. Одновременно был вновь занят Синайский полуостров. В результате шестидневной войны Израиль впервые установил границы, которые можно защищать, а также получил столицу и значительную часть своего знаменитого исторического наследия.

Однако эта славная победа не принесла желанной безопасности. Как раз наоборот. Она породила иллюзорную уверенность в надежности установленных линий обороны вроде так называемой Линии БарЛева к востоку от Суэцкого канала. Насер, который блистательно выигрывал битвы на поле «паблик рилейшнс» и проигрывал все военные сражения, умер, и на смену ему пришел более грозный противник – Анвар Садат. Чтобы развязать себе руки, Садат выслал в июле 1972 г. из Египта советских военных советников, что, впрочем, никоим образом не лишило его советского вооружения. Он покончил с открытыми военно-политическими союзами, которые Насер заключал с другими арабскими странами, довольствуясь секретной координацией планов. До этого времени армия Израиля теоретически уступала противнику, и израильтяне чувствовали себя просто обязанными нападать превентивно (в апреле 1948, октябре 1956 и июне 1967 гг.), чтобы пользоваться всеми тактическими преимуществами внезапности. Теперь же Израиль считал, что его силы превосходящие, и пришла очередь Садата (во взаимодействии с сирийцами) напасть на него без предупреждения в День Искупления, или Йом-Кипур (6 октября) 1973 г., добившись полной внезапности.

Египтяне и сирийцы прорвали оборонительные линии Израиля. Неожиданное для израильтян техническое совершенство арабского противотанкового и противовоздушного

оружия позволило нанести серьезные потери израильским самолетам и бронетанковым силам. Впервые за четверть века существования Государство Израиль оказалось перед лицом возможного полного поражения и второго Холокоста. Однако 9 октября продвижение сирийцев было остановлено. На следующий день в ответ на отчаянные просьбы Израиля о помощи президент США Ричард Никсон начал экстренную переброску по воздуху современного вооружения. Через два дня израильские войска начали энергичное контрнаступление на Египет, перешли на западный берег канала и стали угрожать окружением египетским частям, наступавшим на Синай. Это явилось поворотным пунктом, и Израиль двинулся к победе столь же решительно, как и в 1967 г., когда 24 октября вступило в силу соглашение о прекращении огня.

Готовность Израиля к прекращению огня диктовалась скорее политическими и психологическими, нежели военными факторами. В каждой из четырех войн для сторон результаты были неравнозначны. Арабские страны могли позволить себе проиграть много войн, Израиль же не имел права проиграть даже одной. Для Израиля победа не означала мира, но поражение Израиля было бы для него катастрофой. Израиль всегда считал Египет своим самым опасным врагом, тем, кто с наибольшей вероятностью может нанести нокаутирующий удар. В то же время Египет был наиболее «синтетическим» из противников Израиля. Его население – не совсем арабы. Он боролся за то, чтобы подкрепить свои претензии на лидерство на Среднем Востоке и поддержать свой престиж, а не из глубоко эмоциональных побуждений. Египетская территория, которую удерживал Израиль, хоть и была полезной (в 1967-73 гг. там были разведаны серьезные запасы нефти), но не являлась частью еврейского исторического наследия. В силу этих причин мир с Египтом был возможен. Ему, правда, мешало чувство ущемленной военной чести. Но его можно было излечить временем и пропагандой, которая изобразила бы первоначальные успехи 1973 г. более внушительными, чем они были на самом деле.

Было и еще одно препятствие. С момента создания Израиля им правила коалиция во главе с Партией труда, чью гибкость в вопросе о границах олицетворяла прагматическая философия, выражавшаяся в словах Аббы Эбана. Оппозиция же придерживалась в пограничном вопросе максималистской линии Жаботинского. Мир с Египтом означал бы для Израиля серьезные территориальные потери, как немедленные, так и потенциальные. Это, в свою очередь, требовало национального согласия, на которое не соглашалась оппозиция. В итоге, когда в мае 1977 г. лейбористская оппозиция проиграла выборы и впервые отдала власть ревизионистам в лице бегиновского Ликуда, то в соответствии с парадоксом, известным в демократических странах, вероятность мирного договора возросла. Именно в силу своего максимализма Бегину было удобно выторговывать мир в обмен на землю, на что страшно было решиться всем лейбористским лидерам после Бен-Гуриона.

Садат, первый арабский реалистически мыслящий лидер после Абдуллы, осознал это обстоятельство. Менее чем через 6 месяцев после победы Ликуда, 9 ноября 1977 г., он выступил с предложением о мирных переговорах. Мирный процесс был долгим и очень трудным. Он был срежиссирован президентом Джимми Картером, и финансовую базу для него обеспечивала щедрость американских налогоплательщиков, что немаловажно. Его кульминацией явились непрерывные переговоры в течение 13 дней, начиная с 5 сентября 1978 г., в летней президентской резиденции Кэмп-Дэвиде, которую Бегин не без специфического юмора назвал «концлагерь-люкс». И потребовалось еще 6 месяцев, чтобы превратить соглашение в детальный текст договора.

Достигнутый компромисс был уже подлинным, а потому и длительным. Египет признавал право Израиля на существование и гарантировал нерушимость его южной границы; тем самым он практически вычленил себя из военного баланса, впервые дав Израилю возможность почувствовать себя в настоящей безопасности. В обмен Израиль отдавал Синай вместе с нефтяными месторождениями, базами ВВС и поселениями, что с точки зрения Израиля имело существенное эмоциональное значение. Он даже был готов на уступки в вопросе о Западном Береге и Иерусалиме в обмен на дополнительный договор с

палестинцами и другими арабскими государствами. Но эта готовность пойти на жертвы оказалась не востребована. Кэмп-Дэвид предложил палестинским арабам наилучшие шансы со времен ооновского плана раздела Палестины 1947 года. И вновь они пренебрегли ими, даже не попытавшись вступить в переговоры. В результате Иудея и Самария остались в руках Израиля, хотя и в виде «оккупированных территорий», а не международно признанных приобретений. Договор, как и любой исторический компромисс, потребовал от его участников значительных жертв. Бегину он стоил нескольких старых политических друзей. Садату, самому опасно-предательскому и отважно-щедрому из врагов Израиля, он стоил жизни.

В историческом контексте израильско-египетский мирный договор имел колоссальное значение уже с момента подписания. С 1920-х годов источником силы арабов, как экономической, так и политической, всегда была нефть Персидского залива и Верхнего Ирака. Во второй половине 70-х эта нефтяная мощь неизмеримо выросла. В 60-е годы спрос на нефть возрастал быстрее, чем ее поставки. В 1973 г. эту тенденцию радикально усугубили политические акции средневоосточных нефтяных государств в ответ на «Войну Судного Дня». Цены на нефть утроились, поднявшись с 3 до 10 долларов за баррель. К концу 1977 г. цена поднялась до 12,68 долл., в 1979-80 гг. она вновь утроилась, достигнув 38,63 долл. за баррель к концу 1980 г. Удешевив доходы арабов от нефти, эта революция нефтяных цен стала огромным источником финансирования закупок оружия арабами и поддержки антиизраильского терроризма. Одновременно интенсифицировались дипломатические маневры арабов вокруг стран Запада и Третьего мира. Франция, например, построила Ираку современный атомный реактор, чей быстро развивающийся военный потенциал вынудил Израиль разбомбить его 7 июня 1981 г. Некоторые страны Третьего мира, поддавшись давлению арабов, разорвали с Израилем дипломатические отношения. Арабское влияние росло и в ООН, причем весьма энергично. В результате в 1975 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, приравнивавшую сионизм к расизму. Последователю муфтия Ясиру Арафату, лидеру главной арабской террористической группы, Организации освобождения Палестины, ООН и многие государства, ранее дружественные Израилю, присвоили статус главы правительства. Возникла реальная опасность того, что Израиль загонят в международное гетто, до того монополюльно занятое Южной Африкой.

На этом фоне мирный договор с Египтом и факт его полного выполнения обеими сторонами был серьезной поддержкой положения Израиля на мировой арене. Если бы палестинцы включились в этот момент в переговоры, нет сомнения, что Израилю пришлось бы отдать большую часть Западного берега. Но исторический шанс был упущен в пользу бесплодного терроризма, и «окно» захлопнулось. С 1981 по 1985 г. цена на нефть постепенно ползла вниз по мере того, как предложение приходило в равновесие со спросом. К январю 1986 г. она составляла 25 долларов за баррель, а в апреле упала ниже отметки 10, т. е. с учетом инфляции стала ниже, чем до Войны Искупления (Йом-Кипур). Баланс экономических и политических сил снова стал склоняться в пользу Израиля. На этом этапе, в конце 80-х годов, Израиль обладал Западным берегом уже в течение двадцати лет, и его границы, хотя местами и «временные», стали приобретать характер постоянных.

По сути дела, ложность обоих аргументов, лежащих в основе отказа арабов от переговоров (иногда они говорили, что якобы время работает на них, а не на Израиль, а также проводили неправомерные аналогии со средневековыми государствами крестоносцев), была доказана первыми сорока годами существования Израиля. Израиль превратился в страну, способную обеспечить максимальную степень собственной безопасности, не пожертвовав своей первоначальной целью – свободой, и сохранившую гибкость в ведении переговоров и эмпиризм отцов-основателей. Оказалось, что время на стороне не арабов, а израильтян. Более того, сам факт, что арабы продолжали придерживаться линии на войну, побуждал к размышлению о категориях исторических границ Израиля даже израильских эмпириков. Официальная «Годовая книга правительства» за 1951-92 гг. отмечала: «Государство было сформировано лишь в части Земли Израильской». Множество евреев

считали все новые победы Израиля моральным мандатом на расширение границ. Для благочестивых евреев в этом была рука Провидения, для светских – судьба. В 1968 г. главный раввин сефардов доказывал, что не возвращать завоеванные территории – религиозный долг. В том же году *Киббуц Дати*, представляющий религиозные коллективы, рекомендовал молитву ко Дню Независимости: «Расширь же границы нашей земли, как Ты обещал нашим праотцам, от реки Евфрата до реки Египетской. Возведи свой святой город, Иерусалим, столицу Израиля; и да установится там Твой храм, как в дни Соломона». Д-р Гарольд Фиш, ректор университета Бар-План, настаивал: «Есть лишь одна нация, кому эта земля принадлежит по доверию и завету, и это – еврейский народ. Никакие временные демографические изменения не могут поколебать тот факт, являющийся краеугольным камнем еврейской веры; как одна жена не может иметь двух мужей, так и одна земля не может принадлежать двум суверенным нациям». Победа 1967 г. породила также многопартийное движение под названием «Земля Израиля», которое стояло на том, что Государство Израиль, представляющее только израильских граждан, не имеет морального права отдавать хотя бы часть завоеванной Земли Обетованной, поскольку последняя является собственностью всего еврейского народа в целом и должна быть сохранена для грядущего воссоединения его, или Алии. Эта категория нео-сионистов, которые в подтверждение своей линии могли цитировать Герцля, Бен-Гуриона, а равно и Жаботинского, доказывала, что в Израиле поселилась пока лишь пятая часть мирового еврейства. Конечной же целью сионизма должно быть возвращение всей нации; чтобы всех разместить, нужна и вся земля.

Это, разумеется, некая гипербола, и политическую идеологию такого рода Израиль на практике всегда отвергал. В то же время в некоторых вопросах конституционного характера Израиль занимал идеалистическую позицию, считая своей неременной обязанностью принять в качестве иммигранта любого еврея, который хотел бы прибыть как *оле*, т. е. «еврея, прибывающего в Израиль на поселение». В этом была главная цель его создания. Такое положение было заложено в первой Базельской программе 1897 г., в Статье 6 мандата 1922 г., в Декларации Независимости от 14 мая 1948 г. и формально закреплено в Законе о Возвращении 1950 г. Раздел 4В Закона определяет еврея как «человека, который рожден от матери-еврейки или был обращен в иудаизм и не является адептом иной религии». Но вопрос, кто же является евреем, на практике совсем не прост. Он был одним из самых запутанных в еврейской истории начиная со времен самаритян. С ростом секуляризма он стал еще более трудным. В современной Европе зачастую евреев определяли не они сами, а антисемиты. Карл Люгер говаривал: «Еврей – это всякий, про кого я скажу, что он – еврей». Большинство современных евреев готовы считать евреем того, кто себя им чувствует. Но для судов этого недостаточно. Галахический закон настаивал на религиозном элементе. Это означало, что в Израиле потомки от смешанных браков, где мать – нееврейка, будучи израильскими гражданами, говорящими на иврите, воспитанными в духе еврейской истории и служащими в израильской армии, не могут быть юридически названы евреями, не пройдя особого процесса обращения. С другой стороны, Галахический закон объявлял, что даже обращенный еврей остается евреем. Неспособность прийти к чисто светскому определению еврея приводила к кризису кабинета министров и отставке. Когда еврей по рождению, Освальд Руфейзен, который крестился и стал кармелитским монахом «братом Даниилом», обратился в соответствии с Законом о Возвращении за разрешением на въезд, дело дошло до Верховного Суда (*Руфейзен против Министра внутренних дел*, 1962). Судья Зильберг (от имени большинства) постановил, что Закон о Возвращении является светским актом. С его точки зрения принадлежность к евреям должна определяться не согласно галахе, а с точки зрения того, как евреи вообще понимают этот термин: «По моему мнению ответ на этот вопрос четок и ясен – еврей, ставший христианином, перестает быть евреем».

Впрочем, в подавляющем большинстве случаев с определением принадлежности проблем не было. Израиль с самого момента возникновения был распахнут для *олим*. Ему приходилось принимать не только беженцев из арабских стран, но и всех перемещенных

лиц-евреев из Европы, которые хотели приехать. За первые три с половиной года население Израиля удвоилось за счет нахлынувших туда 685 000 иммигрантов, из них 304 000 – из Европы. Вторая большая волна иммигрантов (160 000) приходится на 1955-57 гг., третья (215 000) – на 1961-64. Шестидневная война вновь подстегнула процесс иммиграции. Евреи из арабских стран были примерно уравновешены прибывшими из Европы, число которых в течение 22 лет (1948-70) составило примерно 600 000. Самая большая группа прибыла из Румынии (229 779), затем – из Польши (156 011), но довольно большие контингенты прибыли и из Венгрии (24 255), Чехословакии (20 572), Болгарии (48 642), Франции (26 295), Англии (14 006) и Германии (11 522). Кроме того, приехали 58 288 из Турции, свыше 60 000 из Ирана и около 20 000 из Индии. Россия оставалась самым большим резервом потенциальных иммигрантов, но реальное количество прибывавших оттуда зависело от колебаний советской политики. За период с 1948 по 1970 г. до Израиля добрался всего 21 391 еврей из России, но зато за четыре года с 1971 по 1974 были выпущены еще свыше 100 000.

В итоге за первые четверть века существования Израиля его население выросло (в основном за счет иммиграции) с 650 000 до более чем 3 миллионов. Прием, расселение, обучение и трудоустройство вновь прибывших стало задачей, уступавшей по важности и объему бюджетного финансирования только обороне и безопасности. Доставка евреев из так называемых зон стресса требовала иногда специальных мер вроде экстренной переброски морем или по воздуху; например, так были доставлены в течение года (июнь 1949 – июнь 1950) 43 000 евреев из Йемена; другим примером являлся секретный воздушный мост, которым были перебросены в середине 1980-х годов 20 000 евреев-фалашей из Эфиопии.

В деле создания новой национальной общности роль двух важнейших инструментов играли армия и иврит. Израильские вооруженные силы, благодаря враждебности арабов, после киббуцев стали наиболее характерным продуктом сионистского государства и наиболее сильным средством трансформации мнения о евреях в мире. Кроме того, проходя через горнило военной службы, дети иммигрантов обретали эмоциональное единство с обществом. Ставка на иврит оказалась еще более замечательным достижением. Вплоть до конца XIX века абсолютно никто не пользовался ивритом как основным языком. Чтобы быть точным, он играл роль разговорного языка лишь до позднебиблейских времен, когда на смену ему пришел арамейский (мы не говорим о литургических функциях). Разумеется, он продолжал играть роль основного письменного языка иудаизма. Еврейские богословы, собиравшиеся в Иерусалиме, обнаружили, что могут общаться на нем, хотя различия в произношении между ашкенази и сефардами затрудняли взаимопонимание. Сионистское государство могло бы, конечно, легко заговорить на немецком языке или идише, но последствия этого могли оказаться ужасными. Элиезер бен-Егуда (1858—1922), который прибыл в Палестину в 1881 г., сделал возможным переход на иврит своей кипучей деятельностью. Когда он и его жена, урожденная Дебора Йонас, прибыли в Яффу, он настоял на том, чтобы в дальнейшем они общались между собой только на иврите. В итоге их семья оказалась первой ивритоговорящей в своей стране (и, конечно, в мире), а их первый сын, Бен-Цион, был первым ивритоязычным ребенком в мире с античных времен. Иврит затем продолжал развиваться как современный язык, то есть совершил то, что не удалось, скажем, ирландскому; частично это объяснялось тем, что иудаизм, рабочим языком которого был все-таки иврит, всегда присутствовал в бесчисленном множестве практических дел: трудовом процессе, домашнем хозяйстве, приготовлении пищи, освещении и отоплении, странствиях и вообще жизни. Разумеется, в первую очередь он был языком молитвы, но, кроме того, и языком поведения. Заставив себя заговорить на нем, люди удивительно быстро почувствовали, что он отвечает потребностям повседневной жизни и к тому же органически способен развиваться. Его развитию в качестве официального государственного языка весьма содействовало то, что англичане во времена своего мандата (1919 г.) дали ему равный статус с английским и арабским языками. Претензии немецкого на эту роль погубил Гитлер, а идиша, на котором в конце 30-х годов говорили свыше десяти миллионов евреев, – массовая иммиграция евреев из арабских стран после 1945 г. Иврит заработал благодаря

тому, что на нем говорила новая армия. Армия же заработала благодаря тому, что говорила на иврите. Таким образом, Израиль пошел против всех законов современной лингвистической социологии и сделал возрождение языка самоподдерживающимся процессом.

Были, конечно, и проблемы, особенно с именами и фамилиями. Правда, евреи со времен Авраама занимались тем, что меняли имена, исходя из религиозных, патриотических и культурных соображений. Бен-Егуда оживил эту практику, отказавшись от прежней фамилии «Перельман». За ним следовали и многие поселенцы трех первых алий, как только начинали изучать иврит. Так, Давид Грюн, или Грин, стал Давидом Бен-Гурионом. Позднее в этом процессе появился и элемент принуждения, и в этом была определенная историческая ирония. Известно, что в XIX веке немецкие и австрийские власти заставляли евреев тевтонизировать свои имена. Гитлер повернул этот процесс вспять. В 1938 г. немецким евреям было запрещено менять свои имена; более того, им было предписано вернуться к еврейскому варианту. Возможности евреев в этом смысле были ограничены списком «официальных еврейских имен» из 185 мужских и 91 женского. Из него был исключен ряд библейских имен, которые облюбовали немецкие граждане-неевреи: Руфь, Мириам, Йозеф и Давид. Евреи, сохранившие запрещенные имена, должны были добавлять к ним «Израэль» (мужчины) или «Сара» (женщины). Аналогичные законы приняли режимы Виши (во Франции) и Квислинга (в Норвегии). Но ни одна из таких аналогий не остановила Бен-Гуриона, чья отчаянно-яростная борьба за иврит была одним из факторов, обеспечивших его успех. Услышав однажды, что в Южную Африку пришло с визитом израильское судно под командой капитана Вишневого, он распорядился, чтобы отныне «ни одного офицера не посылали за рубеж с официальным визитом, если он не носит еврейской фамилии».

Примеру Бен-Гуриона последовал израильский правящий класс. Моше Шарет «до того» был Шертоком, Элиаху Элат – Эпштейном, Леви Эшкол – Школьником. Была образована Комиссия по еврейским наименованиям, которая составила перечень еврейских имен вместе с правилами их замены. Например, фамилию Портной следовало поменять на Порат, Тейтельбаум – на Агози, Юнг – на Элем, Новик – на Хадаш, Вольфсон – на Бен-Зев. Фокусы злокозненных австрийских бюрократов следовало компенсировать, заменив Инкдигер (хромой) на Амир (сильный), а Люгнер (лжец) – на Амיתי (правдивый). Кроме фамилий были ивритизированы и имена. Например, Перл становилась Маргалит. Надо сказать, что евреи были менее склонны менять имена, чем фамилии. Так, Голди Меерсон в соответствии с практикой израильского МИДа сменила фамилию на Меир, когда стала в 1959 г. министром иностранных дел, но отказалась стать Зехавой, ограничившись тем, что взяла имя Голда. Потребность в ивритских именах привела к тому, что пришлось старательно перелистать Библию. После этого в моду вошли Игал, Ярив, Яэль, Авнер, Авитал, Хагит и даже Омри и Зерубавель. Появились и новоизобретенные имена: Бальфура вместо Бальфур, Герцля вместо Герцль. Согласно раввину Бенциобу Каганоф, видному специалисту по еврейским именам, возрождение библейских имен привело к сознательному отказу от многих табу иудаизма, в особенности от запрета на библейские имена доавраамовых времен. Израильтяне стали нарушать его, называя своих детей Ювал, Ада, Пелег и даже Нимрод, который в Талмуде фигурирует в числе пяти наиболее нечестивых людей в истории человечества. Стали модными и другие «нечестивые» имена, как Рейма, Делия, Аталия и Цинор. Самого Бегина называли в честь Менахема, о котором в Библии сказано: «И он сделал то, что было злом в глазах Бога».

Иврит был не просто связующей силой. Он спас Израиль от языковой проблемы, которая стала проклятием стольких наций, особенно новых. Это было большой удачей, так как у Израиля хватало и других проблем. Тот факт, что в конце 1942 г. в Варшавском гетто между еврейскими политическими партиями могли идти резкие дискуссии по поводу того, как организовать сопротивление нацистам, дает некоторое представление о глубине идеологических разногласий, которые (вместе с другими) были присущи и Израилю. Основная линия раздела проходила между лейбористской партией (иногда называемой МА–

ПАЙ) с ее профсоюзным крылом Гистадрут и военной организацией Хагана – с одной стороны и ревизионистами, которые в своих инкарнациях назывались Херут, Гахал и, наконец, Ликуд; отношения были дополнительно отравлены, как мы рассказывали выше, убийством Арлозорова в 1933 г. и его последствиями. Они стали еще хуже в результате ужасной истории, которая произошла во время Войны за независимость. Бен-Гурион постоянно опасался, что Бегин, который отвергал границы раздела, установленные ООН, будет сражаться за их расширение, если Иргуну позволить действовать как самостоятельной силе. Бегин согласился влить Иргун в национальную армию 1 июня 1948 г., но продолжал пользоваться независимыми поставками оружия. Когда во время первого прекращения огня к побережью неподалеку от ТельАвива прибыло судно «Альталена» с партией оружия для Иргуна, правительство запретило Иргуну получать его. Бен-Гурион заявил кабинету министров: «Не должно быть двух государств и не должно быть двух армий... Мы должны решить, передать власть Бегину или приказывать ему прекратить свою сепаратистскую деятельность. Если он не сдастся, мы откроем огонь». Правительство приказало министру обороны обеспечить соблюдение закона. На берегу начался бой, и Бегину пришлось прорываться на борт судна, чтобы взять оружие. Игал Алон, главнокомандующий Пальмах, регулярными частями Хаганы, и его заместитель Ицхак Рабин, руководивший операцией из отеля Ритц, решили обстрелять судно из орудий и потопить его. Бегину пришлось плыть на берег, 14 человек Иргуна были убиты, и организация на этом практически прекратила существование. Бегин называл лейбористскую коалицию «правительством преступников, тиранов, предателей и братоубийц». Бен-Гурион просто назвал Бегина Гитлером.

Впоследствии лейбористская партия и ее союзники правили Израилем до 1977 г. Вместе с киббуцами, Гистадрутом, Хаганой и доминирующим положением в Еврейском агентстве они начали формировать местную правящую верхушку еще во времена мандата. После провозглашения независимости они продолжали это формирование, контролируя вооруженные силы, государственную службу и через авуары Гистадрута промышленность Израиля. Израиль во времена мандата унаследовал многие английские политические, конституционные и юридические институты. Но в одном отношении он радикально отличался от Англии, позаимствовав у социалистических партий Восточной Европы принцип, в соответствии с которым партия становится государством. В этом отношении он больше походил на Советский Союз. Различие между профессиональными политиками и профессиональными госслужащими, столь характерное для британской парламентской демократии, в Израиле практически отсутствовало. Алон отошел от командования Пальмах, чтобы стать министром и вице-премьером.

Рабин стал начальником Генштаба и позднее Премьер-министром. Двое других военачальников, Хаим Бар-Лев и Давид Элазар, также прошли через лейбористское движение. Моше Даян, самый прославленный из военачальников, вышел из Зеирим, молодежного движения МАПАЙ, так же, как и Шимон Перес, который при Бен-Гурионе возглавлял аппарат Министерства обороны, а со временем сам стал премьером. Человек мог последовательно быть депутатом кнессета, генералом, министром, послом и руководителем государственного радио. Израиль был партийным государством, но никогда не был однопартийным. Важнейшие мнения совсем необязательно принимались в кабинете министров. Назначения на государственные должности основывались, как правило, на принадлежности к партии, добившейся того или иного успеха на выборах. Каждая партия сама решала, кто чего заслужил и кого выдвигать в министерства, которые она контролирует. Лейбористское движение в целом формировало сельскохозяйственно-промышленный комплекс, охватывало значительную часть военной промышленности, жилья, страхования жизни, распределения. Оно играло, благодаря своим механизмам, решающую роль в вопросах, которые обычно относятся к компетенции правительства: трудовые соглашения, образование, здравоохранение и иммиграция. В значительной степени это коренилось в том, каким образом происходило заселение земель во времена мандата. Для структуры Израиля после провозглашения независимости были

характерны некоторые слабые стороны типичной бывшей колонии Третьего мира, возникшей как независимый режим в результате движения сопротивления, националистического движения и даже терроризма.

Многопартийная структура способствовала сохранению демократии. Однако сами партии находились в постоянном процессе взаимопроникновения, раскола, перегруппировки, переименования, образования коалиций. Между 1947 и 1977 гг. лейбористская партия МАПАЙ никогда не получала менее 32,5% голосов, но не получала и более 40%. В результате наблюдалась значительная нестабильность, несмотря на общее преобладание лейбористского движения, с трудными переговорами о создании коалиций после каждых выборов, а то и между выборами. Бен-Гурион был премьером с 1948 по 1963 г., за исключением краткого периода 1953-55 гг., когда он уступил место Моше Шарету. Многие из произведенных им назначений и снятий с должности (генералов, например) носили достаточно произвольный характер и объяснялись реакцией на внутривластные маневры. Его давняя вендетта Пинхасу Лавону, министру обороны, на которого Бен-Гурион возложил ответственность за провал разведки в Египте, была спровоцирована как внутривластными, так и общественными факторами. Партии были одновременно и выразителями интересов, и носителями определенной идеологии. Соответствующим образом шел и отбор в них, особенно среди иммигрантов. Это восходило еще к временам между двумя войнами, когда устройство на поселение было в значительной степени в ведении партии. В начале 1930-х годов существовало межпартийное соглашение о разделе дефицитной земли. После провозглашения независимости земли стало достаточно для всех, кто хотел бы заняться сельским хозяйством, поэтому партийные чиновники ездили по лагерям переселенцев с целью отбора желающих. Существовало неофициальное размежевание по религиозно-этническому принципу. Например, выходцы из Румынии, Болгарии и Югославии тяготели к светским партиям (в основном МАПАЙ), североафриканцы – к религиозной группе Мицрахи, которая входила в коалицию. Благодаря ловкости йеменской агентуры МАПАЙ эта партия практически монополизировала иммигрантов из Йемена, хотя после протестов Мицрахи ее доля была ограничена на уровне 60-65%. МАПАЙ и Мицрахи заключили также соглашение о разделе 100 000 иммигрантов из Марокко; при этом МАПАЙ брала на себя организацию эмиграции из Южного Атласа, Мицрахи – из Северного. В 1955 г. недовольство выходцев из Марокко тем, что их рассматривают как собственность и объект для оболванивания, привело к разрыву этого соглашения.

Вейцман ненавидел эту сторону политики сионизма. Когда государство образовалось, он стал его первым президентом, но проиграл бой за то, чтобы президентское правление было организовано на американский манер. В итоге он не смог стать знаменем антипартийных настроений в обществе и государстве. Это было суждено сделать Бен-Гуриону, и, надо отдать ему должное, он попытался бороться с партийной системой. Он всю свою жизнь был профессиональным партийным активистом и до самого конца был ее бойцом. Будучи премьер-министром, он делал все, что мог, чтобы отделить партию от государства, спасти государство от железной хватки партии, а также бороться с партийной машиной лейбористов (которую он прежде всего сам и создал) по вопросам политики, назначений и, не в последнюю очередь, расследования обвинений. Он вырвал аппарат премьер-министра, министерство обороны, армию и школы из рук партии. Но ему не удалось сделать то же самое с системой здравоохранения, которую Гистадрут сумел сохранить за собой. В конце концов он проникся антипатией к своим товарищам по партии, создал собственную партию (1965), а когда она провалилась, сердито удалился во внутреннюю ссылку в своем кибуце Седе-Бокер.

В отличие от Герцля, Вейцмана и даже Жаботинского, Бен-Гурион считал себя не европейцем, а евреем-среднеазиатским. Его надеждой были *сабра*, родившиеся в Израиле потомки первопоселенцев, которые могли бы превратить Израиль из европейской колонии в подлинно азиатское государство, хотя и по-своему уникальное. Он был Моисеем с печальной

вестью, который обещает своему народу кровь и слезы, труд и пот. «Это еще не нация – пока», – сказал он в конце своей жизни в 1969 г.

«Пока еще это изгнанный народ, который в пустыне мечтает о довольстве и благополучии. Его нельзя считать нацией, пока не заселены Негев и Галилея, пока миллионы евреев не съедутся в Израиль и не установятся моральные стандарты, необходимые для соблюдения этических принципов в политике и высоких ценностей сионизма. Это сейчас не толпа и не нация. Это – народ, все еще прикованный к своему прошлому в изгнании, спасенный, но пока не состоявшийся».

Тем не менее, лейбористское движение продолжало вдохновляться европейским социализмом. Это была партия городских интеллигентов, для которых киббуцами были их воскресные дачи. Это был культурный средний класс с университетским образованием. К рабочим, особенно к афро-азиатским иммигрантам-сефардам, он поворачивался лицом с ясно различимым снисходительным выражением и терпеливо объяснял, в чем для них заключается благо, – примерно так же, как некогда Роза Люксембург пыталась читать лекции немецким пролетариям. Они были настоящими аристократами нового государства, которых, пожалуй, можно было бы назвать светской катедократией. Постепенно сформировалось даже внешнее различие между правительством и оппозицией. Лейбористские государственные деятели демонстрировали простецкие рубашки с расстегнутым воротом. Ликуд Бегина щеголял в элегантных костюмах и галстуках. Так выглядела разница между социалистической интеллигенцией и инстинктивными популистами.

После ухода со сцены Бен-Гуриона зависимость лейбористского движения от слабеющего притока европейцев стала еще более явной. Напротив, вновь прибывающие с арабских территорий тяготели к оппозиции. Этот процесс начинался еще в период между войнами. Жаботинский всегда стремился привлечь на свою сторону сефардов из Леванта. Он учился наречию ладино и сефардскому произношению слов иврита. Бегин легко вписался в эту традицию. Будучи польским евреем, одним из немногих уцелевших, он имел много общего с евреями, которых жестоко изгоняли с арабских земель. Подобно им, он не чувствовал необходимости извиняться за пребывание в Израиле. Он разделял их ненависть к арабам. Как и они, он ставил еврейские интересы превыше иных соображений – по моральному праву страждущих. Подобно восточным евреям, он считал оскорблением мертвых идею насчет того, что арабы имеют якобы выбор признавать право Израиля на существование или нет. «Право существовать даровано нам Богом наших отцов, – настаивал он, – еще на заре человеческой цивилизации почти 4000 лет тому назад. За это право, освященное кровью многих поколений евреев, мы заплатили цену, равной которой нет в анналах ни одной нации». В противоположность лейбористскому истеблишменту, у него и евреев с востока была общая и очень ценная черта: полное отсутствие чувства вины.

Хватка, с которой лейбористы держали режим под контролем, была крайне крепкой и слабела лишь постепенно. Бегин был, должно быть, единственным партийным лидером в истории, который проиграл 8 выборов подряд, но сохранил свой партийный пост. При последующих премьер-министрах: Леви Эшколе (1963-69), Голде Меир (1969—1974) и Ицхаке Рабине (1974-77) поддержка, оказываемая лейбористам избирателями, постепенно слабела. Конец долгого единоличного правления лейбористов ознаменовался крупными скандалами, что неудивительно, если учесть, что они пренебрегли предупреждением Бен-Гуриона и не отделили партию от государства. В итоге на выборах в мае 1977 г. лейбористы наконец утратили монополию на власть. Они получили голосов на 15% меньше, чем прежде, и всего 32 места в кнессете. Ликуд Бегина получил 43 места, и ему было не слишком сложно сформировать коалиционное правительство. Он выиграл и следующие выборы – в июне 1981 г. После его ухода в отставку в 1984 г. установилось равновесие между Ликудом и лейбористами, что привело к договоренности о создании между ними коалиции, в соответствии с которой партии поочередно управляют страной, назначая премьера. Так Израилю удалось в конце концов прийти к своеобразной двухпартийной системе и избежать единопартийной опасности.

Следует отметить, что различия между израильскими политическими партиями, сколь глубоки и отравлены яростными страстями и историческими событиями они ни были, касались светских проблем и в конечном счете всегда заканчивались прагматическим компромиссом. Более серьезным было глубокое противоречие между светским характером лейбористского государства и религиозностью иудаизма как такового. Проблема была не нова. Требования Закона и требования мира всегда были источником напряженности в еврейском обществе. Это противоречие немедленно вырывалось на поверхность в виде открытого конфликта, как только евреи становились сами себе хозяевами. Вот почему многие благочестивые евреи верили, что евреям лучше жить под властью неевреев. Но при этом они оказывались в зависимости от доброй воли неевреев, на которую, как показала история нового времени, положиться нельзя. Новый Сион был задуман в ответ на антисемитизм XIX века и рожден сразу вслед за Холокостом. Он не был рассчитан на еврейскую теократию, а был политическим и военным инструментом выживания евреев. Короче говоря, в принципе ситуация была аналогична той, что существовала в дни пророка Самуила. Тогда израильтяне находились под угрозой истребления филистимлянами и, чтобы уцелеть, обратились к монархии. Самуил воспринял это изменение с грустью и неодобрением, ибо ясно видел, что монархия, или, как мы бы сказали теперь, государство, находится в непримиримом противоречии с правлением по Закону. В конечном счете он оказался прав. Законом пренебрегли, Бог был разгневан, и последовало вавилонское изгнание. Второе Содружество столкнулось в точности с теми же трудностями и так же погибло. Так евреи попали в диаспору. Согласно сути иудаизма изгнание должно кончиться благодаря метафизическому событию во время, назначенное Богом, а никак не благодаря политическому решению или воле человека. Сионистское государство – просто новый Саул. Предполагать, что это – новая разновидность Мессии, не только неверно, но и богохульно. Как предупреждал великий еврейский богослов Гершом Шолем, оно может лишь породить нового лже-Мессию: «Сионистский идеал – это одно, а мессианский – совсем другое. Они не соприкасаются друг с другом, разве что в пышной фразеологии на массовых сборищах, которые часто вселяют в нашу молодежь дух нового шаббатизма, который должен пасть». Правда, сионисты, которые большей частью были нерелигиозны, а то и вовсе антирелигиозны, нуждались в помощи иудаизма. У них не было выбора. Без иудаизма, без идеи евреев как народа, объединенного верой, сионизм был ничем, всего лишь эксцентричной сектой. Они нуждались и в Библии, поскольку извлекали из нее всякого рода моральные нравоучения, риторику для шумных дискуссий и идеалистических призывов, обращенных к молодежи. Бен-Гурион использовал иудаизм как путеводитель в военной стратегии. Но все это была, по сути, восточноевропейская разновидность еврейского просвещения. В сионизме нет места для Бога как такового. Для сионистов иудаизм – просто удобный источник национальной энергии и культуры, а Библия – что-то вроде основного закона страны. Вот почему большинство религиозных евреев с самого начала относилось к сионизму с подозрением, а то и с открытой враждебностью; некоторые (как мы отмечали) считали, что он – дело рук сатаны.

Но подобно тому, как Самуил согласился помазать Саула, так и религиозным евреям пришлось признать существование сионизма и определиться по отношению к нему. Существовало несколько направлений мысли, все они видоизменялись со временем, но все были ортодоксальными. Реформистский иудаизм практически не играл никакой роли в освоении Палестины и создании Израиля. Первая реформистская синагога была построена в Иерусалиме только в 1958 г. Ортодоксальные же течения различались по тому, в какой степени они признавали сионизм. Как сионисты использовали иудаизм, чтобы создать свое государство, так и некоторые благочестивые евреи верили, что можно использовать сионистский национальный дух, чтобы вернуть евреев в лоно иудаизма. Авраам Исаак Коок (1865—1935), назначенный главным европейским раввином при поддержке сионистов, придерживался той точки зрения, что новый патриотический дух евреев может укрепить соблюдение Торы при условии, что соблюдающие закон евреи самоорганизуются. И после

того, как X Сионистский конгресс (1911) высказался в пользу светских школ в противовес религиозным, основанным на Торе, первая религиозно-политическая партия, Мицрахи, возникла, чтобы бороться за Тору в рамках сионизма. В итоге во времена мандата она работала вместе с сионистами, а с момента возникновения государства вошла в правительственную коалицию. Она способствовала тому, чтобы в Израиле не произошло полного разрыва между светскими и религиозными евреями, и была скорее прослойкой между двумя лагерями, чем автономной религиозной силой.

В ответ на «предательство» Мицрахи ортодоксальные мудрецы основали в 1912 г. агудистское движение. Оно стало организованным и активным лишь когда власть в Палестине перешла к англичанам. При турецком правлении сохранялась старая система делегирования власти меньшинствам через их религиозных лидеров, что естественным образом благоприятствовало ортодоксам. Однако в соответствии со статьей 4 мандата 1922 г. англичане вручили право политического представительства всех евреев сионистам. Их Национальный Совет прочно держался в светских руках и просто передавал религиозные функции своей деятельности Мицрахи. В ответ агудисты организовали в 1923 г. массовое движение под руководством «Совета Великих людей Торы», чьи отделения приучали добропорядочных евреев отдавать свои голоса его выдвигенцам. Так возникла вторая религиозная партия. В Восточной Европе она была исключительно сильна, имела собственную прессу и лоббистов и оставалась откровенно антисионистской. Однако в Палестине она была вынуждена идти на компромиссы после того, как взлет Гитлера породил панический спрос на иммигрантские визы. Все они шли через сионистское Еврейское агентство, которое также контролировало через централизованные фонды финансирование нового поселения. Справедливости ради надо сказать, что как израильтяне перед лицом филистимлян, так и Агуда перед лицом гитлеризма не знала, как соблюсти свои принципы. Может быть, декларация Бальфура есть спасение, дарованное провидением? В 1937 г. один из ее лидеров, Исаак Брейер, внук знаменитого раввина Гирша, обратился к Совету Великих за формальным разъяснением: несет ли декларация Бальфура евреям указание свыше строить свое государство или же это есть «порождение сатаны»? Совет никак не мог прийти к единому ответу, и тогда он сам для себя принял решение. Фоном для него служили огни Холокоста, убедительно свидетельствующие в пользу компромисса с сионизмом. И окончательный вывод Брейера, что государство есть дар Небес израильским мученикам и может стать «началом Спасения» при условии, что оно будет в своем развитии опираться на Тору, лег в основу идеологии Агуды.

В результате, когда речь зашла о конкретных шагах по организации государства, Агуда потребовала, чтобы в основу его законов была положена Тора. Требование было отвергнуто. 29 апреля 1947 г. Еврейское агентство писало Агуде: «Организация государства требует утверждения ООН, а последнее невозможно без гарантий свободы совести для всех граждан государства и без ясного заявления, что его не собираются делать теократическим». Государство должно было быть светским. С другой стороны, агентство соглашалось на то, чтобы восторжествовал религиозный подход к шабату, вопросам питания и брака, а также в школах объявлялась полная религиозная свобода. Такой компромисс позволил Агуде войти при основании государства во Временный совет управления и в качестве члена Объединенного религиозного фронта участвовать в правящих коалициях 1949-52 гг. Точка зрения Агуда формулировалась следующим образом (10 октября 1952 г.):

Мир был создан во имя Израиля, и священным долгом Израиля является сохранение и исполнение Торы. Местом, где израильтянам суждено жить и хранить Тору, является Израиль. Это означает, что смыслом существования мира является установление режима Торы в земле израильской. Фундамент этого идеала уже заложен, ибо евреи уже обитают в своем национальном очаге и блюдают Тору. Но процесс еще не завершен, ибо в своей земле живут еще не все сыны Израиля и даже [пока] не все они соблюдают Тору.

Короче говоря, Агуда дала обет использовать сионизм, чтобы завершить сбор и привести всех в итоге к теократии.

Как компромиссы Мицрахи породили Агуду, так и Агуда в свою очередь породила ригористскую группу, называющую себя «Городскими Стражниками» («Нетурей Карта»). Она откололась от Агуды в 1935 г., на всех уровнях противилась основанию государства, бойкотировала выборы и государственную деятельность и объявила, что пусть лучше Иерусалим будет интернационализован, чем им будут править еврейские отступники. Группа была численно невелика и со светской точки зрения носила экстремистский характер. Но вся история евреев показывает, что ригористские меньшинства имеют свойство становиться торжествующим большинством. Более того, подобно самому иудаизму, его члены демонстрировали железную логическую последовательность. Евреи – «народ, жизнь которого регулируется сверхъестественным божественным порядком... не зависящим от нормальных политических, экономических и материальных успехов или неудач». Евреи – «не такая нация, как другие», они подвержены действию факторов, «вызывающих их взлет и падение». А поэтому создание сионистского государства не есть возврат евреев в историю (Третье Сообщество), но есть начало нового и гораздо более опасного Изгнания, поскольку «теперь дана санкция на искушение победой зла». Они часто цитировали заявление группы раввинов из Венгрии, которые по прибытии в Аушвиц признали справедливость Божьей кары, которая пала на них за слишком вялое противодействие сионизму. Сионистские притворщики, якобы представляющие народ Израиля, испепелили его душу; в то же время печи Гитлера лишь сжигали тела и освобождали души для вечной жизни. Они равным образом осуждали и Синайскую, и Шестидневную войны, считая, что те сознательно заманивали евреев своими эффектными победами в объятия сионизма, обрекая тем самым на вечную погибель. Более того, подобные победы, будучи делом рук сатаны, ведут в конечном счете к грандиозному поражению. Стражи отвергали «освобождение и защиту» со стороны сионизма вместе с его войнами и завоеваниями:

Мы не поощряем никакую ненависть или враждебность, а тем паче сражения и войны в любом виде и с любым народом, нацией или языком, ибо наша Святая Тора не повелевала нам поступать подобным образом в нашем изгнании, и даже наоборот. Боже упаси, чтобы нашими многими прегрешениями мы оказались связаны одной судьбой с этими мятежниками [против Бога]! Все, что мы можем сделать тогда, это молиться Ему, да будь Он благословен, чтобы Он отделил нас от их судьбы и даровал нам нашу.

Стражи считали себя теми «оставшимися», кто «отказался преклонить колени перед Ваалом» как во «времена Илии», либо «сесть за стол Иезавели». Сионизм есть «мятеж против Царя Царей», а потому из их теологии вытекала неизбежность того, что еврейское государство кончит катастрофой почище Холокоста.

В итоге с самого момента возникновения светское сионистское государство оказалось перед лицом тройственной религиозной оппозиции: внутри правящей коалиции; вне коалиции, но в пределах сионистского соглашения; и вне соглашения, но внутри страны. Оппозиция принимала бесконечно разнообразные обличья, от детских до яростно-насильственных. Здесь было и наклеивание марок на письма вверх ногами, и пропуск слова «Израиль» в адресе; рвали удостоверения личности; бойкотировали выборы; устраивали демонстрации, а то и вообще полноценные бунты. Государству Израиль, как и его эллинскому и римскому предшественникам, пришлось столкнуться с тем, что часть его населения, особенно в Иерусалиме, легко и часто непредсказуемо возбуждалась в результате мелких и лишенных злого умысла решений правительства. К счастью, по большей части это религиозное противостояние ограничивалось горячими дискуссиями в кнессете и особенно внутри кабинета министров. Если рассмотреть судьбу первых четырех правительств Израиля, то можно обнаружить, что не менее пяти правительственных кризисов были спровоцированы религиозными проблемами: в 1949 г. – по поводу импорта запрещенного продовольствия, в феврале 1950 г. – по поводу религиозного образования детей из Йемена во временных лагерях, в октябре 1951 и сентябре 1952 гг. – по поводу призыва на воинскую службу девушек из ортодоксальных семей и, наконец, в мае 1953 г. – по поводу школ. Эта тенденция сохранялась на протяжении сорока лет существования Израиля; религия

оказывалась гораздо более серьезным источником дисгармонии в правящей коалиции, чем расхождения по вопросам идеологии, обороны или международных отношений.

Поскольку иудаистская религия весьма богата всякого рода жесткими моральными ограничениями, спектр конфликтных проблем чрезвычайно широк. Скажем, по поводу шабата, которому придан юридический и конституционный статус: существует 39 главных (и множество второстепенных) разновидностей запрещенного труда, включая езду верхом или в экипажах, письмо, игру на инструментах, звонки по телефону, включение света или прикосновение к деньгам. Более того, один из самых что ни на есть рядовых законов иудаизма констатирует, что «всякий, кто открыто нарушает шабат, во всех отношениях подобен нееврею, и его прикосновение делает вино запретным, выпеченный им хлеб подобен хлебу нееврея, и пища, им приготовленная, подобна нееврейской». В результате закон шабата с его категоричностью вызвал серьезные проблемы в вооруженных силах, на государственной службе, а также в общественном и коллективном секторе промышленности и сельского хозяйства. Были горячие баталии по поводу субботних доек коров в киббуцах и телевизионных передач, а также множество законодательных поправок и попыток исправления взаимопротиворечащих установлений. По субботам автобусы ходили в Хайфе и не ходили в Тель-Авиве; кафе были открыты в Тель-Авиве и не работали в Хайфе; а в Иерусалиме был запрет на то и другое. Был специальный правительственный кризис по поводу субботних полетов государственной авиакомпании Эль-Аль. Была затяжная борьба в правительстве по поводу некошерной еды на судах государственной морской компании. И вообще, проблема продовольственных правил и запретов вечно была благодатной почвой для политических свар. Отели и рестораны должны были иметь «сертификаты правильности» от раввина. Согласно закону 1962 г. свинофермы были запрещены повсюду, кроме христианско-арабских регионов вблизи Назарета; исключение делалось лишь для разведения свиней в научных целях. В 1985 г. началась кампания за законодательный запрет на продажу и распределение продуктов из свинины. Правительство и раввины серьезно изучали проблему лицензирования свиньи-бабируссы из Восточной Индонезии; скотоводы настаивали, что она является млекопитающим, имеет копыта и жует жвачку. Были скандалы в правительстве и по поводу вскрытия (аутопсия), и по поводу захоронения на священных землях.

Серьезные проблемы возникали в вопросах образования. В условиях мандатного управления в стране существовали четыре типа еврейских школ: общесионистские (светские), школы Гистадрута (светскоколлективные), школы Мицрахи (Тора плюс светские) и школы Агуды (только Тора). Закон о едином образовании 1953 г. слил их в две группы: правительственные светские и правительственные религиозные школы. Агуда вывела свои школы из системы, но быстро обнаружила, что, не уделяя достаточного времени светским предметам, она теряет правительственные гранты. Секуляристы жаловались, что в школах Агуды из 32 уроков в неделю 18 отводятся Библии, Талмуду и ивриту (причем девочки больше изучают Библию и меньше Талмуд, а мальчики – наоборот) в ущерб наукам, в частности географии и истории. Религиозные же евреи жаловались, что в государственных школах из 32 уроков только 8 отводятся на религию, в том числе 3 – на иврит, причем о Библии рассказывают в светском духе, как о мифе, за исключением нескольких отрывков, которые представляют в духе ранне-сионистской истории. В конце 50-х годов возникло большое количество неприятностей в связи с путаным правительственным компромиссным планом, задачей которого было объявлено развитие «еврейского сознания» в светских школах и «национально-израильского сознания» в религиозных. В 1959 г. в трех местах произошли волнения, направленные против светской пропаганды среди детей ортодоксальных выходцев с Востока; один из их раввинов-ортодоксов горько сетовал:

«[Они] взрастили молодежь, которой не хватало высшей мудрости, но зато у нее был избыток гордости; старшее же поколение, обладавшее истинной мудростью, они извлекли из грязи. Они учили детей в школе, что здесь – на земле Израиля! – нет нужды соблюдать правила Торы. Когда мальчик приходил из школы домой и родители велели ему помолиться,

он отвечал, что учитель говорит, что это необязательно или что, по словам воспитателя, все это чепуха. Когда приходил раввин и велел мальчикам соблюдать шабат, они его не слушали, потому что или клуб проводит футбольный матч, или ждет машина, чтобы отвезти их на пляж... Если раввин начинал их со слезами уговаривать, они смеялись ему в лицо, потому что так их учил воспитатель... Мудрецы Торы заброшены в угол, а самый большой авторитет – у парней с партийным билетом».

Ортодоксов приводила также в ярость та легкость, с какой многие структуры отказались от древнего правила сегрегации полов. Вблизи центров ортодоксальности то и дело случались скандалы по поводу танцевальных залов и смешанных пляжей. Что же касается призыва девушек в армию, то Совет Великих Мужей заклеил этот закон позором и заявил, что его следует игнорировать даже под страхом смерти. Эту битву, как и многие другие, религиозные элементы выиграли.

Они одержали победу также и в важном вопросе о браке. В итоге светское государство Израиль было вынуждено отказаться от института гражданского брака. Согласно разделам 1 и 2 закона о юрисдикции раввинистских судов (вопросы бракосочетания и развода) 1953 г. под действие ортодоксальных правил подпадают даже светские союзы. Депутаты-секуляристы вынуждены были голосовать в кнессете за принятие закона, иначе Израиль оказался бы впоследствии расколот на две общины, которые не могли бы вступать в брак друг с другом. Правда, закон привел в дальнейшем к большим сложностям и длительным тяжбам, в которых оказались замешаны не только неевреи и светские евреи, но и раввины-реформисты и обращенные ими, поскольку официально правом признавать обращение пользовались исключительно ортодоксальные раввины, которые не принимали во внимание решения реформистов. Ортодоксальные эксперты по вопросам брака на совершенно законном основании, как они считали, подвергали придирчивому испытанию целые категории еврейских иммигрантов. Так, в 1952 г. были самым въедливым образом рассмотрены разводы 6000 бенеизраильтян (евреев из Бомбея); правда, в конце концов они были признаны действительными. В 1984 г. были взяты под сомнение браки евреев-фалашей из Эфиопии.

Были и споры вокруг проблем повторного брака. Как известно, Второзаконие (25:5) требует заключения брака между бездетной вдовой и братом ее покойного мужа. В принципе обязательность этого прекращается в случае *гализы*, или отказа деверя. Если он несовершеннолетний, вдова обязана подождать. Если он глухонемой и не в состоянии сказать «Я не желаю брать ее», она может не выходить замуж. Именно так случилось в 1967 г. в Ашдоде; более того, глухонемой человек был уже женат. Тогда раввинат объявил о том, что он состоит в браке с двумя женами, а на следующий день оформил его развод. Сложности начинались и в том случае, если одна из сторон, состоящих в браке, отказывается разводиться. Если отказывающейся стороной является женщина, развод хоть и затруднен, но возможен; если же на развод не дает согласия мужчина, развод вообще невозможен. В 1969 г. один муж был приговорен к 14 годам заключения за 6 случаев непристойного оскорбления и 3 изнасилования. Жена подала на развод, муж отказал, и чета осталась неразведенной согласно раввинистскому закону, причем юридически в условиях Израиля жена оказалась абсолютно бессильной. По поводу подобных случаев раввин Зерга Варгафтиг, бывший министр по делам религий, объяснял, пытаясь смягчить ситуацию: «Наша юридическая система всегда была на стороне народа. В ней может встретиться заноза, которая причинит боль конкретному индивидууму. Но нас волнует не этот факт и не этот индивидуум, а народ в целом».

Можно было бы, конечно, выразить ту же мысль и поделикатнее, но, по сути дела здесь содержалось зерно истины, с которой был связан ряд проблем молодого государства. Дело в том, что иудаизм – очень требовательная религия. В этом его сила и его слабость. Предполагается, что практикующие его – некая элита, поскольку он стремится создать идеальное общество. Это делает его во многих отношениях идеальной религией для нового государства вроде Израиля, несмотря на то, что законы иудаизма формировались примерно

за 3200 лет до провозглашения этого государства. Из-за уникальной преемственности иудаизма многие из его древнейших законов остаются до сих пор в силе и соблюдаются благочестивыми адептами. Они, правда, зачастую отражают скорее форму, чем существо религиозных истин, но необходимо подчеркнуть, что слово «ритуальный» для еврея не несет на себе оттенка осуждения. Как отмечал д-р Гарольд Фиш, ректор университета Бар-Илан:

«Само слово «ритуал» имеет в английском языке уничижительный оттенок, который восходит к протестантской традиции. В иврите же существует слово *Мицвот* (религиозный приказ), который имеет моральную власть независимо от того, идет ли речь о взаимоотношениях между людьми либо между человеком и Богом. Последняя часть свода законов содержит так называемые ритуальные требования, которые так же заслуживают одобрение, как требования этические, и столь же необходимы».

Сущность религиозного духа – в пунктуальнейшем соблюдении этих требований; и в этом опять же сила иудаизма и его особая ценность для молодого государства. Всем странам хотелось бы освятить себя ценностями, которые достались им в наследство от прошлого. Многие из сотни стран, получивших независимость после 1945 г., вынуждены были заимствовать традиции и институты у бывших колонизаторов или искать их в прошлом, зафиксированном в основном в виде устных преданий. Израилю повезло в том смысле, что его прошлое, самое древнее и богатое, было старательно и подробно зафиксировано, причем абсолютно непрерывно передавалось от поколения к поколению. Мы, правда, уже отмечали, что в исторических записях, сделанных еврейским гением, наблюдается провал между эпохой Иосифа Флавия и XIX столетием. И вновь основанное сионистское государство стало открывать себя не просто в истории, а в первую очередь в археологии. Государственные мужи и генералы, вроде Бен-Гуриона, Моше Даяна и Шала Ядина, а также тысячи простых граждан стали страстными археологами, любителями и профессионалами. Весь Израиль оказался одержим манией исследования глубокой древности.

Это стало немаловажным элементом формирования органичной нации, однако заметно уступавшим живительной силе религии, которая в прошлом сформировала еврейскую нацию как таковую, а теперь ее хранители могли проследить своих предков-раввинов до времен Моисея. Евреи выжили именно потому, что пунктуально следовали своим ритуалам и были готовы умереть за них. И следует признать правильным и здоровым, что главной чертой сионистской общины было уважение к строгому соблюдению обрядов.

Выдающимся примером стало отношение евреев к Храмовой горе, когда смелость и провидение вернули ее им вместе с остальной частью Старого Города во время Шестидневной войны 1967 г. Было сравнительно просто принять решение о восстановлении древнего гетто, из которого иерусалимские евреи были изгнаны в 1948 г. Но вот с Храмом возникали определенные трудности. Он был полностью разрушен еще в древности. Это не помешало такому авторитету, как Маймонид, заявить, что, несмотря на разрушения, место, где стоял Храм, остается святым на веки вечные. *Шекинья* никогда его не покидала, и именно поэтому евреи всегда приходили сюда молиться, особенно к Западной Стене, которая, как верили, подходила ближе всего с запада к Святой Святым. Но, поскольку место, где стоял Храм, сохраняло свою святость, прежде чем евреи могли приблизиться к нему, они должны были стать ритуально чистыми. Правила чистоты, окружавшие Храм, были самыми строгими из всех. Святая Святым вообще считалась закрытой для всех, кроме первосвященника, да и он мог входить туда лишь раз в год, в День Искупления. Поскольку это место приравнивалось к моисееву «лагерю Израиля», который некогда окружал святилище, к нему относились правила чистоты, упоминаемые в Книге Чисел. В этой книге Бог формулирует для Моисея как причины нечистоты, так и средства очищения. Человек может стать нечистым в результате прикосновения к трупам, гробам или человеческой кости, а также нахождения с ними под одной крышей. А затем добавляется: «Для нечистого пусть возьмут пепла той сожженной жертвы за грех, и нальют на него живой воды в сосуд; и пусть кто-нибудь чистый возьмет иссоп, и омочит его в воде, и окропит шатер и все сосуды и людей, которые находятся в нем, и прикоснувшегося к кости человеческой, или к убитому,

или к умершему, или ко гробу».

Жертва (телица) должна быть рыжей и «без порока, у которой нет недостатка, и на которой не было ярма». И, самое важное, критическую часть операции должен был произвести, дабы избежать осквернения, Елеазар, наследник Аарона. Когда он приготовит смесь, она должна храниться в «чистом месте» до того момента, когда потребуется. Авторитеты настаивали на том, что настоящие жертвы – вещь дорогая и редкая: если у животного хотя бы два волоска не рыжие, его пепел уже не годится. Они расходились во мнениях, сколько жертв было некогда сожжено: одни говорили – семь, другие – девять. После разрушения Храма уже нельзя было приготовить новый пепел. Оставшийся запас постепенно использовался для очищения тех, кто контактировал с мертвыми, вплоть до периода Аморы. Затем он пришел к концу, и очищение стало невозможным – до тех пор, пока не придет Мессия, чтобы сжечь десятую телицу и приготовить новую смесь. А поскольку правила чистоты были и есть весьма строги, особенно в вопросах контакта с умершими, то мнение раввинов сводится к тому, что в настоящее время все евреи нечисты в ритуальном смысле. Но раз не имеется пепла для их очищения, то ни один еврей не может взойти на Храмовую Гору.

Закон о Рыжей Телице приводится в качестве выдающегося примера *зукки*, иудаистского правила, которому нет рационального объяснения, но которому необходимо строго следовать, поскольку оно установлено свыше, причем предельно конкретным образом. Это образчик правила, которое вечно было поводом для насмешек со стороны неевреев. Одновременно это было одно из правил, которые евреи безоговорочно соблюдали, невзирая на все неудобства, и тем сохраняли свою идентичность. Так, например, как минимум с 1520 г. евреи молились у Западной Стены, но никак не за ней. После того как еврейский квартал Иерусалима пал в 1948 г., арабы перестали давать евреям не только пользоваться Западной Стеной, но и даже смотреть на нее издали. Это продолжалось 19 лет. С возвращением в 1967 г. в Старый Город евреи вновь получили доступ к Стене, и в первый день Шаббата в этом году четверть миллиона евреев-ортодоксов устремилась туда для молитвы. Все пространство перед Стеной было расчищено и вымощено. Однако, что касается доступа евреев на Храмовую Гору, с этим ничего нельзя было поделать. К каким только раввинистским ухищрениям ни прибегали, лишь бы позволить евреям вступить хотя бы в часть этой зоны. Но, в конце концов, мнение раввинов свелось к следующему: вся зона считается запретной для евреев, которые действительно веруют. И главный раввинат вместе с министерством по делам религий развешал объявления, запрещающие евреям посещать Гору под страхом *каре́та* («искоренения», или потери вечной жизни). Тот факт, что тысячи евреев игнорировали это предупреждение, использовали как свидетельство бессилия раввинов. Однако тот факт, что большое число благочестивых евреев удержались от посещения этой зоны, несмотря на огромную тягу, столь же важен, если не сказать более.

У иерусалимских раввинов была еще и дополнительная причина проводить жесткую линию в этом вопросе. Они хотели отбить у простых евреев охоту приравнивать военные победы сионистов, вроде возвращения Старого Города, к исполнению мессианских пророчеств. Тот же аргумент использовался и при обсуждении предложений о восстановлении Храма. Надо сказать, что попытка претворить подобное предложение в жизнь встретила бы ожесточенное сопротивление всего мусульманского мира, так как бывшее основание Храма в настоящее время занято двумя исламскими сооружениями огромного исторического и художественного значения. Тем не менее, эту идею обсуждали с характерной для раввинов основательностью. Разве не восстановили евреи Храм по велению Господню, вернувшись из первого, вавилонского изгнания, и разве нельзя это считать прецедентом теперь, по окончании великого изгнания? Нет, ссылаться на этот прецедент можно будет лишь тогда, когда на этой земле заживет большинство евреев, а пока этого не произошло. Но разве во времена Ездры Храм не был восстановлен, хотя число евреев, возвратившихся из Вавилона, было меньше, чем теперь? Да, это так, но на сегодня веления Господня не поступало; Третий Храм будет воздвигнут сверхъестественным образом в

результате прямого вмешательства Бога. Но ведь подобный аргумент уже использовался некогда против сионизма как такового; разве жизнь не доказала его ложность? Ведь и сооружение Первого Храма приписывали Богу, хотя построил его, несомненно, Соломон. Да, конечно; но, с другой стороны, Храм не мог быть сооружен во времена Давида, так как последний был воителем, и необходимо было дождаться мирной эпохи Соломона.

Так и сегодня: пока не наступит окончательный мир, Третий Храм не может быть сооружен. Но даже тогда потребуется настоящий пророк, чтобы вдохновить на такую акцию, не говоря уже о таких подробностях, как то, что утрачены детали сооружения, которые Господь сообщил лично Давиду. Да, утрачены; но в то же время детали Третьего Храма описаны в Книге Иезекииля. Возможно, но, отложив в сторону технические вопросы, примем во внимание, что нынешнее поколение не готово и не желает восстанавливать Храм и вернуться к былому служению Богу. Для последнего потребовалось бы духовное пробуждение. Именно так, но разве можно представить себе лучший способ духовного пробуждения, чем приступить к восстановлению Храма? Так и шел этот обмен аргументами и контраргументами, пока большинство не решило: пока ничего нельзя сделать. Было отвергнуто даже предложение совершить ритуальное жертвоприношение пасхального агнца, поскольку, во-первых, неизвестно, где точно находился алтарь, во-вторых, были определенные сомнения в родословной нынешних коэнов, или *коханим*, и, не в последнюю очередь, хотя и в-третьих, слишком мало известно о ритуальной одежде священнослужителей, чтобы ее можно было точно воссоздать.

Храм и все споры вокруг него олицетворяют религиозное прошлое, которое является живой связующей силой в новом обществе Израиля. Но существует и светское прошлое, от которого стремились уйти, создавая сионистское государство. Его символом был Холокост; даже больше, чем символом, – прискорбной реальностью, в тени которой создавалось молодое государство и которая накрепко осталась в коллективной памяти нации. Иудаизм всегда был сосредоточен не только на законе, но и, так сказать, на его логическом завершении – справедливости. Бесконечно повторяющейся и прискорбной особенностью еврейской истории в Изгнании были бесчисленные обиды, нанесенные евреям как таковым, и неспособность общества неевреев воздать обидчикам по заслугам. Еврейское государство было, по крайней мере, частично, ответом на величайшую из всех несправедливостей. Одной из его задач было стать орудием возмездия и показать всему миру, что евреи наконец-то могут нанести ответный удар и воздать по Закону тем, кто был к ним несправедлив. Преступление Холокоста было столь грандиозно, что и Нюрнбергские процессы, и механизмы справедливой расплаты, функционировавшие, как мы рассказывали, в ряде европейских стран, были, попросту говоря, неадекватны. Уже в 1944 г. департамент Политического управления Еврейского агентства, который возглавлял тогда будущий премьер-министр Моше Шарет, начал собирать материалы по нацистским военным преступникам. После образования Израиля выслеживание виновных и организация их встречи с правосудием стали обязанностью ряда израильских служб, в том числе секретных. Деятельность эта не ограничивалась рамками Израиля. В ней приняли участие многие еврейские организации, национальные и международные, включая Всемирный еврейский конгресс. Включились в нее и те, кто выжил. В 1946 г. Симон Визенталь, 38-летний чешский еврей, который провел 5 лет в различных лагерях, включая Бухенвальд и Маутхаузен, организовал вместе с 30 другими бывшими узниками лагерей Еврейский центр исторической документации, который в конце концов нашел постоянное пристанище в Вене. Он сосредоточил свою деятельность на поиске нацистских преступников, не представших перед судом, а потому и не осужденных. Холокост стал предметом интенсивных исследований в научных и образовательных целях, и прежде всего эта деятельность должна была привести к воздаче преступникам должного. К 80-м годам только в университетах США и Канады существовало 93 курса исследований Холокоста, а также 6 исследовательских центров, посвященных исключительно этому вопросу. В Лос-Анджелесе, в Центре исследований Холокоста имени Визенталья, была использована новейшая техника, чтобы создать, как это

называли, «многоэкранный с многоканальным звучанием аудиовизуальный образ Холокоста»; в состав комплекса входил экран в форме арки размером 12 метров высотой и 7 метров длиной, три кинопроектора со специальной оптикой «Синемаскоп», 18 диапроекторов и пентафоническая аудиосистема, причем все это контролировалось и синхронизировалось центральным компьютером. Эта деятельность по воссозданию реальных событий не может показаться излишней, если учесть, сколько в это время предпринималось попыток антисемитами доказать, что ничего этого не было совсем или же хоть и было, но было уж слишком преувеличено.

Но, конечно, главной целью сбора документов о Холокосте оставалась справедливость. На счету лично Визенталя свыше 1100 нацистов, переданных в руки правосудия. Он собрал значительную часть материала, который позволил израильскому правительству опознать, арестовать, судить и приговорить человека, который после Гимmlера был главным администратором-палачом Холокоста – Адольфа Эйхмана. Агенты Израиля арестовали его в Аргентине в мае 1960 г. и тайно доставили в Израиль; ему было предъявлено обвинение по 15 статьям закона 1950 г. о наказании нацистов и их пособников. Суд над Эйхманом имел по ряду причин важное значение, реальное и символическое, для израильтян и еврейского народа в целом. Он самым наглядным образом показал, что прошло время, когда те, кто убивал евреев, оставались безнаказанными, и что нигде в мире нет такого места, где бы они могли спрятаться. Процесс освещался 976 иностранными и 166 израильскими корреспондентами и, в силу особенностей обвинения, которое охватывало как Холокост в целом, так и события, которые вели к нему, позволил донести до миллионов людей факты массового уничтожения людей. Одновременно он демонстрировал методичную пунктуальность израильской юстиции в этой столь эмоциональной сфере.

Первая реакция Эйхмана на задержание состояла в том, что он признался, что он – это он, и признал как свою вину, так и право евреев наказать его. 3 июня 1960 г. он заявил: «Если это способно сделать акт искупления более внушительным, я готов публично повеситься». Позднее он менее охотно сотрудничал со следствием и придерживался линии, хорошо знакомой еще с Нюрнберга: дескать, он был лишь винтиком в машине, исполняющим приказы кого-то другого. Надо сказать, что на этом суде обвинению противостояла активная, изобретательная, упорная и хитрая защита. Кнессет принял специальный закон, позволявший иностранцу (германскому советнику д-ру Роберту Серватиусу) защищать Эйхмана, причем правительство Израиля выплатило ему гонорар (в размере 30 000 долларов). Процесс был долгим и трудным; в частности, было нелегко доказать компетентность суда и его право судить обвиняемого, несмотря на обстоятельства его ареста. Тем не менее, соответствующее решение было принято 11 декабря 1961 г. Совокупность доказательств делала приговор неизбежным. 15 декабря 1961 г. Эйхман был приговорен к смертной казни, а 29 мая 1962 г. была отклонена его апелляция. Президент Ицхак Бен-Цви получил прошение о помиловании и целый день в одиночестве размышлял над ним. В Израиле ни до, ни после никого не казнили, и многие евреи в стране и за ее пределами предпочли бы обойтись без петли. Но подавляющее большинство было согласно с приговором, и президент, как ни старался, не смог найти в деле никаких смягчающих обстоятельств. Одна из камер в тюрьме Рамла была специально оборудована для казни, для чего в полу был устроен люк, а над ним установлена виселица. Около полуночи 31 мая 1962 г. Эйхман был казнен, тело сожгли, а пепел развеяли над морем.

Дело Эйхмана продемонстрировало эффективность, справедливость и твердость действий Израиля. Оно способствовало изгнанию призраков «окончательного решения» и было необходимым этапом в истории Израиля. Однако Холокост оставался фактом, определяющим израильское национальное сознание. В мае 1983 г. израильский Центр исследования общественного мнения Смита проводил опрос, касающийся отношения израильтян к Холокосту. Результаты показали, что подавляющее большинство израильтян (83%) видели в нем решающий фактор, определяющий их видение мира. Директор Центра Ханок Смит сообщал: «Холокост очень сильно повлиял на настроение израильтян, даже во

втором и третьем поколениях». Причем отчетливо прослеживалось влияние Холокоста на исторические цели Израиля. Преобладающее большинство (91%) опрошенных считали, что лидеры Запада знали о массовых убийствах, но мало что сделали, чтобы спасти евреев; чуть меньшая доля (87%) были согласны с формулировкой: «Холокост научил нас, что евреи не могут полагаться на неевреев». Около 61% считали Холокост главным фактором образования Израиля, а 62% верили, что существование последнего делает повторение Холокоста невозможным.

В итоге, подобно тому, как коллективная память о рабстве у фараонов преобладала в раннеизраильском обществе, так и Холокост формировал новое государство. В нем неизбежно присутствовало ощущение утрат. Гитлер истребил третью часть всех евреев, в первую очередь благочестивых и бедных, на которых в особенности держался иудаизм. Потери можно оценить и в светских категориях. В XIX – начале XX столетий мир был невероятно обогащен освобожденными талантами, которые буквально фонтанировали из старых гетто; они стали основной созидательной силой цивилизаций Европы и Северной Америки. Этот процесс продолжался до тех пор, пока Гитлер не уничтожил его источник. Никто уже не узнает, что при этом потерял мир. Для Израиля последствия были буквально опустошительными. Они ощущались как на личном уровне, поскольку огромное число его граждан потеряли буквально всю родню и друзей детства, так и коллективно, поскольку на треть уменьшилось количество тех, кто мог бы участвовать в строительстве государства. Но сильнее всего потери ощущались, пожалуй, на духовном уровне. Высшая ценность, которую придавал иудаизм человеческой жизни (вспомним хотя бы о том, как долго и горячо израильтяне дебатировали, прежде чем лишить жизни Эйхмана), делал убийство такого количества людей, особенно бедных и благочестивых, которых любит Господь, событием, с трудом поддающимся восприятию. Даже для простой констатации факта потребовалась бы новая Книга Иова. Эту проблему затронул видный иудаистский богослов Авраам Джошуа Гершель (1907-73), которому удалось вырваться из Польши всего за шесть недель до катастрофы. «Я, – писал он, – как головешка, которую выдернули из огня у алтаря Сатаны, где во имя зла сгорели миллионы человеческих жизней, не говоря уже и о многом другом: божественных образах человеческих существ, вере многих людей в справедливого и сострадательного Бога, которая пестовалась в человеческих сердцах два тысячелетия». Почему это случилось? Новый Сион начинался с этого вопроса, на который ответа не было, а возможно, и никогда не будет.

Впрочем, был ряд граней положения евреев в мире, где с времен, предшествующих Холокосту, произошли существенные улучшения. Во-первых, было организовано национальное еврейское государство. На этом Изгнание, разумеется, не кончилось. Да и могло ли? Изгнание, как отмечал Артур Коэн, не было исторической случайностью, которую можно было бы исправить созданием светского национального государства; скорее это – метафизическая концепция, «некий некорректируемый исторический коэффициент». Большинство евреев оставались за пределами государства. Так было всегда, начиная с вавилонского изгнания. В Третьем Сообществе, как и во Втором, состояла всего четвертая часть евреев. И теперь, когда подходило к концу четвертое десятилетие существования Израиля, не было признаков того, что эта пропорция заметно изменится. Тем не менее, реализация светского Сиона дала мировому еврейству живое, бьющееся сердце, какого у него не было две тысячи лет. Она создала фокус глобального сообщества, какого не в силах были обеспечить ни старые благочестивые посещения, ни идея Возврата, сколь успешными бы они ни были. Строительство Израиля было для XX века тем же, чем ранее было восстановление Храма. Причем подобно Храму времен Ирода Великого, у него были и отрицательные черты. Но важно, что он существовал. Сам факт его существования, возможность посетить его и жить там придавали диаспоре совершенно новое измерение. Он был постоянным источником озабоченности, иногда достаточно эмоциональной, зачастую предметом гордости. После того как Израиль возник и доказал, что может себя защитить и оправдать, ни одному из членов диаспоры не приходилось более стыдиться того, что он –

еврей.

Это было важно, поскольку даже в конце XX века в диаспоре сохранялись полюса крайнего богатства и невероятной нищеты, и вообще она была довольно разношерстной. В конце 30-х годов на Земле обитало почти 18 миллионов евреев. К середине 80-х еврейское население еще не оправилось от потерь, причиненных Холокостом. Из общего количества в 13,5 млн евреев 3,5 миллиона жили в Израиле. Самая же крупная еврейская община находилась в Соединенных Штатах (5 750 000); в сочетании с крупными еврейскими общинами в Канаде (310 000), Аргентине (250 000), Бразилии (130 000) и Мексике (40 000), а также с десятком более мелких общин это означало, что на Американском континенте проживает примерно половина мирового числа евреев (6,6 миллиона). Следующей по размерам после США и Израиля была община в Советской России (1 750 000). Заметное количество евреев проживало в Венгрии (75 000) и Румынии (30 000); всего в европейских соцстранах – 130 000. В Западной Европе евреев проживало чуть более 1 250 000; основные общины находились во Франции (670 000), Англии (360 000), Западной Германии (42 000), Бельгии (41 000), Италии (35 000), Голландии (28 000) и Швейцарии (21 000). В Африке за пределами Южно-Африканской Республики (105 000) оставалось совсем немного евреев, если не считать заметно поубавившихся общин в Марокко (17 000) и Эфиопии (по оценкам, около 5000). В Азии оставалось около 35 000 евреев в Иране и 21 000 в Турции. Суммарная численность австралийской и новозеландской общин составляла еще 75 000.

История, состав и происхождение некоторых общин отличались заметной сложностью. В Индии, например, в конце 40-х годов проживало около 26 000 евреев трех основных типов. Около 13 000, так называемых Бене-Израэль («Дети Израиля») жили в Бомбее и вокруг него на Западном побережье. Эти евреи потеряли свои летописи и книги, но сохранили подробную устную историю своей миграции, зафиксированную в письменном виде только в 1937 г. Согласно этим преданиям они бежали из Галилеи, спасаясь от преследований Антиоха Епифания (175—163 гг. до н.э.). Их корабль потерпел крушение в 50 км к югу от Бомбея, и выжило всего 7 семей. Хотя у них не сохранились религиозные книги и они вскоре забыли иврит, они продолжали чтить шабат и ряд еврейских праздников, практиковали обрезание и еврейскую пищу и помнили *Шему*. Они говорили на языке маратхи и следовали ряду индийских кастовых обычаев, причем разделяли себя на гоа (белых) и кала (черных), что позволяет предположить две волны поселения. Были еще кочинские евреи, количество которых достигало одно время 2500, которые жили на Западном берегу в тысяче километров к югу. У них имелся своего рода основополагающий документ в виде двух медных пластин с гравировкой на старотамильском, где перечислялись дарованные им привилегии; его датируют 974—1020 г. н.э. В данном случае заселение явно происходило в несколько этапов; раньше всех прибыли черные кочинские евреи, за ними в начале XVI века последовали белокожие евреи из Испании, Потругалии, а, возможно, и других стран Европы (а также Среднего Востока). Внутри черной и белой групп кочинских евреев существовали еще и подгруппы. В дополнение к ним имелась еще одна крупная группа – *мешцарарим*, низшая каста потомков былых связей между евреями и рабынями-наложницами. Ни одна из этих трех основных кочинских групп не участвовала вместе в религиозных церемониях. Кроме того, имелось еще около 2000 евреев-сефардов из Багдада, которые приехали в Индию между 1820 и 1830 годами, и последняя волна беженцев из Европы, прибывших в 1930-е годы. Последние две категории вступали друг с другом в контакты по религиозным (но не социальным) вопросам, но никто из них никогда не посещал те же синагоги, что и Бене-Израэль или кочинские евреи. Все белокожие евреи и многие чернокожие говорили по-английски и процветали в годы британского правления. Они успешно служили в армии и государственных учреждениях, занимались оптовой и розничной торговлей, ремеслом, посещали Бомбейский университет, изучали иврит, переводили еврейских классиков на маратхи, а выучившись, становились инженерами, юристами, учителями и научными работниками. Один из них в 1937 г. стал мэром Бомбея – центра всех еврейских групп в Индии. Ставшая независимой Индия была к ним менее благосклонна, и с возникновением

Израиля большинство предпочли эмигрировать, так что к 80-м годам осталось чуть больше 15 000 Бене-Исраэль и всего 250 евреев на кочинском берегу.

Выживание подобных групп свидетельствовало не столько о спасительной силе иудаизма, сколько о его невероятной приспособляемости даже к самым неблагоприятным условиям. Однако нельзя отрицать, что катаклизмы XX века практически уничтожили десятки еврейских общин, в том числе многие из самых древних. Например, послевоенный коммунистический режим в Китае выступил с собственным вариантом окончательного решения еврейского вопроса применительно к своему населению. Значительная часть евреев появилась в Китае в результате эмиграции из Советской России и Европы, захваченной Гитлером; в то же время в их число входили потомки евреев, живших в Китае с VIII века. Все они бежали или были изгнаны, после чего одинокими форпостами на Дальнем Востоке остались Гонконг (около 1000 евреев) и Сингапур (400).

В арабском мире в конце 40-х – 50-х годах исторические общины сефардов сократились в несколько раз по сравнению с довоенным количеством или вообще прекратили существование. В больших районах Европы евреи, которые выжили или вернулись, узнав ужасы Холокоста, были вытолкнуты дальше, в эмиграцию, особенно в Израиль. Население города Салоники, говорящее на языке ладино, составляло в 1939 г. 60 000 человек и всего 1500 – в 80-е годы. Венское обширное и плодовитое еврейство, едва ли не самое одаренное из всех общин, сократилось с 200 000 до менее чем 8000 человек. Даже останки самого Герцля, похороненные на городском кладбище Деблинг, были вывезены в 1949 г. в Иерусалим для перезахоронения. Амстердамских евреев было в 30-е годы почти 70 000, а через 40 лет с трудом набиралось 12 000. Евреи Антверпена, сделавшие его алмазным центром Запада, продолжали заниматься своим ремеслом, но их количество в городе в 80-х годах упало с 55 000 до 13 500. Древняя община Франкфурта, некогда так знаменитая своими финансовыми успехами, сократилась с 26 158 (1933 г.) до 4350 (1970-е гг.). В Берлине, где в 20-е годы почти 175 000 евреев сделали его культурной столицей мира, в 70-х годах их оставалось всего около 5500 (плюс еще 850 человек в Восточном Берлине). Самый глубокий вакуум возник в Польше, где к 80-м годам довоенное еврейское население в 3 300 000 упало до примерно 5000. В десятках городов, которые ранее славились синагогами и библиотеками, евреев не осталось вовсе.

В то же время наблюдалась определенная преимущество и даже рост. Например, итальянское еврейство с удивительной стойкостью перенесло нацистскую эпоху. 29 000, уцелевших к концу немецкой оккупации, постепенно за послевоенный период превратились в 32 000; это, впрочем, объяснялось эмигрантами, которые добирались до Италии с севера и востока. Исследование, проведенное в 1965 г. Еврейским университетом (Иерусалим), показало, что итальянская община, подобно многим другим в развитых странах, имеет очень уязвимые демографические характеристики: уровень рождаемости среди итальянских евреев составлял всего 11,4 на 1000 по сравнению с 18,3 для населения в целом. Аналогично ниже и цифры по фертильности и доле состоящих в браке; выше были лишь смертность и средний возраст (41 против 33). В Риме находилось старое гетто Трастевере, где евреи со времен королей раннего средневековья вели жалкое существование в качестве старьевщиков и мелких разносчиков. Здесь богатые евреи жили буквально рядом с беднейшими – как всегда. Тридцать семей элиты, Scuola Tempio, могли проследить свое происхождение на протяжении 1900 лет со времен императора Тита, когда их привезли в Рим в цепях после разрушения Храма. Римские евреи жили в тени величественной церкви, которая поочередно эксплуатировала, преследовала и защищала их. Соответственно и они то отрицали ее, то сливались с ней; даже их главная синагога на Лунготovere Ченчи, рядом с воротами старого гетто, являет собой прекрасный пример итальянского церковного барокко. Именно там в апреле 1986 г. папа Иоанн-Павел II оказался первым понтификом, посетившим службу в синагоге, читая псалмы по очереди с главным римским раввином. Он сказал, обращаясь к еврейской конгрегации: «Вы – наши горячо любимые братья, причем в некотором смысле старшие братья». Намерения его были, конечно, добрыми, но ударение на слове «старшие»

несколько нарочитым.

Во Франции в послевоенный период наблюдался явный рост еврейской общины как по численности, так и по активности. Нацисты и их союзники-вишисты истребили 90 000 из 340 000 довоенного еврейского населения, причем эта традиция усугублялась тем, что местная хорошо устроенная и интегрированная община в некоторых отношениях способствовала депортации беженцев. В дальнейшем эта потеря была более чем компенсирована мощным притоком иммигрантов-сефардов из мусульманского мира в течение трех послевоенных десятилетий: 25 000 – из Египта, 65 000 – из Марокко, 80 000 – из Туниса и 125 000 – из Алжира, а также меньшим, но ощутимым количеством из Сирии, Ливана и Турции. В итоге еврейская община во Франции более чем удвоилась, став четвертой по численности в мире (свыше 670 тысяч).

Этот мощный демографический прирост сопровождался глубокими внутренними переменами. Французские евреи всегда относились к наиболее ассимилированным, особенно после того, как Французская революция позволила им почти полностью отождествить себя с республиканскими институтами. Подлое поведение многих французов при режиме Виши привело к определенной потере доверия к ним со стороны евреев; отражением этого было, в частности, то, что за 12 лет с 1945 по 1957 г. переменили имена столько же французских евреев, сколько сделали это с 1803 по 1942 г. Впрочем, само по себе абсолютное их количество было невелико, и сильная склонность к ассимиляции оставалась в послевоенный период характерной чертой французских евреев. В самом центре современной французской культуры находились писатели вроде Раймона Арона, а спокойно-уравновешенный и высокоинтеллектуальный верхний слой еврейского среднего класса порождал видных премьер-министров (Рене, Майер, Пьер Мендес-Франс в Четвертой республике, Мишель Дебре и Лоран Фабиус – в Пятой). Тем не менее, приток сефардов из Африки резко усилил, так сказать «еврейскость» французских евреев. Большинство из них были франкофонами, но довольно большой процент читал на иврите. У французских евреев XIX века существовала «теория трех поколений»: «Дед верит, отец сомневается, сын отрицает. Дед молится на иврите, отец – на французском, сын не молится вовсе. Дед соблюдает все праздники, отец – только Йом-Кипур, сын не чтит ни одного. Дед оставался евреем, отец ассимилировался, а сын в лучшем случае сохранял веру в Бога «вообще»... если не становился атеистом, последователем Фурье или Сен-Симона». В послевоенной Франции эта теория больше не работала. Скажем, стало вполне вероятным, что сын вернется к религии деда, оставив отца в объятиях его агностицизма. На Юге приток алжирских евреев возродил мертвые или умирающие средневековые общины. Например, в 1970 г., прославленный композитор Дарьюш Мило заложил камень в основание новой синагоги в Э-ан-Прованс (старая была продана во время войны и превращена в протестантскую церковь). Причем новые синагоги были не единственным признаком возрождения еврейства, которое носило и религиозный и светский характер. В 1960-70-х годах лидеры старого «Альянс Израэлит Универсаль» стремились побуждать евреев к активной позиции в стране и за рубежом. Все больший процент евреев соблюдал Закон и изучал иврит. Сохранение остатков французского антисемитизма, хотя и ослабевшего по сравнению с 30-ми годами, усиливало боевые настроения в среде евреев. Когда он приобретал парламентские формы (пужадисты в 50-х годах, Национальный Фронт в 80-х), еврейские организации давали энергичный ответ, отстаивая свои убеждения. Взрыв бомбы в синагоге на Рю-Коперник 3 октября 1980 г., один из нескольких, прозвучавших в этот период, послужил стимулом для еврейского обновления, как его называли. Надо сказать, что французские евреи, хотя и ставшие более многочисленными в результате иммиграции из Африки, имели довольно стойкий иммунитет к сионизму и не очень рвались в Израиль. Они, однако, солидаризировались с борьбой Израиля за существование в 1956, 1967 и 1973 гг., а также в начале 80-х и резко осуждали политику французского правительства, если считали, что она враждебна еврейским и израильским интересам. Они сформировали впервые во Франции еврейское лобби, и на выборах 1981 г. голоса евреев были важным фактором смены деголлевского правого режима,

который правил Францией в течение 23 лет. Во Франции стал формироваться новый, гораздо более заметный и активный еврейский истеблишмент, сознающий свою количественную силу и молодость и претендующий на то, чтобы играть в 90-е годы более важную роль в формировании общественного мнения диаспоры.

Сильный французский голос в диаспоре можно было только приветствовать, особенно с учетом того, что немецкий голос практически умолк в гитлеровскую эпоху. Кстати, в последние десятилетия, особенно в связи с упадком идиша, голос диаспоры стал звучать в основном на английском языке. В известном смысле важность возвращения евреев в Англию в 1646 г. определяется тем, что свыше половины евреев мира говорят теперь по-английски: 850 000 в странах Британского Содружества (плюс Южная Африка) и почти 6 миллионов в Соединенных Штатах. По-настоящему английский этап в истории евреев наступил с зарождением современного сионизма, с Декларацией Бальфура и Британским мандатом. Британская еврейская община стала и остается до сих пор наиболее стабильной, довольной жизнью и безопасно устроенной из всех крупных еврейских сообществ. Она приняла в свое лоно 90 000 беженцев в 1930-е годы, что способствовало ее процветанию, и выросла с 300 000 перед Первой мировой войной до более чем 400 000 к концу Второй. Однако, подобно итальянской, она приобрела демографическую слабость, которая все больше усиливалась в шестидесятыхсемидесятых годах. Так, например, в 1961-65 годах свадьбы в британских синагогах составляли 4,0 на тысячу по сравнению со средненациональным уровнем 7,5. Общее количество евреев упало с 410 000 в 1967 г. ниже 400 000 в 70-е годы и, возможно, ниже 350 000 во второй половине 80-х. Однако недостатка энергии в современном британском еврействе не наблюдается. Еврейские предприниматели были, как всегда, активны в финансовом бизнесе и занимали ключевые позиции в индустрии развлечений, торговле недвижимостью, одеждой, обувью и торговле в кредит. Они создали такой национальный институт, как телекомпания «Гранада Ти-Ви». Династия Зиф превратила преуспевающую фирму «Маркс энд Спенсер» в стойкий и популярный символ триумфа послевоенного британского бизнеса, а лорд Вайнсток сделал Джeneral Электрик крупнейшей из всех английских компаний. Евреи были очень активны в издании книг и периодики, в том числе лучшего из всех журналов диаспоры «Джуиш Кроникл». Во все растущем количестве они вторгались (хотя иногда и временно) на скамьи Палаты Лордов. Одно время (в середине 80-х) в английском кабинете министров заседало не менее пяти евреев. Но эта могучая энергия не приобретала определенной формы, и она не выливалась в коллективные усилия, направленные на то, чтобы обрести решающее влияние на диаспору или на сионистское государство. В этом отношении британские евреи вели себя (и, пожалуй, были вынуждены вести) подобно Британии: они передали факел Америке.

Рост и консолидация американского еврейства в конце XIX-XX столетии были столь же важны в еврейской истории, как и создание Израиля; даже в некоторых отношениях важнее. Потому что, если выполнение сионистских планов предоставило всегда обеспокоенной диаспоре гостеприимное убежище с суверенными правами на определение и защиту своей судьбы, рост американского еврейства вел к обретению совершенно иной власти, позволяющей евреям играть важную, законную и постоянную роль в определении политики мощнейшей державы мира. При этом речь идет не о хрупком влиянии *гофьюден*, а о последствиях демократических убеждений и демографических факторов. В конце 1970-х годов еврейское население Соединенных Штатов составляло 5 780 960 человек. Это соответствовало всего лишь 2,7% общего населения США, но следует учесть, что распределялись эти миллионы неравномерно по территории и были сконцентрированы в основном в городской местности, в первую очередь в крупных городах, которые располагают гораздо большим культурным, социальным, экономическим и, конечно, политическим влиянием, чем мелкие городки, деревни и сельские районы. К концу XX века евреи оставались обитателями крупных городов. В Тель-Авиве – Яффе их проживало 394 000, свыше 300 000 – в Париже, 285 000 – в Москве, 280 000 – в Большом Лондоне, 272 000 в Иерусалиме, 210 000 в Киеве, 165 000 в Ленинграде, 115 000 в Торонто. Но наиболее

концентрированным было городское население в Соединенных Штатах. Грандиозный Нью-Йорк с его 1 998 000 евреев оказался самым «еврейским» из больших городов Земли. На втором месте стоял Лос-Анджелес с его 445 000. Далее шли Филадельфия (295 000), Чикаго (253 000), Майами (225 000), Бостон (170 000) и Вашингтон (160 000). В целом имелось 69 американских городов с еврейским населением свыше 10 000. Наблюдалась также повышенная концентрация евреев в ключевых штатах. В штате Нью-Йорк 2 143 485 евреев составляли 12% населения. Доля евреев составляла 6% в Нью-Джерси, 4,6% – во Флориде, 4,5% – в Мериленде, 4,4% – в Массачусетсе, 3,6% – в Пенсильвании, 3,1% – в Калифорнии и 2,4% – в Иллинойсе. Из всех крупных этнических электоратов в Америке еврейский был лучше всех организованным, самым отзывчивым на руководство лидерами и наиболее эффективно оказывал свое влияние.

Однако было бы ошибкой преувеличивать непосредственное политическое влияние избирателей-евреев, как бы хорошо они ни были вышколены. Начиная с 1932 г. евреи в подавляющем большинстве (иногда до 85-90%) голосовали за демократов. Однако нет явного свидетельства того, что в той же степени еврейское влияние на президентов-демократов и политику было определяющим. Фактически в 60-х и 70-х годах последовательная верность еврейского электората демократической партии основывалась скорее на эмоционально-историческом фундаменте, чем на общности интересов. В 1980-е годы большинство евреев, как ни странно, продолжало голосовать за демократов, хотя большинство это снизилось до 60%. На выборах 1984 г. они были единственной религиозной группой (не считая атеистов), которая помогала демократам получить большинство голосов, и единственной этнической группой (кроме черных). Евреи голосовали даже не из общинно-экономических или внешнеполитических соображений, сколько исходя из привычной симпатии к бедным и обиженным. К последней четверти XX столетия понятие «еврейского лобби» в американской политике стало в какой-то степени мифом. На самом же деле в отношении граждан-евреев к Америке в целом произошло нечто другое и гораздо более важное: еврейское меньшинство трансформировалось в один из основных элементов американского общества. На протяжении всего XX века американские евреи продолжали максимально использовать возможности, открывавшиеся перед ними в Америке: учились в университетах, чтобы стать докторами, юристами, учителями, профессионалами всякого рода, политиками, государственными служащими, а также вливаться, как всегда, в финансы и бизнес. Они занимали особенно сильные позиции в частно-предпринимательском секторе, печати, издательском деле, радиовещании и телевидении, индустрии развлечений и вообще в интеллектуальной жизни. В определенных областях, как, например, художественная литература, они вообще доминировали. Но и в других они были многочисленны и успешны. И постепенно во второй половине века их аристократия успеха стала приобретать столь же значительное культурное влияние, как прежняя элита, известная как WASP (Белые англо-саксы протестанты). В американском обществе евреи перестали быть лобби. Они стали частью этого организма, скажем, конечно, и довольно мощной. Они стали оказывать свое влияние не извне по отношению к общественному организму, а изнутри. Со своими историческими традициями демократии, терпимости и либерализма они стали играть в Америке примерно ту же роль, что некогда в Англии играли виги: роль элиты, которая добивается морального оправдания своим привилегиям, оказывая просвещенную поддержку менее удачливым. Короче говоря, они из меньшинства, добивающегося прав, превратились в часть большинства, их дарующего; как-то незаметно их политическая деятельность переклочилась с влияния на руководство на практическое участие в нем.

В итоге стало трудно различить специфически еврейские элементы в американской культуре, они гармонично в нее интегрировались. Еще труднее стало выделять в американской политической деятельности шаги, которые предпринимаются, исходя из предположительно еврейских интересов, которые стали все теснее сплетаться с общеамериканскими. Очень наглядно это видно на примере Израиля. Не было больше необходимости убеждать лидеров США в том, что следует гарантировать право Израиля на

существование. Это уже считалось само собой разумеющимся. Израиль стал одиноким авангардом либеральной демократии, отстаивающим первенство закона и принципы цивилизованного поведения посреди окружения, которое эти ценности обычно игнорировало. И было совершенно естественно и неизбежно, чтобы Израиль получал американскую поддержку; дискуссии шли лишь вокруг того, как наиболее грамотно обеспечить эту поддержку. К 80-м годам реальности мира стали таковыми, что Израиль остался бы самым надежным американским союзником на Среднем Востоке, а Америка – его самым верным другом, даже если бы еврейская община в Америке не существовала.

Реально же эта община существовала и добилась совершенно уникального положения в диаспоре, причем не просто своим размером, но характерными особенностями. Эта община была полностью ассимилирована, но притом сохраняла свое еврейское сознание. Ее члены считали себя стопроцентными американцами, но и евреями тоже. В еврейской истории подобного явления ранее не встречалось. Оно стало возможным благодаря специфическим обстоятельствам роста и составу американского общества. Вечные странники и пришельцы, евреи обрели наконец покой в стране, где все были пришельцами. Поскольку же странниками были все, то все были равноправными с точки зрения проживания до тех пор, пока все с равным правом не смогут назвать это место проживания своим домом. Кроме того, Америка оказалась первым местом, где евреи, осев, обнаружили, что их религия и религиозные обычаи дают им определенное преимущество, ибо здесь пользовались уважением все религии, уважавшие гражданские добродетели. И не только это, ибо Америка превыше всего уважала собственную сверхрелигию, которую можно было бы назвать Законом Демократии, своего рода мирскую Тору, к соблюдению которой евреи были отлично приспособлены. В силу всех этих причин было бы, возможно, неверно вообще считать еврейскую общину в Америке частью диаспоры. Евреи в Америке ощущали себя в большей степени американцами, чем евреи в Израиле – израильянами. Было необходимо изобрести новое слово, чтобы описать их положение, так как американские евреи вместе с евреями Израиля и евреями диаспоры образовали новый еврейский треножник, от трех частей которого в равной степени зависела безопасность и будущее всего народа. Итак, были евреи диаспоры, евреи, собравшиеся вместе в Израиле, а в Америке – евреи владеющие.

В некотором смысле американское еврейство было прямой противоположностью еврейства российского. В Америке еврей участвовал в обладании страной, в России же страна им обладала. Советский еврей был предметом владения, собственностью государства, совсем как в Средние века. Один из уроков, который преподала нам еврейская история, состоит в том, что антисемитизм растлевает народ и общество, которыми он овладевает. Он растлевал доминиканского монаха столь же успешно, как и алчного короля. Он превратил нацистское государство в навозную кучу. Но нигде его растлевающее действие не было таким явным, как в России. Мы уже упоминали разложение низов как результат царских законов, направленных против евреев. Но гораздо более важным результатом, по большому счету, оказалось моральное разложение государственной власти. Потому что, травя евреев, власти царской России привыкали к замкнутой, репрессивной и в высшей степени бюрократической системе управления. Эта система контролировала внутренние перемещения и проживание евреев, их право ходить в школу или университет, а также предметы, которые они там изучают, получать профессию или специальность, продавать свой труд, учреждать свое дело или образовывать компанию, молиться, принадлежать к организациям и вообще участвовать в бесконечно длинном списке иных родов деятельности. Эта система практиковала чудовищный, всепроникающий контроль за жизнями непопулярного и дискриминируемого меньшинства, безжалостное вторжение в их дома и семьи. При этом создавалась бюрократическая модель государственной машины, которая, после того как царя сменил сначала Ленин, а потом – Сталин, распространила былой контроль над евреями на все население, и модель стала всеобъемлющей. В этой системе, в которой угнетению и дискриминации подвергались все, евреи были унижены еще сильнее, образовав некий подкласс, степень государственного контроля над которым была особенно

сильной.

Использование Сталиным антисемитизма в борьбе за руководство в 20-е годы и во время чисток 30-х годов было для него очень характерно. Создание им во время войны Еврейского антифашистского комитета и издание журнала на идише «Айникайт» («Единство») были просто тактическими ходами. Дочь Сталина Светлана рассказывала о его личных взаимоотношениях с евреями. Он держал при себе некоторое их количество, включая сотрудника Министерства иностранных дел Соломона Лозовского. Когда Светлана в возрасте семнадцати лет влюбилась в еврея-кинорежиссера, Сталин отправил его в ссылку. Позднее ей удалось выйти замуж за другого еврея, Григория Морозова. Отец обвинил его в том, что он уклоняется от военной службы: «Люди гибнут, а он, смотрите-ка, дома отсиживается». Старший сын Сталина, Яков, тоже состоял в браке с еврейкой; когда он попал в плен, Сталин объявил, что она предала его. «Он никогда не любил евреев, – писала Светлана, – хотя в те дни не выражал свою ненависть так откровенно, как после войны».

На самом деле в советском антисемитизме не было перерыва даже во время войны. Это было очень заметно в Красной Армии. «Антисемитизм в Советском Союзе, – говорил один бывший армейский капитан, – такой необузданный, что это невозможно даже вообразить человеку, который не жил в этой проклятой стране». К концу войны ряд государственных ведомств, особенно МИД, были в основном очищены от евреев, и последних перестали принимать даже стажерами. Послевоенная антиеврейская кампания, предвестником которой было убийство Михоэлса в январе 1948 г., началась в том же году в сентябре. Старт ей дала статья Ильи Эренбурга в «Правде» – Сталин часто делал «нееврейских евреев» агентами своего антисемитизма подобно тому, как СС использовало зондеркоманды. Еврейский антифашистский комитет был распущен, «Айникайт» и еврейские школы с преподаванием на идише были закрыты. Затем начались систематические нападки на евреев, в особенности писателей, художников, музыкантов и интеллигентов всякого рода, с использованием оскорбительных терминов («безродный космополитизм»), близких к нацистской демонологии. Были уничтожены тысячи евреев-интеллигентов, включая писавших на идише, – Переца Маркиша, Ицика Фефера и Давида Бергельсона; жертвой рисковал оказаться любой еврей, попавшийся на глаза Сталину, как, например, тот же Лозовский. Кампания распространялась и на Чехословакию, где 20 октября 1952 г. Рудольф Сланский, генеральный секретарь компартии, и тринадцать других партийных боссов, в том числе одиннадцать евреев, были обвинены в троцкистско-титовско-сионистском заговоре, осуждены и казнены. Важным элементом «доказательства» обвинений послужила поставка оружия Израилю в 1948 г. (практически по личному указанию Сталина). Кампания достигла своего апогея в начале 1953 г., когда девяти врачей, в том числе шестерых евреев, обвинили в том, что они, находясь в связи с английскими, американскими и сионистскими агентами, хотели отравить Сталина. Этот показательный процесс должен был послужить прелюдией к массовой депортации евреев в Сибирь, как части сталинского варианта «окончательного решения».

Сталин умер, прежде чем врачи предстали перед судом, и дело было свернуто его преемниками. Из плана массовой депортации ничего не вышло. Но важно отметить, что антисемитизм Сталина не упоминался Никитой Хрущевым в числе достойных осуждения аспектов поведения Сталина в знаменитой речи на закрытом заседании. Будучи первым секретарем на Украине, Хрущев разделял местный антисемитизм и сразу после войны прекратил возвращение евреев-беженцев на прежнее место жительства. «Не в наших интересах, – утверждал он, – чтобы в глазах украинцев возвращение Советской власти ассоциировалось с возвращением евреев». В годы, когда Хрущев после войны находился у власти на Украине, там произошел ряд погромов. Возглавив страну, он сделал в антиеврейской пропаганде основной упор не на «шпионаж», а на «экономические преступления», и большое количество евреев было приговорено к смертной казни на девяти показательных процессах, причем их имена широко назывались. Он закрыл множество синагог, так что в годы его правления их число сократилось с 450 до 60. Он разрешил

Академии наук Украины издать печально известный антисемитский трактат «Иудаизм без прикрас» коммунистического Розенберга – Трофима Кичко. Эпоха Хрущева ознаменовалась кровавыми наветами, антисемитскими беспорядками и горящими синагогами.

Советские евреи ненадолго воспряли духом после снятия Хрущева в 1964 г. Однако вслед за Шестидневной войной 1967 г. кампания не только открыто возобновилась, но и усилилась. В некоторых отношениях советский антисемитизм был вполне традиционным. Советская власть, подобно обществу раннего средневековья, подобно испанцам до конца XIV века использовала евреев в экономике до тех пор, пока не выросло достаточное количество квалифицированных кадров-неевреев, чтобы заменить их. Высокопоставленные большевики-евреи были почти все уничтожены в двадцатые-тридцатые годы. В дальнейшем евреи хотя и были непропорционально многочисленны в бюрократической элите, но это не относилось к политической верхушке: подобно придворным евреям, им разрешали помогать, но не править. Даже в 70-е годы еврею иногда удавалось пробиться на съезд партии – таких было четверо в 1971 г. и пятеро в 1976 г.; случалось им и входить в состав Центрального Комитета. Но таким людям приходилось расплачиваться яростным антисемитизмом. В 1966 г. евреи составляли 7,8% академиков, 14,7% докторов, 8,5% писателей и журналистов, 10,4% судей и адвокатов и 7,7% артистов, музыкантов и художников. Но на всех направлениях партия и бюрократия упорно старались сдерживать рост этой пропорции. В итоге евреи дали 18% научных работников в 1947 г. и всего 7% в 1970. Как и при царизме, сильнее всего это вытеснение происходило на университетском уровне. Абсолютное число студентов-евреев сократилось с 111 900 в 1968-69 гг. до 66 900 в 1975-76 гг.; еще более выразительно выглядела картина в относительных цифрах, по отношению ко всему населению. В 1977-78 гг. ни одного еврея не приняли в Московский университет.

Советская антиеврейская политика, подобно царской и даже нацистской в 30-е годы, страдала рядом противоречий и непоследовательностей. Сталкивались противоположные желания: использовать евреев, держать их в плену или изгнать; но в любом случае их очень хотелось унижить. Так, в 1971 г. Брежнев решил открыть ворота, и в последующее десятилетие 250 000 евреев позволили уехать. Но параллельно с каждым взлетом эмиграции резко увеличивалось количество судебных процессов над евреями, а процедура получения выездной визы была сделана настолько сложной, трудной и позорной, насколько это возможно. Необходимость в характеристике с места работы желающего выехать приводила зачастую к разбирательству, в ходе которого еврея публично осуждали, клеймили позором и увольняли, после чего он оказывался без работы, без копейки денег, да к тому же его могли осудить за «тунеядство» задолго до получения визы.

Процедура выезда еще усложнилась в 80-е годы, напоминая лабиринты царского законодательства. Количество виз сократилось, и стало обычным, что семье приходилось дожидаться разрешения на выезд по 5, а то и по 10 лет. В общих чертах процедура выглядела следующим образом. Заявитель должен был сначала обзавестись вызовом, официально зарегистрированным приглашением от близкого родственника, проживающего в Израиле, с гарантией израильского правительства дать въездную визу. Вызов позволял ему направиться в ОВИР и получить по две анкеты на каждого члена семьи. Заявитель заполнял их и прилагал следующее: автобиографию, шесть фотографий, копии университетских или иных дипломов, свидетельство о рождении каждого члена семьи, свидетельство о браке (для состоящих в нем), а также свидетельства о смерти родственников, если к этому моменту родители, жена или муж умерли; справку о прописке; официально заверенное письмо от каждого невыезжающего члена семьи; справку с места работы или для неработающих – справку из домоуправления по месту жительства; и пошлину в размере 40 рублей (около 60 долларов). После того как все это сдавалось, решения давать или не давать визу ждали по нескольку месяцев. При положительном решении (но еще до выдачи визы) заявитель должен был уволиться с работы (если его до сих пор еще не уволили принудительно); получить официальную справку о стоимости ремонта квартиры и внести соответствующую сумму; заплатить по 500 рублей «с головы» (750 долларов) в качестве штрафа за отказ от советского

гражданства; сдать паспорт, военный билет, трудовую книжку и справку об освобождении квартиры; внести еще 200 рублей (300 долларов) за собственно визу. В случае получения отказа в визе, можно было подавать новое заявление каждые шесть месяцев.

Кампания против евреев была с 1967 г. постоянной кампанией советской системы и велась под кодовым названием антисионизма, который стал прикрытием для всевозможных форм антисемитизма. Советский антисионизм, продукт внутреннего размежевания с восточноевропейскими левыми силами, был, в свою очередь, привит к ленинскому антиимпериализму. Здесь нам придется несколько вернуться назад, чтобы показать, что ленинская теория империализма, подобно марксовой теории капитализма, коренится в антисемитской теории заговора.

Эта теория возникла в связи с развитием Южной Африки, начиная с 1860-х годов, которое явилось выдающимся примером крупномасштабного использования капитала для преобразования примитивной экономики в современную. Южная Африка была тихой сельскохозяйственной страной до тех пор, пока открытие алмазных месторождений в Кимберли в 1860-е годы, а затем и золотых двадцатью годами позже не продемонстрировало ее природные богатства. При этом новым явлением в Южной Африке было учреждение нового института, Управления горного финансирования, чтобы сосредоточить в одном месте заявки и вложить гигантские средства в современную технику глубоких горноразработок. Институт явился изобретением англичанина Сесила Родса. Но евреи всегда имели отношение к драгоценным камням (особенно алмазам) и металлам и сыграли заметную роль как в организации шахт глубокого залегания в Южной Африке, так и в создании финансовой системы, которая концентрировала средства для этой цели. Такие люди, как Альфред Байт, Барни Барнато, Адольф Герц, Джордж Альбу и Эйб Бейли, превратили Южную Африку в страну с самой мощной и богатой в мире горнодобывающей промышленностью. Второе поколение финансистов горного дела во главе с Эрнестом Оппенгеймером упрочило и расширило ее достижения.

Быстро сколоченные (а иногда и потерянные) евреями в Ранде состояния вызывали немалую зависть и обиду. Среди тех, кто критиковал их, был левый любитель полемики Дж. А. Хобсон, который отправился в Южную Африку в 1899 г., чтобы рассказывать об Англо-бурской войне на страницах «Манчестер Гардиан». Хобсон утверждал, что еврей «почти лишен социальной морали», обладая «в высшей степени расчетливым интеллектом, представляющим национальное наследие», что позволяет ему «воспользоваться каждой слабостью, глупостью и прегрешением общества, в котором он проживает». В Южной Африке он был потрясен и разгневан тем, что посчитал вездесущей активностью евреев. Официальные цифры, писал он, утверждают, что в Йоханнесбурге всего 7000 евреев; однако, «чтобы убедиться в обильном присутствии избранного народа, вполне достаточно взглянуть на витрины магазинов и деловых контор, рынков, пивные, веранды нарядных домов в пригородах». С особым отвращением он обнаружил, что фондовая биржа оказалась закрыта в День Искупления. В 1900 г. он выпустил книгу «Война в Южной Африке: ее причины и следствия», где обвинял в войне «небольшую группу международных финансистов, главным образом родом из Германии и евреев по национальности». Британские войска сражались и гибли «за то, чтобы привести к власти в Претории небольшую международную олигархию шахтовладельцев и спекулянтов». «Не Гамбург, – писал он с отвращением, – не Вена, не Франкфурт, а Йоханнесбург является новым Иерусалимом».

Хобсоновское объяснение причин войны ложно. Военные действия, как было нетрудно предвидеть, имели катастрофические последствия для шахтовладельцев. Что же касается евреев, то вся новая история доказывает, что они весьма миролюбивы как в силу склонностей, так и интересов, особенно в качестве финансистов. Однако Хобсон, как и другие сторонники теории заговора, заинтересован не в фактах, а в красивых концепциях. Два года спустя он развивает свою теорию в известной книге «Исследование империализма», где разоблачает международный финансовый капитал как главную силу, заинтересованную в колониях и войнах. В главе «Экономические паразиты империализма», т. е. в сердце его

теории, имеется следующий ключевой абзац:

«Этот крупный бизнес – банковский, биржевой, связанный с векселями, ссудами, продвижениями компаний – образует центральный нервный узел международного капитализма. Объединенные крепчайшими организационными связями, поддерживая постоянные контакты друг с другом, расположенные в самом сердце деловой столицы каждого государства, контролируемые, по крайней мере, в Европе, в основном людьми одной конкретной национальности, за спиной которых многовековой финансовый опыт, они имеют уникальную возможность контролировать политику наций. Никакое крупное и быстрое вложение капитала невозможно без их согласия и содействия. Неужели кто-нибудь может серьезно вообразить, будто какое-либо европейское государство способно развязать крупную войну либо может быть выделен крупный займ, если дом Ротшильда и связанные с ним структуры не пожелают этого?»

Когда Ленин начал писать свои тезисы по данному вопросу весной 1916 г. в Цюрихе, он жаловался на недостаток книг. «Однако, – писал он, – я использовал главную английскую работу по империализму, книгу Дж. А. Хобсона, со всей тщательностью, которой, по моему мнению, эта работа заслуживает». По сути дела, теория Хобсона стала сутью ленинской теории. Результат этой деятельности, труд «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) заложил основу стандартной доктрины всех коммунистических государств с 1917 г. по настоящее время. Кроме того, ленинская теория в той или иной форме формировала отношение многих стран Третьего мира к империализму и капитализму по мере того, как они обретали независимость в 50-х – 60-х годах.

Учитывая антисемитские корни этой теории, было совсем нетрудно встроить в нее концепцию сионизма как формы колониализма и сионистского государства как авангарда империализма. Между тем в истории рождения Израиля есть неудобные факты, потому что Сталин выступал в роли одной из повивальных бабок Израиля. Это уже само по себе полностью разрушает советскую теорию сионизма. Но, подобно многим другим фактам советской истории, эти факты были похоронены и забыты официальной пропагандой. Тем не менее, вся история антисемитизма показывает, как он сопротивлялся всякого рода неудобным фактам. Довольно быстро стало очевидно, что слово «сионизм» на практике означало просто «евреи». Процесс Сланского в 1952 г. был первым случаем в истории коммунизма, зловещей точкой отсчета, когда традиционное антисемитское обвинение во всемирном еврейском заговоре было официально выдвинуто коммунистическим правительством, разве что роль современных сионских мудрецов здесь играли «Джойнт» («Американо-еврейский объединенный комитет распределения») и израильское правительство. То, что происходило за кулисами, было еще хуже. Замминистра иностранных дел Артур Лондон, еврей, приговоренный к пожизненному заключению, но освобожденный во время «Пражской весны» 1968 г., смог впоследствии рассказать об антисемитской ярости главного обвинителя майора Смоля: «[Он] схватил меня за горло и голосом, срывающимся от ненависти, выкрикивал: «Ты и твоя грязная нация, мы вас истребим. Гитлер не все делал правильно. Но он истреблял евреев, и это было хорошее дело. Слишком многим из них удалось избежать газовой камеры, но мы доведем до конца то, что он не успел».

С начала 1950-х годов советская антиссионистская пропаганда, неуклонно наращивая интенсивность и широту, подчеркивала связь между сионизмом, евреями и иудаизмом. «Иудаистские службы – это службы буржуазных сионистов», – сообщило на украинском языке радио Кировограда 9 декабря 1959 г. «Характер иудейской религии, – писала 30 сентября 1961 г. куйбышевская газеты «Волжская коммуна», – служит политическим целям сионистов». «Сионизм, – писал «Коммунист», – коренится в идее исключительности еврейского народа». Сотни статей в журналах и газетах по всему Советскому Союзу изображали сионизм (т. е. евреев) вместе с израильскими лидерами как соучастников всемирного заговора, продолжая линию старых *Протоколов сионских мудрецов*. Как писала «Советская Латвия» 5 августа 1967 г., это – «международная «Коза Ностра» с «общим центром, общей программой и общими фондами». «Израильские правящие круги» – лишь

младшие партнеры в ее глобальных заговорах.

В течение двадцати лет, последовавших за Шестидневной войной 1967 г., советская пропагандистская машина стала главным источником антисемитского материала в мире. При этом она собирала материал практически из всех археологических слоев истории антисемитизма, от античной классики до гитлеризма. Сам объем материала от бесконечно воспроизводимых статей и передач до полномасштабных книг стал уже успешно конкурировать с нацистской пропагандой. Книга Трофима Кичко *«Иудаизм и сионизм»* (1968) рассказывает о «шовинистической идее богоизбранности еврейского народа, пропаганде мессианства и идее управления народами мира». *«Ползучая контрреволюция»* Владимира Бегуна (1974) называет Библию «непревзойденным учебником кровожадности, лицемерия, предательства, вероломства и морального вырождения»; неудивительно, что сионисты – гангстеры, ведь их идеи пришли из «свитков» «святой» Торы и заповедей Талмуда». В 1972 г. журнал, издаваемый советским посольством в Париже, прямо воспроизвел отрывки из антисемитского памфлета, выпущенного в 1906 г. черносотенцами, на совести которых организация в царской России погромов перед войной 1914 года. В данном случае оказалось возможным возбудить судебное преследование издателя (видного члена Французской компартии); суд признал его виновным в призывах к насилию на расовой почве. Часть антисемитских материалов, опубликованных в Советском Союзе и распространявшихся на весьма высоком уровне, звучат вообще невероятно. В памятной записке ЦК от 10 января 1977 г. некий ученый антисемит Валерий Емельянов объявил, что Америкой управляют сионистско-масонские заговорщики, причем на виду контроль осуществляется президентом Картером, за спиной которого стоит реальная сила, которую он называл «гестапо Бнай-Брит». Сионисты, согласно Емельянову, просочились в общество гоев через масонов, каждый из которых является активным информатором сионистов; сам же сионизм опирается на «иудаистско-масонскую пирамиду».

Фундамент новой советской антисемитской конструкции был заложен в 1970-х годах, когда были представлены фантастические «доказательства» того, что сионисты – расистские наследники Гитлера, а Холокост – результат еврейско-нацистского заговора, целью которого было освободиться от беднейших евреев, которые были бы бесполезны для претворения в жизнь сионистских планов. Утверждалось, что сам Гитлер почерпнул свои идеи от Герцля. Еврейско-сионистские лидеры, действуя по указке еврейских миллионов, контролирующего международный финансовый капитал, помогали СС и гестапо загонять нежелательных евреев либо в газовые камеры, либо в киббуцы Земли Ханаанской. Этот «еврейско-нацистский заговор» использовался в качестве обоснования обвинений в зверствах, которые советская пропагандистская машина адресовала израильскому правительству, особенно после ливанских операций 1982 г. Поскольку сионисты с удовольствием сотрудничали с Гитлером в уничтожении собственного народа, писала *«Правда»* 17 января 1984 г., то неудивительно, что теперь они истребляют ливанских арабов, коих они и вовсе считают недочеловеками.

Эти зловещие процессы в антисемитской политике советского правительства были не просто возвратом к традиционной практике царизма, хотя она включала большинство знакомых мифов касательно евреев. Во-первых, царское правительство никогда не препятствовало массовой эмиграции евреев. Во-вторых, советский режим уступал только гитлеровскому по истреблению целых категорий народа, преследуя идеологические цели. Приравняв евреев к сионистам (принадлежность к которым являлась тяжким преступлением согласно советской доктрине), советскому руководству становилось проще простого идеологически оправдать самые крайние меры против 1 750 000 российских евреев, от реанимации сталинского плана массовой депортации евреев в Сибирь в 1952-53 гг. до чего-то еще худшего.

Другим вызывающим беспокойство обстоятельством было большое сходство между советской антиеврейской пропагандой и аналогичными материалами союзников России в арабском мире. Разница сводилась скорее к форме, чем содержанию. Арабы менее

шепетильно относились к своему идеологическому жаргону и зачастую открыто использовали слово «евреи» там, где русские обычно предпочитали употреблять кодовый термин «сионисты». Там, где русские цитировали *Протоколы сионских мудрецов* без ссылки на первоисточник, арабы публиковали их в открытую. Этот трактат имел широкое хождение в арабском мире и выходил с начала 1920-х годов множеством изданий. Его читали столь различные арабские лидеры, как король Саудовской Аравии Фейсал и президент Египта Насер. Последний, по-видимому, верил ему и говорил в 1957 г. индийскому журналисту: «Очень важно, чтобы вы прочитали его. Я дам вам экземпляр. Он без тени сомнения доказывает, что три сотни сионистов, каждый из которых знает всех остальных, решают судьбу европейского континента и отбирают своих преемников и собственное окружение». Книга произвела на Насера такое впечатление, что около 1967 г. его брат выпустил еще одно ее издание на арабском языке. Отрывки и ссылки широко использовались в арабских школьных учебниках и пособиях для арабских армий. В 1972 г. вышло еще одно издание, которое возглавило список бейрутских бестселлеров.

Следует добавить, что все эти издания были специально адаптированы для арабских читателей, и мудрецы в них были представлены в контексте палестинской проблемы. *Протоколы* были не единственным образчиком антисемитской классики, который продолжал существование в арабском послевоенном мире. Материал, посвященный кровавому навету, изданный в 1890 г. в Каире под названием «Плач невинных под рог свободы», был переиздан в 1962 г. в качестве официального издания правительства Объединенной арабской республики под названием «Человеческие жертвоприношения по Талмуду». Вообще кровавый навет периодически всплывал в арабских газетах. Но *Протоколы* оставались в фаворитах, и не только в арабских исламских странах. Они были опубликованы в Пакистане в 1967 г. и интенсивно использовались иранским правительством и его посольствами после того, как аятолла Хомейни, горячо веривший в антиеврейскую теорию заговора, пришел там к власти в 1979 г. В мае 1984 г. его издание «Имам», которое уже печатало отрывки из *Протоколов*, обвинило британские воинские части на Фолклендских островах в совершении зверств якобы по совету Сионских мудрецов. Пропаганда Хомейни обычно изображала сионизм (читай: евреев), который трудился «столетиями повсюду, учиняя невообразимые преступления против человеческого общества и его ценностей», как эманацию сатаны. Хомейни придерживался той средневековой линии, что евреи – люди низшего сорта или вообще не люди, чтобы не сказать – антилюди, а потому эта категория существ подлежит уничтожению. Но его антисемитизм метался между простым антииудаизмом, исламским сектантством (мусульман-суннитов, правящих враждебным Ираком, он считал марионетками сионизма и вообще настоящими дьяволами), а также ненавистью к Америке, «большому сатане». Он только затруднялся определить, управляет ли сатана Вашингтоном через евреев или наоборот.

Арабский антисемитизм тоже представлял собой неоднородную смесь религиозных и светских мотивов. Его характеризовала также противоречивая оценка роли Гитлера и нацистов. Великий муфтий Иерусалима знал об «окончательном решении» и приветствовал его. Гитлер говорил ему, что, когда его войска доберутся до Среднего Востока, они сотрут с лица земли еврейские поселения в Палестине. После войны многие арабы продолжали относиться к Гитлеру как к героической фигуре. Когда Эйхмана привезли на суд в 1961-62 гг., англоязычная иорданская газета «Джерузалем Таймс» поместила письмо, поздравлявшее его с тем, что через него «на человечество снизошло благословение». И добавляла: «суд когда-нибудь завершится ликвидацией оставшихся шести миллионов, чтобы отомстить за твою кровь». С другой стороны, арабские пропагандисты антисемитизма часто проводили советскую линию, в соответствии с которой евреи и нацисты работали рука об руку, а сионисты – естественные последователи нацистов. В частности, в своей пропаганде на Запад арабские правительства сравнивали ВВС Израиля с Люфтваффе, а силы обороны Израиля – с СС и гестапо. Время от времени (а иногда и одновременно) арабскую аудиторию информировали, что Холокост был благоприятным событием, дьявольским сговором между

евреями и нацистами, а то и вообще не имел места, и все это просто выдумали сионисты. Но когда теоретиков антисемитизма беспокоили противоречия в их утверждениях?

Количество антиссионистского материала, буквально затопившего мир и исходившего как от советского блока, так и от арабских государств, выросло сначала в результате Шестидневной войны 1967 г., которая сыграла роль мощного стимулятора советской пропаганды против Израиля, а затем революции нефтяных цен, последовавшей за войной Йом-Кипура (1973 г.), которая резко увеличила арабские фонды, поступавшие на антиссионистскую пропаганду. Масштаб и настойчивость антиизраильской брани неизбежно производил определенный эффект, особенно в ООН. Старая Лига Наций неоднократно подтверждала свою неэффективность в защите евреев в период между мировыми войнами. Но, по крайней мере, она не поощряла активного преследования. В то же время с 1975 г. сессия Генеральной Ассамблеи ООН приблизилась к тому, чтобы узаконить антисемитизм. 1 октября она с помпой приняла президента Уганды Иди Амина в качестве председателя Организации африканского единства. К этому времени Амин был печально известен крупномасштабными убийствами населения Уганды, в котором он принимал и личное участие. Он был хорошо известен резкостью своих антисемитских заявлений. 12 сентября 1972 г. он прислал телеграмму на имя генерального секретаря ООН, в которой восхвалял Холокост и объявлял, что, поскольку в Германии не поставили памятника Гитлеру, он предлагает воздвигнуть его в Уганде. Несмотря на все это (или благодаря этому?) Генеральная Ассамблея хорошо приняла его. Многие делегаты ООН, включая целиком советский и арабский блоки, стоя приветствовали его овацией, после чего он выступил с речью, в которой разоблачал «сионистско-американский заговор» против мира и призывал к исключению Израиля из ООН и его «утихомириванию». Его гротескную филиппику неоднократно прерывали аплодисментами и стоя проводили на место новой овацией. На следующий день Генеральный секретарь ООН и председатель Генеральной Ассамблеи дали обед в его честь. А через две недели, 17 октября, профессиональные антисемиты советской и арабской пропагандистских машин достигли величайшего триумфа, когда Третий комитет Генассамблеи 70 голосами против 29 при 29 воздержавшихся и 16 отсутствующих принял резолюцию, которая клеймила сионизм как разновидность расизма. 10 ноября уже Генеральная ассамблея в целом утвердила эту резолюцию 67 голосами против 55 при 15 воздержавшихся. Израильский делегат Хаим Герцог указал, что голосование проходило в 37-ю годовщину нацистской *Хрустальной ночи*, направленной против евреев. Американский делегат Дэниел П. Мойнихен объявил с ледяным презрением: «Соединенные Штаты объявляют перед лицом Генеральной ассамблеи ООН и всего мира, что они не признают, не согласятся и не считают себя связанными этим позорным актом».

Один из главных уроков еврейской истории состоит в том, что за повторяющимися словесными оскорблениями рано или поздно следуют насильственные действия. На протяжении столетий время от времени антисемитские писания накапливали опасную критическую массу, что увенчивалось пролитием еврейской крови. Гитлеровское «окончательное решение» было уникально в своей жестокости, но его, тем не менее, подготовила антисемитская теория XIX столетия. Антисемитский поток, организованный советским блоком и арабскими государствами в послевоенный период, породил собственную характерную форму насилия – государственный терроризм. В том, что это оружие использовалось против сионизма, заключалась определенная ирония, поскольку именно воинствующие сионисты, вроде Авраама Штерна и Менахема Бегина изобрели терроризм в его современном высокоорганизованном и научном виде. Тот факт, что он может быть направлен, причем в широком масштабе, против государства, во имя создания которого они жили и умерли, можно расценивать как акт возмездия провидения или, в крайнем случае, что идеалисты, которые оправдывали свои средства целями, создавали тем самым угрозу себе. Эпоха международного терроризма, созданного послевоенным советско-арабским антисемитизмом, по-настоящему началась в 1968 г., когда Организация освобождения Палестины официально провозгласила террор и массовые убийства основой своей политики.

ООП и ее различные конкуренты и подражатели атаковали в первую очередь цели в Израиле, но они не в большей степени различали при этом израильтян (или сионистов) и евреев, чем традиционные убийцы-антисемиты различали религиозных евреев и евреев по рождению. Когда члены банды Баадера-Мейнхоф, немецкой левацко-фашистской организации, вдохновленной советской антисемитской пропагандой, угнали 17 июня 1976 г. воздушный лайнер Эр-Франс, летевший из Парижа в Тель-Авив, и заставили его сесть в Уганде Иди Амина, террористы тщательно отделили неевреев от евреев, чтобы перебить последних. У одного из тех, кого они планировали убить, был вытатуирован на руке номер, присвоенный ему в эсэсовском концлагере.

Терроризм такого масштаба и изощренности, который практиковала ООП, был, конечно, опасным нововведением. Но в самом принципе терроризма для евреев не было ничего нового, поскольку террор против них практиковался 1500 лет, если не больше. Погром был типичным инструментом антиеврейского терроризма, задуманным не столько для истребления евреев, сколько для того, чтобы вызвать у них страх, чувство бессилия и привычное подчинение, что практически разоружило их перед лицом «окончательного решения». Но эти времена прошли. Терроризм хоть и продолжал применяться по отношению к евреям, но он не оставался больше безнаказанным. Пример тому – попытка истребления евреев на борту самолета Эр-Франс. Налет израильтян на Энтеббе, который освободил их (всех, кроме одной старой женщины, убитой Амином), продемонстрировал способность сионистского государства оказать помощь попавшим в беду евреям на расстоянии свыше тысячи миль от его границ. Израиль мог совершить акции (и совершал их) также против баз террористов. Крупнейшей из них был Южный Ливан, практически оккупированный ООП в 1970-82 гг. Начиная с 6 июня 1982 г., израильская армия громила базы ООП, очистив от нее весь район, после чего та была вынуждена удалиться в сопротивляющийся Тунис. Но даже там в 1985 г. было показано, что штаб-квартира ООП остается в пределах досягаемости для израильского возмездия. Случалось, что подобные израильские усилия в осуществлении права на самооборону получали неправильную оценку или неудачно выполнялись, провоцируя критику, в том числе со стороны друзей Израиля. Оккупация Южного Ливана в 1982 г., в ходе которой Израиль использовал интенсивные бомбардировки, что привело к большим разрушениям и гибели многих арабов, стала источником острых разногласий как между Израилем и его союзниками, так и даже внутри Израиля. На этом фоне произошла резня, которую учинили арабские христиане-фалангисты в лагерях мусульманских беженцев Сабра и Шатила 16 сентября. Этот эпизод был умело обыгран арабской и советской пропагандой и представлен в западных средствах массовой информации как предмет ответственности Израиля. Бегин, в это время еще находившийся на посту израильского премьера, горько жаловался через три дня своему кабинету: «Гои убивают гоев, а обвиняют евреев». Израильтяне мудро организовали независимое расследование, которое установило истинное положение вещей и возложило часть ответственности на израильского министра обороны, Ариэля Шарона, за то, что он не предвидел и не предотвратил убийств.

Для евреев наблюдать за своими братьями, которые кого-то убивают, да еще несправедливо, всегда было невыносимо. Возможность этого рассматривалась еще в 1140 г. Иудой Галеви в его книге «Кузари» в форме диалога между раввином и мудрым царем хазаров. Итак: «Равви: Наше отношение к Богу ближе, чем если бы мы достигли большего величия на земле. Царь: Так могло бы быть, если бы ваше смирение было добровольным. Но оно не является добровольным, и, будь у вас власть, вы бы убивали. Равви: Ты затронул наше слабое место, о царь хазаров». Тем не менее, право убивать в порядке самообороны внутренне присуще человеку. Им обладает каждый человек. Государство же присвоило его себе, выступая как бы от имени общины, и в большем масштабе. Евреям же, которые вечно были озабочены, чтобы не сказать – одержимы, святостью жизни, было очень трудно согласиться с тем, что государство берет на себя функции убийцы. Для них это было проклятием Саула. Оно отбрасывало тень на жизнь величайшего из их царей, так что Давид, проливший немало крови, так и не смог воздвигнуть Храма. Но на самом деле не могло быть

выбора между проклятием Саула и реальностью Освенцима. Чтобы выжить, евреи вынуждены были обзавестись собственным государством – со всеми моральными последствиями этого.

Потребность в светском Сионе не убавилась в течение первых сорока лет его истории. Наоборот – выросла. Он был создан, чтобы принять жертв европейского антисемитизма, а вслед за Холокостом – тех, кому удалось в нем уцелеть. Он служил также пристанищем для изгнанников, ранее принадлежавших к еврейским общинам в арабских странах. Уже выполнение этих задач оправдывало его существование. Но возникали новые задачи. В течение послевоенных десятилетий стало ясно, что советский режим ничуть не стремился к мирному урегулированию отношений со своими гражданами-евреями, не более чем его предшественник – царизм. Более того, существовали свидетельства того, что над евреями нависает еще большая коллективная угроза, чем раньше. Поэтому одной из первоочередных задач израильтян было вырвать из-под контроля советской системы 1 750 000 своих соплеменников, для чего они должны были быть готовы по первому сигналу принять решение уйти в массовую иммиграцию, примерно такую же, какую спровоцировал царский режим. Вместе с тем они должны были быть готовы к борьбе, если бы ненависть советского режима к евреям приобрела иные формы.

У государства Израиль была и еще более мрачная перспектива. Дело в том, что Израиль оказался не только суверенным прибежищем евреев всего мира, находившихся под угрозой, но и стражем тех евреев, что собрались в пределах его границ. Он был единственной физической гарантией того, что не произойдет нового Холокоста. Непрерывающаяся кампания яростного антисемитизма со стороны его советских и арабских врагов наводила на мысль, что они могут, по отдельности или совместно, вновь попытаться осуществить «окончательное решение», если только у них появится шанс. Израилю приходилось считаться с возможностью этого и вооружаться на этот случай. У него, правда, были надежные обещания защиты со стороны Соединенных Штатов, но в конечном счете любое суверенное государство обязано само беспокоиться о своей обороне. Поэтому Израилю необходимо было обладать средством причинить ущерб потенциальному агрессору, сколь бы мощным он ни был. Если Давиду предстояла встреча с Голиафом, ему была необходима праща. Во время Второй мировой войны еврейские ученые сыграли ключевую роль в создании ядерного оружия. Они сделали это потому, что боялись, что Гитлер первым разработает атомную бомбу. В 1950-е и 1960-е годы, в то время как росла враждебность Советского Союза и арабов по отношению к Израилю, израильские ученые работали над тем, чтобы обеспечить свою страну средством сдерживания агрессора. В конце 1970-х – 80-е годы они оказались способными создать ядерное оружие, и факт его существования хотя и был секретным, но о нем знали те, на кого он должен был произвести впечатление. Таким образом, Израиль оказался в состоянии выполнить вторую из двух новых задач, что поставили перед ним обстоятельства.

Но было бы неверно закончить историю евреев на этой грустной ноте. Еврейскую историю можно представить в виде последовательности взлетов и катастроф. Ее можно также вообразить как бесконечный континуум терпеливого поиска, плодотворного труда и рутинной общинной жизни, значительная часть которых никем не описана. Горе имеет голос, счастье – него. Историк должен иметь это в виду. На протяжении 4000 лет евреи доказывали, что они не только великие специалисты по выживанию, но и исключительно искусно приспособляются к обществу, в которое судьба их забрасывает, а также извлекают из него тот комфорт, который оно в состоянии предложить. Ни один народ не мог столь плодотворно обращать бедность в богатство и гуманизировать последнее, а также использовать неудачи в целях созидания. Эта способность проистекает из моральной философии, которая на удивление мало изменилась в течение тысячелетий именно потому, что была предназначена для служения тем, кто ее разделяет. Несчетное количество евреев во все века стонало под гнетом иудаизма, но продолжало бережно нести его, ибо в своем сердце они знали, что и он несет их. Евреи выживали потому, что владели законом выживания.

Поэтому историк также должен помнить, что иудаизм всегда был чем-то большим, нежели сумма его последователей. Иудаизм создал евреев, а не наоборот. Философ Леон Рот так сформулировал это: «Сначала – иудаизм. Это не продукт, а программа, и евреи – орудия ее осуществления». Еврейская история есть летопись не только физических фактов, но и метафизических идей. Евреи верили, что они созданы и предназначались для того, чтобы быть светочем для неевреев, и сами склонялись перед собственной мощью. Результаты этого, рассматривать ли их с религиозных или светских позиций, замечательны. Евреи дали миру этический монотеизм, который можно характеризовать как совокупность разумного начала с божественным. На более светском этапе они применяли принципы рационализма ко всему диапазону человеческой деятельности, зачастую раньше всего остального человечества. Свет, который при этом они распространяли, не только освещал, но и беспокоил, поскольку выявлял болезненную правду о человеческом духе, а также о том, как способствовать его подъему. Евреи вечно славились своей склонностью изрекать правду, и в этом одна из причин, почему их так ненавидели. Пророка можно бояться, иногда уважать, но чтобы любить? Однако долг пророка – прорицать, а еврея – говорить правду как он ее понимает, к чему бы это ни вело. Еврейская история, как ничто иное, учит, что у человеческого существования имеется-таки цель и что мы рождаемся не просто для того, чтобы жить и умирать подобно животным. И, продолжая подтверждать смысл творения, евреи будут находить утешение в наказе, трижды повторенном в благородной первой главе Книги Иисуса Навина: «Будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь, Бог твой, везде, куда ни пойдешь».

Эпилог

В своих *«Иудейских древностях»* Иосиф Флавий описывает Авраама как «человека великой прозорливости», который обладал «более высокими понятиями о добродетели, чем современники». И потому он «решил полностью изменить взгляды, которые в то время все имели о Боге». Один из способов подвести итог 4000 лет еврейской истории состоит в том, чтобы спросить себя: а что бы произошло с человеческим родом, если бы Авраам не был человеком высокой прозорливости, или если бы он оставался в Уре, придержал свои высокие идеи при себе, и никакого специфического еврейского народа не возникло. Несомненно, что мир без евреев отличался бы от нынешнего радикальнейшим образом. Конечно, вполне может быть, что человечество рано или поздно дошло бы до всех еврейских открытий. Но полной уверенности в этом нет. Все величайшие концептуальные открытия разума представляются нам очевидными и неизбежными, когда они уже сделаны, но необходимо присутствие гения, чтобы сформулировать их в первый раз. Евреи обладали этим даром. Им мы обязаны идеей равенства перед законом, как божественным, так и человеческим; святости жизни и достоинства человеческой личности; индивидуального сознания и потому личного искупления; коллективного сознания и вытекающей отсюда социальной ответственности; мира как абстрактного идеала и любви как фундамента справедливости, а также многих других идей, создающих основу морального багажа, в котором существует человеческое сознание. Без евреев эта сцена, на которой действует человечество сегодня, была бы много более пустой.

Но самое главное, что евреи научили нас рационализировать непознанное. Результатом этого явился монотеизм и три великие религии, которые его используют. Вообразить, как бы выглядел мир без них, – почти за пределами возможностей нашего воображения. И, надо сказать, интеллектуальное проникновение в область неизвестного не ограничилось идеей одного Бога. По сути, монотеизм можно рассматривать и как этап на пути, который ведет людей к тому, чтобы избавиться от идеи Бога. Евреи первыми свели пантеон идолов к одному Высшему Существо; вслед за этим начался процесс рационализации Его вплоть до полного исчезновения. С учетом всей исторической перспективы Авраам и Моисей могут представляться менее важными, чем Спиноза. Ибо влияние евреев на человечество было

изменчивым. В древности они стали великими новаторами в религии и морали. В Темную эпоху и в Европе раннего средневековья они были все еще среди передовых наций и, случалось, делились познаниями и техническими достижениями. Постепенно их выбросили из кареты, и они отставали все больше и больше, пока не оказались в конце XVIII столетия в презираемом и абскурантистском арьергарде цивилизованного человечества. И вдруг происходит удивительный второй взлет творческих способностей нации. Вырвавшись из своих гетто, они вновь преобразовали человеческое мышление, на этот раз в светской сфере. Значительная часть интеллектуального реквизита в пьесе современного мира несет на себе клеймо еврейского авторства.

Евреи были не просто новаторами. Они были также и лицом всего человечества, высвечивая в чистом и возвышенном виде все дилеммы, неизбежно встающие перед человеком. Они были воплощенными «пришельцами и странниками». Но разве не являемся и все мы таковыми на этой планете, лишь арендуя свой надел? Евреи были символом бездомного и уязвимого человечества. Но разве не есть вся Земля не что иное, как временное пристанище? Евреи были яростными идеалистами, боровшимися за совершенство, и в то же время хрупкими мужчинами и женщинами, мечтавшими о собственной чаше с похлебкой и личной безопасности. Они хотели повиноваться немислимому Закону Божьему и в то же время остаться в живых. И дилемма еврейского сообщества в древности состояла в том, чтобы попытаться сочетать моральное превосходство теократии с практическими нуждами государства, способного защитить себя. Эта дилемма возродилась в наши дни в форме государства Израиль, основанного для того, чтобы воплотить гуманные идеалы; на практике же оказалось, что ему необходимо быть безжалостным просто для того, чтобы выжить во враждебном мире. Но разве не эта же проблема вновь и вновь встает перед всеми человеческими существами? Мы все хотим построить свой Иерусалим, но вновь и вновь сползаем вниз к городам на равнине. Такое впечатление, что роль евреев состоит в том, чтобы сфокусировать и драматизировать этот общий опыт человечества, обратив свою собственную судьбу во всеобщую мораль. Но если евреи играют эту роль, то кто написал ее для них?

Историки должны остерегаться искать некую божественную связь и логику в событиях. Найти ее слишком легко, тем более что мы – существа легковверные, рожденные для того, чтобы верить, и с могучим воображением, которое легко продуцирует и подгоняет данные под любую трансцендентную схему. Впрочем, излишний скептицизм может привести к столь же серьезным искажениям, что и излишняя доверчивость. Историк должен принимать во внимание свидетельства всякого рода, в том числе и такие, которые являются метафизическими или производят впечатление таковых. Если бы первые евреи могли проследить вместе с нами историю своего потомства, они бы совершенно не удивились. Они всегда знали, что еврейскому обществу предначертано быть «авангардным проектом» для всего рода людского. То, что еврейским дилеммам, драмам и катастрофам суждено быть показательными, чем-то большим, чем просто факты жизни, показалось бы им абсолютно естественным. То, что евреи в течение тысячелетий будут объектом несравнимой и необъяснимой ненависти, было достойно сожаления, но, в сущности, вполне предсказуемо. Так же, как и то, что евреи выживут тогда, когда все эти древние народы расплутятся и растворятся в тумане истории. Да и как может быть иначе? Провидение выразило свою волю, евреи повиновались. Историк может возразить, что нет такого фактора – Провидение. Может быть, и нет. Но человеческая вера в него, как в историческую силу, если она достаточно сильна и упорна, сама становится силой, вращающей колесо истории. Евреи верили в то, что являются особенным народом, так единодушно и страстно и на протяжении столь длительного времени, что стали им. Они играют свою роль потому, что сами написали ее для себя. И в этом, пожалуй, ключ к их истории.

Об авторе

Пол Джонсон родился в 1928 г., получил образование в Стоунхерсте и Колледже Магдалены в Оксфорде. После службы в армии, где он дослужился до капитана, работал в Париже заместителем главного редактора французского ежемесячника «Реалитэ» в 1955– 70 годах, последние 6 лет – главным редактором. Печатался в ряде наиболее популярных газет и журналов мира, посетил все пять континентов, давал репортажи о событиях, брал интервью у президентов и премьер-министров для прессы и телевидения и выступал с лекциями перед академической и деловой общественностью. П. Джонсон – автор более 30 книг. Его «Современность: мировая история 20-х – 90-х годов» стала мировым бестселлером, переведенным на многие языки. А его «История христианства» и «Популярная история евреев» стали фактически образцовыми работами на эти темы на пяти континентах. Он был советником Маргарет Тэтчер и Тони Блэра. Пол Джонсон женат на Мериголд Джонсон, у них четверо взрослых детей и шесть внуков. Живет в Лондоне и Сомерсете. Любимые занятия – рисование и прогулки по окрестным холмам.

Словарь

АГГАДА. Неофициальная часть Талмуда, а также мидраш, сказания, фольклор, легенды и т. д. как противоположность Закону (галаха).

АЛИЯ. «Восходящие»; эмигрирующие в Израиль; приглашенные читать Закон в синагоге.

АМ-ГААРЕЦ. Дословно «люди земли»; может означать «туземцы», иногда используется в оскорбительном смысле с намеком на невежественность; общность, народ в целом.

АМОРАИМ. Еврейские богословы III–VI веков н.э., авторы «Гемары» .

АШКЕНАЗИ. Немецкие евреи; западно-, центрально- и восточноевропейские евреи – в противоположность евреям-сефардам.

БААЛЬ-ШЕМ. «Хозяин Святого Имени»; ученый-каббалист, который знает, как использовать силу Святого Имени; ученый человек, обычно хасид.

БАР. «Сын...» (такого-то) в именах собственных (арамейский). То же самое, что «Бен» (иврит).

БАР-МИЦВА. Введение 13-летнего еврейского мальчика в общину.

БЕТ-ДИН. Раввинистский суд.

ГАЛАХА. Общепринятые правила в раввинистском законе и часть Талмуда, связанная с юридическими вопросами, – в противоположность *аггаде* .

ГАЛУТ. Изгнание; изгнанная община.

ГАОН. Глава Вавилонской академии.

ГЕМАРА. Правила и пр., выработанные *амораим* , дополняющие Мишну и образующие часть Талмуда.

ГЕНИЗА. Хранилище священных писаний; обычно относится к библиотеке в Фустате (Старый Каир).

ГЕРЕМ. Бойкот.

ГЕТ. Еврейское свидетельство о разводе.

ГИСТАДРУТ. Федерация профсоюзов Израиля.

ГОЛЕМ. Искусственный человек, оживленный волшебством.

ДАЯН. Судья в раввинистском суде.

ДИАСПОРА. Собирательный термин для обозначения совокупности евреев, живущих вне Эрец-Израэля.

ЕШИВА. Раввинистская академия; *рош-ешива* – ее руководство.

ЗОХАР. Главный труд каббалы, мистический комментарий к Пятикнижию.

ИИШУВ. Поселение; еврейская община в Эрец-Израэль до создания там государства.

ЙОМ-КИПУР. День Искупления.

ИРГУН. Подпольное военное крыло ревизионистского движения в Израиле, 1931–49 гг.

КАББАЛА. Еврейский мистицизм. «Практическая каббала» – вид колдовства.

КАРАИТ. Член еврейской секты VIII века, которая отвергала Устный Закон или послебиблейское раввинистское учение, сохраняя верность только Библии.

КЕТУБА. Еврейский брачный контракт.

КИББУЦ. Еврейское поселение, обычно сельскохозяйственное, владеющее общей собственностью.

КИДДУШ. Благословение над вином, предшествующее шабату или праздничной трапезе.

КНЕССЕТ. Израильский парламент.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ИУДАИЗМ. Термин, используемый в Соединенных Штатах, для обозначения направления, видоизменяющего Закон таким образом, чтобы он отвечал современным потребностям, избегая в то же время радикальных изменений, свойственных реформистскому иудаизму.

КОНВЕРСОС. Испанский термин времен Средневековья и Возрождения для обозначения евреев, обращенных в христианство, и их потомков.

КОШЕРНАЯ. Пища, соответствующая еврейским диетическим правилам, или *кашруту*.

КОЭН. Еврей духовного происхождения или потомок Аарона.

ЛЕВИРАНТНЫЙ БРАК. Обязательное бракосочетание бездетной вдовы с братом покойного (Второзаконие, 25:5).

МАГГИД. Популярный проповедник хасидов.

МАЗОРЕТСКИЙ. Слово, характеризующее традиционное написание и произношение Библии.

МАРРАНОС. Тайные евреи, потомки насильственно обращенных в христианство в Испании и Португалии.

МЕЗУЗА. Стихи из Торы, прикрепленные на дверях в еврейском доме.

МЕНОРА. Семирожковая лампа, используемая в Храме. Восьмирожковый канделябр, используемый в праздник Хануки.

МИДРАШ. Демонстрируемая летопись или их собрание.

МИНЬЯН. Кворум (десять взрослых евреев) для общинной молитвы.

МИШНА. Свод положений еврейского Устного Закона.

МОХЕЛЬ. Специалист по обрезанию.

МОШАВ. Кооператив мелких хозяев в Израиле.

НАГИД. Глава еврейской общины в Средние века.

НАШИ. Глава Синедриона; еврейский князь; потомок Хилаля, признаваемого еврейским патриархом.

ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ ИУДАИЗМ. Традиционный иудаизм, основанный на строгом соблюдении Закона.

ПАЛЬМА. Профессиональная часть *хаганы*.

ПАРНАС. Главное официальное лицо синагоги или выборный глава мирян.

ПИЙЮТ. Праздник в ознаменование освобождения персидских евреев Эсфирью.

ПИЛПУЛ. Дискуссия или диспут талмудистов, зачастую по «тонким» вопросам.

РАВВИ (раввин). Дословно «господин», «учитель»; религиозный учитель.

РЕВИЗИОНИСТ. Последователь отколовшейся фракции сионистского движения, возглавляемой Жаботинским.

РЕСПОНСУМ. Письменный ответ на вопрос относительно Закона.

РЕФОРМИСТСКИЙ ИУДАИЗМ. Вариант еврейской веры, приспособляющий Закон к современным условиям.

РОШ ГА-ШАНА. Еврейский новогодний праздник.

СИДУР. Молитвенник.

СИНЕДРИОН (сангедрин). Верховный Суд ученых-богословов во Втором Содружестве.

СУКОТ. Праздник Кущей.
ТАЛЛИТ (талес). Молитвенная накидка.
ТАНКАИМ. Раввинисты-богословы периода Мишны.
ТАРГУМ. Арамейский перевод Библии с иврита.
ТЕФИЛЛИН. Филактерии, или маленькие кожаные коробочки, прикрепленные к руке или лбу во время молитвы.
ТОРА. Пятикнижие или его свиток; вся совокупность еврейских законов и учения.
ТОСЕФТА. Свод учения таннаим, связанного с Мишной.
УСТНЫЙ ЗАКОН. Противоположность письменной Торе или Библии; первая обнаруженная запись Мишны.
ХАГАНА. Еврейские силы самообороны во времена Британского мандата, которые стали ядром израильской армии.
ХАЗЗАН. Руководитель литургической службы.
ХАНУКА. Праздник в ознаменование победы Маккавеев над греками-язычниками.
ХАСИДИМ (хасиды). Последователи благочестивой разновидности иудаизма с сильным мистическим элементом, обычно в Восточной Европе.
ХАСКАЛА. Еврейская форма европейского просвещения XVIII века. Веривший в нее назывался *маскиль* .
ХЕДЕР. Начальная иудаистская школа.
ЦАДИК. Лидер хасидов, святой человек.
ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ. Граница 25 провинций царской России, где евреям было разрешено постоянное проживание.
ШАБАТ. Время от заката в пятницу до темноты в субботу.
ШАБЕТЕЕЦ. Последователь лже-мессии, Шабетаи Зеви.
ШАДХАН. Тот, кто делает спички (спичка – *шидух*).
ШАМОС. Служка синагоги.
ШЕЙТИ. Парик, который носят на людях женщины-ортодоксы.
ШЕХИНЬЯ. Дословно «жилище»; повсеместное присутствие Бога в мире.
ШЕМА. Иудаистская вера (Второзаконие, 6:4).
ШИКСА. Молодая женщина-нееврейка.
ШНОРРЕР. Профессиональный нищий.
ШОФАР. Рог литургического барана.
ШОХЕТ. Ритуальный забойщик скота.
ШТЕТЛЬ. Маленький еврейский городок в Восточной Европе.
ШУЛХАН АРУХ. Знаменитый кодекс еврейских законов Иозефа Каро.
ЭКЗИЛАРХ (экзарх). Светский глава евреев в Вавилоне.
ЭРЕЦ-ИЗРАЭЛЬ. Земля Израиля; Земля обетованная; Палестина.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)